Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Русское юридическое наследие

В. А. Томсинов

РОССИЙСКИЕ ПРАВОВЕДЫ XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества

Том 2

Издательство "Зерцало"

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет

В. А. ТОМСИНОВ

РОССИЙСКИЕ ПРАВОВЕДЫ XVIII—XX ВЕКОВ:

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Издание 2-е, дополненное

Том 2

Москва
Зерцало-М
2015

ББК 67.3 (2)
УДК 340
Т56

Т56 **Томсинов В. А.** Российские правоведы XVIII—XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х томах. Издание 2-е, дополненное. Том 2. М.: Зерцало-М, 2015. — (серия «Русское юридическое наследие»). — 472 с.
ISBN 978-5-94373-318-5 (обл.).

Очередные тома серии «Русское юридическое наследие» представляют в описаниях жизни и творчества российских правоведов (от В. Н. Татищева до И. А. Ильина) историю русской научной юриспруденции, ее эволюцию на протяжении XVIII и XX веков в рамках Российской империи и в среде русской послереволюционной эмиграции. Формирование и развитие научной юриспруденции происходило в России, как и в Западной Европе, главным образом, на юридических факультетах университетов. Поэтому данная книга содержит немало фактов также по истории юридического образования в России и в среде русской эмиграции.

Судьбы российских правоведов — особенно тех из них, которые являлись одновременно государственными деятелями или политиками (*В. Н. Татищев*, *императрица Екатерина II*, *М. М. Сперанский*, *К. П. Победоносцев*, *С. А. Муромцев*, *Ф. Ф. Кокошкин* и др.), — были тесно связаны с судьбой Русского государства, многие из них являлись активными участниками важнейших политических событий. Вследствие этого на страницах данной книги отражена политическая история России XVIII – начала XX века.

Содержание книги основано на документах — в том числе архивных, публикуемых впервые, — а также на мемуарах, дневниках и произведениях самих российских правоведов.

В каждом из очерков, включенных в книгу, помимо жизнеописания правоведа дается характеристика его как человека и ученого, приводятся наиболее интересные мысли из его произведений. Настоящая книга является своего рода **путеводителем по русской научной юриспруденции**, развивавшейся в рамках Российской империи в течение XVIII – начала XX века, а после ее крушения — в среде русских правоведов-эмигрантов.

Предназначается для студентов и преподавателей юридических вузов.

ISBN 978-5-94373-318-5

© Издательство «Зерцало», 2015
© В. А. Томсинов, 2015

Содержание

Борис Николаевич Чичерин *(1828—1904)* 1
Василий Васильевич Берви *(1829—1918)* 28
Иван Ефимович Андреевский *(1831—1891)* 40
Василий Иванович Сергеевич *(1832—1910)* 51
Николай Львович Дювернуа *(1836—1906)* 82
Илья Степанович Бердников *(1839—1915)* 92
Александр Дмитриевич Градовский *(1841—1889)* 102
Владимир Константинович Случевский *(1844–1926)* 115
Петр Евгеньевич Астафьев *(1846—1893)* 131
Николай Павлович Боголепов *(1846—1901)* 145
Леонид Алексеевич Камаровский *(1846—1912)* 167
Дмитрий Иванович Азаревич *(1848—1920)* 193
Николай Семенович Суворов *(1848—1909)* 206
Афиноген Яковлевич Антонович *(1848—1915)* 218
Сергей Александрович Бершадский *(1850—1896)* 229
Александр Иванович Загоровский *(1850 — после 1909)* 239
Юрий Степанович Гамбаров *(1850–1926)* 248
Сергей Андреевич Муромцев *(1850–1910)* 268
Александр Семенович Алексеев *(1851–1916)* 311
Александр Павлович Лопухин *(1852–1904)* 322
Павел Гаврилович Виноградов *(1854–1925)* 331
Леонид Сергеевич Белогриц-Котляревский *(1855–1908)* 382

Василий Николаевич Латкин *(1858–1927)* 396

Александр Александрович Башмаков *(1858–1943)* 413

Эдуард Николаевич Берендтс *(1860 – после 1924)* 452

Василий Никифорович Александренко *(1861–1909)* 464

Борис Николаевич Чичерин

(1828—1904)

БОРИС Николаевич Чичерин родился 26 мая 1828 года в селе Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии в старинной дворянской семье. Род русских дворян Чичериных выводил свое происхождение от итальянца Афанасия Чичерни (Чичерини), который приехал в Московию из Италии в 1472 году в составе свиты Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского властителя — императора Константина, выходившей замуж за великого князя Московского Ивана III[1]. По этому преданию, сын Афанасия Чичерни — Иван Афанасьевич — был первым в роду, кто стал именоваться Чичериным. На самом деле иностранное происхождение рода Чичериных являлось скорее всего мифом, созданным его представителями с целью добиться себе каких-либо благ от царя. Во всяком случае, фамилия «Чичерин» — вполне русская, а не иностранная фамилия. Слово «чичер», составляющее ее корень, приводится в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля как выражение тульского, орловского, тамбовского и рязанского говора, обозначающее «резкий, холодный осенний ветер с дождем, иногда и со снегом»[2].

---

[1] В своих мемуарах Б. Н. Чичерин рассказал о том, как однажды И. С. Тургенев спросил его: «Скажите, пожалуйста, вы не иностранного происхождения?» Борис Николаевич отвечал отрицательно. «По крайней мере, нет ли у вас иностранных предков?» — задал следующий вопрос писатель. «В генеалогии нашего рода значится, — отвечал Чичерин, — что родоначальник нашей фамилии прибыл из Италии в свите Софьи Фоминичны Палеолог, но это было при Иване III». «Вот, вот! Я так и знал, — воскликнул на это Тургенев. — Русский человек никогда не становится на обе ноги, а всегда на одну» (Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 99—100).

[2] Толковый словарь живого великорусского языка. Владимира Даля. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Том 4. СПб., М., 1882. С. 609.

Детство и отрочество Борис Чичерин провел в тамбовском имении Караул. Здесь он получил и первоначальное образование, изучая с помощью учителей иностранные языки, словесность, историю и другие предметы, входившие в программу гимназического обучения. Завершать же это образование ему пришлось в Тамбовской гимназии.

Отец будущего правоведа — Николай Васильевич Чичерин — родился в 1803 году. Как и большинство тогдашних молодых русских дворян, он состоял на военной службе. Но по каким-то причинам в возрасте 24 лет и в чине поручика вышел в отставку и поселился в Тамбовской губернии в своем родовом имении. Здесь он завел семью, женившись на дочери местного помещика Екатерине Борисовне Хвощинской, и занялся хозяйственными делами. Николай Васильевич оказался способным и удачливым торговцем. Посредством успешных торговых операций ему удалось значительно увеличить состояние, полученное от родителей. Семья Чичериных была многодетной: семеро сыновей и дочь, и всем своим домочадцам глава семейства сумел обеспечить достойную жизнь.

«Моя молодость протекла средь старого дворянского быта», — писал в своих мемуарах Б. Н. Чичерин. Усадьба, в которой проживала семья Чичериных, располагалась на холмистом берегу реки Вороны. Большой белый дом, в залах которого висели картины иностранных и русских художников: Веласкеса, Веронезе, Тропинина, Боровиковского, Васильева, Серова, Айвазовского, имелась богатая библиотека, насчитывавшая более четырех тысяч книг на русском и иностранных языках по искусству, истории, философии, дипломатии, праву, ухоженный парк, фруктовый сад, оранжереи, павильоны создавали комфортные условия для спокойной, размеренной жизни людей, проникнутых духовными интересами[1]. Историк К. Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897), окончивший юридический факультет в 1851 году, в течение двух с половиной лет после этого работал домашним учителем в семье Чичериных и соответственно проживал в имении Караул. Об отце Бориса Чичерина Константин Николаевич вспоминал: «Главную прелесть составлял хо-

[1] В этой усадьбе родился в 1872 г. племянник Бориса Николаевича Георгий Чичерин, будущий нарком иностранных дел в советском правительстве. В 1923—1927 гг. здесь был по его просьбе организован музей. В начале 90-х годов усадьба Чичериных сгорела и до сих пор не восстановлена.

зяин. Ум Николая Васильевича был один из редких широких умов, которому все доступно и который всегда избегает крайностей»[1]. Екатерина Борисовна Чичерина была под стать своему мужу. По воспоминаниям знавших ее людей[2], она являлась женщиной «достойной и замечательной по своему образованию».

В усадьбе Чичериных часто собирались для общения образованные, культурные люди из местных дворян. Здесь бывали, в частности, учившийся в Царскосельском лицее вместе с поэтом Пушкиным Тамбовский губернатор А. А. Корнилов, друг Пушкина и участник литературного кружка Н. М. Карамзина Н. И. Кривцов, братья Баратынские и др.

Вырастая в атмосфере культурной дворянской усадьбы, Борис Чичерин приобретал высокие духовные стремления. Благодаря добротному домашнему образованию он рано освоил иностранные языки: латынь, английский, немецкий, французский. Страсть к чтению книг захватила его с юности и не отпускала всю жизнь. Особый интерес он испытывал к произведениям по истории. «История Государства Российского Н. М. Карамзина была для него главной книгой.

В декабре 1844 года Борис Чичерин был привезен вместе с братом Василием[3] в Москву для подготовки к поступлению в Импера-

---

[1] Сборник отделения Русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1901. Том 67. С. 36—37.

[2] См., например: *Грот Н.* Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков. СПб., 1900 (главу 6 «Жизнь в Гельсингфорсе»).

[3] Василий Николаевич Чичерин (1829—1891), отец народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина в правительстве Советской России. После окончания Московского университета избрал себе дипломатическое поприще. Служил в должности секретаря российской дипломатической миссии в Турине при дворе короля Сардинии и Пьемонта, который был провозглашен впоследствии королем Италии Виктором-Эммануилом, затем состоял советником российского посольства в Париже. К 38 годам достиг чина действительного статского советника, был награжден орденами: Анны 2-й степени и Владимира 3-й степени, являлся кавалером французского ордена Почетного легиона. В 1867 г. душевнобольной двоюродный брат его жены Жоржины Егоровны — Р. К. Мейендорф нанес В. Н. Чичерину публичное оскорбление. По законам чести Василий Николаевич должен был вызвать обидчика на дуэль, но он счел для себя невозможным драться с больным родственником и вынужден был подать в отставку. Желая показать себя храбрым, он поступил в 1877 г., после начала войны России с Турцией, на службу в Красный Крест. На полях сражений, под огнем турок он оказывал помощь раненым русским солдатам. Пребывание на войне подорвало здоровье В. Н. Чичерина. В 1891 г. болезнь легких свела его в могилу.

торский Московский университет. Семь месяцев он обучался всеобщей истории у Т. Н. Грановского[1], слушал лекции С. П. Шевырева, учил с помощью приглашенных преподавателей географию, латинский язык, немецкую литературу, русский язык, латынь, древнегреческий язык, математику, физику, закон божий.

В августе 1845 года Борис Чичерин (как и его брат Василий) успешно сдал экзамены и поступил на юридический факультет Московского университета.

О том, что представлял собой данный факультет во второй половине 40-х годов XIX века, как преподавались здесь юридические науки и какими были профессора, Б. Н. Чичерин подробно описал в своих мемуарах[2]. «Первый курс был составлен отлично, — вспоминал он. — Редкин читал юридическую энциклопедию, Кавелин — историю русского права, Грановский — всеобщую историю, Шевырев — словесность. Терновский читал богословие, которое в то время требовалось строго. Наконец, ко всему этому прибавлялся латинский язык, который преподавал лектор Фабрициус, хороший латинист, но не умевший заинтересовать студентов... От немецкого языка, который читался на том же курсе, мы были избавлены, потому что на экзамене получили по 5»[3].

Одним из важнейших предметов на первом курсе юридического факультета была юридическая энциклопедия. Преподававший ее экстраординарный профессор П. Г. Редкин (1808—1891) снискал среди студентов славу интересного лектора. Однако студенту Борису Чичерину Петр Григорьевич поначалу совсем не понравился. Придя на первую лекцию Редкина, он увидел полную аудиторию студентов, ожидавших появления профессора. Наконец тот появился и, усевшись на кафедре, громовым голосом воскликнул: «Зачем вы собрались здесь в таком множестве?» Оказалось, что это были первые слова лекции, в которой «в напыщенной форме говорилось, что студенты пришли в университет искать правды, которая есть начало права». Как вспоминал потом Чичерин, «масса была увлечена и неистово рукоплескала. Но я остался холоден; мне эта напыщенная форма не понравилась. Столь же мало я был удовлет-

[1] «Но, без сомнения, важнейшее, что мы приобрели в это приготовительное к университету время, — вспоминал впоследствии Б. Н. Чичерин, — дано было уроками Грановского» (Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 16).

[2] См.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов / Вступительная статья и примечания С. В. Бахрушина. М., 1929.

[3] Там же. С. 36.

ворен и следующими лекциями. Я искал живого содержания, а мне давали формальное и пространное изложение общих требований науки»[1]. Показав свои конспекты лекций Редкина своему отцу, Борис Чичерин с удивлением услышал, что тот ими вполне доволен и полагает, что для молодых умов «подобная умственная дисциплина весьма полезна». Поразмыслив над этими словами, Борис пришел к выводу, что отец был прав. И сам он после этого «чем более слушал профессора, тем более ценил достоинство его курса, несмотря на довольно существенные недостатки его преподавания»[2]. Но бывают ли университетские преподаватели без недостатков какого-либо рода?

Годы спустя, когда П. Г. Редкин преподавал на юридическом факультете в Санкт-Петербурге, Борис Чичерин посетил его дома. «Когда я входил в его комнату, — вспоминал он об этом посещении, — мне казалось, что я дышу иной атмосферой, проникнутой духом давно прошедшего времени; я видел перед собою человека, жившего среди великого движения умов, заставшего в Берлине еще свежие предания Гегеля, слушавшего Ганса и Савиньи и сохранившего от того времени живой интерес к философским вопросам, а вместе и серьезное их понимание, понимание, совершенно заглохшее и затерявшееся у современников. С ним можно было поговорить, как встарь, и отдохнуть умом от пошлости новейших ученых. Я навек остался ему благодарным учеником. Ему я обязан первым своим философским развитием»[3].

В отличие от лекционного курса профессора Редкина лекции Константина Дмитриевича Кавелина (1818—1885) по истории русского права были напрочь лишены философской мысли. По словам Б. Н. Чичерина, «в основание своего курса Кавелин полагал изучение источников, не внося в них никакой предвзятой мысли. Он брал факты, как они представлялись его живому и впечатлительному уму, и излагал их в непрерывной последовательности, с свойственным ему ясностью и мастерством, не ограничиваясь общими очерками, а постоянно следя за памятниками, указывая на них и уча студентов ими пользоваться»[4].

---

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. С. 36.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 38.

[4] Там же. С. 39.

Из профессоров, читавших лекции на первом курсе юридического факультета, Б. Н. Чичерин особо выделял Т. Н. Грановского. «Если Редкин мог дать толчок философскому мышлению, если у Кавелина можно было научиться основательному изучению истории русского права по памятникам старины, то широкое историческое понимание можно было получить только у Грановского», — вспоминал впоследствии Борис Николаевич. По его словам, «Грановский был идеалом профессора истории. Он не был архивным тружеником, кропотливым исследователем фактов, да это вовсе и не требовалось в России в тогдашнее время. В русской истории необходимо было прежде всего тщательное изучение памятников, ибо тут было совершенно невозделанное поле, и все приходилось перерабатывать вновь. Но для всеобщей истории нужно было совершенно иное: надобно было познакомить слушателей с смыслом исторических событий, с общим ходом человечества в его поступательном движении, с теми идеями, которые развиваются в истории»[1].

«Второй курс был составлен не хуже первого, — продолжал Борис Чичерин свой рассказ об учебе на юридическом факультете. — Редкин читал государственное право, Чивилев — политическую экономию и статистику, Грановский — историю Средних веков, Соловьев — русскую историю, Катков — логику, наконец, Крылов — историю римского права»[2].

Лекции профессора Н. И. Крылова считались в среде студентов юридического факультета Московского университета явлением необыкновенным. С. А. Муромцев, учившийся здесь с 1867 по 1871 год и заменивший Крылова по кафедре римского права в 1875 году, вспоминал в 1880 году о своем учителе: «Без малого сорок выпусков юристов, получивших свое образование в стенах Московского университета, слушало лекции Крылова. В среде бывших его слушателей насчитывается множество людей самых разнообразных профессий и положений, не всегда близких к юриспруденции; но в воспоминаниях и отзывах редкого о Крылове не послышится в той или другой степени восхищение, возбужденное необыкновенным талантом профессора»[3]. Чичерин оказался редким исключением сре-

---

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. С. 41.

[2] Там же. С. 58.

[3] Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 20-ти книгах. Кн. 15. СПб., 1901. С. 244—245.

ди тех, кто слушал Н. И. Крылова. «Весь курс истории римского права был крайне поверхностен, чтобы не сказать более», — отозвался Борис Николаевич о его лекциях в своих воспоминаниях, заметив далее с нескрываемой неприязнью: «Нет сомнения, что он когда-то предмет свой слушал за границей и слегка изучал, но со временем многое забылось и перепуталось в его голове. По неряществу и лени он не думал наводить справок и обновлять свои сведения. Знание заменялось виртуозностью; не заботясь о том, что действительно было, он рисовал эффектные картины, которыми и удовлетворялись неподготовленные слушатели»[1]. Лекциям по институтам вещного и семейного римского права, которые профессор Крылов читал на третьем и четвертом курсе, студент Чичерин поставил более высокую оценку: «Сила Крылова заключалась, впрочем, не в историческом изложении, а в развитии догмы. Здесь несмотря на все его недостатки, проявлялись ум, талант и юридическое чутье. Если в сравнении с основательными и даровитыми профессорами второго курса преподавание его представлялось серьезно занимающимся студентам не более как блестящею мишурою, то на высших курсах он являлся во всем своем блеске, как гигант среди пигмеев»[2].

Описывая далее свои впечатления об учебе в Московском университете, Чичерин отметил: «Со вторым курсом кончилось собственно университетское преподавание, которое вполне заслуживало это название, и способно было руководить студентов в научных занятиях, развивая их ум, доставляя им богатый запас сведений, научая их основательному изучению предмета. Высшие курсы были посвящены специально юридическим наукам, но именно последние большею частью были представлены крайне слабо. Здесь господствовали Баршев, Лешков, Морошкин, к которым примыкал совершенно ничтожный курс церковного права, читанный тем же священником Терновским. Из всех их своею яркою даровитостью отличался Крылов, а своею основательностью только что вернувшийся из-за границы молодой адъюнкт Мюльгаузен, шурин Грановского, который на 4-м курсе читал финансовое право»[3].

В своих научных пристрастиях студент Чичерин определился еще во время учебы на первых двух курсах — он решил заняться

[1] Воспоминания Б. Н. Чичерина. М., 1991. С. 49.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 63.

историей русского права и государственным правом. Вместе с тем его привлекала к себе не только юриспруденция, но и такие науки, как история, философия, экономика. Об увлечении Бориса Чичерина гегелевской философией на юридическом факультете ходили легенды: студенты-сокурсники звали его за это увлечение «Гегелем».

По завершении в 1849 году университетского курса Борис Чичерин возвратился в отцовское имение — село Караул для подготовки к магистерскому экзамену. 8 и 14 декабря 1851 года, а также 19 января 1852 года он держал экзамен на степень магистра государственного права[1] и получил оценку «удовлетворительно»[2]. После этого ему можно было непосредственно заняться подготовкой магистерской диссертации. «В марте 1852 года, — вспоминал впоследствии Борис Чичерин, — я отправился в деревню, взяв с собою Собрание Государственных Грамот и Договоров, Акты Археографической Экспедиции, Акты Исторические и Юридические. Полтора года я добросовестно их изучал, делал выписки, писал и к концу 1853 года представил в факультет готовую диссертацию: «Областные учреждения России в XVII-м веке»[3].

Реакция профессоров юридического факультета, решавших вопрос о допуске магистерской диссертации Чичерина к защите, была неожиданной для него. Декан факультета С. И. Баршев заявил соискателю, что древняя администрация России представлена в диссертации «в слишком непривлекательном виде, а теперь такое время, что цензура не пропускает даже ссылки на слова великого князя Владимира: «Руси есть веселие питии»[4]. Профессор кафедры энциклопедии законоведения и российских государственных законов С. Н. Орнатский сказал Чичерину, что его диссертация есть не что иное, как пасквиль и ругательство на Древнюю Русь, и что он ее ни за что не пропустит. Услышав эти отзывы, Борис Николаевич попросил профессора Баршева допустить к защите ту часть дис-

[1] «В то время для магистерского экзамена, кроме государственного права, требовалось еще полицейское и финансовое, и затем, как второстепенные предметы, политическая экономия и статистика» (Воспоминания Б. Н. Чичерина. С. 87).

[2] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 26. Д. 66. Л. 3. В своих воспоминаниях Борис Николаевич сообщает, что магистерские экзамены начались в конце ноября 1851 г. Но из документов следует, что первый день экзаменов Б. Н. Чичерина пришелся на 8 декабря.

[3] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. С. 121—122.

[4] Там же. С. 122.

сертации, которая состоит сплошь из описания фактов и содержит минимум рассуждений. Он представил декану несколько переработанную и расширенную главу о губных старостах и целовальниках. Но через некоторое время Баршев объявил Чичерину, что и этот вариант диссертации факультет пропустить не может, поскольку в нем также высказываются мысли, которые ему не нравятся. «Передо мною, — писал Чичерин об этом случае в своих мемуарах, — без малейшего повода, запиралась дверь к ученому и литературному поприщу, и это делалось с таким пошлым равнодушием, с таким возмутительным пренебрежением к мысли, труду, знаниям и стремлениям молодого человека, что это одно уже может служить признаком того низкого уровня, на который пал некогда столь славный Московский университет. Всякий нравственный элемент исчез на юридическом факультете. Кроме пошлости, невежества и мелочных личных целей и отношений ничего в нем не осталось»[1].

По совету Грановского Чичерин отправился попытать счастья в Санкт-Петербург, надеясь на то, что его магистерскую диссертацию допустят к защите на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Но и здесь он потерпел неудачу.

Вступление на императорский престол Александра II изменило духовную атмосферу в Московском университете, и на заседании, состоявшемся 2 июня 1856 года, Совет юридического факультета допустил диссертацию Б. Н. Чичерина к защите. В тексте протокола данного заседания была внесена следующая (весьма любопытная в свете того, что происходило с диссертацией Чичерина тремя годами ранее) запись: «Факультет, обращая внимание на ученое достоинство означенного печатного сочинения, единогласно признал его достойным той степени, на которую оно представлено. Ординарный профессор С. Н. Орнатский, рассматривая только ученую сторону сочинения, находит его вполне удовлетворительным для магистерской степени»[2].

Защита Чичериным диссертации на степень магистра государственного права состоялась 21 декабря 1856 года на заседании Ученого совета юридического факультета Московского университета. Перед этим событием она вышла в свет отдельной книгой[3].

---

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. С. 122.

[2] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 26. Д. 66. Л. 3. А также: Фонд 418. Оп. 463. Д. 17. Л. 22, 34.

[3] См.: *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856.

Официальными оппонентами Б. Н. Чичерина на этой защите были ординарный профессор В. Н. Лешков и исправляющий должность адъюнкта И. Д. Беляев, а также депутаты Университетского совета М. Ф. Спасский и С. М. Соловьев. С оценкой диссертации Чичерина выступили декан юридического факультета С. И. Баршев, Н. И. Крылов и О. М. Бодянский. По воспоминаниям Чичерина, профессор Крылов «произнес блестящую речь, в которой, воздавая мне хвалу, он хотел предостеречь бывшего слушателя от односторонних увлечений. По его мнению, я взглянул на древнюю Россию с чисто отрицательной точки зрения, изобразил ее в самых мрачных красках, представил такой порядок вещей, в котором человеку просто невозможно жить. Воодушевляясь, он, наконец, вскочил со стула и воскликнул: «Если бы все это было так, как Вы описываете, я бы просто взял свой чемодан и уехал».

17 июня 1857 года Императорская Санкт-Петербургская Академия наук присудила Б. Н. Чичерину за его работу «Областные учреждения России в XVII веке», изданную в 1856 году в качестве книги и защищенную на степень магистра государственного права, Демидовскую премию[1].

К этому времени Б. Н. Чичерин приобрел известность в качестве яркого публициста, автора интересных статей по вопросам внешней политики и внутреннего развития Российской империи: «Восточный вопрос с русской точки зрения», «Священный союз и австрийская политика», «Об аристократии, в особенности русской», «Современные задачи русской жизни» и др. Эти статьи принесли Чичерину славу одного из главных идеологов либерализма.

В конце апреля 1858 года Б. Н. Чичерин отправился в заграничную командировку для подготовки к профессорской деятельности. Перед этим (25 апреля) Министерство народного просвещения дало согласие на его назначение по возвращении из-за границы преподавателем государственного права на юридическом факультете Московского университета[2].

В течение трех лет Б. Н. Чичерин путешествовал по европейским странам: Италии, Австрии, Франции, Германии, Англии, встречался с известными людьми — с Лоренцем Штейном[3],

[1] См.: ЖМНП. 1857. Ч. 95. Отдел VII. С. 69.

[2] См.: ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 27. Д. 617. Л. 3.

[3] См.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. М., 1932. С. 22—23.

А. И. Герценом[1], Луи-Адольфом Тьером[2] и др., слушал лекции в университетах и работал в библиотеках Англии, Германии, Италии и Франции.

С немецким государствоведом, историком и экономистом Лоренцем Штейном (1815—1890) Чичерин познакомился в Вене. Около часа Борис Николаевич провел с ним «в увлекательной беседе об общих научных вопросах»[3]. «Я был совершенно очарован, — вспоминал Чичерин об этой беседе. — Тут я в первый раз почувствовал, что такое истинно-научная атмосфера, в которой живут люди, и которая побуждает их смотреть на вопросы спокойно и просто, видеть в них не дело партии или повод к ожесточенным препирательствам, а предмет серьезного объективного исследования. Я узнал человека, самостоятельно работающего для науки, владеющего всеми ее средствами, открывающего в ней новые горизонты, но чуждого всякой заносчивости, всякого шарлатанства и самохвальства. Самые ошибки являлись у него не плодом легкомыслия, хватающего верхушки, а результатом добросовестно обдуманной, хотя и недостаточно обследованной, мысли. Вместо рьяных споров, служивших только поприщем для бесплодной гимнастики ума, тут является возможность спокойного обмена мыслей, из которого выносишь полное умственное удовлетворение»[4].

Разговор с А. И. Герценом, с которым Б. Н. Чичерин встретился в Лондоне, произвел на него гнетущее впечатление. Борис Николаевич предпринял попытку убедить издателя «Колокола» в необходимости изменить направление пропаганды — перейти от страстного обличения политических порядков, существующих в России, брани в адрес русских государственных деятелей, к спокойному и мудрому анализу внутреннего состояния русского общества. Чичерин был убежден, что «у нас можно действовать только через правительство» и поэтому рассматривал самодержавную власть в качестве силы, способной сплотить вокруг себя умеренных сторонников преобразований, отстранив от дела реформ реак-

---

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 49—53.

[2] Встреча и беседа Чичерина с известным французским историком и государственным деятелем Луи-Адольфом Тьером (*Louis Adolf Thiers,* 1797—1877) произошла в Париже. См.: там же. С. 117.

[3] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 21.

[4] Там же. С. 22—23.

ционеров и радикалов[1]. Но Герцен был непреклонен в своей страсти обличать все русское.

Позднее Чичерин писал о разговоре с Герценом: «В сущности у него был ум совершенно вроде изображенного им доктора Крупова, склонный к едкому отрицанию и совершенно неспособный постичь положительные стороны вещей. В практических вопросах дело обстояло еще хуже. Когда я указывал ему на необходимость трезвого и умеренного образа действий при предстоящих в России великих преобразованиях, он отвечал, что это чисто дело темперамента... Меня это взорвало. Ссылаться на темперамент, отвечать лёгоньким издевательством, когда дело идет о благе отечества, о важнейших его интересах, о величайших преобразованиях, изменяющих весь его исторический строй, казалось мне недостойным не только возвышенного ума, но и благородного сердца»[2].

Поехав после разговора с Герценом во Францию, Чичерин написал ему оттуда письмо, в котором, продолжая с ним спор, заметил, что новейшие известия из России находятся «в полном противоречии с тем, что сообщали Герцену его корреспонденты». Герцен ответил на этот упрек Чичерина на страницах «Колокола»: «Нас упрекают свирепо красные демократы в том, что мы мирволим Александру II, хвалим его, когда он делает что-нибудь хорошее и верим, что он хочет освобождения крестьян. Нас упрекают славянофилы в западном направлении. Нас упрекают западники в славянофильстве. Нас упрекают прямолинейные доктринеры в легкомыслии и шаткости, оттого что мы зимой жалуемся на холод, а летом, совсем напротив, — на жару».

Борис Николаевич был возмущен, когда прочитал эти строки. Он написал Герцену письмо, которое попросил поместить в «Колоколе», и до конца 1858 года оно было напечатано в этом издании. В 1862 году сокращенный вариант данного письма Чичерин

---

[1] В своих мемуарах Б. Н. Чичерин писал, что «выехал из России с глубочайшим отвращением от существующей у нас общественной среды — от бестолковой брани, от возмутительного легкомыслия, от пренебрежения к труду, от раздражительного самолюбия, от самодовольного невежества, от ничем не возмутимой наглости и от беспредельного эгоизма... Если у нас делается что-нибудь порядочное, так это единственно благодаря правительству» (Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 64).

[2] См.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 51—52.

включил в сборник своих статей под названием «Несколько современных вопросов»[1].

«Милостивый государь! — обращался Чичерин к Герцену. — В последнем листе «Колокола» Вы, с свойственной Вам энергией, отвечали на упрек в шаткости, в легкомыслии, который слышится Вами с разных сторон. Упрек этот, с некоторыми другими, повторяется, смею сказать, значительною частию мыслящих людей в России. Признаюсь, я также в нем виновен, и не отступаюсь от своего мнения — после вашего ответа; мне кажется даже, что вы не совсем поняли, в чем вас именно упрекают или, может быть, упрек дошел до вас в искаженном виде. Позвольте же мне объяснить это несколько подробнее»[2]. И после этого на нескольких страницах Борис Николаевич раскрывал Герцену порочность той формы политической пропаганды, которую тот вел и продолжает вести посредством своего «Колокола», объяснял ему, каким должен быть настоящий политический деятель. «Мы слышим от вас не слово разума, а слово страсти, — писал Чичерин. — Вы сами в этом сознаетесь; мало того, Вы даже с некоторым удовольствием выставляете это напоказ и с презрением отзываетесь о людях обдуманных, точных, которые, не увлекаясь сами, не увлекают и других. Вы — человек, брошенный в борьбу, Вы исходите страстной верой и страстным сомнением, истощаетесь гневом и негодованием, впадаете в крайность, спотыкаетесь много раз. Это ваши собственные слова. Но неужели это требуется от политической деятельности? Я полагал, что здесь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное понимание вещей, спокойное обсуждение цели и средств; я полагал, что политический деятель, который истощается гневом, спотыкается на каждом шагу, носится туда и сюда по направлению ветра, тем самым подрывает к себе доверие; что, впадая в крайность, он губит собственное дело. Необузданные порывы могут иметь поэтическую прелесть, но в общественных делах прежде всего требуется политический смысл, политический такт, который знает меру и угадывает пору; здесь нужна не страсть, влекущая в разные стороны, а разум, познающий и созидающий»[3].

---

[1] См.: *Чичерин Б. Н.* Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 9—19.

[2] Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 20-ти книгах. Кн. 15. СПб., 1901. С. 249.

[3] Там же. С. 250—251.

Далее Чичерин пояснял Герцену, что в России «совершаются великие гражданские преобразования, распутываются отношения, созданные веками». Реформы касаются самых живых интересов общества, затрагивают его в самых глубоких недрах. «Какая искусная рука нужна, чтобы примирить противоборствующие стремления, согласить враждебные интересы, развязать вековые узы, чтобы путем закона перевести один гражданский порядок в другой! Здесь также есть борьба, но борьба другого рода, без сильных эффектов, без гневных порывов, борьба обдуманная, осторожная, озаренная мыслию, неуклонно идущею по избранному пути. В такую пору нужно не раздувать пламя, не растравлять язвы, а успокаивать раздражение умов, чтобы вернее достигнуть цели»[1].

В марте 1860 года Чичерин, пребывавший в то время в Париже, получил известие о смерти своего отца. Он немедленно отправился в Россию. Проведя весну в своем тамбовском имении, Борис Николаевич отправился в конце мая в Лондон. Здесь он занимался изучением английских законов и трудов известных правоведов — в первую очередь, Уильяма Блэкстоуна (1723—1780), посещал заседания парламента, судебные процессы, беседовал с английскими адвокатами[2].

28 марта 1861 года на заседании Совета Московского университета было рассмотрено донесение юридического факультета о том, что «магистр государственного права, уже известный в нашей юридической литературе своими сочинениями, Борис Чичерин, несколько лет изучающий избранный им предмет в заграничных европейских университетах, и предназначенный г. Министром народного просвещения к занятию кафедры государственного права и энциклопедии законов в здешнем университете, к сентябрю месяцу настоящего года возвращается в Москву». На основании этого Юридический факультет, имея в виду желание Чичерина занять кафедру государственного права и энциклопедии законоведения, и «принимая в уважение его ученую известность», признал его «весьма достойным к занятию должности экстраординарного профессора по означенной кафедре» и просил сделать надлежащее распоряжение. Члены университетского совета прибегли к положенному в таких случаях голосованию. В результате его оказалось, что «ма-

[1] Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 20-ти книгах. Кн. 15. С. 251.

[2] Там же. С. 108—109.

гистр Чичерин избран в звание исправляющего должность экстраординарного профессора большинством 23 голосов против 3»[1].

С осени 1861 года Б. Н. Чичерину предстояло приступить к чтению лекционного курса студентам юридического факультета. Желая посвятить лето подготовке данного курса, Борис Николаевич покинул в конце мая Париж и направился в свое тамбовское имение Караул.

«Я возвращался на родину после трехлетнего путешествия, — писал он в мемуарах, — с богатым запасом новых сведений и впечатлений. Европа дала мне все, что могла дать. Я собственными глазами видел высшее, что произвело человечество, в науке, в искусстве, в государственной и общественной жизни. И я не мог не убедиться, что все это бесконечно превосходило то, что я оставил в своем отечестве. Это не был своеобразный, отмеченный особою печатью мир, противоположный России, как уверяли славянофилы. Нет, в противоположность однообразной русской жизни, вылитой в один тип, где на монотонном сером фоне незатронутой просвещением массы и повального общественного раболепства, кой-где мелькали огоньки мысли и просвещения, я находил тут изумительное богатство идей и форм; я видел разные народы, каждый с своим особенным характером и стремлениями, которые, не отрекаясь от себя, но при постоянном взаимнодействии с другими, совокупными усилиями вырабатывали плоды общей цивилизации. Еще менее я мог заметить признаки мира разлагающегося. Напротив, рядом с отживающими формами я видел зарождение новых, свежих сил, исполненных веры в будущее. Эти силы были еще неустроенны; впереди предстояло им еще много борьбы, усилий, может быть временно попятных шагов и разочарований. Но цель была намечена, и веющее повсюду могучее дыхание мысли и свободы обеспечивало успех. Глядя на Европу, невозможно было сомневаться в прогрессивном движении человечества.

Но вместе с тем я глубоко чувствовал, что вся эта раскрывающаяся передо мною в таком блеске Европа, со всем изумительным богатством явлений, были мне чужды и что я всем моим существом принадлежу своей однообразной, убогой, погруженной в мрак невежества родине, которая одна затрогивала самые заветные струны

[1] Протокол заседания Совета Императорского Московского университета 28 марта 1861 г. // ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 30. Д. 85. Л. 2.

моего сердца»[1]. Приведенные слова выражали не случайные настроения, но устойчивые чувства. За несколько месяцев до своего отъезда из Франции в Россию Борис Николаевич писал брату Василию, выбравшему себе дипломатическое поприще, а значит — жизнь на чужбине: «Все чужое мне до смерти надоело. Ни за что бы я не пошел в дипломатическую карьеру. Не презирать отечество с высоты европейского просвещения, а усвоить для него плоды этого просвещения и, может быть, вложить в него свою лепту, распространить в родной земле хотя бы неслышными и незаметными путями добытые человечеством умственные блага, сеять на тучной, но необработанной русской ниве взрощенные Европой семена мысли и свободы, такова была задача, которую я себе поставил, такова была отныне цель моей деятельности. Европой я мог любоваться, но жить и действовать я мог только в России»[2].

28 октября 1861 года исправляющий должность экстраординарного профессора Чичерин прочел на юридическом факультете Московского университета вступительную лекцию по курсу государственного права. «Закон связывает во единое тело разрозненные лица, подчиняя их единой государственной власти, — говорил он студентам. — Повиновение закону — вот первое требование правды, первый признак гражданственности, первое условие свободы. Свобода анархическая — преддверие деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, может установить прочный порядок»[3].

Высказывавшаяся Чичериным в публицистических статьях идея предпочтительности преобразования России «сверху» была замечена в среде сановников, окружавших императора Александра II. В частности, она привлекла внимание А. М. Горчакова, который имел в то время на государя огромное влияние. На основании рекомендации Горчакова Б. Н. Чичерин был приглашен читать лекции по государственному праву цесаревичу Николаю Александровичу. «Милостивый Государь! — обращался к Чичерину летом 1862 года попечитель наследника престола граф С. Г. Строганов. — Вы не

---

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. С. 126.

[2] Там же. С. 126—127.

[3] *Чичерин Б. Н.* Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года / Московские ведомости. 1861. № 238. Текст данной лекции был напечатан также в издании: *Чичерин Б. Н.* Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 23—42.

удивитесь, если в стремлении к добросовестному исполнению своего долга и в надежде на успех, я ищу приблизить к государю наследнику людей, которых считаю наиболее способными содействовать успехам его занятий, и отдаю предпочтение тем, кто своим заслуженным авторитетом может лучше других способствовать нравственному его развитию. Будучи исполнен чувства доверия и уважения к Вашим первым опытам университетского преподавания, я предлагаю Вам, Милостивый Государь, не отказать принять на себя чтение курса государственного права е. и. в. наследнику-цесаревичу. Согласно программе его занятий, курс этот намечен на первый триместр 1863 г. Молодой великий князь прошел в прошлом году курс энциклопедии права с профессором Андреевским; в настоящем году он студирует гражданское право с г. Победоносцевым»[1].

10 ноября 1862 года Совет Московского университета рассмотрел сообщение попечителя наследника престола графа С. Г. Строганова о приглашении с высочайшего соизволения государя императора профессоров Чичерина и Бабста к его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу «для преподавания его высочеству: первый — государственного права, а второй — статистики»[2].

В декабре 1862 года Б. Н. Чичерин переехал в Санкт-Петербург. При этом за ним сохранялась прежняя должность и жалованье на юридическом факультете Московского университета. С января 1863 года Борис Николаевич начал читать лекции великому князю Николаю Александровичу. В качестве введения к своему курсу государственного права он прочитал историю политических учений.

Цесаревич прекрасно усваивал трудный материал лекций по государственному праву и с блеском сдавал экзамены. Сам Чичерин и граф Строганов были в восторге. Николай Александрович обещал стать самым образованным монархом из всех, которые когда-либо были на русском престоле, а возможно, и на престоле всех других стран. Однако судьба в очередной раз оказалась злой к России. Внезапная болезнь привела Николая Александровича к смерти в Ницце 12 апреля 1865 года. Б. Н. Чичерин сопровождал цесаревича в его предсмертном путешествии по Европе и присутство-

[1] Цит. по: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет / Вступительная статья и примечания С. В. Бахрушина. М., 1929. С. 82.

[2] Протокол заседания Совета Императорского Московского университета 10 ноября 1862 г. // ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 31. Д. 896. Л. 3.

вал при умирании своего ученика. Впоследствии он писал о своих чувствах: «Было что-то раздирающее душу, и вместе и высоко поэтическое в этой торжественной драме, которая разыгрывалась перед лицом всего мира: этот царственный юноша, надежда отечества, угасающий на чужом берегу, вдали от любимой родины; всевластный повелитель необъятного государства, из своей северной столицы поспешающий к одру умирающего сына, пораженного недугом, против которого тщетны были все человеческие усилия; мать, удрученная горем, в эти последние дни не отходившая от больного; молодая, полная прелести невеста[1], встречающая жениха на пороге смерти; вдали миллионы сердец, которые с напряженным вниманием и горячими молитвами следили за медленною борьбою угасающей жизни; а кругом великолепная обстановка южной природы, сияющее солнце, голубое Средиземное море, цветущие померанцевые деревья, разливающие в воздухе свой упоительный аромат»[2].

После смерти великого князя Николая Александровича Б. Н. Чичерин возвратился в Москву и продолжил преподавание на юридическом факультете Московского университета.

20 ноября 1865 года юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета удостоил профессора Б. Н. Чичерина почетной степени доктора наук. 8 декабря на имя попечителя Московского учебного округа было отправлено из Московского Университета следующее донесение: «Совет Санкт-Петербургского университета, принимая в уважение заслуги исправляющего должность экстраординарного профессора в Московском университете Чичерина на поприще отечественного государственного права, утверждает его как известного ученого, в степени доктора государственного права. По получении таковой степени г. Чичерин приобретает право на получение звания ординарного профессора, и т. к. в настоящее время при Московском университете имеются две вакансии ординарного профессора, то члены университетского совета в заседании бывшем 20 минувшего ноября, приступили к баллотированию его в означенное звание, по окончании коего считалось, что он избран большинством 25 голосов против 2.

---

[1] Дочь короля Дании принцесса Мария-София-Фридерика-Дагмара. Впоследствии она стала невестой и супругой великого князя Александра Александровича — императора Александра III, приняв имя Марии Федоровны.

[2] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет . С. 155—156.

Совет университета, представляя об этом, имеет честь покорнейше просить ходатайства Вашего Превосходительства об утверждении исправ. д. экстраордин. проф. Чичерина в звании ординарного профессора по занимаемой им кафедре, с положенным по штату содержанием, со дня избрания его в это звание, т. е. с 20 числа минувшего ноября месяца»[1].

31 декабря 1865 года министр народного просвещения А. В. Головин утвердил Б. Н. Чичерина в должности ординарного профессора Московского университета по занимаемой им кафедре с 20 ноября[2].

В 1866 году Б. Н. Чичерин успешно защитил докторскую диссертацию «О народном представительстве»[3]. Казалось, его карьера складывалась в высшей степени удачно. Однако в это время уже зрели зерна конфликта, приведшего через два года к уходу Чичерина из Московского университета.

В декабре 1865 года закончился пятилетний срок службы престарелых профессоров юридического факультета Менщикова и Лешкова, занимавшего должность декана. По университетскому уставу, профессора, прослужившие двадцать пять лет, могли избраться на новый пятилетний срок только в случае, если получали за это избрание две трети голосов членов Совета факультета. По словам Б. Н. Чичерина, «это было установлено именно с тем, чтобы парализовать слишком привычное во всякой замкнутой корпорации кумовство и очистить место для более свежих элементов»[4]. Лешков же и Менщиков прослужили уже по тридцать лет. При избрании в Совете 22 января 1866 года на новый пятилетний срок они были отстранены от участия в голосовании на том основании, что срок их полномочий истек еще месяц назад. По результатам голосования Менщиков не получил даже простого большинства, а Лешкову не хватило одного голоса до двух третей. После этого состоялись выборы на должность декана юридического факультета, и большинство Совета проголосовало за профессора Б. Н. Чичерина. «Лично мне этот выбор был неприятен, — писал впоследст-

---

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 34. Д. 650. Л. 1.

[2] Там же. Л. 2.

[3] В том же году текст этой диссертации был напечатан в виде отдельной книги. См.: *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1866.

[4] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. С. 167.

вии Борис Николаевич об этой истории в своих мемуарах. — Должность декана влекла за собою участие в хозяйственных делах университета, которыми заведывало Правление, разбор массы мелких студенческих дел и просьб, а, главное, значительное сокращение каникул, которыми я очень дорожил. Приходилось жертвовать и временем потребным для ученой работы и любимою мною деревенскою жизнью для всякого рода мелочных хлопот. Я бы очень рад был оставить Лешкова деканом, лишь бы он перестал быть профессором. Но отказываться я был не вправе. Друзья мои радовались тому, что влиятельное место в юридическом факультете, а с тем вместе и в университете, получил человек из нашего кружка»[1].

Но события повернулись вскоре таким образом, что о деканстве Чичерину пришлось забыть. В. Н. Лешков не согласился с отстранением его от участия в голосовании и опротестовал результаты прошедших в Совете юридического факультета выборов[2]. Министерство народного просвещения его поддержало, решив, что «кончившие срок службы профессора все-таки сохраняют права профессоров до тех пор, пока не будут забаллотированы»[3]. В результате 14 мая 1866 года приказом министра народного просвещения деканом юридического факультета на три года (с 16 апреля 1866 г.) был утвержден профессор, действительный статский советник Лешков.

Чичерин воспринял это решение как «нечто чудовищное, неслыханное» в практике русских учреждений. Почти два года длилось препирательство профессоров юридического факультета, разделявших мнение Б. Н. Чичерина, с Министерством народного просвещения и руководством Московского университета. И в конечном итоге в декабре 1867 года Борис Николаевич покинул университет. Университетское начальство не позволило ему прочитать последнюю лекцию своего курса, которая должна была состояться за несколько дней до Рождества, предчувствуя, что прощание профессора со студентами может вылиться в митинг. Борис Николаевич вынужден был проститься со своими студентами письмом. «Честь и совесть не дозволяют мне долее оставаться в университете, — обращался он к слушателям своих лекций. — Вы, мои друзья, еще

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. С. 168.

[2] Там же. С. 168.

[3] Там же. С. 169.

молоды, вы не разучились ставить нравственные побуждения выше всего на свете. Поэтому, надеюсь, вы не будете сетовать на меня за то, что я прерываю свой курс. Я считаю себя обязанным не только действовать на ваш ум, но и подать вам нравственный пример, явиться перед вами и человеком, и гражданином. Нравственные отношения между преподавателем и слушателями составляют лучший плод университетской жизни. Наука дает человеку не один запас сведений; она возвышает и облагораживает душу. Человек, воспитанный на любви к науке, не продаст истины ни за какие блага в мире. Таков драгоценный завет, который мы получили от своих предшественников на университетской кафедре. На ней всегда встречались люди, которые всегда высоко держали нравственное знамя. Теперь, покидая университет, я утешаю себя сознанием, что мы с товарищами остались верны этому знамени, что мы честно, по совести исполнили свой долг и не унизили своего высокого призвания. Желаю и вам крепко держаться этих начал и разнести доброе семя по всем концам Русской земли, твердо помня свой гражданский долг, не повинуясь минутному ветру общественных увлечений, не унижаясь перед властью и не преклоняя главы своей перед неправдой. Россия нуждается в людях с крепкими и самостоятельными убеждениями; они составляют для нее лучший залог будущего...»[1]

Весной 1866 года Б. Н. Чичерин в ответ на обращенную к нему просьбу императора Александра II остаться в Московском университете взял обратно свое прошение об отставке. Но чувство солидарности с ушедшими в отставку профессорами, которые не получили такой просьбы от государя, не позволило Борису Николаевичу долго оставаться здесь. 20 июля 1868 года он окончательно покинул университет. «Лично для меня это был лучший выход, — объяснял он в мемуарах этот свой поступок. — Никого не увлекая за собою, я выходил из среды, которая внушала мне омерзение и возвращался к независимой жизни и к любимым занятиям. Профессуру я покидал без сожаления. В сущности, я никогда не чувствовал к ней ни малейшего призвания. Я принял ее вследствие сердечных воспоминаний о проведенных в университете блаженных днях молодости и о тех людях, которые составляли его красу; я считал ее временно полезною для утверждения в науке, которую лучше

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. С. 228.

всего изучаешь, когда ее приходится преподавать; но к самому преподаванию я не чувствовал никакой наклонности. Я рожден писателем, а не профессором... Но если я для себя лично не имел причин жалеть об исходе дела, то я не мог скорбеть о нем глубоко с общественной точки зрения. Я видел разложение любимого университета. Он, а с ним и судьба воспитывающихся в нем молодых поколений предавались на жертву господствующей грязи. Еще грустнее было думать о том положении общества, в котором возможны подобные явления»[1].

С 1868 и до 1882 года Б. Н. Чичерин проживал в своем имении — в селе Караул Тамбовской губернии. В апреле 1871 года он женился. Его избранницей стала Александра Алексеевна Капнист, внучка писателя Василия Васильевича Капниста (1758—1823) и дочь полтавского помещика Алексея Васильевича Капниста (ок. 1796—1867)[2]. Родилась она 27 ноября 1847 года, то есть была на девятнадцать с половиной лет моложе своего супруга.

В 1882—1883 годах Б. Н. Чичерин занимал пост Московского городского головы. Его речь на торжествах по случаю коронации Александра III, в которой прозвучали призывы к развитию общественной самодеятельности и земского движения, была признана приближенными нового императора политически вредной. В связи с этим Борис Николаевич был отстранен от должности городского головы.

Оказавшись в спокойной обстановке красивой деревенской усадьбы, Чичерин занялся научными исследованиями в области истории политических учений и государствоведения. «Вернувшись в частную жизнь, я поставил себе две ближайшие цели: написать курс государственного права, начиная с истории политических учений, и заняться делами земства»[3], — сообщал он в мемуарах об этом периоде своей судьбы.

---

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. С. 225—226.

[2] В молодости отец супруги Б. Н. Чичерина — В. В. Капнист — был пехотным офицером, не чуждым идеям декабристов. В 1820 г. он состоял в Союзе благоденствия. В январе 1826 г. подполковник Воронежского пехотного полка В. В. Капнист был арестован по делу декабристов и четыре месяца содержался в Петропавловской крепости. Освобожденный в апреле 1826 г. из-под ареста, он еще два года после этого состоял на военной службе, но затем уволился и отправился жить в имение отца в Полтавской губернии.

[3] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. М., 1934. С. 19.

Результатом его исследований стали книги: «История политических учений» (1869—1902), «Наука и религия» (1879), «Собственность и государство» (1882—1883), «Курс государственных наук» в трех частях (1894—1898), а также серия публицистических статей: «Конституционный вопрос в России», «Задачи нового царствования» и др.

В качестве первой части «Курса государственных наук» Чичерин напечатал под названием «Общее государственное право» текст лекций, которые он читал на юридическом факультете Московского университета и наследнику императорского престола цесаревичу Николаю Александровичу[1].

Публикуя эти лекции, Чичерин написал в предисловии к ним: «Тут есть некоторые, собственно мне принадлежащие мысли, проверенные многолетним изучением предмета. Полагаю, что они могут составить посильный вклад и в общую литературу государственной науки»[2].

Признавая, что за четверть века, прошедшие с момента написания последнего варианта лекций по общему государственному праву до их издания, появились новые факты, которые необходимо принять во внимание, Чичерин вместе с тем подчеркивал, что наука государственного права, в сущности, не продвинулась с тех пор вперед. В общественной мысли в этот промежуток произошел, по его словам, «довольно резкий поворот: от стремления ограничить по возможности государственную деятельность она перешла к чрезмерному ее расширению». Но серьезные ученые, отмечал он, не должны разделять и не разделяют ни той, ни другой крайности. «Преходящие колебания общественного мнения не касаются строгой науки, которая идет себе своим твердым шагом, стараясь основать свои выводы не на мимолетных потребностях настоящего дня, а на проверенной во всех своих частях теории и на непреложном фундаменте исторических фактов... Правильная точка зрения может установиться только всесторонним изучением государства в его юридических основах и в его исторической жизни. Издаваемый

---

[1] См. современное издание этих лекций в серии «Русское юридическое наследие»: *Чичерин Б. Н.* Общее государственное право / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006.

[2] *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. Часть I. Общее государственное право. М., 1894. С. III.

ныне курс имеет целью способствовать по возможности выяснению этих вопросов»[1].

Последние два десятилетия своей жизни Б. Н. Чичерин провел в своем имении. Он вернулся к прежним своим занятиям науками, снова стал писать и публиковать научные книги и статьи. «Лично мне занятия наукою не только помогали затыкать на старости лет тяжкие пробелы времени, — признавался он в своих мемуарах, — но они возводили меня в такую область, из которой человек может спокойным и беспристрастным взором оглядывать окружающие его житейские смуты, оценивая настоящее и, насколько возможно, предвидя будущее»[2].

Научные занятия Борис Николаевич сочетал в это время с работой в земских учреждениях. «Участие в делах земства в течение многих лет оставило во мне одни хорошие воспоминания, — отмечал он в своих мемуарных записках. — Мне доводилось на своем веку видеть самые разнородные собрания, но это было единственное, в котором я чувствовал себя совершенно на своем месте. Отчасти это могло произойти оттого, что я родился русским помещиком; но думаю, что тут кроются и другие причины. Едва ли в России найдется другая сфера, которая бы до такой степени приходилась чувствам и потребностям порядочного человека... Это — лучшее, что я видел в России. Провинция есть та еще нетронутая среда, из которой может выдти для нее обновление»[3].

Сравнивая общественную жизнь России начала 90-х годов XIX века с той, в которой протекала его молодость, Чичерин испытывал сложные чувства. Заканчивая осенью 1894 года свои мемуары, он писал: «Наравне с семьей, а может быть и более, я люблю отечество, и в каком же положении оно находится? В молодости я застал его под гнетом Николаевского деспотизма. Давление было страшное, всякая независимость преследовалась неумолимо. Но несмотря на то, в обществе сохранялись живые силы и неугомонные надежды. Лучшие люди того времени верили в мысль, в свободу, в просвещение, и дружными рядами работали для будущего. Ожидания их, наконец, сбылись: давящий их гнет рухнул в сознании своего бессилия; открылись новые поприща, на которые все

[1] *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. Часть I. Общее государственное право. С. III— IV.

[2] Там же. С. 316.

[3] Там же. С. 20.

ринулись, полные веры, под обаянием совершающихся событий. Нам довелось быть свидетелями величайших преобразований, какие испытывала на себе русская земля: одним законодательным актом дарована была свобода двадцати миллионам крепостных людей; в первый раз со времени ее существования в России водворилось правосудие, организовано было местное самоуправление, явилась неизвестная прежде свобода печати; страна покрылась сетью железных дорог. Россия, можно сказать, обновилась вся, как бы в купели живой воды, бьющей из вечных источников свободы и правды. Вспоминая прежнее время, едва верилось, что живешь в той же земле. И к чему все это, наконец, привело? Вместо новых, свежих сил для открывшихся всюду новых поприщ, оказалось умственное, нравственное и материальное оскудение. Независимые и образованные люди исчезли; пошлость царит всюду. Печать извратилась и изолгалась в конец; таланты все вымерли или заглохли. Правительство наполняется отребьем общества; все раболепное, низкопоклонное, бездарное лезет вверх и приобретает силу. Ложь господствует во всех сферах»[1].

К страданиям, которые Чичерин испытывал в последнюю эпоху своей жизни, наблюдая нравственное состояние русского общества, добавлялись горести его личной судьбы. Жена Александра Алексеевна родила ему троих детей, но ни один из них не пережил своего детства. 6 июня 1874 года у супругов Чичериных умер сын-младенец Алексей, спустя семь месяцев — 5 января 1875 года — умерла дочь Екатерина, которой едва исполнилось полтора года. Дольше всех из детей Бориса Николаевича и Александры Алексеевны прожила их последняя дочь, по имени Ульяна. Она умерла от дифтерита в ночь с 21 на 22 сентября 1884 года: было ей в тот момент семь с половиной лет. Борис Николаевич как будто сам умер... «Этот удар сломил меня окончательно. С тех пор я уже не поднимался, — описывал он в мемуарах свое душевное состояние. — Всякие надежды на счастье, всякое стремление к деятельности исчезли. Душевные силы были подорваны в самом корне. С тех пор я живу, покорно ожидая, когда Богу угодно будет призвать меня к себе, продолжая работать по мере сил и стараясь по возможности облегчить наложенный на нас крест с той, которой суждено было делить со мной все радости и горе. Еще в цвете лет я мечтал о ста-

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. С. 264—265.

рости, как о ясной поре жизни, когда утихают все житейские волнения и страсти и все кругом представляется как бы облитое теплыми лучами заходящего солнца, любуясь которыми, человек тихо и незаметно достигает конца своего земного пути. Такова должна быть старость при нормальных условиях человеческого существования; но она не дана тому, у кого с корнем вырвана живая часть его сердца и кому приходится кончать свой век сторожем кладбища. Можно счастливо жить, не имея детей; но остаться на старости лет без детей, это едва ли не самое тяжелое, что может постигнуть человека на земле»[1].

Умер Борис Николаевич Чичерин 3 февраля 1904 года в Москве, в один из своих приездов в этот город. Похоронен же он был там, где родился и где прожил бóльшую часть своей жизни — в селе Караул Кирсановского уезда Тамбовской губернии.

* * *

Политические воззрения Б. Н. Чичерина находились в постоянном развитии и вследствие этого их трудно выразить в какой-либо краткой формуле. Его еще при жизни называли «либеральным консерватором», но это определение всего лишь указывает на смешанный, сложносоставной характер мировоззрения мыслителя.

В своих взглядах на государство и право Чичерин исходил из идеи приоритета интересов человеческой личности перед интересами государства («Не лица для учреждений, а учреждения для лиц»), он считал человека абсолютной ценностью, а его свободу фундаментом общества («Человек всегда должен оцениваться как цель и никогда не должен быть низведен на степень простого средства... Индивидуализм, состоящий в признании свободы лица, составляет краеугольный камень всякого истинного человеческого здания»).

Б. Н. Чичерин понимал государство как «союз свободного народа, связанного законом в одно юридическое целое и управляемого верховною властью для общего блага». Отсюда видно, что существенными элементами всякого государства он считал власть, закон, свободу и цель.

В понятии права Б. Н. Чичерин выделял два значения: субъективное и объективное. Субъективное право он определял как

[1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. С. 264.

нравственную возможность или как законную свободу что-либо делать или требовать. Под объективным правом им понимался сам закон, определяющий эту свободу. Соединяя эти два значения и принимая во внимание, что применительно к праву правильнее говорить только о внешней свободе, проявляющейся в действиях, Чичерин давал следующее общее определение: «Право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом».

Б. Н. Чичерин выступал против идеи ограничения деятельности государства охранением права, но не принимал также идеи всецелого подчинения частной деятельности государственной власти. По его мнению, государство должно взять на себя «только те учреждения, которые имеют всеобщий характер». Гарантией же того, что государство не преступит законных пределов своей деятельности и не станет вторгаться в область частных отношений, Чичерин видел «в самом устройстве государственного союза». Политически свободные граждане должны стать участниками государственной власти через посредство представительных органов. «Пока власть независима от граждан, — констатировал Чичерин, — права их не обеспечены от произвола...».

Связующим началом государственного союза Чичерин считал закон. С этим его качеством он связывал не только юридическое, но и нравственное его значение. «Им установляется, — писал он, — с одной стороны, правомерное господство общего интереса над частными, что составляет вместе и требование нравственности, а с другой стороны, им же ограждается свобода лица, что составляет столь же непреложное требование как права, так и нравственного закона».

В воззрениях Б. Н. Чичерина мы видим, помимо прочего, также попытку соединить либерализм с патриотизмом. Свои публицистические статьи конца XIX — начала XX века Чичерин подписывал возвышенным словосочетанием «Русский патриот». Это показывает, что если он и был либералом, то весьма необычным для тогдашней и сегодняшней России.

Василий Васильевич (Вильгельм Вильгельмович) Берви

(1829—1918)

ВАСИЛИЙ Васильевич Берви родился 28 апреля 1829 года в г. Рязани в семье врача Рязанской врачебной управы Вильгельма (Василия Федоровича) Берви. Его дедом был шотландец Роберт Бервик, приехавший в Россию после выхода в отставку с должности консула посольства Великобритании в Данциге.

В мае 1832 года Василий Федорович Берви был назначен на должность ординарного профессора физиологии, анатомии и судебной медицины в Императорский Казанский университет[1] и переехал со своей семьей на местожительство в Казань.

Первоначальное образование Василий Васильевич Берви получил дома, затем учился в гимназии, куда был зачислен сразу в 5-й класс. В 1845 году, по окончании гимназического курса обучения, он поступил на юридический факультет Казанского университета. Здесь Василий Берви проявил себя как человек выдающихся способностей. Он много читал и выступал с докладами. Однажды его учитель профессор Д. И. Мейер попросил его выступить в качестве одного из оппонентов при защите магистерской диссертации. Выступление Берви произвело впечатление на всех присутствовавших на защите. Высоко оценил его речь и профессор Мейер. «Вы оппонировали не как дилетант, а как человек науки», — сказал он своему студенту.

В 1849 году Василий Берви успешно окончил курс обучения на юридическом факультете и уехал в С.-Петербург, где поступил на службу в Министерство юстиции, заняв должность младшего помощника столоначальника. Однако чиновная карьера ему не удалась: его движение по лестнице служебной карьеры шло слишком медленно. Только в 1856 году Берви был определен на место стар-

[1] Здесь лекции профессора В. Ф. Берви о бессмертии слушал Лев Толстой.

шего помощника столоначальника, в 1859 году его назначили чиновником особых поручений VII класса и одновременно заведующим библиотекой департамента. В июле 1860 года Василий Берви стал чиновником особых поручений VI класса. В январе 1861 года он был произведен в надворные советники.

Служба в Министерстве юстиции дала Берви возможность ближе познакомиться с общественной жизнью. Ему поручалось вести самые острые и запутанные дела о злоупотреблениях чиновников, о жестоком обращении помещиков с крестьянами и др. Кроме того, Берви занимался вопросами преобразования судебных учреждений. Он составил даже свой проект судебной реформы, который, однако, не получил одобрения со стороны руководства министерством.

В 1859 году в основанном тогда «Журнале Министерства юстиции» была опубликована статья В. В. Берви «Очерк судебного управления в Англии». Она привлекла к себе внимание правоведов. Имя Берви впервые сделалось известным в русской юриспруденции. Сам Василий Васильевич следующим образом описывал в мемуарах, опубликованных им в 1897 году под псевдонимом Н. Флеровский, ситуацию вокруг этой статьи: «В министерстве готовились к судебной реформе, оно стало издавать журнал, чтобы иметь орган, посредством которого могло бы влиять на общественное мнение. Я написал для этого журнала очерк английского судоустройства. Он произвел некоторое впечатление между юристами. Министр юстиции призвал меня и благодарил за основательность и оригинальность изложения. В публике смеялись и говорили, что наши правоведы потому остались в таком восторге от моего труда, что в нем перечислены были высокие оклады жалованья, которые получали судьи в Англии»[1]. Указанная статья была написана Берви в ответ на данное ему министром юстиции поручение изложить свой взгляд на возможное в России преобразование судебных учреждений. «Я, впрочем, вовсе не был так увлечен английскими судебными учреждениями, как могло показаться, но я имел заднюю мысль, — вспоминал об этой истории Берви. — В английском судопроизводстве меня более всего пленяло право граждан жаловаться на действия всех должностных лиц прямо суду, который рассматривал эти действия в публичном заседании»[2].

---

[1] *Флеровский Н.* Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III. Париж, 1897. С. 113.

[2] Там же. С. 114.

Содержание статьи показывает, что определенное увлечение Англией и ее судебной системой у молодого чиновника все же было, что бы он сам о себе ни говорил. Его размышления об этой стране проникнуты заметной симпатией. «Нет ничего труднее изучения какого-нибудь отдельного явления английской жизни, потому что, может быть, не было страны, которая достигала величия, проходя такими извилистыми и оригинальными путями, как Англия; там все своеобразно: и нравы, и законодательство, и понятие о суде; не изучив одного, невозможно постигнуть другого; мало этого, всякий, кто хочет познакомиться с учреждениями Англии, поставлен в необходимость изучить историю каждого из этих явлений. Не изучив истории, трудно понять что-либо в учреждениях этой страны, потому что во всей истории Англии неизвестно ни одного момента, в который бы эта нация сердцеведов, отрекшись от своего прошедшего, признала никуда негодным веками сооруженное здание своих учреждений и придумала бы построить новое на иных основаниях. Она постоянно оставляла неприкосновенным все существующее, разрушала только действительно уже негодное, или, лучше сказать, давала возможность негодному разрушаться, заменяя его более совершенным»[1]. Далее Берви сравнивает Англию со старинным зданием, построенным в течение нескольких веков многими архитекторами, из которых каждый строил по своим соображениям, разрушая в здании только то, что обваливалось само собою и особенно заботясь о том, чтобы новое, по возможности, крепко связать со старым. «Вышло здание неуклюжее, асимметричное, разнохарактерное, но в котором жить и тепло и покойно, потому что в течение веков обдумывались и употреблялись все средства, чтобы увеличить его комфортабельность; тем труднее, однако же, постигнуть истинный смысл его архитектуры и понять, почему отдельные его части приносят ту пользу, которая действительно от них оказывается»[1]. А вот что писал Берви об английском судопроизводстве: «Суд английский не идеал суда, в нем есть много недостатков, от которых избавился суд в Германии и Франции: он непомерно дорог; вы встречаетесь в нем с остатками средневековых злоупотреблений, например, с правом некоторых посторонних лиц

---

[1] *Берви В. В.* Очерк судебного управления в Англии // Журнал Министерства юстиции. 1859. Сентябрь. С. 63.

[2] Там же. С. 64.

назначать его служителей, но зато он заключает в себе оригинальные черты здравости необыкновенной и показывает великое умение английского правительства удовлетворять потребностям своего народа»[1].

Летом 1860 года в журнале «Юридический вестник» появилась заметка В. В. Берви «Несколько слов о ходатаях по делам». Молодой чиновник Министерства юстиции становился на стезю научно-публицистической деятельности. В начале 1861 года В. В. Берви получил из Харьковского университета приглашение занять кафедру финансового права. Василий Васильевич обратился за советом к ректору С.-Петербургского университета профессору К. Д. Кавелину и услышал в ответ: «Охота вам ехать в Харьков преподавать финансовое право; оставайтесь у нас и преподавайте государственное право — это ваша специальность. Но вы должны сначала выдержать экзамен на ученую степень. Мы вас пошлем на два года за границу, а через два года будете занимать кафедру международного и государственного права европейских держав»[2].

Берви принял предложение Кавелина. В апреле 1861 года он сдал магистерский экзамен и стал готовиться к поездке в Гейдельбергский университет. Однако вскоре произошло событие, круто повернувшее судьбу молодого правоведа. За участие в антиправительственном митинге 25 сентября 1861 года было арестовано несколько студентов. Берви поставил свою подпись под всеподданнейшим прошением о помиловании арестантов, а кроме того, выступил с фельетоном в газете «Санктпетербургские ведомости» (24 ноября 1861 г.), в котором подверг резкой критике речь Б. Н. Чичерина в защиту правительственной политики. В наказание за это он был лишен заграничной командировки и соответственно возможности подготовиться к будущей преподавательской деятельности в иностранном университете. Из-за этого он, в свою очередь, не мог стать преподавателем С.-Петербургского университета.

28 февраля 1862 года В. В. Берви подал личное прошение императору Александру II, в котором выступил в защиту группы тверских мировых посредников, арестованных за отказ проводить в жизнь крестьянскую реформу, и высказал свое убеждение в том,

---

[1] *Берви В. В.* Очерк судебного управления в Англии // Журнал Министерства юстиции. 1859. Сентябрь. С. 120.

[2] Цит. по: *Аптекман О. В.* Василий Васильевич Берви-Флеровский по материалам бывшего III Отделения и Д. Г. П. Л., 1925. С. 39—40.

что, если произвол властей не прекратится, в России может вспыхнуть революция[1]. В результате спустя неделю Василий Васильевич был арестован сам и после 8-месячного содержания в сумасшедшем доме отправлен в ссылку в Астрахань.

Ссыльный период в жизни Берви длился семь лет. За это время ему пришлось пожить на правах ссыльного во многих городах Российской империи: в Кузнецке, Томске, Вологде, Твери. Знакомство с жизнью российской провинции побудило Берви заняться социологией.

В 1869 году вышло в свет одно из самых главных его социологических произведений «Положение рабочего класса в России»[2]. Карл Маркс специально выучил русский язык, чтобы прочесть его. Прочитав, он написал Фридриху Энгельсу: «Во всяком случае, это самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения «Положение рабочего класса в Англии». Вместо подлинной своей фамилии Василий Васильевич поставил на титульном листе данной книги псевдоним Н. Флеровский, который станет впоследствии второй его фамилией[3].

В 1870 году Берви был освобожден от надзора полиции. Он поселился в Новгородской губернии. Все свое свободное время Василий Васильевич уделял чтению и написанию статей и книг. Проблемы экономики, социологии и политики стали в это время главными темами его творчества. Но юридические вопросы, хотя и отошли на второй план, продолжали занимать его.

В 1869 году, а затем двумя изданиями в 1870 и 1872 годах вышла в свет его книга «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати», в 1871 году — статьи «Право на воспитание и обучение» и «Податная реформа и общественные инстинкты справедливости». Юридические проблемы Берви затрагивал и в своих социологических произведениях. В качестве примера можно назвать книгу «Азбука социальных наук», первое издание которой вышло в 1871 году, но было уничтожено сразу по постановлению Комитета министров.

---

[1] Копии своего прошения Берви разослал губернским и уездным предводителям дворянства, а также в посольство Великобритании. 22 апреля 1862 г. текст его был опубликован герценовским «Колоколом».

[2] Первая глава этой книги была опубликована еще в 1867 г. в «Невском сборнике», в течение 1867—1868 гг. в журнале «Дело» вышел в свет ряд других глав.

[3] Ряд своих произведений В. В. Берви выпустил в свет под другими псевдонимами, как-то: С. Навалихин, В. Васильев, Земец, Д. Мгебров.

Постоянные переезды с места на место, в которых протекала жизнь В. В. Берви[1], хотя и были тягостны для него, обремененного многодетной семьей (у супругов Берви было четверо детей), давали новую пищу его уму. Книги Берви, посвященные положению различных слоев русского общества, отличались поэтому богатым фактическим материалом.

В 1893 году В. В. Берви отправился за границу, сначала в Женеву, а затем в Лондон. Здесь при помощи «Фонда вольной русской прессы», основанного С. М. Степняком-Кравчинским, Э. Л. Войнич и др., ему удалось издать ряд своих книг. В 1896 году Берви вернулся в Россию. Несколько месяцев он жил и работал в Костроме, затем в Крыму. В 1897 году поселился в Юзовке[2]. Здесь жил и работал врачом его сын Федор Берви (умер в 1943 г.). Василий Васильевич получил место бухгалтера в конторе Джона Юза. В 1904 году Максим Горький помог ему своими деньгами издать книгу «Критика основных идей естествознания». Она стала последней в творчестве В. В. Берви. Резкое ухудшение состояния его здоровья прервало его творческую деятельность. В 1907 году Василий Васильевич уехал в Феодосию. Пожив там около года, он перебрался в Тифлис, оттуда переехал во Владикавказ. Гибель дочери обострила в нем болезни. У него обнаружились признаки паралича большого мозга. В письме к писателю В. Г. Короленко супруга Василия Васильевича Эрлиона Ивановна следующим образом описывала последний год его жизни: «Василий Васильевич не живет, а томится. Осталось у него одно живое горячее чувство к природе. Из окна нашего любуется закатом солнца и красотой неба, переливами световых красок и это его единственная связь с миром. Все остальное забыто; не может ни помнить, ни сознавать настоящее или прошедшее. Все чаще зовет смерть...»

Василий Васильевич Берви скончался 4 октября 1918 года.

* * *

Характеризуя творчество Василия Васильевича Берви, следует отметить, что он был все-таки более социологом и экономистом, нежели правоведом. И более публицистом, нежели ученым.

---

[1] После Новгородской губернии он жил короткое время в Финляндии, затем в Нижнем Новгороде, в Архангельской губернии, в Костроме, в Тифлисе.

[2] В настоящее время Донецк.

В небольшой заметке под названием «Мое мировоззрение», приложенной им к своим воспоминаниям, Берви писал: «Чтобы жить, нужно гораздо более ума, чем для того, чтобы говорить; мысли, созданные для жизни, должны быть гораздо вернее, чем мысли, созданные для речи»[1]. Его творчество являлось попыткой осмыслить современную ему общественную жизнь России. Книги Берви своим содержанием были подобны поэтому философским трактатам.

Как истинный философ Берви придавал огромное значение в эволюции общественных институтов идеям. «Во всяком обществе, — писал он, — господствующий политический и социальный порядок есть и может быть только результатом известных чувств, идей и мировоззрений, укоренившихся в народе в течение веков»[2]. По мнению Берви, чувства и идеи являются фактором, определяющим существо политических форм. «История убеждает нас, — отмечал он, — что политические чувства и идеи постоянно распространяются по соседству и влекут за собою такое же распространение политических форм»[3].

Берви видел в идеях фактор, обеспечивающий устойчивость и долговечность государств. По его словам, «стать во главе цивилизации и вести за собой человечество может только тот народ, который разовьет в своей душе более совершенные чувства и создаст более совершенные мировоззрения. Великие империи без идей, подобные державам, созданным Чингис-ханом, Тамерланом и Киром, исчезали без следа и оставляли за собой лишь самую незавидную репутацию»[4].

При этом Берви считал, что русское общество должно выработать свои собственные идеи и не должно заимствовать идеи из других, чуждых ему обществ. Он негативно оценивал роль в русской истории высших, образованных классов России, которым «не хватило ни той проницательности, ни той силы нравственного чутья, какие были необходимы, чтобы сделать из здравых инстинктов русского народа обильнейший источник развития для цивилизован-

---

[1] *Флеровский Н.* Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III. С. 498.

[2] Цит. по: *Подоров Г. М.* Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского. М., 1952. С. 58.

[3] *Берви В. В.* Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. СПб., 1869. С. 47.

[4] *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. С. 566.

ного мира»[1]. По его словам, «**высшие классы России испортили дело, подчиняясь идеям, созданным нравственной низостью западной цивилизации**»[2] (выделено мною. — *В. Т.*).

Многие пороки современной ему общественной жизни Берви связывал с деятельностью людей, обладавших высшей государственной властью. Так, он считал, что в России народу для изменения своего положения к лучшему ничего не остается делать, как «повесить императора и изгнать из страны царствующий дом». Подобным же образом и главный порок западноевропейской цивилизации — жестокие, разрушительные войны — Берви приписывал происках правителей. Такие правители, считал он, должны нести наказание по специальному международному уголовному закону. «Конечно, — писал Берви, — международные вопросы решаются в крайнем случае войною, но между войною, которая произошла от злополучного столкновения обстоятельств, и между рядом хитро задуманных бессовестным негодяем войн с единственною целью насытиться человекоубийством и разбоем громадная разница. Было бы вполне понятно, если бы цивилизованный мир, возмущенный пятном позора, наложенным на цивилизацию существованием таких злодеев, решил издать закон международного права, по которому государи и государственные люди, совершившие такое варварское преступление, приговаривались международным судом к смертной казни через повешение»[3]. При этом Берви полагал, что в принципе «смертная казнь должна быть выведена из употребления»[4]. По его словам, «подобный международный уголовный закон имел бы существенное воспитательное значение; люди научились бы презирать и ненавидеть то, что теперь боготворят, они поняли бы, как гнусно прославлять великими подвигами такие международные злодеяния и преступления, которые заслуживают строжайшего из наказаний, установленных уголовными кодексами, потому что по жестокости и зверству своему превосходят все низости и злодейства, когда-либо и кем бы то ни было совершавшиеся»[5].

---

[1] *Берви В. В.* Азбука социальных наук. XIX век современной западно-европейской цивилизации. СПб., 1894. С. 529.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 523.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 524.

В. В. Берви был сторонником демократического государственного строя. Однако такой он не находил ни в одной из современных ему стран, в том числе и в Западной Европе. «Демократии нет в настоящее время, есть демократические государства, но в них *не* народ управляет, а *народом* управляют»[1], — отмечал он.

Установление подлинной демократии Берви считал задачей XX столетия. Причем он связывал утверждение этого способа осуществления государственной власти с созданием «сознательной политической организации»[2], с превращением всего населения государств в людей, «стоящих на одинаковом умственном и нравственном уровне»[3]. По его словам, для этого необходимо будет «уничтожить религию и заменить ее сознательной нравственностью»[4].

Цель государства, по мнению В.В. Берви, заключается в том, чтобы «ограждать трудящегося и увеличивать его способность трудиться»[5]. «Государство и по происхождению и по существу своему есть не что иное, как протест против тунеядства и грабежа»[6]. Но защищая интересы обездоленных, униженных слоев населения России, Берви одновременно сознавал себя в качестве защитника интересов высшего образованного класса русского общества. «Ни земледелие, ни промышленность не могут питаться потреблением высших классов, и до тех пор, пока не увеличится потребление рабочего класса, и образованная часть общества будет бедна, не предприимчива и невежественна»[7]. Эта истина, высказанная В. В. Берви в книге «Положение рабочего класса в России» (опубликованной им под псевдонимом Н. Флеровский), остается остро актуальной и для современной России.

Особый интерес представляют и мысли Берви о праве собственности на землю. Он считал, что данное право противоречит требованиям социального прогресса. По его словам, «право собственности на землю — учреждение слишком мало гибкое и по самому

---

[1] Цит. по: *Подоров Г. М.* Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского. С. 60.

[2] *Берви В. В.* Азбука социальных наук. XIX век современной западно-европейской цивилизации. С. 528.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Цит. по: *Подоров Г. М.* Экономические воззрения В. В. Берви-Флеровского. С. 60.

[6] Там же.

[7] *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. С. 45.

принципу своему не может удовлетворить требованиям социального прогресса нашего времени»[1]. Образец правильного правоотношения индивида к земле он усматривал в русском общинном землевладении. «Инстинкт прямо говорит людям европейской цивилизации, что в вопросе о земле общество слишком заинтересовано, чтобы отказаться от всякого вмешательства, — отмечал он. — Но как определить меру этого вмешательства? Именно в этом-то отношении русское общинное землевладение с переделами и оказало человечеству великую услугу»[2]. При этом Берви замечал, что свойственная общине круговая порука должна быть уничтожена, «но совсем другое дело общинное землевладение: это учреждение прогрессивное, имеющее великую будущность... Для земледельческого класса, безграмотного, неспособного защищать себя, это единственное, что еще до известной степени может предупредить его разорение». На конкретных фактах он доказывал, что общинное владение стоит выше поземельной собственности. Общинную организацию Берви считал зачатком будущего процветания России. Именно общину он имел ввиду в следующем своем высказывании. «Поэтому для всякого народа, который находится в таком положении, как мы, дело первой важности — тщательно сохранять в себе и развивать зачатки, из которых может выйти великое и оригинальное будущее. Тот не имеет русского сердца, тот не сочувствует славе и великой будущности своего народа, кто не думает об этом; он заслуживает полного нашего презрения, он хочет сделать из России мусорную тряпку»[3].

Главным двигателем общественного развития В. В. Берви считал не право собственности и не конкуренцию, а *нравственную самостоятельность человеческой личности*. «Достаточно, чтобы ее не было, и все другие права бесплодны и почти бесполезны»[4], — отмечал он.

Берви полагал, что все правовые установления должны соответствовать общественным инстинктам справедливости. Именно на

---

[1] *Берви В. В.* Азбука социальных наук. XIX век современной западно-европейской цивилизации. С. 457.

[2] *Берви В. В.* Община, разрушаемая земством // Берви-Флеровский В. В. Избранные экономические произведения / Под редакцией Г. М. Подорова. М., 1959. Т. 2. С. 8.

[3] Там же. С. 7.

[4] *Берви В. В.* Податная реформа и общественные инстинкты справедливости // Дело. 1871. № 7. С. 33.

базе последних следует, по его мнению, выстраивать здание налогового законодательства. Вот что он писал по этому поводу: «Лишь только вы проникнитесь мыслью, что государство не есть компания на акциях, где дивиденты и обязательства распределяются между акционерами сообразно принадлежащему им капиталу, что нравственное и социальное значение финансовых мер стоит гораздо выше денежного, и математические принципы финансового права лишатся навсегда в ваших глазах своей прежней обаятельной силы. Ваш взгляд расширится, и вы невольно перенесете ваше более совершенное понимание с распределения на способы взимания податей. Как бы ни были распределены сборы: регрессивно, пропорционально или прогрессивно, но способ их взимания с различных лиц непременно должен быть различный»[1].

Как человек, писавший на острые политические темы, Берви неизбежно должен был особое внимание уделить в своем творчестве вопросу о свободе печати. Для обоснования права каждого гражданина или подданного свободно выражать свои мнения Берви приводил два основных аргумента. Во-первых, он утверждал, что последнее прямо вытекает из «священного неотчуждаемого права всякого народа избирать себе тот образ правления, который он находит для себя наиболее удобным»[2]. По словам Берви, «для того, чтобы народ мог сознательно сделать наилучший выбор, он должен иметь понятие о том, какие существуют политические системы и как они действуют; мало этого, он должен быть в состоянии зрело обсудить, какая из этих систем наиболее подходит к его настоящему положению. Вот почему всякое правительство обязано дозволять беспрепятственно обсуждать в прессе вопрос о наиболее подходящем для народа образе правления. Правительство только тогда можно считать законным и обязательным для всякого гражданина, когда оно существует при условии свободного обсуждения в прессе вопроса о наиболее пригодном для страны образе правления»[3]. Во-вторых, Берви полагал, что свобода печати должна быть выгодна главе государства. «Государь, который считает какую-нибудь часть населения преимущественной или исключительной для

[1] *Берви В. В.* Податная реформа и общественные инстинкты справедливости // Дело. 1871. № 7. С. 36.

[2] *Флеровский Н.* Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III. С. 482.

[3] Там же. С. 482—483.

себя опорой, — писал он, — делает величайшую политическую ошибку, а тот, который это говорит, оскорбляет народ. Надежной опорой для государя может служить только весь народ. Государь, который понимает смысл монархического принципа, должен вести себя так, чтобы никто не мог даже подозревать, что он симпатизирует преимущественно какому-нибудь классу или какому-нибудь сословию; он не должен принадлежать ни к какой партии и менять управление, как скоро оно делается непопулярным; только тогда он будет необходим для всех и все будут видеть в нем оплот справедливости и свободы. Этой цели государь никак не может достигнуть, если не будет дана свобода обличительной литературе. Обличительная литература — это единственное средство, которое может указать государю, популярны ли назначаемые министрами чиновники или нет и как они распоряжаются на своих местах»[1].

Выраженные Берви представления о свободе печати весьма наивны. Берви совсем не подумал о том, что свобода печати может стать свободой не правды, а лжи. Он не догадывался и о том, что «свободная» пресса может стать рупором не общества, а узких эгоистичных общественных групп, стремящихся навязать свои мнения всему обществу. Наконец, Берви почему-то не пришла в голову еще более простая мысль, а именно: что и сам публицист, «свободно» выражающий в «свободной» печати свои мысли, может быть очень пристрастен и потому далек от истины. Именно таким правоведом-публицистом был сам В. В. Берви, вошедший в историю русской литературы под двойной фамилией — Берви-Флеровский.

[1] *Берви В. В.* Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. С. 248.

Иван Ефимович Андреевский

(1831—1891)

ИВАН Ефимович Андреевский родился 13 марта 1831 года в Санкт-Петербурге в семье Ефима Ивановича Андреевского (1789—1840) и Олимпиады Васильевны Кореневой. Дед его был священником. Отец — известным петербургским лекарем.

В 1807 году Ефим Андреевский окончил духовную семинарию и поступил в Медико-хирургическую академию. По завершении обучения в академии его определили лекарем в лейб-гвардии Преображенский полк, но вскоре перевели в лейб-гвардии Литовский полк. Будучи лекарем этого полка, он принял участие в Отечественной войне 1812 года и в последующем заграничном походе русских войск по Европе. В 1815—1819 годах Ефим Иванович служил старшим лекарем в лейб-гвардии Его Величества Павловском полку, после чего был определен к Императорскому Двору гоф-медиком. В 1834 году Медико-хирургическая академия присвоила ему без экзаменов как искусному врачу, пользовавшемуся славою одного из лучших медиков столицы, степень доктора медицины.

Ефим Иванович был в числе врачей, лечивших раненого Александра Пушкина[1], и, по свидетельству Владимира Даля, закрыл скончавшемуся поэту глаза.

В феврале 1837 года Е. И. Андреевский был признан академией доктором медицины и хирургии. Он стал основателем и первым председателем «Общества русских врачей» в Санкт-Петербурге.

Первоначальное образование Иван Андреевский получил в 1-й Санкт-Петербургской гимназии, директором которой был в 1840—1849 годах известный правовед, профессор Петр Давыдович Калмыков (1808 —1860). Под его влиянием И. Е. Андреевский, видимо, и решил по окончании в 1848 году гимназического курса обучения поступить на юридический факультет Санкт-Петербург-

[1] Об этом писали А. И. Тургенев (в письме к А. Я. Булгакову) и Владимир Даль в своих мемуарах.

ского университета. В качестве главной своей специальности он выбрал государственное и полицейское право. Под руководством П. Д. Калмыкова, занимавшего на факультете кафедру энциклопедии законоведения и русского государственного права, студент Андреевский писал первые свои научные работы. Своим учителем в юридических науках Иван Андреевский считал также профессора К. А. Неволина (1806—1855), который возбудил в нем интерес к историко-правовым исследованиям[1]. По свидетельству Ивана Ефимовича, Константин Алексеевич настойчиво уговаривал его посвятить себя гражданскому праву, но сухие абстрактные формулы гражданского права не понравились молодому ученому, его манили науки политические — изучение правовых основ организации и деятельности государства.

В 1852 году И. Е. Андреевский окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата прав и начал готовиться к магистерскому экзамену. Одновременно он приступил к работе над магистерской диссертацией. В целях лучшего ознакомления с практикой деятельности правоохранительных органов и работой органов губернского управления он поступил на работу в камеру Санкт-Петербургского губернского прокурора[2].

В 1854 году Андреевский защитил магистерскую диссертацию на тему «О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III на престол великого княжества Московского». Накануне она вышла в свет в виде книги[3]. Основные выводы, которые диссертант вынес на защиту, гласили: 1) «Древняя история прав иностранцев в России свидетельствует о правильнейшем взгляде русских на чужеземцев и потому имеет бóльшее внутреннее достоинство, чем история прав иностранцев и прочих европейских народов». 2) «Служилым иностранцам предоставлялись права как временным подданным русских князей». 3) «Иностранные ремесленники не имели в

[1] В 1857—1860 гг. И. Е. Андреевский издал полное собрание сочинений К. А. Неволина в шести томах со своими примечаниями и биографией ученого. В него не вошла только работа «О пятинах и погостах новгородских в XV веке», права на которую принадлежали Русскому географическому обществу.

[2] Эту должность в то время занимал Н. Г. Богуславский.

[3] См.: О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III на престол великого княжества Московского. Рассуждение, представленное юридическому факультету Императорского Санкт-Петербургского университета кандидатом юридического факультета по разряду наук юридических Иваном Андреевским для получения степени магистра государственного права. СПб., 1854.

России цехового устройства». 4) «Евреи не были изгнаны Владимиром Мономахом из Руси Восточной»[1].

Андреевский отмечал в своей магистерской диссертации, что иностранцы имели в Русском государстве право свободного въезда в его пределы и выезда из него, право владеть домами в городах, исповедовать свою веру.

Работа молодого ученого не осталась незамеченной: в литературных журналах появились рецензии на нее[2]. Август Энгельман, окончивший в 1854 году юридический факультет Санкт-Петербургского университета, в своей рецензии, которая была опубликована в журнале «Отечественные записки», дал в целом положительную оценку выводам Андреевского, но в то же время отметил, что автор смешал право и факт, описывая статус иностранцев в России. Резко отрицательно отозвался о сочинении Андреевского публицист Н. Г. Чернышевский, заявивший на страницах журнала «Современник»[3], что его книга об иностранцах в России «не имеет особенного ученого значения», «автор наделяет иностранцев в древней Руси всеми правами, «какие только при новейшем развитии гуманности и терпимости даются иноземцам».

В начале 1855 года Иван Андреевский представил юридическому факультету Санкт-Петербургского университета для получения разрешения на преподавание диссертацию pro venia legendi по теме «О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г.», изданную в виде книги.

13 февраля 1855 года И. Е. Андреевский был назначен на должность адъюнкта юридического факультета Санкт-Петербургского университета и приступил к чтению лекций по курсу «О русских государственных учреждениях», служившему дополнением лекционного курса, который читал его учитель профессор П. Д. Калмы-

---

[1] О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III на престол великого княжества Московского. И. Е. Андреевский в данном случае счел недостоверным приведенное в «Истории Российской» В. Н. Татищева известие о том, что Владимир Мономах, заняв великокняжеский престол в Киеве, созвал князей и на общем совете решил вместе с ними выгнать жидов изо всей Русской земли за их неумеренную алчность при ведении торговых и денежных дел. См. об этом: *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1773. Т. 2. С. 213.

[2] См.: Отечественные записки. Учено-литературный журнал, издаваемый А. А. Краевским. 1855. Т. 100. № 5—6. Отд. 3. С. 1—8; Современник. 1855. № 4. С. 40—47.

[3] См.: Современник. 1855. № 4. С. 40—47.

ков. С 1857 года он стал читать лекции и по кафедре законов благочиния и благоустройства, то есть по курсу полицейского права.

В 1855 году началась преподавательская деятельность И. Е. Андреевского и в Училище правоведения. Иван Ефимович заменил здесь умершего К. А. Неволина: в 1-м и 2-и классах он стал читать историю российского законодательства[1], в 3-м классе — энциклопедию законоведения[2]. До 1878 года Андреевский являлся штатным преподавателем Училища правоведения (с 1857 г. в должности профессора), после этого и до самой смерти он был здесь приватным преподавателем энциклопедии законоведения и истории русского права[3].

В декабре 1857 года Училище правоведения посетил император Александр II. Его величество посетил лекцию Андреевского, посвященную задачам государственной деятельности, и остался доволен ею. В знак своего благоволения к лектору государь пожаловал ему золотой перстень, украшенный бриллиантами[4].

С 1861 года И. Е. Андреевского стали приглашать преподавать юридические науки великим князьям. Сначала он преподавал наследнику престола великому князю Николаю Александровичу курс энциклопедии юридических и политических наук, в 1863 году он читал цесаревичу курс полицейского права. В 1864 году его учеником стал великий князь Александр Александрович, который начал свое обучения также с курса энциклопедии. В 1866 году великий князь, уже в звании нового цесаревича, перешедшего к нему от умершего старшего брата, слушал лекции Андреевского по государственному праву. В 1866—1868 годах учениками Ивана Ефимовича были великие князья Владимир и Сергей Александровичи.

---

[1] Сохранился литографический текст лекций Андреевского по этому предмету. См.: История русского права. Лекции, читанные проф. И. Е. Андреевским в Санкт-Петербургском университете в 1863/4 акад. году студентам юридического факультета и составленные под его же редакцией бароном Аркадием Корфом. Б. м. и г. — 192+232 с.

[2] См.: Энциклопедия законоведения. Курс III класса Императорского Училища правоведения по лекциям И. Е. Андреевского, читанным в 1884/5 акад. году / Сост. Черносвитов, издал Стасов. СПб., 1885. — 548 с.

[3] См.: Ко дню LXXV юбилея Императорского Училища правоведения. 1835—1910 гг. Исторический очерк / Сост. Г. Сюзор. СПб., 1910. С. 310—311.

[4] Запись в формулярном списке И. Е. Андреевского, датированная 28 декабря, гласит: «Вследствие посещения Государем Императором в декабре 1857 г. его лекций в Императорском Училище Правоведения удостоен пожалования от Государя Императора золотого перстня, украшенного брильянтами».

В 1862 году И. Е. Андреевский представил свои замечания на проект Университетского устава, разработанный в Министерстве народного просвещения. Как член комиссии по составлению нового Устава он способствовал введению в программу обучения на юридических факультетах в качестве обязательной дисциплины полицейского права.

В начале 1864 года И. Е. Андреевский защитил диссертацию «О наместниках, воеводах и губернаторах» на степень доктора государственного права[1]. На защиту им были вынесены следующие положения: 1) «Должности наместника, воеводы и губернатора суть должности однородные, принадлежащие трем различным периодам истории русского права». 2) «В должности наместника соединились понятия сана и должности». 3) «В устроении губернского управления император Петр I держался различных систем, но ни одной из них не доставил осуществления». 4) «Положение о земских учреждениях 1 января 1864 года, когда получит надлежащее практическое применение, изменит существо должности губернатора: направление реформ этой должности будет совершенно противоположно реформам, начиная с половины XVIII ст.»[2].

Н. В. Калачов в своей довольно подробной рецензии на это сочинение Андреевского высоко оценил его достоинства[3].

27 апреля 1864 года Андреевский был избран экстраординарным профессором, а 21 сентября он стал ординарным профессором юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

В 1866 году И. Е. Андреевский опубликовал введение в свой лекционный курс русского государственного права и первую его часть. В нем предпринималась попытка раскрыть посредством исторического анализа основные понятия науки государственного права. Ее предметом автор называл рассмотрение «тех начал, на кото-

[1] См.: О наместниках, воеводах и губернаторах. Рассуждение магистра государственного права Ивана Андреевского, представленное в юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета для получения степени доктора государственного права. СПб., 1864.

[2] Там же. С. 155.

[3] См.: *Калачов Н. В.* Разбор сочинения г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах». СПб., 1867. Текст рецензии напечатан на страницах с 1-й по 28-ю. В приложении к нему на последующих 124 страницах опубликованы обозрения проектов и бумаг комитета 6 декабря 1826 г., относящихся к губернским учреждениям.

рых устроиваются отношения элементов государственных»[1]. «Разнообразные формы, выражающие верховную власть, — писал он, — соответствуя участию в них могущественнейших элементов нации, могут быть подведены к трем главным образом: выражению власти в лице физическом (монархия), в лице юридическом (аристократия и демократия) или в соединении лица физического с юридическим (представительная монархия). Каждая форма, проявляя в известной степени во внешности существо верховной власти и соответствуя постепенному историческому образованию государственной связи верховной власти и общества, заключает в себе выработанную государством идею и может быть изучена и понята только путем историческим»[2].

В данной области своего научного творчества Иван Ефимович не отличался оригинальностью. Так, он довольно упрощенно понимал сущность государства, определяя его как «общество свободных людей, живущих на определенном пространстве земли под одною общею для них властию (верховною), называемой *государством*»[3].

В начале 70-х годов вышли в свет два тома учебника «Полицейское право»[4], который может быть отнесен к числу самых главных научных трудов И. Е. Андреевского. В нем излагались основы науки полицейского права и общей теории полицейской деятельности, разработанные автором посредством анализа полицейского законодательства западноевропейских стран и России. «Представить в виде систематического целого начала этой науки как анализ главнейших положительных полицейских западноевропейских законодательств, а особенно отечественного, составляло задачу настоящего сочинения». Изучить полицейскую деятельность общества рядом с полицейской деятельностью правительства и разъяснить начала, связывающие в самом законодательстве эти две ветви органичес-

---

[1] *Андреевский И. Е.* Русское государственное право. Введение и часть первая (О правительстве). СПб., М., 1866. С. 1.

[2] Там же. С. 128—129.

[3] Там же. С. 1.

[4] *Андреевский И. Е.* Полицейское право. Т. 1. Введение и часть первая (Полиция безопасности). СПб., 1871 (второе издание: СПб., 1874); *его же.* Полицейское право. Т. 2. Часть вторая (Полиция благосостояния). СПб., 1873 (второе издание: СПб., 1876). См. рецензию: *Лешков В. Н.* Полицейское право г. Андреевского, профессора Санкт-Петербургского университета. М., 1873.

ки, было задачей моего труда»[1], — писал он в предисловии к учебнику. В отличие от западноевропейских ученых (Лоренца Штейна, в частности), понимавших полицию только в качестве принудительной деятельности государства, обеспечивающейся проведением государственной воли, русский правовед определял полицейскую деятельность как «деятельность целого государства (отдельных лиц, союзов, общества и правительства) для создания условий безопасности и благосостояния»[2]. В соответствии с этим рассматриваемый учебник делился на две части: в первой излагалась «*полиция безопасности*», то есть полицейское право в узком смысле, во второй, которой было посвящено содержание второго тома, описывалась «полиция благосостояния», то есть «государственная (общественная и правительственная) деятельность, направляемая к обеспечению условий, при которых может выгодно развиваться как духовное, так и материальное благосостояние»[3].

В 1875 году И. Е. Андреевский временно исполнял должность декана юридического факультета, а 3 октября 1883 года он был избран университетским Советом на пост ректора Санкт-Петербургского университета (утвержден 20 октября). Его ректорство пришлось на очень трудный период в жизни университета — время перемен, вызванных введением в 1884 году нового Университетского устава. Иван Ефимович умел примирить между собой противоречивые интересы, смягчить неизбежные при нововведениях конфликты.

Будучи специалистом в области государственного и полицейского права, Андреевский глубоко интересовался историей России. Любовь к русской старине подружила его с Н. В. Калачовым, историком русского права, основателем и первым директором Археологического института. По приглашению Калачова Иван Ефимович начал с 1879 года читать здесь лекции, сначала по истории полицейского права и земских учреждений в России[4], а затем (с 1886 г.) и по курсу науки об архивах[5]. После смерти Калачова (25 октября 1885 г.) он был избран на пост директора Археологического инсти-

[1] *Андреевский И. Е.* Полицейское право. Т. 1. Введение и часть первая. С. 1.

[2] Там же. С. 2.

[3] Там же. С. 1.

[4] См.: Лекции по истории полицейского права и земских учреждений в России, читанные в Архивном институте в 1881, 1882 и 1883 годах. СПб., 1883.

[5] Наука об архивах. Лекции, читанные в Археологическом институте профессором И. Е. Андреевским в 1885/6 и 1886/7 акад. годах. СПб., 1887 (литография).

тута (18 ноября 1885 г.). Административная и преподавательская деятельность Андреевского в этом учебном заведении продолжалась до самой его смерти.

Ухудшение здоровья заставило ученого оставить ректорство и преподавательскую работу в Санкт-Петербургском университете. 28 мая 1887 года «государь император, по всеподданнейшему докладу г. министра народного просвещения высочайше соизволил на увольнение, согласно прошению, от должности ректора» И. Е. Андреевского. «Предложением г. министра народного просвещения от 14 августа 1887 года за № 12056, согласно прошению» Андреевский был «уволен со службы при университете с 1 августа 1887 года».

К расставанью с университетом добавилась вскоре и другая тяжкая для него утрата. 11 ноября 1887 года умер от неизлечимой болезни единственный сын Ивана Ефимовича, недавно окончивший математический факультет.

Последние два года жизни Андреевский, помимо преподавания в Училище правоведения и в Археологическом институте, работы в различных общественных организациях[1], редактировал Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. И при этом сам писал в него статью за статьей[2]. Нередко ему приходилось сидеть за письменным столом до 3—4-х часов ночи. Ослабленный возрастом, болезнями и сверхнапряженным трудом организм в конце концов не выдержал.

12 мая 1891 года Иван Ефимович произносил торжественную речь перед выпускниками Археологического института в душном и жарком актовом зале. «К концу речи голос его, всегда ясный и звучный, начал хрипеть»[3]. Сразу после выступления он, не остыв,

---

[1] В последнее десятилетие жизни И. Е. Андреевского центром его общественной деятельности было основанное в 1877 г. «Русское общество охранения народного здравия». Это общество издавало журнал, в котором ученый регулярно публиковал свои статьи. См., например: *Андреевский И. Е.* Ход развития законодательств по санитарной части // Журнал русского общества охраны народного здравия. 1891. № 3. С. 6—15.

[2] В первых четырех томах Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, выпущенного в 1890—1891 гг., было опубликовано 189 статей И. Е. Андреевского. Среди них: «Археологические институты и археологические школы», «Архивное право», «Архивные ученые комиссии», «Архивоведение или наука об архивах», «Архивы», «Благо», «Благополучие», «Благосостояние», «Благоустройство», «Благочиние», «Блунчли» и др.

[3] *Финкельштейн Л. О.* История болезни Ивана Ефимовича Андреевского. СПб., 1892. С. 1.

одел легкое пальто и поехал домой. По приезде, не успев отогреться, отправился в Малый Ярославец на торжественный обед. Еще на обеде он почувствовал признаки простуды. К ночи появились симптомы воспаления легких. В результате Андреевский слег. 20 мая 1891 года сердце ученого прекратило биение[1].

25 мая 1891 года в церкви Училища правоведения на Фонтанке состоялось отпевание профессора И. Е. Андреевского. Присутствовали академик А. П. Бекетов, сенаторы А. Ф. Кони и Н. С. Таганцев, профессора Санкт-Петербургского университета, Военно-медицинской академии, Археологического института, студенты. Иван Ефимович завещал похоронить его на Новодеревенском кладбище рядом с могилой сына, что и было исполнено (в настоящее время такого кладбища в Петербурге нет).

Оценивая в надгробной речи общественную деятельность Андреевского, профессор В. И. Сергеевич говорил: «Кое-что успел он осуществить, многому содействовать, но все это только ничтожная часть его планов и проектов. Иван Ефимович обладал крупным талантом организатора и для осуществления своих идей умел находить людей, умел отыскивать и средства. Но гораздо больше идей унес он с собою в могилу. Только близкие ему люди знают, сколько проектов, сколько планов роилось в этом предприимчивом и самоотверженном деятеле, какие широкие идеи оставил он неразработанными».

* * *

И. Е. Андреевский был яркой, заметной личностью в Санкт-Петербурге. Всегда приветливый, чрезвычайно обходительный в общении со всеми окружающими, непритязательный в быту и в то же время участник разнообразных благотворительных обществ, внимательно относившийся к чужим мнениям, он неизменно пользовался авторитетом и уважением в тех общественных кругах, в которых вращался. Как администратор Андреевский отличался тем, что в любое время был доступен: он приказал швейцару пропускать к нему посетителей буквально днем и ночью.

Вместе с тем Андреевский был талантливым преподавателем. Он обладал редкой способностью интересно, живо и доступно рас-

[1] «Смерть последовала от паралича сердца во время припадка стенокардии. Иван Ефимович скончался в понедельник 20-го мая в 1 час 40 минут пополудни» (*Финкельштейн Л. О.* Указ. соч. С. 13).

сказывать о самых сухих и сложных вещах. По словам А. В. Половцова, «в преподавании Ивана Ефимовича далеко не исчерпывалось тем, что он говорил; огромное значение в обаятельности его речей было то, как он говорил. Он превосходно знал всегда свою аудиторию, чувствовал, что, сколько и как можно сказать в известном случае. Слушатели его никогда не утомлялись. Какую бы сухую, повидимому, тему ни развивал Иван Ефимович, все выходило у него интересным. Это зависело, разумеется, в значительной степени от поразительно обширного запаса его сведений, но и от особого умения улавливать то интересное, что имеется везде в жизни, как бы она скучна и суха ни казалась на первый взгляд»[1]. Сухой науке об архивах Андреевский умел придать ореол поэзии. Так, во вступительной лекции по этому курсу он говорил: «Рука времени пощадила немало свидетельств, кустиков, отрывков, из которых, при надлежащем сопоставлении, создаются целые образы, как живые свидетели того, что казалось навсегда исчезнувшим, вымершим»[2].

Письменные работы Андреевского мало что сохранили из характера его устной речи: ученый старался тщательно отделывать стиль своих сочинений, продумывал до деталей их содержание и структуру.

Среди студентов учебных заведений, в которых Иван Ефимович преподавал, он слыл снисходительным экзаменатором. За десять минут до кончины он разговаривал с профессором С. В. Ведровым, расспрашивал его о ходе экзаменов в Училище правоведения. Затем впал в бред и, по свидетельству тех, кто находился у постели умиравшего, ему в какое-то мгновение показалось, что он принимает экзамен, и из уст его вырвалась фраза: «Ну уж поставим ему троечку»[3].

По своему политическому мировоззрению И. Е. Андреевский являлся либералом, сторонником идеи правового государства. Но в нем не было свойственного либералам догматизма, сухого, оторванного от жизни теоретизирования.

Умственным складом своим Иван Ефимович был привержен к истории: она ощущалась им не только как прошлое, но и в качестве составной части настоящего. «Не все, что записано в историю,

---

[1] *Половцов А. В.* Иван Ефимович Андреевский как преподаватель и директор Археологического института. СПб., 1892. С. 7.

[2] Цит. по: там же. С. 6.

[3] Там же. С. 8.

составляет минувшее, — говорил он в своих лекциях, — при ближайшем изучении весьма многое, все существенное живет и существует; как не исчезает истина, так не вымирают жизненные принципы общества: их призыв не вымирание, а постоянная жизнь и развитие. Понять это живое, вечно трепещущее и развивающееся, можно только идя в глубь прежнего, для нас уже старого, несуществующего, но в действительности всегда одинаково живущего, исторического»[1].

[1] Цит. по: *Половцов А. В.* Указ. соч. С. 6.

Василий Иванович Сергеевич

(1832—1910)

ВАСИЛИЙ Иванович Сергеевич родился 19 марта 1832 года в г. Орле. Первоначальное образование он получил в 4-й Московской гимназии, которую окончил в 1853 году с золотой медалью. В том же году поступил на юридический факультет Императорского Московского университета.

В гуманитарном университетском образовании России в 40—50-е годы XIX века доминировали исторические науки. В Московском университете в указанное время особенно выделялись своими талантами профессора-историки: Ф. И. Буслаев (1818—1897), Т. Н. Грановский (1813—1855), П. Н. Кудрявцев, М. П. Погодин (1800—1875), С. М. Соловьев (1820—1879). Они читали лекции не только на историко-филологическом[1], но и на юридическом факультете. Духом исторического направления было проникнуто и преподавание юридических наук. В годы учебы В. И. Сергеевича на юридическом факультете Московского университета преподавали И. Д. Беляев (1810—1873), читавший историю русского законодательства, профессор уголовного права С. И. Баршев (1808—1882), профессор римского права Н. И. Крылов (1807—1879), профессор полицейского права В. Н. Лешков (1810—1881), профессор гражданского права Ф. Л. Морошкин (1804—1857) и др. Все они отличались своей приверженностью к русской истории[2].

В середине 50-х годов XIX века развернулась острая полемика между «славянофилами» и «западниками». Активное участие в ней

---

[1] По действующему в то время Университетскому уставу 1835 года историко-филологический факультет в российских университетах официально именовался историко-филологическим отделением философского факультета.

[2] «Курс Лешкова (после он называл свой предмет общественным правом) был загромождён фактами и приправлен некритическим восхвалением древней Руси», — вспоминал историк К. Н. Бестужев-Рюмин (1829—1897), учившийся в конце 40 — начале 50-х годов XIX века на юридическом факультете и слушавший лекции В. Н. Лешкова. См.: *Бестужев-Рюмин К. Н.* Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 365.

принимали преподаватели юридического факультета Московского университета. И большинство из них выступало на стороне «славянофилов». Причем «славянофильскими» настроениями отличались ведущие профессора факультета — люди, определявшие его духовную атмосферу: И. Д. Беляев, Н. И. Крылов, В. Н. Лешков. В этой атмосфере, характер которой определялся повышенным интересом русских интеллектуалов к истории своего отечества, шло становление мировоззрения студента Сергеевича.

По завершении в 1857 году университетского курса обучения молодой правовед был определен преподавателем законоведения в 1-ю Московскую гимназию. Официальное назначение его на эту должность состоялось 5 января 1858 года. Преподавательская деятельность В. И. Сергеевича в гимназии продолжалась четыре с половиной года. 26 июня 1862 года он был отставлен от должности преподавателя 1-й Московской гимназии и причислен к Министерству народного просвещения.

В начале 60-х годов XIX века в российских правительственных сферах шла подготовка реформы университетского образования. В соответствии с разработанными проектами этой реформы предполагалось создание в университетах целого ряда новых кафедр и соответственно введение в программу университетского обучения новых наук. Однако осуществлению данной меры препятствовал недостаток в российских университетах квалифицированных преподавателей. Создававшиеся здесь новые кафедры требовали замещения около двухсот преподавательских вакансий. Для решения возникшей проблемы Министерство народного просвещения решило восстановить практику стажировок способных к преподавательской работе молодых людей в западноевропейских университетах, которая существовала до 1848 года и была прекращена из-за начавшегося в то время революционного брожения в ряде европейских стран. В марте 1862 года в университеты Российской империи был направлен правительственный циркуляр, в котором сообщалось, что император Александр II удовлетворил ходатайство министра народного просвещения А. В. Головнина о разрешении заграничных командировок с целью приготовления молодых людей к профессорскому званию и о выделении каждому из тех, кто отправлялся на стажировку в иностранные университеты, стипендии в размере 1600—2000 рублей в год.

В результате в течение 1862—1866 годов в западноевропейские университеты было командировано из России 100 профессорских

кандидатов. Среди них был и «причисленный к министерству» В. И. Сергеевич. Ему предстояло пройти подготовку для занятия должности преподавателя на юридическом факультете Императорского Московского университета.

В течение трех лет Василий Иванович слушал лекции известных иностранных ученых (И.-К. Блунчли[1], К. Миттермайера[2], К.-А. Вангерова[3] и др.) в Гейдельбергском, Берлинском и других западноевропейских университетах, работал в крупнейших заграничных библиотеках, знакомился с законодательством Франции, Германии, Англии.

Собранные за границей материалы В. И. Сергеевич обобщил в шести заметках, опубликованных в 1863—1865 годах под рубрикой «Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию» «Журнала Министерства народного просвещения»: «О служебных экзаменах в Пруссии»[4], «Особенности французского кассационного суда»[5], «Очерк кассации в Пруссии (К вопросу о кассационном суде)»[6], «Мнение Цинка в пользу кассационного суда»[7], «Время возникновения германской поземельной общины»[8] и «Порядок отмены решений по новому ус-

---

[1] Иоганн-Каспар Блунчли (Bluntschli) (1808—1881) — швейцарский правовед, автор многочисленных работ по истории государства и права, государствоведению, частному и международному публичному праву, профессор Цюрихского (с 1833 года), Мюнхенского (с 1848 года) и Гейдельбергского (с 1861 года) университетов.

[2] Карл Миттермайер (Mittermeier) (1787—1867) — немецкий правовед, специалист в области уголовного судопроизводства, профессор Гейдельбергского университета. Произведения К. Миттермайера вызывали огромный интерес в России в начале 60-х годов XIX века — во время подготовки и начала осуществления судебной реформы. В 1863—1865 годах целая серия их вышла в свет в переводе на русский язык (Руководство к судебной защите по уголовным делам. М., 1863; Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству. СПб., 1864; Смертная казнь по результатам научных исследований, успехов законодательства и опытов. СПб., 1864; Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке. М., 1864; Современное положение суда присяжных. СПб., 1865 и др.).

[3] Карл-Адольф Вангеров (Wangerow) (1808—1870) — немецкий правовед, специалист в области пандектного права, профессор Гейдельбергского университета.

[4] ЖМНП. 1863. Ч. 117. Март. Отдел III. С. 262—272.

[5] Там же. Ч. 118. Июнь. Отдел III. С. 270—291.

[6] Там же. Ч. 120. Октябрь. Отдел III. С. 38—50.

[7] Там же. 1864. Ч. 121. Январь. Отдел III. С. 41—50.

[8] Там же. 1865. Ч. 125. Февраль. Отдел III. С. 110—125.

таву гражданского судопроизводства»[1]. Названия этих заметок показывают основные направления научных исследований их автора во время пребывания в заграничной командировке — это гражданский процесс. Сам Василий Иванович в качестве главной цели своей стажировки за границей называл подготовку к преподаванию судоустройства и судопроизводства. В заключение второго своего отчета — опубликованного в июньском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1863 год — он писал: «По приезде в Гейдельберг мои приготовления к преподаванию судопроизводства и судоустройства начал я с изучения римского гражданского судопроизводства. Кроме того, слушаю лекции проф. Блунчли и Рено — общее гражданское судопроизводство. Последнему я очень благодарен как за его полный, превосходно систематизированный и с чрезвычайной ясностью протолкованный догматический курс судопроизводства, так и за те указания, которые он мне сделал по литературе своего предмета»[2].

На втором году заграничной командировки В. И. Сергеевич решил переменить свою специализацию — его главные научные интересы сосредоточились с этого времени на истории. Василий Иванович обратился в Министерство народного просвещения с просьбой разрешить ему готовить себя к преподаванию по кафедре истории иностранных законодательств. Московский университет поддержал его просьбу. В связи с этим срок заграничной командировки будущего преподавателя юридического факультета был продлен еще на один год.

Изучая во время пребывания в Гейдельберге институты гражданского правосудия в западноевропейских странах, В. И. Сергеевич стремился оценить с позиций иностранного опыта организацию судоустройства и судопроизводства, введенную в результате судебной реформы в России. В последней из своих заграничных заметок, написанной в Берлине 16 июня 1865 года, Василий Иванович сравнивал российский порядок кассации с тем, который существовал в то время во Франции. Вывод, сделанный молодым правоведом из этого сравнения, кажется на первый взгляд парадоксальным: В. И. Сергеевич заявлял, в частности, что «основная мысль французского кассационного суда проведена у нас последовательнее, чем в самой Франции»[3]. Но пояснение, которое прилагалось

[1] ЖМНП. 1863. Ч. 127. Сентябрь. Отдел III. С. 197—208.
[2] Там же. 1863. Ч. 118. Июнь. Отдел III. С. 291.
[3] Там же. 1865. Ч. 127. Сентябрь. Отдел III. С. 199.

им к этим словам, делало его вывод вполне логичным. Отметив, что «кассационный суд не рассматривает дел в существе и не рассматривает фактической стороны» и что «его назначение состоит в ограждении правильного исполнения законов»[1], Василий Иванович утверждал далее: «Перенесение этой мысли к нам с удержанием всех особенностей французского кассационного суда могло бы быть причиной весьма важных неудобств. При громадности наших расстояний, при удаленности кассационного департамента от естественного центра Империи, при отсутствии правильных путей сообщения — явка к суду была бы крайне затруднительна как для истца, так и для ответчика, и, конечно, нередко удерживала бы от пользования этим средством. Новый устав обошел как это, так и другие неудобства французской кассации... он не требует явки ответчика, даже присутствие просителя во время доклада не есть необходимо, а потому можно думать, что прошение о кассации может быть подаваемо через почту»[2]. После этого Сергеевич выражал мнение, что предусмотренный российским уставом гражданского судопроизводства порядок производства по жалобе о пересмотре решения «находится даже в большей гармонии» с нашими поводами к пересмотру, «чем с теми, которые встречаются в некоторых западных законодательствах»[3]. Например, во французском законодательстве, отмечал он, «к пересмотру решений ведет, между прочим, и нарушение существенных форм судопроизводства; тогда как по нашему уставу пересмотр решений строго ограничивается такими только случаями, которые не могут быть поставлены в вину судье»[4].

Осенью 1865 года В. И. Сергеевич возвратился в Москву. По прошествии двух лет — в декабре 1867 года — он представил на диспут свою диссертацию на степень магистра государственных наук по теме: «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей»[5]. Его оппонентами были ординарный профессор истории важнейших законодательств и новых Ф. М. Дмитриев, исправлявший должность экстраординарно-

---

[1] ЖМНП. 1865. Ч. 127. Сентябрь. Отдел III. С. 199.

[2] Там же. С. 199—200.

[3] Там же. С. 206.

[4] Там же.

[5] В том же году текст этой диссертации вышел в свет в виде отдельной книги. См.: Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки В. И. Сергеевича. М., 1867.

го профессора гражданского права В. Н. Никольский и ординарный профессор государственного права Б. Н. Чичерин. Одним из активных участников диспута по диссертации В. И. Сергеевича был историк М. П. Погодин. 1 января 1868 года он опубликовал в газете «Русский»[1] статью «Диспут г. Сергеевича», в которой писал, что «диспут был очень оживлен. Много было сказано дельного с жаром и искусством. Нельзя было не порадоваться дару слова, значительно у нас развившемуся». Магистерскую диссертацию В. И. Сергеевича Михаил Петрович охарактеризовал следующими словами: «Дельная, отчетистая, многосодержащая диссертация обещает, кажется, полезного деятеля для русской истории. Пожелаем ему полного успеха».

В. И. Сергеевич представил вече в своей диссертации как самостоятельное явление в древнерусском общественном и государственном строе — явление, которое не было создано князем, но составляло первоначальную форму бытия. «Народ и князь, — отмечал он, — суть два одинаково существенных элемента древнерусского общественного быта: с одной стороны, народ не может жить без князя, с другой — главную силу князя составляет тот же народ»[2]. По его словам, «вечевой быт был явлением *необходимым* в древней России, а потому и *всеобщим*. Князь, призванный элемент волости, не имел еще своих собственных, достаточно развитых орудий управления... Эта слабость собственных сил князя естественно заставляла его искать опоры в согласии с народом, выдвигала народ на первый план»[3]. Отмену вечевых учреждений Сергеевич связывал с изменениями в древнерусской общественной жизни, делавшими ненужными народные собрания. С его точки зрения, немаловажную роль в крушении на Руси вечевого строя сыграло татаро-монгольское завоевание. «Татары, — писал он, — не отменили веча, но как скоро центр государственной жизни переместился в Орду, исчезли поводы, призывавшие граждан к участию в общественных делах. С другой стороны, большая часть Русской земли повторяющимися нашествиями татар была доведена до крайнего опустошения, уровень общественного благосостояния сильно по-

[1] «Политическая и литературная» газета «Русский» издавалась в 1867—1868 годах самим М. П. Погодиным. Ее содержание состояло почти исключительно из его собственных статей и рецензий. В 1867 году она выходила еженедельно, в 1868 году — ежедневно.

[2] *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 1.

[3] Там же. С. 20.

низился, и городам, которые подвергались почти периодическим разорениям, было не до рассуждения об общих делах»[1]. Примечательной чертой древнерусской государственности Сергеевич считал ее договорный характер. «История княжеских отношений есть ни что иное, как история договоров»[2], — утверждал он.

Сочинение В. И. Сергеевича «Вече и князь» вызвало большой интерес со стороны специалистов. В течение 1868—1869 годов выступили с подробными рецензиями на данное историческое исследование В. Н. Лешков[3], А. Д. Градовский[4], А. Ф. Бычков[5], Д. Я. Самоквасов[6] и др. Рецензенты, как правило, высказывали свое несогласие с некоторыми выводами автора и противопоставляли им свои идеи относительно роли веча и княжеской власти в древнерусском обществе. Однако общая оценка сочинения В. И. Сергеевича была положительной со стороны большинства рецензентов. Так, Лешков усматривал заслугу автора в том, что он «на основании изучения летописи добирается до народа и его быта и вносит в свое исследование не одну рефлексию или воззрения бытописателя, но и непосредственную силу и волю народа, также творившего нашу древнюю историю». А. Д. Градовский упрекал В. И. Сергеевича за излишний догматизм его исследования. «В книге г. Сергеевича, — отмечал он в своей рецензии, — мы не видим движения от вечевой России к самодержавной; не видим вообще никаких признаков исторического движения и развития элементов древнего общества». Градовский критиковал Сергеевича за попытку вывести институт веча из начала личной свободы и слабости княжеской власти. Но

---

[1] *Сергеевич В. И.* Вече и князь. С. 21.

[2] Там же. С. 123.

[3] В 1868 году рецензия В. Н. Лешкова на рассматриваемый труд В. И. Сергеевича была опубликована в газете «Русский» (№ 48, 49, 51 и 53), в 1869 году она была перепечатана в «Московских Университетских известиях» (№ 3. С. 205—239).

[4] См.: ЖМНП. 1868. Октябрь. С. 101—143. В 1871 году рецензия А. Д. Градовского на магистерское сочинение В. И. Сергеевича была опубликована в сборнике «Политика, история и администрация» (с. 50—87). Впоследствии статья Градовского «Государственный строй древней Руси (по поводу книги В. И. Сергеевича «Вече и князь»)» вошла в его собрание сочинений. См.: *Градовский А. Д.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. СПб., 1899. С. 339—381.

[5] *Бычков А. Ф.* Разбор сочинения В. Сергеевича «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей» // Отчет об одиннадцатом присуждении наград графа Уварова. 25-го сентября 1868 года. СПб., 1869. С. 39—57.

[6] См.: *Самоквасов Д. Я.* Заметки по истории русского государственного устройства и управления // ЖМНП. 1869. Ноябрь. С. 40—105; Декабрь. С. 217—248.

при этом рецензент признавал, что «до настоящего времени мы не имели такой полной картины нашего древнего государственного быта, какую представляет нам «Вече и князь». И далее он отмечал, что «основательное знание источников и живое изложение, ясность понятий и точность выражения, самостоятельный взгляд и совершенно новая оценка многих фактов, все это дает сочинению г. Сергеевича почетное место в нашей исторической и юридической литературе». Высокую оценку рассматриваемому произведению В. И. Сергеевича профессор А. Д. Градовский дал и в своих публичных лекциях на тему «Первые славянофилы», прочтенных в Санкт-Петербурге в марте 1873 года. «Возьмем, например, — говорил он, — замечательное вообще и лучшее в настоящее время исследование о государственном строе древней России г. Сергеевича «Князь и вече». Оно все построено на признании господства в древнеполитической жизни *личного* начала, которым объясняется у него развитие начала *вечевого*. Этого мало. Первые славянофилы, отрицая существование родового быта в народе, допустили, однако, или готовы были допустить его в отношениях междукняжеских. Г. Сергеевич разбил и эту иллюзию, доказав, что и здесь личное начало господствовало, как во всех других отношениях»[1].

25 сентября 1868 года Императорская Академия наук удостоила труд В. И. Сергеевича «Вече и князь» Уваровской премии[2]. Академик А. Ф. Бычков, рекомендовавший его к награждению данной премией, отмечал в своем отзыве: «До сих пор у нас не было столь подробного и добросовестно тщательного исследования о вече. Заслуга г. *Сергеевича* заключается не столько в собрании материалов, сколько в их строгой группировке и в извлечении из них тех данных, которые проливают свет и жизнь на наше отдаленное прошлое»[3]. Бычков считал не вполне справедливым и точным вывод Сергеевича о том, что всякое народное собрание, имеющее предметом своего ведения общие дела и желающее, чтобы его мнение было приня-

[1] *Градовский А. Д.* Первые славянофилы. Лекция третья // Градовский А. Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 338.

[2] Данная премия была учреждена в 1856 г. в память графа Сергея Семеновича Уварова (1786—1855), занимавшего с 1833 до 1849 г. должность министра народного просвещения, а с 1818 г. и до самой смерти — пост президента Императорской Академии наук. Уваровская премия присуждалась за научные труды (в основном посвященные истории России, русской словесности, выдающимся деятелям русской культуры) и литературные произведения.

[3] *Бычков А. Ф.* Указ. соч. С. 48.

то всем остальным народом, есть вече. Тем не менее в числе главных достоинств — «характеристических черт» — книги «Вече и князь» академик называл «близкое знакомство» автора с источниками и вследствие того «богатство собранных данных, внимательное отношение к предмету, ясное и своеобразное разъяснение многих вопросов, к нему относящихся, ровный и спокойный тон изложения»[1]. По словам Бычкова, «сочинение это, несмотря на некоторые его недостатки и на отсутствие в нем главы, посвященной литературе предмета, является полезным приобретением для науки и обещает ей в лице г. Сергеевича нового и даровитого деятеля»[2].

Спустя год после защиты магистерской диссертации — в феврале 1868 года — В. И. Сергеевич был назначен на должность доцента юридического факультета Московского университета по кафедре государственного права. «Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1868—69 академическом и 1869 гражданском году» показывает, что кафедра государственного права обеспечивала в то время преподавание трех предметов: а) теории государственного права, б) государственного права важнейших иностранных государств и в) русского государственного права. Науку истории русского права, на поприще которой В. И. Сергеевич в наибольшей степени проявит впоследствии свой талант научного исследователя, преподавал в то время в Московском университете профессор И. Д. Беляев.

10 апреля 1871 года на юридическом факультете Московского университета состоялся диспут по диссертации В. И. Сергеевича, представленной на соискание степени доктора государственного права. Она была написана на тему: «Задача и метода государственных наук». В том же году текст этой докторской диссертации был издан в виде отдельной книги[3]. Из общей массы наук о государстве Сергеевич выделил, как он сам отметил в начале своей работы, «науку положительного государственного права»[4] и последовательно рассмотрел ее развитие в XIX веке в Германии[5], Франции и Англии[6]. Отдельные главы своей диссертации Сергеевич посвятил анализу

---

[1] *Бычков А. Ф.* Указ. соч. С. 56.

[2] Там же. С. 56—57.

[3] См.: *Сергеевич В. И.* Задача и метода государственных наук. Очерки современной литературы. М., 1871.

[4] Там же. С. 2.

[5] См.: там же. С. 4—33.

[6] См.: там же. С. 33—46.

метода исследования в немецкой[1], французской и английской[2] науке о государстве. Он показал в своей работе как слабые, так и сильные стороны «ученых приемов», господствовавших в то время в государственных науках Германии, Англии и Франции. Самый главный порок немецкого государствоведения Сергеевич увидел в стремлении строить некие абстрактные государственно-правовые модели на основе философии. Констатация этого факта не привела его, однако, к отрицанию всякого значения трудов немецких государствоведов. Следуя мнению О. Конта, В. И. Сергеевич полагал, что, исследователь, высказавшийся в пользу ложных ученых приемов, может быть «им не верен и на деле следовать, если и не совершенно верным путем, то тропинкой более или менее к нему приближающейся. Именно в этом последнем положении и находятся немецкие ученые. Несмотря на все попытки соединения философских приемов с опытными, в действительности они идут только путем наблюдения и дают большой запас обобщений, составляющих необходимую подкладку эмпирических законов»[3]. Сравнивая немецкий вариант науки о государстве с английским и французским, Сергеевич отдавал явное предпочтение последним. Главное достоинство английского и французского государствоведения он усматривал в доминировании здесь научного метода наблюдения общественных явлений, разработанного усилиями О. Конта, Дж. Ст. Милля и К. Льюиса. Придавая этому методу первостепенное значение в изучении государства, русский правовед, так же как и указанные мыслители, считал, что «наука о государстве не может быть названа в строгом смысле наукой точной»[4]. По его словам, «идеального совершенства политические науки достигли бы тогда, если бы они дали возможность с такою же точностью предсказывать социальные феномены, с какою астрономия предсказывает явления звездного неба. Такие результаты в области политики ни в каком случае не достижимы. Но это не потому, чтобы социальные явления не управлялись постоянными законами, а только по причине крайней сложности этих явлений, и проистекающей отсюда невозможности привести в известность все данные, от которых они зависят»[5].

---

[1] См.: *Сергеевич В. И.* Задача и метода государственных наук. Очерки современной литературы. С. 47—178.

[2] См.: там же. С. 178—230.

[3] Там же. С. 230—231.

[4] Там же. С. 216.

[5] Там же.

В качестве официальных оппонентов по докторской диссертации В. И. Сергеевича выступили ординарный профессор Московского университета по кафедре финансового права Ф. Б. Мильгаузен и преподаватель И. Д. Ракович. Неофициальным оппонентом был декан историко-филологического факультета ординарный профессор П. Д. Юркевич[1]. Их выступления не были опубликованы. Но из сообщения о диспуте по докторской диссертации В. И. Сергеевича, напечатанного в газете «Московские Ведомости» (1871. № 76), видно, что критические замечания в адрес диссертанта со стороны оппонентов были весьма поверхностными, а оценки его труда довольно прохладными. Как бы то ни было, нельзя не признать, что докторская диссертация В. И. Сергеевича не вызвала к себе такого большого интереса в ученой среде, какой возбудила его магистерская диссертация. Специалисты оказались очень скупы на отзывы о ней. Рецензии на сочинение «Вече и князь» были многочисленны и отличались, как правило, большим объемом. Тогда как труд В. И. Сергеевича «Задача и метода государственных наук» удостоился лишь нескольких маленьких заметок[2].

Через месяц после защиты докторской диссертации В. И. Сергеевич был утвержден в должности экстраординарного профессора юридического факультета Московского университета по кафедре государственного права. Спустя пять месяцев после этого — 9 октября 1871 года — он стал ординарным профессором по той же кафедре.

В мае 1872 года В. И. Сергеевич был единогласно избран[3] на должность ординарного профессора Императорского Санкт-Петер-

---

[1] С 1868 года ординарный профессор П. Д. Юркевич преподавал на юридическом факультете Московского университета историю философии права (см.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1868—69 академическом и 1869 гражданском году. М., 1870. С. 5).

[2] См., например, рецензию В. Н. Лешкова объемом около трех страниц, опубликованную во второй книжке журнала «Юридический вестник» за 1871 год (с. 110—112). В апрельской книжке журнала «Беседа» за 1871 год (с. 205—244) была напечатана статья И. Ковалева (в содержании данной книжки журнала эта фамилия выступает с инициалами Н. Ф.) «Положительное направление политической мысли («Задача и метода государственных наук. Очерк современной политической литературы В. Сергеевича, доцента Императорского Московского университета». М., 1871)». Эту статью трудно отнести к категории рецензий, поскольку она целиком сводится лишь к пересказу положений книги В. И. Сергеевича.

[3] Протокол заседания Совета юридического факультета Санкт-Петербургского университета об избрании В. И. Сергеевича ординарным профессором по кафедре

бургского университета по кафедре истории русского права, освободившуюся в связи с уходом из университета профессора М. М. Михайлова (1827—1891). В августе он переехал из Москвы в Санкт-Петербург, а 27 сентября 1872 года прочитал на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета вступительную лекцию по курсу истории русского права.

С сентября 1882 года В. И. Сергеевич преподавал историю русского права также в Императорском Александровском лицее. Но главные события его жизни были связаны с Санкт-Петербургским университетом. В 1883 году истек двадцатипятилетний срок его государственной службы по Министерству народного просвещения. Несмотря на это Совет юридического факультета Санкт-Петербургского университета проголосовал 26 сентября указанного года за оставление Василия Ивановича в числе преподавателей факультета[1].

К этому времени В. И. Сергеевич уже имел репутацию одного из самых авторитетных исследователей истории русского государства и права. Первые годы своего пребывания в Санкт-Петербурге он посвятил изучению института земских соборов. Итогом его исследований по данной теме стала обширная статья «Земские соборы в Московском государстве», опубликованная в 1875 году во втором томе «Сборника государственных знаний»[2]. В начале данной статьи В. И. Сергеевич признал, что «применение сравнительной методы к историческому изучению государственных учреждений и права, составляет одно из недавних приобретений науки», что «к сравнениям обращались и прежде, но это было делом случая, а не методы»[3]. После этого он констатировал, что, прибегая к сравнительной методе, историки права, как западные, так и отечественные, ставили своей задачей не уяснение сходств, а выявление особенностей исторической жизни того или иного народа, раскрытие своеобразного хода, который приняла его история. «Под пером не-

---

истории русского права подписали такие известные в то время правоведы, как И. Е. Андреевский, А. Д. Градовский, М. И. Горчаков, С. В. Пахман, П. Г. Редкин, Н. С. Таганцев и др.

[1] За оставление В. И. Сергеевича на факультете было подано 30 голосов, против — 1.

[2] См.: *Сергеевич В. И.* Земские соборы в Московском государстве // Сборник государственных знаний / Под редакцией В. П. Безобразова. Т. II. СПб., 1875. С. 1—59. На титуле указанного сборника фамилия Сергеевича упоминается в числе лиц, «при ближайшем содействии которых» он издается.

[3] *Сергеевич В. И.* Земские соборы в Московском государстве. С. 1.

которых отечественных писателей, — с укором отметил далее Сергеевич, — несходство нашего исторического развития с развитием западных народов, самобытное движение нашей истории — обратилось даже в какое-то особое достоинство русского народа»[1].

В своей статье Василий Иванов сопоставлял земские соборы Московского государства с французскими генеральными штатами и английским представительством в его первоначальном виде. По его словам, «сходства этих учреждений так многосторонни, что никак не могут быть приписываемы случаю, а должны быть объясняемы действием одинаковых причин»[2]. До В. И. Сергеевича на однородность русских земских соборов с подобными учреждениями в Западной Европе обращал внимание в своей докторской диссертации и книге «О народном представительстве» Б. Н. Чичерин[3]. Однако он ограничился лишь кратким указанием на эту однородность и никак не обосновал и не развил данной идеи. В. И. Сергеевич показал в своей статье «Земские Соборы в Московском государстве» конкретные черты сходства этого учреждения с представительными учреждениями в средневековой Западной Европе. Рассматривая конкретно-исторический материал, ученый пришел к выводу, что «значение московских соборов не исчерпывается понятием совещательного учреждения: оно идет далее, хотя никакой указ формально и не признавал за ними того положения, которым в действительности они пользовались»[4]. «С такою же неопределенностью юридического значения представительства, — утверждал он далее, — встречаемся и в Западной Европе. С точки зрения формального права, участие представителей одинаково не признано ни по отношению к законодательству, ни по отношению к взиманию податей»[5].

В середине 70-х годов В. И. Сергеевич был привлечен к работе по подготовке к изданию в «Сборнике Императорского Русского Исторического общества» документов комиссии для сочинения проекта нового уложения, созданной императрицей Екатериной II. Эту работу возглавлял Д. В. Поленов. В 1869, 1871 и 1875 годах вышло три тома «Материалов Екатерининской Законодательной Комис-

---

[1] *Сергеевич В. И.* Земские соборы в Московском государстве. С. 1—2.

[2] Там же. С. 3.

[3] *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1866. С. 355.

[4] *Сергеевич В. И.* Земские соборы в Московском государстве. С. 38.

[5] Там же.

сии»[1]. В 1878 году Поленов умер, и руководство подготовкой данных материалов к изданию было возложено на В. И. Сергеевича. На заседании Совета Русского Исторического общества, состоявшемся 20 февраля 1879 года, Василий Иванович предложил коренным образом изменить порядок их издания и «печатать памятники екатерининской комиссии без всякого изменения состава их и языка». Это предложение было утверждено общим собранием. Под наблюдением В. И. Сергеевича выйдет в свет восемь томов «Материалов Екатерининской Законодательной Комиссии»[2].

В процессе работы по подготовке указанных материалов к изданию В. И. Сергеевич подготовил статью под названием «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?» и опубликовал ее в 1878 году в журнале «Вестник Европы»[3]. Раскрывая замысел этой своей статьи, он писал, что хотел бы на основе изданных материалов, и частью тех, с которыми он имел случай ознакомиться в архиве 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, «представить общую характеристику деятельности комиссии и с этой целью сделать оценку условий, в которые она была поставлена, и выяснить возможные причины загадочного исхода занятий»[4].

В 1879 году в «Сборнике государственных знаний» была опубликована статья В. И. Сергеевича «Государство и право в истории»[5]. Данная работа представляла собой введение к лекционному курсу истории русского права, который читался им в Санкт-Петербургском университете. В ней последовательно рассматривались вопросы факторов и законов исторического развития человеческого общества, сравнительная метода, начало национальности в истории,

---

[1] См.: Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Том 4. Материалы Екатерининской Законодательной Комиссии. Часть I. Предисловие Д. В. Поленова. СПб., 1869; Том 8. Часть II. СПб., 1871; Том 14. Часть III. СПб., 1875.

[2] См.: Сборник ИРИО. Том 32. Материалы Екатерининской Законодательной Комиссии. Часть IV / Под наблюдением В. И. Сергеевича. СПб., 1881; Том 36. Часть V. СПб., 1882; Том 43. Часть VI. СПб., 1885; Том 68. Часть VII. СПб., 1889; Том 93. Часть VIII. СПб., 1894; Том 107. Часть IX. СПб., 1900; Том 115. Часть X. СПб., 1903; Том 123. Часть XI. СПб., 1907.

[3] См.: *Сергеевич В. И.* Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 188—264.

[4] Там же. С. 189.

[5] *Сергеевич В. И.* Государство и право в истории // Сборник государственных знаний / Под редакцией В. П. Безобразова. Т. VII. СПб., 1879. С. 19—96.

тема исторического прогресса и, наконец, различные варианты периодизации истории русского права, предложенные историками права и самим Сергеевичем.

Статья «Государство и право в истории» составила начало объемной — более тысячи страниц — книги В. И. Сергеевича «Лекции и исследования по истории русского права», выпущенной им в свет в 1883 году. В предисловии к ней автор писал: «Просматривая летом прошлого года литографированные лекции по моему предмету, я нашел их во многом не соответствующими моим чтениям за последнее время и принял решение в течение наступавшего академического года дать моим слушателям исправленное их издание. Такова цель выпускаемой ныне в свет книги»[1]. Название данного произведения отражало комплексный характер его содержания, которое составили не только лекции, но и тексты ранее опубликованных научных работ В. И. Сергеевича — его исследования. «Я не счел нужным делать для этого издания извлечение из моих напечатанных трудов по истории права, — пояснял он этот факт; — они перепечатаны здесь целиком лишь с небольшими изменениями и пропусками. Из книги Вече и Князь выпущен, например, весь очерк истории княжеских отношений...»[2].

Сергеевич разделил свои «Лекции и исследования» на две большие части: первая называлась «История права при князьях», вторая — «История права при царях и императорах». Содержание каждой части делилось, в свою очередь, на главы, посвященные источникам права, государственному праву, уголовному праву, гражданскому праву, судопроизводству. Заканчивалась книга кратким описанием нововведений императрицы Екатерины II.

80-е годы XIX века были для В. И. Сергеевича периодом углубленных научных изысканий в области истории древнерусского общественного и государственного строя и права. В 1882 году он опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» статью, посвященную греческому и русскому праву в договорах Руси с греками X века[3]. «История договоров с Греками — этих древней-

---

[1] *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. I.

[2] Там же.

[3] См.: *Сергеевич В. И.* Греческое и русское право в договорах с греками X века // ЖМНП. 1882. Ч. 219. Январь. С. 82—115. В конце этой статьи написано «окончание следует», однако в последующих номерах журнала эта «окончательная» статья так и не была опубликована. Скорее всего, Сергеевич ее не написал.

ших памятников наших международных сношений — представляет многие неясности, — объяснял он причину своего погружения в данную тему и задачу своей статьи. — Число договоров, их содержание, отношение этого содержания к русскому и греческому праву — все здесь сомнительно и спорно. При современном состоянии наших источников, сомнения, возбуждаемые договорами, едва ли могут быть разрешены окончательно. Но некоторые дополнения к существующим мнениям можно предложить и на основании старого материала»[1].

Почти одновременно со статьей о договорах Руси с греками вышла в свет статья В. И. Сергеевича «Опыты исследования обычного права»[2]. Василий Иванович рассмотрел в ней вопросы происхождения обычного права и его значения в русском обществе.

В 1886 году в журнале «Новь» была напечатана его статья «Как и из чего образовалась территория Московского государства?»[3]. В следующем году Сергеевич опубликовал в журнале «Наблюдатель» статью «Вольные и невольные слуги московских государей». Это были фрагменты обобщающего труда по истории русского права, которому автор дал сначала название «Русские юридические древности».

Первый его том, посвященный государственной территории и юридическому положению различных категорий населения Древней Руси и Московского государства, вышел в свет в 1890 году[4].

Второй том «Русских юридических древностей» описывал организацию власти в Древней Руси и в Московском государстве. Он вышел в свет двумя выпусками — в 1893 и в 1896 годах[5]. В предисловии к первому выпуску второго тома «Русских юридических древностей», озаглавленному как «Вече и князь», Сергеевич пояснил, что хотя этот выпуск носит такое же заглавие, какое имело его магистерское исследование, напечатанное в 1867 году[6], он не нашел

---

[1] ЖМНП. 1882. Ч. 219. Январь. С. 82.

[2] См.: *Сергеевич В. И.* Опыты исследования обычного права // Наблюдатель. 1882. № 1. С. 80—97. № 2. С. 213—240.

[3] См.: Новь. 1886. Т. 8. № 6. С. 176—194; № 7. С. 310—325.

[4] См.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Том первый. Территория и население. СПб., 1890.

[5] См.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Том второй. Власти. Выпуск первый. Вече и князь. СПб., 1893; *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Том второй. Власти. Выпуск второй. Советники князя. СПб., 1896.

[6] См.: Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки В. И. Сергеевича. М., 1867.

возможным назвать его вторым изданием. Из десяти глав, на которые делилась магистерская диссертация Сергеевича, в новое его произведение вошли только четыре главы первой книги (I, III, IV, VII) и небольшая часть VI-й. «Таким образом, — заключил он, — ныне издаваемый труд представляет лишь небольшую часть прежнего, и эта небольшая часть вся написана вновь, а некоторые ее отделы и по новому плану, и на новые темы»[1].

В 1879—1884 годах В. И. Сергеевич исполнял в дополнение к своим обязанностям ординарного профессора функции секретаря юридического факультета Санкт-Петербургского университета. А 17 октября 1888 года он был утвержден в должности декана факультета на четыре года. В октябре 1892 году его назначили деканом на следующий четырехлетний срок.

В феврале 1893 года В. И. Сергеевич был утвержден в звании заслуженного профессора. В указанном году исполнилось тридцать лет его преподавательской деятельности. Василий Иванович оставил кафедру истории русского права, уступив свое место более молодому преподавателю — ординарному профессору В. Н. Латкину (1858—1927). Впоследствии он вспоминал: «По состоявшемуся тогда между нами соглашению, В. Н. Латкин взял на себя чтение новой истории, а за мной осталась древняя»[2]. Это означало, что В. И. Сергеевич читал историю русского права за период с X до начала XVIII века, а В. Н. Латкин продолжал этот лекционный курс, рассказывая студентам о развитии русского права в XVIII и XIX веках[3].

Данные изменения в лекционном курсе В. И. Сергеевича сделали необходимым издание им нового учебника по истории русского права. Такой учебник появился в 1894 году. Он был назван автором «Лекции и исследования по древней истории русского права». Его объем был сокращен по сравнению с учебником, выходив-

---

[1] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Том второй. Власти. Выпуск первый. Вече и князь. СПб., 1893. С. V.

[2] *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. Третье издание. Дополнено. СПб., 1903. С. III.

[3] Впоследствии Василий Николаевич написал на основе этих своих лекций «Учебник истории русского права периода империи», вышедший в свет первым изданием в 1899 году, а вторым — в 1909-м. См. переиздание этого учебника в серии «Русское юридическое наследие»: *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода Империи (XVIII—XIX века) / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004.

шим в 1883 году, более чем наполовину — в старом учебнике было вместе с предисловием и оглавлением 1005 страниц, в новом — всего 390 страниц. Автор изъял из текста своего нового учебника материал по истории русского права XVIII века. Кроме того, он не включил в учебник то, что вошло в текст двухтомного произведения «Русские юридические древности». Оставшийся материал своего лекционного курса Сергеевич подверг сокращениям, а в некоторые главы внес исправления и изменения.

14 ноября 1897 года В. И. Сергеевич был назначен ректором Императорского Санкт-Петербургского университета на четырехлетний срок. Однако проработал Василий Иванович на этой должности всего год и восемь месяцев — до 21 июля 1899 года.

В последние годы XIX века российские университеты переживали трудные времена. В них периодически и по самым разным — часто совершенно мелким — причинам возникали студенческие волнения, препятствовавшие нормальному течению учебного процесса. Университеты все более превращались из учебных заведений в политические клубы. В январе 1899 года студенческие волнения охватили Санкт-Петербургский университет. Ректор В. И. Сергеевич, стремясь восстановить в университете необходимый порядок, решил напомнить студентам об их обязанностях. 1 февраля в здании университета было вывешено подписанное им объявление, в котором содержались предостережения в адрес тех молодых людей, кто не желал учиться и был настроен бунтовать по любому поводу, и приводились выписки из статей уложения об уголовных наказаниях, предусматривавших те или иные кары за нарушение общественного порядка. Студенты-бунтовщики разорвали указанное объявление и на своей сходке сговорились сорвать назначенное на 8 февраля — день юбилейного торжественного акта — выступление ректора путем демонстративного ухода из зала. 8 февраля — в момент, когда профессор В. И. Сергеевич вышел на трибуну для произнесения своей речи — студенты поднялись со своих мест и вышли из зала. После этого они не разошлись, но с пением «Марсельезы» направились к Дворцовому мосту, чтобы пройти на Невский проспект. Однако путь бунтующим студентам преградили крупные наряды конной полиции. Настойчивые попытки бунтовщиков прорваться к центру города другими путями заставили конную полицию применить для их успокоения нагайки. В результате несколько студентов получили увечья, более десятка было арестовано.

В ответ на это студенты собрались 10 февраля 1899 года на сходку и единодушно приняли резолюцию, в которой заявили: «Мы возмущены насилием, жертвами которого были 8 февраля, насилием, унижающим человеческое достоинство. Мы вообще для всех считаем такое насилие оскорблением и протестуем против него. Поэтому мы объявляем С.-Петербургский Университет закрытым и всеми силами будем добиваться официального его закрытия. Мы не откроем университета до тех пор, пока не будут даны гарантии личной неприкосновенности»[1].

Ректор В. И. Сергеевич даже после таких событий остался непоколебимым в своей правоте. Профессор историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Н. И. Кареев вспоминал впоследствии: «Когда на другой день после избиения студентов нагайками начались сходки, я поспешил в университет и стал убеждать ректора Сергеевича... и бывших тут же деканов, что нужно Совету университета взять это дело на себя, обратиться к студентам с призывом успокоиться и предоставить Совету добиваться у властей расследования возмутительного поведения полиции и наказания виновных, причем я рассказал, какое благотворное следствие имела аналогичная мера в Варшаве во время островидовской истории. Мне казалось, что это предложение уже принято, как все по воле высшего начальства приняло другой ход. Начались заседания Совета, одно за другим, начались частные совещания профессоров и других лиц... Сергеевич вел себя невозможно, прямо издеваясь над членами Совета, предлагавшими то, что ему было неудобно»[2].

Между тем студенческая забастовка охватывала все новые и новые учебные заведения Санкт-Петербурга и других городов Российской империи. В этих условиях В. И. Сергеевич принял решение оставить пост ректора. Однако он сохранил должность ординарного профессора Санкт-Петербургского университета и вплоть до 1907 года продолжал преподавать на юридическом факультете историю русского права.

Освобождение от весьма хлопотных обязанностей ректора университета позволило В. И. Сергеевичу сосредоточиться на исследованиях в области русской истории.

---

[1] История Ленинградского университета. 1819—1969. Очерки. Л., 1969. С. 154.

[2] *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 205.

В 1899 году вышло в свет второе, дополненное на 96 страниц, издание «Лекций и исследований по древней истории»[1]. Одно из дополнений, сделанных Сергеевичем в это издание, весьма знаменательно. В главе, посвященной источникам русского права, он посвятил отдельный параграф Русской Правде, который расположил после параграфов, посвященных обычаю, уставной деятельности князей, договорам, вечевым постановлениям, византийскому праву и ханским ярлыкам. В новом издании «Лекций и исследований» этому правовому памятнику было отведено больше места.

Данное обстоятельство отражало то особое внимание, которое Сергеевич стал уделять тексту Русской Правды. Первые значительные результаты своего исследования его он опубликовал в 1899 году в «Журнале Министерства народного просвещения»[2]. Текст статьи о Русской Правде Сергеевич включил в содержание нового — третьего — издания своих «Лекций и исследований по древней истории русского права». В целом объем учебника увеличился в этом издании на 186 страниц по сравнению с предыдущим. К основному его тексту была добавлена в качестве приложения статья «Греческое и русское право в договорах с греками X века»[3].

В предисловии к этому изданию учебника Василий Иванович сообщил интересный факт из истории его публикаций. «Кроме единственного моего издания лекций и исследований по истории русского права, напечатанного в 1883 году, — заявил он, — в 1888 и 1890-м появились новые издания этого труда под моим именем, но с большими отступлениями от моего. В них есть выпуски, сокращения, большие перестановки и даже прибавки, взятые из моих же статей, напечатанных в разных журналах. Я не знаю, кто это сделал»[4]. В фундаментальной научной библиотеке Московского университета хранится экземпляр этого странного издания[5]. Его объем — 708 страниц. В нем отсутствует предисловие автора, нет введения, которое было в издании «Лекций и исследований»

---

[1] См.: *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. Второе издание, дополненное. СПб., 1899.

[2] См.: *Сергеевич В. И.* Русская Правда и ее списки // ЖМНП. 1899. Ч. 321. Январь. С. 1—41.

[3] См.: *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. Третье издание. Дополнено. СПб., 1903. С. 614—654.

[4] Там же. С. IV.

[5] См.: *Сергеевич В. И.* Лекции по истории русского права. Издание 1889—1890 академического года. СПб., 1890.

В. И. Сергеевича 1883 года. Изложение материала начинается сразу с основного текста — с раздела, названного «Внешняя история русского права». Здесь описываются источники русского права.

В 1900 году был переиздан второй том «Русских юридических древностей»[1]. В 1902 году вышел вторым изданием и первый том этого произведения[2].

С 1900 по 1902 год в «Журнале Министерства народного просвещения» была напечатана серия статей Сергеевича, объединенная общим названием «Древности русского землевладения»[3]. В них анализировались отношения в русском обществе XIV—XVII веков, связанные с землевладением. В качестве основного материала для данного исследования были использованы писцовые книги Московского государства. Подчеркивая их значение как исторического источника, Василий Иванович писал: «Они проливают яркий свет на исконную древность частной поземельной собственности, сельской и городской, на возникновение зависимого владения, как явления вторичного, на хозяйственное пользование землей, на доходы владельцев, их повинности и порядок обложения их недвижимостей государственными сборами... Писцовые книги дают ясное представление о том, что такое деревня, село, погост, из кого состояло население деревень, в чем заключались промыслы деревенских жителей, каковы были размеры их земельных участков, сколько высевали они хлеба и какого именно, сколько косили сена и, наконец, насколько сильно было перемещение сельского населения с места на место»[4].

Собранные воедино тексты статей о древностях русского землевладения были вместе с дополнительной главой, посвященной литературе по данной теме, опубликованы в 1903 году в виде отдельной книги. Сергеевич дал ей название «Древности русского пра-

---

[1] См.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Том второй. Вече и князь. Советники князя. Издание 2-е. СПб., 1900.

[2] См.: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. Том первый. Территория и население. Издание 2-е. СПб., 1902.

[3] См.: *Сергеевич В. И.* Древности русского землевладения // ЖМНП. 1900. Ч. 331. Сентябрь. С. 58—89; там же. Октябрь. С. 225—273; там же. 1901. Ч. 333. Февраль. С. 293—353; там же. Ч. 334. Март. С. 37—71; там же. Апрель. С. 338—358; там же. 1902. Ч. 340. Март. С. 1—66; там же. Ч. 343. Сентябрь. С. 93—148; там же. Ч. 344. Декабрь. С. 307—361.

[4] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб., 1903. С. V.

ва» и обозначил как «том третий». Данный том он рассматривал в качестве продолжения двухтомного произведения «Русские юридические древности».

В 1904 году В. И. Сергеевич опубликовал новые результаты своего исследования текста Русской Правды в небольшой книжечке «Русская Правда в четырех редакциях»[1]. В ней были приведены тексты краткой и пространной редакций этого памятника со всеми основными вариантами, позволявшими насколько возможно яснее понять смысл его содержания. В обстоятельной — объемом в 32 страницы — рецензии заслуженного профессора Московского университета П. Н. Мрочека-Дроздовского на это издание особо отмечалось, что оно «бесспорно лучшее из всех изданий памятника»[2]. Главную заслугу Сергеевича Мрочек-Дроздовский видел в предложенном им делении текстов Русской Правды на редакции и статьи. По словам рецензента, «профессор Сергеевич *доказал*, что текст Русской Правды в Первой Новгородской летописи представляет собою *два совершенно различных памятника*»[3]. Мрочек-Дроздовский имел в виду в данном случае, что Сергеевич установил существование двух текстов и двух кратких редакций Русской Правды.

Во время войны России с Японией Василий Иванович обратился к теме военной организации Московского государства. В августе 1905 года он завершил работу над довольно большой по объему статьей, посвященной ей, — под названием «Военные силы Московского государства». В том же году она была напечатана в ноябрьском номере «Журнала Министерства юстиции»[4]. В данной статье рассматривалась устройство военной службы в Московском государстве XV—XVII веков. По словам Сергеевича, порядок московской военной организации «определялся не законами, а правительственными распоряжениями на отдельные случаи»[5]. Подобные

---

[1] См.: *Сергеевич В. И.* Русская Правда в четырех редакциях. По списку Археографическому, Троицкому и князя Оболенского с дополнениями и вариантами из других списков. СПб., 1904. Второе издание данной работы вышло в свет после смерти ее автора — в 1911 году.

[2] См.: *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Новое издание Русской Правды. М., 1905. С. 1.

[3] Там же. С. 2.

[4] См.: *Сергеевич В. И.* Военные силы Московского государства // ЖМЮ. 1905. № 9 (ноябрь). С. 1—66.

[5] Там же. С. 6.

распоряжения сохранились в очень малом количестве. Поэтому историк обратился к практике, «оставившей свои следы в разрядных книгах, служилых списках (десятнях) и других документах, сохранивших сведения о наших старинных военных порядках»[1]. Выводы, которые были сделаны им на основе обозрения этой практики, сводились к следующим положениям: 1) «В Московском государстве все население обязано было нести тягости военной службы». 2) «Служба дворян и детей боярских не имела значения привилегии. Они стояли в одном ряду с крестьянами и посадскими людьми». 3) «Кроме обязательной службы существовала и добровольная для охотников». 4) «Было немало дворян и детей боярских, которые служили добровольно, не получая ни денежного жалованья, ни поместий». 5) «Служба обязательная оплачивалась, но для дворян и детей боярских — по мере возможности». 6) «Размеры службы определялись индивидуально для каждого отдельного дворянина и сына боярского»[2]. 7) «Земельное устройство служилых людей представляет общераспространенное в истории явление. Но земельное их устройство в Москве имеет много оригинальных особенностей, совершенно неизвестных... другим народам»[3]. 8) «Печальную сторону нашего земельного устройства представляет необходимость для служилых людей самим отыскивать свободные поместья. Это должно было питать в их среде чувство розни и даже вражды». 9) «Это обстоятельство, в соединении с чрезвычайно пестрым составом московских служилых людей, было причиной того, что дворяне и дети боярские, несмотря на то, что организация их, как служилого класса, была вся в их руках, не сложилась, однако, в сословие крепко сплоченное и с определенными политическими стремлениями»[4].

Революционные события 1905—1906 годов в России, преобразования государственного строя, выразившиеся в учреждении представительного органа с системой выборов в него, привлекли внимание В. И. Сергеевича к проблемам избирательного права. В 1906 году в майском номере «Журнала Министерства юстиции» появилась его статья «Всеобщее избирательное право». Содержание этой работы Сергеевича приоткрывает некоторые черты его политиче-

---

[1] *Сергеевич В. И.* Военные силы Московского государства // ЖМЮ. 1905. № 9 (ноябрь). С. 6—7.

[2] Там же. С. 65.

[3] Там же. С. 66.

[4] Там же.

ского мировоззрения. «Всеобщее избирательное право, — писал он, — имеет у нас множество сторонников. За него газеты и журналы все направлений... за него все только народившиеся у нас политические партии... за него, наконец, и манифест 17 октября...»[1] «Совершенно иначе, — говорилось далее в статье, — относится ко всеобщей подаче голосов наука государственного права. В ней едва ли можно найти другой вопрос столь же неясный и спорный, как достоинства всеобщего избирательного права. Все способы парламентарного избрания представляются людям строгой науки очень условными: каждый из них имеет свои весьма крупные недостатки, а всеобщая подача голосов — не менее других»[2]. На последующих страницах статьи Сергеевич показал, какие пагубные, на его взгляд, последствия может иметь введение в России всеобщего избирательного права. Главное из них заключалось, по его мнению, в том, что большинство на выборах будет в таком случае принадлежать низшим классам населения. В связи с этим «общие интересы государства и интересы просвещенного меньшинства потеряют всякое значение. Выдающиеся люди будут устраняемы и сами устранятся от участия в общественных делах»[3]. Мало же сведущая в общих государственных вопросах масса «легко делается жертвой эксплуатации беззастенчивых политиканов и становится послушным орудием в руках искусных демагогов и олигархов»[4]. Отсюда историк делал вывод о том, что всеобщее избирательное право далеко не является учреждением совершенным. «Оно может повести к понижению уровня современной культурной жизни и установлению таких порядков, которые не имеют ничего общего с демократией, во имя которой оно теперь проповедуется»[5].

Выражая свои сомнения в полезности принципа всеобщего избирательного права, Сергеевич признавал при этом, что «как бы ни были несовершенны формы представительной монархии, все же представительная монархия будет лучшею формою монархии, ибо делает возможным общение монарха и народа»[6]. Итоговый вывод его статьи гласил: «Избирательные законы, конечно, имеют боль-

[1] *Сергеевич В. И.* Всеобщее избирательное право // ЖМЮ. 1906. № 5. С. 81.
[2] Там же. С. 81—82.
[3] Там же. С. 82—83.
[4] Там же. С. 83.
[5] Там же.
[6] Там же. С. 121.

шую важность; но и здесь, как вообще в жизни, не все дело в законах, а прежде всего в людях»[1].

В январе 1907 года В. И. Сергеевич был назначен членом Государственного совета. Несмотря на преклонный возраст — в марте указанного года ему исполнилось 75 лет — он работал довольно активно в рамках этого совещательного органа: неоднократно выступал с трибуны по различным вопросам (например, по крестьянскому), был председателем комиссии об авторском праве. Под руководством В. И. Сергеевича в этой комиссии «был рассмотрен и переработан законопроект об авторском праве, поступивший из Государственной Думы и принятый общим собранием Государственного Совета».

Назначение в члены Государственного совета заставило В. И. Сергеевича оставить преподавание в Санкт-Петербургском университете. Однако занятий наукой Василий Иванович не прекращал до конца своих дней. Он продолжал разработку проблем истории и писал все новые статьи в научные журналы.

В 1908 году вышло в свет третье издание второго тома книги В. И. Сергеевича, называвшейся поначалу «Русскими юридическими древностями». На этот раз автор обозначил его как второй том книги «Древности русского права». В 1909 году появилось третье издание первого тома данной книги. Второе издание третьего тома было напечатано в 1911 году. Оно ничем не отличалось от первого издания.

1 января 1910 года Министерство народного просвещения объявило о присуждении заслуженному профессору В. И. Сергеевичу премии графа М. М. Сперанского за третье издание первого и второго томов его произведения «Древности русского права». Данной премией, присуждавшейся Министерством каждые три года, отмечалось наиболее выдающееся сочинение по русскому праву. Решение вопроса о присуждении премии предоставлялось Министерством народного просвещения юридическим факультетам Императорских Российских университетов по особой очереди, установленной между ними. Присуждение премии графа Сперанского, объявленное 1 января 1910 года, было возложено на юридический факультет Императорского Юрьевского университета. Данный факультет признал наиболее выдающимся сочинением выставленные

[1] *Сергеевич В. И.* Всеобщее избирательное право // ЖМЮ. 1906. № 5. С. 122.

на премию его преподавателями два тома «Древностей русского права» В. И. Сергеевича. Отзыв о них, необходимый для присуждения премии, юридический факультет Юрьевского университета поручил составить профессору Ф. В. Тарановскому[1].

Проанализировав содержание произведения В. И. Сергеевича, профессор Тарановский дал ему самую высокую оценку. «В рассмотренном произведении, — написал он в своем отзыве, — мы имеем дело с мастерской и оригинальной разработкой важнейших сторон государственного строя древней Руси до конца XVII века. Первоначальное исследование некоторых из этих сторон и притом столь существенных, как вечевой уклад и порядки междукняжеских отношений, составляет давно уже признанную заслугу В. И. Сергеевича. Учение о государственной территории Древней Руси впервые получает в *Древностях* строго юридическую постановку, благодаря которой автору удалось пролить новый свет на рост московского единодержавия»[2].

Особую заслугу автора «Древностей русского права» Ф. В. Тарановский видел в том, что «выводы его неизменно облекаются в законченные юридические конструкции», а исторические построения «неизменно находят себе выражение в юридической форме»[3]. Отметив, что «особенность *Древностей* составляет антикварная точка зрения их автора», Тарановский признал, что эта точка зрения, конечно, не исчерпывает всей сущности исторического процесса, но она уместна и полезна в видах лучшего выяснения медленности исторического развития и долгого выживания старых юридических принципов в изменившихся условиях общественной среды»[4]. В заключение отзыва Тарановский констатировал, что произведение В. И. Сергеевича «Древности русского права», «доходя в исследовании отдельных вопросов до монографической обстоятельности, преследуют в то же время цели преподавания, являясь, конечно, не учебником или руководством, а частью систематического курса науки. С этой стороны, представляют особенную ценность подлинные места памятников, умело подобранные и обильно приводимые

[1] Данный отзыв был написан Тарановским и опубликован в виде отдельной книжки уже после смерти В. М. Сергеевича. См.: *Тарановский Ф. В.* Отзыв о сочинении В. И. Сергеевича «Древности русского права». Юрьев, 1911.

[2] Там же. С. 112.

[3] Там же. С. 113.

[4] Там же. С. 114.

автором. Как учебная книга высшего, так сказать, порядка, *Древности* не имеют ничего равного себе в нашей литературе»[1].

Назвав свою книгу не «историей», а «древностями» русского права, В. И. Сергеевич, возможно, последовал примеру немецкого филолога Якова Гримма, который в 1828 году выпустил в свет двухтомное произведение под заглавием «Немецкие правовые древности (Deutsche Rechtsalterthümer)». Но следует признать, что само содержание книги русского правоведа в большей мере соответствовало именно тому ее названию, которое и было дано. В частности, в книге не выделялись исторические периоды: территория, население, институты власти и землевладение Русского государства рассматривались здесь не в развитии, а в статическом состоянии. Правда, Сергеевич старался отделить в исследуемых им явлениях «старину древнюю» от «старины московской», но делал это догматически, а не исторически.

Сам ученый задачу своего труда формулировал следующим образом: «Только чтение подлинных памятников может дать живое понимание древности, — писал он 30 января 1890 года в предисловии к первому изданию «Русских юридических древностей». — В издаваемом ныне труде я представляю благосклонному вниманию желающих ознакомиться с русскими юридическими древностями ряд характерных мест из памятников. В нашей истории замечается медленная и постепенная смена явлений. В юридическом быте Московского государства можно найти следы глубокой старины, но в целом московские порядки отрицают старину. Задача настоящего труда — выяснить первоначальное положение дела и проследить его до конца XVII-го века. На новых явлениях московской жизни я останавливаюсь насколько они имеют прямое отношение к старине, отрицая ее или дополняя». С точки зрения такого методологического подхода название книги Сергеевича «Древностями», а не «Историей» русского права очевидно является более правильным[2].

---

[1] *Тарановский Ф. В.* Отзыв о сочинении В. И. Сергеевича «Древности русского права». С. 114.

[2] «Древности» и «история», — отмечал Ф. В. Тарановский, — «представляют собою два различных вида исследования минувших судеб права. Первые рисуют картину статического состояния права в отдаленном прошлом; вторая изучает движение права в прошлом с целью установления закономерности правового развития и объяснения современного его состояния. Поэтому «древняя история права» не тождественна с «древностями права» (*Тарановский Ф. В.* Указ. соч. С. 9).

Догматический подход пронизывает все рассматриваемое исследование, но в этом не слабость, а напротив, главное достоинство «Древностей русского права». Историк М. А. Дьяконов, характеризуя В. И. Сергеевича как исследователя, писал о том, что «в этом историческом догматизме вся сила таланта Сергеевича и все его величие как историка права»[1], и что «равного с ним по силе в искусстве формулировать догматические конструкции исторических институтов» он указать не может. Сергеевич «один умеет подметить самые характерные черты института и так их выдвинуть и связать, отбрасывая все второстепенное, что получались удивительно отчетливые схемы. В этом ему значительно помогал его резец — замечательно простой, точный и яркий язык. Все его определения, характеристики, даже мелкие замечания останутся навсегда классическими образцами для историков права»[2].

Трехтомное произведение «Древности русского права» заняло в научном творчестве В. И. Сергеевича особое место. Оно вобрало в себя главные результаты исследовательской работы ученого в области истории русского права, проводившейся им на протяжении более сорока лет. Это произведение вполне можно назвать поэтому книгой жизни ее автора. Его выход в свет стал последним крупным событием в творческой биографии В. И. Сергеевича.

26 ноября 1910 года Василий Иванович Сергеевич скончался.

* * *

Воспоминания учеников В. И. Сергеевича дают некоторое представление о том, каким он был преподавателем и человеком.

М. А. Дьяконов (1856—1919) учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в 70-е годы. В 1912 году в статье, посвященной В. И. Сергеевичу, Михаил Александрович писал: «Имя Сергеевича сразу заняло видное место среди профессоров юридического факультета рядом с именами Редкина, Пахмана, Янсона, Андреевского, Градовского, Горчакова, Таганцева. Все эти деятели выходили из строя, кто по случайному стечению обстоятельств, а большею частию по неизбежному велению рока. Их мес-

[1] *Дьяконов М. А.* В. И. Сергеевич и его ученые труды (библиографический обзор). СПб., 1912. С. 35. Данная брошюра представляет собой оттиск статьи, опубликованной в 1912 году в «Журнале народного просвещения».

[2] Там же.

та занимали другие, более молодые, нередко бывшие воспитанники того же университета и даже ученики Сергеевича. Он оставался на посту дольше многих своих сотоварищей. Но как среди первых из них, так и в ряду сменивших их более молодых Сергеевич занимал одно из первых почетных мест и пользовался общим уважением товарищеской среды. Я вовсе не имею в виду входить в разбор сложных университетских отношений и не располагаю для того необходимым материалом. Мне хотелось только отметить, что занятое Сергеевичем положение ничуть не обязано личным свойствам его характера. Довольно холодный в своих личных отношениях, нисколько не сдерживающийся в жестких суждениях и отзывах о вещах и людях, Сергеевич скорее как бы намеренно создавал вокруг себя сферу недовольства и личной обиды. И несмотря на все это, крупный ум, выдающиеся ученые заслуги и независимость положения окружили имя Сергеевича таким авторитетом, который стяжал ему общее уважение»[1]. В заключение своей статьи М. А. Дьяконов дал краткую характеристику преподавательским качествам Сергеевича: «Сергеевич профессор составил себе прочную славу лектора, которая привлекала в его аудиторию не одних только юристов. И тот, кто его слушал, не забудет Сергеевича-преподавателя. Те же простота и ясность устного изложения, что и в литературных трудах, в неторопливой и даже замедленной речи, позволяли без всякого усилия усвоять образные характеристики и определения[2].

В 1878 году на юридический факультет Санкт-Петербургского университета пришел учиться Василий Латкин. Лекции профессора В. И. Сергеевича запомнились ему как одно из самых ярких событий студенческой жизни. В кратком очерке жизни и деятельности своего учителя, написанном вскоре после его кончины, В. Н. Латкин отмечал, что как лектор В. И. Сергеевич «привлекал много слушателей. Его своеобразная манера излагать свой предмет, его редкий критический анализ, остроумие, оживлявшее его лекции и в то же время нисколько не нарушавшее их строго-научного характера, умение овладевать вниманием аудитории сделали то, что даже после известных событий 1899 г., заставивших его покинуть ректорский пост, он не утратил своей популярности сре-

[1] *Дьяконов М. А.* В. И. Сергеевич и его ученые труды (библиографический обзор). С. 3—4.

[2] Там же. С. 44.

ди слушателей, и его аудитория по-прежнему ломилась от студентов»[1].

Осенью 1890 года на юридический факультет Санкт-Петербургского университета поступил Александр Бенуа (1870—1960), известный впоследствии художник, историк искусства, мемуарист. В мемуарах «Мои воспоминания», писавшихся им с середины 30-х годов XX века, он дал краткие характеристики профессорам, которые во время его учебы в университете составляли славу юридического факультета: В. И. Сергеевичу, Н. Л. Дювернуа, Ф. Ф. Мартенсу, И. Я. Фойницкому и Н. М. Коркунову. «В полном смысле слова *прекрасными*, — отмечал А. Н. Бенуа, — были лекции Сергеевича, читавшего историю русского права. Эти лекции излагались из года в год в тех же выражениях, по одной и той же установленной системе и даже с теми же эффектными паузами перед наиболее примечательными сообщениями. И тем не менее они приковывали внимание — до того все, что рассказывал Сергеевич, было колоритно, с таким тонким мастерством были подобраны примеры, иллюстрирующие те или иные явления. Из лекций Сергеевича я, кажется, не пропустил ни одной...»[2] А. Н. Бенуа кратко описал внешний облик В. И. Сергеевича и манеру чтения им лекций: «Сергеевич был с виду весьма замечателен. Его некрасивое, но характерное лицо сохраняло всегда несколько горделивое или брезгливое выражение; его плотная и все же стройная фигура, облаченная в отлично сшитый вицмундир, и даже тот плавный, закругленный жест, которым он то и дело без настоящей нужды снимал и вытирал очки или поправлял черный, безупречно повязанный галстук, все это складывалось, в связи с плавной, довольно медленной, но отнюдь не усыпляющей речью, в нечто своеобразно пленительное. Слушать Сергеевича было *наслаждением*, и приятно было глядеть на лектора. Самый предмет, который он читал, до странности оживал; становился интересным даже для тех, кто раньше вовсе не интересовался бытовым прошлым России»[3].

В 1893 году на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета поступил Николай Константинович

---

[1] *Латкин В. Н.* Василий Иванович Сергеевич // Отчет о состоянии и действиях Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год / Под редакцией засл. проф. И. А. Ивановского. СПб., 1911. С. 44—45.

[2] *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания в пяти книгах. Книги первая, вторая, третья. 2-е изд., доп. М., 1993. С. 630—631.

[3] Там же. С. 631.

Рерих (1874—1947), в будущем знаменитый художник и писатель. Он также с большим интересом слушал лекции профессора В. И. Сергеевича. В его архиве сохранился «Краткий конспект по русским юридическим древностям В. Сергеевича»[1].

В. Н. Латкин отметил в своем очерке о профессоре Сергеевиче тот факт, что он до самой смерти сохранял «замечательную бодрость духа и ясность ума»[2]. Действительно, до самой своей кончины Василий Иванович активно работал как ученый. Причем не только в области науки истории права. Так, он вел в 1909 и 1910 годах на страницах «Журнала Министерства юстиции» острую полемику с правоведом Л. И. Петражицким относительно выдвинутой последним психологической теории права[3]. В процессе этой полемики ему приходилось заниматься вопросами и теории права, и науки о нравственности, и психологии.

М. А. Дьяконов свою посмертную статью о Сергеевиче начал следующими грустными словами: «26-го ноября скончался после тяжелой операции Василий Иванович Сергеевич. Смерть в преклонном возрасте неизбежная доля каждого смертного. В таких случаях нередко люди переживают себя. Смерть духовная наступает раньше физической. Никто не мог бы подумать о Сергеевиче даже за несколько дней до смерти, что смерть забыла его. Столько в нем сохранилось физической бодрости, умственной свежести и работоспособности. С его кончиной осталась пустота, которая долго будет ощущаться не только близкими людьми, но многими и не знавшими его лично»[4].

---

[1] ОР ГТГ. Ф. 44. Д. 48. Л. 1—2.

[2] *Латкин В. Н.* Василий Иванович Сергеевич. С. 42.

[3] См.: *Сергеевич В. И.* Новое учение о праве и нравственности. СПб., 1909. Это отдельный оттиск статьи, опубликованной в февральском номере «Журнала Министерства юстиции» за 1909 год; *Петражицкий Л. И.* Критика моего «Введения в изучение права и нравственности», написанная проф. В. И. Сергеевичем // ЖМЮ. 1909. Ноябрь. С. 152—198; *Сергеевич В. И.* Мой ответ г. Петражицкому // ЖМЮ. 1910. Февраль. С. 101—128; *Петражицкий Л. И.* Новое учение о праве и нравственности и критика проф. В. И. Сергеевича. СПб., 1910.

[4] *Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 3.

Николай Львович Дювернуа

(1836—1906)

НИКОЛАЙ Львович Дювернуа родился 2 октября 1836 года в Москве. Его отец — француз, вступивший в 1837 году в русское подданство, — был преподавателем французского языка в Александринском сиротском институте. В этом учебном заведении учился в 1843—1847 годах Николай Дювернуа. В возрасте одиннадцати лет — в 1847 году[1] — он был принят в 3-й класс 1-й Московской гимназии. После двух лет обучения здесь его перевели в 5-й класс 4-й Московской гимназии.

В мае 1853 года Николай Дювернуа окончил гимназический курс с правом поступления в университет без экзаменов. В том же году он был зачислен в студенты юридического факультета Императорского Московского университета.

В период обучения Николая Дювернуа здесь было особенно хорошо поставлено преподавание исторических наук. В частности, на юридическом факультете читал лекции по всеобщей истории профессор Т. Н. Грановский (1813—1855), двухлетний лекционный курс по истории России преподавал С. М. Соловьев (1820—1879), профессор П. Н. Кудрявцев читал студентам-первокурсникам лекции по истории Востока, а студентам второго курса — лекции по истории Древней Греции.

Среди профессоров-правоведов наибольшее впечатление на студента Дювернуа произвели профессор римского права Н. И. Крылов (1807—1879) и занимавший должность адъюнкта по кафедре истории русского законодательства И. Д. Беляев (1810—1873). Приверженностью к русской истории отличались профессор полицейского права В. Н. Лешков (1810—1881) и профессор гражданского права Ф. Л. Морошкин (1804—1857).

Неудивительно поэтому, что и наиболее способные студенты-юристы выбирали в качестве главного объекта научных исследований историю русского права. Так, в одно время с Николаем Дю-

[1] В указанном году умер отец Николая Дювернуа.

вернуа на юридическом факультете учился В. И. Сергеевич, ставший впоследствии крупнейшим среди русских правоведов специалистом в области истории русского права[1]. Н. Л. Дювернуа в зрелые годы занимался более гражданским правом, однако начинал он свою научную деятельность с исследований по истории русского права.

По завершении в 1857 году университетского курса обучения Н. Л. Дювернуа в течение нескольких лет работал гимназическим учителем. В 1862—1865 годах он преподавал законоведение в 1-й Московской гимназии, в которой ранее сам учился.

В 1865 году должность учителя законоведения была в гимназии упразднена, и Н. Л. Дювернуа решил продолжить образование за свой счет в Германии. В течение года — с конца 1865 и до конца 1866 годов — Николай Львович слушал лекции в Гейдельбергском университете. Основное внимание он уделял истории и догме римского права, изучая их под руководством профессора Адольфа фон Вангерова.

После возвращения в Москву Н. Л. Дювернуа сдал магистерский экзамен по гражданскому праву и приступил к работе над магистерской диссертацией по теме «Источники права и суд в Древней России». В 1869 году Николай Львович успешно защитил эту диссертацию. В том же году ее текст был напечатан в виде отдельной книги[2].

Н. Л. Дювернуа ограничился рассмотрением в данном труде «условий и органов развития права и процесса» в том виде, в котором они проявляются в Русской Правде, договорных грамотах, памятниках юридической практики и законодательства XIV и XV веков. В качестве цели своего исследования источников права и суда в Древней России он ставил выявление характерных для древнерусской правовой культуры особенностей. Так, относящиеся к X веку договоры русских князей с греками интересовали Дювернуа прежде всего потому, что «в них в первый раз твердо и на письме уставлены были нормы, по которым должен твориться суд». По его

---

[1] См. о нем предыдущий очерк в настоящей книге. Василий Иванович был одноклассником Н. Л. Дювернуа по 4-й гимназии, а после того как женился на сестре Николая Львовича, сделался еще и родственником ему.

[2] См.: *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. В 2004 г. эта книга была переиздана в Санкт-Петербурге издательством «Юридический центр Пресс».

словам, «это первый и очень важный проблеск *особой от суда деятельности власти, направленной к точнейшему определению права, прежде чем оно нарушено*». К Русской Правде Дювернуа обращался главным образом для того, чтобы проследить развитие юридической догмы в Древней Руси. В Псковской Судной грамоте, в уставных и жалованных грамотах XIV—XV веков он также стремился обнаружить основные тенденции в эволюции институтов вещного и обязательственного права Древней Руси. Дювернуа широко использовал в своем исследовании сравнительный метод. Анализируя выраженные в источниках древнерусского права институты гражданского права, он сопоставлял их с аналогичными правовыми институтами Древнего Рима, Византии и средневековой Германии.

Среди специалистов книга «Источники права и суд в Древней России» получила высокую оценку. Спустя сорок пять лет после выхода данной книги в свет Ю. С. Гамбаров характеризовал ее как «самое выдающееся до сих пор во всей нашей историко-цивилистической литературе исследование»[1]. По его словам, «исследование Дювернуа представляет собой не только самостоятельную переработку всех источников наших сведений о древнерусском праве и не только тонкую критическую оценку всех сколько-нибудь выдающихся взглядов на эти источники. Оно дает еще написанную чарующим языком цельную картину этого права, все части которой органически связаны и должны содержать в себе именно то, что вкладывается в них автором»[2]. А. Э. Нольде писал в 1917 году о рассматриваемой книге Н. Л. Дювернуа, что «написанная с большим блеском и талантом», она принадлежит к числу «наиболее ценных произведений Николая Львовича»[3].

Незадолго до защиты своей магистерской диссертации Н. Л. Дювернуа получил приглашение занять кафедру гражданского права в Харьковском и Варшавском университетах, а также в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. Николай Львович выбрал последний. В конце 1869 года он был командирован руководством Демидовского лицея за границу на два года для подготовки лекционного курса по кафедре гражданского права.

---

[1] *Гамбаров Ю. С.* Николай Львович Дювернуа // Вестник гражданского права. 1914. № 5. С. 7.

[2] Там же. С. 8.

[3] *Нольде А. Э.* Памяти Николая Львовича Дювернуа (к десятилетию со дня его кончины) // Вестник гражданского права. 1917. № 1. С. 9.

Пребывание Н. Л. Дювернуа в заграничной командировке пришлось на время войны Пруссии с Францией. На фронт были призваны не только студенты-немцы, но и некоторые профессора университетов. В связи с этим Николай Львович большую часть своей командировки провел в Вене, слушая лекции в местном университете. В то время в Венском университете преподавали многие знаменитые правоведы: Карл-Людвиг Арндтс (1803—1878), Юлий Глазер (1831—1885), Генрих Зигель (1830—1899). В их числе был и Рудольф фон Иеринг (1818—1892), творчество которого имело большое влияние на многих русских правоведов. Не избежал данного влияния и Н. Л. Дювернуа[1]. Общение с видным немецким правоведом стало главным событием его заграничной командировки. Р. Иеринг также был весьма заинтересован в беседах с талантливым русским правоведом — отправляясь в перерыве между семестрами в путешествие в Италию, он взял Дювернуа в качестве своего спутника.

В конце 1871 года Николай Львович возвратился в Россию. К этому времени в Демидовском юридическом лицее освободилась в результате перевода в университет Святого Владимира профессора К. А. Митюкова кафедра римского права. Новый директор лицея профессор М. Н. Капустин предложил занять ее Н. Л. Дювернуа.

В начале 1872 года Н. Л. Дювернуа приступил к чтению курса истории римского права, с осени того же года стал читать лекции и по догме римского права.

О том, как молодой преподаватель смотрел на римское право, показывает содержание его вступительной лекции «Значение римского права для русских юристов», напечатанной в Ярославле в 1872 году[2]. «Легко было обходиться духом римского права, когда суду дозволено было искать каждый час опоры в законодателе, — говорил он. — Иное положение дела теперь, когда суд сам обязан иметь всегда на все готовый ответ. Теперь мало одного духа, нужна сама юридическая материя классического мира, нужна серьезная и про-

[1] По словам А. Э. Нольде, «от обаяния учений Иеринга он не освободился до последних дней и, отрекаясь от некоторых крайних выводов и построений в общей теории права, к которым Иеринг пришел в последних своих работах, Николай Львович тем не менее всю жизнь оставался верным духу учений великой эпохи нарождения новейшей юриспруденции, эпохи его молодости» (*Нольде А. Э.* Памяти Николая Львовича Дювернуа. С. 7).

[2] *Дювернуа Н. Л.* Значение римского права для русских юристов // Временник Демидовского Юридического лицея. 1872. Кн. 1. С. 33—57. Отдельное издание: Ярославль, 1872.

должительная работа над источниками. Эта работа над источниками должна составлять всю задачу школы, и с нею вместе явятся ответы на множество недоумений практики. Если наша школа станет в правильное отношение к своей задаче, то внутренние силы римского права дадут себя почувствовать в жизни и в практике не разумом власти, а властью разума»[1].

В 1874 году Н. Л. Дювернуа защитил в Совете юридического факультета Императорского Новороссийского университета докторскую диссертацию по теме «Основная форма корреального обязательства». Текст этой диссертации был опубликован в том же году в виде отдельной книги[2].

Николай Львович избрал корреальное обязательство в качестве темы своего исследования потому, что на ней, как он сам признавал, с одной стороны, «легко и удобно наблюдать существенные законы развития юридических организмов вообще, и, с другой стороны, в ближайшем отношении к обязательствам, это один из центральных вопросов всей системы римских обязательств, до сих пор, как известно, составляющей ключ к разумению современных систем».

Сразу после присвоения степени доктора гражданского права Н. Л. Дювернуа был избран Советом юридического факультета Новороссийского университета на должность ординарного профессора по кафедре римского права. В начале 1875 года он переехал в Одессу и начал читать лекции по истории и догме римского права студентам-юристам Новороссийского университета.

В конце 1881 года Н. Л. Дювернуа был приглашен на должность ординарного профессора по кафедре гражданского права в Санкт-Петербургский университет. С 1885 года он стал в дополнение к этому читать лекции по римскому праву в Императорском Александровском лицее.

В Санкт-Петербургском университете лекции по догме римского права читал Л. Б. Дорн (1840—1891). После его смерти чтение части этого курса, касающейся вещных прав, взял на себя профессор Дювернуа.

В июне 1891 года исполнилось тридцать лет государственной службы Н. Л. Дювернуа, но решением Совета юридического фа-

---

[1] *Дювернуа Н. Л.* Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872. С. 25.

[2] См.: *Дювернуа Н. Л.* Основная форма корреального обязательства. Историко-юридическое и критическое исследование по римскому праву. Ярославль, 1874.

культета Санкт-Петербургского университета он был оставлен на службе еще на пять лет. В дальнейшем срок его преподавательской деятельности продлевался еще дважды.

В 1891/92 учебном году лекции Н. Л. Дювернуа по гражданскому праву слушал студент Александр Бенуа. Впоследствии он писал в своих воспоминаниях, что профессор Дювернуа «представлял противоположность Сергеевичу. Это был старый господин с бритым, очень «французистым» лицом, напоминавшим каких-либо министров Реставрации. Читал он с жаром, часто увлекавшим его в сторону от основной темы, но как раз эти отступления были особенно интересными. Дювернуа пользовался большим авторитетом если и не среди наиболее прогрессивного студенчества, то среди тех, кто поступил в высшее учебное заведение с тем, чтоб действительно усвоить нужные для юридической карьеры знания. Однако он не был любим студентами. Он и мало кого допускал до себя, а на экзаменах был неприятен, придирался и охотно резал»[1].

Ученик профессора Н. Л. Дювернуа барон А. Э. Нольде учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1892—1896 годах. В статье, посвященной его памяти, Александр Эмильевич следующими словами характеризовал своего учителя: «Нет, Николай Львович не был тем учителем, который осторожно ведет своего ученика сперва по путям нетрудным, затем по более тяжелым и расстается с ним, снабдив его на дальнейшую, уже самостоятельную дорогу, необходимым запасом самых существенных снастей и рецептов на разные случаи. Такого мешка, в который заботливая рука учителя вложила самое необходимое, в компактной форме, освободив его от всего излишнего, ученик Николая Львовича не получал. Но нам, кому пришлось иметь личное общение с Николаем Львовичем, кому пришлось слышать его — нам об этом нечего жалеть. Проповедуя возвышенное служение науке, предостерегая от ремесленного отношения к научным проблемам, приглашая тем самым своих учеников к проникновению в глубину такой сложной совокупности явлений, как гражданское право, Николай Львович обладал всеми данными для успешной и яркой пропаганды своих идей. Он искренно верил в них, он ощущал их, он их перечувствовал и умел находить необыкновенно красивые формы для их выражения. Его эстетическое преклонение перед ве-

[1] *Бенуа А.* Мои воспоминания. В пяти книгах. Книги первая, вторая, третья. Издание второе, дополненное. М., 1993. С. 631.

личием трудов римских юристов, тот восторг и неподдельный пафос, который светился в его словах, когда речь шла о характеристике римского права, говорили сердцу слушателей больше, чем исчерпывающие перечни, по пунктам, всех аргументов и тезисов, необходимых для доказательства. Красивая отделка лекций, забота о том, чтобы они были увлекательными и интересными, чтобы слушатель уносил с собою живые и яркие образы, остроумные слова и замечания, иногда совершенно необыденные и неординарные приемы для пояснения и частных и общих формул, — все это налагало особую печать на лекции Николая Львовича и уловляло души его слушателей. Такие речи его, особенно когда он оживлялся и был в ударе, приковывали к себе внимание и оставляли впечатление на долгие годы. Страстное, иногда, быть может, и слишком субъективное отношение Николая Львовича к различным проблемам, которые он вводил в свой курс, невольно передавалось и слушателям его. Оно зажигало их интерес, властно будило их мысль, и заставляло задуматься над многим таким, что обыкновенно не сразу оказывается в кругозоре начинающего юриста... И можно думать, что у многих слушателей Николая Львовича, именно под влиянием его обаятельного слова, сложилось особое благоговейное чувство к научному познанию права, сопутствующее им в практической деятельности. Не жалкому буквоедству, не приказному крючкотворству научались они, а просвещенному и широкому пониманию задач юриста»[1].

Похожую характеристику Н. Л. Дювернуа как преподавателю дал и Ю. С. Гамбаров. «Дарование Н. Л. Дювернуа, — отмечал он, — выражалось не только в мастерстве изложения и заразительности интереса к нему, передаваемого профессором своей аудитории. Оно не исчерпывалось также глубиной и тонкостью анализа и синтеза юридических понятий. Сила таланта Дювернуа сказывалась более всего в сведении этих понятий к общим идеям, их остроумном и часто неожиданном сопоставлении. Отсюда, в связи с условиями исторической жизни, Дювернуа и удавалось нередко приходить к важным выводам по основным проблемам права. Характернейшей чертой, как преподавания, так и ученых трудов Дювернуа была именно та, что в разрозненных явлениях права он искал его общих начал, в партикуляризмах отдельных институтов старался проследить элементы общего права, открыть общие тенденции

[1] *Нольде А. Э.* Памяти Николая Львовича Дювернуа. С. 10—12.

его развития... Его иногда не вполне понимали, но всегда слушали»[1].

Сохранившиеся конспекты лекций ординарного профессора Н. Л. Дювернуа по гражданскому праву, которые он читал студентам юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, показывают, что он старался в массе разнородного и хаотичного материала русского гражданского права обнаружить его основные начала — принципы, выражающие его сущность, его особенности. «Каким же образом дать гражданскому праву России освещение в кратком академическом курсе?» — вопрошал он в первой своей лекции, посвященной предмету и задачам курса гражданского права и отвечал: «Чтоб достигнуть этой цели, нам надо не столько держаться текстов наших легальных книг, как это делают французы, сколько выбирать из них общие элементы их строения, освещать их особенностями истории отдельных больших территорий цивильного права, уяснять себе причины и условия неразработанности того или другого элемента в том или другом кодексе, установлять правильную точку зрения на эти недостатки, определять случайный или постоянный характер этих недостатков, восполнить их, где это можно и нужно, ввиду развивающегося цивильного быта страны, ввиду практики сделок — суда. Словом, цель наша есть возможное систематическое объединение разного юридического материала, коим мы располагаем, приведение его в такой вид, какого право должно достигнуть при дальнейших трудах юриспруденции научной и практической и при выполнении уже существующих в проекте законодательных работ»[2].

Преподавательской и научной деятельности Николай Львович не прекращал до конца своих дней. И до самой своей смерти, последовавшей 1 января 1906 года, сохранял удивительную работоспособность и ясность мысли.

Профессор экономического отделения Санкт-Петербургского Политехнического института Ю. С. Гамбаров[3] беседовал с Николаем Львовичем в его скромной квартире на Васильевском острове 18 октября 1905 года. Накануне был издан высочайший «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», которым на-

[1] *Гамбаров Ю. С.* Николай Львович Дювернуа. С. 5—6.

[2] Конспект лекций по гражданскому праву, читанных в 1886/7 ак. г. ординарным профессором С.-Петербургского университета Н. Л. Дювернуа. СПб., 1886. С. 8.

[3] См. о нем очерк во втором томе настоящей книги.

селению России даровались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Данный манифест произвел огромное впечатление на образованное общество. «Дювернуа был захвачен этими впечатлениями, как и все другие, но скорее в минорном, чем мажорном тоне, — вспоминал Гамбаров. — Его критический ум противился признанию полной победы тонкого слоя недостаточно подготовленного к ней общества над веками сложившимся порядком интересов, крепко сплоченных и опирающихся на все темные силы этого общества. Поэтому он во многом сомневался и многого опасался. Но отсюда не следует заключать ни к пессимизму, ни к политическому индифирентизму. Дювернуа был слишком образованный и честный человек и слишком убежденный сторонник эволюционной теории, чтобы не наблюдать и не стоять за движение вперед и русского народа, который он знал и любил, несмотря на весь свой «европеизм». Не будучи боевым политиком, он все-таки не только чтил, но и горячо отстаивал всю свою жизнь, вместе с лучшими профессорами наших высших школ, начала академической свободы и все с нею связанное. К охранителям нашего «старого порядка» он не питал никаких симпатий, и в его жизни как личной, академической, так и общественной нельзя найти ни одного пятна»[2].

Характеризуя Н. Л. Дювернуа как человека, Юрий Степанович писал: «Талант его, как и фигура, и черты лица, выдавали французское происхождение, которое он вел от отца и подтверждал не одной чертой своего характера. Но мать его была коренная москвичка, и чисто русское воспитание, полученное им дома и в школе, равно как и, особенно свойственное ему, всегда мягкое и сердечное отношение к людям, чрезвычайное и граничащее иногда со страхом уважение к старине и традиции, и некоторая робость, нерешительность и даже пугливость в личных сношениях, делали из него типичного русского человека и свидетельствовали о положительных и отрицательных сторонах русской жизни»[1].

* * *

Главным научным трудом Н. Л. Дювернуа стали его «Чтения по гражданскому праву». Николай Львович писал и переписывал

[1] *Гамбаров Ю. С.* Николай Львович Дювернуа. С. 14.
[2] Там же. С. 5.

эту книгу более двух десятилетий. Он положил в ее основу лекции по гражданскому праву, которые читал на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Их тексты стали публиковаться в первой половине 80-х годов XIX века[1]. «Конспект лекций по гражданскому праву, читанных в 1886/7 ак. г. ординарным профессором С.-Петербургского университета Н. Л. Дювернуа», который был напечатан в 1886 году, состоял из четырех выпусков: первый (объемом в 210 страниц) включал в себя введение к лекциям, второй (объемом в 263 страницы) был посвящен общей части гражданского права, третий (объемом в 184 страницы) излагал вещное право особенной части, четвертый (объемом в 129 страниц) описывал обязательственное право.

«Чтения по гражданскому праву» должны были, по замыслу Н. Л. Дювернуа, охватить весь курс гражданского права — общую и особенную его части. Однако до своей кончины Николай Львович успел опубликовать только общую часть, составившую три выпуска первого тома[2]. О том, каким могло быть содержание второго тома «Чтений по гражданскому праву», можно судить по изданию «Пособие к лекциям по гражданскому праву. Часть особенная», первый выпуск которого профессор Дювернуа опубликовал в 1899 году[3].

Как бы то ни было, первый том «Чтений по гражданскому праву» Н. Л. Дювернуа представляет собой самостоятельное произведение. В нем изложено то, что можно назвать *теорией гражданского права*[4].

---

[1] См.: *Дювернуа Н. Л.* Особенная часть гражданского права. СПб., 1883; *его же*. Из курса лекций по русскому гражданскому праву. СПб., 1889; то же: СПб., 1892; то же: СПб., 1894; то же: Т. 1. СПб., 1896; *его же.* Конспект лекций по гражданскому праву. СПб., 1894; *его же.* Конспект лекций по русскому гражданскому праву. СПб., 1897.

[2] См.: *Дювернуа Н. Л.* Чтения по гражданскому праву. 3-е изд. Т. 1. Введение и часть общая. Вып. I—II. СПб., 1898; Вып. III. СПб., 1899. 4-е изд. Т. 1. Введение и часть общая. Вып. I. СПб., 1902; Вып. II. Лица. Вещи. СПб., 1902; Вып. III. Изменение юридических отношений. Учение о юридической сделке. СПб., 1905.

[3] См.: *Дювернуа Н. Л.* Пособие к лекциям по гражданскому праву. Часть особенная. Выпуск первый: Права вещные. Право авторское и промышленное. СПб., 1899. Второй выпуск данного пособия появился спустя два года.

[4] В 2004 г. текст четвертого, последнего издания главного научного труда Н. Л. Дювернуа был переиздан в серии «Русское юридическое наследие». См.: *Дювернуа Н. Л.* Чтения по гражданскому праву. В двух томах. Том 1. Введение. Учение о лице; Том 2. Учение о вещах. Учение о юридической сделке / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004.

Илья Степанович Бердников

(1839—1915)

ИЛЬЯ Степанович Бердников принадлежит к числу наиболее ярких представителей науки церковного права в России второй половины XIX— начала XX века. Он родился 12 июля 1839 года[1] в с. Косе Слободского уезда Вятской губернии в семье священника. Начальное образование получил в Глазовском духовном училище. Затем учился в духовной семинарии г. Вятки (в 1854—1860 гг.) и в Казанской духовной академии (в 1860—1864 гг.).

Его учителем в академии был Алексей Степанович Павлов (1832—1898), преподававший здесь с 1859 года церковное законоведение и литургику[2].

По окончании курса обучения в Казанской духовной академии Илья Бердников получил звание бакалавра литургии и церковного права и был назначен преподавателем академии по кафедре церковного права, церковной археологии и литургии. 8 сентября 1866 года его утвердили в степени магистра богословия.

---

[1] В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» в качестве даты рождения И. С. Бердникова называется 1841 г. Я указываю 1839 г., поскольку именно эту дату сообщил сам Илья Степанович в своей биографии, представленной С. А. Венгерову — составителю «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых». Статья о нем начинается в словаре со следующих строк: «По сведениям от него полученным, сын дьячка Вятской губернии Слободского уезда села Косы. Родился 12 июля 1839 г.» (*Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1892. Т. 3. С. 35). 1839 г. в качестве даты рождения ученого указывается и в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804—1904)» (Ч. 2. Казань, 1904. С. 7), а также в статье: *Михайлов А. Ю.* Профессор Казанской Духовной Академии И. С. Бердников: жизненный и творческий путь // Православный собеседник. Казань. 2005. № 2(10). С. 49—87.

[2] 11 февраля 1864 г. А. С. Павлов был избран на должность доцента кафедры церковного законоведения в Императорском Казанском университете. С 1870 г. он преподавал церковное право в качестве ординарного профессора в Императорском Новороссийском университете, а с осени 1876 г. и до самой смерти — на юридическом факультете Императорского Московского университета.

В мае 1869 года Бердников был назначен экстраординарным профессором Казанской духовной академии. В 1873—1876 годах Илья Степанович исполнял должность инспектора академии. В течение 1872—1876 годов он преподавал церковное право в качестве внештатного лектора на юридическом факультете Императорского Казанского университета.

7 июня 1881 года И. С. Бердников защитил в открытом заседании Совета Казанской духовной академии диссертацию «Государственное положение религии в римско-византийской империи»[1], представленную им для получения степени доктора богословия. В ноябре 1881 года он был утвержден Святейшим синодом в данной степени. В феврале 1882 года его назначили ординарным профессором Казанской духовной академии. В 1882—1886 годах он являлся помощником ректора академии.

В апреле 1885 года И. С. Бердников был назначен штатным ординарным профессором Императорского Казанского университета по кафедре церковного права. При этом он остался в должности профессора Казанской духовной академии. На юридическом факультете Казанского университета он преподавал до 1895 года.

С 1906 года Бердников состоял членом учрежденного в указанном году при Святейшем синоде Особого присутствия для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению на поместном церковном соборе.

* * *

Научная деятельность И. С. Бердникова в области церковного права была связана, главным образом, с Казанской духовной академией, преподавателем которой он состоял пятьдесят лет: с 1864 по 1914 год. 70—90-е годы XIX века были «золотым веком» этого учебного заведения. В данный период здесь велись интенсивные научные исследования, формировались собственные научные школы: церковно-историческая (П. В. Знаменский, И. М. Покровский), школа патрологии (Д. В. Гусев, Л. И. Пискарев), догматики (Е. А. Будрин). Однако наибольшую известность в России получила казанская школа церковного права. Ее основателем был профессор И. С. Бердников. В круг же учеников последнего входили такие

[1] См.: *Бердников И. С.* Государственное положение религии в римско-византийской империи. Т. 1 (до Константина Великого). Казань, 1881.

ученые, как П. Д. Лапин, В. К. Соколов, Е. Н. Темниковский, В. В. Колокольцев, М. П. Чельцов, Ф. А. Курганов, А. В. Попов и др.

Характерной чертой научных исследований представителей казанской школы церковного права была их концентрация на проблемах так называемого «внешнего церковного права»[1] — на источниках. Критический анализ на основе историко-догматического метода канонических текстов (прежде всего старинных, написанных на древних языках) был главным направлением в научной деятельности как самого И. С. Бердникова, так и его учеников. В качестве же главного объекта изучения ими были избраны вопросы взаимоотношения церкви и государства, проблема статуса церкви в той или иной стране, в ту или иную историческую эпоху.

И. С. Бердников в своих трудах особое внимание уделял теоретическим и методологическим проблемам науки церковного права. Он, в частности, настойчиво проводил мысль о двойственном характере данной науки, представляя ее в качестве науки церковной и одновременно юридической. «Основание силы церковных правил совсем другое, чем у закона государственного, — отмечал ученый. — Последний имеет внешне-принудительный характер; его исполнение обеспечивается материальной силой; его нарушение влечет за собой наказание, соединенное с очень чувствительными в житейском отношении последствиями. Церковный закон силен авторитетом Божественного Законодателя, чувством благоговения к нему тех, кто желает жить по Его Уставам. Он принимается к исполнению свободно при самом поступлении в церковь. А упорное неисполнение его было бы равносильно прекращению отношений к церкви. Таким образом, церковное право имеет нравственно-принудительный характер»[2]. При этом Бердников подчеркивал, что отличие церковного права от «права, истекающего из государственных полномочий». не лишает первое возможности «быть и называться правом». Ученый признавал, что принудительность правовых норм составляет необходимый признак в понятии права. Однако, считал он, нет необходимости в том, чтобы «эта принудительность была непременно материального характера»[3].

---

[1] См.: *Бердников И. С.* Каноника // Православная Богословская энциклопедия. Т. 81. СПб.,1907. Стлб. 422.

[2] *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права православной церкви. Вып. 1. Об источниках церковного права и собраниях церковных правил. Издание второе, заново переработанное и весьма значительно дополненное. Казань, 1903. С. III—IV. Первое издание этой книги вышло в свет в Казани в 1888 г.

[3] Там же. С. IV.

Содержание науки церковного права определяется, по словам Бердникова, «самою природою церковного организма, составляющего предмет науки церковного права». Исходя из этого, он включал в систему науки церковного права следующие отделы: об источниках и памятниках церковного права, о церковном устройстве, о церковном управлении и суде, о полномочиях церковно-правительственной власти, о государственном положении церкви и о церковных имуществах.

Особый интерес представляют и сформулированные И. С. Бердниковым методологические принципы научных исследований в области церковного права. По его словам, «при рассмотрении государственных законов по церковным делам как древнего, так и нового времени нужно твердо помнить, что они имеют временный и местный характер, и отчетливее указывать это в изображении их. Но прежде них исследователь в области церковного права должен представить в надлежащем свете нормы церковной жизни, имеющие церковное происхождение, вытекающие из внутренней природы церкви, установленные Христом Спасителем, Его апостолами и пастырями церкви, наследовавшими от апостолов полномочия церковной власти, показать изменение и развитие их под влиянием внешних и внутренних обстоятельств церковной жизни до настоящего времени. При этом должно быть указано и отмечено, что́ в известном церковно-правовом институте есть постоянного, составляющего его существо, и что́ есть временного, привходящего»[1]. Бердников полагал, что с помощью такого методологического приема «всего лучше дается настоящее в научном смысле понятие о том или другом церковно-правовом институте»[2]. Вместе с тем ученый усматривал в таком методологическом подходе к церковному праву и важное практическое значение. «Православной церкви, — писал он, — не всегда случается пользоваться покровительством со стороны государства, иногда она встречает в некоторых государствах и вторжение со стороны государственных властей в свои внутренние дела. А затем, независимо от расположения или нерасположения государственных властей, разные крупные реформы в строе того другого государства нередко вызывают преобразование и в церковном управлении для соответствия в деятельности

[1] *Бердников И. С.* Архаическое направление в церковном праве. (Критический разбор сочинения проф. Киевской академии П. Лашкарева «Право церковное в его основах, видах и источниках». Киев, 1886). Казань, 1896. С. 43.

[2] Там же.

органов светской и церковной власти. В виду подобных обстоятельств представителям церковной власти весьма важно знать, что в том или другом церковно-правовом институте составляет существенное и неизменное и что может подлежать перемене без вреда для существа дела. При таком знании церковной власти будет ясно, до каких пределов ей можно сделать уступку вожделениям и планам светской власти по тому или другому церковно-общественному вопросу и где нужно сказать: non passumus»[1].

Помимо теоретических и методологических проблем церковного права И. С. Бердников специально занимался и вопросами его истории. Свои мысли по поводу различных аспектов истории церковного права ему приходилось утверждать в ходе острой полемики со взглядами такого известного в России второй половины XIX — начала XX века канониста, как профессор Николай Семенович Суворов (1848—1909).

Указанная полемика между двумя учеными вращалась, в частности, вокруг проблемы источников церковного права в России. Суворов высказывал мнение, что законодательство православной церкви принадлежит только светской власти, поскольку закон в смысле государственном может издать только светская власть. Бердников расценивал подобную аргументацию Суворова как непозволительную игру словами. В круг источников церковного права в России Илья Степанович включал помимо юридических актов государственной власти также акты самой православной церкви. Он полагал, что историю церковного права в России можно разделить на три периода: митрополичий, патриарший и синодальный. Первый период характеризуется, по его мнению, «зависимостью русской церкви от константинопольской в своем управлении и суде. Эта зависимость сказалась и в деле церковного законодательства сравнительною скудостию памятников местно-русского церковного законодательства за это время и преобладанием норм церковного права, употреблявшихся в греко-восточной церкви»[2].

Не соглашался И. С. Бердников и со взглядом Н. С. Суворова на положение православной церкви в Византийской империи. Су-

---

[1] *Бердников И. С.* Архаическое направление в церковном праве. С. 43—44.

[2] *Бердников И. С.* Каноническое право в русской церкви. (По поводу рецензии г. Суворова на мою книгу «Краткий курс церковного права», помещенной в «Юридическом вестнике» в августе месяце 1888 г. (стр. 520—550) под заглавием: «Церковное право как юридическая наука») // Православный собеседник. 1897. № 7. С. 20—21.

воров полагал, что в Византии государство и церковь не различались друг от друга. Бердников же, основываясь на глубоком анализе источников, констатировал, что «церковь Христова в византийской империи даже по воззрениям государственного закона не исчезла в государстве, подобно языческим религиям, а сохраняла автономию в своих внутренних делах»[1].

Давая общую оценку взглядам Н. С. Суворова, Бердников писал: «Таким образом, профессор Суворов желает создать науку церковного права светского характера и направления, в отличие от церковного права как науки церковной»[2]. Кроме того, Бердников называл Суворова «канонистом-западником». Этими оценками Илья Степанович раскрывал во многом суть собственных взглядов на науку церковного права. Очевидно, что он рассматривал данную науку как науку церковную и православную.

И. С. Бердников был приверженцем принципа веротерпимости в религиозной политике светских и церковных властей. При этом, однако, он отрицательно относился к попыткам законодательного оформления в условиях России начала свободы совести. По его мнению, свободу совести необходимо отличать от веротерпимости, которою регулировались несколько веков вероисповедные отношения в рамках русского общества. «Свобода совести, — отмечал Бердников, — есть принцип новый. По своему происхождению он ведет свое начало от декларации прав человека и гражданина, провозглашенной во Франции в конце XVIII века. По своему характеру это начало в его последовательном развитии ведет к возвеличению отдельной личности до пределов, несовместимых с правильным общежитием, к предпочтению личных интересов жизни интересам общественным. Начало свободы совести в своем существе несовместимо с признанием религии государственной, которая у нас есть и считается учительницей веры и нравственности для всех граждан и в этом качестве должна быть почитаема всеми гражданами. Таким положением у нас пользуется вера Христианского православного исповедания. Значит, по нашим законам субъективизм в деле религии может быть дозволителен настолько, насколько он не оскорбляет религии государственной! Далее, начало свободы совести приносит с собою в жизненный оборот признание равенства меж-

[1] *Бердников И. С.* Основные начала церковного права православной церкви. Казань, 1902. С. 93.

[2] Там же. С. 387.

ду всеми религиями и чувство безразличия к их внутреннему достоинству. Когда высшим судьей в религиозных вопросах признается личное убеждение каждого, тогда теряет почву признание религии богооткровенной, единой истиной и общеобязательной. Значит, начало свободы совести в таком смысле совершенно неудобоприемлемо с Христианской точки зрения. Неприемлемо оно с этой стороны и нашим государственным строем, по которому единственной правоспособной учительницей веры и нравственности признается Православная вера»[1]. По мнению Бердникова, признание принципа свободы совести приводит к убеждению, что религия есть частное дело каждого гражданина, что она не должна оказывать воздействие на общественные дела и что поэтому и государство имеет право вести общественные дела, игнорируя религиозные воззрения и чувства народа. «Таким образом, — делает вывод ученый, — необходимым последствием этого принципа в жизни должно быть отделение государства от Церкви. Но такой порядок совершенно неуместен в государстве, граждане которого исповедуют, по крайней мере, в большинстве, Христианскую православную веру... Государство, состоящее из граждан, исповедующих, в подавляющем большинстве, Христианскую православную веру, необходимо должно иметь и законы, согласные с духом Христианского нравственного и социального учения»[2].

Признание со стороны государства равнозначимости всех исповеданий Бердников считал отречением государственной власти от единого руководящего нравственно-религиозного начала. Данное же отречение Илья Степанович образно представлял в виде действия, равного поступку капитана корабля, решающегося на морское путешествие без компаса. «Особенно же поразительно по своей несообразности, — подчеркивал он далее, — симпатизирующее отношение составителей проектов (т.е. проектов законов о свободе совести. — *В. Т.*) к появлению и распространению мелких сект — мистических, рационалистических, евангелических, отрицающих семейную жизнь, отвергающих государственную повинность, презирающих и ненавидящих государственную власть, вообще колеблющих своим учением основы общественной и государственной жизни»[3].

---

[1] *Бердников И. С.* Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М., 1914. С. 198—199.

[2] Там же. С. 199.

[3] Там же. С. 204.

И. С. Бердников считал губительным для общества отделение государства от религии. По его словам, «последовательное проведение в жизнь начала неконфессиональности государства» ведет «к полному безразличию государства к религиозно-духовной жизни народа»[1]. Это безразличие ученый усматривал в политике так называемых «новых государств» — государств, возникших в Западной Европе и Северной Америке в конце XVIII в. Критикуя отношение «нового государства» к религии как к чужой для себя сфере, как к частному делу своих граждан, Бердников писал: «Государство всего менее может игнорировать именно религиозно-нравственные начала, которыми живет народ. Каждое государство, независимо от сходства с другими по одинаковости жизненных целей и задач, ими покровительствуемых, имеет и свою особенную природу, зависящую от различного способа удовлетворения жизненных целей, от различного склада идей, которыми живет народ, одним словом, от особой цивилизации народа. Известный склад цивилизации влияет необходимо и на характер учреждений, входящих в государственный организм, и характер самого государства. Главной же основой цивилизации всегда служила и служит религия народа. Религией главным образом определяется миросозерцание народа. Нравственные правила, ею преподаваемые, служат фундаментом правового порядка»[2]. Отсюда Бердников делал вывод о том, что «религия никак не может быть для государства делом посторонним и безразличным. Если же новое государство тем не менее игнорирует религию народа, то это значит, что оно желает ввести новую цивилизацию, основанную не на религии народа, а на религии естественной, общечеловеческой, или, правильнее, искусственно составленной для гражданского обихода, или же просто на безразличии к религии»[3].

И. С. Бердников утверждал, что церковь оживляет государственный организм и укрепляет правовой порядок. Напоминая о том, что еще в древности сравнивали государство с телом, а церковь с душой, он отмечал далее, что «это справедливо не только в том смысле, что церковь устрояет спасение душ человеческих, а го-

---

[1] *Бердников И. С.* Новое государство в его отношении к религии. Речь, произнесенная на торжественном годичном собрании Казанского духовной академии 8 ноября 1888 г. // Православный собеседник. 1888. № 11. С. 345.

[2] Там же. С. 346.

[3] Там же. С. 346—347.

сударство заботится о внешнем благополучии людей, а и в том, что церковь вносит дух жизни в сухой правовой государственный организм, дает нравственную опору всему правовому порядку, устрояемому государством»[1].

Отмечая, что государство считает в числе своих обязанностей заботу о материальном благосостоянии народа, Бердников подчеркивал при этом, что само это благосостояние в большой степени зависит от добрых нравов граждан, которые воспитываются церковью. По его словам, «для государства, призванного наблюдать везде справедливость, конечно, дело первой важности, чтобы его органы, судьи и правители исполняли свой долг честно, добросовестно, самоотверженно, чтобы и граждане исполняли свои обязанности по отношению к государству по совести. Но государство само, без содействия церкви, не в состоянии обеспечить себя такими лицами; чувства чести, долга, добросовестности воспитываются главным образом церковью. Наконец, чувства почтения, уважения и преданности к самой государственной власти постоянно возгреваются в нас учением церкви, которая внушает нам, что государственная власть установлена от Бога, и поэтому вменяет нам в священную обязанность почтение и послушание к ней, предваряя, что неисполнение этой заповеди Божией есть великий грех пред Богом»[2].

Утверждая идею тесного сотрудничества государства и церкви, Бердников вместе с тем настойчиво проводил мысль о необходимости сохранения церковью своей самостоятельности и независимости от государства. «Религия христианская, — писал он, — стоит выше земных интересов семьи, сословия, государства, она — религия общая для людей всех родов состояний, племен и народов. Имея свою особую задачу, она исполняет ее самостоятельно и своими средствами. Церковь Христова не зависит от государства ни в своем происхождении, ни в существовании»[3]. Бердников подчеркивал, что принцип самостоятельности церкви и независимости от государства в отправлениях своей жизни — это христианский прин-

---

[1] *Бердников И. С.* Церковное право как особая, самостоятельная правовая область и его отношение к общей системе права // Православный собеседник. 1885. № 10. С. 189.

[2] Там же. С. 193—194.

[3] *Бердников И. С.* К вопросу о государственном положении религии. Речь, сказанная 7-го июня (1881 г.) в открытом заседании совета академии пред защитой докторской диссертации «Государственное положение религии в римско-византийской империи» // Православный собеседник. 1881. № 9. С. 34—35.

цип, вытекающий из существа церкви. Принцип же слияния религии с государством в один организм с подчинением первой интересам и власти последнего он называл «принципом древнего языческого мира»[1].

При этом Бердников отмечал, что «самостоятельная в своей внутренней жизни церковь подлежит юрисдикции государства в качестве общественной корпорации». Однако «эта подведомость церкви государству в государственном отношении не заключает в себе необходимо понятия подчинения церкви государству по церковным делам. Она может ограничиваться только чисто внешними юридическими отношениями»[2].

[1] *Бердников И. С.* К вопросу о государственном положении религии. С. 35.
[2] Там же. С. 36.

Александр Дмитриевич Градовский

(1841—1889)

АЛЕКСАНДР Дмитриевич Градовский родился 13 декабря 1841 года в семье помещика Валуйского уезда Воронежской губернии Дмитрия Дмитриевича Градовского[1]. Мать Александра — Анна Николаевна (урожденная Лосева)[2] — и его отец позаботились о том, чтобы он получил хорошее первоначальное образование. До тринадцатилетнего возраста мальчик занимался с приглашенными учителями дома, затем проходил обучение в харьковских частных пансионах Шульца и Парфенова и во 2-й Харьковской гимназии. В 1858 году Александр Градовский поступил на юридический факультет Императорского Харьковского университета.

Русское общество конца 50-х годов XIX века было проникнуто ожиданием коренных реформ — надеждой на то, что преобразования социально-экономического строя и государственного управления России создадут более благоприятные условия для частной жизни. В среде интеллигенции шли острые споры о путях дальнейшего развития страны, о значении для России политического опыта Западной Европы. Центрами интеллектуального движения выступали в это время города, в которых действовали университеты. Одним из них являлся Харьков. Самой заметной фигурой в здешнем образованном обществе был Дмитрий Иванович Каченовский (1827—1872). В октябре 1858 года Совет юридического факультета Харьковского университета избрал его на должность ординарного профессора по кафедре общенародного права и дипломатии. После того как в 1859 году в российских университетах было разрешено преподавание государственного права европейских держав, профессору Д. И. Каченовскому было поручено преподавать в Харьковском университете, в дополнение к международному праву, и эту науку.

---

[1] Умер в начале 1867 г.

[2] Умерла в 1861 г.

Лекции Д. И. Каченовского пользовались большим успехом у студентов. С интересом слушал их и Александр Градовский. К третьему курсу он окончательно определился, чем будет заниматься в дальнейшем. «Вообще я намерен посвятить свою жизнь науке и поэтому решительно не хлопочу о своей будущности; был бы кусок хлеба и только»[1], — сообщал Александр Градовский в марте 1861 года своему старшему брату Николаю Дмитриевичу. Первая научная работа А. Д. Градовского — кандидатское сочинение по теме истории общин во Франции — была написана в 1862 году под руководством профессора Каченовского.

В октябре 1862 года А. Д. Градовский, который незадолго перед тем окончил университетский курс обучения, был назначен исправляющим должность редактора газеты «Харьковские губернские ведомости». Помимо названной газеты молодому правоведу пришлось редактировать печатавшийся в качестве приложения к ней листок «Харьков».

В конце 1862 года в этом периодическом издании появились первые публицистические работы Александра Градовского. В № 97 газетного листка «Харьков» была напечатана его статья «Несколько слов о политическом воспитании в России», подписанная псевдонимом «Непослушный». В ней проводилась мысль о том, что лучшим способом политического воспитания населения России является практическая деятельность его представителей в рамках учреждений местного управления. В статье «Преобразование судебной части в России», опубликованной в № 102 указанного издания, А. Д. Градовский писал о необходимости судебной реформы в России, выражал веру в ее благотворные последствия для русского общества.

В январе 1863 года Александр Дмитриевич подал прошение об увольнении с должности редактора газеты «Харьковские губернские ведомости». Новым местом его службы стала губернская администрация. До мая 1864 года он состоял на должности чиновника особых поручений при Харьковском губернаторе А. К. Сиверсе, затем работал на таком же посту при Воронежском губернаторе. Чиновничья служба оставляла А. Д. Градовскому достаточно времени для занятий наукой, которой он решил посвятить свою жизнь. В качестве одной из тем своих исследований он избрал местное управление, что было вполне естественным в условиях, когда в Рос-

[1] *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Том 9. СПб., 1904. С. III.

сии осуществлялась земская реформа. 13 марта 1865 года Александр Градовский выступил с публичной лекцией в Воронежском купеческом клубе, в которой изложил свои размышления по этой теме. Текст данной лекции был напечатан в № 13 и 14 газеты «Воронежские губернские ведомости» и затем появился в виде брошюры объемом в 25 страниц[1]. Градовский исходил в этой своей работе из тезиса о противоположности романо-германского мира Западной Европы славянскому миру, воплощенному единственно в России. «Только в лесах и степях Восточной Европейской равнины зрело государство, — говорил он в указанной лекции, — которому скоро суждено было стать *единому на свете православному*, поддерживать славян на всем пространстве Европы и выработать единственную, истинно славянскую народность». Реформы, проводившиеся в Российской империи с начала 60-х годов XIX века, имели, по его мнению, «иноземный источник», но сложились они на практике «самобытно».

В октябре 1865 года А. Д. Градовский приехал в Санкт-Петербург с намерением сдать в местном университете магистерский экзамен и завершить написание магистерской диссертации. За помощью он обратился к профессору юридического факультета Санкт-Петербургского университета И. Е. Андреевскому, преподававшему курсы государственного и полицейского права. Иван Ефимович вспоминал впоследствии о том впечатлении, которое произвел на него молодой Градовский: «Меня пленили в нем пылкость, энергия и острота ума, а равно вера в великие реформы того чудного времени, желание не быть праздным зрителем поражавшего всех подъема русского общества, желавшего действовать и работать»[2].

Весной 1866 года Градовский успешно сдал магистерский экзамен, а 31 августа того же года представил профессору И. Е. Андреевскому на отзыв свою магистерскую диссертацию «Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры»[3]. Высокая

[1] См.: *Градовский А. Д.* Публичная лекция, прочитанная в зале Воронежского купеческого клуба 13 марта сего года. (Предмет лекции: Положение о земских учреждениях 1864 г. Влияние западных учреждений на нашу жизнь, характеристика дореформенной эпохи, оценка Положения 1864 г.). Воронеж: типография Губернского управления, 1865.

[2] *Андреевский И. Е.* Воспоминания о А. Д. Градовском // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. Кн. 1. С. 90—91.

[3] В 1866 г. данная диссертация была издана в Санкт-Петербурге в виде отдельной книги. В 1899 г. ее текст был опубликован в первом томе «Собрания сочинений А. Д. Градовского».

оценка, данная авторитетным специалистом по государственному праву диссертационному исследованию Градовского, побудила руководство юридического факультета Санкт-Петербургского университета пригласить молодого ученого на должность внештатного преподавателя по кафедре государственного права. 10 октября 1866 года Александр Дмитриевич прочитал первую свою лекцию в Санкт-Петербургском университете по русскому государственному праву[1]. Она была посвящена понятию государства. «Определения сущности государства до настоящего времени неудачны, как все попытки определить сущность учреждений и явлений, в основе которых лежит абсолютное понятие»[2], — говорил в начале своей лекции Градовский. В дальнейшем изложении он констатировал, что в последнее время государство стало «предметом тщательного изучения, сопоставления со всеми социальными вопросами, с каждым прогрессивным движением в общественной среде». Из сферы отвлеченных формул оно низошло «в сферу насущных потребностей человека» и здесь получило «новое значение и полное оправдание»[3].

Задачу своих лекций Градовский видел в связи с этим в том, чтобы «поставить идею государственности в соприкосновение с живыми элементами каждой общественности и в самой этой идее отыскать истинное, жизненное начало»[4]. Главный его вывод относительно природы государства гласил: «Таким образом, государство складывается из суммы организаций, совокупности властей разного рода, существующих прежде него в обществе, — складывается уже в то время, когда каждый из этих элементов достаточно выяснился, когда каждому из них приблизительно указано его место в обществе, когда самый народ своеобразно выработавший эти элементы, готовится стать деятельною особью в среде других народов. В этом смысле государство есть национальность, дошедшая до самосознания»[5]. Характеризуя государство «как внешнее выражение национальности и высшее выражение власти», Градовский в конце

---

[1] См.: *Градовский А. Д.* Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Санкт-Петербургском университете 10 октября 1866 года // ЖМЮ. 1866. № 11. С. 223—240. А также: *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Том 1. СПб., 1899. С. 1—20.

[2] *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Том 1. С. 3.

[3] Там же. С. 7.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 12.

концов приходил к мысли о том, что «первым источником всех учреждений» выступает человек, и основание государства таится в ряду потребностей человека[1]. По его словам, «только на двух совершенно различных ступенях развития человеческая личность выступает вполне — в период дикого состояния, когда человеку неизвестны еще никакие формы общежития, и в среде государства, когда нация достигла полного самосознания... Чем шире становится значение государства, чем всеобъемлющее становится сила его законов, тем теснее становится связь государства с отдельным человеком, во имя вечной справедливости»[2].

8 ноября 1866 года А. Д. Градовский защитил свою магистерскую диссертацию[3]. Его оппонентами на диспуте по ней были профессора И. Е. Андреевский и С. В. Пахман, который до своего перехода в Санкт-Петербургский университет преподавал на юридическом факультете Харьковского университета.

Свое обращение к истории института генерал-прокурора Градовский объяснял тем, что он характеризует всю систему высшей администрации Российской империи XVIII века. «Огромное значение этой должности для всей администрации XVIII века, связь ее с важнейшими учреждениями этой эпохи и особенно с правительствующим сенатом, доверие к ним наших лучших монархов, достаточно объясняют этот выбор, — писал он о теме своей диссертации. При этом Градовский пояснял, что «не думал написать что-нибудь законченное, истинно ученое». Цель своего труда он видел в том, чтобы «собрать материалы, имеющиеся пока под руками, расположить их в известном порядке, осмыслить некоторыми обобщениями»[4].

Основные положения магистерской диссертации А. Д. Градовского, касавшиеся института генерал-прокурора, выражались в следующих выводах.

— «В течение всего времени существования Петровских учреждений генерал-прокурор в среде государственных установлений представлял то же начало, что и сенат, то есть власть охранитель-

---

[1] *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Том 1. С. 18.

[2] Там же. С. 19, 20.

[3] См.: *Градовский А. Д.* Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Том 1. СПб., 1899. С. 37—297.

[4] Там же. С. 40.

ную, контролирующую и направляющую администрацию к одной цели»[1].

— «Министерское значение генерал-прокурора, в новейшем смысле, начинается с Екатерины II; с этого же времени начинается и превращение сената в преимущественно судебное место»[2].

— «Политическое значение генерал-прокурора превышало его административное значение; вследствие этого все политические реформы в нашем отечестве сильно отражались на этой должности»[3].

После защиты магистерской диссертации А. Д. Градовский был избран Советом юридического факультета Санкт-Петербургского университета на должность штатного доцента по кафедре государственного права (утверждение в этой должности он получил 12 января 1867 года). 29 декабря 1866 года его назначили исправляющим должность экстраординарного профессора в Императорском Александровском лицее (бывшем Царскосельском).

В июле 1867 года А. Д. Градовский, окончательно обосновавшийся к тому времени в Санкт-Петербурге, женился на Ольге Владимировне Шидловской, дочери помещика Бирюченского уезда Воронежской губернии.

С конца 1867 года Александр Дмитриевич усиленно работал над докторской диссертацией по истории местного управления в России. Его замысел заключался в том, чтобы раскрыть сущность основного института системы местного управления — губернии. «Понятие о нашей губернии с тех пор, как земские учреждения получили законное существование, — писал он в начале своего исследования, — значительно усложнилось. В состав ее вошли новые элементы, произошел ряд новых и сложных комбинаций. Показать *что́ такое* наша губерния в ряду русских учреждений, значит покончить с целою массой недоразумений, порожденных неясными понятиями о принципе и круге деятельности новых и прежних ее установлений. Для того, чтобы понять их истинное значение, должно выяснить сначала, в какой мере каждое правительство нуждается в самостоятельности местных учреждений и деятельности общества, и затем в каком смысле вопрос этот может быть разрешен ис-

---

[1] *Градовский А. Д.* Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. С. 296.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 297.

торией данного народа»[1]. Для выполнения такого замысла требовалось написать три-четыре тома. Но Градовский ограничился одним томом, который он посвятил уезду Московского государства. Он вышел в свет в Санкт-Петербурге в 1868 году[2]. Текст данного тома Градовский и представил в качестве своей докторской диссертации, которую успешно защитил 29 сентября 1868 года[3].

Опираясь на исторический опыт, А. Д. Градовский отстаивал в этой работе идею о необходимости поддержания государственного и национального единства России. «Если местные организмы, — писал он, — должны удовлетворять требованиям *государственного единства*, то в большей еще степени они должны быть произведением *национального единства*. Для того чтобы местные организмы являлись установлением столь же однообразным, как само государство, чтоб они являлись продолжением той же единой мысли, которой высшим выражением служит государство, необходимо, чтобы самые классы общества являлись произведением одной и той же культуры, развитием однородных элементов. В местностях, не представляющих такого единства, самоуправление неспособно дать удовлетворительных результатов»[4]. Выступив в своей докторской диссертации сторонником земств, Градовский провел здесь мысль о том, что дарование земских учреждений западным окраинам России может создать угрозу для ее государственного единства[5].

---

[1] *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Том 2. СПб., 1899. С. 3.

[2] См.: *Градовский А. Д.* История местного управления в России. Том 1. Введение. Уезд Московского государства. СПб., 1868. А также: *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Том 2. С. 1—488. Значительную часть текста своей докторской диссертации А. Д. Градовский опубликовал сначала в журналах. Так, в первых трех книжках журнала «Русский вестник» за 1868 г. был напечатан ее вводный раздел. См.: *Градовский А. Д.* Государство и провинция // Градовский А. Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 186—296. Первый и второй разделы диссертации были опубликованы в 1868 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (№ 4, 5, 6, 7) под названием «Общественные классы и административное деление России до Петра I».

[3] См.: *Шахматов А. А.* Краткий очерк жизни и деятельности А. Д. Градовского // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Том 9. СПб., 1904. С. XVII. В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894». (Том 1. СПб., 1896. С. 207) называется другая дата защиты А. Д. Градовским докторской диссертации — 7 октября 1868 г.

[4] *Градовский А. Д.* Государство и провинция // Градовский А. Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 295—296.

[5] См.: *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Том 2. С. 112—113.

Эти идеи Градовского, а также отстаивание им самобытности русского местного управления вызвали целую волну нападок на него со стороны так называемых «прогрессивных» публицистов. В таких периодических изданиях, как «Дело», «Отечественные записки» и др., появилась серия критических отзывов о диссертации Градовского. Его упрекали в пренебрежении «формами политической свободы», выработанными в Западной Европе.

11 января 1869 года А. Д. Градовский был утвержден в должности экстраординарного профессора Санкт-Петербургского университета по кафедре государственного права. 22 ноября того же года он стал ординарным профессором. Одновременно с преподаванием русского и иностранного государственного права в Санкт-Петербургском университете Градовский продолжал читать лекции по государственному праву в Александровском лицее — уже в должности ординарного профессора.

Время, охватывающее 70-е — начало 80-х годов, стало периодом расцвета научной и публицистической деятельности А. Д. Градовского. В русском обществе он был более известен как яркий публицист, автор многочисленных газетных и журнальных статей на различные злободневные темы. «Публицистические статьи и публичные лекции Градовского, — вспоминал впоследствии профессор Санкт-Петербургского университета правовед Н. М. Коркунов, — были так блестящи, что в глазах иных они заслонили его ученые труды. Но и самый блеск публицистической его деятельности обусловливался главным образом серьезною научною подготовкою: она то и придавала такую силу его речи, она то и делала ее такой содержательной и убедительной»[1].

Для характеристики взглядов А. Д. Градовского на сущность разрабатывавшейся им науки государственного права особое значение имеет речь «О современном направлении государственных наук», произнесенная им 8 февраля 1873 года в годичном акте Санкт-Петербургского университета[2]. Сделав в ней краткий обзор

---

[1] *Коркунов Н. М.* Градовский Александр Дмитриевич // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. СПб., 1896. С. 208.

[2] См.: *Градовский А. Д.* О современном направлении государственных наук. Речь, произнесенная в годичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1873 года // Градовский А. Д. Собрание сочинений. Том 1. С. 22—36.

политического развития Европы в XVII—XVIII века, Градовский заявил, что история и практика этих времен оставили несколько поучительных уроков, которые состоят в следующем:

«1) Государство, провозгласившее безусловную годность данных, следовательно преходящих, начал своего строя, рискует вызвать противоположные идеалы, столь же безусловные и неуступчивые. Отрицаясь от новых требований жизни, оно дает силу утопии; отказываясь от прогресса осуществимого, оно в конце концов сталкивается с идеалами неосуществимыми.

2) Наука, не имеющая доступа к практическим вопросам государственной жизни, кидается в область утопии; из полезной общественной силы она делается элементом разрушительным.

3) Общество, не участвующее в государственной жизни, не в силах сдержать утопических стремлений и делается их жертвою»[1].

Далее Градовский высказал в своей речи мысль о том, что под влиянием этих уроков и успехов знания изменились приемы научного исследования и само миросозерцание науки государственного права. Он отметил две самые существенные черты такой перемены.

Во-первых, сказал он, политическая теория стала основываться теперь не на «вечных, прирожденных», а потому абсолютных началах разума, требующих абсолютной, все совершенной (для всех времен и народов) формы государства, а на историческом опыте. Государство стало рассматриваться в качестве явления исторического, подчиненного условиям пространства и времени. Ни одна из форм государства с этой точки зрения не может быть воплощением абсолютной истины. «Итак, *отрицание абсолютного и признание прогресса* есть первое начало современной политической философии, во имя которого она отказывается от искания *безусловно годной формы государства*, но тем настойчивее требует, чтобы каждому данному состоянию общества соответствовала пригодная ему форма государства»[2].

Во-вторых, заявил Градовский, «вообще вопрос о государственном устройстве потерял в значительной степени свой интерес под влиянием условий общественной жизни XIX столетия. *Общество XIX столетия обращает внимание не столько на форму государства, сколько на задачи его деятельности и способы их осуществления*»[3].

---

[1] *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Том 1. С. 30—31.

[2] Там же. С. 31.

[3] Там же.

Теоретические аспекты государственного права привлекали внимание А. Д. Градовского с самого начала его научной и преподавательской деятельности. Помимо русского государственного права и государственного права важнейших европейских государств он читал на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета также теорию государственного права. Мечтой Градовского было создать полный курс государственного права, в котором бы догматическому изложению его институтов предшествовало рассмотрение их истории. Частью такого всеобъемлющего курса должен был стать текст его книги «Государственное право важнейших европейских держав», изданный в двух частях — «исторической» и «догматической» — в 1885—1886 годах[1].

К сожалению, планам талантливого ученого не суждено было сбыться. С осени 1881 года А. Д. Градовский стал испытывать частые боли в сердце. Чувство усталости сделалось в нем постоянным. Это отразилось и на его публицистических статьях. Их количество резко уменьшилось. В их содержании появились нотки разочарования: о будущем России он стал все чаще писать в пессимистических тонах. В одном из набросков 1884 года для какой-то статьи или письма Александр Дмитриевич выводил: «От жизни нам осталась, по-видимому, одна *тоска* по жизни, тоска по себе, по своей задавленной и поруганной личности, по силам напрасно потраченным»[2]. «Меня тревожит не опасность внешней войны, — признавался он в наброске статьи, озаглавленной им «Затишье», — не падение курса, не материальная скудость наша, а именно это растление общества, на которое у нас слишком мало обращают внимания. Мы слишком велики, чтобы бояться внешнего врага; у нас много непочатых естественных богатств, чтобы мы могли опасаться конечного оскудения; деревня у нас еще слишком преобладает над городом, чтобы мы боялись какой-нибудь революции. Но есть опасность, на которую у нас закрывают глаза, несмотря на ее очевидность: опасность разложения от усиливающейся деморализации общества. Она проникла всюду: нет сфер, где не чувствовалось бы ее разлагающее влияние»[3].

---

[1] См.: *Градовский А. Д.* Государственное право важнейших европейских держав. Том первый. Часть историческая. СПб., 1886; *его же.* Государственное право важнейших европейских держав. Том второй. Часть догматическая. СПб., 1885. Оба тома были впоследствии напечатаны в четвертом и пятом томах девятитомного собрания сочинений А. Д. Градовского.

[2] *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. Том 9. СПб., 1904. С. CV.

[3] Там же. С. CVI.

В начале 1889 года А. Д. Градовский почувствовал, что здоровье не позволяет ему более вести преподавательскую деятельность. Вместе с семьей он отправился на лечение в Германию. В июле 1889 года к нему приезжал А. Ф. Кони. Выступая 18 ноября того же года на заседании Санкт-Петербургского Юридического общества с речью, посвященной Градовскому, Анатолий Федорович рассказывал: «Я посетил его четыре месяца назад в горных окрестностях Гейдельберга. Тяжкий недуг приковал его к креслу; грудь, истомленная долгими страданиями, дышала трудно и прерывисто, — вокруг него чувствовалось веяние смерти, она коснулась его концом крыла и унесла навсегда живую краску лица и блеск умных глаз. Пред ним расстилалась чудная прирейнская равнина, залитая солнцем, но мысли его неудержимо уносились в далекую Русь и любовно воскрешали ее серые картины, заставляя то переживать прошлое, то пытливо заглядывать в будущее. Все для него лично близкое и дорогое, — было с ним, окружало его, но сам он стремился всеми силами домой, туда, где витали его думы, где осталось его дело...»[1]

Александр Дмитриевич Градовский умер в Санкт-Петербурге 6 ноября 1889 года, на сорок восьмом году жизни, оставив добрую о себе память в своих товарищах и в многочисленных учениках.

Один из учеников Градовского — М. И. Свешников — написал о своем учителе в воспоминаниях, напечатанных в конце 1889 года: «Университетская кафедра для него была самое святое искреннее служение родине. Дать сотням юношам, наполнявшим аудиторию Градовского, возможность запастись знанием, как орудием борьбы за свои мысли и правду, передать им чувства гуманности и любви к человеческой личности, выпустить, если не всю, то хоть часть молодежи истинно интеллигентными людьми на пользу своего народа, вот о чем мечтал Градовский, чего он добивался и в статьях, и в беседах»[2].

* * *

Творческое наследие А. Д. Градовского огромно: девятитомное собрание его сочинений, вышедшее в свет в 1899—1904 годах, вобрало в себя далеко не все его произведения. Книга «Начала рус-

[1] Памяти А. Д. Градовского. СПб., 1889. С. 35.
[2] Там же. С. 20.

ского государственного права»[1] является, без всякого сомнения, лучшей частью научного наследия Градовского. Давая оценку этой книге, Н. М. Коркунов отмечал, что она «не только огромный труд, плод долгой, кропотливой работы — это, можно сказать, великий подвиг. Чтобы приняться за такое дело, нужна необыкновенная любовь и способность к научной работе; чтобы успеть в нем, нужен крупный, выдающийся талант. А успех оказался несомненный»[2].

Название указанной книги А. Д. Градовского отражает и главный вклад его в русскую науку государственного права. Градовский создал то, что можно назвать теорией русского государственного права. До него в изложении этого курса почти не выделялись общие положения. Институты государственного права излагались как исторические факты. Градовский же в каждом институте государственного права стремился найти основное начало — то, что определяет его сущность. Он стал описывать институты русского государственного права как *юридические* институты.

Н. М. Коркунов считал поэтому, что книга «Начала русского государственного права» — «как первая, действительно научная обработка русского государственного права» — не только заслонила собою всю предшествовавшую литературу, но и служит «основой для последующих работ. Все появившиеся с тех пор курсы государственного права опираются на созданное Градовским»[3].

Первый том рассматриваемой книги, посвященный государственному устройству, впервые появился в 1875 году[4]. В 1892 году он вышел в свет вторым, исправленным и дополненным изданием. В 1901 году текст этого последнего издания был воспроизведен в седьмом томе собрания сочинений А. Д. Градовского.

Второй том данной книги, посвященный органам управления, был в первый раз опубликован в 1876 году[5]. Вторым изданием он

---

[1] См. современное ее издание в серии «Русское юридическое наследие»: *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. В 2-х томах / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. Том 1. О государственном устройстве; Том 2. Органы управления. М.: Зерцало, 2006.

[2] *Коркунов Н. М.* Градовский Александр Дмитриевич... С. 209.

[3] Там же. С. 211.

[4] Начала русского государственного права А. Градовского, профессора Императорского С.-Петербургского университета. Том 1. О государственном устройстве. СПб., 1875.

[5] Начала русского государственного права А. Градовского, профессора Императорского С.-Петербургского университета. Том 2. Органы управления. СПб., 1876.

вышел в 1881 году, третьим — в 1887-м. В 1903 году текст последнего издания был напечатан в восьмом томе собрания сочинений А. Д. Градовского.

По первоначальному замыслу автора, книга «Начала русского государственного права» должна была ограничиться двумя томами. Но в процессе своей работы над вторым томом этой книги Градовский решил выделить материал о местном управлении в отдельный, третий, том.

В 1881 году студенты А. Д. Градовского издали по его лекциям первую часть третьего тома «Начал», посвященного органам местного управления. Спустя два года она была издана самим автором[1]. В этой части Градовский изложил вводные положения, дал исторический очерк местных учреждений в России, описал правительственные учреждения и дворянские. Во второй части третьего тома своей книги он намеревался описать крестьянское, городское и земское самоуправление. Но это намерение ему не удалось осуществить. Третий том «Начал русского государственного права» оказался, таким образом, незавершенным.

[1] Начала русского государственного права А. Градовского, профессора Императорского С.-Петербургского университета. Том 3. Органы местного управления. СПб., 1883.

Владимир Константинович Случевский

(1844–1926)

ВЛАДИМИР Константинович Случевский принадлежит к плеяде русских юристов, вышедших на сцену общественной жизни в середине 60-х годов XIX века. Это были годы, когда в России начиналось осуществление коренных преобразований в судебной системе. С. А. Андреевский писал в своих мемуарах об этом времени: «Газеты были переполнены отчетами о процессах. Самые незначительные речи приводились целиком. Шумели новые имена. Повсюду между обвинением и защитой происходили публичные состязания в благородстве чувств, в правильном понимании закона и жизни, в остроумии, в блеске фраз и в постижении тончайших изгибов души человеческой... Все дышало возбуждением и поневоле казалось привлекательным. И потому наиболее художественные натуры из всего народившегося, свежего поколения ушли в судебную деятельность. И нужно правду сказать: в судебных речах встречалось в то время более лиризма, психологии и красоты, нежели во всей беллетристике (исключая писателей старшего поколения)»[1].

В. К. Случевский был одним из самых выдающихся судебных деятелей России второй половины XIX – начала XX века. Его достоинства юриста-практика высоко оценивали люди, соприкасавшиеся с ним по службе в судебных органах. Анатолий Федорович Кони (1844–1927), работавший со Случевским в начале 70-х годов в Санкт-Петербургском Окружном суде, считал его «особо выдающимся» среди своих сослуживцев.

Будучи судебным деятелем, В. К. Случевский выступал одновременно и в качестве ученого-правоведа. Занятия юридической наукой он считал необходимым условием эффективной практи-

[1] *Андреевский С. А.* Книга о смерти. Л., 1927. С. 119–120.

ческой деятельности любого юриста. Не оставляя своей службы в судебных учреждениях, он в зрелых уже годах начал преподавание науки уголовного судоустройства и судопроизводства в учебных заведениях. Произведение В. К. Случевского под названием «Учебник русского уголовного процесса», вышедшее в свет четырьмя изданиями с 1891 по 1913 год, до сих пор сохраняет свое научное значение: современные правоведы, специалисты в области уголовно-процессуальной науки, часто ссылаются на него в своих работах. Между тем биографии В. К. Случевского, в сущности, нет. Короткие заметки о нем, встречающиеся в энциклопедиях[1], — составляют все, что можно прочитать о жизни этого видного русского правоведа. Настоящий биографический очерк является первой попыткой восполнить данный пробел.

* * *

Владимир Константинович Случевский родился в 1844 году в Санкт-Петербурге. Его отец — Константин Афанасьевич Случевский (1784–1848) — происходил из малороссийского дворянского рода. Получив образование в черниговском народном училище и в гимназии города Чернигова, он в январе 1798 года поступил на службу в Малороссийский Генеральный суд. В 1804 году его, как способного и трудолюбивого чиновника, перевели на службу в Министерство военных сухопутных сил и зачислили в канцелярию военного министра. В 1814 году надворный советник К. А. Случевский был назначен начальником отделения в учрежденный тогда Инженерный департамент Военного министерства. Во время службы в данном министерстве Константин Афанасьевич, как опытный чиновник-практик, принимал участие в составлении многих проектов законов и инструкций, что позволило ему приобрести солидные знания в области законодательства. Данное обстоятельство, по всей видимости, и предопределило назначение К. А. Случевского в 1826 году на должность обер-прокурора Правительствующего Сената. При этом император Николай I поручил ему продолжать выполнять обязанности и по прежней должности. В январе 1834 года К. А. Случевский был определен на должность обер-прокурора 5-го департамента Сената. 31 декабря 1839 года он получил чин

[1] См., например: Русский биографический словарь. В двадцати томах. М.: Терра, 2001. Т. 14. С. 89.

тайного советника и назначение на место присутствующего в 5-м департаменте Сената. Впоследствии он стал присутствующим в 4-м департаменте Сената, а также членом Попечительного общества о тюрьмах. В 1848 году по Санкт-Петербургу прокатилась эпидемия холеры, которая свела в могилу многих жителей столицы, в том числе и сенатора Случевского. По воспоминаниям людей, знавших его, Константин Афанасьевич был гуманным помещиком: всячески старался облегчить жизнь своих крестьян, строил для них дома, прибавлял им земли, поддерживал бедных материальными пособиями. Он подготовил к печати руководство о духовных завещаниях, в котором изложил меры эффективной защиты неприкосновенности воли завещателя и способы предотвращения многих судебных тяжб.

Супругу К. А. Случевского звали Анжеликой Ивановной — именем довольно редким в России первой половины XIX века. Из какого рода она происходила, кто были ее родители, мне пока не удалось установить. Известно, что в 1837 году у Константина Афанасьевича и Анжелики Ивановны родился сын Константин, ставший известным русским поэтом (умер в 1904 г.). А сын Владимир, родившийся спустя семь лет после рождения Константина, пошел по стопам своего отца — в чиновную службу. Правда, в отличие от Константина Афанасьевича, он сначала получил хорошее юридическое образование.

В 1860 году Владимир Случевский поступил на учебу в Училище правоведения, специально созданное в 1835 году для подготовки судебных деятелей. Согласно Уставу Училища, в «сие заведение» принимались юноши в возрасте от 12 до 17 лет, происходившие «только из сословия древнего потомственного Российского дворянства, внесенного в шестую часть родословной книги», а также дети» военных чинов не ниже полковника, а гражданских 5 класса или статского советника». Предполагалось, что выходцы из таких семей будут на государственной службе людьми достаточно независимыми и не станут порочить себя взяточничеством и другими бесчестными поступками.

Программа преподавания наук в Училище правоведения сочетала учебные курсы гимназии и университета. Она предполагала, что воспитанники, прошедшие весь процесс обучения, изучат гимназические предметы и получат университетский уровень юридического образования. Им преподавались такие юридические нау-

ки, как энциклопедия права, история русского законодательства, римское право, государственное право, гражданское право и судопроизводство, уголовное право и судопроизводство, полицейское право, финансовое законодательство и др. На должности преподавателей в Училище приглашались профессора из Царскосельского (Александровского) лицея и из Санкт-Петербургского университета.

Выпуск Владимира Случевского из Училища правоведения пришелся на май 1866 года. Это было время, когда в столичных и прилегающих к ним губерниях начиналась судебная реформа — вводились в действие Судебные уставы, утвержденные императором Александром II 20 ноября 1864 года. На публичном выпускном акте Случевский как один из лучших воспитанников Училища выступал с речью о том, что молодые правоведы, окончившие Училище, «проникнуты сознанием высокого, государственного значения только что созданных Судебных Уставов» и понимают их ценность для жизни в России[1]. Спустя пятьдесят лет Владимир Константинович писал, оценивая эту речь, что в действительности в ней была «значительная доза преувеличения». «Мы слишком близко стояли к этому замечательному памятнику законодательного творчества, — пояснял он свою оценку, — чтобы уразуметь полностью его значение. Только теперь в качестве старика ретроспективно оглядываясь на этот светлый момент жизни, я вправе сказать то, что сказал в речи. В ту пору мы обращали главным образом внимание на судебное их значение, на ту техническую сторону процесса, которую отмечали они в уклонение от действовавших тогда постановлений 2 ч. т. X Св. законов и 2 ч. т. XV того же Свода, регламентировавших старый процесс. Мы сосредоточивались на изучении и оценке принципов нового процесса; мы любовно знакомились с новыми формами и обрядами судопроизводственными, впервые введенными в Уставы. Но мы еще не вполне понимали, что значение Судебных Уставов шло гораздо далее. Мы не были в состоянии явственно выяснить себе все то, что внесли они в дело улучшения нашей общественности и упорядочения государственного строя нашей жизни. Только теперь, после службы делу применения Судебных Уставов в течение почти 50 лет, делается вполне несомненным, что

[1] *Случевский В. К.* Из первых лет жизни Судебных Уставов // Журнал Министерства юстиции. 1914. № 9. С. 182.

в этом последнем отношении влияние их было громадно. Они подвинули вперед развитие нашего правового чувства, установили на новых основаниях отношение личности к государству, сослужили большую службу национальным интересам, связав новой нитью окраины с центральною Россией, повлияли на расширение торговых отношений и подняли на Западе доверие к добросовестности нашей внутренней политики. Только мало по малу, в особенности благодаря научным трудам проф. А. Д. Градовского и К. Д. Кавелина, выяснились пред нами эти стороны значения Судебных Уставов и сложилось ныне господствующее убеждение, что нельзя видеть в них только процессуальный кодекс, улучшивших отправление у нас правосудия, но нужно видеть в них также великий акт законодательного творчества, благодетельно повлиявший на разнообразные стороны нашего общественного и государственного бытия»[1].

Судебные уставы создали новую сферу юридической деятельности при судах — профессию присяжного поверенного, адвоката. Данная профессия привлекала Случевского, и молодой правовед подумывал о том, чтобы посвятить ей свою жизнь, но когда наступил момент для принятия окончательного решения, куда пойти по окончании Училища правоведения, он выбрал для себя службу по Министерству юстиции. 30 мая 1866 года его зачислили на службу в Четвертый департамент Правительствующего Сената (30 мая). Спустя три недели (20 июня) Случевский был переведен в Палату гражданского и уголовного суда. 11 ноября 1866 года молодого правоведа назначили на службу в Уголовное отделение Департамента Министерства юстиции. 21 октября 1868 года он был определен на должность товарища прокурора Воронежского Окружного суда.

В округе Харьковской Судебной палаты, в состав которого входил данный суд, в указанное время начиналась судебная реформа. Случевский оказался поэтому в довольно сложном положении. Вступившие в действие новые нормы судопроизводства еще не были осмыслены и истолкованы правовой наукой. Молодому судебному деятелю «приходилось сосредоточиться главным образом на изучении действующего законодательства и раскрывать его догматическое содержание путем личных усилий»[2]. «Не существовало также, — описывал Случевский начало своей карьеры, — того

---

[1] *Случевский В. К.* Из первых лет жизни Судебных Уставов. С. 182–183.

[2] Там же. С. 187.

существенного подспорья, которое находится в распоряжении современных судебных деятелей, — не было ценных комментариев к Уставам, применяемых ныне и заключающих в себе тезисы из наслоившихся за пятьдесят почти лет решений Кассационных Департаментов Сената, представляющих незаменимый материал для уразумения действующего гражданского и уголовного права. Вопросы, в настоящее время давно решенные и не возбуждающие никаких сомнений, в ту пору смущали нас и вызывали разнообразие мнений, далеко не всегда соответствовавших духу Судебных Уставов»[1].

Не находя полезного для себя в научных сочинениях отечественных правоведов, молодые судебные деятели вынуждены были обращаться к иностранным юридическим произведениям. Случевский в начале своей судебной деятельности зачитывался, как он сам признавался, трудами немецкого ученого, специалиста в области уголовного права и процесса, Карла Жозефа Антона Миттермайера (1787–1867). К тому времени целая серия его работ была издана в переводе на русский язык. Так, в 1864 году в Москве и Санкт-Петербурге были напечатаны книги: «Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке», «Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству», «О сословии адвокатов», «Смертная казнь: по результатам научных исследований, успехов законодательства и опытов». В 1869 году в Москве вышла в свет книга К. Миттермайера «Европейские и американские суды присяжных, их деятельность, достоинства, недостатки и средства к устранению этих недостатков».

В 1870 году В. К. Случевский неожиданно для себя был переведен на должность товарища прокурора в Санкт-Петербургский Окружной суд[2]. В своих воспоминаниях он писал о данном событии: «В Министерстве Юстиции я был одинок, и у меня не было

---

[1] *Случевский В. К.* Из первых лет жизни Судебных Уставов. С. 188.

[2] Н. Н. Розин в качестве даты перевода В. К. Случевского на должность товарища прокурора Санкт-Петербургского Окружного суда называл 26 апреля 1870 года. См.: *Розин Н. Н.* Владимир Константинович Случевский (по поводу его 50-летнего юбилея) // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 5. С. 132. Сам же Случевский в воспоминаниях о своей судебной деятельности писал, что его перевод в Петербург на указанную должность состоялся в октябре 1870 г. См.: *Случевский В. К.* Из первых лет жизни Судебных Уставов. С. 203.

никого в центральном ведомстве его, кто мог вспомнить о моем существовании и позаботиться об этом лестном в служебном отношении переводе. Я получил приказ о состоявшемся назначении помимо предварительного запроса и полагаю, что обязан этим переводом единственно ревизии, которую приезжал производить в Воронеж прокурор Харьковской судебной палаты (впоследствии сенатор) Писарев. Ревизия эта проводилась обстоятельно; с каждым из нас, вооруженных прокурорскими книгами, прокурор палаты беседовал лично о делах, записанных в настольном, и в сущности производил нам не столько ревизию, сколько экзамен. Перевод мой на видный пост, в столичную прокуратуру, объясняется также, полагаю я, в значительной степени тем, что у судебных деятелей времени первых назначений не было тех конкурентов, которыми ныне обставляется каждый шаг судебного движения. Все мы, составляя маленькую судебную армию, были на перечете, а назначения, помимо нас, новых и не испытанных на деле лиц не представляло достаточных гарантий доброкачественности деятельности новичков»[1].

Не без грусти покидал Владимир Случевский Воронеж. Судебная деятельность была в русском обществе того времени очень престижной. Судебные заседания проходили при стечении публики. На молодых судебных деятелей смотрели как на людей, имевших высокое общественное предназначение: они были желанными гостями на званых обедах и вечеринках. Вспоминая о своей службе в Воронеже, Владимир Константинович писал в 1914 году: «Эти первые годы судебной работы, в скромных условиях провинциальной обстановки, были настолько содержательны и создавали такое праздничное в нас настроение, что я и до сих пор, несмотря на истекшие четыре с лишним десятка лет, не в состоянии забыть переживавшихся там ощущений. Эти первые годы служения Судебным Уставам были чем-то исключительным, никогда более не повторявшимся, и кажутся в настоящее время каким-то сладким сновидением, быстро исчезнувшим. Полагаю, что не одною только молодостью и личными счастливыми условиями существования можно объяснить пережитое; многое должно быть отнесено и к общественному настроению, нам сочувствовавшему и нас морально воодушевлявшему»[2].

---

[1] *Случевский В. К.* Из первых лет жизни Судебных Уставов. С. 203.

[2] Там же. С. 204.

В течение первого года работы В. К. Случевского товарищем (заместителем) прокурора Санкт-Петербургского Окружного суда должность прокурора данного учреждения занимал Баженов — человек, по характеристике Случевского, умный, сведущий криминалист-практик[1]. В мае 1871 года прокурором столичного Окружного суда был назначен А. Ф. Кони.

Анатолий Федорович сумел собрать вокруг себя целую плеяду талантливых юристов. Так, одним из его заместителей (товарищей прокурора) был В. И. Жуковский. А. Ф. Кони писал о нем в своей книге «Приемы и задачи прокуратуры (из воспоминаний судебного деятеля)» (Петроград, 1924): «Несомненными и большими, специально обвинительными дарованиями между моими товарищами отличался покойный Владимир Иванович Жуковский, умный, блестяще образованный и опытный Мефистофель петербургской прокуратуры. Его сухая, чуждая всяких фраз, пропитанная беспощадной иронией, но всегда очень обдуманная и краткая речь, как нельзя более гармонировала с его жидкой фигурой, острыми чертами худого зеленовато-бледного лица, с ядовитою улыбкою тонких губ, редкою заостренною бородкой и насмешливо приподнятыми бровями над косыми глазами, из которых светился недобрым блеском критический ум. Вкрадчивым голосом и редким угловатым жестом руки с исхудалыми пальцами вил он обвинительную, нерасторжимо-логическую паутину вокруг подсудимого и, внезапно прерывая речь перед ее обычным заключением, садился, судорожно улыбаясь и никогда не удостаивая ответом беспомощного жужжания растерянного защитника».

Выдающимся по своим дарованиям обвинителем (а впоследствии адвокатом) был и другой заместитель прокурора Санкт-Петербургского Окружного суда — Сергей Аркадьевич Андреевский (1847–1919)[2]. «Мягкий и человечный, литератор и поэт в душе, независимый и благородный в своих ораторских приемах, он был на обвинительной трибуне одним из “говорящих судей”, никогда не забывавшим предписания закона не извлекать из дела одни лишь обстоятельства, уличающие подсудимого», — таким за-

---

[1] *Случевский В. К.* Из первых лет жизни Судебных Уставов. С. 208.

[2] См. о нем очерки: *Кони А. Ф.* С. А. Андреевский (по личным воспоминаниям) // Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1968. Т. 5. С. 166–183; *Томсинов В. А.* Адвокат-поэт как явление русской адвокатуры второй половины XIX в. (к 150-летию С. А. Андреевского) // Законодательство. 1998. № 4. С. 77–80.

помнит А. Ф. Кони своего соратника по судебной деятельности С. А. Андреевского.

В. К. Случевского Анатолий Федорович удостоил в своих мемуарах («Приемы и задачи прокуратуры») следующей характеристики: «Между моими товарищами особо выдающимся являлся Владимир Константинович Случевский. Тонкий юридический анализ обстоятельств дела, изложенный в убедительной и проникнутой достоинством форме, был яркою принадлежностью его обвинительных речей, а в разборе и установлении им состава преступления чувствовалась обширная научная юридическая подготовка. Благодаря ей, выразившейся впоследствии в ряде ученых работ, Случевский мог по праву занять кафедру уголовного судопроизводства в Училище правоведения и в Военно-юридической академии, быть деятельным участником комиссии по составлению Уголовного уложения 1893 года, занять затем пост обер-прокурора Уголовно-кассационного департамента и быть избранным в почетные доктора Петербургского университета». Подобную оценку личным и деловым качествам своего заместителя А. Ф. Кони дал и в мемуарах, опубликованных к пятидесятилетию принятия судебных уставов: «Товарищ прокурора и товарищ председателя Петербургского окружного суда — В. К. Случевский в первые годы судебной реформы являл именно тот образец обвинителя и судьи, который был начертан в мыслях и работах составителей Судебных Уставов. Тонкий юридический анализ преступления и беспристрастный разбор улик и доказательств, изложенные в убедительной и проникнутой достоинством форме, составляли яркое свойство его обвинительных речей и напутствий присяжным. В оценке и установлении состава судимого деяния у Случевского всегда чувствовалась обширная научная подготовка»[1].

В свою очередь В. К. Случевский писал об Анатолии Федоровиче Кони: «Внимательно относясь к нему, как лицу, руководившему нами, мы привыкли в его приемах и способах действий видеть тот образец, к которому следовало нам стремиться. Его художественное слово, обнаруживавшее всегда его широкое литературное образование, его широкое отношения к различным факторам уголовного процесса, его любовь и неизменная преданность Су-

[1] *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы: к пятидесятилетию судебных уставов. М., 1914. С. 288.

дебным Уставам, — все это побуждало нас, его товарищей, идти по пути, проложенному им, и пытаться в своих действиях осуществить тот живой тип прокурора и судьи, который был им создан и положен в основание деятельности наших многочисленных прокуроров и судей... Личным свойствам А. Ф. Кони обязана также прокуратура вспоминаемого времени тем, что в составе ее находились в качестве его товарищей такие выделяющиеся чины прокуратуры, как А. Боровиковский, В. И. Жуковский, С. А. Андреевский и др.»[1].

В 1875 году А. Ф. Кони оставил пост прокурора Санкт-Петербургского Окружного суда, перейдя на службу в качестве вице-директора (а затем директора) Департамента Министерства юстиции. Случевский же еще некоторое время занимал в этом суде должность товарища прокурора, а с 19 июня по 12 августа 1876 года — прокурора. 27 декабря 1876 года его перевели на место товарища председателя Санкт-Петербургского Окружного суда.

В январе 1882 года В. К. Случевский был назначен помощником статс-секретаря Государственного Совета. 24 июля 1883 года он стал товарищем обер-прокурора Уголовного кассационного департамента. В сентябре того же года В. К. Случевский вошел в состав редакционной комиссии по составлению проекта нового уголовного уложения.

В 1883 году началась преподавательская деятельность В. К. Случевского: он приступил к чтению лекций по уголовному процессу в своей alma mater — в Училище правоведения. Одновременно Владимир Константинович начал работу над учебными пособиями по курсу уголовного процесса, главным из которых стал «Учебник русского уголовного процесса». Его первое издание вышло в свет двумя частями в 1891–1892 годах[2]. В 1892 году Случевский опубликовал учебное пособие для лекций и экзаменов под названием «Уголовно-процессуальная казуистика»[3].

С января 1895 года В. К. Случевский стал преподавать уголовный процесс и в Военно-юридической академии. В этом же году было опубликовано второе издание его «Учебника русского уго-

---

[1] *Случевский В. К.* Из первых лет жизни Судебных Уставов. С. 210–211.

[2] *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство. СПб., 1891; *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. СПб., 1892.

[3] В 1893 г. вышло в свет второе издание данного учебного пособия.

ловного процесса»[1]. Третье издание данного учебника появилось в 1910 году, четвертое и последнее — в 1913-м[2].

М. В. Духовской называл «Учебник русского уголовного процесса» В. К. Случевского, а также учебный курс И. Я. Фойницкого по уголовному процессу «главнейшими пособиями» при изучении этой науки[3]. Н. Н. Розин же писал о Случевском, оценивая его учебник: «Среди современных русских процессуалистов он является выдающимся знатоком отечественных положительного права и судебной практики. С этой точки его «Учебник уголовного процесса», вышедший в 1913 г. четвертым изданием, представляет несравненное и исключительное по своим достоинствам руководство. Все отделы «Учебника», в которых автору приходится говорить о постановлениях положительного права, напр., отделы об организации и пределах ведомства судов (стр. 99 и сл.)[4], об условиях занятия должностей по судебному ведомству и приобретения судебного звания (стр. 119 и сл.), об органах обвинения (стр. 196 и сл.), о возбуждении уголовного иска (стр. 426 и сл.) и т. д., — излагают наше положительное право, со всеми его разновидностями, особенностями и изъятиями, с исчерпывающей точностью и полнотой. Но чисто юридическая сторона этого изложения не ограничивается положительным правом в форме, провозглашенной законодателем, — она стремится проследить движение и развитие права в его действительном практическом применении»[5].

Преподавательская и научная деятельность В. К. Случевского сочеталась с его практической работой в различных законотворческих комиссиях. 23 декабря 1896 года Владимир Константинович был назначен обер-прокурором Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената[6]. Эту должность он занимал до 6 апреля 1903 года.

---

[1] Пять лет спустя В. К. Случевский выпустил в свет добавление к этому изданию своего учебника по уголовному процессу. См.: *Случевский В. К.* Добавления к учебнику русского уголовного процесса: Судоустройство – Судопроизводство: Добавления ко второму изданию учебника 1895 года. СПб., 1900.

[2] *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство–судопроизводство. Издание четвертое, дополненное и исправленное. СПб., 1913.

[3] *Духовской М. В.* Русский уголовный процесс. М., 1910. С. 28.

[4] Здесь и далее оставлена нумерация страниц учебника Случевского по изданию 1913 г.

[5] *Розин Н. Н.* Владимир Константинович Случевский. С. 134.

[6] До него эту должность занимал А. Ф. Кони.

14 мая 1894 года В. К. Случевский был включен в состав Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. Он работал в первом отделе данной комиссии, в котором велась разработка новых принципов судоустройства, а также в третьем отделе, созданном для разработки вопросов уголовного судопроизводства. Здесь вместе с ним работали такие светила русской юриспруденции, как А. Ф. Кони и Н. С. Таганцев. Содержание объяснительной записки к проекту новой редакции устава уголовного судопроизводства, составленной к 1900 году, показывает, что В. К. Случевский принимал постоянное и активное участие в обсуждении всех значительных проблем уголовного процесса. Так, он выступал против предложенного рядом членов комиссии института параллельного обвинения, видя в этом нарушение единства обвинительной деятельности и вредный для правосудия источник раздора между прокуратурой и частным обвинителем—потерпевшим. Он был также противником привлечения в уголовном порядке третьих лиц в качестве гражданских ответчиков за подсудимого. По его мнению, введение такого порядка осложнило бы уголовное судопроизводство, отняло бы гарантии у ответчиков и подорвало бы юридические основания и условия соединенного процесса. Вместе с А. Ф. Кони, В. Д. Спасовичем и И. Я. Фойницким Владимир Константинович Случевский выступал за то, чтобы защита обвиняемого была разрешена уже на стадии предварительного следствия, считая это нововведение дополнительной гарантией интересов обвиняемого и необходимым условием достижения целей правосудия.

Правда, в отличие от Кони, Спасовича и Фойницкого, Случевский полагал, что защита обвиняемого допустима лишь после того, как следователь соберет главнейшие улики и доказательства, когда защита будет не в состоянии оказать неблагоприятное влияние на обнаружение истины. При этом Случевский высказывал мнение о целесообразности расширить полномочия прокурорского надзора за дознанием.

Катастрофические события 1917 года, приведшие к крушению монархической государственности и приходу к власти большевиков, В. К. Случевский переживал, находясь в Петрограде. В начале 1919 года он был привлечен новыми властителями к работе в комиссии по пересмотру военно-морских законов, созданной при Морском Генеральном штабе. С лета 1919 года Владимир Константинович, которому было уже 75 лет, стал преподавать социологию в

Московской Военно-педагогической академии. В конце 1920 года он был назначен консультантом Наркомата юстиции. Однако пробыл он в этой должности менее года. В августе 1921 года Владимир Константинович Случевский тяжело заболел и был вынужден отойти от дел. 29 апреля 1926 года он скончался.

* * *

Будучи юристом-практиком по основной своей профессии, В. К. Случевский всегда с большим пиететом относился к юридической науке. Он хорошо понимал, что судебная деятельность может быть по-настоящему эффективной только при содействии трудов ученых-правоведов[1]. «Современные законодательства, — писал он в «Учебнике русского уголовного процесса», — обладают, несмотря на все сделанные успехи, слишком бедными техническими средствами для выражения мысли и воли законодателя в совершенной форме, а отсюда неизбежность родовспомогательного (по выражению Иеринга) содействия со стороны юриста для извлечения из закона всего необходимого для судебной деятельности. В этой своей работе по применению закона юрист-практик встречается неизбежно с неполнотою, неясностью и противоречиями закона; с другой же стороны, разнообразная и никогда не иссякающая в своем творчестве жизнь выставляет ему на разрешение такую казуистику, для применения к которой положительного закона ему оказывается невозможным удовлетворяться одним догматическим его толкованием, а приходится обращаться непосредственно к исследованию правовых норм. Преследуемая наукой в сфере практического применения права цель заключается в том, чтобы развивать из закона содержащиеся в нем, хотя и не выраженные прямо, юридические понятия. Эти понятия не изобретаются ею, а выводятся путем отвлечения тех элементов, которые в нем находятся. При той спо-

[1] См. на эту тему статью В. К. Случевского «Об отношениях судебной уголовной практики к законодательству и науке права», опубликованную в «Журнале гражданского и уголовного права» в 1883 г. (кн. 4. С. 145–166). См. также: *Случевский В. К.* О значении опытного, научного и философского знания в практике судьи // Вестник права. 1904. № 4. О большом интересе В. К. Случевского к юридической науке свидетельствуют и его рассуждения о юридических доктринах, доминировавших в его время среди ученых-правоведов, приведенные им в статье «Анатолий Федорович Кони. По поводу его пятидесятилетнего юбилея», которая была опубликована в восьмом номере «Журнала Министерства юстиции» за 1915 год (см. в особенности стр. 153–155).

собности, которой обладает право развиваться и размножаться из себя, достаточно бывает для научного исследования нескольких, заключающихся в законе начал для того, чтобы путем научных исследований извлечь из них необходимые правовые основания для разрешения частных случаев. Уже в Средние века суды обращались к помощи юридических факультетов университетов, и последние, давая свои заключения, принимали таким образом самое непосредственное участие в разрешении дел. В настоящее время закон, требуя от лица судебного ведомства высшего юридического образования, как необходимого условия к занятию судебных должностей, предполагает самих судебных деятелей подготовленными для пользования, по мере надобности, научными приемами исследования. Научное толкование закона имеет особое значение в особенности теперь... Помощь науки особенно нужна нашим процессуалистам, потому что наши уставы не отличаются развитием общих процессуальных положений, имеющих обыкновенно руководящее значение для судебной практики»[1].

Юридическая наука была для В. К. Случевского столь же важной сферой приложения сил, как и практическая судебная деятельность. Он неоднократно выступал с докладами по различным вопросам уголовного и уголовно-процессуального права на заседаниях Санкт-Петербургского Юридического общества[2], писал статьи в научные журналы[3], составлял заметки для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона[4].

---

[1] *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство–судопроизводство. СПб., 1913. С. 23–24.

[2] В 1878 году В. К. Случевский выступил в рамках Санкт-Петербургского Юридического общества с докладом «О проекте австрийского уголовного кодекса», в 1880 г. сделал доклад по теме «О пределах власти уголовного суда», в 1884 г. выступал на тему «Реформа уголовного процесса во Франции и Бельгии». Текст последнего доклада был опубликован в виде статьи в «Журнале гражданского и уголовного права» (1884. Кн. 6. С. 1–26).

[3] См.: *Случевский В. К.* Гипнотизм в уголовном суде // Русский Вестник. 1892. Т. 221. Кн. 7. С. 115–139; Кн. 8. С. 68–86. Сокращенный вариант этой статьи был опубликован в «Судебной газете» (1892. № 12. С. 6–7); *Случевский В. К.* Проект венгерского устава уголовного судопроизводства // Журнал гражданского и уголовного права. 1886. Кн. 3. С. 75–100; *Случевский В. К.* О суде присяжных и его противниках // Журнал Министерства юстиции. 1896. Кн. 3 и др.

[4] См.: *Случевский В. К.* Гласность (вообще и судебная) // Энциклопедический словарь, изд. Брокгаузом и Ефроном. СПб., 1893. Т. VIII-а. Кн. 16. С. 820–823; *Случевский В. К.* Доказательства уголовные // Там же. Т. X-а. Кн. 20. С. 882–886 и др.

В. К. Случевский был редким для своего времени знатоком уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем он хорошо знал и теоретические работы по проблемам судоустройства и судопроизводства. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на книги и статьи по уголовно-процессуальному праву в его «Учебнике русского уголовного процесса»[1], превращающие это учебное и научное издание еще и в библиографическое пособие — в полезный указатель литературы по различным вопросам уголовному процесса.

Уголовное судопроизводство являлось основной сферой практической деятельности В. К. Случевского. Не удивительно, что именно уголовно-процессуальное право стало главным объектом его научных исследований. Принцип публичности, который в результате судебной реформы сделался одним из главных свойств уголовного процесса, предопределил особое значение этой отрасли права и правоведения в общественной жизни России. Уголовно-процессуальное право, подчеркивал В. К. Случевский, «нормирует деятельность уголовного суда и определяет те средства, при помощи которых суд этот применяет грозные орудия уголовной кары, входящие в систему наказаний уголовного законодательства страны. Самые дорогие блага человека, заключающиеся в его имущественных интересах, свободе, телесной неприкосновенности, здоровье и даже жизни, служат средствами воздействия на совершившего преступное посягательство человека. Мало того, даже не совершивший преступления, но привлеченный в качестве обвиняемого по делу, в качестве лица, заподозреваемого в совершении преступления, подвергается всем тяжким, нравственным, физическим и материальным последствиям этого привлечения. Отсюда видно, насколько велико практическое значение формулированного в законодательных постановлениях уголовно-процессуального права»[2].

Н. Н. Розин подчеркивал, что «центральным началом, привлекающим симпатии В. К. Случевского, является начало ограждения личности и охраны личных прав. С этой точки зрения выясняет он судебно-политическое значение отделения суда от администра-

---

[1] При подготовке настоящего издания «Учебника русского уголовного процесса» я счел необходимым снять данные ссылки, поскольку в противном случае объем книги был бы значительно большим.

[2] *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. С. 10.

ции (Учебник, стр. 13, 43, 88, 92)[1] и его общественное значение... В полной гармонии с этой основной идеей стоят и другие судебно-политические взгляды В. К. Случевского, в частности, его симпатия к институту выборных мировых судей, его "радостное" отношение к суду присяжных»[2]. Это мнение подтверждается всем содержанием его «Учебника русского уголовного процесса».

Следует, однако, отметить, что Случевский вполне сознавал недостаточность для обеспечения прав личности в рамках уголовного правосудия одних процессуальных средств — одной, пусть и самой совершенной, организации уголовного процесса. Для этого необходимы активное участие самой личности в своей судьбе и содействие общества защите личных прав своих членов. Выражая данную мысль, он писал в «Учебнике русского уголовного процесса»: «До тех пор, пока необходимость борьбы каждого за господство права, за охранение его от преступных посягательств, не проникнет в плоть и кровь общества, до тех пор, пока не разовьется адвокатура, строго руководящаяся в своей деятельности сознанием своего публичного назначения, до тех пор, пока не создастся такое общение между органами полиции и частными лицами, которое сделало бы действительным участие общественных и личных сил в полицейском дознании — до тех пор немыслимо ожидать, чтобы введение состязательной деятельности сторон в этот период процесса оправдало возлагающиеся на нее надежды»[3].

---

[1] Нумерация страниц дается в данном случае по четвертому изданию «Учебника русского уголовного процесса», вышедшему в 1913 г. (прим. ред.).

[2] *Розин Н. Н.* Владимир Константинович Случевский. С. 140.

[3] *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. С. 505.

Петр Евгеньевич Астафьев

(1846—1893)

ПЕТР Евгеньевич Астафьев родился 7 декабря 1846 года в дер. Евгеньевка Острогожского уезда Воронежской губернии в дворянской семье. Его предками со стороны матери были дворяне Губаревы, владевшие на Вологодчине родовым имением. Отец же происходил из старинного дворянского рода Астафьевых (Остафьевых)[1].

В некоторых биографиях П. Е. Астафьева говорится, что его предками по отцу были представители одной из ветвей византийского знатного рода Кантакузенов[2], жившие на территории Греции и носившие фамилию Кантакузен-Стефи-Фермати. Якобы в начале XVIII века кто-то из этой семьи приехал в свите молдавского господаря Дмитрия Кантемира в Россию и поступил на службу к русскому царю. Петр Астафьев вполне мог иметь родство с семьей Кантакузен-Стефи-Фермати, но, очевидно, лишь вследствие того, что один из его предков по отцовской линии вступил в брак с женщиной из этой семьи.

Об отце Петра Астафьева известно лишь то, что в 60-е годы XIX века он занимался введением в действие крестьянской и судебной реформы в Воронежской губернии. Ему удалось дать сыну хорошее домашнее воспитание и образование. В 1863 году Петр поступил в 7-й класс губернской гимназии, но только для того, чтобы сдать экстерном экзамены за весь гимназический курс обучения.

Летом 1864 года он опубликовал в «Воронежских губернских ведомостях» (№ 26 за 27 июня) свое первое литературное произведение — очерк «От Острожска до Ивановки». А осенью того же года

---

[1] По сохранившимся родословным документам, существовало четыре старинных дворянских рода Астафьевых, имевших родовые имения в различных российских губерниях, но о том, к какому из них принадлежал Петр Астафьев, у меня сведений нет.

[2] Наивысшее значение в Византии род Кантакузенов приобрел в 40-е годы XIV в.: с 1341 по 1354 г. трон византийского императора занимал Иоанн VI Кантакузен (Кантакузин).

приступил к занятиям на юридическом факультете Императорского Московского университета.

Еще в студенческие годы Петр Астафьев проявил особый интерес к философии права: его научным руководителем в этой области стал профессор П. Д. Юркевич. С большим вниманием студент Астафьев слушал также лекции Б. Н. Чичерина.

После окончания университета в 1868 году Петр Астафьев два года состоял кандидатом на судебные должности. В июле 1870 года по рекомендации юридического факультета Московского университета он был зачислен вместе с рядом других его выпускников, кандидатов прав (А. А. Борзенко, М. В. Духовским, И. Ф. Ковалевым, Н. А. Миловидовым, И. В. Свиридовым) в стипендиаты Демидовского юридического лицея для подготовки к профессорскому званию.

В сентябре 1872 года Петр Астафьев начал преподавать историю философии права в Демидовском юридическом лицее. Его вступительная лекция, читавшаяся им воспитанникам лицея с 7 по 14 сентября, была посвящена общефилософскому вопросу «Монизм или дуализм? (Понятие и жизнь)»[1]. Выбор этой темы сам Астафьев объяснял следующим образом: «Приступая к академической деятельности, я не считал себя вправе избрать предметом вступления частный вопрос; я считал себя обязанным начать эту деятельность с — так сказать — философской исповеди в самых коренных убеждениях»[2].

В 1876 году Петр Евгеньевич оставил Демидовский юридический лицей. В течение двух лет он занимался исключительно публицистической деятельностью в качестве постоянного автора «Русской газеты». Это были годы Сербского восстания против турецкого владычества и русско-турецкой войны за освобождение балканских славян. Затем Астафьев исполнял должность мирового посредника в Юго-Западном крае — в Подольской губернии. Эта деятельность дала ему возможность изучить экономическую жизнь в данной губернии[3].

---

[1] Расширенный вариант этой лекции (объемом в 126 с.) был опубликован в виде книги. См.: Монизм или дуализм? (Понятие и жизнь). Вступительная лекция преподавателя истории философии права при Юридическом Демидовском Лицее П. Е. Астафьева, читанная 7–11-го сентября 1872 года. Ярославль, 1873.

[2] Там же. С. 3 (прим.).

[3] Результаты своих наблюдений за жизнью Подольской губернии в эти годы П. Е. Астафьев обобщил в работах: «Последнее десятилетие экономической жизни

В 1881 году Астафьев женился на М. И. Якубовской и усыновил ее детей от первого брака. Женщина умная, образованная и в то же время душевная, религиозная, она стала ему верной помощницей в его трудах. По свидетельству его приемного сына Василия Якубовского, Петр Евгеньевич часто повторял: «Я люблю больше всего Бога, жену и философию»[1].

В 1881–1890 годах Астафьев заведовал Университетским отделением Лицея в память цесаревича Николая Александровича, в котором директором был издатель газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник» М. П. Катков, и одновременно читал здесь лекции по логике, гносеологии, психологии и этике. С ноября 1885 года до июня 1890 года он состоял цензором Московского цензурного комитета. В этот период вышли такие его книги, как «Смысл истории и идеалы прогресса» (М., 1885. 2-е изд.: М., 1886), «Страдание и наслаждение жизни. Вып. 1. Вопрос пессимизма и оптимизма» (СПб., 1885), «Симптомы и причины современного настроения (наше техническое богатство и наша духовная нищета)» (М., 1885), «Чувство как нравственное начало» (М., 1886), «К вопросу о свободе воли» (М., 1889), «Национальность и общечеловеческие задачи (к русской народной психологии)» (М., 1890), «Учение графа Л. Н. Толстого в его целом» (М., 1890. 2-е доп. издание: М., 1892).

Последние три года своей жизни Петр Евгеньевич преподавал на историко-философском факультете Московского университета в качестве приват-доцента. Одновременно являлся постоянным сотрудником журнала «Вопросы философии и психологии» и деятельным членом Психологического общества. По воспоминаниям Н. Я. Грота, редкое заседание Московского Психологического общества происходило без участия Астафьева, «редкие прения — без умных, полных содержания, одушевления и искреннего увлечения, проникнутых глубокой эрудицией и, в то же время, почти всегда благодушных, по отношению к оппонентам, возражений П. Е... Когда появлялся в заседании П. Е. Астафьев, можно было заранее

Подольской губернии», напечатанной в 1880 г. в «Сборнике Подольского статистического комитета», и «Очерки экономической жизни Подольской губернии», опубликованной в том же году в русской патриотической газете «Киевлянин», основанной в 1864 г. В. Я. Шульгиным.

[1] *Якубовский В.* Воспоминания о П. Е. Астафьеве (посвящается М. И. Астафьевой) // Русское обозрение. 1893. № 112. С. 925.

сказать, что прения и беседы, даже по поводу скучной темы, будут интересными и содержательными»[1].

Астафьев мечтал завести собственный журнал и получил разрешение на издание в Москве еженедельного печатного органа под названием «Итоги». Но болезни помешали ему исполнить этот план. Родные уговаривали его переехать на жительство в воронежскую деревню, но он говорил в ответ, что Психологическое общество нельзя перенести в деревню, а без него он жить не может.

По складу своего характера П. Е. Астафьев был типичным русским интеллигентом, то есть человеком, живущим более духовными интересами, нежели материальными. Н. Я. Грот писал о нем, что это был «несомненно, человек идеи, и за это многие, понимавшие его человеческую суть, глубоко его уважали»[2]. «Мало кто знал личную жизнь Петра Евгеньевича, — отмечал Грот, — но те, кто его знали ближе, были хорошо знакомы с его детскою непрактичностью в делах, с его абсолютным неуменьем устраивать свои личные дела, с его философскою правдивостью, неумением льстить, заискивать и достигать выгод. Петр Евгеньевич в 45 лет кончил свою карьеру тем, что получал 80 руб. в год жалованья (т. е. гонорара за лекции в университете) и не сумел себе выхлопотать за долговременную службу даже хотя бы ничтожную пенсию. Несмотря на совершенно консервативные и религиозные убеждения, он не сделал никакой карьеры»[3].

Интерес к философии, предполагающей способность спокойно рассуждать о смысле жизни, сочетался в нем с крайне эмоциональной, чувствительной натурой. Раз в неделю, обыкновенно по пятницам, Астафьев устраивал для своих учеников и друзей литературно-музыкальные вечера. Эти «астафьевские пятницы» посещали и взрослые его друзья, и знакомые — например, известный философ К. Н. Леонтьев.

Петр Евгеньевич увлекался музыкой, хорошо играл на фортепиано. «Если б я не был философом, я был бы музыкантом», — говорил он о себе. Константин Леонтьев характеризовал его как сочетание «метафизика с гусаром».

За свою недолгую жизнь Астафьев успел написать и опубликовать более десятка книжек, в которых высказал, по-видимому,

---

[1] *Грот Н. Я.* П. Е. Астафьев. Некролог // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Кн. 18. № 5. С. 116.

[2] Там же. С. 118.

[3] Там же. С. 117.

все, что мог и хотел сказать. Своим главным, итоговым, произведением он считал книгу «Вера и знание в единстве мировоззрения (опыт начал критической монадологии)», где, как он сам отмечал, изложены основные начала мировоззрения, сложившегося у него «до довольно ясной и законченной определенности за более, чем двадцать лет занятий вопросами философии и психологии»[1]. Она вышла в конце марта 1893 года. Петр Евгеньевич как будто предчувствовал, что это последняя его книга[2]. Передавая один из ее экземпляров в дар своему другу, он написал на ней: «В воспоминание хотя глупой, но милой юности, перед близящимися расчетами с уже прожитою жизнью». Было ему в то время 46 лет. Через несколько дней, а именно: 7 апреля 1893 года Петр Евгеньевич Астафьев скончался.

Василий Якубовский заметил в своих воспоминаниях по поводу его смерти: «Чем человек жил, от того и умер: жил Петр Евгеньевич умом и сердцем и умер от кровоизлияния в мозг»[3].

* * *

Как мыслитель П. Е. Астафьев не получил надлежащей оценки в литературе. Характеристика его мировоззрения, данная в журнальных заметках и статьях энциклопедий, в очень малой степени отражает подлинное содержание его творческого наследия, зачастую она просто неверна.

Так, взгляды П. Е. Астафьева на общество определяются как сугубо «консервативные». Он действительно выступал в своих произведениях против теории прогресса, но это не значит, что он был консерватором. Петр Евгеньевич не принимал лишь того понимания истории, которое вытекало из данной теории. «Космополитизм, рационализм, господство равенства и автоматический строй жизни — вот главные общие признаки всех разнообразных идеалов теории прогресса!»[4] — писал он. С точки зрения «прогрессистов», смысл и оправдание истории в ее конечных результатах. По мне-

---

[1] *Астафьев П. Е.* Вера и знание в единстве мировоззрения (опыт начал критической монадологии) // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. С. 352.

[2] Через четыре года после смерти П. Е. Астафьева была издана книга, составленная из его рукописей. См.: *Астафьев П. Е.* Опыт о свободе воли (Из посмертных рукописей). М., 1897.

[3] *Якубовский В.* Воспоминания о П. Е. Астафьеве. С. 931.

[4] *Астафьев П. Е.* Смысл истории и идеалы прогресса. М., 1885. С. 29.

нию же Астафьева, этот смысл и оправдание — в самом историческом процессе. Для сторонников теории прогресса история есть постепенное накопление и воплощение в общественной жизни элементов различных отвлеченных принципов — свободы, законности, равенства и т. п. Для Астафьева же история — это процесс дальнейшего развертывания (проявления) человеческой сущности, разнообразных форм общественной жизни и государственности, различных типов культур и т. п.

В статье о П. Е. Астафьеве, помещенной в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», говорится, что для него было характерно «усиленно подчеркиваемое отрицание бессознательных элементов нашей душевной деятельности». На самом деле Петр Евгеньевич не отрицал бессознательного, но лишь выступал против того, чтобы оно принималось в качестве источника и критерия человеческой жизни. «Когда источником и критерием всего принимается *бессознательное*, *стихийное стремление*, то и жизнь не может иметь иных норм, кроме фактически господствующей силы и эгоистического *самоутверждения* личности (эмпирической), противополагающей всякой объективной законности и в практике жизни и в *научном мышлении*, ибо за мышлением признается значение простого произведения бессознательного, стихийного стремления, предназначенного только служить целям последнего. Таким образом узаконяется безусловный нигилизм, вместе с таким же безусловным деспотизмом внешних, все уравнивающих форм жизни (национальности, интереса класса), отрицание свободы мнения, — и, у людей, имеющих сердце и сознание своего достоинства, — пессимизм, отвращение от жизни, индифферентизм ко всем высшим задачам ее, квиэтизм и т. д.»[1]

Сам П. Е. Астафьев свои философские воззрения определял как спиритуализм, но все содержание высказанных им идей не укладывалось в рамки данного философского направления. Он действительно считал стержнем человеческой жизни духовную деятельность и отдавал предпочтение в процессе познания интуиции, «внутреннему опыту». Но в то же время он утверждал, что «в действительной жизни признание *одной* руководящей силы, признание безусловной логики (данного), как и — безусловности воли (стремления), приводит к таким враждебным жизни явлениям, как отрицание личности, человечества, истории, искусства, религии, права

[1] *Астафьев П. Е.* Монизм или дуализм? (Понятие и жизнь). С. 89—90.

и т. п., — к нигилизму, индифферентизму и квиэтизму; поэтому, *с точки зрения житейской мудрости*, желательно совмещение в ней двух начал — теоретического, условного, реалистического, с этическим, безусловным, идеалистическим, — желателен — *дуализм*»[1]. При этом Петр Евгеньевич считал, что «*дуализм* теоретического и этического начал есть и необходимое условие, под которым только и возможны этика и философия права, как науки: что признание безусловного примата логики над этикой, и обратно, приводит к невозможности установить закон единый, всеобщий и сам по себе обязательный, — т. е. к теории или анархической, или же признающей за единственный закон — закон голой силы»[2]. С другой стороны, П. Е. Астафьев придавал большое значение в жизни человека не только внутренним движениям его души, но и тому, что он называл «воплощением его душевных состояний во вне, *во внешнем строе его жизни*». По его словам, «пока в этом строе ясны и крепки положительные выражения идеализма и человечности, т. е. *религия*, *предание*, *народность*, *государственность* и др. — до тех пор и стремление человеческой души освободиться вполне от бремени своей человечности, от всякого идеализма, будет встречать своему осуществлению *неодолимую преграду*. Учреждения, воплощающие эти начала — не дадут человеку никогда осуществить вполне свое желание оживотниться. Если же э*то желание* у современного человечества *очень уже сильно*... тогда! — *тем крепче и яснее, властнее должны только стать выражающие эти начала человечности учреждения*!»[3]

П. Е. Астафьев ясно видел угрозы, которые несла духовному началу в человеке эволюция современного ему общества, но тем не менее верил в неистребимость данного начала. Так, он писал, что «если бы даже и *внешний строй жизни*, учреждения, обычаи и нравы ее недостаточно *ясно и сильно* выражали бы и блюли в самой душе человека начала ее идеализма или человечности, — почему-либо подверглись бы даже полному *смешению* и разложению, — то *сама душа* эта никогда не может *вполне* и навсегда разделаться с этим своим, *присущим* ей, а не выдуманным или выученным ею идеализмом»[4].

---

[1] *Астафьев П. Е.* Монизм или дуализм? (Понятие и жизнь). С. 110.

[2] Там же.

[3] *Астафьев П. Е.* Симптомы и причины современного настроения (наше техническое богатство и наша духовная нищета). М., 1885. С. 98—99.

[4] Там же. С. 99.

Духовное начало в общественной жизни П. Е. Астафьев тесно связывал с началом национальным, которое, с его точки зрения, всегда играет огромную роль в истории, политике и праве. В частности, Петр Евгеньевич видел глубокую зависимость между распространением концепции общественного договора и разрушением национальных устоев общества на Западе, космополитизацией западной общественной жизни. Каждый из членов космополитического общества и вся совокупность их, писал он, «руководясь лишь настоящим интересом и не будучи связаны ни преданием, ни традиционною верою, ни национальностью, не руководится в своих решениях ни требованиями прошедшего, ни требованиями будущего, стоит вне того или другого, то понятно, что *ничто*, кроме соглашения наличной совокупности членов общества не может здесь определять организации их формы общежития. Не так в национальных или культурных государствах, преследующих задачи исторические, связанные поэтому и своим прошедшим и продолжением и развитием его в будущем, и в которых поэтому одно соглашение или один общий интерес *хотя бы и всей наличной* совокупности граждан ничего сами по себе ни установить, ни упразднить не могут. Для космополитической общины достаточно поэтому *чисто-договорного* основания, *недостаточного* для национального или культурного, исторического государства»[1]. Космополитическую тенденцию в эволюции общества П. Е. Астафьев считал губительной. Она, отмечал русский мыслитель, «не раз уже осуществлялась в истории и всегда кончалась — *смертью*»[2].

Различия в праве тех или иных обществ П. Е. Астафьев также увязывал с национально-культурным фактором. «Человек латинской — романской культуры стремится и всегда готов организовать, кристаллизовать в твердых, точно определенных внешних формах всякое движение, всякое стремление своей души: не только мотивы сословных и экономических различий, но и человеческое братство, и любовь, и уважение. Для него понятен и почти привлекателен даже вопрос о регламентации, кодификации *нравственности* в тесном смысле, так, чтобы нравственные мотивы действовали в душе по общим правилам, в точно определенных формах и т. д. Русский человек *ужаснется* предложениям такой организации и кодификации; они ему представляются *смертью* самой нравственной

[1] *Астафьев П. Е.* Смысл истории и идеалы прогресса. С. 34—35.
[2] Там же. С. 53.

жизни, ибо любовь, уважение или великодушие "по такому-то параграфу" положительного *устава* нравственности уже перестают быть согревающими душу и священными проявлениями ее свободной и прекрасной сущности, любовью, уважением или великодушием. Они переходят в не имеющее само по себе моральной ценности, но *предписанное*, вынужденное исполнение юридической обязанности. Обращая мораль в подобие положительного права с его внешнею организацией и принуждением, мы отреклись бы от своей моральности в пользу легальности. А *русский человек*... гораздо легче поступится именно юридическим началом, легальностью, чем моральностью. В этом отношении он составляет, как человек "совести", крайнюю противоположность с не знающим вовсе понятия совести ветхозаветным "человеком закона" евреем и с более близким к последнему, всегда стремящимся личную совесть заменить *общим формальным* законом, организацией, гарантией, сыном романо-германской культуры»[1].

Характеризуя собственные правовые взгляды, П. Е. Астафьев писал: мы спорим «против системы, завершающейся положением: право — сила»[2]. По его мнению, право, так же как и государство, играет положительную роль в общественной жизни и имеет социальную ценность лишь в той мере, в какой покоится на нравственном основании.

П. Е. Астафьев жил в эпоху бурного развития капитализма, под воздействием которого в европейских странах распадались традиционные социальные связи, рушились основы национального государства. Этот катастрофический процесс он попытался осмыслить в работе «Из итогов века», опубликованной им в 1891 году.

Под национальным государством Астафьев понимал государство, в основе существования которого лежит «не частный интерес и воля договорившихся сойтись между собой в форме такого-то союза лиц, только *условиями этого договора* и связанных, но исторический, этнографический и т. п. *факт*»[3]. Жизнь национального государства, так же как и народа, его составляющего, определяется, считал русский мыслитель, «не задачей и потребностью настоящего только, подобно жизни общества, но *в такой же и в еще большей*

---

[1] *Астафьев П. Е.* Национальность и общечеловеческие задачи (к русской народной психологии). М., 1890. С. 35—36.

[2] *Астафьев П. Е.* Монизм или дуализм? (Понятие и жизнь). С. 90 (прим.).

[3] *Астафьев П. Е.* Из итогов века // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. С. 169.

мере задачей прошедшего и будущего. Непрерывная преемственность в осуществлении своей жизненной задачи составляет условие, с нарушением которого перестают существовать и народы, и государства»[1].

Астафьев отмечал, что в национальном государстве «связь, приковывающая отдельное лицо к его народу и государству, не есть и та *специальная*, односторонняя связь определенного интереса, как приковывающая его к обществу. Эта связь всеохватывающая, простирающаяся на все стороны его бытия, всеми этими сторонами сплачивающая его жизнь с жизнью целого народа и государства — и языком, и мировоззрением, и всем бытом, и всей культурой. Такую всеохватывающую связь порвать ни отдельное лицо, ни вся их наличная совокупность не властны и не могут, пока живут еще полной жизнью, пока для их жизни еще сохраняют ценность и язык, и мировоззрение, и быт, и культура. Только перестав придавать значение всему этому, только порвав органическую связь и со своей землей, и со своей историей, получает человек возможность освободиться от налагаемых на него и тем, и другим задач и обязанностей и автономно устроить свою жизнь на чисто утилитарном начале личного интереса, начале *общества*, *но не народа и не государства*. Для того чтобы это совершилось, чтобы строй жизни человечества стал вполне автономным и вполне утилитарным, общественным, *социальным* строем, нужно, чтобы и народность, и историческое, национальное государство были вполне побеждены, окончательно разрушены. А делает это дело, порывая непрерывную преемственность исторического развития, только *революция*»[2].

По мнению Астафьева, именно такая революция совершалась весь девятнадцатый век, в течение которого продолжалось движение, выразившееся в Великой французской революции 1789–1794 годов, — «дело разрушения неутилитарных, неавтономных, но исторических народности и государства во имя торжества чисто утилитарного и автономного, космополитического общества»[3].

Главными орудиями победоносной борьбы «социального начала против национальности и государства», проходившей через всю историю девятнадцатого века на Западе, Астафьев считал, с одной

[1] *Астафьев П. Е.* Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. С. 169.

[2] Там же. С. 169—170.

[3] Там же. С. 170.

стороны, «*парламентаризм*, отдавший государственную власть в услужение частному интересу и частному праву», а с другой — «отрицание всякого идеала (и исторически-национального, и религиозного, и научного, и эстетического) в современном *позитивизме* и *утилитаризме*». По его словам, «чем больше укреплялись и распространялись парламентаризм и отрицание идеалов в позитивизме и утилитаризме, тем решительнее социальная идея одерживала верх над национально-государственной. И наоборот, чем более силы и значения приобретала в жизни социальная идея, тем глубже пускали корни и шире разрастались и парламентаризм, и позитивизм, и утилитаризм нашего века. Полная круговая порука»[1].

Общественной силой, которая воспользовалась парламентаризмом, позитивизмом и утилитаризмом для достижения своих целей, стала, как отмечал Астафьев, западная буржуазия. Именно с победой буржуазии он связывал победу «*социального* идеала личного права, интереса и их гарантий»[2]. Овладев государственной властью, буржуазия поставила ее «служению задачам развития частного права и интереса»[3]. Их гарантией сделались отныне и высшие государственные учреждения. В обеспечении личных прав и интересов стала заключаться теперь задача государства, «ничего общего с исторически-национальной задачей не имеющая»[4]. По словам Астафьева, «возник и повсюду воцарился парламентаризм, в котором выразились именно эти требования социального, утилитарного и космополитического идеала. На почве этого идеала буржуазии создавшись, только ему и может служить парламентаризм; буржуазный по своему происхождению, он должен быть буржуазным, то есть утилитарно космополитичным и в своих влияниях на дальнейшее течение всей жизни»[5].

Вред парламентаризма для народной жизни Астафьев видел в том, что он уничтожает ее идеальную, духовную сторону. Парламентаризм является в этой жизни, отмечал Петр Евгеньевич, «естественным и неизбежно побеждающим противником не только исторического, государственного и национального идеализма, но и всего, что с ним связано, всякого идеализма вообще, требующего

---

[1] *Астафьев П. Е.* Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. С. 170.

[2] Там же. С. 176.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

от жизни большего, берущего от нее и созидающего в ней больше, чем *осуществление и обеспечение личных прав и интересов, благополучие особи и особей*»[1].

Этот строй, «не знающий истории, не знающий ни национальности, ни государственности, не знающий и никакого другого идеала, кроме *мирно благополучной, сытой и посредственной особи*, живущей только собой и для себя», русский мыслитель называл **«дичанием»**[2].

В опубликованной в 1891 году работе «Из итогов века» имелось небольшое — в 30 страниц — приложение, которое автор озаглавил как «Еврейство и Россия». К сожалению, в современном издании текста этой книги Астафьева издательством «Москва» (М., 2000. С. 133–177) в сборнике «Философия нации и единство мировоззрения» данное приложение не было напечатано. При этом составитель сборника вообще умолчал о нем, как будто его и не было вовсе. Между тем приложение «Еврейство и Россия» является совершенно логичным продолжением основного текста книги.

Наиболее последовательным носителем и выразителем исключительно утилитарных и позитивистских начал, разрушительно действовавших на идеалы национально-государственной жизни, Астафьев считал еврейство. В этом качестве оно выступало в Западной Европе, такую же роль еврейство играло, по мнению русского мыслителя, и в России. Однако разрушительное воздействие еврейства на национальное самосознание русского народа и на русскую национальную государственность само по себе было бы минимальным, если бы в России не появилась буржуазия. Только в соединении с буржуазией, являющейся по самой своей природе антинациональной, антигосударственной силой, еврейство приобрело, утверждал Астафьев, значение разрушительной силы.

В приведенном вместо вступления к приложению письме П. Е. Астафьева к А. А. Пороховщикову говорилось, что еврейство есть часть, «чуждая всякого идеала, религиозного, политического и народного, не признающая ничего, кроме себялюбивых стремлений особи к благополучию, исключительно социальная буржуазия. Везде она была силою только разрушительной: везде она была средой, в которой выросли и окрепли стремления, расшатавшие понемногу и старую государственность, и религиозность, и националь-

[1] *Астафьев П. Е.* Философия нации и единство мировоззрения. М., 2000. С. 176.

[2] Там же. С. 176—177.

ное сознание. Выступив на историческое поприще на западе в XVII веке, узаконенная и облечённая всякими правами первою французскою революцией, захватившая в XIX веке в свои руки, путём распространившегося повсюду парламентского режима и представительства и государственную власть, — она теперь, в конце века, расшатала конституционное государство, сделав его "правительством партий", убила в западном обществе всякую веру, всякий бескорыстный идеализм, обесцветила и опошлила характеры, очистила почву для всемертвящего пессимизма. Тем же является эта представительница отрицающей всякие идеалы себялюбивой особи, космополитическая и чисто социальная сила буржуазии и у нас, в России. В нашей истории она всегда, как вы не раз указывали, была ничем только паразитным и ничтожным наростом. Не она принимала участие в работе сложения и укрепления русской государственности; не она участвовала и в спасении этой погибающей государственности и народности в тяжёлые моменты исторических испытаний; не она произвела что-нибудь и в нашей церковной жизни и в нашей науке и искусстве. Всё это создавал и выносил на себе богатырь-идеалист — русский народ земледелец и землевладелец, всего менее буржуазный по своим стремлениям и силам, и буржуазии, как силы, в истории нашей за всю прожитую тысячу лет вовсе не было. Появилась она у нас лишь при первых попытках самоупразднения государства, в подражание "просвещённому западу", со второй половины XIX века, на наших глазах. Её безыдейные и себялюбивые, антигосударственные и космополитические инстинкты и в России остаются те же, какими они окончательно выяснились на западе, т.е. не созидающей творческой силой, но поедающей лучшие соки народа, разрушающей и его духовную и его политическую жизнь, на что вы так прямо и так упорно указываете вашими сильными и, главное, верными доказательствами».

Но кто же является носителем антигосударственных и космополитических инстинктов, вопрошал далее Астафьев? Одно ли еврейство? Отнюдь нет, отвечал он. По его мнению, в России носителем таких инстинктом — силой, берущей верх над силами государственно-национальными, является сила буржуазии. «Естественное духовное соседство с нею еврейства, природного носителя тех же начал, и столь же естественный союз его с этой новою завоевательницею всего современного мира и дают ныне еврейству то значение мировой силы, какого оно ранее никогда не имело». Отсюда Астафьев

делал вывод: «Борьба против еврейства, таким образом, есть прежде всего борьба против буржуазии и ее современного господства».

При этом он считал совершенно неэффективными в этой борьбе «всякие искусственные, хотя бы и очень сильные меры, направленные к ограничению сферы естественного утилитарного призвания еврейства. «Ведь и в жизни обществ, — отмечал Астафьев, — проявляется тот же закон, как и господствующий в механической природе, — закон, по которому "действие равно противодействию", и без последнего невозможны ни проявление силы, ни её сосредоточение и рост. Развитие исключительно в направлении наименьшего сопротивления и в органической, и в общественной жизни характеризует собою всегда разложение, смерть. И почти двухтысячелетняя история еврейства в христианских обществах, не только сохранившего, но и доведшего за это время до крайнего развития свои типические особенности среди борьбы со всякими искусственными преградами и ограничениями, должна была бы служить достаточным этому доказательством. Сосредоточивая силы еврейства в более тесном круге действия, все теснее сплачивая эти силы и организуя их, все эти преграды и ограничения не могут ни заменить эти силы другими, в еврейском характере отсутствующими, ни дать им нового, неестественного для них направления. Положительный, утилитарный, умиренный и не творческий, а лишь рассудочно эксплуатирующий окружающее, еврей становится только ещё положительнее, утилитарнее, сдержаннее и т. п. — только ещё более евреем. Отсутствие же иных внутренних сдерживающих начал, кроме положительных форм и законов, при стеснении — только изощряет его в изобретении новых способов, согласуясь с их точною буквой, обходить их смысл, нарушать со спокойной совестью их принцип».

«Не специальные стеснения еврейства необходимы здесь для государственной и национальной России, — утверждал русский мыслитель, объявляя их только «паллиативами», — но общие преграды грозящему широко и разрушительно разлиться по всей страна потоку денежной буржуазии и голодного, хищного, на всё ради рубля готового разночинства».

Николай Павлович Боголепов

(1846—1901)

НИКОЛАЙ Павлович Боголепов родился 27 ноября 1846 года во Владычной слободе Пригородной волости Серпуховского уезда Московской губернии. Его отец — Павел Андреевич — происходил из семьи православного священника. На момент рождения своего сына Николая он служил в уездном городке Серпухове квартальным надзирателем. В 1895 году Н. П. Боголепов напишет о своем отце: «Вспоминая теперь его открытый, симпатичный облик, я могу отметить в нем: сильно развитое чувство долга, бесстрашие в опасностях служебной деятельности и частной жизни, строгость к подчиненным, не исключая и своих детей, но вместе с тем и большую доброту, которая выражалась, между прочим, в том, что он с очень ранней юности и до конца своих дней был помощником многочисленной нуждающейся родни»[1].

Мать Николая Боголепова — Эмилия Карловна (урожденная Фильгабер) — являлась немкой по крови и русской по воспитанию. «Она была первою моею учительницей по всем предметам начального образования»[2], — отмечал впоследствии Николай Павлович.

Дальнейшее образование Николая Боголепова, так же как и его братьев и сестер, проходило под руководством приглашенного в дом учителя Митрофанова, который окончил в свое время филологический факультет Императорского Московского университета и считался лучшим в городе Серпухове учителем. «Уроки его были и интересны и серьезны, — вспоминал Боголепов. — Он систематически восставал против неосмысленного заучивания уроков, которое тогда было в ходу. Я считаю себя очень обязанным этому почтенному и доброму, хотя и строгому учителю. Во время домашнего ученья я был очень ленив. Я оценил его приемы преподавания

[1] Записка Николая Павловича Боголепова о самом себе // Русский архив. 1906. № 3. С. 369. Данная автобиографическая записка была опубликована в 1895 году в газете «Московские ведомости».

[2] Там же.

позже, в гимназии, когда мог сравнивать свою подготовку с подготовкою других учеников»[1].

В 1857 году Николай Боголепов вынужден был покинуть родительский дом. В Серпухове в то время своей гимназии не было, нанять же учителей для обучения своих детей по гимназической программе в домашних условиях Павлу Андреевичу Боголепову не позволила скудость денежных средств. Поэтому он отправил своего сына для продолжения учебы в 1-ю Московскую гимназию, куда тот был зачислен пансионером сразу во второй класс.

Одиннадцатилетний мальчик оказался в чужом городе и как пансионер — в суровой, почти казарменной обстановке, которая не могла не причинять ему, вырванному из беззаботного домашнего быта, тяжких страданий. Хотя и с большим трудом, но Николай Боголепов сумел приспособиться к новым условиям жизни. Уже через два месяца учебы в гимназии он был посажен в классе на место первого ученика.

Последний год обучения в гимназии был для Николая Боголепова особенно труден. Умер его отец, и Николай, как старший из братьев, должен был отныне сам заботиться о своем существовании, да еще помогать матери Эмили Карловне[2] и младшим братьям и сестрам. Он стал давать уроки. Но все это не помешало ему окончить гимназический курс обучения в 1864 году с золотой медалью. Спустя десять лет директор 1-й Московской гимназии М. А. Малиновский напишет известному историку С. М. Соловьеву: «Самым дорогим из дорогих воспоминаний является памятование о светлых личностях, вышедших из гимназии, подобных гг. Боголепову, Соловьеву[3], Писемскому и других».

В год окончания гимназии Николай Боголепов поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. В автобиографической записке, составленной в 1892 году для «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых» С. А. Венгерова[4], он довольно негативно отзывался о порядках на

---

[1] Русский архив. 1906. № 3. С. 369—370.

[2] Эмилия Карловна Боголепова умрет в конце 90-х годов XIX века, в то время, когда ее сын Николай будет занимать пост министра народного просвещения.

[3] Здесь имеется в виду сын Сергея Михайловича — Владимир Сергеевич Соловьев, знаменитый впоследствии философ.

[4] Опубликована эта записка была спустя три года. См.: *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). М., 1895. Т. 4. С. 148—158.

факультете, с которыми ему пришлось столкнуться в середине 60-х годов. «Для моего научного образования, — писал Николай Павлович, — университетские годы принесли меньше пользы, чем можно было бы ожидать, несмотря на то, что у нас было немало ученых и даровитых профессоров. Наш курс был так многолюден, что профессора должны были ограничиться чтением лекций, беглым просмотром наших сочинений и поверхностным экзаменом из прочитанного курса. Это преподавание могло дать нам много сведений, но мало учило нас, как приниматься за научную работу».

Из лекций, читавшихся на юридическом факультете, более всего привлекали студента Боголепова лекции Б. Н. Чичерина. Ему нравилась спокойная, объективная оценка этим преподавателем тех или иных институтов государственного права, симпатична была и личность Чичерина, который многим слушавшим его лекции студентам представлялся идеалом ученого, гражданина и джентльмена.

Во время обучения в Московском университете Боголепов читал много и бессистемно, а потому без ощутимого результата. Его студенческое сочинение, написанное на последнем курсе на тему «Об обычном праве», заданную для получения золотой медали, было отрицательно оценено рецензентами.

Справедливости ради следует отметить, что более успешной учебе Николая Боголепова сильно мешала материальная нужда, обрушившаяся на его семью после смерти отца. Чтобы как-то сводить концы с концами, студент Боголепов вынужден был давать уроки, отнимавшие у него много физических и духовных сил. Труд этот, правда, не остался без награды. В доме сенатора князя А. К. Ливена, где Николай учил детей, он встретил свою будущую жену — ею станет его бывшая ученица, княжна Екатерина Александровна Ливен: брак Боголепова с ней будет заключен в 1879 году.

Юридический факультет Московского университета Н. П. Боголепов окончил в 1868 году со званием кандидата прав, так как имел по всем экзаменам средний балл не ниже 4,5. Он поступил на государственную службу в Уголовный департамент Сената в Москве, однако проработал здесь неполный год.

Весной 1869 года Боголепов принял предложение профессоров М. Н. Капустина и В. Н. Никольского возвратиться в университет для подготовки к профессорскому званию по кафедре гражданского права. В качестве главного объекта научного исследования он выбрал историю римского права.

Одновременно Николая Боголепова пригласили в Александровское военное училище на должность репетитора по курсу законоведения, который читал там профессор М. Н. Капустин. В 1870 году Михаил Николаевич был назначен директором Демидовского юридического лицея в Ярославле, и чтение лекций по указанному курсу пришлось взять на себя Боголепову.

Летом 1873 года Н. П. Боголепов выдержал магистерский экзамен и с осени начал вести на юридическом факультете Московского университета практические занятия по Институциям Юстиниана в качестве приват-доцента. Одновременно ему было поручено закончить чтение курса лекций по системе римского права, который не смог дочитать (по причине смерти) профессор Н. И. Крылов. Кроме того, молодому преподавателю доверили читать лекционный курс по истории римского права.

В 1876 году Боголепов защитил магистерскую диссертацию по теме «Значение общенародного гражданского права (jus gentium) в римской классической юриспруденции»[1] и был назначен на должность приват-доцента Московского университета. В том же году его отправили в заграничную командировку для совершенствования в юридических науках. В течение двух лет он слушал лекции по римскому праву, истории философии, всемирной истории в университетах Германии (Гейдельбергском и Геттингенском), Франции и Англии.

По возвращении в 1878 году из-за границы Н. П. Боголепов продолжил чтение лекций по истории римского права на юридическом факультете Московского университета.

В 1880 году Николай Павлович принял предложенную ему почетную, но безвозмездную должность инспектора в Ермоло-Мариинском женском училище. Более десяти лет он будет работать здесь над совершенствованием учебного процесса.

19 марта 1881 года Н. П. Боголепов защитил в публичном заседании юридического факультета Московского университета докторскую диссертацию по теме «Формальные ограничения свободы завещаний в римской классической юриспруденции»[2] (в том же году ее текст был издан в виде книги). На следующий день Николай Павлович был единогласно избран юридическим факультетом в звание

---

[1] В 1876 году данная работа была опубликована в виде отдельной книги.

[2] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 50. Д. 142. Л. 4.

ординарного профессора по кафедре римского права[1]. 28 марта Совет Московского университета утвердил его в степени доктора гражданского права и в звании ординарного профессора.

В 1883 году Боголепова избрали на должность ректора Московского университета. Выдвинутый юридическим факультетом, он набрал в университетском совете большинство голосов. М. М. Ковалевский писал впоследствии в своих мемуарах, что Николай Павлович сначала «не хотел даже занять должность ректора, ссылаясь на то, что избравшие его не вполне согласны с его убеждениями. Мы вместе возвращались с выборов, и мне пришлось доказывать ему, что о расхождении с нами во взглядах мы слышим впервые. В первые годы его ректорства Боголепов оставался прежним добрым товарищем, не выступал с протестами против нашей якобы либеральной агитации и только хлопотал об одном, чтобы наши заявления не попадали в протокол. При случае он умел даже выгораживать кое-кого из товарищей. Когда министру Делянову не понравились лекции Ключевского и он задумал предложить переход ему в Казань, Боголепов сразу остановил эти намерения министра, убедив его, что Троицко-Сергиевская академия не отпустит Ключевского, так как им очень дорожат в духовных сферах»[2].

Ректорство Н. П. Боголепова пришлось на трудные для российских университетов времена. В 1884 году в России был введен в действие новый университетский устав, который ограничил сферу университетского самоуправления и потому был враждебно встречен профессорами и студентами. Благодаря Боголепову в Московском университете переход на новый устав совершился спокойно, без серьезных осложнений.

Занимая должность ректора университета, Николай Павлович продолжал преподавать на юридическом факультете историю римского права. С 1885 года он начал читать в дополнение к лекциям по истории римского права курс по римскому гражданскому праву времени императора Юстиниана и вести семинарий по нему. Этим занятиям он посвящал по девять часов в неделю в течение всего учебного года.

В сентябре 1887 года Боголепов, не доработав немного до конца срока, подал прошение об увольнении с поста ректора Москов-

---

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 50. Д. 142. Л. 6.

[2] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 2006. С. 232—233.

ского университета. Министр народного просвещения И. Д. Делянов и попечитель Московского учебного округа П. А. Капнист настойчиво уговаривали его остаться ректором, но их усилия оказались напрасными. 23 октября Капнист сообщил Боголепову: «Г. Министр народного просвещения, в дополнение к предложению своему от 5 сего октября, за № 14 553, предложением от 19 сего октября, уведомил меня, что на всеподданнейшем докладе об увольнении Вас от должности Ректора, против слов доклада: "Несмотря на долгие настаивания как со стороны попечителя Московского учебного округа, так и с моей стороны, действительный статский советник Боголепов остался при прежнем желании, ввиду сознаваемой им полной невозможности нести весьма важные и сложные обязанности Ректора при расстроенном его здоровье", Государь Император изволил собственноручно начертать: "Очень сожалею". Об этом имею честь уведомить Ваше Превосходительство»[1].

Главной причиной отказа Николая Павловича от ректорства было постигшее в конце 1886 года его и Екатерину Александровну несчастье: один за другим умерли двое их детей. Супруги Боголеповы остались одни, придавленные горем. Только рождение дочери 3 февраля 1888 года вернет им душевные силы. На другой день — 4 февраля — Николай Павлович напишет одному из своих друзей о своем самочувствии: «Вчера у нас родилась дочь. Ее назвали Марией. Это был для меня особенный день; я как будто начинал новый период своей жизни. Смерть наших первых детей провела резкую грань между прошлым годом и предшествующими годами. Весь 1887 год мы с Катей не жили, а только страдали нравственно. 3-го февраля снова у нас ребенок и снова как будто надежда видеть подле себя молодое поколение»[2].

Спустя четыре года Н. П. Боголепов принял после долгих раздумий предложение попечителя Московского учебного округа вновь занять пост ректора Московского университета. 2 декабря 1891 года попечитель сообщил ему: «Государь Император, по Всеподданнейшему докладу г. министра народного просвещения в 23 день ноября сего года, Высочайше соизволил [дать согласие] на назначение о[рдинарного] п[рофессора] Императорского Московского университета д[ействительного] с[татского] с[оветника] Боголепова ректором Императорского Московского университета и на предостав-

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 56. Д. 554. Л. 6.
[2] Русский архив. 1906. № 5. С. 111.

ление ему сверх оклада по сей должности добавочного содержания по две тысячи рублей в год из специальных средств Московского университета»[1].

Однако и в этот раз Боголепову пришлось оставить должность ректора раньше срока. Университет «бурлил» в начале 90-х годов XIX века. Многие студенты и преподаватели были вовлечены в политику, их деятельность превращала учебное заведение в политический клуб, и делала невозможным нормальное течение учебного процесса. Ректор Боголепов предпринимал попытки успокоить разбушевавшуюся университетскую общественность, но они оказались тщетными. В итоге он подал осенью 1893 года прошение об отставке со своего поста. 27 ноября 1893 года был издан приказ Министерства народного просвещения об увольнении его от должности ректора Московского университета.

Уход Боголепова с ректорского поста был на этот раз продиктован его пониманием невозможности отвратить российских студентов от политики. Размышляя в своей записной книжке о студенческих волнениях в университетах Российской империи, Николай Павлович задавал себе вопрос: «Есть ли надежда, что мы скоро освободимся от этого беспокойного состояния, которое не дает возможности вести правильное преподавание и даже лишает спокойствия, необходимого для собственных занятий?»[2] И отвечал на него отрицательно. Причины студенческих беспорядков Боголепов видел в деятельности революционных группировок, которые, используя недостатки устройства российских университетов, вели успешную политическую пропаганду среди студентов, настраивая их против профессоров, университетского руководства и, в конечном счете, против правительства.

Летом 1895 года Боголепов получил предложение занять должность попечителя Московского учебного округа, охватывавшего одиннадцать губерний Центральной России. Он долго колебался и не принимал решения, но письма, уговоры коллег, желавших видеть разумного и честного человека на таком ответственном посту, побудили его в конце концов ответить согласием на сделанное предложение. Деятельность Боголепова в качестве попечителя Московского учебного округа была направлена прежде всего на создание

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 56. Д. 554. Л. 10.

[2] Записка Николая Павловича Боголепова о самом себе // Русский архив. 1906. № 3. С. 387—388.

условий для нормальной работы учебных заведений, и в первую очередь Московского университета. Он решительно выступал против попыток превращения учебных заведений в центры революционной пропаганды.

В декабре 1897 года умер министр народного просвещения И. Д. Делянов. Незадолго до смерти он встречался с императором Николаем II и, заведя речь о своем преемнике на министерском посту, назвал фамилию Н. П. Боголепова. 18 января 1898 года Николай Павлович был вызван на прием к Его Величеству. Государь предложил ему принять должность министра народного просвещения. Боголепов высказал ряд сомнений относительно своих сил и умения справиться с такой трудной и ответственной должностью, но Николай II остался непоколебимым в своем решении назначить именно его новым министром. «Не ожидайте видеть скорых плодов своей деятельности, — заявил Его Величество Боголепову. — Наша жизнь так ничтожна и так коротка в сравнении с жизнью целого государства, что каждый государственный деятель в свою короткую жизнь может сделать весьма мало. Тем не менее надо прилагать все свои силы на общую пользу».

С. Ю. Витте рассказал в своих воспоминаниях следующую версию назначения Боголепова на должность министра народного просвещения: «Когда после смерти графа Делянова явился вопрос о том, кого назначить его преемником, то ко мне приехал как-то Константин Петрович Победоносцев и начал просить меня, чтобы я поехал к государю и упросил государя не назначать попечителем округа одно лицо, не имевшее с учебным ведомством ничего общего и действительно совершенно неподходящее; Победоносцев думал, что это лицо будет назначено вследствие особых протекций высоких лиц. Я отклонил это предложение Победоносцева, сказав, что ехать к государю и вмешиваться не в свое дело я не могу, что будет гораздо лучше, если поедете Вы, потому что Вы были преподавателем не только императора, но и его отца, и Ваши отношения могут быть совсем другие, нежели мои. Тогда Константин Петрович Победоносцев решился сам поехать к государю. Когда он от меня уезжал, то я говорил ему, что не следует ехать только для того, чтобы отговаривать государя назначить такое-то лицо, а для того, чтобы облегчить положение государя, надо ему указать на кого-нибудь, и если окажется, что тот, кого он хочет назначить, не годится, то надо рекомендовать подходящее лицо. Тогда Константин Пет-

рович стал обсуждать со мною вопрос, кого же следует рекомендовать. И вот мы условились настаивать перед Его Величеством о назначении кого-нибудь из профессорской среды, о назначении человека, уже имеющего большой опыт. При этом мы остановились на двух лицах: с одной стороны, на Боголепове — это был кандидат, на котором преимущественно настаивал Победоносцев, а с другой стороны, на Лигине, являвшемся кандидатом, на котором преимущественно настаивал я. Было обусловлено, что если Константину Петровичу удастся уговорить государя не назначать то лицо, которое предполагалось назначить, то он (Победоносцев) будет рекомендовать в кандидаты двух лиц: Боголепова и Лигина. Победоносцев достиг того, что то лицо, которое предполагалось назначить, не было назначено, а из двух кандидатов государь остановился на Боголепове, потому что Боголепов в это время был попечителем Московского учебного округа и его лично знал великий князь Сергей Александрович, который, естественно, имел очень большое влияние на государя императора, так как был женат на сестре императрицы»[1].

12 февраля 1898 года Н. П. Боголепов вступил на свою роковую стезю. Его деятельность на посту министра народного просвещения была впоследствии подробно описана в специальном издании[2]. Она продолжалась ровно три года. Условия, в которых эта деятельность совершалась, были в высшей степени неблагоприятны для реформ в сфере образования. Университеты сотрясались от студенческих волнений. В такой обстановке министр Боголепов решил уделить основное внимание преобразованию начальной и средней школы, устройству и совершенствованию системы народных школ. Он считал, что хорошо организованная и слаженная работа учреждений начального и среднего образования создаст предпосылки для успешного преобразования системы университетского обучения в России.

Однако реформаторским проектам Н. П. Боголепова в области российского образования не суждено было осуществиться. Новый министр народного просвещения не получил поддержки в своих

[1] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 76—77.

[2] См.: Краткий обзор деятельности Министерства народного просвещения за время управления покойного министра Н. П. Боголепова (12 февраля 1898 г. — 14 февраля 1901 г.). СПб., 1901.

начинаниях ни со стороны императора, ни от других членов правительства. Министр же финансов С. Ю. Витте, от которого в огромной степени зависел успех реформ в сфере образования, не скрывал своей неприязни к Боголепову и не только не содействовал его реформам, но делал все, чтобы вынудить его уйти в отставку. В одном из своих писем к брату Николай Павлович следующим образом описывал свое положение: «Когда я думаю о своих задачах по министерству народного просвещения, мне жаль оставлять министерство и кажется, что следует еще держаться, чтобы завершить хоть одно крупное дело. Но когда приходится ежегодно выносить студенческие беспорядки, сталкиваться с бесшабашным общественным мнением, которое все требует свободы и не гарантирует ничем от злоупотребления ею, когда и коллеги подставляют ножки, тогда у меня является жажда освободиться от этого несносного министерского бремени и вздохнуть свободно. Насколько возможно, сохраняя порядочность, я защищаюсь. Был бы очень счастлив, если бы мои противники нашли быстрое средство столкнуть меня, не мучая долго. Беда в том, что без предварительных и длинных мучений это не обойдется».

Одним из выразителей «бесшабашного общественного мнения» было Юридическое общество, действовавшее при Московском университете. Боголепову пришлось признать необходимым запретить его деятельность в том виде, в каком данное общество тогда существовало, и предложить реорганизовать его на новых основаниях. В доверительном письме к попечителю Московского учебного округа от 9 июля 1899 года министр Боголепов писал: «При письме от 27 мая сего года, Ваше Превосходительство доставили мне № 144 «Русских Ведомостей», в котором напечатан точный текст тенденциозного адреса, произнесенного председателем состоящего при Московском университете Юридического общества С. А. Муромцева от имени этого общества на посвященном А. С. Пушкину торжественном заседании Совета университета и Общества любителей российской словесности. Имея в виду, что упомянутый адрес Юридического общества есть уже не первое проявление вредного направления деятельности этого общества, которое при том состоит при ИМПЕРАТОРСКОМ университете, я признаю необходимым закрыть Юридическое общество и предлагаю Вам, Милостивый Государь, объявить Совету университета, что он может войти с ходатайством об учреждении нового Юридического общества, но

не иначе как на следующих основаниях: 1. Все профессора юридического факультета состоят его членами по своей должности и 2. Председатели общества и его отделений должны быть избираемы из профессоров юридического факультета и утверждаются в должностях министром народного просвещения»[1].

Решительные и жесткие действия министра Боголепова по защите государственных интересов в сфере народного образования не могли снискать ему популярности в среде тогдашней российской интеллигенции, пораженной в значительной своей массе либерализмом. Какие бы меры для наведения порядка в университетах или в целях совершенствования системы университетского обучения он ни предпринимал, они без всяких на то оснований объявлялись реакционными.

В 1900 году в систему университетского обучения министром народного просвещения Боголеповым были введены практические занятия: семинарии и практикумы. Либералы и это нововведение расценили в качестве проявления реакционного курса правительства, направленного на ужесточение контроля за высшими учебными заведениями. Год спустя, когда Боголепова уже не было во главе Министерства народного просвещения, практические занятия были введены в учебные планы университетов без каких-либо возражений со стороны самых ярых либералов.

Стремясь пресечь студенческие беспорядки в университетах, Боголепов увеличивал в них штаты инспекторов и помощников инспекторов, призванных наблюдать за поведением нерадивых студентов; поощрял организацию в учебных заведениях литературно-научных кружков, способных отвлечь студенческую молодежь от «вредных мыслей».

Однако самая решительная мера против бунтующих студентов была предложена никем иным, как министром финансов С. Ю. Витте. 29 июля 1900 года императором Николаем II был утвержден разработанный Витте проект так называемых «Временных правил...», согласно которым студенты отдавались в солдаты «за дерзкое поведение, за грубое неповиновение начальству, за подготовление беспорядков или производство их скопом в стенах заведений и вне оных». Естественно, что инициатором этой меры либеральная интеллигенция сочла министра народного просвещения.

---

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 68. Д. 357. Л. 2.

Боголепов же только согласился с ней, справедливо полагая, что применение «Временных правил...» на практике будет по отношению к бунтующим студентам более гуманной мерой, нежели исключение их из университета без права повторного поступления в какое-либо высшее учебное заведение. Студенту, отбывшему воинскую повинность, не воспрещалось продолжать обучение в университете.

В начале 1901 года Боголепов распорядился применить «Временные правила...» в отношении 183 студентов университета Святого Владимира в Киеве. Это решение оказалось роковым не только для студентов, но и для министра народного просвещения.

14 февраля 1901 года с 13 часов Николай Павлович должен был принимать посетителей по личным вопросам. Он прибыл в министерство за несколько минут до начала приема, выслушал доклад о текущих делах и начал обход посетителей, собравшихся в приемной. Спустя некоторое время в Министерство вошел молодой человек с бледным лицом и трясущимися руками. Служащий министерства показал ему место в приемной, и он, достав бумагу с каким-то прошением, стал ждать, когда к нему подойдет министр Боголепов.

Подойдя к странному молодому человеку, Николай Павлович взял у него из рук прошение и почему-то повернул голову в сторону посетителя, с которым разговаривал до этого. В этот момент молодой человек достал револьвер и выстрелил в министра. Пуля пробила Боголепову шею, и он, потеряв сознание, рухнул на пол приемной. Стрелявший же успел только отбросить револьвер в сторону, как был схвачен и связан. Его доставили в тюрьму и стали допрашивать.

На допросе обнаружилось, что в министра Боголепова стрелял бывший студент Московского и Юрьевского университетов Петр Карпович.

Личное студенческое дело Петра Владимировича Карповича, находящееся ныне в Центральном историческом архиве города Москвы, содержит копию свидетельства о его рождении, в котором указано, что «в метрической книге, хранящейся в архиве Черниговской духовной консистории, Новозыбковского уезда, села Щербинич, Свято-Николаевской церкви за 1874 год, под № 95 мужским, записано так: родился октября первого дня, а крещен третьего дня Петр, родители его: Минской губ. Пинского уезда дворянин

Владимир Данилов Карпович и законная его жена Агафия Филиппова, оба православного исповедания»[1].

В июле 1895 года Петр Карпович был зачислен в студенты отделения естественных наук физико-математического факультета Императорского Московского университета. Однако естественные науки так и не заинтересовали молодого человека. Он посвятил свои силы общественно-политической деятельности и чтению запрещенных политических трудов. Естественно, что к экзаменам ему подготовиться не удалось. Во время первой экзаменационной сессии Карпович вообще не приходил на экзамены. Однако нерадивого студента не исключили тогда из университета, но оставили на второй год обучения на первом курсе физико-математического факультета. Исключили его из Московского университета за подстрекательство студентов к бунтам в ноябре 1896 года.

В 1898 году Карпович обратился к министру народного просвещения Боголепову с прошением о поступлении на медицинский факультет Императорского Юрьевского университета. И Боголепов удовлетворил это прошение. Но и медицинские науки не заинтересовали Карповича. Впрочем, он поступал в университеты не для того, чтобы учиться. В 1899 году Карповича исключили и из Юрьевского университета — естественно, за участие в студенческих беспорядках. С конца указанного года он обитал в Берлине, где слушал лекции в университете и читал книги в библиотеках.

В начале 1901 года Карпович узнал из германских газет, что группа киевских студентов за участие в студенческих волнениях была отдана министром народного просвещения Боголеповым в солдаты. Карпович принял решение отомстить Боголепову. Так возник план убийства министра, приведенный в исполнение 14 февраля 1901 года.

Две недели тяжело раненный Боголепов боролся со смертью. Когорта из полутора десятков врачей пыталась помочь ему. Дом Боголеповых посетил император Николай II, чтобы справиться о здоровье министра у его потрясенной супруги княгини Екатерины Александровны. Но все было напрасно. 2 марта 1901 года Николай Павлович скончался.

---

[1] Сводная сестра П. В. Карповича — Л. В. Москвичева — утверждала впоследствии, что ее сводный брат Петр был на самом деле внебрачным сыном А. Я. Савельева, родившегося от побочной дочери Екатерины II и князя А. А. Безбородко. Если это так, то, значит, в Н. П. Боголепова стрелял правнук российской императрицы.

Полмесяца спустя — 17 марта 1901 года — в Петербургском окружном суде состоялся суд над его убийцей. Он занял около шести часов. По судебному приговору Карпович был приговорен за умышленное убийство министра Боголепова «лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 20 лет».

Первые пять лет после суда убийца пребывал в заточении в Шлиссельбургской крепости. В 1906 году его отправили в ссылку в забайкальский Акатуй. Однако спустя год ему было разрешено выйти на поселение. Во время перевозки на место поселения Карпович сбежал от сопровождавшей его охраны. На одной из железнодорожных станций он отпросился в магазин, якобы для покупки чего-то. Подошел к железнодорожной кассе, купил билет, сел в вагон подошедшего поезда и уехал. Спустя некоторое время Карпович был уже за границей. После этого он несколько лет активно работал в боевой организации социалистов-революционеров, которой руководил знаменитый агент российской охранки Азеф. Потом отошел от нее. Весть о свержении императора Николая II с престола застала Карповича в Англии. В конце марта 1917 года он вместе с другими российскими эмигрантами отплыл на пароходе в Россию. В Северном море на полпути между Англией и Норвегией этот пароход был потоплен немецкой подводной лодкой. Кое-кто из пассажиров спасся, но Карпович спастись не смог. Судьба, хотя и не с первой попытки, все же покарала злодея.

Убийство Н. П. Боголепова не изменило отношения к нему либерально настроенных интеллигентских кругов. Усилиями либералов, не стеснявшихся прибегать к самой гнусной клевете, он попрежнему выставлялся в облике «реакционного», «бездушного» деятеля. Даже «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», претендовавший на объективность, в статье о Н. П. Боголепове нарисовал облик сухого, черствого человека, лишенного каких-либо положительных свойств, реакционера по своим социально-политическим убеждениям.

Не избежал в характеристике Боголепова слова «реакционный» и С. Ю. Витте. В отклике на убийство министра народного просвещения он заявил, что «Боголепов был весьма почтенный, корректный и честный человек, но он держался крайне реакционных взглядов. Его реакционные меры, несомненно, возбудили университет, хотя я не могу не признать, что все-таки Боголепов действовал за-

кономерно и что его режим в 1901 г. хотя и был реакционный, но закономерный и благородный»[1].

Между тем люди, лично знавшие Боголепова, рисовали в своих воспоминаниях о нем другой образ. Профессор П. А. Некрасов писал в 1902 году на страницах журнала «Русский вестник» о том, что Н. П. Боголепов «сознавал крайнюю необходимость переработки нашей государственной и общественной жизни, желал ее обновления всею душой и неуклонно стремился к этой цели всеми силами, насколько это касалось близкой ему области устройства школьной жизни», что, следовательно, он «был самым последовательным, горячим и истинным прогрессистом не только по своим стремлениям, но и действиям. Тем не менее либералы наши считают его не своим человеком, так как он расходился с ними коренным образом. Он не верил в их способы работы, требующие ломки русской жизни по чужому образцу, считал такие способы противоестественными, сочувствуя лишь тем приемам усовершенствования, которые являются нормальным продолжением и развитием коренных основ русской жизни. Н. П. Боголепов верил, что истинная гражданская свобода покоится на таких гражданских законах, которые создаются постепенным историческим процессом и соответствуют устойчивому равновесию действующих живых сил. В этом равновесии основные исторические начала, как духовные силы, должны непременно иметь свое отражение. Верховная власть, как самая мощная из всех сил, должна являться в своей движущей вперед, направляющей роли. Этот политический закон устойчивого равновесия и уравновешенного поступательного движения вперед в определенном направлении, указуемом самодержавною волею, Н. П. Боголепов считал главнейшим из основных начал русской жизни, полным внутренней и внешней красоты, созданной народным русским духом»[2].

В 1893 году, во время пребывания в Швейцарии, Н. П. Боголепов познакомился с редактором бернской газеты «Bund» И. В. Видманом. В 1901 году в статье «Министр Боголепов», опубликованной в берлинской газете «Die Nation» в номере за 15 июня, господин Видман вспоминал: «Он был у меня в доме, сидел за моим

[1] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. С. 589.

[2] *Некрасов П. А.* Николай Павлович Боголепов // Русский вестник. 1902. Кн. 2. С. 565—566.

столом. Если для бедуина права гостеприимства делают гостя особою священною, то и по отношению ко мне было бы достаточно этого обстоятельства, чтобы объяснить мое желание спасти единственное что осталось у этого человека, лишенного жизни через политическое убийство, — это его нравственный облик. Но что мне не дает покоя при мысли о бедственной смерти моего тогдашнего гостя и о полном крушении его начинаний, это то неотвязное впечатление, которое произвели на меня при нашем первом знакомстве в 1893 г. его необыкновенное благородство и возвышенный образ мыслей»[1].

И. В. Видман оставил нам описание и характера, и внешнего облика Н. П. Боголепова: «Его манера ставить вопросы[2], возражать и делать замечания доказывала необычайную широту умственного кругозора и чисто философскую привычку не довольствоваться неполным решением вопроса, а, напротив того, во всем додумываться до конца и все обсуждать основательно. При этом он вносил в свои вопросы столько сердечного интереса, что наш разговор, несмотря на свой отвлеченный характер, не был сухим и безжизненным. Тем не менее минутами я забывал, что прохаживаюсь по саду с существом из плоти и крови. Этот прозрачно-бледный человек, необыкновенно высокого роста, с чем-то аскетическим на спокойном, мыслящем лице казался мне посетителем из другого света, чем-то вроде Зороастра или Платона, который на несколько часов покинул свое в голубой дали лежащее царство, чтобы немного осмотреться в современном нам мире... У этого духа гор, как я про себя назвал своего посетителя, было нечто детски-чистое и возвышенное в лице и обращении»[3].

Редактор бернской газеты был хорошо осведомлен о проблемах, с которыми сталкивался Боголепов, отправляя должности ректора Московского университета, попечителя Московского учебного округа и министра народного просвещения. Так, И. В. Видман знал, что Боголепов вызвал нелюбовь к себе со стороны части студентов тем, что «руководствовался убеждением, что молодые люди поступают в университет с тем, чтоб учиться, а не с тем, чтобы за-

---

[1] *Видман И. В.* В память о Николае Павловиче Боголепове // Русский архив. 1906. № 2. С. 315.

[2] Боголепов спрашивал Видмана об устройстве системы образования и государственного управления в Швейцарии.

[3] *Видман И. В.* В память о Николае Павловиче Боголепове. С. 315.

ниматься политикой», и что правительство «имеет право требовать от студентов строгого исполнения своих обязанностей, потому что тратит на них большие деньги» (600 руб. в год на человека). Видман безоговорочно признавал это требование справедливым и в доказательство привел передовую статью «Journal de Genéve», перепечатанную во многих швейцарских газетах и в том числе в бернской газете «Bund». В этой статье говорилось: «Женевское правительство не может допустить, чтобы наш университет перестал быть центром научного образования и сделался бы очагом интернациональной политической агитации». Комментируя данное заявление, Видман заметил: «Если таково мнение правителей Женевской демократии, то нельзя считать подобное же требование руководителя Русских университетов деспотичным и существенно расходящимся с действительным назначением университетов»[1].

К сожалению, подобные здравые оценки, воздававшие должное Н. П. Боголепову, терялись в потоке измышлений, представлявших его бездушным чиновником, который поплатился за свою якобы реакционную политику в области образования. «Его, который почти всю свою жизнь отдал на неутомимое служение другим, — с горечью восклицал П. А. Некрасов, — который для себя почти не жил и семью свою оставил бы без обеспечения, если бы в ней не принял участия Государь; его, который был внимателен одинаково ко всем, и к высшим, и к низшим, для которого ничьи справедливые интересы не были чужды, который спешил исправить всякую невольную ошибку, если он случайно делал ее, который подавал всем руку помощи и добрый совет, его нужно оправдывать, доказывать, что он не был бессердечен и жесток и что это мнение о нем со стороны одних печальное недоразумение, а со стороны других сознательная клевета».

Как преподаватель Н. П. Боголепов вызывал симпатию, — особенно у тех, кто приходил в университет за знаниями. Так, его бывший студент А. Д. Алферов в воспоминаниях, написанных к сороковому дню трагической смерти своего учителя, которые **российские либеральные (!) газеты отказались опубликовать даже в отрывках**[2], писал: «Вступая в университетские аудитории, я уже слышал, что

---

[1] Русский архив. 1906. № 2. С. 317.

[2] Опубликованы эти воспоминания были в «Записках» жены Н. П. Боголепова княгини Екатерины Александровны, которые вышли в свет в журнале «Русский архив» в 1906 году, и отдельным изданием — в 1912 году.

есть среди профессоров некто Боголепов, который безжалостно режет студентов на экзамене, и не без интереса, пожалуй — не без тревоги, всматривался на первой лекции в несколько бледное лицо высокого и худого человека, который спокойно, серьезно и очень понятно излагал свой предмет. Никаких фраз, никакой погони за внешним блеском в его лекциях никогда не было; но забота о ясности и последовательности изложения — эта добросовестная педагогическая обработка всегда в них чувствовалась»[1].

Б. А. Щетинин, поступивший в Московский университет в 1885 году, вспоминал о своем преподавателе: «Как профессор, Боголепов отличался умением излагать свой курс удивительно ясным, сжатым и простым языком. Кто внимательно слушал его лекции, тот очень легко их запоминал. Читал он всегда стоя, выпрямившись на кафедре во весь рост и до самого конца лекции сохраняя полную неподвижность, почти даже не поворачивая головы. Голос у него был монотонный, несколько утомлявший слушателей, зато его лекции всегда были чрезвычайно содержательны: в них все было стройно, последовательно, логично, нигде ни одного лишнего слова. Кто-то сказал, что, стоя на кафедре, Боголепов всей своей горделивой осанкой напоминал римского патриция, — пожалуй, в этом замечании есть известная доля правды. На экзамене Боголепов был анекдотически требователен и строг, однако это свойство значительно умерялось двумя другими драгоценными чертами характера, которыми Николай Павлович, бесспорно, обладал, а именно: справедливостью и беспристрастием. Этими чертами он снискал себе всеобщее уважение. У Боголепова было еще одно замечательное качество: феноменальная память. Он буквально никогда и ничего в жизни не забывал. Достаточно было ему раз увидеть чье-нибудь лицо, как он уже запоминал его навек. Рассказывают по этому поводу, что в прежнее время, еще при старом университетском уставе, у Николая Павловича происходили на экзамене курьезы. Так, например, подходит к нему экзаменоваться совершенно незнакомый студент, очевидно, ни разу не посетивший ни одной из его лекций по римскому праву (тогда это было возможно!), иначе он непременно запомнил бы лицо студента. Николай Павлович почтительно встает с места, протягивает руку студенту и говорит:

— Позвольте познакомиться... Боголепов!

[1] Русский архив. 1906. № 5. С. 108.

Студент страшно сконфужен, бормочет что-то невнятное и от стыда готов провалиться сквозь землю. Но его пытка продолжается недолго. Николай Павлович предлагает ему несколько излюбленных вопросов, студент не может ответить ни на один из них и с треском проваливается»[1].

В своих научных работах Н. П. Боголепов последовательно проводил взгляд на право как на отражение общественной жизни. С. А. Муромцев считал его «крайним последователем» немецкого правоведа Р. Иеринга. Однако необходимо признать, что такое понимание права в полной мере соответствовало характеру мировоззрения Боголепова. Он был реалистом и в выводах своих о том или ином явлении всегда шел от действительной жизни. «Положительное право, — писал он, — стоит всегда в тесной связи с остальною жизнью народа; оно всегда предназначается для защиты какого-нибудь интереса этой жизни и потому может быть рассматриваемо как ее отражение, конечно, не всесторонне. Поэтому, когда мы изучаем какое-нибудь правило положительного права, то для его понимания мы должны исследовать, прилагалось ли оно в действительной жизни, и если прилагалось, то каким образом. Мы должны, не ограничиваясь раскрытием его буквального смысла, постараться заглянуть за эту его внешнюю личину, поискать тех жизненных сил, которые вызвали его существование. Тогда только можем мы надеяться оценить его действительное значение в юридической жизни народа».

Почти все научные труды Н. П. Боголепова посвящены проблемам римского права. Так, в своей магистерской диссертации[2] он рассмотрел вопрос о сущности римского общенародного права (jus gentium). Основной вывод, сделанный им, гласил: общенародное право не имело самостоятельного значения и интереса для римских юристов, но оно играло «важную роль в дальнейшем развитии римского права как *средство* для достижения другой цели, и в этом своем качестве сделалось предметом учения классических юристов». По мнению Боголепова, римские юристы всех времен очень часто старались совершать новые шаги в юридической области под прикрытием уже признанного права. К подобному средству прибегли

[1] *Щетинин Б. А.* Первые шаги (Из недавнего прошлого) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М., 1989. С. 538—539.

[2] *Боголепов Н. П.* Значение общенародного гражданского права (jus gentium) в римской классической юриспруденции. М., 1876.

и классические юристы. Они объявили, что общенародное право не только содержит в себе многие правила естественного права, но что оно есть само естественное право. «Отождествляя оба права, они думали всей системе естественного права придать значение положительной, под прикрытием имени общенародного права совершить реализацию естественного права в целом».

В рецензии на магистерскую диссертацию Н. П. Боголепова правовед П. Л. Карасевич писал: «Для русских читателей, которые не знакомы с предметом, этот труд представляет большой интерес и принесет несомненную пользу, но в науке римского права он мало подвинул вперед разрешение вопроса об jus gentium, дает мало нового после многих предшествующих трудов немецкой литературы». Однако, несмотря на то, что Боголепов часто лишь повторял выводы, содержавшиеся в работах немецких ученых по римскому праву, его научные исследования носили самостоятельный характер. Он опирался в своих рассуждениях в первую очередь на факты, на тексты оригинальных источников и, исходя из анализа их, делал соответствующие выводы. С. А. Муромцев, критикуя Н. П. Боголепова за то, что он объяснял состояние римского права классического периода сугубо жизненными условиями того же периода, оставляя в стороне связь классического римского права с прошлым, воздавал ему должное как исследователю фактов.

Занимая высокие должности в системе управления народным образованием России, Н. П. Боголепов оставался в душе своей преподавателем. Главный смысл своей государственной деятельности он видел не в различного рода реорганизациях, не в создании новых должностей и органов, а в совершенствовании методики преподавания. «Задача университета, — отмечал он в своих заметках, — научить тем знаниям и приемам, с помощью которых студент может впоследствии сделаться ученым, судьей, адвокатом, администратором и так далее, и развить умственные свои силы, т. е. так вести преподавание, чтоб ученик не боялся *самостоятельно* работать умом (смелость мысли)»[1].

Н. П. Боголепов был истинным патриотом. Беды и радости России были его личными бедами и радостями. Судьба России волновала его более своей личной судьбы. «Русские по справедливости считаются очень даровитым народом, — говорил он в речи пе-

[1] *Боголепов Н. П.* Задачи преподавания // Зерцало. Журнал юридической библиографии. М.: Зерцало, 1997. Вып. 1. С. 14.

ред студентами Московского университета 25 августа 1886 года, — но все их таланты пропадают напрасно вследствие того, что они не обладают самым главным талантом — способностью к правильной и настойчивой деятельности. Мы до тех пор не сделаем свою жизнь сносною и никогда не внесем ничего великого в общечеловеческую цивилизацию, если мы не выработаем в себе этой настойчивости. Возьмите любую область деятельности теоретической или практической, вы везде увидите одно и то же: русский человек берется за дело страстно, работает безостановочно, но затем через короткое время дело ему надоедает, сам он утомляется и бросает работу. Иногда он к ней больше не возвращается, иногда же снова принимается с тем же пылом, чтобы снова бросить ее»[1]. «Я сказал, — пояснял далее Боголепов свою мысль, — что неустойчивость в деятельности есть коренной русский недостаток, который проявляется решительно во всех классах общества, во всех сферах деятельности и который убивает русскую жизнь. Если мы не исправимся в этом отношении, рано или поздно мы погибнем: нас покорят без войны народы, которые умеют работать правильно и упорно; они мирным путем, путем труда, отберут у нас землю и заставят нас работать на них, а в конце концов сотрут нас с лица земли. Симптомы этого вы можете наблюдать и теперь уже: немцы, евреи, армяне и т. д. расселяются на Русской земле и везде становятся господами, а не слугами нашими. Но этот процесс нашего закабаления не может совершаться безболезненно; не имея сил работать так же правильно и упорно, как другие национальности, мы должны будем довольствоваться худшими кусками, ограничивать удовлетворение своих потребностей, терпеть лишения, следовательно, страдать»[2].

* * *

В ряду произведений Н. П. Боголепова главное место занимает, безусловно, его «Учебник истории римского права». Первым изданием он вышел в свет в 1895 году[3]. Основу учебника составил лекционный курс, который ординарный профессор Боголепов читал на юридическом факультете Императорского Московского университета. В 1890 году был опубликован первоначальный, сырой

[1] Русский архив. 1906. № 8. С. 599—600.

[2] Там же. С. 600.

[3] *Боголепов Н. П.* Учебник истории римского права. М., 1895.

его вариант под названием «Пособие к лекциям по истории римского права».

В предисловии к первому изданию своего учебника Николай Павлович назвал его попыткой «составить такой учебник по истории римского права, который бы был приспособлен к степени развития русских юношей и некоторым особенностям русского ума». Он считал, что «даже лучшие иностранные учебники не вполне доступны для среднего русского студента, хотя бы он хорошо знал иностранные языки или читал учебник в переводе».

Во-первых, отмечал он, «западные учебники большею частью излагают *чистое* право, выделенное из тех связей, с которыми оно является всякому наблюдателю в жизни. Изучение права в таком виде может быть доступно только опытному юристу, который сам сумеет догадаться, для каких потребностей жизни оно было создано. Начинающий юрист этого сделать не может. Поэтому изучение *чистого* права ему так же претит, как чтение статей закона». Боголепов старался изложить материал своего учебника языком более доступным для студентов, начинающих изучать право. Он показывал римское право как бы вырастающим из условий общественной жизни Древнего Рима.

Во-вторых, Боголепов представлял римское право в своем учебнике в качестве одного из проявлений нравственной жизни народа. Он стремился выработать у студентов понимание того, что право есть помимо прочего и результат борьбы различных классов за установление более справедливого, с их точки зрения, общественного порядка.

В-третьих, Боголепов излагал историю римского права в своем учебнике по периодам, а не по институтам. Однако в каждом из периодов он настолько отделял институты римского права один от другого, что проследить историю любого из них не составляет больших трудностей.

В 1900 году было опубликовано второе издание «Учебника истории римского права» Н. П. Боголепова. Третье его издание вышло в свет в 1907 году[1].

---

[1] Текст этого последнего прижизненного издания учебника был переиздан в серии «Русское юридическое наследие». См.: *Боголепов Н. П.* Учебник истории римского права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2005.

Леонид Алексеевич Камаровский

(1846—1912)

ЛЕОНИД Алексеевич Камаровский (Комаровский) родился 15 марта 1846 года в г. Казани в дворянской семье.

Род русских дворян Комаровских происходил от выходца из Польши Павла Прокофьевича Комаровского, который согласно записи в Писцовых книгах Новгородской земли, владел здесь в 1626 году поместьем. Прадед Л. А. Камаровского — Федот Афанасьевич Комаровский (1728—1776) — в молодости своей служил в Санкт-Петербурге чиновником дворцовой канцелярии, после выхода в отставку поселился в Ухотской волости. Он был женат на Ульяне Ивановне Зиновьевой (1732—1770). Их сын и дед Леонида Алексеевича — Евграф Федотович Комаровский[1] (1769—1843) — посвятил свою жизнь военной службе. В царствование Павла I он был возведен в чин генерал-майора (в 1799 г.), а при восшествии на престол Александра I стал его генерал-адъютантом. В 1802 году Е. Ф. Комаровский несколько месяцев занимал должность петербургского обер-полицмейстера. В 1803 году ему был дарован титул графа Священной Римской империи[2]. «Граф Евграф» стали звать его после этого в петербургском высшем обществе. В 1816 году Е. Ф. Комаровский был назначен командиром Отдельного корпуса внутренней стражи и получил чин генерал-лейтенанта. В 1828 году он стал сенатором и был удостоен чина генерала-от-инфантерии. В апреле 1829 года ему пришлось уйти в отпуск для излечения от болезни. На этом завершилась его государственная служба. Последние годы жизни Евграф Федотович провел в своем имении села

[1] В «Русском биографическом словаре» А. А. Половцова фамилия Евграфа Федотовича пишется как Камаровский.

[2] В XVIII в. титула графа Священной Римской империи удостаивались такие известные государственные деятели России, как А. Д. Меншиков (в 1702 г.), Э. И. Бирон (в 1730 г.).

Городище, располагавшемся в Орловской губернии. Здесь он и умер в 1843 году[1].

Женой графа Е. Ф. Комаровского была Елизавета Егоровна Цурикова (? — 1847). У них родилось пятеро сыновей: Егор (1803—1875)[2], Александр (1808—1813), Владимир (1809—1813), Павел (1812—1873) и Алексей (?—1895)[3], а также трое дочерей: Авдотья (1805—1807), Анна (1806—1872) и Софья[4]. Будучи человеком военным, Евграф Федотович не чужд был духовных интересов. Он переписывался с Г. Р. Державиным, Н. М. Карамзиным, общался с А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским, М. П. Погодиным. В 1786 году в его переводе на русский язык вышел роман Н. Ретифа де ла Бретона «Невинность в опасности, или Чрезвычайные приключения»[5]. В имении Городище граф организовал любительский театр, на спектакли которого съезжались гости со всей округи. Его дочь Анна была в 20-е годы постоянной посетительницей литературных

---

[1] Свой жизненный путь граф Е. Ф. Комаровский вкратце описал в записках, которые впервые были опубликованы в полном объеме в 1897 г. в журнале «Исторический Вестник» (том LXIX. № 7—9; том LXX. № 10—11). См. также: Записки графа Е. Ф. Комаровского // Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 221—454.

[2] Через Егора род Комаровских породнился с семьей поэта Дмитрия Веневитинова — в 1830 г. Егор Евграфович женился на его сестре Софье Владимировне (1808—1877), приходившейся четвероюродной сестрой поэта А. С. Пушкина. Известный в дореволюционной России поэт Василий Алексеевич Комаровский (1881—1914) был их внуком.

[3] В генеалогическом древе, начертанном на форзаце «Воспоминаний» Е. Л. Камаровской и Е. Ф. Комаровского, напечатанных в 2003 г. издательством «Захаров», датой рождения Алексея Евграфовича Комаровского называется 1807 г. Это явная ошибка. Сообщая в записках о главных событиях своей жизни в 1807 г., граф Е. Ф. Комаровский упомянул своих детей: Егора, Авдотью, Анну, но ничего не написал об Алексее, который якобы в этот год родился. А вот о рождении 1 февраля 1808 г. сына Александра он не забыл сообщить. В последних строках своих мемуаров Евграф Федотович написал о том, что в феврале месяце 1833 года отдал Алексея Евграфовича в пансионат к профессору Московского университета Погодину. Согласившись с тем, что Алексей родился в 1807 г., мы вынуждены будем признать, что в предназначавшийся для воспитания подростков пансионат Погодина он поступил в возрасте 26 лет. Очевидно, что подлинной датой его рождения мог быть скорее год 1817-й или 1818-й, но ни в коей мере не 1807-й.

[4] В одном из примечаний к тексту своих мемуаров Евграф Федотович Комаровский сообщил, что 21 апреля 1828 г. его дочь графиня Софья Евграфовна была пожалована во фрейлины к императрицам Александре Федоровне и Марии Федоровне.

[5] См.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К—П. СПб., 1999. С. 113.

салонов, устраивавшихся в домах столичной знати. Она состояла в личном знакомстве со многими писателями того времени и в том числе с поэтом А. С. Пушкиным. Александр Сергеевич записал однажды в альбом Анны Евграфовны, который она вела приблизительно с 1826 года, свое стихотворение «Муза». По словам литературоведа Б. Л. Модзалевского, это «превосходный, единственный в своем роде автограф» данного стихотворения Пушкина[1].

Отец Л. А. Камаровского — граф Алексей Евграфович — получил хорошее образование. По завершении обучения в пансионате профессора М. П. Погодина он окончил Санкт-Петербургский университет. Затем состоял на государственной службе, но карьеры здесь себе не сделал. Не принесла ему большого успеха и его деятельность в хозяйственной сфере. Более того, в конечном итоге Алексей Евграфович совершенно разорился и оказался безнадежным должником. «Сибарит, избалованный человек, авантюрист, он вечно выдумывал какие-то аферы с куплей-продажей и в конце концов совсем прогорел»[2] — так охарактеризовала его в своих мемуарах Екатерина Леонидовна Камаровская, приходившаяся ему внучкой.

Женой Алексея Евграфовича Комаровского была Аделаида Альбертовна Пирх, дочь казанского помещика, немца по происхождению, барона Альберта Карловича Пирха. В 1830—1831 годах барон Пирх исправлял должность Казанского губернатора[3]. Уйдя по собственной воле в отставку, он все силы посвятил своему имению в Спасском уезде, которое считалось образцовым в Казанской губернии, и воспитанию двух своих дочерей — Софьи и Аделаиды. Их матерью и бабушкой Леонида Алексеевича Камаровского была Анна Николаевна Мусина-Пушкина (1802—1831), сестра графа М. Н. Мусина-Пушкина (1795—1837)[4]. Писаная красавица, она оказалась обреченной на смерть в возрасте 29 лет. В роду Комаровских впоследствии много десятилетий рассказывали историю, случив-

---

[1] *Модзалевский Б. Л.* Альбом Анны Евграфовны Шиповой, рожденной графини Комаровской // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комиссия для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1909. Вып. 11. С. 80.

[2] *Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф.* Воспоминания. М., 2003. С. 58.

[3] Точнее, с 15 ноября 1830 г. по 21 июня 1831 г.

[4] Попечителя Казанского (в 1829—1845 гг.) и Санкт-Петербургского (в 1845—1856 гг.) учебных округов, сенатора (с 1849 г.).

шуюся во время ее похорон. Альберт Карлович в порыве страшного горя, «схватив обеих маленьких дочерей, бросил их в гроб к матери. «Она умерла, — кричал он, — умрите и вы!» Аделаида Альбертовна до конца своих дней[1] не могла забыть этого случая. Будучи человеком глубоко верующим, она любила одиночество: никого, кроме Бога, не пускала в свою душу.

С 1831 по 1841 год должность Казанского губернатора занимал Степан Степанович Стрекалов. Сменил его на этом посту генерал-лейтенант (с 1843 г. — генерал-от-инфантерии) Сергей Павлович Шипов (1790—1876) — муж Анны Евграфовны[2], родной сестры Алексея Комаровского. Казанским губернатором Шипов был с 27 декабря 1841 года по 14 марта 1846 года[3]. Возможно, именно он поспособствовал переезду графа Алексея Евграфовича в Казань, где он повстречался с Аделаидой Альбертовной.

Леонид Алексеевич был первенцем среди детей, рожденных в их семье. Через год после его рождения на свет появилась дочь — Аполлинария Алексеевна[4], а два года спустя родился еще один сын — Ипполит Алексеевич[5].

Начальное образование дети Алексея Евграфовича и Аделаиды Альбертовны получали дома. В его основе лежало изучение иностранных языков, как древних, так и современных. Леонид с детства учился читать с помощью приглашенных учителей на латыни и древнегреческом языке, а со своими гувернерами — немцем и французом по национальности — осваивал немецкий и француз-

---

[1] Мать Леонида Алексеевича Камаровского Аделаида Альбертовна умерла в 1901 г.

[2] Брак Анны Евграфовны Комаровской с Сергеем Павловичем Шиповым был заключен в 1828 г.

[3] 14 марта 1846 г. С. П. Шипов был назначен присутствующим в московских департаментах Сената. Это позволило ему поселиться с женой в Москве и провести здесь последние годы жизни. Именно в Москве Анна Евграфовна и скончалась 3 марта 1872 г. В сообщении о ее смерти, опубликованном 15 января 1873 г. в газете-журнале «Гражданин» (№ 3), говорилось, что она «повсюду, где жила, по служебному пребыванию мужа, т. е. в Варшаве, в Казани, особливо же в последнее время в Москве, привлекала к себе общее уважение образованным умом, любезностью, добротою и уменьем оживить в обществе духовные интересы. В Москве у нее в гостиной постоянно собирался кружок людей образованных».

[4] Сестра Леонида Алексеевича Камаровского Аполлинария Алексеевна Комаровская умерла в 1879 г.

[5] Брат Леонида Алексеевича Камаровского Ипполит Алексеевич Комаровский умер в 1875 году.

ский языки. Позднее он выучит также английский и итальянский языки. Вместе с тем он занимался с домашними учителями древнеримской литературой, историей, географией и другими предметами, составлявшими гимназическую программу.

В 1864 году Леонид Камаровский сдал экстерном в 1-й Казанской гимназии экзамены за весь курс гимназического обучения и поступил на юридический факультет Императорского Московского университета.

В то время здесь преподавала целая плеяда видных русских ученых, историков и правоведов. Так, лекции по русской истории читал студентам 1-го курса юридического факультета профессор Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879). Историю русского законодательства преподавал на 2-м курсе профессор Иван Дмитриевич Беляев[1]. Он отличался доскональным знанием архивных документов, его лекции были довольно монотонными по форме изложения, но этот недостаток сполна компенсировался их содержательностью.

Государственное право преподавал студентам-юристам 2-го курса известный ученый и публицист профессор Борис Николаевич Чичерин[2], автор таких научных трудов, как «Областные учреждения России в XVIII веке» (М., 1856), «О народном представительстве» (М., 1866)[3]. «Лекции его как бы соответствовали его внешности, были красиво отделаны и изобиловали множеством фактов и требовали значительного внимания и вдумчивости, чтобы постигнуть дух и цель излагаемого им»[4], — вспоминал о Чичерине пришедший на учебу в Московский университет в один год с Леонидом Камаровским Иван Иванович Янжул, ставший впоследствии профессором юридического факультета.

---

[1] 26 марта 1865 г. и. д. экстраординарного профессора И. Д. Беляев «по представлении и защищении написанной им диссертации под заглавием: «Исследование о постепенном изменении значения крестьян в Русском Обществе» был утвержден определением Совета Императорского Московского университета в степени доктора гражданского права.

[2] 20 ноября 1865 г. Совет Императорского Санкт-Петербургского университета, «принимая в уважение заслуги исправляющего должность экстраординарного профессора в Московском университете Чичерина на поприще отечественного государственного права», утвердил его в степени доктора государственного права.

[3] См. о нем очерк в настоящей книге.

[4] Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. М., 2006. С. 52.

Лекции по гражданскому праву на 3-м курсе, а по гражданскому судопроизводству студентам 4-го курса юридического факультета читал Константин Петрович Победоносцев[1], одновременно работавший при этом в восьмом (московском) департаменте Сената. Леониду Камаровскому не довелось, правда, их слушать: летом 1865 года Победоносцев ушел из Московского университета, по его собственному объяснению в письме к ректору С. И. Баршеву, вследствие того, что резко возрос объем его занятий сенатскими делами, а его здоровье ослабело.

Историю римского права и римское право в догматическом изложении преподавал студентам-юристам Никита Иванович Крылов. И. И. Янжул писал впоследствии в своих мемуарах, что профессор Крылов был «самой крупной величиной на первом курсе юридического факультета в Москве 1860-х годов», он «весьма хорошо усвоил суть и дух римского права и умел его хорошо передавать ловким, образным языком, уснащая множеством наглядных примеров, сопоставлений, смотря по характеру передаваемых институтов. Его лекции посещались охотно, как спектакль какой-нибудь хорошей комической труппы, с целью прежде всего посмеяться, а мимоходом, глядишь, что-нибудь в голове и останется»[2].

Науку уголовного права преподавал на юридическом факультете Сергей Иванович Баршев[3], который во все время учебы Леонида Камаровского в Московском университете являлся ректором Московского университета[4]. Он был автором первого в России учебного курса уголовного права, опубликованного в 1841 году под названием «Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях в двух разделах». На основе данного учебника осуществлялось преподавание уголовного права во всех российских университетах. Лекции профессора С. И. Баршева также во многом повторяли его текст.

Полицейское право читал студентам-второкурсникам профессор Василий Николаевич Лешков (1810—1881), занимавший в 1863—1872 годах должность декана юридического факультета. По словам

---

[1] См. о нем очерк в настоящей книге.

[2] Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. С. 51.

[3] См. о нем о нем очерк в настоящей книге.

[4] С. И. Баршев занимал должность ректора Московского университета в 1863—1870 гг.

И. И. Янжула, предмет этот Лешков «до гроба не хотел называть таким противным именем, обратно с огромным числом представителей этой науки в Европе и Америке, а именовал всегда “общественным правом” и старался подвести под нее всю ту разнообразную деятельность (что, разумеется, в сущности представляло невозможную, невыполнимую задачу), которая совершается в стране не государственной властью и не исключительно частной инициативой»[1]. Главный труд В. Н. Лешкова в области «общественного» права — объемная (числом в 612 страниц) книга «Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века», напечатанная в университетской типографии в 1858 году.

Начинал же Лешков свой путь в науке на поприще международного права[2]. В 1841 году он защитил докторскую диссертацию на тему «О морском торговом нейтралитете». Ее текст был в том же году издан отдельной книгой под названием «Историческое исследование начал нейтралитета относительно морской торговли». В 1847 году была опубликована речь В. Н. Лешкова «О древней русской дипломатии», произнесенная им в торжественном собрании Императорского университета.

Лекции по международному праву читал на 4-м курсе юридического факультета Московского университета профессор Михаил Николаевич Капустин (1828—1899)[3]. В 1853 году он защитил диссертацию «Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII-го века» на степень магистра общенародного правоведения и тогда же начал преподавать эту науку вместо занимавшего кафедру дипломации и общенародного правоведения, по совместительству профессора кафедры законов благоустройства и благочиния В. Н. Лешкова. С сентября 1863 года М. Н. Капустин преподавал еще и энциклопедию права: лекции по этому предмету читались студентам-первокурсникам в объеме 6 ча-

---

[1] Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. С. 53.

[2] См. о В. Н. Лешкове как специалисте в области международного права: *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917) / Под редакцией У. Э. Батлера и В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2005. С. 352—363.

[3] См. о нем: *Устинов В. М.* Памяти М. Н. Капустина (Речь, читанная в С.-Петербургском Юридическом Обществе 4-го декабря 1899 г.) // Вестник права. Журнал юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1900. № 1. С. 94—103.

сов в неделю. В соответствии с Университетским уставом 1863 года кафедра дипломации и общенародного права была переименована в кафедру международного права. Профессор Капустин занимал ее до 13 марта 1870 года, до своего назначения на должность директора Демидовского юридического лицея.

Годы учебы Леонида Камаровского на юридическом факультете Московского университета пришлись на время, когда в России разворачивались крупные государственные преобразования. Для развития юридической науки наибольшее значение имела судебная реформа, начавшаяся с издания в конце 1864 года «Учреждения судебных установлений», уставов уголовного и гражданского судопроизводства и «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Правовед С. В. Пахман отмечал в 1882 году в речи «О современном движении в науке права», которую произносил в годовом собрании Санкт-Петербургского Юридического общества: «Серьёзная потребность в юридическом знании, как известно, была сознана у нас собственно с весьма недавнего времени, именно, со времени судебной реформы, когда деятельность суда была изъята из области канцелярской тайны и стала доступна гласному контролю общественного мнения. Только с этого времени юридическая наука могла выступить с свойственным ей авторитетом»[1].

Круг научных интересов студента Камаровского был весьма обширен. Его привлекали к себе и государственное право, и древнеримская история[2]. Но главным объектом его внимания стало международное право. Со студенческих лет и до конца своей жизни Леонид Алексеевич относился к этой науке так, будто это была его религия.

После окончания в 1868 году университетского курса обучения Л. А. Камаровский был оставлен при кафедре международного права для подготовки к профессорскому званию. В 1869 году его отправили для совершенствования познаний в юридических науках в двухгодичную командировку в университеты Германии и Австро-Венгрии. Возвратившись в Россию, Камаровский сдал в декабре 1870 года магистерский экзамен и приступил к работе над магистерской диссертацией.

---

[1] *Пахман С. В.* О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 67.

[2] Теме экономического и финансового положения Древнего Рима Леонид Камаровский посвятил свое кандидатское сочинение.

Проявившиеся в нем весной 1871 года признаки заболевания туберкулезом заставили его прервать эту работу и снова уехать за границу. В течение полутора лет Камаровский проходил курс лечения в Швейцарии. Поправив свое здоровье, Леонид Алексеевич решил продолжить занятия международным правом и работу над магистерской диссертацией в Гейдельбергском университете под руководством Иоганна Каспара Блюнчли (*Johann Kaspar Bluntschli*, 1808—1881), который к тому времени прибрел известность такими работами в этой науке, как «Современное военное право цивилизованных государств»[1], «Современное международное право цивилизованных государств, представленное в виде кодекса»[2].

Профессор Блюнчли отнесся к молодому русскому ученому с большой приветливостью и охотно помогал ему своими советами и наставлениями. Камаровский, в свою очередь, испытывал к своему иностранному учителю огромное уважение, несмотря на то, что не все его взгляды на международное право принимал. В предисловии к магистерской диссертации он напишет: «Особенно я благодарен Блюнчли, который с редкой готовностью руководил меня своими советами и снабжал меня книгами из своей библиотеки на время моего почти полуторагоднего пребывания в живописном Гейдельберге. Дни, проведенные мною с этим достойным служителем науки, принадлежат к самым светлым воспоминаниям в моей жизни». В 1876 году под редакцией Л. А. Камаровского выйдет в свет перевод на русский язык (В. Уляницкого и А. Лодыженского) книги И. К. Блюнчли «Современное международное право цивилизованных народов, изложенное в виде кодекса».

5 декабря 1874 года Л. А. Камаровский успешно защитил магистерскую диссертацию по теме «Начало невмешательства». В своей речи на публичном диспуте по данному сочинению диссертант отметил, что оно является первым результатом его занятий по международному праву и политике. «Всякий, посвящающий себя изучению известной отрасли человеческого знания, — сказал он далее, — естественно обращает прежде всего внимание на общие и основные вопросы науки, им избранной. К таким вопросам бесспорно относится в сфере международного права *начало невмешательства*. С одной стороны, научное его понимание и значение рас-

[1] *Bluntschli J.* Das moderne Kriegsrecht der civilisierten Staten. Nördlingen, 1866.

[2] *Bluntschli J.* Das moderne Völkerrecht der zivilisierten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. Nördlingen, 1867.

крываются для нас в той мере, в какой мы глубже вникаем во всестороннее изучение государственной жизни и тех законов, которые ею управляют; с другой, практика на каждом шагу ставит нас лицом к лицу с вопросами в вмешательствах одного государства в дела другого»[1].

Стремясь выяснить, в чем заключается принцип невмешательства во внутренние дела других государств, Камаровский обратился сначала к теориям, изложенным в иностранной литературе. После этого он рассмотрел отраженные в дипломатических документах случаи охранительного вмешательства во внутренние дела государств, имевшие место с конца XVIII века — в условиях Великой французской революции, и по 20-е годы XIX века — в действиях государств, составивших так называемый «Священный Союз». Содержание диссертации делилось соответственно на две части: «Очерк I. Вопрос о невмешательствах в литературе» и «Очерк II. Охранительные вмешательства». Такой порядок изложения содержания диссертации имел очевидный недостаток: описанные в ней научные теории невмешательства отрывались от практики межгосударственных отношений, что не позволяло дать им надлежащей оценки. Порочным был и избранный Камаровским национальный признак группировки данных теорий: так, он сначала излагал теории немецких писателей о невмешательствах (Карла Роттека, Генриха Роттека, Гейберга, Гефтера и Блюнчли), затем теории американцев (Витона, Лауренса и Кальво) и англичан (Вильдмана, Филлимора и Стэпльтона), после них — теории французов (Прадье-Фодере, Верже) и итальянцев (Росси, Мамиани, Видари, Фьоре, Пьерантони и Амари) и, наконец, точку зрения на принцип невмешательства русского правоведа М. Н. Капустина, изложенную им в книге «Обозрение предметов международного права» (М., 1856).

Явным пробелом диссертационной работы Камаровского было отсутствие в ней анализа так называемой «доктрины Монро» — провозглашенных в 1823 году президентом США Джеймсом Монро[2] в послании к Конгрессу принципа невмешательства США во внут-

---

[1] Сборник государственных знаний / Под редакцией В. П. Безобразова. СПб., 1875. Отдел критики и библиографии. С. 98—99.

[2] Джеймс Монро (James Monroe) занимал пост президента США в 1817—1825 гг.

ренние дела европейских государств, а европейских государств — в дела американского континента[1].

Но самым большим недостатком магистерской диссертации Л. А. Камаровского было противоречие в основных ее положениях. Настаивая в своей работе на необходимости отличать вмешательство от посредничества и войны[2] и доказывая чрезвычайную опасность вмешательства во внутренние дела какого-либо государства со стороны другой иностранной державы, он вместе с тем признавал совершенно законным такое вмешательство на основании «высших требований общего человеколюбия», для защиты неких общечеловеческих интересов. Камаровский не учитывал, что столь неопределенное основание могло быть использовано на практике для оправдания любого вмешательства одного государства во внутренние дела другого государства. Наблюдаемые в современный период многочисленные случаи вмешательства США во внутренние дела других государств, отвечающие корыстным интересам правящих в этой стране кланов, оправдываются именно защитой «общечеловеческих интересов».

Ф. Ф. Мартенс считал «все исключения из принципа невмешательства» «опасными». Но тем не менее допускал, что в некоторых случаях вмешательство во внутренние дела какого-либо государства со стороны иностранной державы могло иметь место. «К случаям такого вмешательства, — писал он, — можно отнести следующее: 1) когда вмешательство основано на трактате, например, в том случае, когда известные государства взяли на себя поручительство в обеспечении устройства данной страны... Само собой разумеется, что поручительство за сохранение в другом государстве существующих порядков представляется совершенно ненормальным

[1] Дословно Джеймс Монро сказал следующее: «Our policy in regard to Europe, which was adopted at an early stage of the wars which have so long agitated that quarter of the globe, nevertheless remains the same, which is, not to interfere in the internal concerns of any of its powers; to consider the government de facto as the legitimate government for us; to cultivate friendly relations with it, and to preserve those relations by a frank, firm, and manly policy, meeting in all instances the just claims of every power, submitting to injuries from none. But in regard to those continents circumstances are eminently and conspicuously different. It is impossible that the allied powers should extend their political system to any portion of either continent without endangering our peace and happiness; nor can anyone believe that our southern brethren, if left to themselves, would adopt it of their own accord» (Compilation of the Messages and Papers of the Presidents / Ed. by D. Richardson. Vol. 2. Washington, 1907. P. 287).

[2] *Камаровский Л. А.* Начало невмешательства. М., 1874. С. 103.

явлением. Но если оно основано на трактате, оно не может быть отрицаемо. 2) Если внутренний государственный переворот нарушает положительные законные права других держав... 3) Если вмешательство вызывается вмешательством другого государства (контрвмешательство»[1]. Таким образом, в отличие от Л. А. Камаровского, Ф. Ф. Мартенс считал законным основанием для вмешательства нарушение не интересов, а *права*.

Сам Камаровский весьма критически оценивал первый свой научный труд по международному праву. Он признавал, в частности, что по причине его молодости и неполноты добытых сведений результаты его исследования начала невмешательства «должны быть очевидно весьма недостаточны»[2].

В тексте магистерской диссертации Л. А. Камаровского нашли свое выражение не только его научные идеи, но и политические убеждения. Молодой ученый выступил здесь с критикой взглядов Фридриха-Арнольда Брокгауза (*Friedrich Arnold Brockhaus*, 1838 — ?)[3], изложенных в книге «Принцип легитимации»[4]. Немецкий правовед пытался доказать в данном произведении, что в основе легитимности того или иного властителя лежит сам факт обладания верховной властью. «Признаюсь, — отвечал на это Камаровский, — не могу согласиться с этим заключительным выводом Брокгауза: верховная власть не может считаться принадлежностью лишь того, кто наибольший смельчак: она и юридически получает свою санкцию либо от престолонаследия в неограниченных монархиях, либо из религиозных идей в теократиях, либо, наконец, от народного к ней уважения и любви в странах просвещенных. Народ, как политическая живая личность не есть вещь, которой можно распоряжаться безответственно»[5].

Через две недели после защиты магистерской диссертации Л. А. Камаровский был назначен на должность приват-доцента по кафедре международного права. Так началась его преподавательская деятельность в Московском университете, продолжавшаяся 38 лет.

---

[1] *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Издание третье, исправленное и дополненное. СПб., 1895. Том 1. С. 303.

[2] *Камаровский Л. А.* Начало невмешательства. М., 1874. С. 100.

[3] Правовед Фридрих-Арнольд Брокгауз был внуком знаменитого немецкого издателя Фридриха-Арнольда Брокгауза (1772—1823).

[4] *Brockhaus F. A.* Das Legitimationsprincip. Leipzig, 1868.

[5] *Камаровский Л. А.* Начало невмешательства. С. IV.

1874 год вообще оказался судьбоносным для Л. А. Камаровского. В течение него в жизни Леонида Алексеевича произошло еще одно знаменательное событие: он женился на княжне Екатерине Александровне Ширинской-Шихматовой.

Род Ширинских-Шихматовых вел свое начало от татарских мурз Ширинских, имевших обширные земельные владения в Поволжье. Один из них — по имени Кинбар — поступил в 1485 году на службу к государю всея Руси великому князю Ивану III. Его правнука звали Шихмат (после крещения Василий Келядемаевич), он жил в начале XVI века. Сын Шихмата — Иван Васильевич — был в середине XVI века воеводой. Его потомки стали именоваться Ширинскими-Шихматовыми. В княжеском достоинстве этот род был окончательно утвержден Сенатом в 1836 году.

Дед Екатерины Александровны — Прохор Александрович Ширинский-Шихматов — был офицером, участником Отечественной войны 1812 года, в составе Русской армии дошел до Парижа. В возрасте 45 лет он, полюбив тринадцатилетнюю дочь своего соседа по имению, увез ее к себе в дом и женился на ней. Прожив 36 лет и родив пятерых сыновей и двух дочерей, она умерла. Прохор Александрович пережил ее на сорок лет. Е. Л. Камаровская писала в своих мемуарах: «Я помню своего прадеда, маленького, сухого, сморщенного старика, который при приезде к дочери, бабушке, нагонял на всех трепет и какой-то холод. Он умер ста девяти лет, за 2—3 дня до этого катаясь верхом и делая верст десять»[1].

Брат Прохора Александровича — Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790—1855) был писателем, академиком Императорской Академии наук, в 1849—1853 годах он занимал должность министра народного просвещения. Другой его брат — Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783—1837) — также проявил себя в литературном творчестве (как поэт) и являлся академиком. Закончил он свою жизнь архимандритом Новгородского Юрьева монастыря.

Сын Прохора Александровича — князь Александр Прохорович Ширинский-Шихматов (1822—1884) посвятил себя государственной службе на поприще народного просвещения, занимая должности директора 3-й Московской гимназии (в 1854—1857 гг.), помощника попечителя и попечителя Виленского учебного округа (в 1857—1864 гг.), попечителя Киевского (в 1864—1867 гг.) и Мос-

[1] *Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф.* Воспоминания. М., 2003. С. 14.

ковского (в 1867—1874 гг.) учебных округов, товарища министра народного просвещения (в 1874—1880 гг.). В 1876 году он стал сенатором. Его женой была Екатерина Павловна Березникова (1832—1911). В их семье родилось семнадцать детей, из которых выжило только восемь: дочери Екатерина, Мария, Наталья, Варвара и сыновья Алексей, Сергей, Андрей, Дмитрий.

Екатерина Александровна не теряла связи со своими братьями и сестрами и после того, как вышла замуж. Ширинские-Шихматовы составляли поэтому и круг общения ее мужа Леонида Алексеевича Камаровского, и детей. Екатерина Леонидовна признавала впоследствии в своих мемуарах, что влияние Ширинских-Шихматовых было в ее жизни «очень большим»[1].

Помимо дочери Екатерины, родившейся в 1878 году, у супругов Екатерины Александровны и Леонида Алексеевича Камаровских был еще сын Сергей 1876 года рождения и младшая дочь Мария, появившаяся на свет в 1883 году. Все они получили хорошее домашнее образование: Екатерина смогла в результате него успешно сдать экзамены за полный гимназический курс и получить диплом домашней учительницы[2], а Сергей поступил сразу в пятый класс Московского лицея и по его окончании на юридический факультет Московского университета[3].

---

[1] *Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф.* Воспоминания. М., 2003. С. 19. Из братьев и сестер своей матери Екатерина Леонидовна особенно выделяла старшего среди них — Алексея Александровича Ширинского-Шихматова (1862—1930). В 1884 г. он окончил Императорское Училище правоведения и был определен на государственную службу по Министерству юстиции, но спустя год был переведен в Министерство внутренних дел. Во второй половине 80-х годов XIX века он служил на должности советника губернского правления в Эстляндии и своей энергией и деловыми качествами, проявленными при возведении православных храмов и зданий для церковно-приходских школ обратил на себя внимание обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева. В 1890 г. Алексей Ширинский-Шихматов был назначен на службу в ведомство православного исповедания на должность помощника юрисконсульта при обер-прокуроре. В 1894 г. он стал прокурором Московской Синодальной конторы. С декабря 1903 по октябрь 1904 г. он исполнял должность Тверского губернатора, а в апреле 1905 г. был назначен товарищем обер-прокурора Святейшего синода. Через год он занял пост обер-прокурора.

[2] О своей судьбе Екатерина Леонидовна Камаровская (1878—1965) рассказала сама в своих мемуарах. Сохранилась только часть их, посвященная ее жизни до 1912 г., опубликованная впервые в 2003 г. См.: Графиня Камаровская. Воспоминания // *Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф.* Воспоминания. М., 2003. С. 6—220.

[3] По завершении в 1901 г. университетского курса обучения Сергей Леонидович Камаровский будет оставлен при университете на юридическом факультете для приготовления к профессорскому званию на два года, без содержания (ЦИАМ.

В 1878—1879 годах Л. А. Камаровский находился в научной командировке во Франции, собирая материал для своей докторской диссертации. Он решил посвятить ее проблеме международного суда.

Идею такого учреждения Камаровский выводил из природы современного государства. Оно не может существовать, не вступая в общение с другими государствами. Но для регулирования межгосударственных отношений невозможно создать мировое центральное правительство, поскольку в этом случае государства перестанут быть государствами и превратятся в обыкновенные провинции некоего всемирного государства. Сущностным признаком современного государства является его суверенитет, отсюда вытекает, что международный союз, необходимый для упорядочения межгосударственных отношений, может выступать лишь в форме *юридической*, а не политической организации. Камаровский в полной мере сознавал, что международная жизнь не является повторением в бóльших масштабах жизни внутригосударственной; она возвышается над последней и как особая сфера существования человечества требует особой формы — юридической международной организации. Такая организация должна, считал Камаровский, вырасти из практики межгосударственного общения, а не являться результатом абстрактных теоретических построений.

Ее первым ядром, вокруг которого будет кристаллизироваться международный юридический порядок, международное положительное право, должен был стать, по мнению Камаровского, международный суд как выразитель и носитель юридического принципа общения.

Исследуя проблему международного суда, Камаровский не ограничился поиском истоков его идеи и рассмотрением ее развития в научных трудах, но разработал модель этого учреждения, включающую в себя как теоретические основания, так и практические принципы его организации, внутреннего устройства и деятельности. Страницы его докторской диссертации, на которых описана эта модель, — самая ценная часть данного его произведения[1].

Фонд 418. Оп. 463. Ед. хр. 31. Л.19 об.). Впоследствии он выберет себе административное поприще и некоторое время будет работать земским начальником в Брестской и Московской губерниях, затем станет членом правления общества Московско-Казанской железной дороги. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

[1] См.: *Камаровский Л. А.* О международном суде / Под редакцией Л. Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2007. С. 373–443.

В 1881 году Л. А. Камаровский успешно защитил свою докторскую диссертацию «О международном суде» в публичном диспуте на юридическом факультете Императорского Московского университета. В том же году она была издана в виде отдельной книги. В 1887 году ее перевели на французский язык и издали в Париже[1].

По словам профессора У. Э. Батлера, «современники были восхищены разумностью и прагматичностью модели международного суда, предложенной Камаровским, и многие элементы данной модели были приняты Гаагским Постоянным Арбитражным Судом и Постоянным Судом Международного Правосудия. Книга Камаровского «О международном суде» заслужила в литературе по международному праву репутацию самого первого и беспрецедентного по своей основательности произведения на эту тему»[2].

30 октября 1881 года граф Л. А. Камаровский был утвержден Советом Московского университета в степени доктора государственного права и в звании ординарного профессора по кафедре международного права[3].

80—90-е годы были в жизни Камаровского временем интенсивной научной деятельности. Он многократно (более 30 раз) выступал с докладами на заседаниях Московского Юридического общества. В различных периодических изданиях вышли десятки его статей («Институт международного права за последнее пятилетие. 1876—1881 гг.»[4], «De l'idée d'un tribunal international»[5], «Об идее мира между народами»[6], «Законы сухопутной войны»[7], «К учению о трактатах»[8], «Об органах современных международных уний»[9], «Опыт

---

[1] *Kamarovskii L. A.* Le tribunal international / Transl. S. de Westman. Paris, 1887.

[2] *Батлер У. Э.* Граф Л. А. Камаровский и создание международного суда // *Камаровский Л. А.* О международном суде. С. XLII—XLIII.

[3] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 50. Д. 223.

[4] Юридический вестник. 1882. № 6. С. 171—200; № 7. С. 367—381. Институт международного права был создан учеными, специалистами по международному праву, из Аргентины, Бельгии, Германии, Нидерландов, Италии, России (В. П. Безобразов), США и Шотландии в сентябре 1873 года в Генте (Бельгия). Л. А. Камаровский стал его членом-сотрудником в 1875 г. С 1891 г. он являлся действительным членом этого международного научного учреждения.

[5] Revue de droit international privé et de droit penal international. Paris, 1883. P. 44—51.

[6] Русская мысль. 1884. № 7. Ч. 1. С. 120—135.

[7] Юридический вестник. 1885. № 8. С. 703—728.

[8] Там же. 1887. № 5. С. 114—123.

[9] Русская мысль. 1892. № 12. Ч. 2. С. 161—182.

кодификации частного международного права — конференция в Гааге 1893 г.»[1], «О значении войны для современного общества»[2], «Международное право как предмет самообразования»[3] и др.). Был опубликован целый ряд его книг и брошюр («О политических причинах войны в современной Европе». М., 1888; «О международных мерах борьбы с эпидемиями». М., 1893; «Восточный вопрос». М., 1896; «Об основной задаче международного права». М., 1898; «Успехи идеи мира». М., 1898 и др.).

Самой значительной работой Л. А. Камаровского указанного периода стало произведение «Основные вопросы науки международного права», вышедшее в 1892 году в восьмом выпуске «Ученых записок Императорского Московского университета по Юридическому отделу», а в 1895 году — отдельной книгой. В нем ученый изложил свой взгляд на сущность международного права, его содержание, объективные основания, его связь с другими юридическими науками, рассмотрел область применения международного права, научное и практическое значение его изучения.

«Под международным правом, — писал Камаровский, — следует разуметь совокупность норм, обязательных для государств и для их подданных в их отношениях друг к другу и вообще к остальным людям в качестве пока членов Международного Союза, но, говоря шире, всего человечества»[4]. При этом термин «обязательный» был в его понимании синонимом слова «юридический».

Камаровский выделял в структуре международного права три части, которые, как он считал, имеют тенденцию к превращению в отдельные науки.

К *первой* из них он относил нормы, охраняющие интересы государств в целом, и составляющие *публичное международное право*. В его состав Камаровский включал: 1) учение «о государствах вообще как международных личностях», об их возникновении, правах и прекращении; 2) учение о территориях государств, о международных договорах; 3) учение о конфликтах между государствами и различных способах их разрешения.

Ко *второй* части международного права Камаровский причислял нормы, охраняющие интересы частных лиц, пребывающих на

[1] Журнал Юридического общества. СПб., 1894. № 6. С. 1—18.

[2] Северный вестник. 1895. № 2. Ч. 1. С. 127—141.

[3] Там же. № 12. С. 46—68.

[4] Основные вопросы науки международного права. М., 1892. С. 6.

иностранных территориях. По его мнению, данные нормы следует выделять в особую науку *частного международного права* и отличать от права публичного.

Третьей частью международного права Камаровский считал нормы, призванные охранять общественные интересы, которые выражают различные международные союзы, как-то: телеграфный, почтовый, промышленный, литературный, железнодорожный и др. По словам ученого, юридические нормы, относящиеся к ним, «удобнее всего называть *социальным международным правом*, становящимся в средине между публичным и частным международным правом»[1].

Под объективными основаниями международного права Камаровский подразумевал такие условия его существования, которые не зависят от чьей-либо воли — будь то воля отдельных людей или могущественных держав. Это, по его мнению, в первую очередь «физические особенности Европы», во-вторых, «племенное родство европейских народов», в-третьих, «их родство духовное», в-четвертых, «параллельность всего их исторического роста и развития»[2].

Камаровский признавал, что Россия является «особенным миром», что она, во всяком случае, «отличается более от остальной Европы, чем отдельные ее народы друг от друга». Данное отличие он объяснял не только обширностью России и ее положением среди двух миров: европейского и азиатского, но и иными условиями ее исторической жизни: принятием христианства не от Рима, а от Византии, многовековою ее борьбою с азиатскими хищниками, долгим обособлением от Европы и проч.»[3]. «Но русские, как и славяне вообще, — отмечал он при этом, — члены великой европейской семьи народов во 1-х, вследствие того, что они христиане, и, во 2-х, потому, что они, как и романцы и германцы, принадлежат к арийцам и одарены общими им всем способностями. Поэтому международное право, хотя и выросло на почве Западной Европы, не может быть для России и для славянских народов чем-либо чуждым и еще более враждебным, но оно, уважая и признавая их особенности, соединяет все христианские народы в одну живую и великую семью»[4].

---

[1] Основные вопросы науки международного права. С. 9.

[2] Там же. С. 17.

[3] Там же. С. 30.

[4] Там же.

Рассматривая международное право как науку, Камаровский проводил в своей книге мысль о том, что оно есть «логический вывод из принципов всех других отраслей права и в то же время их естественное и глубокое *завершение*». В этом отношении, продолжал он, «международное право занимает в системе правоведения то же место и значение, которое, по отношению всех областей человеческого знания, принадлежит философии, как дисциплине их всех объединяющей и завершающей. Но есть между ними и важное различие, лежащее в том, что указанное положение международного права не есть только, как положение философии, чисто теоретическое, отвлеченное и логическое, — а прежде всего *живое* и поэтому *разносторонне-реальное*»[1]. Таким образом, в системе научной юриспруденции Камаровский отводил международному праву роль науки наук. Но знание его основ он считал обязательным не только для юристов, но и для государственных деятелей, политиков, журналистов, пишущих на международные темы и др. «В интересах всех, — писал он, — желательно более широкое распространение среди образованных классов знания начал международного права. Этим в значительной степени просветится ум населения, умерятся страсти и окрепнет мир. Разные политиканы и борзописцы менее будут иметь возможность играть судьбами народов ради своих личных и темных целей»[2].

В 1897 году Л. А. Камаровский опубликовал свой курс лекций по международному праву. Некоторые части курса, которые им не читались, были дополнены лекциями В. А. Уляницкого[3]. Впоследствии эта книжка неоднократно переиздавалась (в 1900, 1905, 1906 и 1908 гг.).

19 декабря 1897 года исполнилось 25 лет преподавательской деятельности Л. А. Камаровского в Московском университете. По Университетскому уставу профессора, прослужившие такой срок, должны были избираться Советом факультета на каждое новое пятилетие, причем для того, чтобы считаться избранными, им необходимо было получить две трети голосов. Граф Камаровский успешно прошел эту процедуру и решением Совета юридического факультета от 26 февраля 1898 года был оставлен на университет-

---

[1] Основные вопросы науки международного права. С. 84.

[2] Там же. С. 91.

[3] См.: *Камаровский Л. А., Уляницкий В. А.* Международное право. М., 1897.

ской службе еще на пять лет[1]. 19 декабря 1899 года ему было присвоено звание заслуженного ординарного профессора.

Последнее десятилетие жизни Л. А. Камаровского было, как и прежде, заполнено интенсивной научной деятельностью. В этот период вышли в свет такие его работы, как «Предложение России об ограничении вооружений» (Русская мысль. 1900. № 5. Ч. 2. С. 69—99), «Международное право в XIX веке» (М., 1901), «Современные штаты Европы: по вопросам о международной организации Европы» (Русская мысль. 1902. № 9. Ч. 2. С. 1—31), «Христианская нравственность и международные отношения» (Вера и церковь. 1903. Кн. 5. С. 810—827) и др. Характеризуя творчество графа Л. А. Камаровского, В. Э. Грабарь писал: «Любовь к труду сделала из него самого плодовитого из русских международников, и не только русских. По складу своего ума он скорее популяризатор науки, чем оригинальный мыслитель. Но все его работы проникнуты одной мыслью, одним духом — беззаветной преданностью идее международного общения, международной организации, пацифизма. В этом смысле он представлял собою очень самобытную, оригинальную личность»[2].

12 января 1905 года исполнялось 150 лет Императорскому Московскому университету. Русские ученые предполагали отметить эту торжественную дату целой серией юбилейных торжеств. Ими были подготовлены многочисленные «адреса» и «послания» в адрес старейшего университета России, в которых помимо поздравительных и славящих юбиляра сентенций излагались конкретные предложения о совершенствования российской системы университетского образования. В самый же день юбилея в Санкт-Петербурге должен был состояться специальный банкет, на котором его организаторами планировалось зачитать предназначавшуюся для правительства и составленную от имени наиболее авторитетных в русском обществе ученых «Записку о нуждах просвещения». Кровавые события 9 января 1905 года в центре Санкт-Петербурга заставили ученых отменить намечавшиеся торжества в честь 150-летия Московского университета. Упомянутая же «Записка» была просто опубликована за подписью 342 лиц, среди которых было 16 действительных членов Императорской Академии наук, 125 профессоров и 201 при-

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Ед. хр. 28. Л. 162—167.

[2] *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М.: Зерцало, 2005. С. 391.

ват-доцент высших учебных заведений России. Подписал данный документ и граф Л. А. Камаровский.

По содержанию это был настоящий политический манифест. Совершенствование системы образования ставилось в нем в прямую связь с полным и коренным преобразованием современного строя России на началах законности, политической свободы, народного представительства для осуществления законодательной власти и контроля над действиями администрации. Ученые, подписавшие его, вполне сознавали степень опасности этого своего поступка. Все они имели статус государственных служащих, с которым было сопряжено немалое количество материальных благ, и который давал им возможность заниматься любимым творческим делом. «Всякому понятно положение человека, внезапно лишившегося средств существования, — писал К. А. Тимирязев, — но не всякому доступно оценить, чего лишает себя ученый не по мундиру только, который он носит, а по призванию, когда лишает себя обстановки, без которой немыслима его деятельность»[1]. И репрессии со стороны властей в отношении подписантов действительно готовились. В Министерстве народного просвещения обсуждалось применение к ним таких мер, как освобождение от должности или приостановление выдачи им жалованья. Президент Академии наук великий князь Константин Романов в своем циркулярном письме поставил подписантам на вид «внесение в науку политики и нарушение долга подданных» и рекомендовал им отказаться от жалованья, получаемого от «порицаемого правительства». Но ученые не дрогнули. «Мы считаем, что наша прямая обязанность была высказать, в чем мы видим исход из настоящего тяжелого состояния. На нас лежит этот нравственный долг перед отечеством, которому мы обязаны своим высоким положением, и перед народом, из средств которого составляется получаемое нами казенное содержание»[2], — ответил великому князю академик Алексей Ляпунов.

Дальнейший ход событий в России в течение 1905 года заставил правительство забыть об оппозиционной «выходке» ученых. Политический кризис, особенно в Санкт-Петербурге и Москве, обострился настолько, что многие политические деятели заговорили уже о революции. В этих условиях самодержавная власть пошла

---

[1] *Тимирязев К. А.* Наука и демократия. М., 1968. С. 50.

[2] Цит. по: *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов В. К.* Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 1. 1724—1917. М., 1977. С. 315.

на уступки обществу: 17 октября 1905 года был издан «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», вменивший в обязанность правительства «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Сразу после этого в России стали возникать политические партии. Первой среди них оформилась конституционно-демократическая партия. Ее учредительный съезд прошел с 12 по 18 октября 1905 года. Он объявил партию образовавшейся и принял ее программу. В состав этой партии вошли многие правоведы.

Граф Л. А. Камаровский не остался в стороне от развернувшегося в России партийного движения. Он решил связать свою политическую судьбу с партией «Союз 17 октября», которая начала организационно оформляться с конца октября 1905 года, а свой первый съезд провела в феврале 1906 года. В программе партии, принятой на этом съезде, политическим идеалом октябристов объявлялась «наследственная конституционная монархия, в которой император, как носитель верховной власти, ограничен постановлениями Основных законов». Данный идеал в полной мере разделял и Л. А. Камаровский, входивший в состав Центрального Комитета партии «Союз 17 октября» и занимавший некоторое время пост товарища председателя партии А. И. Гучкова.

На 3-м Всероссийском съезде партии октябристов, проходившем в Москве в зале Политехнического общества на Мясницкой улице с 4 по 8 октября 1909 года, граф Камаровский выступал с приветственным словом по случаю открытия заседаний съезда и с докладом, представленным от имени секции Центрального Комитета «Союза 17 октября» по вероисповедным вопросам.

Текст этого доклада был написан самим Камаровским, в нем отражались его воззрения на взаимоотношения государства с церковью. «Свобода вероисповедания, — говорил он, — понимается как признаваемое государством право каждого беспрепятственно исповедывать свою веру и проявлять ее в обрядах культа совместно с другими лицами, исповедующими ту же религию. Но такая свобода не может быть безусловной. Она не равносильна отделению церкви от государства. Наше государство, как государство христианское, должно оказывать христианству особое покровительство, так как начало христианской религии — главная опора человеческих законов и основа гражданского порядка. Как в государстве рус-

ском, Греко-восточному православию должно быть предоставлено первенствующее и господствующее положение, так как православная вера исторически связана с судьбами русского государства и составляет основу миросозерцания огромного большинства русского народа»[1]. При этом Камаровский особо подчеркивал в своем докладе, что «преимущества господствующей православной церкви не должны иметь характера преследования других религий»[2].

Состояние русской церковной организации Камаровский оценивал весьма критически. В числе главных ее недостатков он выделял, в частности: «1) Ослабление живой связи между членами церкви; 2) отсутствие самодеятельности во внутренней жизни церковного общества; 3) преобладание во всех областях церковной жизни крайнего формализма и бюрократизма и 4) чрезмерное влияние государства, лишающее церковь должной свободы и независимости»[3].

В 1909 и 1910 годах в жизни Л. А. Камаровского произошло сразу несколько событий, которые свидетельствовали об общественном признании его научных заслуг в области международного права. В 1909 году он был назначен императором Николаем II членом (от России) Постоянной Палаты Третейского суда — международного арбитражного органа, учрежденного в 1899 году в Гааге на основе конвенции о мирном разрешении международных столкновений. 4 декабря 1910 года его избрали член-корреспондентом Петербургской Академии наук по разряду историко-политических наук историко-филологического отделения (в академии отсутствовал разряд юридических наук).

В 1909 году Л. А. Камаровский был избран на должность декана юридического факультета Московского университета. При этом недостаток денежных средств заставлял его читать лекции не только в стенах своей alma mater, но и в Народном университете им. А. Л. Шанявского и на Высших женских юридических курсах.

В конце 1910 года по университетам Российской империи покатилась волна студенческих митингов и забастовок. Стремясь предотвратить превращение учебных заведений в политические клубы, министр народного просвещения Л. А. Кассо подготовил циркуляр «О временном недопущении публичных и частных студенческих

---

[1] Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Том 2. 1907—1915 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 100.

[2] Там же. С. 101.

[3] Там же. С. 100.

собраний в стенах высших учебных заведений», который был издан от имени Совета министров 11 января 1911 года[1]. Согласно циркуляру, в стенах высших учебных заведений России запрещалось проводить студенческие собрания и митинги, в случае же, если этот запрет нарушался, на градоначальников возлагалась обязанность принимать с помощью полиции быстрые и решительные меры для восстановления правопорядка.

15 января Совет Московского университета, заслушав на своем заседании предложения управляющего Министерством народного просвещения по исполнению на практике Постановления Совета министров от 11 января 1911 года, принял решение: объявить студентам о необходимости иметь при себе входные билеты, дозволять в стенах университета исключительно собрания научного характера. Эти меры оказались недостаточными для наведения в Московском университете надлежащего порядка. 27 января группа агрессивно настроенных студентов начала здесь забастовку. Не только преподаватели, но и многие студенты не поддержали ее[2]. Стремясь вовлечь в противоправительственную акцию как можно больше молодых людей, организаторы ее запугивали тех студентов, кто хотел учиться и не желал принимать какого-либо участия в политических мероприятиях. Дело доходило до того, что студентов, уклонявшихся от участия в митингах и забастовке, оскорбляли и даже били, не пускали в учебные аудитории.

Ректор Московского университета А. А. Мануйлов не захотел или не смог восстановить должный порядок во вверенном ему учебном заведении. В результате эту функцию взял на себя Московский градоначальник. Он послал в университетские здания полицейских. Руководство университета восприняло эти вполне логичные действия градоначальника и полиции как грубое нарушение университетской автономии. 28 января состоялось чрезвычайное заседание Совета университета, на котором ректор А. А. Мануйлов «представил совету доклад о создавшемся в университете положении и заявил, что при таких условиях он не видит возможности нести на себе обязанности ректора и подает прошение об отставке[3]. Такие

[1] См.: Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Ч. 32. С. 41—43.

[2] В январе 1911 г. в Московском университете обучалось в целом 9940 студентов, на юридическом факультете — 3890 студентов.

[3] О том, что руководство Московского университета подаст в отставку в случае возникновения в стенах университета беспорядков, было известно преподавателям Московского университета еще 19 января. О предполагаемой отставке рек-

же заявления были сделаны помощником ректора М. А. Мензбиром и проректором П. А. Минаковым. Совет <...> признал, что при создавшемся положении выборная университетская администрация не может нести возложенные на нее обязанности»[1].

1 февраля министр народного просвещения Л. А. Кассо принял отставку руководства Московского университета. На следующий день в «Правительственном вестнике» был опубликован Высочайший указ об увольнении А. А. Мануйлова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова от административных должностей. Одновременно им воспрещалось заниматься научной и преподавательской деятельностью в университете.

Исполняющим обязанности ректора Московского университета был назначен декан юридического факультета Л. А. Камаровский. Ему удалось возвратить в университет целый ряд ушедших из него в знак солидарности с прежним ректором преподавателей, он сумел добиться от властей выполнения правила, по которому полицейские могли входить в университетские здания только по просьбе руководства университета.

Выборы нового ректора Московского университета были назначены на 22 апреля 1911 года. Леонид Алексеевич собирался участвовать в них, и он, несомненно, был бы избран на этот пост, но судьба оказалась немилосердна к нему. Нелепый трагический случай не позволил графу Камаровскому стать ректором Московского университета. Екатерина Леонидовна в своих мемуарах описала произошедшее с ее отцом следующим образом: «Он шел на выборы в ректоры в университет и, имея ослабленный слух на одно ухо, попал под трамвай во время перехода через дорогу. Я живо помню всякую деталь этого случая и все, что тогда пережила. У меня до сих пор сохранились многочисленные вырезки из газет, где подробно описывался этот случай с отцом. Выборы ректора были отложены ввиду этого, а затем папа снял совсем свою кандидатуру по болезни»[2].

тора Мануйлова и его команды писала 19 января 1911 г. профессору юридического факультета Московского университета Е. Н. Трубецкому, пребывавшему в то время в Риме, Маргарита Кирилловна Морозова (вдова фабриканта М. А. Морозова). При этом она ссылалась на В. М. Хвостова («Веня говорит, что если возникнут беспорядки, то Мануйлов и К^{о} подадут в отставку и тогда начало конца автономии» (Отдел рукописей РГБ. Фонд 171. К. 7б. Л. 35).

[1] Цит. по: газета «Русские ведомости». 1911. 29 января.

[2] Графиня Камаровская. Воспоминания // *Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф.* Воспоминания. М., 2003. С. 149.

30 апреля 1911 года состоялись выборы нового ректора Московского университета: эту должность занял профессор русской истории Матвей Кузьмич Любавский (1860—1936).

Леонид Алексеевич Камаровский после трагического случая, произошедшего с ним 22 апреля 1911 года, так и не поправился. Из-за общего ослабления организма в нем обострилась никогда, кажется, его не покидавшая болезнь легких — туберкулез. 8 декабря 1912 года он скончался, прожив на этом свете 66 лет и девять месяцев без недели.

Дмитрий Иванович Азаревич

(1848—1920)

ДМИТРИЙ Иванович Азаревич родился 1 октября 1848 года в г. Горы-Горки Могилевской губернии в семье профессора законоведения Горы-Горецкого земледельческого института. В возрасте 8 лет Дмитрий Азаревич был послан родителями на учебу в немецкую Анненскую школу в Санкт-Петербурге. Смерть отца, повлекшая за собой ухудшение материального положения семьи, заставила мальчика перейти в 3-ю Санкт-Петербургскую классическую гимназию. По окончании в 1866 году гимназического курса с золотой медалью он поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета.

В студенческие годы определился на всю последующую жизнь главный научный интерес Д. И. Азаревича: в центре его внимания оказалось римское право. В 1870 году за выпускное сочинение «О договоре доверенности» он получил золотую медаль. В том же году Дмитрий Азаревич был принят в стипендиаты кафедры римского права для подготовки к преподавательской деятельности.

Осенью 1872 года Азаревич выдержал магистерский экзамен, а 3 декабря успешно защитил в публичном диспуте на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета диссертацию на звание магистра гражданского права. Ее темой было «О различии между опекой и попечительством по римскому праву». Незадолго до защиты она вышла в свет в качестве книги[1]. Оппонентами диссертанта являлись С. В. Пахман и Л. Б. Дорн.

Магистерская работа Азаревича, в которой была предпринята попытка доказать отсутствие в римском праве различия между опекой и попечительством, не осталась незамеченной среди российских правоведов. Известный в то время цивилист И. Г. Табашников дал следующую оценку труду молодого ученого: «Книга Азаре-

[1] *Азаревич Д. И.* О различии между опекой и попечительством по римскому праву. СПб., 1872.

вича есть явление весьма утешительное для наших юристов. Она доказывает, что и в нашем отечестве есть люди, которые вовсе не пренебрегают изучением римского права. Она доказывает также, что хотя г. Азаревич и увлекся духом новаторства и зашел несколько дальше дозволенного, но что тем не менее он одарен тонким юридическим чутьем и богатою диалектикой»[1]. При этом Табашников указал и на слабые стороны диссертации Азаревича. «Доказать отсутствие различия между опекою и попечительством в римском праве — вот к чему направлены все усилия и стремления автора, — констатировал он. — Так что вышеприведенное заглавие... вовсе не соответствует содержанию книги, которую вернее было бы озаглавить: о безразличии между опекою и попечительством»[2]. Упрекнув диссертанта в том, что он избрал для своего исследования узко-специальную тему, рецензент отметил далее, что «Автор в своем исследовании отправлялся от точки зрения полицейского права, находя, что главное назначение и опеки, и попечительства заключается в охранении имущества несовершеннолетних», но «почти все постановления гражданского права направлены к охранению имущества частных лиц, и следовательно, придерживаясь точки зрения автора, можно было бы прийти к заключению, что между всеми институтами этого права нет никакой разницы»[3]. Табашников советовал Азаревичу «сравнить опеку и попечительство не по их цели или назначению, а по юридическому положению опекуна, попечителя и опекаемого»[4]. По его мнению, «отсюда легко вывести и различие между опекуном и попечителем по римскому праву. Первый заступает юридическую, публичную личность малолетнего во всех юридических действиях, последний является лишь обязательным пособником минора»[5].

В 1873 году Д. И. Азаревич был послан за границу для совершенствования познаний в юридических науках. По возвращении в Россию он был назначен на должность экстраординарного профессора по кафедре римского и гражданского права в Демидовском юридическом лицее.

Период работы Азаревича в Ярославле было для него временем интенсивных научных исследований в области истории древне-

[1] Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 5. Сентябрь. С. 211.
[2] Там же. С. 202.
[3] Там же. С. 203.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 206.

римского государства, римского и византийского права. В 1875 году вышел в свет его двухтомный труд «Патриции и плебеи в Риме. Историко-юридическое исследование». Новизна этой книги заключалась уже в самом методологическом подходе автора к фактам древнеримской истории.

«Самая основная и самая трудная работа в исследовании римских древностей, — отмечал Азаревич в начале первого тома, — это установление частных фактов, на которых строится представление; иначе последнее выйдет простою голословностью, как это в результате всех общих теорий и оказалось по отвержении их позднейшими писателями. Но при такой темноте, неполноте и противоречиях источников исследование этих частных вопросов истории древнего Рима должно идти не путем интерпретации в исторической последовательности рассказа наших источников, так как это значило бы выходить из их представления, построенного часто на весьма сомнительных и всегда кратких свидетельствах таких даже писателей, как Фабий Пиктор. Идя таким путем, представление данного вопроса строится уже на древнейших данных, под которое подводятся свидетельства позднейших достоверных времен. Поэтому мы полагаем, что в тех вопросах, по которым мы находим следы в достоверные времена римской истории, или которые только условливаются причинной связью вопросами историческими, следует выходить из этих позднейших данных, строить на них представление и затем, по мере возможности, приближаться до крайнего рубежа достоверной истории»[1].

Многие русские правоведы второй половины XIX века находились под огромным влиянием научных трудов Рудольфа фон Иеринга. Д. И. Азаревич был одним из тех, кто относился к творчеству немецкого правоведа весьма критически. Во втором томе книги «Патриции и плебеи в Риме» он указал на априорность его выводов, на его склонность подгонять факты под заранее выработанную схему. «Действительно, чем могла быть убедительнее конструкция Игеринга[2], например, перед гегелевской? — вопрошал русский ученый. — И там, и тут подтасовка римских институтов под предвзятые категории; и тут, и там источники приводятся только с тем, чтобы подтвердить взгляд, а не для наведения. При всем моем

[1] *Азаревич Д. И.* Патриции и плебеи в Риме. Историко-юридическое исследование. СПб., 1875. Т. 1. С. 7—8.

[2] Так у Азаревича.

уважении к трудам Игеринга, я еще прежде, при исследовании отдельных вопросов римского права, часто принужден был отказываться от таких взглядов, которые, как необходимые звенья входили в обширную его систему, а следовательно, расходился и с общими его взглядами по истории римского гражданского права. Это побудило меня искать нового общего исходного основания для исследований в истории римского права. С этой целью и предпринят был настоящий труд»[1].

Далее Азаревич разъяснял суть своего исследования древнеримского общества. «Выходя из положительно исторических данных, — писал он, — я путем умозаключений старался найти ту основную форму древнейшего римского общежития, которая объяснила бы все позднейшие формы римских гражданских институтов. В первом томе исследованием чисто государственных институтов я дошел до убеждения, что эта основная форма была *род, gens*, с единоличною неограниченною властью владыки, и прочими очерченными его чертами, т. е. римский род был прототипом римского государства, от которого отправлялось все последующее развитие, следы чего мы проследили до конца республики. Этот результат, проверенный на критическом анализе дуалистической теории в гражданском праве, как нельзя более подтверждался. Все главнейшие институты семейного и наследственного права объяснились основными чертами замкнутого, обособленного римского рода. Этим же характером рода обусловливались занятия и внутренний оборот у древних римлян, формальности которого дали достаточно оснований к предположению, что отношения между родами весьма легко могут быть уподоблены международным. В этом признаке лежит объяснение всего обязательственного права, судебных формальностей и вообще всех актов, символом которых была hasta (копье. — *В. Т.*)»[2].

В 1876 и 1877 годах в Ярославле вышла в двух частях книга Д. И. Азаревича «История византийского права»[3]. «Византийским правом» Азаревич называл в данной книге «римское право, отме-

[1] *Азаревич Д. И.* Патриции и плебеи в Риме. Историко-юридическое исследование. Т. 12. С. 174.

[2] Там же. С. 174—175.

[3] См.: *Азаревич Д. И.* История византийского права. Т. 1. Ч. 1. История Греко-римского права, от Юстиниана до Василия Македонянина: 534—867 гг. Ярославль, 1876; Ч. 2. История византийского права: период второй (867—1458 гг.). Ярославль, 1877.

ченное особенностями византийского элемента» или право, «исторически выработанное в Восточной Римской империи на началах частного римского права».

В 1879 году в Ярославле была напечатана небольшая (объемом в 136 стр.) работа Азаревича «Брачные элементы и их значение». В 1880 году он издал тексты трех своих лекций на тему «Античный мир и христианство», прочитанных в пользу «недостаточных» студентов Демидовского юридического лицея. Дмитрий Иванович показал в них, что «античная мысль сама собою дошла до таких начал нравственности, которые сильно напоминали христианство и расходились с основною житейскою моралью античного мира»[1]. При этом он отмечал, что хотя внутренняя предшествовавшая работа античного общества «значительно подготовила почву к восприятию нравственного учения христианской веры, но тем не менее мораль античного мира пред самой победой христианства... далеко не совпадала с христианской моралью»[2]. В данном обстоятельстве им усматривалась причина того, что «всеобщее признание христианской религии не отразилось немедленно в общественной нравственности»[3].

В 1882 году Д. И. Азаревич опубликовал в «Журнале гражданского и уголовного права» (кн. 9. С. 79—102) довольно обширную статью «Рудольф фон Иеринг», посвященную критическому анализу таких научных трудов этого немецкого правоведа, как «Дух римского права», «Борьба за право», «Цель в праве». Рассматривая метод его исследования, Азаревич писал в указанной статье: «Иеринга нельзя считать, по напечатанным до сих пор трудам, основателем какой-нибудь новой школы в правоведении. О школе можно говорить тогда, когда мы имеем дело с особенным приемом исследований, открывающим новые области для этих исследований или только ведущим к особенной постановке и решению научных вопросов. Особенностей же в приеме исследований Иеринга, сравнительно с приемами других ученых, положительно найти невозможно... Правда, если считать эклектизм за особенный метод, то Иеринг имеет полное право притязать на самостоятельность. Но едва ли можно смесь всевозможных известных уже методов, по условному

---

[1] *Азаревич Д. И.* Античный мир и христианство. Ярославль, 1880. С. 84.

[2] Там же. С. 85.

[3] Там же.

смыслу последнего слова, равно как и какую-либо особенность языка, относить к числу самостоятельных приемов исследований»[1].

Опираясь на выводы о происхождении древнеримского права, изложенные в «Духе римского права», Иеринг провел в книге «Борьба за право» идею о том, что всякое право в мире отвоевывается, всякое правовое положение утверждается лишь после победы над его противниками и, следовательно, существо права заключается в борьбе, а цель его — в мире. Оценивая эту концепцию немецкого ученого, Азаревич писал: «Но если бы Иеринг и доказал исторически, что право *всегда* происходит и существует путем борьбы, то отсюда еще не следует, что в самом понятии права заключается признак борьбы. Это следовало бы лишь тогда, когда право было бы немыслимо без такого признака. Иеринг, сводя свою теорию борьбы к определению права, говорит, что право не есть понятие логическое, а понятие силы (Kraftbegriff) и при этом упрекает в односторонности научную точку зрения современных теоретиков и философов права, которые смотрят на право, не столько с реалистической стороны, как понятия силы, а как на систему абстрактных правовых положений. Что касается до правового порядка государственного общежития, то право, по отношению к членам этого общежития, представляется властью, все преоборяющею; в этом выражается признак принудительного его осуществления, и с этой точки зрения можно сказать, что сила (принудительная) есть необходимый элемент в понятии права, но между людьми право остается правом, когда оно и не может быть осуществлено, когда власть отказывает ему в услуге»[2].

Русский правовед признавал, что первоначальное право, весьма вероятно, в главном своем составе отождествлялось с волей более сильного. «Но в то же время, — отмечал он, — на образование права могло влиять и сознание практической и логической необходимости, и этот фактор со временем выступает на первый план. Однако простая целесообразность не исчерпывает сущности права. Сила его основывается на отвращении к неправу не потому только, что сознается разумность данного правового порядка, а потому, что оно соответствует нравственным понятиям данного общежития. Без нравственного элемента немыслимо ни одно право, немыслимо по-

[1] *Азаревич Д. И.* Рудольф фон Иеринг // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 9. С. 81.

[2] Там же. С. 89—90.

этому и общежитие. Поэтому правовая обязанность совпадает с нравственною, сила права опирается на силу совести. Право и мораль, по внутренней сущности, вещи однородные. Говоря о силе и разуме, не следует забывать важнейшего из элементов права, элемента нравственного. Он возвышает право над понятием силы, а иногда и над сознанием разумности, целесообразности»[1]. С точки зрения такого взгляда на право Азаревич и критиковал Иеринга. У немецкого правоведа нравственный элемент не играл в учении о праве почти никакой роли.

Оценивая в целом творчество Рудольфа фон Иеринга, Д. А. Азаревич писал, что у него «везде проглядывает потребность и стремление философствовать, хотя он сам сознается в большом недостатке философского образования и в то же время высказывает, в интересах науки, пожелание, чтобы историк права и философ протянули друг другу руки. Поэтому в трудах Иеринга нередко встречаются усилия над давно уже сделанной работой, а также частое витание в неопределенной высоте чистых абстракций, в то время как он предполагает под собою крепкую историческую почву. Главное общее значение Иеринга до настоящего времени ограничивалось тем, что всякий его труд, по указанным качествам, возбуждал к более глубокому анализу подлежащих вопросов и тем вызывал целую литературу, за которой сам Иеринг иногда терялся вовсе. Одним словом, Иеринг, по меткому выражению Кунце[2], играет роль Sturmvögel — птицы, предвещающей бурю»[3].

В 1877 году Д. И. Азаревич защитил на юридическом факультете Императорского Новороссийского университета в Одессе докторскую диссертацию на тему «Прекариум по римскому праву». Она была издана в том же году в виде отдельной книги[4]. В 1882 году Дмитрий Иванович был избран на должность ординарного профессора указанного университета: ему было поручено читать на юридическом факультете лекции по римскому праву[5], русскому гражданскому праву и курс торгового права после введения его в программу обучения студентов-юристов Университетским уставом 1884 года.

---

[1] Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 9. С. 90—91.

[2] Азаревич имеет в виду Иоганна-Эмиля Кунце (1824—1894), немецкого юриста, профессора Лейпцигского университета.

[3] Там же. С. 121—122.

[4] *Азаревич Д. И.* Прекариум по римскому праву. Ярославль, 1877.

[5] См.: *Азаревич Д. И.* Из лекций по римскому праву. Вып. 1. Одесса, 1885.

В 1886 году Азаревич стал деканом юридического факультета Новороссийского университета, но проработал он в этой должности недолго. 11 апреля 1887 года Дмитрия Ивановича избрали на должность ординарного профессора Варшавского университета по кафедре гражданского права и гражданского судопроизводства, и он переехал из Одессы в Варшаву. «Обозрение преподавания предметов в Императорском Варшавском университете» на 1896/97 учебный год показывает, что он читал здесь лекции не только по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству, но и по торговому праву[1]. На основе последних им были подготовлены «Очерки по торговому праву», первый выпуск которых вышел в свет в Варшаве в 1897 году.

В год переезда Азаревича в Варшаву вышла в свет его двухтомная книга «Система римского права», подводившая итоги его многолетних исследований в этой области[2]. Но самым крупным трудом ученого в варшавский период его преподавательской деятельности был курс судоустройства и судопроизводства по гражданским делам, выпущенный им в трех томах в 1891—1900 годах[3].

В списках преподавателей Варшавского университета на 1904/05 учебный год имя профессора Д. И. Азаревича отсутствует. В 1915 году он упоминался в одном из юридических периодических изданий как бывший профессор Варшавского университета[4]. По некоторым сведениям, Дмитрий Иванович Азаревич умер (или погиб) в 1920 году.

* * *

Научное наследие Д. И. Азаревича состоит из полутора десятков книг (некоторые из них вышли в 2—3-х томах) и целого ряда

---

[1] Эти же предметы профессор Азаревич преподавал студентам юридического факультета Императорского Варшавского университета в 1900/01, 1901/02, 1903/04 учебных годах.

[2] См.: *Азаревич Д. И.* Система римского права. Т. 1. СПб., 1887; Т. 2. Ч. 1. Варшава, 1888; Т. 1. Ч. 2. Варшава, 1889.

[3] См.: *Азаревич Д. И.* Судоустройство и судопроизводство по гражданским делам. Т. 1. Вып. 1. Варшава, 1891; Т. 1. Вып. 2. Варшава, 1892; Т. 2. Вып. 1. Варшава, 1894; Т. 2. Вып. 2. Варшава, 1896; Т. 3. Варшава, 1900.

[4] В июне 1915 г. Императорский Варшавский университет был эвакуирован в Ростов-на-Дону. В оккупированной немцами Варшаве в ноябре 1915 г. состоялось открытие чисто польского учебного заведения, в котором преподавание велось исключительно на польском языке, польскими учеными и для польских студентов.

журнальных статей, рецензий, переводов иностранных произведений на русских язык.

Взгляды ученого на право вообще в наиболее ясной форме были выражены им в торжественной актовой речи «Соблюдение законов», произнесенной в Варшавском университете в 1890 году. Ее текст, объемом в 31 страницу, был в том же году опубликован в «Варшавских университетских известиях» и издан в виде отдельной брошюры. Немало обобщений относительно права содержится и в работах Азаревича более конкретного характера, посвященных, например, римскому праву. В книге «Система римского права» он писал: «Назначение права состоит в определении деятельности человека. Итак, право состоит в ограничении воли или свободы, иначе — право есть мера свободы»[1].

Внутреннее основание обязательности действующего права Азаревич видел в началах разума и справедливости. При этом им подчеркивалось, что право не утрачивает своей силы в том случае, когда кто-либо находит его предписания несправедливыми и неразумными. «Следует энергетически восставать против того учения, — заявлял он, — по которому соблюдение положительного права ставится в зависимость от оценки его справедливости и разумности»[2]. «Право должно осуществлять своими предписаниями веления справедливости и разума — таковы требования и к законодателю, но в жизни первой непосредственной мерой для данных действий человека является само положительное право»[3].

Справедливость права заключается, по мнению Азаревича, в том, что оно не считается с домогательствами отдельных лиц, с чисто личными стремлениями и пожеланиями, а распределяет между заинтересованными полагающееся им всегда по равной для всех мерке. «По содержанию своему, — делал вывод ученый, — право есть внешний жизненный порядок, устанавливающий равновесие эгоизмов отдельных лиц»[4]. Эту цивилизующую роль право способно играть только потому, что оно является выражением общих для всех духовных ценностей, формируется не произволом отдельного лица или группы лиц, облеченных высшей властью, но всей культурной жизнью народа. «Как произведение культуры, отмеченное

---

[1] *Азаревич Д. И.* Система римского права. Т. 1. СПб., 1887. С. 43.

[2] *Азаревич Д. И.* Соблюдение законов. Варшава, 1890. С. 7.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 12.

духовными особенностями данного народа в результате всего его исторического развития, — писал Азаревич, — положительное право представляется духовной составляющей связью, святыней в сердце национальной общности. Оно устанавливается не отдельными какими-либо стремлениями, а всей совокупностью духовной жизни данного народа. Его основательно считают за выражение общей воли, а потому всякое начало может быть отменено только общею же волею. Это следует уже из самой логики права»[1].

Азаревич смотрел на право как на нравственное явление. Он считал, что оно, отличаясь свойством целесообразности, должно со всей необходимостью соответствовать общественной морали. Моральные нормы того или иного общества составляют опору его права. Поэтому, утверждал ученый, «христианские государства должны бороться против таких этических теорий, которые противоречат христианскому правовому строю, хотя бы эти учения исходили из религиозных представлений (например, еврейский талмуд). Государства обязаны всеми средствами ограничивать влияние такого учения, чтобы не обречь себя на постоянную борьбу за свои правовые нормы и в конце концов не погибнуть под гнетом нравственного растления всего остального населения. По этому всему совершенно основательно думают, что государство, между прочим, не должно выпускать школы из своих рук, обязано ограждать ее от вторжения учений, противоречащих признанному в нем порядку»[2].

Однако не только народные нравы воздействуют на право, но и право в свою очередь оказывает влияние на нравы. «Положительное право, — писал Азаревич, — проникает всю жизнь народа, пропитывает всю почву, на которой работает человек. Право есть зеркало своего времени»[3]. Нельзя допустить, подчеркивал он, чтобы закон обходился или отменялся распоряжениями административных или судебных властей. Такое явление прямо оскорбляет правовое чувство граждан, а с другой стороны, способствует возникновению незаконных притязаний.

Утверждая, что право, как и другие области духовной жизни народа, должно быть *национальным*, то есть формироваться из исторических основ национальной жизни, считая вредными «заимствования западного формализма» российскими правоведами, Аза-

[1] *Азаревич Д. И.* Соблюдение законов. С. 11.
[2] Там же. С. 19.
[3] Там же. С. 23.

ревич вместе с тем высказывал убеждение в том, что «современная культура мыслима лишь при взаимном воздействии народов друг на друга, что народы друг друга восполняют, делая друг от друга заимствования и материальных, и духовных благ»[1].

Отличительной особенностью Азаревича как ученого была его способность видеть общее, закономерное в исключительно частных, мелких и единичных вещах. С самого начала своей научной деятельности Дмитрий Иванович постоянно слышал упреки в том, что он занимается слишком узкими, специальными темами. В 1887 году в «Журнале гражданского и уголовного права» (Кн. 8. Октябрь. С. 131—138) правовед А. Х. Гольмстен поместил рецензию на первый том книги Азаревича «Система римского права», в которой заявил, что автор напрасно останавливается на таких чисто римских институтах, как рабство, которые «отжили свой век и для современного быта никакого значения не имеют» (с. 135). В предисловии ко второму тому своей книги Дмитрий Иванович ответил на этот упрек следующим образом: «Если я укажу на тот факт, что и на Западе не существует многих римских институтов, как например, рабства, а тем не менее они находят такое же подробное, как у меня, изложение в курсах по догме римского права, то в словах г. Гольмстена должно искать какого-то недоразумения. Мне кажется, г. Гольмстен просто упустил из виду, из каких материалов общая наука гражданского права создавала свои общие начала, строго систематизированные. Путем отвлечения от римского рабства и переходных к свободе состояний правоведение выработало общее учение о правоспособности и ее ограничениях»[2].

В этом предисловии Азаревич дал отповедь и С. А. Муромцеву, который, будучи редактором журнала «Юридический вестник», поместил в его ноябрьском номере за 1887 год (с. 504—513) довольно грубую рецензию на первый том «Системы римского права». «Итак, что представляет из себя научная личность самого г. Муромцева? — вопросил Дмитрий Иванович и ответил, будто кнутом ударил: — «В немногих словах: *с научной и педагогической стороны вся деятельность г. Муромцева на поприще права была одним сплошным развратом*. Прежде всего у г. Муромцева нет ни одного чисто юридического труда. С самого начала он занялся подражанием сильному, оригинальному Иерингу»[3].

---

[1] *Азаревич Д. И.* Соблюдение законов. С. 28.

[2] *Азаревич Д. И.* Система римского права. Т. 2. Ч. 1. Варшава, 1888. С. III.

[3] Там же. С. V.

О самом главном произведении Муромцева — опубликованной в 1883 году книге «Гражданское право Древнего Рима» — Азаревич написал: «Книга эта представляет невозможное искажение прекрасного юридического труда Пернице «Antistius Labeo. Das röm. Privatrecht im ersten Jahrh. D. Keiserzeit»[1], из которого г. Муромцев умудрился сделать какой-то социологический этюд, почти без юридического материала»[2]. После этого Дмитрий Иванович с иронией заметил: «Муромцеву же принадлежит та новая мысль, что для судьи закон не должен иметь обязательной силы»[3].

Стремление ниспровергать самые громкие авторитеты (например, Иеринга) и общепризнанные концепции в области юриспруденции, которым с самого начала своей научной деятельности отличался Азаревич, не могло не вызывать к нему со стороны ряда его коллег неприязненного отношения. В статье о нем, помещенной в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» (СПб., 1886. Вып. 1. С. 134—139), составленном С. А. Венгеровым, о его репутации в среде российских правоведов говорилось следующее: «Исследования Азаревича прочно за ним установили среди наших ученых юристов репутацию человека талантливого, способного работать и обладающего обширнейшею эрудицией по избранной им специальности, но зато, с другой стороны, за ним столь же прочно установилась репутация человека, до того обуреваемого неудержимым стремлением во что бы то ни стало сказать что-нибудь новое и оригинальное, что это стремление ведет его к целому ряду натяжек и софизмов, в общем сильно подрывающих научное значение его исследования».

Взгляды Д. И. Азаревича на современное ему общество выражали общее настроение европейской интеллектуальной элиты того

---

[1] Азаревич имеет в виду в данном случае немецкого правоведа, ординарного профессора римского права в Берлинском университете Лотаря Антона Альфреда Пернице (Lothar Anton Alfred Pernice, 1841—1901), автора пятитомного труда о римском частном праве первого столетия времен империи — «*Pernice L. A. A.* Marcus Antistius Labeo. Das römische Privatrecht im 1. Jahrhundert der Kaiserzeit. Halle, 1873—1900). Первый том этого произведения, вышедший в 1873 г., удостоился высокой оценки среди специалистов. См., например, рецензию на него правоведа Алоизия Бринца в издании: Kritische Vierteljahresschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. 1874. Bd. 16. S. 246—251. Второй том книги Пернице вышел в 1878 г. С. А. Муромцев назвал во вступлении к основному тексту своей книги «еще не оконченный труд А. Пернице» в числе пособий, которыми он пользовался при ее написании.

[2] Там же.

[3] Там же. С. VI.

времени. Стержнем его был пессимизм, проистекавший из утраты веры в прогресс человечества, в его счастливую будущую судьбу. «Теперь уже нельзя потемнить никакими посторонними соображениями весь ужас того положения вещей, при котором человечество систематически, с колоссальными тратами и с крайним напряжением разрабатывает искусство избивать сотнями тысяч себе подобных»[1], — грустно констатировал Д. И. Азаревич в 1890 году в актовой речи в Варшавском университете. О своей стране он при этом говорил: «Россия уже давно засвидетельствовала пред всем светом твердое намерение к миру, полный отказ от своекорыстной политики. Но при настоящих влияниях Запада и при постепенном вооружении азиятских наших соседей мы должны желать развития нашего военного могущества, принося на это дело все умственные и физические средства. Только при сознании своей силы дорогая наша Родина может спокойно работать над развитием своего внутреннего нравственного и материального благосостояния, смело смотря по ту сторону границ на замыслы единичных и соединенных ее врагов»[2].

[1] *Азаревич Д. И.* Соблюдение законов. С. 29.
[2] Там же. С. 31.

Николай Семенович Суворов

(1848—1909)

НИКОЛАЙ Семенович Суворов родился в 1848 году в селе Затугомье Солигаличского уезда Костромской губернии. Его отец служил дьяконом в сельской церкви. По свидетельству профессора Московского университета по кафедре церковного права Павла Васильевича Гидулянова, детство Н. С. Суворова было тяжелым. Помимо Николая в семье было девять детей, а дохода церковная служба отца почти не давала никакого. Поэтому семья жила едва ли не впроголодь. Вероятно, именно по этой причине Николай Семенович не любил впоследствии вспоминать о своем детстве[1].

Первоначальное образование Николай Суворов получил в уездном духовном училище. Затем учился в Костромской духовной семинарии. По завершении в 1868 году семинарского курса обучения Николай Суворов получил в качестве награды за отличную учебу направление для поступления в Санкт-Петербургскую духовную академию. Для способного молодого поповича открывалась дверь на лестницу успешной церковной карьеры. Но он отказался от лестного предложения. «Не пышная иерейская мантия, а наука неотразимо манила к себе и привлекала сердце даровитого юноши»[2]. Он решил продолжить свое образование в университете.

Для поездки в Санкт-Петербург необходимы были деньги. Чтобы заработать их, Николай Суворов возвратился в уездный городок Солигалич. 12 сентября 1868 года он был определен на должность учителя латинского языка в местное духовное училище — в то самое учебное заведение, из которого за несколько лет до этого был выпущен. В течение года Николаю Суворову удалось скопить необходимую денежную сумму. 15 сентября 1869 года он уволился из

---

[1] См.: *Гидулянов П. В.* Николай Семенович Суворов // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1909 год. Ч. 1. М., 1910. С. 433.

[2] Там же. С. 434.

Солигаличского духовного училища[1] и поступил в студенты юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

Недостаток материальных средств заставлял студента Суворова совмещать учебу с работой (в основном в качестве домашнего учителя). Однако и в этих условиях ему удавалось находить время и силы для интенсивных занятий науками.

В конце 60-х и в начале 70-х годов в Санкт-Петербургском университете преподавала целая группа талантливых русских правоведов: специалист по государственному праву А. Д. Градовский (1841—1889), правовед-международник Ф. Ф. Мартенс (1845—1909), цивилист С. В. Пахман (1825—1910), государствовед и историк права В. И. Сергеевич (1832—1910), криминалист[2] И. С. Таганцев (1843—1923) и др. Их лекции вызывали большой интерес у Николая Суворова, тем не менее в качестве предмета для специального изучения он выбрал церковное право. Студент-попович, с отличием окончивший духовную семинарию, имел для успешных занятий этой наукой необходимую богословскую подготовку. С другой стороны, выбор Николаем Суворовым церковного права был продиктован, вероятно, и тем, что данная наука была в то время сравнительно новой для российских университетов.

Преподавание церковного права началось в России в 1776 году, когда митрополит Московский Платон (1737—1812) ввел этот предмет в программу обучения Московской духовной академии. В 1798 году Святейший синод распорядился организовать изучение церковного права и в других духовных академиях. Вплоть до 1814 года преподавание церковного права осуществлялось на основе инструкции, составленной митрополитом Платоном, и сводилось к объяснению содержания Кормчей книги. С 1814 года церковное право

---

[1] Среди документов Императорского Московского университета, хранящихся в Центральном Историческом архиве г. Москвы, есть обращение ректора университета к директору Демидовского юридического лицея, датированное 29 февраля 1900 г.: «Согласно личному заявлению ординарного профессора, действительного статского советника Суворова о том, что в делах канцелярии вверенного Вам лицея имеются сведения о правах службы, проведенной Суворовым в Солигаличском духовном училище, в должности учителя латинского языка с 12 сентября 1868 г. по 15 сентября 1869 г., как значится в формулярном списке, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сообщить мне, на основании каких законоположений время упомянутой службы проф. Суворова подлежит зачету в срок выслуги лет на пенсию» (ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 68. Д. 47. Л. 6).

[2] В русской юриспруденции XIX века «криминалистами» называли специалистов в области уголовного права.

стало преподаваться по программе, разработанной ректором Санкт-Петербургской духовной академии архимандритом Филаретом (1783—1867). Данная программа предполагала систематическое изложение всего курса церковного права.

На юридических факультетах российских университетов преподавание церковного права было введено в 1835 году. До 1863/64 учебного года эта наука изучалась студентами-юристами в рамках курса богословия и поэтому была обязательна только для лиц православного вероисповедания. «Общий устав Императорских Российских университетов», введенный в действие Именным указом императора Александра II, данным Правительствующему сенату 18 июня 1863 года[1], предусмотрел в числе кафедр, которые полагались для юридического факультета, кафедру церковного законоведения.

С 1868 года лекции по церковному праву на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета читал магистр богословия[2] и государственного права[3], а с 1871 года доктор государственного права[4] Михаил Иванович Горчаков (1838—1910). Именно он стал научным руководителем Николая Суворова.

Богословское образование М. И. Горчаков получил в Костромской духовной семинарии, которую окончил в 1857 году за одиннадцать лет до выпуска из нее Николая Суворова, а также в Санкт-Петербургской духовной академии.

По выпуску из академии в 1861 году М. И. Горчаков был назначен на должность псаломщика русской церкви в Штутгарте. Это

---

[1] См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Отд. I. Т. 38. № 39752.

[2] Степень магистра богословия М. И. Горчакову была присвоена в 1865 году Санкт-Петербургской духовной академией за сочинение «О церковных историках первых VIII веков христианства».

[3] Степень магистра государственного права М. И. Горчаков получил в 1868 году в результате успешной защиты диссертации по теме: «Монастырский приказ (1649—1725 гг.). Опыт историко-политического исследования» (эта работа вышла в свет отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1868 году).

[4] Степени доктора государственного права М. И. Горчаков был удостоен в 1871 году за работу «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Святейшего Синода» (опубликована в том же году). В 1881 году Киевская духовная академия присвоит М. И. Горчакову степень доктора богословия за сочинение «О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей» (в 1880 году оно было издано в виде отдельной книги).

дало ему возможность в течение двух лет посещать лекции по теологии и каноническому праву в Тюбингенском, Гейдельбергском и Страсбургском университетах.

В 1864—1865 годах М. И. Горчаков обучался юриспруденции на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, посещая занятия в качестве вольнослушателя. В 1865 году он был награжден серебряной медалью за сочинение «О происхождении и системе преторского эдикта». В том же году им был успешно сдан экзамен на степень кандидата прав.

13 мая 1868 года М. И. Горчаков был избран штатным доцентом кафедры церковного законоведения, 12 апреля 1871 года — экстраординарным профессором. 15 октября 1873 года он станет ординарным профессором Санкт-Петербургского университета по кафедре церковного законоведения.

В 1873 году Николай Суворов завершил курс университетского обучения. По рекомендации профессора Горчакова он был оставлен при Санкт-Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре церковного законоведения.

В качестве темы своей магистерской диссертации молодой правовед выбрал церковные наказания. До него это явление в России никто не изучал. Тему о церковных наказаниях нельзя было исследовать, не затронув такой острой проблемы, как юрисдикция органов церковного управления. Поэтому богословы не решались обратиться к ней. А правоведы — специалисты в области уголовного права по вполне понятным причинам не считали церковные наказания предметом светской юриспруденции.

Отсутствие работ по теме церковных наказаний в русской православной литературе по церковному праву вынудило Н. С. Суворова обратиться к западноевропейской науке канонического права, в которой эта тема разрабатывалась в течение нескольких веков. Материалы по истории права римско-католической церкви позволили русскому правоведу разработать такие теоретические вопросы церковного права, которые невозможно было в то время объяснить на материалах истории Русской православной церкви.

В 1876 году в Санкт-Петербурге вышла в свет книга Н. С. Суворова «*О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву*». 10 апреля 1877 года данная работа была защищена им в качестве магистерской диссертации.

По мнению П. В. Гидулянова, сочинение «О церковных наказаниях» было по своей методологии исключительным явлением в

области тогдашнего русского церковного права. «Беря в руки магистерскую диссертацию Н. С. Суворова, читатель чувствует, что имеет дело с правом, юриспруденцией, а не с нравоучительным богословием. В этом отношении первая работа Н. С. [Суворова] выгодно отличается от всех работ его современников. Здесь римский дух, здесь правом пахнет»[1].

1 июня 1877 года Н. С. Суворов был назначен на должность исполняющего должность экстраординарного профессора Демидовского юридического лицея в Ярославле по кафедре церковного законоведения. В этом учебном заведении Николай Семенович преподавал двадцать два года. Помимо церковного права ему приходилось читать лекции также по римскому праву и гражданскому законодательству.

В 1884 году Н. С. Суворов защитил на юридическом факультете Императорского Московского университета диссертацию на соискание степени доктора церковного права. Ее название — «*Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов*»[2] — свидетельствует, что он продолжал разрабатывать тему, которую начал исследовать в своей магистерской диссертации. Рассматривая церковную юрисдикцию в том виде, в каком она сложилась в период времени с 325 года до 788 года[3], Суворов обращал-

[1] *Гидулянов П. В.* Николай Семенович Суворов. С. 435.

[2] В 1884 году эта работа Н. С. Суворова была опубликована во «Временнике Демидовского юридического лицея» (т. XXXIV—XXXVI). В 1906 году она вышла в свет вторым, исправленным, изданием в виде отдельной книги. В предисловии к нему Н. С. Суворов писал: «Более двадцати лет прошло со времени первого издания этого исследования, но ожидавшихся мною плодотворных для науки работ в области православного церковного права появилось, к сожалению, слишком мало, чтобы считать затронутые мною вопросы продвинутыми далее на пути к разъяснению. Между тем потребность в изучении древнецерковного строя жизни сделалась в настоящее время более настоятельною, чем когда-либо. Прежде чем реформировать существующий порядок, нужно его понять, а это последнее невозможно без достаточного запаса знаний, без приведения в ясность того, что совершалось на протяжении истории».

[3] Первым вселенским собором было совещание 318-ти предстоятелей церквей из Азии, Африки и Европы, собравшихся в царствование императора Константина Великого в 325 году в городе Никее. Седьмой и последний вселенский собор был созван в 786 году. Его заседания должны были проходить сначала в Константинополе, но иконоборцы не позволили участникам собора продолжать свою работу. В 787 году заседания собора возобновились в Никее. Последнее же, восьмое, заседание седьмого вселенского собора состоялось в Константинополе в императорском дворце в 788 году.

ся не только к церковным канонам, но и к светскому законодательству, а также к фактам из церковной истории. Главные выводы, к которым он пришел, изучая исторические документы и факты, заключались в следующем: 1) «Церковная дисциплина периода вселенских соборов имеет свои корни в первых трех веках христианства, когда на установление ее влияли, с одной стороны, отношения между христианством и языческим миром, а с другой стороны, воззрения христианских религиозных партий, стремившихся к поддержанию путем дисциплины, идеальной святости церкви»; 2) при христианских императорах требования особенной, духовной, дисциплины были «возведены в государственный закон»; 3) «личное отношение христианских императоров к церковному дисциплинарному суду было таково, что, с одной стороны, римский принцип верховной императорской юрисдикции был распространяем и на церковь, а с другой стороны, сам император не был изъят от дисциплинарного церковного суда»; 4) органы государственного управления «обязаны были блюсти за исполнением узаконенных церковно-дисциплинарных требований и приводить в исполнение приговоры церковного дисциплинарного суда»; 5) «церковная юрисдикция, в отличии от церковного дисциплинарного суда, как совокупность судебных прав, выделенных государством из его государственно-судебной компетенции, с перенесением этих прав на церковь не могла возникнуть ранее христианских императоров»; 6) «исключительная подсудность духовенства в качестве ответствующей процессуальной стороны церковному суду по делам гражданским (исключительная, впрочем, только в первой инстанции) установилась со времени императора Юстиниана I. Напротив, по обвинениям духовных лиц в уголовных преступлениях и в законодательстве Юстиниана I общим правилом остается подсудность духовенства государственному суду».

Профессор А. С. Павлов (1832—1898), выступавший во время защиты Н. С. Суворовым докторской диссертации в качестве первого официального оппонента, высоко оценил это произведение, назвав его «весьма заметным вкладом» в мало разработанную науку русского канонического права.

После защиты докторской диссертации Н. С. Суворов приступил к подготовке учебного курса по церковному праву. Желая учесть в нем все последние достижения западноевропейской науки церковного права, ученый отправился в заграничную командировку для работы в лучших библиотеках и архивах стран Западной Европы.

В 1889 и в 1890 годах в Ярославле вышли в свет два тома «*Курса церковного права*» Н. С. Суворова[1] (в т. XLIX—LVI «Временника Демидовского юридического лицея» и отдельной книгой).

В 1888 году в Ярославле вышла в свет книга Н. С. Суворова «*Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права*». Николай Семенович предпринял в этой работе попытку доказать, что русское и юго-славянское церковное право испытало в процессе своего формирования серьезное влияние не только византийского, но и западноевропейского церковного права. Данная идея Суворова вызвала резкое неприятие со стороны профессора А. С. Павлова, преподававшего в то время церковное право на юридическом факультете Московского университета. Критике работы Н. С. Суворова «Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права» А. С. Павлов посвятил целую книгу, которая была опубликована в Москве в 1892 году под названием «Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права». В ответ на это произведение Н. С. Суворов выпустил в 1893 году книгу «*К вопросу о западном влиянии на древнерусское право*»[2], в которой попытался еще раз обосновать свою идею о влиянии западноевропейского церковного права на русское. Поясняя суть своих расхождений с профессором А. С. Павловым, Николай Семенович писал, что его оппонент «держится «православной» теории «света с востока», отрицая всякое влияние запада на восток потому только, что по православной теории свет должен быть всегда с востока, а не с запада, даже и в области *истории права*. Я, напротив, считаю нужным отличать отвлеченно-религиозную сферу богословских вопросов и практическую сферу церковного порядка и в этой последней сфере приписываю западной церкви не только самостоятельную правообразовательную деятельность, но и влияние на восток вообще и в частности на древнеславянское церковное право»[3].

---

[1] Они были опубликованы в т. XLIX—LVI «Временника Демидовского юридического лицея» и, кроме того, изданы в виде отдельных книг: первый том — объемом 380 с., второй — 530 с.)

[2] В 1894 году текст данной книги Н. С. Суворова был опубликован на страницах «Временника Демидовского юридического лицея» (т. LXIII. С. 129—224; т. LXIV. С. 225—334).

[3] *Суворов Н. С.* К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. По поводу книги проф. А. С. Павлова «Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права». Москва, 1892». Ярославль, 1893. С. V.

Помимо темы влияния западноевропейского церковного права на церковное право Древней Руси Н. С. Суворов разрабатывал во второй половине 80-х годов XIX века также тему брачно-семейного права. В 1887 году в Ярославле вышла в свет его книга «О гражданском браке»[1]. В 1888 году им была опубликована в журнале «Юридический вестник» (кн. 1. С. 3—38; кн. 3. С. 353—399) статья «Заключение брака в Западной Европе в Средние века. В 1889 году в «Юридическом вестнике» (кн. 8. С. 478—522) вышла в свет статья Н. С. Суворова «О безбрачии как о последствии расторжения брака по причине прелюбодеяния». В 1891 году в данном журнале (кн. 9. С. 3—24) была опубликована его статья «Западно-каноническое учение о диспенсации (об исключениях из общих законов о браке)».

Одной из наиболее значительных работ Н. С. Суворова, написанной им в период преподавания в Демидовском юридическом лицее города Ярославля, стало сочинение «*Об юридических лицах по римскому праву*». Оно было опубликовано в 1892 году в трех томах «Временника Демидовского юридического лицея» (т. LVII—LIX) и в виде отдельной книги. Второе издание этого сочинения, «значительно дополненное и измененное» вышло в свет в Москве в 1900 году[2].

Теме юридического лица был посвящен целый ряд и других работ Н. С. Суворова. В первой половине 90-х годов XIX века им усиленно разрабатывался вопрос о юридических субъектах в сфере церкви. Итогом этих исследований стали три статьи Н. С. Суворова, опубликованные в 1895—1896 годах на страницах «Журнала Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете»[3]. Русское церковное право не содержало сколько-ни-

---

[1] См.: *Суворов Н. С.* О гражданском браке // Временник Демидовского юридического лицея. 1887. Т. XLIV. С. 1—93. Отдельное издание: Ярославль, 1887. Второе издание данной книги, значительно расширенное в объеме, вышло в свет в Санкт-Петербурге в 1896 году.

[2] В 2000 году текст второго издания книги «Об юридических лицах по римскому праву» вышел в свет в издательстве «Статут». В предисловии к нему, написанном В. С. Емом, Н. В. Козловой и Н. Ю. Селяковым, дается краткая биография Н. С. Суворова и анализируются главные идеи, высказанные ученым в данной книге.

[3] См.: *Суворов Н. С.* Центральная организация церкви как юридическое лицо // Журнал Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. 1895. Кн. 5. С. 27—54; *он же.* Архиерейский дом и епархия как юридические лица // Там же. Кн. 10. С. 41—92; *он же.* Монастыри и церкви как юридические лица // Там же. 1896. Кн. 6. С. 60—98.

будь определенных положений относительно субъекта права собственности на церковное имущество. Это обстоятельство давало Н. С. Суворову основание утверждать, что «вопрос о юридических субъектах в области церкви, с теоретической стороны, есть вопрос науки гражданского права, которая при его разрешении должна руководиться общими теоретическими началами относительно природы юридических лиц и относительно тех предположений, при которых может быть признана за тем или другим церковным институтом или за тою или другою церковною корпорацией юридическая личность, а со стороны практической — предмет, подлежащий регулированию гражданского законодательства»[1].

В 1898 году вследствие смерти А. С. Павлова в Императорском Московском университете освободилась должность ординарного профессора по кафедре церковного права. На эту должность был избран ординарный профессор Демидовского юридического лицея, действительный статский советник Н. С. Суворов. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству за № 2 от 6 января 1899 года он был назначен ординарным профессором Императорского Московского университета по кафедре церковного права с 1 января указанного года[2].

«Обозрение преподавания на юридическом факультете Императорского Московского университета на 1899—1900 академический год» показывает, что ординарный профессор Суворов читал в осеннем полугодии лекции по церковному устройству, а в весеннем полугодии — по церковному управлению по вторникам и пятницам с 10 до 12 часов. Кроме того, он вел практические занятия. Так продолжалось до 1905/06 учебного года. В «Обозрении преподавания на юридическом факультете Императорского Московского университета на 1905—1906 академический год» имя профессора Н. С. Суворова отсутствует в числе преподавателей, ведущих занятия. В 1906—1907 академическом году Н. С. Суворов читал на юридическом факультете Московского университета общий курс церковного права. Специальный же курс по церковному праву, посвященный брачному и церковно-имущественному праву, а также церковно-судному праву, читал приват-доцент П. В. Гидулянов. Он же вел и практические занятия по церковному праву.

---

[1] *Суворов Н. С.* Центральная организация церкви как юридическое лицо. С. 29.

[2] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 68. Д. 47. Л. 3.

1908/09 учебный год был последним в преподавательской деятельности Н. С. Суворова. Не отличавшийся крепким здоровьем, Николай Семенович часто болел, но с 1908 года болезненное состояние стало для него постоянным. 6 августа 1909 года он умер.

Характеризуя человеческие качества Н. С. Суворова, П. В. Гидулянов писал о нем в своем биографическом очерке: «Суровая жизненная школа, которая выпала на его долю, наложила отпечаток на его внешний вид и характер. Н. С. [Суворов] производил впечатление серьезного, замкнутого человека. Он порою бывал резок в своих суждениях и нетерпелив. Но для тех, кто знал его вне официальной обстановки, нетрудно было убедиться, что под суровою внешностью скрывается мягкое сердце, которое обнаруживается в кругу родных или немногочисленных знакомых, где Н. С. [Суворов] становился как бы другим человеком»[1].

* * *

В историю русской юриспруденции Н. С. Суворов вошел как человек, заложивший основы науки церковного права в России. «Современная русская наука церковного права, — отмечал П. В. Гидулянов, — создана трудами двух ученых: А. С. Павлова и Н. С. Суворова. Они в истинном смысле отцы и основатели этой науки у нас в России. Но если Павлов, расчистив дорогу и исследовав источники, обтесал камни, приготовил материал, то Суворов велик тем, что он своим творческим гением создал из них прочный, непоколебимый фундамент и наметил план для дальнейших работников, дав церковному праву научную конструкцию и систему. Благодаря Н. С. [Суворову] церковное право из свода благочестивых размышлений, каким оно было доселе, превратилось в стройную юридическую науку, ничем не уступающую своим собратьям на Западе»[2].

Убедительным доказательством справедливости этой оценки Н. С. Суворова как ученого-правоведа служит его «Учебник церковного права», первое издание которого вышло в свет в Ярославле в 1898 году. Второе его издание было напечатано в Москве в 1902 году. В предисловии к нему Николай Семенович написал: «Дать учащемуся юристу по возможности сжатое, избегающее многословия и в то же время не опускающее ничего важного, опирающееся

[1] *Гидулянов П. В.* Николай Семенович Суворов. С. 439.
[2] Там же. С. 437.

при том же на исторические основы, изложение системы науки церковного права — такова была моя цель...»

Вышедшее в 1908 году третье издание «Учебника церковного права» отличалось от второго издания целым рядом исправлений. Некоторые части текста предыдущего издания были в нем опущены, но немало было сделано и добавлений.

В 1912 году было опубликовано четвертое издание рассматриваемого учебника. Оно ничем не отличалось от третьего. Разве только тем, что вышло в свет после смерти его автора[1].

Составители тогдашних учебников и руководств по церковному праву обыкновенно старались увязать систему изложения материала с природой церковной организации и поэтому описывали сначала внутреннее устройство церкви, затем структуру церковного управления и внешние отношения церкви. Заключительная часть учебного курса посвящалась при такой системе учению об источниках церковного права. Н. С. Суворов полагал, что его учебник церковного права должен строиться по следующей системе: «1) исторический очерк развития церковного устройства, 2) исторический очерк развития источников церковного права, 3) догматическое изложение церковного устройства, 4) церковное управление и 5) внешние отношения церкви»[2].

Н. С. Суворов отличал церковное право от канонического. «*Церковное* право как совокупность норм для определения церковных отношений не совпадает с *каноническим* правом, — писал он. — Под именем канонического права разумеется в восточной церкви то право, которое содержится в канонах периода вселенских соборов, а в западной — право, содержащееся в Corpus Juris canonici. Церковные отношения настоящего времени как в автокефальных церквах восточного православия, так и на западе, только отчасти определяются каноническим правом в означенном смысле, главным же образом определяются нормами позднейшего происхождения, как церковного, так и государственного»[3]. По мнению Н. С. Суворова, каноническим правом следует называть все то право, которое произошло от церкви, независимо от того, регулирует оно церковные или гражданские отношения. А церковным правом — все то

[1] Текст данного издания учебника был недавно переиздан в серии «Русское юридическое наследие». См.: *Суворов Н. С.* Учебник церковного права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004.

[2] Там же. С. 9.

[3] *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 1908. С. 5—6.

право, которое касается церкви как религиозного союза, независимо от того, создано оно самой церковью или государством.

Н. С. Суворов полагал, что по-настоящему церковное право в качестве науки было разработано только в Западной Европе. В Византии же и в России церковники занимались составлением сборников и комментированием их содержания, «не доходя до систематического изложения общих начал церковного права»[1].

Главным объектом научного изучения для русского ученого должно быть, отмечал Суворов, «русское православное церковное право». Однако так как христианство и христианская церковь явились в мире раньше, чем явился на исторической сцене русский народ, и русская церковь есть лишь одна из христианских церквей, то научное изучение русского церковного права невозможно «без приведения его в связь с древне-христианской историей и с общим ходом развития церкви на востоке и на западе»[2].

Материал по истории развития западного христианства Суворов считал полезным для объяснения соответствующих явлений в истории русского церковного права.

Утверждая, что наука церковного права есть юридическая, а не богословская наука, Суворов вместе с тем признавал, что понимание догматического учения церкви необходимо для уяснения существа как целой системы церковного устройства, так и отдельных его институтов.

---

[1] *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. М., 1908. С. 7.

[2] Там же.

Афиноген Яковлевич Антонович

(1848—1915)

АФИНОГЕН Яковлевич Антонович родился в 1848 году в Волынской губернии в семье священника. Первоначальное образование он получил в Киевской духовной семинарии. По завершении в 1869 году обучения в ней поступил на юридический факультет университета Святого Владимира в Киеве. В 1873 году он окончил университет со степенью кандидата прав и поступил на работу в Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства в качестве доцента по кафедре политической экономии, статистики и законоведения.

В 1877 году Антонович защитил в Варшавском университете диссертацию на степень магистра политической экономии по теме: «Теория ценности. Критико-экономическое исследование». В том же году она вышла в свет в виде книги[1].

В течение 1878 года Антонович опубликовал целую серию статей по правовым проблемам сельского хозяйства[2]. В 1879 году его назначили на должность экстраординарного профессора Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства.

С 1882 года А. Я. Антонович преподавал полицейское право и политическую экономию на юридическом факультете Киевского университета Святого Владимира[3], сначала в качестве приват-доцента, а затем экстраординарного профессора. Одновременно он читал лекции по этим наукам на Высших женских курсах.

---

[1] *Антонович А. Я.* Теория ценности. Критико-экономическое исследование. Варшава, 1877.

[2] *Антонович А. Я.* Черезполосное землевладение, его происхождение и хозяйственное значение // Сельское хозяйство и лесоводство. Журнал Министерства государственных имуществ. 1878. Ч. 127. С. 301—319; *его же.* Экономико-юридические основания разверстания черезполосных земель // Там же. Ч. 128. С. 55—75; *его же.* Общинный труд в сельском хозяйстве // Там же. С. 93—119.

[3] См.: *Антонович А. Я.* Курс политической экономии. Лекции, читанные в университете Святого Владимира. Киев, 1886; *его же.* Лекции по полицейскому праву. Конспект. Житомир, 1887 (литография); *его же.* Курс государственного благоустройства (полицейского права). Ч. 1. Киев, 1889; Ч. 2. Киев, 1890.

В 1883 году А. Я. Антонович успешно защитил в публичном заседании юридического факультета Киевского университета докторскую диссертацию на тему: «Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты». Ее текст был опубликован в киевских «Университетских известиях» и вышел в свет отдельной книгой[1].

В 1883—1886 годах А. Я. Антонович был редактором газеты «Киевлянин», которую издавал Д. И. Пихно. С 1887 года Афиноген Яковлевич начал издавать собственную литературно-политическую и экономическую газету под названием «Киевское слово».

Данная газета была основана 25 декабря 1886 года при содействии С. Ю. Витте, который был в то время управляющим Юго-Западными железными дорогами и жил в Киеве. В своих воспоминаниях об этой истории, надиктованных стенографистке в феврале 1911 года, Витте объяснял собственное участие в «Киевском слове» необходимостью иметь трибуну для полемики с финансистом Д. И. Пихно, издававшим газету «Киевлянин» и критиковавшим на ее страницах тарифную политику, которая проводилась Министерством путей сообщения и управляющим Юго-Западными железными дорогами. По словам Витте, «Пихно держался довольно либерального направления и часто нападал на железнодорожную политику в России вообще и на Юго-Западные дороги в частности. Мы не сходились с ним и в финансовых вопросах; он держался и в финансах направления более либерального, а я более консервативного. Все это, вместе взятое, вынудило меня принять участие в основании газеты (в Киеве) «Киевское слово». Случилось это таким образом. У Пихно его заместителем был профессор Антонович, который в университете читал полицейское право, а также был доктором финансового права. Этот Антонович представлял собою тип хитрого малоросса, который был угодлив в отношении своего коллеги и начальника по газете — Пихно, но не сочувствовал его направлению. Мне случилось с этим Антоновичем познакомиться. Он мечтал, как бы ему отделиться от Пихно, и так как я не хотел взять на себя открытие газеты в Киеве, потому что я считал, что это положение несовместимо с местом управляющего Юго-Западными дорогами, то в конце концов газета эта была открыта на имя Ан-

[1] *Антонович А. Я.* Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты // Университетские известия. Киев, 1883. Кн. 6—8. С. 1—262. И отдельное издание: Киев, 1883.

тоновича, и Антонович сделался как ее редактором, так и издателем»[1].

Летом 1892 года С. Ю. Витте был назначен управляющим Министерством финансов, а 1 января 1893 года его утвердили в должности министра. Когда спустя три месяца в Министерстве финансов освободилось место одного из товарищей (заместителей) министра[2], то Сергей Юльевич предложил эту должность Антоновичу[3]. Афиноген Яковлевич переехал в Санкт-Петербург, оставив «Киевское слово» на попечение нового редактора[4].

Витте надеялся, что его новый заместитель будет во всем его поддерживать, но ему довольно быстро пришлось убедиться в обратном. В воспоминаниях, диктовавшихся в конце апреля 1911 года, Сергей Юльевич назвал назначение Антоновича заместителем министра финансов своей ошибкой, объяснив, что сделал ее потому, что Антонович написал о денежном обращении докторскую диссертацию. «Это была одна из тех книг, которую я читал ранее, нежели специально занялся этим предметом, будучи министром финансов, — рассказывал Витте. — Мне казалось — да так было и в действительности, — что Антонович весьма твердо высказывался за необходимость металлического обращения, но я не принял во внимание характера этого человека, характера, с одной стороны, грубого и некультурного. Он, по своей натуре, гораздо больше думал о своей мелкой пользе, нежели о том, будет ли совершена денежная реформа или нет. Когда Антонович увидел, что не только Петербург, но и вся Россия восстала против этой реформы, то он, конечно, начал вилять, а затем и сам стал высказываться против этой реформы. Антонович был недурной человек, порядочный русский профессор, но замечательно хитрый хохол; очень маленький

---

[1] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 152.

[2] 28 марта 1893 г. занимавший должность товарища министра финансов А. С. Ермолов был назначен управляющим Министерством государственных имуществ.

[3] В своих воспоминаниях, надиктованных стенографистке в феврале 1911 г., Витте рассказывал об этом назначении Антоновича следующее: «Когда я сделался министром финансов, то он очень просил меня, чтобы я его сделал своим товарищем. Когда открылось место одного из товарищей министра финансов, я это место предложил Антоновичу, и он в течение года с чем-то был у меня товарищем по моему посту министра финансов» (Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. С. 154).

[4] Газета «Киевское слово» выходила до 1906 г.

по своему характеру и мировоззрению. В деталях, конечно, он меня сбивал. Так, например, он принял значительное участие в преобразовании Государственного банка, и если бы его не было, то новый устав Государственного банка был бы иной; он бы в большей степени отразил ту основную мысль, что Банк нужно преобразовать именно потому, что государство решило совершить денежную реформу, основанную на металле. Антонович ввел туда различные параграфы, которые я пропустил, расширяющие деятельность Государственного банка в смысле выдачи различных долгосрочных ссуд, основанных не на верных и краткосрочных обеспечениях. Действительно, эта часть нового устава Государственного банка не находилась в полной гармонии с идеей преобразования денежного обращения в России, и впоследствии мне иногда это ставили в вину, ибо, когда устав этот вошел в силу, мне же самому пришлось принимать меры, чтобы Банк не совершал тех или иных операций долгосрочных и недостаточно обеспеченных, которые тем не менее разрешались по его уставу, мною проведенному»[1].

К характеристике деятельности А. Я. Антоновича в Министерстве финансов С. Ю. Витте возвратился в своих воспоминаниях еще раз, когда рассказывал о людях, с которыми ему довелось работать в этом учреждении. Естественно, что он не мог при этом умолчать о своевольном товарище министра. «Я познакомился с Антоновичем, когда я был в Киеве управляющим Юго-Западными железными дорогами, — вспоминал Сергей Юльевич в декабре 1911 года. — Он на меня производил сравнительно благоприятное впечатление, и некоторые из его книг, в особенности книга «О денежном обращении», имели на меня некоторое влияние, так как книга эта несомненно имеет некоторое достоинство. В книге о денежном обращении Афиноген Яковлевич Антонович высказывался за твердость денежной валюты (впрочем, иначе и не может высказаться каждый правомерный и понимающий дело финансист), каковая твердость возможна лишь при базировании ее валюты на цене не колеблющегося в ценности металла; в прежнее время таким металлом было серебро, а в настоящее время только золото. Затем Антонович нравился мне своей простотой и хохлацкою хитростью. Но в скором времени я в нем разочаровался, так как, приехав в Петербург и по-

[1] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. С. 369—370.

пав в совершенно необычную для него обстановку, Антонович, будучи человеком совершенно невоспитанным, постоянно делал всевозможные выходки как в Государственном совете, так и в Министерстве финансов и, таким образом, в скором времени стал служить посмешищем. Но главная причина, заставившая меня отнестись к нему отрицательно и расстаться с ним, состояла в том, что Антонович был вовлечен в круг различных интриг, и главным образом известным публицистом Шараповым, человеком большого публицистического таланта, но очень слабой нравственности, умершим в нынешнем году. Вследствие этого Антонович, вопреки тем идеям, которые он проводил в своих ученых сочинениях, начал проповедовать теорию благополучия при бумажном денежном обращении, т. е. вечно колеблющейся цене рубля, подвергающегося всякой недобросовестной спекуляции. Такие аллюры Антоновича вынудили меня с ним расстаться. Конечно, он писал императору различные записки против меня, но император Николай в то время, да и вообще во все время своего царствования, вполне мне доверял во всех делах, касающихся чистых финансов»[1].

С. Ю. Витте был, конечно, в целом весьма пристрастен в мемуарной характеристике личных качеств бывшего своего заместителя (так же как, впрочем, и в оценке других людей, с которыми сталкивался на государственной службе[2]), но его рассказ об Антоновиче ценен прежде всего приводимыми в нем фактами из жизни этого человека.

В 1895 году Сергей Юльевич, не желая более терпеть при себе излишне самостоятельного в своих действиях Антоновича, отстранил его от должности товарища министра. В мемуарах, диктовав-

[1] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. С. 429.

[2] Так, например, другого своего заместителя — В. Н. Коковцова, занимавшего пост товарища министра финансов с 1 марта 1896 г. до 14 апреля 1902 г., — Витте характеризовал следующим образом: «Коковцов — это тип петербургского чиновника, проведшего всю жизнь в бумажной петербургской работе, в чиновничьих интригах и угодничестве», «Коковцов — человек рабочий, по природе умный, но с крайне узким умом, совершенно чиновник, не имеющий никакой способности понимать явления, которые не видны из бумаг, и не имеющий никаких способностей ухватывать финансовые настроения, т. е. способности государственного банкира. Что же касается его моральных качеств, то он, я думаю, человек честный, но по натуре карьерист, и он не остановится ни перед какими интригами, ложью и клеветой, чтобы достигнуть личных карьеристических целей» (Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 369—370).

шихся в декабре 1911 года, он рассказывал о дальнейшей судьбе бывшего своего заместителя: «Я упросил государя, чтобы его сделать членом Совета министра народного просвещения, дать ему содержание в 8000 руб. и разрешить ему жить, где он хочет. Все это было исполнено. Антонович купил себе имение, поселился где-то в Волынской губернии и там живет. Иногда он приезжает в Киев; конечно, он сделался моим врагом, так что после 1905 г. Антонович и Пихно в известной мере сошлись, хотя одно время они были большими врагами. Сошлись они именно на том, что оба они, и Пихно, и Антонович, для карьерных целей сделались ярыми черносотенцами. Это привело Пихно в Государственный Совет, а что касается Антоновича, то он остался у себя в имении, а теперь живет в Киеве, кажется, на пенсии»[1].

Точную дату смерти А. Я. Антоновича мне установить не удалось. По наиболее достоверным данным, умер Афиноген Яковлевич в 1915 году, то есть в один год с Витте. Но в некоторых справках об Антоновиче в качестве даты его смерти указывается 1917 год.

* * *

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона А. Я. Антонович характеризовался как ученый, который «в своих трудах придерживается направления более практического, чем научного, избегая касаться наиболее важных и жгучих вопросов». При этом отмечалось, что «специальную литературу за последние 20—30 лет он совсем игнорирует, оставаясь верным старым учебникам»[2]. Автором этих слов был публицист Л. З. Слонимский. Подобную характеристику Антоновича он дал и в статье о нем, опубликованной в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых». По его словам, «придерживаясь направления более практического, чем научного, Антонович в своих работах довольствуется большею частью пересказом или разбором чужих мнений и избегает касаться наиболее важных и жгучих вопросов современной политической экономии»[3].

---

[1] Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. С. 154.

[2] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 12 томах. Биографии. М., 1991. Т. 1. С. 375.

[3] Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней) / Составитель С. А. Венгеров. Вып. 1. СПб., 1886. С. 650.

Такие оценки творчества Антоновича нельзя назвать справедливыми. Содержание его произведений показывает, что он обладал поистине энциклопедическими познаниями. Идеи, высказывавшиеся Антоновичем, были не результатом заимствований из трудов других ученых, но плодом многолетней самостоятельной мыслительной работы. Он не уходил от социальных проблем, как это утверждал Слонимский, да и не мог уйти от них. Ведь предметом его занятий были политическая экономия и полицейское право — науки социальные по своему характеру. «Политическая экономия, — отмечал Антонович, — есть наука о социальных законах борьбы с эфемерностью индивидуального существования, т. е. о законах восполнения личности социэтарностью, о законах социализации личности»[1]. В более кратком определении он писал о политической экономии как о науке, изучающей «законы общественности в деятельности людей»[2].

Основная причина неприятия А. Я. Антоновича как ученого со стороны современных ему публицистов коренилась в его патриотических взглядах. «Патриотизм, — писал он, — издавна возмущал многих публицистов социалистического направления, и они с усердием стремятся упразднить его, объявив, что он представляет собою лишь историческое создание, не коренящееся в природе человека. Но возможно ли слепому от рождения социальными условиями создать зрение или внушить понятие о цветах? Если бы в человеке не было потенции к патриотизму, то не нашлось бы сил создать патриотические чувства, как невозможно дереву привить человеческие мысли»[3]. Возражая тем, кто превозносил Петра I и видел в этом деспоте, насильственно насаждавшем в русском обществе западноевропейские порядки, спасителя России, Антонович заявлял: «Нет, и без Петра I Россия существовала бы. Думать иначе, значит забывать великий народ, создавший первое на земном шаре по своей величине государство и из-за государственных забот, из-за устроения государства забывшего даже свое частное домостроительство»[4].

Русский ученый видел, что с конца XIX века европейское общество начало все более отходить от идеала индивидуальной сво-

---

[1] *Антонович А. Я.* Основания политической экономии. Киев, 1914. Т. 1. С. 1.
[2] Там же. С. 21.
[3] Там же. С. 230.
[4] Там же. С. 408.

боды, провозглашенного во второй половине XVIII века, и стало все более склоняться к тоталитаризму, который выступил в обличье социализма. «Индивидуальная свобода приносится в жертву на *алтарь нового Молоха — Свободы Всех*. И жертвоприношения попрежнему совершаются, но только уже не во имя Бога, но во имя *Кармана Всех*»[1], — писал он в 1914 году.

В этих условиях главным социальным вопросом современной ему эпохи Антонович считал вопрос спасения человека, сохранения его личности. «*Спасти* человека, его достоинство, его развитие, его душу — вот задача и смысл социального вопроса, — заявлял он. — Поэтому социальный вопрос есть индивидуальный. Все сводится к условиям наилучшего развития *души человека* как личности. Это *критерий* всей политической экономии. И велика заслуга русских писателей, уяснивших сущность *субъективного метода*. Велика тем более, что им приходилось работать среди полнейшего подавления достоинства человеческой личности не только правительством и историей, но и теоретиками, уничтожавшими личность во имя всяческих механизмов идеалистической диалектики, экономического материализма, исторического детерминизма. Они одиноко светили во тьме, и тьма их не объяла, не потушила светильников»[2].

В своих трудах по политической экономии А. Я. Антонович большое внимание уделял проблеме сущности государства. Он стремился определить его истинное назначение, границы его деятельности. «Пора согласиться, — писал Антонович в своей докторской диссертации, — что личный интерес в организации народного благосостояния не имеет того значения, какое приписывалось ему классиками политической экономии. Личный интерес может противоречить общественному; выгода одного может быть в противоречии с благосостоянием другого; благосостояние данного поколения может быть учетом благосостояния будущих поколений и т. д. Государство как представитель общих интересов и как юридическая личность, не прекращающая своего существования со смертью отдельных лиц и поколений, имеет право и обязанность регулировать частные интересы согласно с требованиями общего благосостояния настоящих и будущих поколений. Такое регулирование, как

[1] *Антонович А. Я.* Основания политической экономии. Т. 1. С. 408.
[2] Там же. С. 455.

видим, в большей или меньшей мере и существует в действительности, в виде непосредственного вмешательства государственной власти в те или иные хозяйственные отношения, по своему значению вызывающие необходимость особого покровительства»[1].

Главное общественное назначение государства Антонович видел в создании условий для «наилучшего развития свободной личности». По его мнению, действуя в этом направлении, государство обязано: «1) предоставлять полноту свободы личной энергии во всех сферах деятельности, 2) создавать и вызывать к жизни условия подъема личных сил путем ассоциации их, наблюдая в то же время, чтобы не происходило подавления личности как в ассоциациях внутри, так и в действиях союзов на других, и 3) *созидая усилиями всех*, т. е. податями, все *общее*, без чего не мыслима полнота личной свободной жизни, т. е. устрояя школы, пути сообщений, капитал и т. д.»[2].

Именно интересы развития личности, считал ученый, требуют, чтобы точно были определены пределы государственной сферы, поскольку каждый выход государственной власти из нее равносилен прямому или косвенному аннулированию человеческой личности. «Деспотия, — писал он, — это государство вне государственной сферы. Когда оно насилует насильника, оно в своей сфере. Переходя к насилию в сфере совести, оно само становится насильником»[3].

Антонович полагал необходимым точно определить пределы государственной сферы. Каждое выступление носителей государственной власти из нее он уподоблял прямому или косвенному аннулированию человеческой личности. По его словам, государственная сфера «в сущности может быть сведена к приведенному нами положению, что задача государства состоит *в создании наилучших условий роста и развития личности*»[4].

Отрицательно относясь к насильственному вторжению государства в область духовной жизни общества, Афиноген Яковлевич считал вполне допустимым, а в условиях современной ему России даже необходимым, активное воздействие государства на экономи-

---

[1] *Антонович А. Я.* Теория бумажно-денежного обращения и государственные кредитные билеты. Киев, 1883.

[2] *Антонович А. Я.* Основания политической экономии. Т. 1. С. 455.

[3] Там же. С. 456.

[4] Там же. С 457.

ку. «Старое суеверие о невмешательстве государства в экономическую жизнь произвело у нас так называемое мирное завоевание страны иностранными капиталистами. Естественные богатства, приобретенные трудом и кровью предков, мирно отдаются иностранцам потомками, полагающими, что в распродаже наследия отцов заключается даже заслуга — распространение культуры! Во имя этой культуры нам остается и свою свободу продать, поступив в рабство к иноземным капиталистам. И наступит время, когда наши потомки не будут даже понимать тех идей, которыми мы руководимся, распродавая иностранцам родину. Им мы будем казаться дикарями, отдавшими богатства за блестящие, желтенькие побрякушки»[1].

Признавая главным объектом заботы со стороны государства личность, Антонович вместе с тем высказывал мнение о том, что истинная его сила заключается в развитом гражданском обществе. «И теперь видим, — заявлял он, — что наиболее сильны лишь те государства, в коих начала общественности получили наибольшее развитие. Историческая эволюция только таким государствам даст право на будущность, ибо где нет миров, там слаба и подавлена личность, а где слаба и подавлена личность, там нет будущности для государства»[2].

В развитии же различных форм человеческой общности Антонович придавал большое значение духовному фактору. Так, одной из скреп нации он считал историческое сознание. «Без прошлого нет наций, нация — это мертвые, сплачивающие живых своим духом»[3], — утверждал он.

Под полицейским правом А. Я. Антонович понимал науку, изучающую «правооснования для хозяйственного содействия со стороны общества и государства сохранению и развитию народного блага»[4]. К задаче этой науки он относил «изучение в разнообразии жизненных отношений хозяйственных норм для деятельности, направленной, с одной стороны, к охране существующего благосостояния, т. е. к предупреждению и пресечению действий, нарушающих существующее благосостояние; с другой же стороны — изу-

---

[1] *Антонович А. Я.* Основания политической экономии. Т. 1. С. 463.

[2] Там же. С. 488.

[3] Там же. С. 462.

[4] *Антонович А. Я.* Полицейское право и политическая экономия. Б. м. и г. С. 13.

чение хозяйственных норм для надлежащего содействия дальнейшему развитию народного блага»[1]. Таким образом, полицейское право рассматривалось им в качестве необходимого дополнения политической экономии. По его словам, полицейское право «изучает правооснования, при посредстве которых законы политической экономии находят надлежащее применение и достигается водворение народного благосостояния»[2].

[1] *Антонович А. Я.* Полицейское право и политическая экономия. С. 13.
[2] Там же.

Сергей Александрович Бершадский

(1850—1896)

Имя Сергея Александровича Бершадского в настоящее время забыто, но в конце XIX — начале XX века оно стояло в ряду имен самых известных русских правоведов. Выход в свет в 1883 году первого его научного труда — магистерской диссертации — был воспринят образованным российским обществом как событие огромного значения. Не только в научных, но и в целом ряде литературных журналов были опубликованы многочисленные рецензии и отклики на эту работу С. А. Бершадского[1].

Самое удивительное заключалось в том, что тема магистерской диссертации С. А. Бершадского была узкоспециальной. Молодой правовед рассматривал в ней юридический статус литовских евреев в XIV—XVI веках. Изданная в Санкт-Петербурге в 1883 году в виде отдельной книги, она имела следующее название: «Литовские евреи, история их юридического и общественного положения от Витовта до Люблинской Унии. 1388—1569 гг.»[2]. Казалось бы, какое открытие можно было совершить в рамках данной темы. Однако Бершадский сумел увидеть в истории литовских евреев нечто весьма значимое для прояснения одной из самых запутанных в тогдашней научной и публицистической литературе и вместе с тем политически острой проблемы юридического положения евреев в России.

---

[1] Вот неполный перечень их публикаций: Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 7. С. 151—156; Вестник Европы. 1883. Кн. 9. С. 414—418; Исторический вестник. 1884. № 2. С. 435—436; Русская мысль. 1885. № 1. Библиографический отдел. С. 19—20; Юридический вестник. 1885. № 9. С. 167—168.

[2] За год до этого Бершадский опубликовал отрывок из своей магистерской диссертации в журнале «Восход». См.: *Бершадский С. А.* Привилегии Великого князя Витовта литовским евреям. Отрывок из исследования о юридическом и общественном положении евреев в Литве от времени Витовта до Люблинской унии // Восход. 1882. Кн. 7/8. С. 89—120; Кн. 9/10. С. 194—221; Кн. 11/12. С. 41—55.

* * *

С. А. Бершадский родился 18 марта 1850 года в г. Бердянске Таврической губернии в семье православного священника. По происхождению он являлся малороссиянином[1]. Его прадед по отцу был православным священником в местечке Бершади, находившемся на территории правобережной Украины, захваченной Польшей. Из-за гонений поляков на православных он вынужден был бежать на левобережную Украину. Его прадед по материнской линии носил фамилию Ковалевский: в конце XVIII века он был куренным запорожским атаманом.

Первоначальное образование Сергей Бершадский получил в Керченском уездном училище, где учился в 1857—1862 годах. В 1863—1868 годах он проходил обучение в Керченской Александровской гимназии. Окончив курс гимназического обучения с золотой медалью, он в 1868 году поступил на юридический факультет Императорского Новороссийского университета.

Уже в студенческие годы Бершадский проявил интерес к истории права. Его учителем был известный историк русского права профессор Федор Иванович Леонтович (1833—1911).

Именно во время учебы в Новороссийском университете и соответственно жизни в Одессе Бершадский утвердился в намерении посвятить свои научные занятия осмыслению так называемого «еврейского вопроса». В автобиографической записке, опубликованной в третьем томе «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», составленного С. А. Венгеровым, Сергей Александрович писал об обстоятельствах своей жизни, подтолкнувших его к выбору темы юридического положения евреев: «Семейные предания с ранних лет переносили автора в стародавние времена казачества, ко временам жестокой борьбы за религиозную и национальную самобытность. На фоне этой борьбы с панами-ляхами являлся так или иначе непременный спутник «мостивого пана» — ев-

[1] Н. Дебольский в статье-некрологе на смерть С. А. Бершадского, опубликованном в «Журнале Юридического общества при С.-Петербургском университете» (1896. Кн. 4. С. 33), написал, что Сергей Александрович был «по происхождению еврей, но отец его был православным и даже священником». Сам Бершадский в своей автобиографии назвал себя «малороссиянином». См. автобиографию С. А. Бершадского в издании: Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней) / Составитель С. А. Венгеров. Т. 3. СПб., 1892. С. 135—141.

рей. Детство, проведенное Бершадским частию в Елисаветграде, частию же в Керчи, то есть в тех городах Новороссийского края, которые уже в 50-х годах XIX века обладали значительным еврейским населением, наконец, университетское образование, полученное им в Одессе в период известных "еврейских погромов" 1870 года, все это в совокупности направляло мысли на существование "еврейского вопроса", причины его возникновения и способы его разрешения»[1].

В 1872 году С. А. Бершадский окончил курс университетского обучения со степенью кандидата прав. Его кандидатская диссертация называлась: «О кредитных учреждениях в России в царствование императрицы Екатерины II». Эта тема вполне укладывалась в русло его основного научного интереса, если учесть, что именно в правление данной государыни в состав населения Российской империи было включено в результате присоединения польских территорий значительное количество евреев.

Как студент, проявивший незаурядные способности к научной и преподавательской деятельности, Бершадский был оставлен в 1873 году при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре государственного права. Его научным руководителем стал профессор государственного права А. П. Пригара. В 1874 году, после того, как у профессора Пригары обнаружилась тяжелая болезнь, Бершадский был командирован в Санкт-Петербургский университет для того, чтобы совершенствовать свои познания в области государственного права под руководством профессора А. Д. Градовского.

В 1876 году С. А. Бершадский успешно сдал магистерский экзамен на степень магистра государственного права и в следующем, 1877 году был приглашен для чтения лекций в Военно-Юридическую академию. В 1878 году он стал читать лекции по истории философии права в качестве приват-доцента на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета[2]. В 1879 году Бершадский опубликовал в «Журнале гражданского и уголовного права» (№ 3) рецензию на издание А. Ф. Кистяковским текста составленного в 1743 году законопроекта «Права, по которым судит-

---

[1] Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 3. С. 135—136.

[2] См.: *Бершадский С. А.* Лекции по истории философии права. Б. м. и г.; *его же*. Очерки истории философии права. СПб., 1885, 1899.

ся малороссийский народ». Эта рецензия стала его первой печатной работой.

В мае 1883 года С. А. Бершадский успешно защитил магистерскую диссертацию «Литовские евреи, история их юридического и общественного положения от Витовта до Люблинской Унии. 1388—1569 гг.». Осенью того же года его избрали на должность штатного доцента Санкт-Петербургского университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права. В 1884 году Бершадский стал экстраординарным профессором по этой же кафедре. В 1885 году он был приглашен для чтения в Императорский Александровский лицей. Первые три года Сергей Александрович читал здесь полицейское право, с 1888 года он стал преподавать историю русского права.

Александр Бенуа учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1890—1894 годах и слушал лекции Бершадского по энциклопедии права. Впоследствии он писал в своих воспоминаниях, что профессор излагал во время них «семинарской скороговоркой массу путаных сведений о самых глубоких философских системах»[1].

В 1893/94 учебном году курс лекций экстраординарного профессора Бершадского слушал студент юридического факультета Николай Константинович Рерих, ставший позднее, как и А. Н. Бенуа, художником. В своем студенческом дневнике он сделал 29 ноября 1894 года следующую запись: «Бершадский советует вместо «Иностранные художники в России» взять «Права художественной собственности», но это мне слишком незнакомо, подожду Рождества, посмотрю темы на золотую медаль...»

В первой половине 90-х годов С. А. Бершадский интенсивно работал с архивными документами Великого княжества Литовского XIV—XVI веков, готовил их к публикации, писал на их основе новые книги и статьи. В апреле 1895 года он представил в Археографическую комиссию записку о необходимости издания книг Литовской Метрики до 1588 года. Бершадский предложил начать печатание документальных материалов по истории Литовских статутов 1529, 1566 и 1588 годов с книг судебных дел. Эта идея была осуществлена уже после смерти ученого.

---

[1] *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. В пяти книгах. Книги первая, вторая, третья. М., 1993. С. 631.

Жизнь Бершадского оборвалась менее чем за месяц до его сорок шестого дня рождения — 21 февраля 1896 года. Сергей Александрович находился в то время в расцвете своих творческих сил и многое мог бы еще совершить в науке.

* * *

Главной темой научных исследований С. А. Бершадского была история права Великого княжества Литовского. Так, в последние годы своей жизни он опубликовал книгу «Литовский статут и польские конституции. Историко-юридическое исследование» (СПб., 1893), статью «О наследовании в выморочных имуществах по литовскому праву»[1]. Однако наиболее значимой частью научного творчества С. А. Бершадского стали его труды о юридическом положении евреев[2]. В «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С. А. Венгерова им была дана следующая оценка: «Как магистерская диссертация Бершадского, так и другие работы его по истории евреев, составляют капитальнейшее явление в избранной им области, до сих пор почти не подвергавшейся серьезному научному исследованию в русской исторической литературе»[3].

Еще до защиты своего магистерского исследования он начал публиковать в журнале «Восход» его продолжение — работу под названием «Литовские евреи, история их юридического и общественного положения от Витовта до Люблинской Унии. 1388—1569 гг.»[4]. В 1884 году данное произведение вышло в виде книги общим объемом в 438 страниц[5]. Одной из последних опубликованных работ Бершадского по истории законодательства, касавшегося евреев, была статья «Положение о евреях 1804 г.», опубликованная в журнале «Восход» в 1895 году[6].

Вопрос о юридическом положении евреев в рамках Российской империи пытался прояснить в свое время Ф. И. Леонтович, посвятив ему магистерскую диссертацию под названием «Права

[1] ЖМНП. 1892. № 11. С. 1—44.

[2] См. подробнее об этом: *Браудо А. И.* С. А. Бершадский как историк русских евреев. СПб., 1896.

[3] Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 3. С. 135.

[4] Восход. 1881. Кн. 7. С. 77—131; 1886. Кн. 10. С. 125—138; Кн. 11. С. 145—154; 1887. Кн. 3. С. 81—98; Кн. 4. С. 65—78.

[5] См. рецензию на эту книгу С. А. Бершадского в журнале «Юридический вестник» (1885. № 9. С. 167—168).

[6] Восход. 1895. Т. 15. № 6. С. 45—55.

литовских евреев». Однако учитель С. А. Бершадского основывался только на опубликованных источниках, и его научный труд имел в связи с этим множество пробелов и недостатков. В частности, он не отвечал на один из главнейших вопросов этой темы: откуда произошла обособленность евреев в Литве.

За освещение вопроса о правовом статусе евреев в России охотно брались еврейские ученые и публицисты. Однако их работы страдали чрезмерной субъективностью и не давали истинной картины. В качестве примера такой субъективности можно привести сочинения И. Г. Оршанского («Русское законодательство о евреях» и «Евреи в России»), которые являлись, пожалуй, наиболее значительными среди трудов еврейских ученых о положении евреев в России. И. Г. Оршанский показал, как ущемляются в русском законодательстве права евреев, но при этом умолчал о том, что права русских в законодательстве Российской империи ущемлялись в ряде случаев в значительно большей степени, нежели права евреев.

Характеризуя состояние научных исследований в области «еврейского вопроса», С. А. Бершадский отмечал в своей автобиографии: «По своему существу этот вопрос есть прежде всего русский вопрос, а между тем ни по одному, быть может, вопросу нет более бедной литературы»[1]. О работах Оршанского он писал, что они страдают «замечательною узостью взгляда: автор отправляется от представления, во-первых, прирожденных прав человека и гражданина, как существующих и общепризнанных, и затем, во-вторых, от представления подобного же несуществующего русского гражданина. Сравнивая с этими двумя несуществующими субъектами права принадлежащие евреям и различные законодательные мероприятия против евреев в России с начала нынешнего столетия, Оршанский представил не совсем верную картину тяжелого положения одних только евреев, забывая в параллель законам, например, императора Николая I, привести хотя бы в качестве фона те законы, которые определяли положение коренного русского населения и гораздо более многочисленного, чем евреи, а именно, положение крепостных крестьян, не говоря уже о том, что параллели из прав, принадлежащих другим сословиям, также не дали бы очень резкого контраста с исключительными законами о евреях... Нельзя было винить в этих неправильностях исторической перспективы Оршанского, но нельзя принять его трудов за исследования, подвигающие вопрос к его бли-

[1] Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 3. С. 136.

жайшему разрешению. Остальная русская литература еврейского вопроса в то время (в 1876 г.) не представляла ничего научного, на чем бы можно было остановиться»[1].

Главный недостаток научных работ, касавшихся вопроса о юридическом положении евреев в России (в том числе работ Ф. И. Леонтовича и И. Г. Оршанского), заключался в присущей им тенденции рассматривать это положение вне контекста исторических условий.

Бершадский же подошел к вопросу о статусе евреев прежде всего с исторической точки зрения. В предисловии к магистерской диссертации он следующим образом описал методологию своего исследования: «Сто лет назад литовские евреи перешли в русское подданство, сто лет существует в России еврейский вопрос. В чем сущность этого вопроса? Почему он живет до настоящего времени, почему евреи до сих пор инородцы, а не русские граждане? В чем причина натянутости отношений между евреями и не-евреями на Северо- и Юго-Западе нашего отечества? В чем сила еврейства, где причина его экономического преобладания? На все это мы имеем готовые ответы: еврейский вопрос существует потому, что евреи не хотят ассимилироваться с остальным населением. Натянутость отношений существует в силу еврейской эксплуатации, сила еврейства в его солидарности, экономическое преобладание — в безусловном повиновении кагалу. Но если мы спросим, какие причины создали отрозненность еврейства, его стремление к приобретению и накоплению богатств, что вырастило еврейскую солидарность и дало власть в руки кагала, то ни на один из этих вопросов мы не получим ответа. Изучение русского законодательства и русской литературы о евреях приводит к убеждению, что для разрешения поставленных выше вопросов необходимо захватить их в самый момент зарождения. А так как русские евреи были ранее евреями литовскими, то, следовательно, необходимо изучить историю евреев в Литве, уяснить их отношение к литовской государственной власти и обществу»[2].

Свое исследование юридического положения литовских евреев Бершадский провел на основе огромной массы архивных доку-

---

[1] Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 3. С. 136.

[2] *Бершадский С. А.* Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388—1569 гг. СПб., 1883. С. V—VI.

ментов, впервые введя их в научный оборот. Часть этих документов была им опубликована в двухтомном приложении к магистерской диссертации[1].

На конкретных фактах С. А. Бершадский показал в своем исследовании, что до XVI века евреи не обособлялись от основного христианского населения в такой степени, как позднее. Они не занимали в обществе особого положения и занимались всеми ремеслами и промыслами. «Резюмируя приведенные выше данные, — писал Бершадский, подводя некоторые итоги своим изысканиям, — мы можем характеризовать положение евреев в Литве во времена Витовта следующим образом: евреи составляют класс свободных жителей, подчиненных непосредственно Великому Князю и установленным от него местным властям. Живут они самостоятельными общинами, пользуясь автономиею по своим, чисто еврейским, делам в сфере религиозных и имущественных отношений. По уголовным делам они подлежат юрисдикции Великого Князя, местного старосты или же подстаросты, носящего название «жидовского судьи». В конце XIV и начале XV в. в Литве существует всего пять еврейских общин: Трокская, Брестская, Гродненская, Луцкая и Владимирская. За евреями признается: неприкосновенность жизни, членов (с приравнением в этом отношении к шляхте), собственности, свободы веры, право передвижения, свободное занятие торговлею и ремеслами, наравне с мещанами»[2].

С. А. Бершадский установил на основе анализа архивных документов, что каждая еврейская община хлопотала перед Великим Князем только о своих правах и не заботилась о правах евреев из остальных общин. Следовательно, в XIV—XV веках между евреями не было той солидарности, которой они стали отличаться позднее. Более того, Бершадский привел многочисленные факты борьбы евреев с еврейскими кагалами, которые на практике, как правило, облагали своих соплеменников непосильными денежными и натуральными обязательствами, заставляли их отдавать в пользу кагалов последние деньги и продукты, угнетали их, лишали их личной свободы. «Без опоры общины, — отмечал ученый, — каждый еврей

---

[1] См.: Документы и регесты к истории литовских евреев из актовых книг, метрики Литовской, Виленского центрального архива и некоторых печатных изданий. Т. 1. 1388—1550 гг. СПб., 1882; Т. 2. 1550—1569 гг. СПб., 1882.

[2] *Бершадский С. А.* Привилегии великого князя Витовта литовским евреям. Отрывок из исследования о юридическом и общественном положении евреев в Литве от времен Витовта до Люблинской унии // Восход. 1882. Кн. 11/12. С. 54.

чувствовал себя бессильным. Община могла опереться только на религиозные начала, религиозным же авторитетом был талмуд; под его сению община быстро обращалась в безусловно послушное, крепко стоящее за каждого из своих членов, единство. Но взамен этих благ на каждого индивида налагались мелкотканные, тяжкие цепи. Свободе личной, свободе духа, свободе домашнего обихода полагались суровые, мелочные и нетленные ограничения»[1]. Стремясь освободиться от гнета кагальной олигархии, еврейская масса неоднократно обращалась к официальной государственной власти с просьбами уничтожить кагалы и установить для них такие же налоги, как и на все остальное население. В этом стремлении уйти от власти кагала еврейское население переходит под власть русского императора. Екатерина II лишила кагалы статуса юридических лиц, установила, что кагальные предписание не имеют для евреев никакой юридической силы.

С. А. Бершадский доказал в своем исследовании, что еврейская обособленность коренится не в самом еврействе — ее создавали сами правители христианских государств, освобождавшие евреев от налогов, которые платило все население, устанавливавшие для евреев исключительную юрисдикцию. Все это правители делали за деньги. Испытывая нужду в финансах, они брали большие денежные суммы у богатых евреев в обмен на вышеуказанные привилегии еврейству.

Оценивая эти выводы Бершадского, М. Гребенщиков писал в своей рецензии на его книгу «Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве»: «В публике установилось мнение, что еврейская изолированность коренится в самом еврействе, что поэтому последнее представляет такую опасность, как ни одно из нехристианских племен. Читая книгу г. Бершадского ясно убеждаешься в том, что сами же христианские правительства создавали постоянно государство в государстве. К числу таких мер можно отнести, например, дарование некоторым еврейским общинам магдебургского права, по которому евреи освобождались от всякой иной юрисдикции, кроме юрисдикции еврейского войта, подсудного одному королю. Великие князья литовские в этом отношении руководились не общей пользой, а чисто личными соображениями. Они нуждались постоянно в деньгах, ссужать которы-

[1] *Бершадский С. А.* Литовские евреи. История их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии. 1388—1569 гг. С. 424.

ми их знать не могла или не хотела, и вот на помощь их стесненным финансам являлись евреи. Но сами евреи в то время не выказывали никакого фанатизма: выдающиеся богачи-евреи один за другим переходят в христианство. Одно из важных достоинств книги... это объективность автора. Если объективность вообще условие sine qua non всякого научного труда, то в вопросе еврейском она сугубо необходима. Мы имеем, например, прекрасный труд покойного Оршанского, но этот труд страдает односторонностью, которая понятна в сочинении еврея о бесправии своих единоверцев. «Книга кагала» (Я. Брафмана), на которую любят иногда ссылаться, не имеет ничего общего с научными целями и имела в виду совершенно не науку, а нечто другое. Г. Бершадский, напротив, кроме науки и раскрытия истины ничего в виду не имеет»[1].

«Высокая научная добросовестность», проявленная С. А. Бершадским при исследовании истории евреев, была признана «Краткой еврейской энциклопедией». В биографической статье о нем, опубликованной в этом издании, говорилось, что «в научных трудах Бершадский избегал апологии еврейства, стремясь лишь к точному изложению фактов и событий», неоценимый вклад русский ученый «внес в источниковедение науки о еврействе», что он нашел и подготовил к публикации сотни документов из хранилищ Петербурга, Варшавы, Киева и Вильны: акты городских судов, декреты и решения высших судебных учреждений Литвы и Польши, записки из архива Правительствующего сената и многие другие». В 1882 году Бершадским были изданы два тома «Русско-еврейского архива»[2]. Третий том этого сборника вышел в свет в 1903 году. В дальнейшем за издание рукописей из собрания С. А. Бершадского, отражавших историю евреев, взялось учрежденное в 1908 году под председательством М. М. Винавера Еврейское историко-этнографическое общество. Оно стало готовить к публикации четвертый и пятый тома «Русско-еврейского архива».

[1] Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Кн. 7. С. 154—155.

[2] Русско-еврейский архив. Документы и материалы для истории евреев в России. Т. 1. 1388—1550 гг.; Т. 2. 1550—1569 гг. СПб., 1882.

Александр Иванович Загоровский

(1850 — после 1909)

АЛЕКСАНДР Иванович Загоровский родился в 1850 году в дворянской семье. Первоначальное образование он получил в дворянском училище уездного города Родомысль Киевской губернии. Затем учился в Житомирской гимназии.

По завершении в 1867 году гимназического курса обучения Александр Загоровский поступил на юридический факультет Императорского университета Святого Владимира в Киеве. На студентов факультета большое впечатление производили в то время лекции преподавателя уголовного права А. Ф. Кистяковского[1]. Под влиянием этих лекций студент Загоровский увлекся уголовно-правовой наукой. Его кандидатское сочинение называлось «История пытки в России». Но одновременно с уголовным правом Загоровский усиленно занимался в студенческие годы и наукой гражданского права.

В 1871 году Александр Загоровский окончил курс университетского обучения. В 1872 году он был определен по инициативе тогдашнего декана юридического факультета Киевского университета профессора В. А. Незабитовского[2] на место университетского стипендиата для приготовления к профессорскому званию по кафедре гражданского права.

---

[1] *Александр Федорович Кистяковский* (1833—1885) читал лекции по уголовному праву на юридическом факультете Киевского университета с 1864 г. В тот год, когда А. И. Загоровский стал студентом факультета, А. Ф. Кистяковский защитил магистерскую диссертацию («Исследование о смертной казни»), а в 1869 г. им была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора уголовного права («О пресечении обвиняемых способов уклоняться от следствия и суда»). С 1870 г. и до конца своих дней А. Ф. Кистяковский занимал должность ординарного профессора Киевского университета.

[2] *Василий Андреевич Незабитовский* (1824—1883) — профессор кафедры общенародного (международного) права на юридическом факультете Киевского университета.

В 1875 году А. И. Загоровский защитил на юридическом факультете Киевского университета диссертацию pro venia legendi на тему: «Исторический очерк займа по русскому праву до конца XIII столетия». В том же году она была напечатана в киевских «Университетских известиях»[1] и вышла в свет в Киеве отдельной книгой.

В 1876 году Загоровский прочитал в Киевском университете пробные лекции по темам: «Гражданский брак» и «Об экспроприации»[2] и был принят в университет на должность приват-доцента юридического факультета по кафедре гражданского права.

Весной 1876 года Министерство народного просвещения направило А. И. Загоровского в командировку в западноевропейские университеты для совершенствования познаний в юридических науках. В течение двух лет — с 1 мая 1876-го до 1 мая 1878 года[3] он слушал лекции немецких правоведов: профессора О. Карловы[4] — в Гейдельбергском университете; профессоров Б. Виндшейда[5], К.-Г. Вехтера[6], А. Ваха[7] в Лейпцигском университете, а также ведущих французских правоведов Парижском университете.

Возвратившись в мае 1878 года в Россию, А. И. Загоровский осенью того же года приступил к преподаванию на юридическом факультете Киевского университета курса гражданского права в качестве приват-доцента. В 1879 году им была успешно защищена магистерская диссертация по теме: «Незаконнорожденные по саксонскому и французскому гражданским кодексам, в связи с принци-

---

[1] Университетские известия. 1875. Кн. 7. С. 459—511; Кн. 8. С. 513—558.

[2] Данные лекции были спустя некоторое время изданы отдельной брошюрой. См.: *Загоровский А. И.* Гражданский брак. Пробная лекция, читанная в университете Св. Владимира // Судебный вестник. 1876. № 88—91.

[3] Об этом свидетельствует отчет А. И. Загоровского о командировке за границу с ученой целью, опубликованный в 1878 г. в «Киевских известиях».

[4] *Оттон Карлова* (1836—1904) — немецкий правовед, специалист в области истории римского права, автор таких трудов, как «Beiträge zur Geschichte des römisches Civilprozesss» (1865), «Römische Rechtsgeschichte» (1885) и др.

[5] *Бернард Виндшейд* (1817—1892) — немецкий правовед, профессор римского права, один из разработчиков общегерманского гражданского кодекса, автор многочисленных трудов в области пандектного права. Его учебник по пандектному праву («Lehrbuch des Pandectenrechts») вышел с 1862 по 1910 г. десятью изданиями.

[6] *Карл-Георг фон Вехтер* (1797—1880) — немецкий правовед, автор трудов в области германского уголовного права («Gemeines Recht Deutschlands, inbesondere gemeines deutsches Strafrechts», «Handbuch des sächsischen Strafrechts» и др.).

[7] *Адольф Вах* (1843 — после 1910 г.) — немецкий правовед, специалист в области гражданского процесса, автор книг: «Vorträge über die Reichs-Civilprozessordnung» (1879, 1896), «Handbuch des deutschen Civilprozessrechts» (1885) и др.

пиальным решением вопроса о незаконнорожденности вообще». В том же году она была опубликована в киевских «Университетских известиях»[1] и вышла в свет в Киеве в виде книги.

Загоровский сравнил в своей диссертации правовой статус незаконнорожденных детей по саксонскому и французскому гражданским кодексам и пришел к выводу о том, что в первом кодексе система его регулирования лучше, поскольку «она не только согласуется с началами правды, права и законодательной политики, но и имеет за собой последнее слово науки»[2]. Системе, принятой во втором из названных кодексов, диссертант дал отрицательную оценку — прежде всего за то, что она не признавала какой-либо связи незаконнорожденного ребенка со своим отцом.

Осенью 1879 года А. И. Загоровский был назначен на должность штатного доцента по кафедре гражданского судопроизводства и торгового права в Демидовский юридический лицей города Ярославля. Но проработал он здесь всего один учебный год. 30 апреля 1880 года Александр Иванович был избран Советом юридического факультета Императорского Харьковского университета на должность штатного доцента по кафедре гражданского права и с осени того же года стал преподавать здесь указанную учебную дисциплину. В 1881 году он исполнял должность секретаря юридического факультета.

Работая в Харьковском университете, А. И. Загоровский начал готовить докторскую диссертацию на тему: «О разводе по русскому праву». В 1881 году он опубликовал в журнале «Юридический вестник» (Т. 8. Кн. 11. С. 516—528) рецензию на только что вышедшую книгу А. Д. Способина «О разводе в России» (М., 1881), в 1882 году напечатал в журнале «Вестник Европы» (Кн. 3. С. 379—404) статью «О незаконных детях по русскому законодательству». В 1883 году в журнале «Юридический вестник» (Кн. 9. С. 28—73) была опубликована статья А. И. Загоровского «О разводе по русскому праву». А в начале 1884 года он выпустил в свет монографию с таким же названием[3]. Эти публикации свидетельствовали, что

---

[1] См.: Университетские известия. 1879. Кн. 2. С. 1—27, 51—106; Кн. 3. С. 129—164; Кн. 4. С. 243—282; Кн. 5. С. 283—325.

[2] *Загоровский А. И.* Незаконнорожденные по саксонскому и французскому гражданским кодексам, в связи с принципиальным решением вопроса о незаконнорожденности вообще. Киев, 1879. С. 193.

[3] См.: *Загоровский А. И.* О разводе по русскому праву. Харьков, 1884.

семейное право стало отныне главным объектом его научных изысканий.

10 марта 1884 года доцент Харьковского университета Александр Загоровский обратился к ректору Московского университета со следующим прошением: «Прилагая при сем удостоверение о том, что я имею степень магистра гражданского права и, препровождая вместе с сим экземпляры моего исследования «О разводе по русскому праву», (в дополнение к экземплярам, высланным мною в адрес профессоров юридического факультета), написанного для соискания степени доктора гражданского права, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о передаче моей монографии в юридический факультет для рассмотрения и для допущения меня к публичной защите, если исследование мое будет признано удовлетворительным»[1].

22 апреля 1884 года А. И. Загоровский успешно защитил в публичном заседании юридического факультета Московского университета свою диссертацию и получил степень доктора гражданского права[2].

Императорская Академия наук высоко оценила его книгу «О разводе по русскому праву», удостоив ее Уваровской премии[3].

28 апреля 1884 года А. И. Загоровский был избран Советом юридического факультета Харьковского университета на должность экстраординарного профессора кафедры гражданского права. В 1886 году он стал ординарным профессором той же кафедры. Александр Иванович читал на юридическом факультете Харьковского универ-

---

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 53. Д. 138. Л. 1.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Данная премия была учреждена в 1856 г. в память графа Сергея Семеновича Уварова (1786—1855), занимавшего с 1833 до 1849 г. должность министра народного просвещения, а с 1818 г. и до самой смерти — пост президента Императорской Академии наук. Уваровская премия присуждалась за научные труды (в основном посвященные истории России, русской словесности, выдающимся деятелям русской культуры) и литературные произведения. Многие научные работы, удостоенные в XIX в. Уваровской премии, до сих пор сохраняют свое научное значение. Среди них можно выделить книги: А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», В. В. Стасова «Происхождение русских былин», А. Д. Галахова «История русской словесности, древней и новой», Н. П. Барсукова «Труды и дни М. П. Погодина» и др. Уваровская премия присуждалась также таким литературным произведениям, как пьеса А. Н. Островского «Гроза», драма А. Ф. Писемского «Горькая судьбина» (оба названных литератора были удостоены этой премии в 1860 г.).

ситета лекции по курсу гражданского права (4 часа в неделю) и вел практические занятия (2 часа в неделю), на которых критически анализировал вместе со студентами гражданские дела, решенные в судах, обсуждал написанные ими рефераты на гражданско-правовые темы.

С 1885/86 и по 1889/90 академический год профессор А. И. Загоровский преподавал на юридическом факультете Харьковского университета помимо гражданского права также курс торгового права. Впоследствии, почувствовав себя не вполне здоровым, он отказался от чтения лекций по этому курсу. Весной 1891 года при составлении «Обозрения преподавания на 1891/1892 академический год» Загоровский снова дал согласие преподавать наряду с курсом гражданского права также торговое право. Однако болезнь нарушила его планы. 1 ноября 1891 года Совет юридического факультета Харьковского университета на своем заседании «постановил признать объявленный им курс торгового права не состоявшимся[1] и предложил незамедлительно приступить к изложению гражданского права»[2].

В январе 1892 года А. И. Загоровский по его просьбе был переведен министром народного просвещения на работу в Новороссийский университет. Климат города Одессы, где располагался данный университет, был мягче харьковского, а потому более подходил для Загоровского, имевшего проблемы со здоровьем. В должности ординарного профессора Новороссийского университета по кафедре гражданского права он проработал до конца своей научной и педагогической карьеры, а возможно, и до самой смерти.

Мне не удалось установить, когда и при каких обстоятельствах завершилась жизнь Александра Ивановича Загоровского. Думается, вряд ли удалось ему пережить годы гражданской войны. Возможно, А. И. Загоровский умер от болезней — в 1918 году ему должно было исполниться 68 лет,— но вполне вероятно, что он был расстрелян большевиками, как и многие другие русские ученые. Во всяком случае, в издававшихся в 20-е годы XX века в Советской

---

[1] С 1890/91 учебного года курс торгового права на юридическом факультете Харьковского университета читал ординарный профессор политэкономии и статистики (с 1872 г.) И. П. Сокальский (1829—1896).

[2] Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905) / Под редакцией проф. М. П. Чубинского и проф. Д. И. Багалея. Харьков, 1908. С. 119.

России справочниках о научных работниках СССР фамилия профессора А. И. Загоровского отсутствует.

* * *

А. И. Загоровский вошел в историю научной юриспруденции России прежде всего как специалист в области семейного права. На эту тему им были написаны магистерская и докторская диссертации, а также значительная часть книг и статей[1]. Однако немало своих работ он посвятил общим вопросам гражданского права[2]. В преподавании гражданского права профессор Загоровский следовал принципу «не теория для практики, а практика для теории» и в дополнение к лекциям вел по этому предмету практические занятия еще до того, как Министерством народного просвещения Российской империи было решено сделать такую форму обучения студентов юридическим наукам обязательной для всех российских университетов.

В 1888 году Загоровский опубликовал в первом номере журнале «Юридический вестник» статью под названием: «Практические занятия по гражданскому праву». Для приобретения лучшего знания юридической практики Александр Иванович сделался в 1884 году помощником присяжного поверенного и с тех пор рабо-

---

[1] См., например: *Загоровский А. И.* К вопросу о законной наследственной доле // ЖМЮ. 1896. Кн. 5. С. 97—149; Кн. 6. С. 1—44; *его же.* Личные и имущественные отношения между супругами // Русская мысль. 1897. Кн. 1. С. 29—48; Кн. 4. С. 45—69; *его же.* О незаконнорожденных по иностранным гражданским кодексам и русскому гражданскому праву // ЖМЮ. 1898. Кн. 3. С. 1—27; Кн. 4. С. 1—36; Кн. 5. 1—44; *его же.* О разводе по общегерманскому уложению. Доклад в Одесском юридическом обществе // Русская мысль. 1899. Кн. 8. С. 15—56; *его же.* Отношения между родителями и детьми // ЖМЮ. 1902. Кн. 1. С. 45—84; Кн. 2. С. 1—30; *его же.* Об опеке над несовершеннолетними // Русская мысль. 1902. Кн. 4. С. 45—85; *его же.* О Проекте семейного права // ЖМЮ. 1903. Кн. 2. С. 55—109; *его же.* О внебрачных детях по новому закону (3 июня 1902 г.) в связи с постановлениями о них западноевропейских гражданских кодексов // Русская мысль. 1903. Кн. 4. С. 49—68; Кн. 5. С. 1—34; *его же.* О внебрачных детях по новому закону (3 июня 1902 г.). Одесса, 1903;

[2] См.: *Загоровский А. И.* По поводу предстоящей кодификации гражданских законов // Наблюдатель. 1883. Кн. 2. С 50—73; *его же.* По поводу предстоящего завершения работ комиссии по составлению проекта гражданского уложения // Вестник права. 1902. Кн. 1. С. 153—167; *его же.* Принуждение, ошибка и обман и их влияние на юридическую сделку // Юридический вестник. 1890. Кн. 1. С. 3—21.

тал не только преподавателем, но и практическим юристом[1], причем довольно успешно. Когда у Министерства народного просвещения возникали какие-либо юридические проблемы и оно сталкивалось с необходимостью обратиться в суд, судебные дела этого учреждения нередко вел в качестве уполномоченного или юрисконсульта профессор Загоровский.

Опыт участия в судебных процессах по гражданским делам позволил ему написать книгу «Очерки гражданского судопроизводства», которая была издана в Одессе в 1892 году.

Главным научным трудом А. И. Загоровского стала его книга «Курс семейного права», вышедшая в свет первым изданием в 1902 году[2], а вторым, «с переменами и дополнениями»[3], — в 1909 году. Отличительной чертой данной книги был ее энциклопедический характер. А. И. Загоровский предпослал рассмотрению каждого из основных институтов семейного права краткий очерк его истории. Изложение институтов современного семейного права России он дополнил сравнением их с аналогичными институтами в праве Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Италии, Франции, Швейцарии.

В предисловии к первому изданию данной книги профессор Загоровский писал: «Предлагаемый «Курс Семейного Права» представляет собой сравнительное изложение институтов действующего семейного права по отечественному и семи важнейшим западно-европейским законодательствам в связи с историческим развитием этих институтов на Западе и у нас. Предпосылая исторические очерки современному праву, автору казалось, что таким образом прошлое поможет уразумению настоящего. Это в особенности надо сказать о русском семейном праве, ключ к которому, бесспорно, находится в прожитых веках. Если история содействует уяснению существующего, то сравнение, сопоставление своего права с чужим, с одной стороны, определяет национальные особенности и культурное значение первого в ряду других законодательств, а с другой,

---

[1] В 1883 г. в журнале «Юридический вестник» (Кн. 3. С. 495—508) была опубликована примечательная на этот счет статья А. И. Загоровского «О правах профессоров на занятие адвокатурой».

[2] В «Записках Новороссийского университета» (1902. Т. 88. С. 1—468) и отдельно: *Загоровский А. И.* Курс семейного права. Одесса, 1902.

[3] См. современное издание данной книги в серии «Русское юридическое наследие»: *Загоровский А. И.* Курс семейного права / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.

совместно с историей облегчает открытие перспективы будущего. Зная — когда, как и почему выработалось данное постановление и какие постановления по аналогичным вопросам существуют в праве других народов, легко определить разумность и целесообразность этого постановления и средство замены его другим, в случае непригодности»[1].

Таким образом, А. И. Загоровский соединил в исследовании институтов семейного права *исторический*, *сравнительный* и *догматический* методы.

Признавая, что на состояние семейного права у европейских народов весьма сильное влияние оказала христианская религия, для которой семья всегда была предметом особых забот и попечения[2], Загоровский подчеркивал вместе с тем, что «современное семейное право развивается при весьма деятельном участии государства, которое, изъявши из рук церкви брачное право, строит его на началах общекультурных, не связанных с вероисповедными различиями, а в других отделах семейного права стремится провести принципы равноправия, покровительства и защиты слабейших членов семейного союза. Неодинаковые задачи законодательной политики, преследуемые теми или другими кодексами, вносят известные различия в начертанные ими нормы семейного права, но в общем у всех культурных народов оно проникнуто одинаковыми началами»[3].

Как известно, семейные отношения, будучи по своей природе отношениями частноправовыми, имеют сходство с имущественными отношениями, регулируемыми гражданским правом. Но одновременно они обладают и целым рядом отличий. Загоровский выделял среди последних следующие: 1) «В основание имущественных отношений положены хозяйственно-экономические нужды, основа правоотношений семейных — потребности физической природы и нравственного чувства». 2) «Имущественные отношения порождают имущественные права, служащие источником господства над имуществом. Семейные отношения порождают семейные права, ставящие в определенную *личную* зависимость одного члена се-

---

[1] *Загоровский А. И.* Курс семейного права. Издание второе с переменами и дополнениями. Одесса, 1909. С. III—IV.

[2] «Это влияние, — отмечал Загоровский, — сказалось как на определении условий заключения и расторжения брака, так и на форме его. В известной мере оно отразилось и на определении взаимных личных отношений между членами семьи» (*Загоровский А. И.* Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 3).

[3] Там же.

мейного союза от другого, и создают определенное юридическое положение (status) для этих членов». 3) «Отношения имущественные и соответствующие им права имущественные легко измеримы. В отношениях семейных мера и счет прав затруднительны в силу особых свойств этих отношений, больше моральных, чем юридических». 4) «Содержание имущественных отношений свободно: в пределах, указанных законом, они обыкновенно предоставлены личной воле и усмотрению, оттого имущественные права крайне разнообразны. Содержание отношений семейных в большинстве случаев дано самой природой, веления которой право только освещает и приноравливает к потребностям общежития». 5) «Возникновение и прекращение имущественных отношений свободно, возникновение отношений семейных, — иногда свободно (брак), иногда нет (союз родителей и детей), а прекращение поставлено вне усмотрения частной воли». 6) «Имущественные права отчуждаемы и переносимы на других; семейные не отчуждаемы и связаны с известным лицом». 7) «От имущественных отношений можно отказаться, в сфере семейных отношений отречение немыслимо». 8) «Имущественные отношения доступны для всякого субъекта права, семейные возможны только для физических лиц». 9) «Имущественные отношения обыкновенно временны, семейные не ограничены во времени»[1].

Имея в виду указанные особенности семейных отношений, Загоровский делал вывод о том, что «регулирование правом отношений семейных гораздо труднее, чем отношений имущественных». По его словам, «ввиду особой важности отношений семейных для общежития, предписания права, касающиеся их, имеют характер абсолютных, неизменяемых по частному произволу, норм, в противоположность отношениям имущественным, где частная автономия имеет полный простор. Поэтому нормы семейного права заключают в себе в значительной степени элемент публичный, тогда как нормы права имущественного запечатлены характером приватным»[2].

---

[1] *Загоровский А. И.* Курс семейного права. Одесса, 1909. С. 3–4.

[2] Там же. С. 4.

Юрий (Георгий) Степанович Гамбаров

(1850—1926)

ЮРИЙ Степанович Гамбаров родился в 1850 году в городе Тифлисе (Тбилиси) в состоятельной армянской дворянской семье. Первоначальное образование получил в тифлисской гимназии. По завершении в 1866 году гимназического курса обучения он поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. После окончания в 1870 году юридического факультета Юрий Гамбаров был определен на должность судебного следователя в Тифлис. Прослужив в этом качестве три года, он ушел в отставку и уехал на шесть лет в Германию совершенствовать свои познания в юридических науках и готовиться к магистерскому экзамену. Молодой правовед окончательно решил посвятить себя преподавательской и научной деятельности в области юриспруденции.

Германские университеты славились на протяжении всего XIX века высоким качеством преподавания философских и юридических наук. Особенно выделялись в данном отношении Берлинский, Гейдельбергский и Геттингенский университеты. Гамбаров выбрал последний, и этот выбор был не случайным.

Геттингенский университет был учрежден курфюрстом Ганновера и королем Великобритании Георгом II в 1734 году. Торжественное открытие его состоялось спустя три года. С самого начала своей деятельности этот университет отличался от других германских университетов большей свободой в преподавании и в научных исследованиях и лучшим материальным обеспечением. Георг II, носивший почетный титул «великого ректора» Геттингенского университета, не жалел на свое детище денежных средств. Геттингенский университет сумел поэтому создать в короткий срок самую совершенную для того времени учебную базу. Здесь сформировалась богатейшая библиотека, ставшая впоследствии одной из лучших университетских библиотек Европы.

В 70-е годы XIX века Геттингенский университет славился и своими профессорами. На юридическом факультете университета читал лекции Рудольф фон Иеринг[1]. Его идеи были очень популярны в среде российских правоведов. И Гамбаров также увлекся ими. Вероятнее всего, именно возможность слушать лекции Р. Иеринга привлекла его в Геттинген. Влияние идей знаменитого немецкого правоведа будет впоследствии сказываться на содержании юридических произведений Гамбарова и, в частности, заметно проявится в его учении о «социальной юриспруденции».

После возвращения из Германии Гамбаров опубликовал в 1879 году целую серию статей по проблемам гражданского права[2]. Одновременно он подготовил к защите диссертацию на соискание ученой степени магистра гражданского права.

Выдержав магистерский экзамен и защитив на юридическом факультете Московского университета магистерскую диссертацию по теме: «Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона»[3], Ю. С. Гамбаров отправился в Одессу: с осени 1880 года он стал читать на юридическом факультете Императорского Новороссийского университета лекции по курсу гражданского права в качестве приват-доцента.

Летом 1882 года Гамбаров отправился в годичную командировку за границу. После возвращения в Одессу он возобновил осенью 1883 года свою преподавательскую деятельность в Новороссийском

---

[1] Рудольф фон Иеринг (1818—1892) начал преподавать в Геттингенском университете в 1872 г. Тогда же он прочитал здесь и опубликовал отдельной брошюрой свою знаменитую лекцию «Der Kampf ums Recht (Борьба за право)», в которой изложил основы своего понимания права, развитые впоследствии в работе «Zweck im Recht (Цель в праве)». На русском языке лекция Иеринга «Борьба за право» выйдет в свет в первый раз в 1874 году, а первый том книги «Цель в праве» — в 1881 году.

[2] *Гамбаров Ю. С.* Общественный интерес в гражданском праве // Юридический вестник. 1879. № 5. С. 673—721; № 6. 861—890; *его же.* Теория притворных и несерьезных сделок // Там же. № 5. С. 697—699; *его же.* Право собственности с точки зрения общественной теории права // Там же. № 7. С. 42—78; *его же.* Обязательства с точки зрения общественного права // Там же. № 8. С. 192—220; № 9. С. 456—500.

[3] Эта диссертация была опубликована в виде отдельной книги в двух выпусках. См.: *Гамбаров Ю. С.* Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона. Вып. 1. Общественный интерес в гражданском праве. М., 1879; Вып. 2. Социологическое основание института negotiorum gestio. М., 1880.

университете, но продолжалась она только один учебный год. Осенью 1884 года Ю. С. Гамбаров был назначен на должность экстраординарного профессора Императорского Московского университета по кафедре гражданского права.

Согласно Университетскому уставу, высочайше утвержденному 18 августа 1884 года, на юридическом факультете полагалось одиннадцать ординарных и четыре экстраординарных профессора. В середине 80-х годов на юридическом факультете Московского университета преподавали: заслуженный профессор А. С. Павлов (церковное право), ординарные профессора: Н. П. Боголепов (история римского права), который одновременно являлся ректором университета, П. Н. Мрочек-Дроздовский (история русского права), М. М. Ковалевский (государственное право, история иностранных законодательств), Л. А. Камаровский (международное право), И. И. Янжул (полицейское право, финансовое право), А. И. Чупров (политическая экономия, статистика), В. А. Легонин (судебная медицина) — декан факультета. В числе экстраординарных профессоров были, помимо Ю. С. Гамбарова, преподававшего торговое право, Н. И. Нерсесов (также торговое право) и Г. Е. Колоколов (курс уголовного права, уголовное судопроизводство)[1].

С самого начала работы на юридическом факультете у Гамбарова установились дружеские отношения с профессором М. М. Ковалевским. Юрий Степанович посещал вечеринки, которые устраивал Максим Максимович у себя дома по четвергам. Здесь перебывало большинство профессоров Московского университета. В своих мемуарах Ковалевский писал: «Другой мой приятель был угрюм и одинок. Угрюмость заставляла его сторониться от света, а одиночество — много работать для собственного развития. Я разумею профессора Гамбарова. Это — один из наших образованнейших юристов, очень строгий к себе и другим, и потому все еще поправляющий корректуры своего трактата о гражданском праве, трактата, который потребует по крайней мере, трех томов — так много в нем накоплено сравнительного материала и так глубоко понимает этот цивилист трактуемые им вопросы, связывая их с эволюцией гражданственности»[2].

Выпускавшиеся ежегодно с 1885 года «Обозрения преподавания на юридическом факультете Императорского Московского

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 54. Д. 99. Л. 30—31.

[2] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 231—232.

университета» показывают, что экстраординарный профессор Ю. С. Гамбаров в первые два года своей работы здесь читал лекции по торговому праву, затем имел лекционный курс с практическими упражнениями по гражданскому праву, а с осени 1890-го и до лета 1896 года он читал студентам еще и лекции по гражданскому судоустройству и судопроизводству.

1898/99 учебный год стал последним годом работы Ю. С. Гамбарова на юридическом факультете Московского университета. Летом 1899 года Юрий Степанович был вынужден покинуть университет. Он оказывал поддержку армянскому национальному движению[1], и эта его деятельность была признана политической, а значит, несовместимой с должностью профессора Московского университета. По некоторым сведениям, на уходе профессора Гамбарова из университета настоял тогдашний министр народного просвещения Н. П. Боголепов. Николай Павлович всегда выступал против политизации университетов, превращения их из учебных заведений в политические клубы. Поэтому он крайне отрицательно относился к занятиям преподавателей политикой.

В конце 1899 года Ю. С. Гамбаров обосновался со своей семьей в Париже. В течение 1900 года он читал лекции и вел семинары в рамках Международной школы, организованной при Всемирной Парижской выставке для «объяснения собранных на ней сокровищ промышленности и искусства»[2].

Русские ученые прочитали для посетителей выставки 51 лекцию. Все их выступления пользовались большим успехом у приходившей на выставку русской молодежи. Иногда послушать русских профессоров собиралось до 350 человек. Особенно активны в посещении их лекций были представители Русского студенческого общества, организованного в Париже выходцами из России, которые обучались во французских учебных заведениях. Они неоднократно высказывали пожелания сделать такие лекции постоянными[3].

---

[1] Ю. С. Гамбаров начал вести активную деятельность в поддержку армянского национального движения, по меньшей мере, с 1890 г. Он являлся тогда председателем Московского армянского комитета, который занимался сбором денег на поддержку армянского революционного движения на Кавказе.

[2] См. о деятельности этой школы: *Ковалевский М. М.* Международная Школа Парижской Выставки // *Гамбаров Ю. С.*, *Ковалевский М. М.* Русская Высшая Школа общественных наук в Париже. Ростов-на-Дону, 1903. С. 39—57.

[3] *Хопров В. П.* Русская Высшая Школа Общественных Наук в Париже // Вестник воспитания. 1902. № 1. С. 137.

Эта идея получила поддержку у Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевского.

В конце XIX века в Европе резко возрос интерес к общественным наукам, и «так как официальная наука не удовлетворяла народившейся потребности, то задачу эту взяли на себя свободные школы»[1]. Эти школы стали возникать в крупных европейских городах (Стокгольме, Брюсселе, Милане, Лондоне и Париже). Так, в столице Франции в 1895 году был создан Collége libre des sciences socials (Свободный колледж социальных наук)[2] с целью «организовать преподавание общественных наук в Париже». При его создании было установлено правило, по которому различные социальные доктрины должны были преподаваться «с полною свободою, предпочтительно наиболее компетентными их представителями». Для поступления в колледж не требовалось никаких дипломов. Плата за учебу в нем была небольшой — 30 франков в год[3]. Свободные учебные заведения существовали в значительной части за счет добровольных денежных пожертвований состоятельных людей.

По окончании курса обучения в колледже слушатели представляли к публичной защите письменное сочинение. Для получения диплома (Certificate d'Etudes sociales) требовалось также, чтобы успехи слушателя удостоверили три профессора, под руководством которых он занимался.

Преподававший в этом учебном заведении М. М. Ковалевский высказывал осенью 1899 года в письме к Ю. С. Гамбарову мысль о том, что в нем можно было бы организовать чтение лекций также по русскому праву, государственному и гражданскому. При этом Максим Максимович замечал, что «если бы дело пошло, можно было бы расширить его и образовать род заграничного юридического факультета»[4].

Убедившись во время общения с русскими студентами, обучавшимися в Париже, что лекции русских профессоров будут пользоваться в столице Франции успехом, Ковалевский и Гамбаров решили организовать здесь Русскую Высшую школу общественных наук. Для того чтобы такое учебное заведение приступило к рабо-

---

[1] *Гамбаров Ю. С., Ковалевский М. М.* Русская Высшая Школа общественных наук в Париже. С. 6.

[2] В 1900 году он будет преобразован в Свободную Высшую школу общественных наук.

[3] Один франк был равен в то время 37 копеек.

[4] ЦИАМ. Фонд 2244 (А. И.Чупрова). Переписка. Оп.1. Д. 690. Л. 1.

те, требовались финансовые средства. Удалось собрать 3000 франков: половина этой суммы составилась из взносов слушателей, другая половина — из пожертвований самих лекторов[1]. С таким бюджетом начался первый учебный год в Русской Высшей школе общественных наук. Позднее стали поступать деньги от посторонних благотворителей. «Ты, вероятно, слышал, — писал М. М. Ковалевский 13 января 1903 года А. И. Чупрову, — что денежные дела школы блестящи: одна из слушательниц, москвичка, пожелавшая сохранить инкогнито, после одной из моих лекций вручила мне чек в тридцать тысяч франков. Вчера из Канн послана еще тысяча. Лет на шесть существование школы обеспечено»[2]. Стремясь обеспечить материальную базу школы, Ковалевский продал бóльшую часть своего имения в Харьковской губернии местным крестьянам, но харьковские чиновники воспрепятствовали переводу вырученных от этой продажи денег из Харьковского банка в Париж.

Финансовые проблемы организованного в Париже Ковалевским и Гамбаровым русского учебного заведения во многом решило включение его, на условиях сохранения автономии, в состав французской Свободной высшей школы общественных наук.

В здании последней, расположенном в Париже по адресу: rue Sorbonne, 16, 14 ноября 1901 года состоялось торжественное открытие Русской Высшей школы общественных наук. В этом здании впоследствии и читались лекции. Учебная программа школы предполагала объединение в одно целое многих научных дисциплин, преподававшихся в университетах по трем совершенно обособленным друг от друга факультетам: философскому, юридическому и филологическому. В ней отсутствовали «прикладные отрасли обществознания». Для слушателей, которые не имели возможности специально заниматься общественными науками и искали общих знаний по ним, в стенах Русской Высшей школы было предусмотрено, наряду с систематическим преподаванием общественных наук, чтение отдельных лекций по наиболее важным вопросам этих наук.

Программой на 1902/03 учебный год в школе предполагалось изучение таких курсов, как «философия и методология математи-

---

[1] *Гамбаров Ю. С., Ковалевский М. М.* Русская Высшая Школа общественных наук в Париже. С. 3.

[2] Письма М. М. Ковалевского к Чупрову Александру Ивановичу // Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. С. 512.

ческих, физико-химических и биологических наук», «философия и методология социальных наук», «всеобщая история и описательная социология», «антропология и этнография», «история религии», «эволюция экономического быта и экономических учений», «история политических теорий и учреждений», «история учреждений и теорий гражданского права», «социальная криминология», «эволюция метафизических систем и нравственных понятий и учений», «история литературы и искусств»[1].

Управлял этим необычным учебным заведением Совет профессоров, который избирал из своего состава Распорядительный комитет из 5 человек: президента, двух вице-президентов, генерального секретаря и его помощника. Президентом школы был избран лауреат Нобелевской премии в области медицины, вице-директор Пастеровского института в Париже, профессор И. И. Мечников, вице-президентами — Е. В. де Роберти и М. М. Ковалевский. Генеральным секретарем стал Ю. С. Гамбаров.

Помимо постоянно проживавших в Париже Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевского в Русской Высшей школе общественных наук преподавали также профессора, работавшие в разное время на юридическом факультете Московского университета, а именно: преподаватели политэкономии и статистики А. И. Чупров и Н. А. Каблуков, профессор П. Г. Виноградов. Кроме того, для чтения лекций в Русскую Высшую школу общественных наук приглашались историки Н. И. Кареев и И. В. Лучицкий, экономист М. И. Туган-Барановский, юристы А. А. Исаев и М. М. Винавер, историк литературы С. А. Венгеров и другие ученые. Некоторое время преподавали здесь известные русские поэты: Максимилиан Волошин, Константин Бальмонт, Вячеслав Иванов.

По свидетельству Ю. С. Гамбарова, практические занятия и спецкурсы проводились в школе днем, а лекции читались обыкновенно по вечерам. В связи с этим на лекции собиралось иногда по 400—500 человек[2].

М. М. Ковалевский читал в рамках раздела истории политических теорий и учреждений лекционные курсы по истории сословий в России и по конституционному праву, отводя каждому из них по

---

[1] *Ковалевский М. М.* Международная Школа Парижской Выставки. С. 58.

[2] *Гамбаров Ю. С.* Отчет о деятельности Русской Высшей Школы Общественных Наук в Париже за 1901—1902 учебный год // *Гамбаров Ю. С., Ковалевский М. М.* Русская Высшая Школа общественных наук в Париже. С. 23.

12 часов. Отдельные же лекции он читал на самые разнообразные темы. 13 января 1903 года Максим Максимович писал А. И. Чупрову: «Мне лично пришлось читать целых шесть лекций по таким разнообразным материям, как история политических учений в древности, экономических — в средние века и эпоху Возрождения, социологических — в конце прошлого столетия. Готовлюсь весною сверх этих курсов читать еще древнее русское право и английское — государственное. Такие набеги в область чужих специальностей, разумеется, расширяют собственную начитанность, но мешают в то же время всякой самостоятельной работе»[1].

По разделу учебной программы «история учреждений и теорий гражданского права» было предусмотрено чтение двух систематических лекционных курсов: Ю. С. Гамбаров читал 24 лекции по теме «Историческое введение в изучение гражданского права», а М. М. Винавер 12 лекций по курсу «Гражданское право современной Европы».

Главными задачами курса Гамбарова было, во-первых, «установить точку зрения, с которой право должно быть предметом изучения в Русской Высшей школе»; во-вторых, «подготовить почву для этого изучения сообщением общих сведений о праве в его целом и о гражданском праве, в частности»; в-третьих, «представить в историческом развитии процесс обособления гражданского права в трех главных моментах этого процесса: освобождении личности от общественных союзов, противоположении денежного хозяйства натуральному и разграничении сфер государственной и индивидуальной деятельности»; в-четвертых, дать «для объяснения современного состояния и разграничения научного и ненаучного правоведения» «исторический очерк различных состояний гражданского правоведения в различные периоды его развития и обзор различных приемов его обработки»[2].

С лекционным курсом «Историческое введение в изучение гражданского права» профессор Гамбаров совместил практические занятия по общей теории права. Таким образом, в тематике занятий, которые проводились им в Русской Высшей школе общественных наук в Париже, наметилось соединение гражданского права и теории права, которое будет характерно для всей его последующей

[1] Письма М. М. Ковалевского к Чупрову Александру Ивановичу. С. 512.

[2] *Гамбаров Ю. С.* Отчет о деятельности Русской Высшей Школы Общественных Наук в Париже за 1901 — 1902 учебный год. С. 34.

научной деятельности. Оно ярко выразится в главном произведении ученого — «Курсе гражданского права».

Среди специальных курсов, читавшихся Гамбаровым в Русской Высшей школе общественных наук, выделялся его лекционный курс «Право собственности». Юрий Степанович подвергал в нем критике распространившееся во второй половине XVIII века среди европейских правоведов, экономистов и философов представление об исключительном значении частной собственности в развитии общества. Он напоминал слушателям, что общество развивалось до того, как появилась эта форма собственности. По его словам, конкретные формы собственности «разнообразятся подобно всем общественным учреждениям, по странам, по расам, видам труда, предметам и т. д., так что ни об одной из них нельзя говорить иначе, как в связи с данными историческими условиями и различным общественным состоянием»[1]. Отсюда Гамбаров делал вывод о том, что и частная собственность может лежать в основании какого-либо конкретного хозяйственного и правового порядка, но отнюдь не всякого: она не является универсальным инструментом хозяйствования. В целом ряде сфер общественного хозяйства интересы большинства населения лучше выражают коллективная или государственная формы собственности. Существование государственной собственности в лесном хозяйстве России спасало леса от массированной вырубки, хищнического их истребления. Гамбаров проводил в лекции о праве собственности мнение о том, что частная собственность, нацеленная на извлечение максимальной выгоды, неспособна обеспечить разумное распоряжение капиталом, исключает планомерное развитие производства и предполагает вредную для общества конкуренцию. В современных условиях, отмечал он, «коллективная собственность обнаруживает заметную тенденцию к усилению, выступая то в соединении капиталов в форме различных акционерных компаний, промышленных синдикатов, артелей, трестов и т. д., то в распространении государственной, муниципальной и других форм общественного хозяйства»[2].

Содержание лекции Ю. С. Гамбарова «Право собственности» показывает, что М. М. Ковалевский был вполне справедлив, отме-

---

[1] *Гамбаров Ю. С.* Право собственности // Русская Высшая школа общественных наук в Париже. Лекции профессоров. СПб., 1905. С. 442.

[2] Там же. С. 444.

чая в своих мемуарах, что его друг отличался «некоторым тяготением к социализму»[1].

Деятельность Русской Высшей школы общественных наук в Париже широко освещалась в российских газетах и журналах — таких, как «Российские ведомости», «Русское слово», «Право», «Вестник воспитания». В результате в числе слушателей школы стало появляться все больше молодых людей, прибывавших в Париж из России специально для того, чтобы слушать здесь лекции. Если в первый год обучения в этом учебном заведении было около 200 слушателей, то к 1903 году их число возросло до 400 человек.

Отрицательным следствием роста популярности школы стало изменение состава ее слушателей. В школу потянулась политизированная, полуграмотная, одурманенная революционными идеями молодежь. Тот факт, что Русская Высшая школа общественных наук была создана вопреки воле российского правительства, а также упор на общественные науки, который делался в ней, свободный порядок поступления в школу, возможность учиться здесь без предъявления свидетельства об окончании гимназии, невысокая плата за обучение[2], а также правило, по которому слушатели школы легко получали право проживать во Франции, сделало русское учебное заведение в Париже привлекательным для такой молодежи. В 1903 году посещал занятия в этой школе Л. Троцкий[3].

Увеличение числа подобных слушателей политизировало обстановку в Русской Высшей школе общественных наук. В результате она все более превращалась из учебного заведения в обыкновенный политический клуб. 23—26 февраля 1903 года в рамках школы прочитал четыре лекции по теме «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и России» В. И. Ульянов (Ленин). В том же году с двадцатичасовым курсом лекций по теории классовой борьбы выступил в школе лидер эсеров В. М. Чернов.

Ю. С. Гамбаров протестовал против политизации Русской Высшей школы общественных наук. 23 февраля 1903 г., за час до начала лекции Ленина, он пришел к техническому секретарю школы М. А. Ингбер и сказал: «Да поймите вы, Мирон Акимович, что наша школа — учреждение легальное, мы все лекторы и слушатели его —

---

[1] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 347.

[2] Она составляла всего 10 франков в год. См.: *Гамбаров Ю. С., Ковалевский М. М.* Русская Высшая Школа общественных наук в Париже. С. 7.

[3] Об этом событии в своей жизни Л. Троцкий пишет в мемуарах «Моя жизнь» (М., 1991. С. 149—150).

люди легальные, возвращаемся обратно в Россию и все очень сильно рискуем, если у нас выступит в Школе революционер Ленин в качестве лектора»[1].

В 1904—1905 годах выступления в школе лидеров политических группировок стали постоянным явлением. Слушатели раскололись на противостоящие друг другу политические кланы. Интересы учебы для слушателей, втянутых в политическую борьбу, отходили на второй план. А поскольку подобных лиц в школе стало большинство, дальнейшее существование ее в качестве учебного заведения потеряло какой-либо смысл. Профессора не желали выступать перед такими слушателями. «Лекции возобновлены, — сообщал М. М. Ковалевский А. И. Чупрову 24 апреля 1904 года. — Профессуры мало. Имеющиеся налицо ленивы (читай Гамбаров), трусливы (Щукин) или потеряли веру в дело (Анри)»[2].

14 декабря 1905 года М. М. Ковалевский, побывавший в России, писал А. И. Чупрову: «Дорогой Александр Иванович! Хотя ты в России и не был, но рассуждаешь о ее делах более здраво людей, сидящих в ней постоянно. Я вынес впечатление дома умалишенных... Отголоском всего этого бедлама является поведение русской колонии в Париже. По моем приезде студенты школы попросили меня прочесть им лекцию о русских событиях, а затем потребовали от меня отчета, как я смею не быть республиканцем в России. Лекцию закончил аплодисментами и свистками, а затем получены студентами угрожающие письма от каких-то добровольцев и социалистов-самозванцев. Я прекратил чтения, и школа закрыта не то временно, не то навсегда. И к лучшему. Теперь уже никто не хочет учиться и все заняты только тем, чтобы внедрять в других честные убеждения клеветой и физическим насилием. Красные хулиганы стоят черных»[3].

В декабре 1905 года император Николай II утвердил «Всеподданнейший доклад» министра народного просвещения И. И. Толстого, в котором признавалось необходимым разрешить открытие и в самой России свободных, частных учебных заведений, дающих образование «выше среднего». Существование Русской Высшей школы в Париже и с этой точки зрения лишалось какого-либо смысла.

---

[1] *Ингбер М. А.* Лекции Владимира Ленина в Парижской Высшей школе общественных наук (1903) // Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 34.

[2] Письма М. М. Ковалевского к Чупрову Александру Ивановичу. С. 518.

[3] Там же. С. 527—528.

Российское правительство с самого начала с большим подозрением относилось к этому учебному заведению и имело на это все основания. Именно в среде преподавателей действовавшей в Париже с конца 1901 до конца 1905 года Русской Высшей школы общественных наук сложился круг лиц, через которых французские масоны, входившие в масонские союзы «Великая Ложа Франции» и «Великий Восток Франции», стали насаждать в России масонские организации, отличавшиеся антимонархической и антирусской направленностью своей идеологии и политической деятельности.

Условия для появления в России таких организаций были созданы политическим кризисом, нараставшим в русском обществе с 1903 года и сильно обострившимся после неудач России в войне с Японией[1] и событий «кровавого воскресенья» 9 января 1905 года.

29 апреля 1904 года Ковалевский и де Роберти возобновили свое членство в парижской ложе «Космос»[2], которая являлась частью масонского союза «Великая Ложа Франции». 16 мая 1905 года в эту ложу были приняты лекторы Русской Высшей школы общественных наук Ю. С. Гамбаров, А. В. Амфитеатров, М. И. Тамамшев, А. С. Трачевский, И. З. Лорис-Меликов и др. В записке Л. А. Ратаева[3] «О деятелях масонских лож», поданной в январе

[1] «По мере всех этих несчастий на поле брани смутное и революционное настроение России, которое уже существовало до войны, все время возрастало и возрастало, — вспоминал впоследствии С. Ю. Витте. — Общественное мнение и народное самосознание было возмущено, с одной стороны, тем легкомыслием, с которым мы начали эту войну, а с другой стороны — всеми теми неурядицами и беспорядками, которые проявлялись во время этой войны, как в материальном оборудовании армии, так и в административном» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб., 2003. С. 651).

[2] Масонская ложа «Cosmos» была основана группой французских и русских радикалов и космополитов в Париже в 1887 году. Среди основателей ее было трое русских подданных: М. М. Ковалевский, Е. В. де Роберти де Кастро ля Серда и Г. Н. Вырубов (в 1888 году он перейдет во французское гражданство). К активной деятельности ложа «Cosmos» приступила, однако, не сразу, а лишь одиннадцать лет спустя — в 1898 году.

[3] Леонид Александрович Ратаев (1857—1917) заведовал в 1902—1905 годах заграничной агентурой Департамента полиции. После ухода в отставку поселился в Париже. Находясь в отставке, неоднократно выполнял различные деликатные поручения Департамента полиции. В частности, по просьбе этого органа вел наблюдения за действовавшими в Париже масонскими организациями и собирал сведения о русских масонах. С 1910 по 1916 год направил в Департамент полиции несколько обстоятельных записок об антирусской и антигосударственной деятельности масонских организаций.

1914 года в Департамент полиции, говорилось, что «ложа "Космос" посвящала русских радикалов **целыми стадами**: 16 мая 1905 года были посвящены в масонскую степень ученика нижепоименованные лица: литератор Константин Аркадакский-Добренович, профессор Юрий Гамбаров, врач Иван Лорис-Меликов, учитель Михаил Тамамшев, профессор и историк Александр Трачевский (недавно умер), профессор Евгений Аничков и литератор Александр Амфитеатров»[1].

За неделю до указанного события названные лица держали масонский экзамен перед одним из руководителей ложи «Космос». Это странное испытание, проходившее 9 мая 1905 года в парижской квартире М. М. Ковалевского, описал в своем дневнике «История моей души» М. А. Волошин: «9 мая. У Ковалевского. Масонский экзамен. Я видел людей почтенных, старых профессоров, которых расспрашивали об их жизни, верованиях, взглядах, и они мешались и краснели, как школьники. Расспрашивал толстый еврей с бакенбардами, австрийской физиономией и острыми умными глазами[2]. Он ловко играл душой старых русских профессоров и был по профессии каучуковых дел мастером. Тамамшев, весь крупный, конический, с животом, тяжело обвисшим между коротких слоновых ног, отвечал первым.

«Позвольте Вас спросить... Вы ведь ничего не будете иметь, если я немного разыграю следователя. Вы не обидитесь нескромными вопросами? Мы здесь между собой — между будущими братьями. К тому же это необходимо...»

— Я был директором банка в Тифлисе[3]. У меня двое детей...

«Вы воспитывали их в религиозных верованиях?»

— Нет, я никогда с ними не говорил об этом... Я люблю историю Франции...

— Но что же именно Вы в ней любите? Расскажите-ка нам, мы немного позабыли?

---

[1] *Ратаев Л. А.* О деятелях масонских лож // Платонов О. А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—1996. М., 1996. С. 678.

[2] По всей видимости, это был руководитель ложи «Космос» — Мастер Стула (Venerable) — польский еврей, родившийся в Бухаресте, Натан Финкельштейн. 8 апреля 1890 года президент Франции пожаловал ему своим декретом права французского гражданина.

[3] Михаил Тамамшев происходил из знаменитой семьи армянских купцов, промышленников и меценатов, которые проживали и вели свои дела в Тифлисе, и некоторое время возглавлял здесь принадлежавший семье Кавказский банк.

— Крестовые походы.

Экзаменатор слегка морщится. Ему объясняют, что это не из клерикализма, а из патриотизма, т. к. крестоносцы основали Армянское государство.

Затем очередь Лорис-Меликова, Гамбарова, Трачевского, Добрановича и Амфитеатрова. Амфитеатр<ов> конфузится как мальчик, потому что ему трудно говорить по-французски. Я сижу в стороне, т. к. меня должны принять в другую ложу»[1].

Впоследствии А. В. Амфитеатров писал в своих воспоминаниях: «Перемасонил нас всех Максим Максимович Ковалевский. И. З. Лорис-Меликов, Ю. С. Гамбаров, М. И. Тамамшев, А. С. Трачевский и позже Е. И. Кедрин — это лекторский кружок Русской Высшей школы социальных наук, основанной М. М. Ковалевским и долго процветавшей под его управлением»[2].

В Департаменте полиции Российской империи не оставляли без внимания деятельность профессоров, преподававших в парижской Русской Высшей школе. Ю. С. Гамбарова здесь считали в политическом отношении бездарным и потому не опасным[3]. И действительно даже в условиях крайне политизированной обстановки 1905—1906 годов в России Юрий Степанович почти не участвовал в политической деятельности. Единственной его попыткой выразить какие-то свои мнения по политическим вопросам стала опубликованная в 1905 году в Санкт-Петербурге брошюра «Политические партии в их прошлом и настоящем». В следующем году он принял участие в качестве члена редакционного бюро в издании ежедневной общественно-политической и литературной газеты «Страна», затеянной М. М. Ковалевским на деньги какой-то богатой семьи и свои собственные, но выходила эта газета недолго: 18 февраля 1906 года был выпущен ее первый номер, а в июле того

---

[1] *Волошин М. А.* История моей души. М., 1996. С. 107—108. При публикации этого отрывка в издании: *Волошин М. А.* Автобиографическая проза. Дневники. М.: Книга, 1991 (с. 225) фраза «расспрашивал толстый еврей с бакенбардами, австрийской физиономией и острыми умными глазами. Он ловко играл душой старых русских профессоров и был по профессии каучуковых дел мастером» оказалась почему-то пропущенной.

[2] Цит. по: *Серков А. И.* История русского масонства. 1845—1945. СПб., 1997. С. 62.

[3] Так, оценивал Гамбарова не кто иной, как директор Департамента полиции А. А. Лопухин.

же года ее издание прекратилось «за полным недостатком средств», как признавал это сам издатель[1].

* * *

Наряду с лекциями в Русской Высшей школе общественных наук Ю. С. Гамбаров читал с 1901 года лекционный курс по гражданскому праву на экономическом отделении Санкт-Петербургского Политехнического института. После закрытия Русской школы в Париже этот институт стал на долгие годы основным местом его работы.

Занимаясь преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях, Гамбаров находил время для написания научных статей. В 1901—1903 годах он опубликовал целую серию статей в «Словаре юридических и государственных наук», выходившем под редакцией А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова[2]. Одновременно им переводились на русский язык и редактировались произведения иностранных правоведов[3].

Правовые взгляды Ю. С. Гамбарова в наибольшей полноте выразились в двух его произведениях: 1) в обширной — объемом в 82 страницы — статье под названием «Право в его основных моментах», опубликованной им в «Сборнике по общественно-юридическим наукам», который вышел в свет под его редакцией в Санкт-Петербурге в 1899 году, и 2) в первом томе «Курса гражданского права», напечатанного в Санкт-Петербурге в 1911 году[4].

Содержание статьи «Право в его основных моментах» показывает, что Гамбаров воспринимал идеи Р. Иеринга не слепо, а до-

---

[1] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 349.

[2] «Безвестное отсутствие» (том 1. Вып. 2. СПб., 1901. Стлб. 749—763); «Береговое право» (там же. Стлб. 858—863); «Бечевник» (там же. Стлб. 880—884); «Вещное право» (том 1. Вып. 4. СПб., 1902. Стлб. 1747—1758), «Вещный договор» (там же. Стлб. 1762—1775); «Вещный иск» (там же. Стлб. 1775—1784); «Вещь» (там же. Стлб. 1784—1810); «Владение» (там же. Стлб. 1940—1962); «Гражданская честь» (том 2. Вып. 4. СПб., 1903. Стлб. 577—590), «Гражданское право» (там же. Стлб. 600—652).

[3] См., например: *Жид П.* Гражданское положение женщины с древнейших времен / Перевод с французского. Под редакцией и с предисловием Ю. С. Гамбарова. М., 1902. Предисловие Гамбарова составляет здесь почти сорок страниц.

[4] См. современное его издание в серии «Русское юридическое наследие»: *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право. Общая часть / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.

вольно критически и в целом только в той мере, в каковой они соответствовали его собственным воззрениям на право. Так, Гамбаров делал в названной статье следующий вывод, идущий вразрез с пониманием сущности права немецким правоведом: «Сущность юридической нормы состоит, таким образом, не в ее принудительности или принуждаемости, а в способности действовать в качестве мотива на человеческую волю. Всякая попытка авторитетной власти заставить своими приказами подчиненных ей лиц согласовать с этими приказами их поведение есть попытка к установлению права. Если эта попытка венчается успехом, то приказы обращаются в право и остаются им до тех пор, пока они исполняются, в виде общего правила, и ведут к соответствующему им регулированию жизненных отношений. Если же эти приказы не действуют определяющим образом на волю и не исполняются, как общее правило, то в них нельзя видеть и право, которое собирается не из предписаний, существующих только на бумаге или в теории, а из таких норм, которые постоянно осуществляются и этим показывают, что служат достаточно сильными мотивами для определения воли. Следовательно, право есть и в формальном смысле не грубая сила, не внешнее принуждение, как этого хочет Иеринг, а с ним вместе и школа положительного права, а только *определяемость воли известными мотивами,* или *«мотивация»*.

Ю. С. Гамбаров соглашался с Р. Иерингом в том, что ни одно законодательство ни одного народа в мире не может быть понято без исследования практической жизни этого народа. Он так же, как и немецкий ученый, считал право выражением практических потребностей общества и соответственно писал о том, что «юридические понятия представляют собой не простые логические категории, а живые исторические образования, которые возникают из социальных отношений и лишь после этого овладеваются юридической диалектикой, тщетно приписывающей себе привилегию творчества этих образований».

Рассмотрение материальной стороны понятия права приводило Гамбарова к мысли о том, что она состоит не в чем ином, как в содержании регулирования общественной жизни, имеющего своей целью удовлетворение человеческих потребностей. Признавая, что, с этой точки зрения, право как таковое не отличается от других способов регулирования общественных отношений, русский правовед делал вывод о том, что понятие права может быть установлено только присоединением к материальной стороне данного понятия при-

знаков формальной стороны права. В результате право выступало у Гамбарова по своему определению как «*практическое регулирование общественной жизни с целью обеспеченного удовлетворения человеческих потребностей путем установления и осуществления внешне обязательных, не зависящих от воли подчиненных лиц и неприкосновенных до своей отмены норм человеческого поведения*».

Понимание сущности права, выраженное в статье «Право в его основных моментах», Гамбаров перенес и в свой «Курс гражданского права». «Никому не позволено игнорировать со времени Иеринга, — писал он на страницах указанной книги, — что юридические понятия суть не простые логические категории, а живые исторические образования, которые возникают из социальных отношений и лишь после своего возникновения овладеваются юридической диалектикой, напрасно приписывающей себе привилегию творчества на эти образования. Культ логики подменивает реальные силы, управляющие общественной жизнью, мертвой диалектикой, и забывает, по выражению того же Иеринга, что не жизнь существует для понятий, а понятия для жизни, и что право повинуется не тому, что логично, а тому, что предписывается общественной солидарностью и чувством права»[1].

Опираясь на идеи Р. Иеринга, Гамбаров стремился развенчать доминировавшее в европейской юриспруденции позитивистское направление, сводившее право к законодательству, злоупотреблявшее логическими категориями, придававшее исключительное значение форме права. «Сводить всю юриспруденцию к толкованию действующего права и, особенно — такого, которое выражено только в законодательстве той или другой страны, предполагая притом, что толкование должно ограничиваться лишь заключенным в этом законодательстве материалом, это, действительно, значит вести юриспруденцию как науку к банкротству»[2], — заявлял он. При этом русский правовед напоминал простую истину, забываемую, по его мнению, многими современными ему учеными-юристами, а именно: то, что «исследование частного дает понятие науки только в связи с исследованием общего»[3]. Право, изолированное от окружающего его мира и от всех своих источников, кроме закона, изолированное даже от своего собственного прошлого и будущего, утверждал

[1] *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. СПб., 1911. Т. 1. С. 6—7.
[2] Там же. С. 10.
[3] Там же.

Гамбаров, такое право не может быть ни предметом особой науки, ни вообще научного рассмотрения. По его словам, «всякое право — есть часть того целого, которое называется обществом и от которого оно заимствует как свое содержание, так и основание своего действия. Источником его служит не один закон, который не может всего предвидеть и выражает лишь минимальную часть фактически существующего права. Закон резюмирует в действительности только прошлое и уже пережитое, рядом с которым бьют и никогда неиссякаемые ключи настоящего. Эти ключи исходят из ежедневно нарождающихся потребностей экономической и общественной жизни, из вновь складывающихся в различных общественных слоях навыков и обычаев, из доминирующих в тот или другой момент умственных течений и нравственных идей, из устанавливающейся часто в противоречии с действующим законодательством судебной практики, из соответствующих образцов иностранного права, из потребностей международной жизни, из постоянно обновляющихся учений юристов, экономистов, политиков и т. д.»[1] Отсюда Гамбаров делал дальнейший вывод: «Не может быть и речи об ограничении правоведения одним юридическим, а не то что законодательным материалом, который должен быть постоянно пополняем другими, действующими рядом с этим последним и нередко пересиливающими его источниками права»[2].

В своих произведениях Гамбаров выступал убежденным сторонником «социальной юриспруденции», которая исходит из того, что «если право есть необходимое регулирование и упорядочение социальной жизни, то все социальные вопросы должны быть в то же время вопросами права, и vice versa».

«Курс гражданского права», первый и единственный том которого вышел в свет в 1911 году, является главным, наиболее значительным со всех точек зрения, произведением Гамбарова. Его основу составили лекции по гражданскому праву, которые Юрий Степанович читал на экономическом отделении Санкт-Петербургского Политехнического института. В частности, первой главой «Курса гражданского права» — «Задачи правоведения» — стали две его вступительные лекции по данному предмету. Гамбаров опубликовал их еще в 1907 году — в январском номере «Журнала Министерства юстиции». В том же году они вышли отдельной брошюрой[1].

---

[1] *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. Т. 1. С. 10.

[2] Там же. С. 11.

Гамбаров рассчитывал, что книга «Курс гражданского права» займет три тома, из которых первый должен был, по его замыслу, содержать общую часть гражданского права, второй — вещное право, третий — обязательственное.

Из предисловия, написанного Гамбаровым в марте 1911 года, то есть перед самой сдачей первого тома книги в печать, можно сделать вывод о том, что он замышлял создать не совсем обычный для русской цивилистики курс гражданского права. Так, цель своего курса ученый видел в том, чтобы «представить гражданское право в его общих признаках и понятиях, раскрываемых многовековой историей и практикой этой отрасли правоведения». В связи с этим он отмечал, что предметом его курса является «не русское, а общее гражданское право, насколько оно получается в осадке развития его отдельных институтов и доктрин у всех народов, стоящих в более или менее сходных условиях жизни. Поэтому и центр тяжести курса лежит не в партикуляризмах, или особенностях местного права того или другого народа, а в тех понятиях о б щ е г о п р а в а, которые могут быть извлечены из этих партикуляризмов».

Гамбаров считал, что только такой подход к гражданскому праву может придать ему значение «научной дисциплины» и превратить его в настоящую «школу» для юриста — такую, из которой обучающиеся юриспруденции будут выносить «*способность разбираться не только в своем, но и во всяком законодательстве*, отличать его жизненные части от мертвых или умирающих и приходить к пониманию социальных задач права» (курсив мой. — *В. Т.*).

При ином подходе, отмечал Гамбаров, — то есть при ограничении задачи гражданского права изучением лишь какого-либо местного или национального законодательства — получится смешение права с законом и невозможно будет приобрести знание науки. Из такого обучения выйдут, по его мнению, лишь юристы типа старых русских подьячих, — то есть юристы, которые будут «прекрасно осведомлены в способах совершения юридических актов и различных лазейках закона», но окажутся неспособными «решить правильно ни один из тех многочисленных вопросов, которые остаются нерешенными для всех законодательств, или предоставляются ими либо ведению науки, либо усмотрению судьи».

Из всех этих рассуждений складывается впечатление, что Гамбаров задумывал создать своего рода *теорию гражданского права*.

[1] *Гамбаров Ю. С.* Задачи современного правоведения. СПб., 1907.

Причем он писал не научный трактат, а учебный курс. К сожалению, ему не удалось завершить и выпустить в свет второй и третий тома своего «Курса гражданского права», посвященные институтам вещного и обязательственного права. Однако часть материалов, которые скорей всего вошли бы в эти тома, были им опубликованы в отдельных журнальных статьях.

Сергей Андреевич Муромцев

(1850—1910)

СЕРГЕЙ Андреевич Муромцев родился 23 сентября 1850 года в Санкт-Петербурге в семье офицера лейб-гвардии Московского полка. Его мать — Анна Николаевна (1822—1901) — происходила из старинных дворянских родов Борщёвых и Костомаровых. Род его отца — Андрея Алексеевича Муромцева (1818—1879) — также уходил своими корнями в далекое прошлое. Фамилия Муромцевых указывала на то, что первые ее носители жили когда-то в районе расположенного на реке Оке старинного русского города Мурома: во всяком случае, Сергей Андреевич считал Муром своим фамильным городом, а друзья его или просто знакомые иногда в шутку говорили о нем как о потомке былинного русского богатыря Ильи Муромца.

По данным, полученным Сергеем Андреевичем в результате собственных генеалогических изысканий, первый представитель его рода носил имя Афанасий и жил в начале XVII века. Его сын — Семен Афанасьевич Муромцев — служил царю Василию Шуйскому и в составе его ратников оборонял Москву от войска Лжедмитрия II. Никита Семенович Муромцев был стольником при царском дворе. Алексей Никитич Муромцев (1682—?) также состоял на государевой службе, в 1739 году он вышел в отставку. Его сын — Никита Алексеевич Муромцев — служил подпоручиком в Преображенском полку, вышел в отставку после издания в 1762 году «Манифеста о вольности дворянской». Он был довольно богатым помещиком: помимо родового имения Дудино, которое находилось в Медынском уезде Калужской губернии, у него были поместья в Орловской, Смоленской и Тульской губерниях. Никита Алексеевич был прадедом правоведа С. А. Муромцева. Дед Сергея Андреевича — Алексей Никитич Муромцев (1769—1838) — участвовал в чине секунд-майора Московского гренадерского полка в русско-турецкой войне, а во время Отечественной войны 1812 года, будучи в отставке, состоял в ополчении. Его имение Предтечево нахо-

дилось в Тульской губернии. В 1800 году Алексей Никитич женился на дворянке Черниговской губернии Прасковье Семеновне Уманец, у них родилось 14 детей: самым младшим из них был отец Сергей Андреевича.

В 1854 году Андрей Алексеевич Муромцев был возведен в чин полковника. В следующем году его назначили командиром второго гренадерского запасного полка. С этой должности он вышел в 1858 году в отставку, купил находившееся в 40 верстах от Предтечево имение Лазавку в Новосильском уезде Тульской губернии[1] и переехал туда на постоянное жительство вместе с семьей.

Сергей был четвертым ребенком в семье Андрея Алексеевича и Анны Николаевны Муромцевых. И первым из них, пережившим детство: никто из трех ранее родившихся у них детей не дожил и до двухлетнего возраста. Родившиеся у Муромцевых после Сергея еще один сын (Николай) и две дочери оказались более счастливыми: они избежали ранней смерти. Брат Сергея Андреевича — Николай Андреевич Муромцев (1852—1933) — в 1880 году окончил Императорское Московское техническое училище[2], получив специальность инженер-механика. В начале XX века он был членом Московской городской управы. Его дочь Вера Николаевна Муромцева (1881—1961) известна как жена (до 1922 г. — невенчаная) писателя и поэта Ивана Алексеевича Бунина.

Дедом Сергея Муромцева по материнской линии был Николай Андреевич Костомаров, а бабушкой — Александра Михайловна Костомарова. Ей принадлежало имение Харино в Крапивенском уезде Тульской губернии. До того как родители Сергея обзавелись собственным имением, мальчик обыкновенно проводил здесь лето. Николай Андреевич, вышедший к тому времени в отставку в генеральском чине, любил рассказывать своему внуку о сражениях, в которых он участвовал во время Отечественной войны 1812 года и последующего заграничного похода русской армии.

По воспоминаниям Николая Андреевича Муромцева, его старший брат уже в возрасте девяти-десяти лет играл в «государство», у которого имелись своя территория и название, совпадающие с территорией и наименованием муромцевского имения. Главой воображаемого «государства Лазавка» Сергей объявлял себя, но и това-

[1] В настоящее время — это Новодеревеньковский район Орловской области.

[2] В настоящее время — Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана.

рищам его по этой игре хватало высоких должностей. В «государстве Лазавка» имелся «парламент» с двумя палатами, размещавшимися в двух беседках сада: верхней палатой был «государственный совет», нижней — «палата депутатов». Государственная территория была разделена на губернии и уезды. Для сообщения между городами была устроена железная дорога со станциями и расписанием движения поездов. Глава «государства» регулярно проводил какие-нибудь реформы, которые потом описывал в его истории.

Анна Николаевна и Андрей Алексеевич были образованными людьми и постарались дать своим детям хорошее домашнее образование. Глава семейства самолично учил своих сыновей арифметике.

В 1860 году семья Муромцевых была вынуждена переехать в Москву, поскольку пришла пора их сыну Сергею поступать на учебу в гимназию. Поселились Муромцевы в Скатертном переулке, в одном из двух деревянных домов с общим двором, принадлежавших родителям Анны Николаевны. Они находились на том месте, где в настоящее время стоит каменный дом под номером 22, построенный в 1914 году по проекту архитектора В. В. Воейкова.

Учился Сергей Муромцев в гимназии[1] легко: добротная домашняя подготовка и природные задатки к умственной работе позволяли ему без особого труда получать высокие оценки. Но первым учеником в своей гимназии он не стал: более того, был случай, когда учитель латинского языка оценил его знания по этому предмету как неудовлетворительные. В семье Муромцевых факт получения Сергеем такой вполне обыкновенной для многих учащихся оценки восприняли как трагедию. Это заставило его учиться в дальнейшем с бóльшим прилежанием. В результате гимназию он окончил с золотой медалью.

В гимназический период жизни Сергей Муромцев увлекся театром. Особенно ему понравились комедия в стихах «Горе от ума» (в ней тогда играл знаменитый актер М. Н. Щепкин) и комедия в прозе «Ревизор». Произведение А. С. Грибоедова он выучил наизусть. Сергей и сам пробовал писать небольшие пьесы и оперные либретто. И сам же их потом разыгрывал как режиссер. Письменный стол в своей комнате он превращал в сцену, на которой выстраивал из книг декорации, расставлял шашки, заменявшие ему ак-

[1] Первый класс Сергей Муромцев прошел в 4-й Московской гимназии, остальные — в 3-й.

теров, передвигал их и говорил за них то, что им надлежало говорить в соответствии с текстом пьесы. Политическая деятельность сродни деятельности театральной, а политики подобны актерам и режиссерам. Поэтому вполне можно сказать, что, играя в театр, Сергей Муромцев готовил себя, сам того не подозревая, к роли политика.

Иногда в доме Муромцевых устраивались настоящие спектакли с живыми актерами, в качестве которых выступали родные и двоюродные братья и сестры Сергея, его друзья. В этих спектаклях участвовал, например, Николай Валерианович Муравьев (1850—1908): он учился так же, как и Сергей Муромцев, в 3-й Московской гимназии, но на класс ниже, потом на юридическом факультете, но на курс ниже. В 1894—1904 годах Н. В. Муравьев занимал должность министра юстиции и совмещенный с ней пост генерал-прокурора Российской империи. Однажды в доме Муромцев играли пьесу «Жених-мандарин», автором которой был Николай Муравьев. Несколько лет спустя он сам станет женихом и женится на двоюродной сестре Сергея Муромцева Александре Викторовне Муромцевой.

Гимназические годы С. А. Муромцева пришлись на время, когда в России начинались крупные государственные преобразования. Отмена крепостного права, финансовая, земская, судебная реформы существенно обновляли русское общество и систему управления Российской империей, создавали новый суд. В эту пору формировалось мировоззрение Сергея Муромцева. Большое влияние на него оказал старший брат его отца — Семен Алексеевич Муромцев, проживавший в Предтечево. Среди окрестного населения он имел репутацию образованного и справедливого человека. В период проведения крестьянской реформы Семен Алексеевич действовал в качестве мирового посредника, потом был мировым судьей. В общении с ним Сергей Муромцев усваивал критический взгляд на окружающую действительность, проникался сознанием необходимости вести борьбу за свои идеалы. Посылая в 1877 году своему дяде Семену Алексеевичу докторскую диссертацию, Сергей Андреевич писал ему: «Вы прикосновенны и очень прикосновенны к моему сочинению. Вы были человеком, у которого я с детства научился относиться критически к окружающему и не поддаваться чему-либо бессознательно, потому только, что оно есть старое. У Вас я впервые научился смелости, с которою следует громить предрассудки. То, что Вы сделали в практической жизни, я взял на себя

в сфере научной»[1]. В письме Семену Алексеевичу, написанном в конце 1878 года, после своего избрания редактором журнала «Юридический вестник», Сергей Андреевич признавался: «Каждый раз, милый дядя, когда мне приходится браться за новое дело и вести его с борьбой против всяких предрассудков, невежества, пошлости, предо мною восстаёт Ваш образ, служивший мне символом борьбы за правду. С самого детства я привык видеть в Вас человека, который ставил своею жизнью такую борьбу и имел достаточно мужества и перед властью, и перед толпою (которая подчас бывает опаснее власти), чтобы делать своё дело до конца, как следует»[2].

Среди биографов С. А. Муромцева распространено мнение, что именно его дядя вызвал в нем интерес к юриспруденции. Семен Алексеевич действительно мог своими беседами с племянником подвигнуть его идти учиться на правоведа, но нельзя забывать, что к такому выбору подталкивала в то время любого способного молодого человека сама духовная атмосфера в русском обществе. Реформы 60-х годов XIX века и особенно принятие в 1864 году судебных уставов, создававших новый суд, новую судебную систему, сделали юридические профессии очень привлекательными в общественном мнении. На судебные процессы стали ходить как на театральные спектакли. Посещал их в свободные от гимназических занятий часы и Сергей Муромцев.

Адвокат, поэт и литературный критик С. А. Андреевский писал в своих мемуарах об этом времени: «Газеты были переполнены отчетами о процессах. Самые незначительные речи приводились целиком. Шумели новые имена. Повсюду между обвинением и защитой происходили публичные состязания в благородстве чувств, в правильном понимании закона и жизни, в остроумии, в блеске фраз и в постижении тончайших изгибов души человеческой... Все дышало возбуждением и поневоле казалось привлекательным. И потому наиболее художественные натуры из всего народившегося, свежего поколения ушли в судебную деятельность. И нужно правду сказать: в судебных речах встречалось в то время более лиризма, психологии и красоты, нежели во всей беллетристике (исключая писателей старшего поколения)»[3].

---

[1] Цит. по: Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей / Под редакцией Д. И. Шаховского. М., 1911. С. 8.

[2] Там же.

[3] *Андреевский С. А.* Книга о смерти. Л., 1927. С. 119—120.

В этих условиях до небывалой высоты возрос авторитет юридической науки. Правовед С. В. Пахман признавал в 1882 году: «Серьёзная потребность в юридическом знании, как известно, была сознана у нас собственно с весьма недавнего времени, именно, со времени судебной реформы, когда деятельность суда была изъята из области канцелярской тайны и стала доступна гласному контролю общественного мнения. Только с этого времени юридическая наука могла выступить с свойственным ей авторитетом»[1].

При таких обстоятельствах вполне понятным было решение Сергея Муромцева поступить после окончания гимназии на юридический факультет Императорского Московского университета.

Главной задачей данного факультета была подготовка молодых людей к гражданской государственной службе. Но Сергей Муромцев еще в самом начале учебы в университете знал, что не пойдет по этому пути. «С некоторого времени меня стал занимать вопрос о моей будущности, и я как-то чувствую, что я не совсем способен к государственной службе, что у меня гораздо больше склонности к кабинетным ученым занятиям»[2], — признавался он осенью 1867 года в письме к двоюродному брату Владимиру Семеновичу Муромцеву.

Спустя два года представления Сергея Муромцева о своем будущем определились еще точнее. 27 октября 1869 года он уверенно сообщал кузену Владимиру: «Minimum через 6 лет я буду защищать диссертацию на степень магистра... А лет через 7 или 8, примерно сказать в 1877 г., начну читать лекции. А до тех пор буду жить без страстей и бурь, занимаясь и учась. Благодаря своей фантазии я уже представил себе картину первой моей лекции. Впрочем, фантазия была последовательна. Вслед затем она писала мне Высочайшее повеление об отставке за распространение либерализма»[3].

На первом курсе самое большое впечатление на студента Муромцева произвели лекции профессора С. М. Соловьева по русской истории. По мнению П. Н. Милюкова, слушая эти лекции, Сергей Андреевич «окончательно укрепился в своем “западничестве”»[4]. Русской историей Муромцев продолжал заниматься и позднее. Так, в феврале—марте 1870 года он написал сочинение по теме «Дружина и ее отношение к земщине до конца XII столетия».

---

[1] *Пахман С. В.* О современном движении в науке права. СПб., 1882. С. 67.

[2] ГАРФ. Фонд 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

[3] Там же. Л. 24.

[4] Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 10.

На втором курсе наиболее интересными студенту Муромцеву показались лекции по русскому государственному праву, которые читал доцент Василий Иванович Сергеевич. Сохранилось литографированное издание конспекта данных лекций, сделанное однокурсником и другом Сергея Муромцева князем Л. С. Голицыным. Основной его текст занимает 239 страниц.

Начинались лекции В. И. Сергеевича с изложения общих понятий о государстве, государственном праве и политике. Затем давался обзор учений о возникновении и цели государств, после него излагались следующие темы: «общее учение о верховной власти», «формы государственного устройства», «устройство соединенных государств» (союз государств, союзное государство, личное и реальное соединение государств), «источники русского государственного права», «государственная власть», «верховная власть», «подданные», «судоустройство», «русское государственное управление».

При изложении понятий русского государственного права В. И. Сергеевич опирался на исторические факты, он старался показать, как эти понятия развивались на протяжении истории России. «Государство есть явление историческое. Все историческое развитие человечества совершается в форме государства»[1] — с этих слов начиналась его первая лекция по данному предмету.

Во время обучения на третьем курсе Сергей Муромцев попал под влияние профессора Н. И. Крылова и увлекся историей римского права. В 1880 году он вспоминал о его лекциях: «Крылов действовал на умы своих слушателей; они *жили*, работали под влиянием его чтений и навсегда сохранялись следы этой работы и память о ней... Пред слушателем проходили последовательно мифический патриций, — сжатый тисками религиозно-родовых сочленений, сдавленный рядом авторитетов и в то же время сильный своею консервативною привязанностью к старине, — голодный и потому заносчивый и настойчивый плебей, шаг за шагом отвоевывающий себе права и основывающий тип гражданина цветущей эпохи Рима; проходил потом этот мощный тип во всей его величественной красе для того, чтобы смениться своевольным и развращенным гражданином конца Республики, в свою очередь преобразовавшимся в еще более развращенного, робкого и подловатого клеврета Империи. Необыкновенная пластичность представления и языка делали

[1] Русское государственное право. Конспект лекций доцента В. И. Сергеевича. Издание кн. Л. С. Голицына. М., 1868—1869. С. 1.

лекцию Крылова доступною и для неизбранных слушателей. В образной речи его всегда было достаточно глубины, чтобы дать работу голове самого пытливого слушателя и в то же время в умы обыкновенные, робевшие пред отвлечением, проникало немало, благодаря именно особенностям речи профессора. В счастливом сочетании глубины мысли с пластичностью ее передачи заключался источник могучей силы Крылова как профессора. Трудно передать на словах всю увлекательность его речи, изобразить напряженное состояние, которое переживала, слушая Крылова, его аудитория. Слишком слабыми покажутся в настоящем случае обычные эпитеты. На русских юридических кафедрах не было еще лектора более замечательного... Чтобы судить о его речи, надо было самому слушать и, кто слышал ее, тот знает ее силу. Крылов был профессор-*поэт*»[1].

Под влиянием лекций профессора Н. И. Крылова студент Муромцев выбрал в качестве предмета своей специализации римское право. И по завершении в июне 1871 года университетского курса обучения со степенью кандидата прав[2] он подал прошение об оставлении его при Московском университете для подготовки к преподавательской деятельности именно по кафедре римского права. По каким-то причинам оно было отклонено. После того как Муромцев обратился с такой же просьбой во второй раз, ему было предложено остаться в университете за свой счет... при кафедре финансового права. Сергей Андреевич согласился. 6 ноября 1871 года Совет Московского университета утвердил ходатайство юридического факультета об оставлении Сергея Муромцева «на два года для усовершенствования в науках и приготовления к профессорскому званию»[3]. Материальное обеспечение его дальнейшей учебы в размере 200 руб. в год взял на себя его отец.

Первый год своей магистратуры Муромцев провел в имении Зяблицкий погост во Владимирской губернии, принадлежавшем его другу князю Л. С. Голицыну. В марте 1873 года он отправился с князем совершенствовать свои познания в юридических науках в

---

[1] Цит. по: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 20 томах. Т. 15. СПб., 1901. С. 244—246.

[2] В данной степени студент Муромцев Сергей Андреевич был утвержден решением Совета Московского университета 7 июня 1871 г.

[3] Формулярный список о службе сверхштатного ординарного профессора Императорского Московского университета Сергея Андреевича Муромцева (составлен в феврале 1884 г.) // ГАРФ. Фонд 575. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

Германию. Сначала Муромцев и Голицын слушали в Лейпцигском университете лекции профессора Иоганна-Эмиля Кунце по римскому праву, затем в Геттингенском университете посещали лекции Рудольфа фон Иеринга. Упрощенные, абстрактные схемы этого немецкого ученого почему-то произвели на Муромцева огромное впечатление. Сергей Андреевич неоднократно обращался к профессору Иерингу за советами в стремлении разрешить некоторые «недоумения», мешавшие ему завершить свое магистерское исследование. Первый том произведения Р. Иеринга «Дух римского права» Муромцев считал лучшим произведением немецкой романистики, а его автора — своим учителем наряду с профессором Н. И. Крыловым[1].

Свои впечатления о Германии Сергей Андреевич выразил в письме к двоюродному брату Владимиру Муромцеву: «Германия меня ужасно занимает. Тебе она пришлась бы по душе — все система, самая строгая система и порядок. Но я в ней уживаюсь плохо. Не то чтобы система была не по мне (как принцип): в противном ты, наверное, давно уже успел убедиться. Но в последние два—три года моей кочевой жизни я узнал и другое начало — независимость и отчасти беспорядок, а с этими качествами здесь являешься каким-то пугалом»[2].

Весной 1874 года Сергей Муромцев возвратился в Россию и стал готовиться к экзаменам на степень магистра гражданского права. После их сдачи он завершил свою магистерскую диссертацию и представил ее к защите. Публичный диспут по диссертации С. А. Муромцева «О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права» состоялся на юридическом факультете Московского университета 5 апреля 1875 года. В качестве его официальных оппонентов выступили В. А. Умов и Н. П. Боголепов[3]. 21 апреля того же года Муромцев был утвержден в степени

[1] «Но на первой странице моего труда, — писал С. А. Муромцев в самом начале своей магистерской диссертации, — я считаю долгом выразить мою глубокую благодарность моим наставникам, почтенным профессорам Н. И. Крылову и Ihering'у, за благосклонность, с которой они дозволили мне обращаться к ним за разрешением некоторых, ставших на пути моей работы, недоумений, и содействовали их устранению».

[2] Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 22.

[3] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Д. 22. Л. 72. В формулярном списке С. А. Муромцева, составленном в 1884 г., датой публичного диспута по его магистерской диссертации почему-то указано 21 апреля 1875 г.

магистра на заседании Совета Московского университета. Тогда же он был избран доцентом юридического факультета по кафедре римского права[1]. Совет Московского учебного округа утвердил его в названной должности 26 апреля 1875 года. 31 августа 1875 года доцент Муромцев был возведен в чин надворного советника.

В своей магистерской диссертации, изданной в 1875 году в Москве в виде книги, Муромцев развивал, как он сам признавал, высказанную Рудольфом фон Иерингом в работе «Дух римского права» идею о том, что «объективное право, начиная с древнейшей эпохи его развития, представляет непосредственный продукт умственного труда, названного в данном случае юридическим мышлением или юриспруденцией в широком смысле слова»[2]. Русский ученый считал, что этот вопрос можно рассматривать по двум направлениям: по его словам, «во-первых, полезно было бы исследовать зависимость формы каждого отдельного института от юриспруденции и отметить, что именно в его конструкции должно быть отнесено на счет ее своеобразного действия. Во-вторых, не менее полезно было бы выделить различные свойства юридического мышления и исследовать каждое из них в его историческом развитии»[3]. Магистерская диссертация Муромцева была исследованием второго рода. Выбор же из свойств римского юридического мышления консерватизма Сергей Андреевич объяснял следующим образом: «Консерватизм составлял свойство, характеризовавшее римскую юриспруденцию в продолжение весьма долгого периода ее деятельности и служил важною образующею причиною в истории юридических норм Рима; благодаря консерватизму юриспруденции, в римском праве явился целый ряд определений, отличительная черта которых состоит в том, что их появление вызвано явно не потребностями правовой жизни, а самостоятельными потребностями юридического мышления. Известно, что эти определения не составляют явления, вполне незамеченного современною нам литературою, но все, что сделано по отношению к ним, довольно неудовлетворительно. Существует много исследований об отдельных, относящихся

[1] В формулярном списке С. А. Муромцева говорится, что он был утвержден доцентом кафедры «римской словесности». Это явная описка: Сергей Андреевич занял кафедру, которую ранее занимал его учитель профессор Н. И. Крылов.

[2] *Муромцев С. А.* О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права // Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. С. 61.

[3] Там же. С. 64.

сюда предметах, которые по большей части диаметрально расходятся между собою в выводах, и даже тот факт, что все явления этого рода находятся в вышеуказанной связи с деятельностью юриспруденции, не может еще почесться бесспорным; при этом не существует сочинения, которое рассмотрело бы все эти явления под одною точкою зрения и определило бы их историческое соотношение»[1]. Своей магистерской диссертацией Муромцев намеревался «восполнить сколько-нибудь указанные недостатки»[2]. Он рассматривал это исследование в качестве начального этапа всестороннего исторического изучения консерватизма римской юриспруденции.

Консерватизм юриспруденции Муромцев видел в «ее наклонности сохранять по возможности долго, не стесняясь практическими требованиями гражданского оборота, раз установившиеся ассоциации юридических представлений»[3]. Он доказывал в своей работе, что в Риме «консерватизм юристов пришел в столкновение с их практическим чувством, подсказавшим им о необходимости идти вслед за потребностями развивавшегося гражданского оборота, а к примирению послужили две формы мышления, при которых старые юридические понятия сохранялись не изменившимися, а новые явления правовой жизни общества получали юридическую защиту»[4]. Этими формами в их исторической преемственности были, по его мнению, аналогия и дуализм в правовой системе.

Рассматривая указанный дуализм, Муромцев выявил его благоприятные последствия для развития юридической мысли: «юридические понятия, отнесенные юристами в новую самостоятельную систему, могли, как отрешенные от влияния старых идеалов, развиваться совершенно свободно и послужили центром, к которому примкнуло образование юридических понятий, представлявших собою действительно нечто новое»[5].

Муромцев отмечал в своей диссертации, что консерватизмом отличалась не только римская юриспруденция, но и, например, юриспруденция английская. Однако в Древнем Риме это свойство юриспруденции имело особенно сильный характер. По его словам,

---

[1] *Муромцев С. А.* О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права. С. 64—65.

[2] Там же. С. 65.

[3] Там же. С. 211.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 212.

«в римской правовой жизни развитие консерватизма юриспруденции было усилено тем особенным обстоятельством, что формулирование права находилось в руках двух органов, закона и претора, из которых второй, считаясь подчиненным первому, принимал между тем наиболее деятельное участие в создании и направлении объективного права. Ряд искусственных юридических конструкций, замечаемый в римском праве, имел своим назначением прикрыть в области теории вторжение претора в сферу закона. Сюда, между прочим, относятся: древние способы интерпретации закона, некоторые мнимые сделки, преторские стипуляции, отчасти юридические фикции; далее: параллельные институты, какова бонитарная собственность, параллельные иски и, наконец, юридическая теория excepti»[1].

2 сентября 1875 года началась преподавательская деятельность С. А. Муромцева на юридическом факультете Московского университета: его вступительная лекция была посвящена теме «Римское право как предмет науки». Текст ее был напечатан в том же году в шестой книжке «Журнала гражданского и уголовного права». «Первый год чтения лекций — штука нелегкая, пять дней в неделю у меня уходит на лекции и приготовления к ним»[2], — сообщал он в сентябре указанного года Владимиру Муромцеву. В октябре же Сергей Андреевич жаловался своему двоюродному брату на постоянную усталость и недомогания. «Вся неделя уходит на лекции, — писал он, — с месяц уже чувствую себя нехорошо, как-то ослаб и энергия упала, спокойный сон совсем меня оставил»[3].

Для поправки здоровья Сергей Муромцев исходатайствовал себе заграничный отпуск. Приказом Министерства народного просвещения от 6 марта 1876 года такой отпуск ему был предоставлен, и 17 мая того же года он выехал за границу. В Россию он возвратился уже в июне и с материалами, необходимыми для работы над докторской диссертацией, отправился в деревню. «Я работаю теперь над новым сочинением, которое должно послужить мне в качестве докторской диссертации, готовлю также несколько критических статей», — сообщал Сергей Андреевич летом 1876 года кузену Владимиру.

---

[1] *Муромцев С. А.* О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права. С. 212.

[2] ГАРФ. Фонд 575. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.

[3] Там же. Л. 52.

27 ноября 1877 года С. А. Муромцев успешно защитил в публичном заседании юридического факультета Московского университета диссертацию на степень доктора гражданского права под названием: «Очерки общей теории гражданского права»[1]. 3 декабря Совет Московского университета утвердил его в докторской степени.

Изданная в 1877 году в виде книги докторская диссертация С. А. Муромцева состояла из очерков, непосредственно посвященных вопросу научно-исторического изучения гражданского права, учению об образовании гражданского права и естественному праву[2]. В предисловии к своему труду автор писал: «Не будучи плодом претензии развить всецело общую теорию гражданского права, они содержат в себе только ряд опытов, назначенных к уяснению некоторых вопросов из числа многих, имеющих отношение к общетеоретическим задачам гражданского правоведения»[3].

Наука гражданского права не может рассматриваться в отрыве от юридической науки в целом, частью которой она является. Поэтому, рассматривая общетеоретические проблемы цивилистики, Муромцев неизбежно выходил на вопрос о сущности научной юриспруденции как таковой. Он считал, что это явление свойственно только современному этапу развития правовой культуры. «Конечные цели юриспруденции, — отмечал он, — всегда и всюду остаются одинаковы. Они заключаются в регулировании правовой жизни общества, т. е. в образовании юридических норм, соответствующих обстоятельствам и в применении их к жизни. Но видоизменяются формы, в которых эти цели достигаются. Римская юриспруденция и рядом с нею юриспруденция всех цивилизованных народов в известный, ранний период своего развития дает образец полного соединения обеих функций на практической почве. Нормы гражданского права формулируются в судебной сфере по поводу и ради каждого отдельного процессуального случая, к разрешению которого и применяются. В каждом отдельном случае главный стимул, руководящий юридическим исследованием, зак-

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 46. Д. 438. Л. 7.

[2] См.: *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. Ч. I: Введение. О научно-историческом изучении гражданского права. Об образовании гражданского права. М., 1877.

[3] *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. Часть первая // Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. С. 217—218.

лючается в необходимости удовлетворить данной практической потребности. Постепенно развивающаяся любознательность еще не изменяет характера правоведения и даже способствует развитию его казуальности, прибавляя к действительным казусам выдуманные. На этой ступени юриспруденции нет различия между теорией и практикой, и юриспруденция представляется практическим искусством. Такой вид образования права предполагает живую, непосредственную связь юриста с жизнью и самостоятельность его правового чувства относительно возможных посторонних влияний. Эти условия почти не существуют у современной нам юридической жизни. Юридическое мышление каждого образованного народа находится теперь под давлением целого ряда посторонних влияний и теоретических идеалов, сковавших европейскую цивилизацию еще в самом ее начале, наше правовое чувство формируется этими идеалами столько же, сколько и потребностями окружающей нас жизни, и столкновение идеалов с реальною действительностью, столь нередкое, устраняет всякую возможность идти в деле юридического творчества исключительно путем полусознательного приспособления к обстоятельствам, как шли римские юристы. Не устраняясь совершенно, этот путь уступает первенствующее место сознательной выработке руководящих принципов права»[1].

Муромцев показал в своей диссертации ограниченность распространенного среди юристов представления о том, что предметом юридической науки является только действующее право, и ее задача заключается в уяснении лишь того, как нормы этого права применяются на практике. Признавая необходимость догматической разработки действующего права, ученый считал, что она будет плодотворной только в сочетании с изучением общественных отношений, из которых вырастают правовые институты, и познанием истории права. «Наука гражданского права, — отмечал он, — есть наука о *порядке, в котором происходят комбинации различных элементов народной жизни, производящих в истории гражданские институты*»[2].

По словам Муромцева, «наблюдение над историей и жизнью показывает полную несостоятельность» мнения, полагающего, что дело «настоящего» юриста «может и должно ограничиваться изуче-

[1] *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 390—391.

[2] Там же. С. 398.

нием одной технической стороны правоведения, обнимающей собою все средства, необходимые для правильного применения закона». Факты правовой истории удостоверяют, например, что «*законодательная функция не может быть отделена вполне от власти судебной* вопреки всем направленным к тому мерам, и что толкование закона всегда содержит в себе явное или скрытое *преобразование* его. Современная конструкция догмы гражданского права и лежащее в ее основании учение о толковании закона игнорирует совершенно это обстоятельство и ведет к такому образованию юристов, которое не согласуется с существом их практической деятельности. Догма, основана ли она исключительно на формальной систематике, или же на раскрытии связи, существующей между юридическими определениями и вызвавшими их потребностями, дает более или менее верное представление о содержании действующих источников права, но, предоставленная одним собственным силам, не вырабатывает критерия для оценки его исторического значения, необходимого на случай столкновения закона с жизнью или бессилия его пред нею. Каждый раз, как юристу приходится навязывать жизни не соответствующие ей предписания объективного права, или же за неполнотою этого последнего прибегать к своим собственным средствам для формулирования новой нормы, он не владеет никаким указанием на путь, которого следует держаться»[1].

Правильная методика правотворчества может быть усвоена, подчеркивал Муромцев, только при изучении истории права. В связи с этим он писал в своей докторской диссертации: «**Понимать закон — значит понимать его как момент исторического развития**; **применять его — значит знать историческое соотношение принципов, образующих его содержание**, и содействовать реализации прогрессивных начал, удерживая излишнее проявление начал отживающих. Так, вопреки всем догматическим теориям понимают и применяют закон на самом деле. Но в интересах дела необходимо, чтобы происходящее скрыто и бессознательно, делалось открыто и сознательно, чтобы наука и школа не оставляли практику в этом важном деле без помощи руководства. **Чтоб быть хорошим юристом, мало владеть одною техникою правоведения, но надо прежде всего быть образованным гражданином**»[2] (выделено мной. — *В. Т.*).

---

[1] *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 399.

[2] Там же.

Теоретические обобщения могут быть сделаны только на основе историко-правовых исследований. Поэтому догматическая юриспруденция, оторванная от истории права, не является юридической наукой. Муромцев же считал, что обособленная от историко-правового анализа догматическая разработка вообще бессмысленна: она не выполняет своих задач и не может дать необходимого результата. «Техника права удовлетворит лучше своему назначению, — отмечал он, — когда догматический анализ юридических определений станет в зависимость от анализа историко-философского. Путем этих изменений, не отказываясь вполне от прежних форм разработки права, но совершенствуя их, юриспруденция преобразится в науку в наиболее строгом значении этого имени»[1].

Докторская диссертация С. А. Муромцева имела программное значение. Ее основные положения составляли идейное содержание нового (для того времени) направления в правоведении, которое отличалось в подходе к праву, с одной стороны, от естественно-правового учения, с другой — от учения «исторической школы». Муромцев рассматривал его как дальнейшее развитие и соединение верных элементов обоих учений — естественно-правового и исторического. Он не дал этому направлению определенного названия, обозначив его просто как «новое воззрение». Историки же правовой мысли назовут его «социологическим позитивизмом»[2].

Характеризуя «новое воззрение», Муромцев отмечал, что оно было выработано «путем самостоятельного изучения истории права». Начало его разработки было положено историко-правовыми исследованиями Рудольфа фон Иеринга. Именно его произведения Муромцев имел в виду, когда писал: «Новейшие исследования о происхождении и дальнейшем развитии культуры, по своей глубине принадлежащие, без сомнения, к числу лучших “историко-философских” трудов нашего времени, приходят к тому заключению, что порядок общественной жизни, и в частности, правопорядок, даже в своих первых зернах, дался людям не сам собою, но приобретен ими посредством долгой и упорной работы»[3]. От данной идеи, проводившейся в работах Р. Иеринга «Дух римского права», «Борь-

---

[1] *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 401.

[2] См.: *Зорькин В. Д.* Муромцев. М., 1979. С. 18—32.

[3] *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 431.

ба за право», «Цель в праве», Муромцев отталкивался при формулировании основных положений своего «нового воззрения».

Признав, что право вырабатывается деятельностью человека и общества, русский ученый констатировал далее, что «каждый акт этой деятельности не составляет чего-либо произвольного и изолированного, но обусловлен результатами предшествовавших ему актов и всеми сопровождающими его обстоятельствами, между которыми главное место принадлежит совокупности условий, вытекающих из природы человека и общества»[1].

В качестве следующей идеи «нового воззрения» Муромцев выделял идею *постепенности* развития. «Этой идеи, — отмечал он, — чуждалось учение, господствовавшее до исторической школы, допуская возможность полного произвола мудрого законодателя. К означенной идее не было особенно близко и "историческое" правовоззрение, так как вследствие объективизма право представлялось им как бы изначала готовым и, следовательно, не требовало постепенной выработки. Согласно с новым воззрением ничто в праве не дается готовым сначала, но и ничто не вносится в него человеком вдруг. Право есть продукт постепенного исторического развития направленной к тому деятельности человечества»[2].

Из приведенных идей Муромцев выводил мысль о том, что «в процессе правообразования следует различать два элемента его: совокупность фактических отношений внутри общества (в связи со всеми обусловливающими их обстоятельствами), подлежащих регулированию юридическими нормами; и совокупность психической деятельности общества (в связи с ее условиями), направленной к отысканию и реализации этих норм, или вообще правопорядка». По словам ученого, «в сфере гражданского права к первому элементу применимо название гражданского оборота, ко второму — юриспруденции в широком смысле этого слова. Оба элемента могут быть предметом самостоятельного исследования. Каждый правопорядок есть результат взаимодействия обоих элементов»[3].

Представив право в качестве результата психической деятельности людей, направленной к созданию юридических норм для регулирования фактических отношений в обществе, и проведя тем са-

---

[1] *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 432.

[2] Там же. С. 433.

[3] Там же. С. 434.

мым идею о том, что в праве нет ничего существующего изначально и независимо от людей, Муромцев неизбежно должен был обратиться к теме естественного права, поскольку под ним понималось то, что дается людям само собой, от природы и, соответственно, без каких-либо усилий с их стороны. Сергей Андреевич вполне сознавал, что такое понимание естественного права, выраженное уже в самом названии этого явления, противоречит основным положениям его диссертации. «Существует мнение, — признавал он, — распространенное одинаково как в науке, так и вне ее пределов, полагающее, что познание многих юридических определений дается людям само собою, не требуя с их стороны такого активного участия духовной деятельности, какое бывает необходимо в случаях другого рода. Совокупность подобных определений, под именем естественного права, противополагается обыкновенно праву историческому, выработанному непосредственно человеком»[1]. Муромцев постарался показать ложность подобного мнения. Он заявил, что, во-первых, в данном случае мы имеем дело «с отражением неправильно понятого философского объективизма, влияние которого побуждает юристов искать в праве непосредственное выражение объективного правопорядка и находить его в “естественном” праве. Во-вторых, мы встречаемся здесь с продуктом слишком поспешного обобщения наблюдений над правом за сравнительно короткий промежуток времени»[2]. «С точки зрения истории, — продолжал свою критику Муромцев, — приведенное воззрение несостоятельно, потому что не покоится на достаточно доказанных основаниях. Вечность правоопределения и неизменяемость его во все время его существования могли бы служить доказательством его естественности, если бы только действительно существовали»[3].

Рассмотрев, на каких основаниях покоится представление о естественности норм естественного права, их независимости от человеческой деятельности, Муромцев сделал вывод о том, что оно проистекает всего лишь из ощущения людьми этих норм в качестве естественных. По его словам, «правоопределения, отнесенные в разряд естественных, обладают такими свойствами, которые, не свидетельствуя о действительной естественности их, могли при извест-

[1] *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 435.

[2] Там же. С. 435—436.

[3] Там же. С. 437.

ных субъективных условиях породить уверенность в том». Выявлению таких свойств и описанию, каким образом они привели к идее естественного права, Муромцев и посвятил третий очерк своей диссертации. Он обратился, в первую очередь, к римским концепциям естественного права и показал, что многие ссылки римских юристов на природу вещей или на естественный разум не имели никакого отношения к вопросу о естественном праве. Естественность норм, приписывавшихся юристами в Древнем Риме естественной справедливости, заключалась в действительности лишь в их логической очевидности или в соответствии потребностям гражданского оборота или в чем-либо еще. Но в любом случае сущность естественности правовых норм, констатировал Муромцев, не определялась «содержанием самого понятия об «естественном», потому что это понятие не имеет никакого определенного содержания»[1]. Конечный его вывод из рассмотрения значения определения «естественное» гласил: «*Все гражданское право естественно в том смысле, что каждое отдельное определение его образуется, как историческое явление, закономерным взаимодействием условий образования гражданского права — свойств человека (его потребностей и способностей), общественного организма и внешней обстановки их деятельности; но ни одно из определений права не естественно в смысле определения, дарованного самою природою помимо усилий мысли и дела людей*»[2].

Некоторые идеи своей докторской диссертации Муромцев повторил в книге «Определение и основное разделение права», изданной в Москве в 1879 году. Она выросла, как признавал сам автор, из лекций, которыми он начинал обыкновенно свой курс римского права. В предисловии к данной книге Сергей Андреевич написал, что ее цель заключалась в том, что «ввиду вновь возрастающего интереса к общим вопросам правоведения, — интереса, который, несомненно, обусловлен сознанием необходимости радикального преобразования нашей науки, — изложить систематически мысли, из коих многие далеко не новы, но которые все еще не были сопоставлены в порядке, наиболее благоприятном для справедливой оценки их»[3].

---

[1] *Муромцев С. А.* Очерки общей теории гражданского права. Часть первая. С. 497.

[2] Там же. С. 502.

[3] *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права // Муромцев С. А. Избранные труды по римскому и гражданскому праву. С. 505.

Важнейшим среди общих вопросов правоведения был (и остается до сих пор) вопрос о сущности и задачах юридической науки. Прежде чем дать ему решение, Муромцев остановился на теме о сущности и задачах науки вообще. Он напомнил общеизвестные истины, согласно которым конечная цель науки — удовлетворение потребностей, создаваемых жизнью, лучший путь, которым эта цель достигается, есть путь чистой любознательности, «задача науки заключается в определении законов, по которым происходят явления»[1]. Дальнейший ход его рассуждений был прост и логичен: «задача социальных наук должна состоять в изучении *законов*, по которым происходят явления общественной жизни», «правоведению надлежит изучить законы развития той области социальных явлений, которая известна под именем права», «первый шаг науки — чисто объективный, наблюдательный. Она определяет, что *есть*. Политика, в смысле теории искусства, исполняет второй шаг. Она определяет, что *должно быть*, к чему *следует* стремиться»[2].

Взглянув с точки зрения приведенных рассуждений на цивилистику, Муромцев сделал вывод о том, что следует различать: «общее гражданское правоведение и гражданско-правовую политику». По его словам, только «*общее гражданское правоведение* есть наука в строгом смысле. Не преследуя никакой практической цели, но руководясь исключительно требованиями любознательности, оно изучает законы развития гражданского права. Оно предполагает, как подготовительную стадию, *описательное гражданское правоведение*, которое описывает в правильной системе факты гражданского права. *Гражданско-правовая политика* определяет цели и приемы, которыми должны руководиться гражданский законодатель и судья. На основании ее указаний слагается догма гражданских правоопределений, которая излагает действующие в стране правоопределения в таком виде и по такой системе, которые прямо отвечают требованиям гражданско-судебной политики»[3].

В день защиты своей докторской диссертации С. А. Муромцев был избран Советом факультета на должность экстраординарного профессора по кафедре римского права[4]. 10 декабря 1877 года Университетский совет подтвердил баллотировкой избрание его экст-

[1] *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. С. 514.
[2] Там же. С. 517—518.
[3] Там же. С. 518.
[4] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 46. Д. 438. Л. 9.

раординарным профессором по кафедре римского права[1]. 21 января 1878 года Министерство народного просвещения утвердило его в этой должности.

22 февраля 1878 года Совет Московского университета избрал С. А. Муромцева на должность ординарного профессора по кафедре римского права[2], 18 марта того же года это избрание было утверждено министерством.

Преподававший в то время на юридическом факультете ординарный профессор финансового права И. И. Янжул вспоминал: «С. А. Муромцев... вступил в Московский университет и занял профессуру еще в очень относительно юном возрасте, примерно лет 26 или 27, если не моложе. Ученик знаменитого Иеринга, которого он слушал в Иене вместе со своим другом князем Львом Голицыным, С[ергей] А[ндреевич] выдавался на кафедре целым рядом завидных качеств. Он не только обладал серьезными сведениями по предмету своей специальности — римскому праву — который, между прочим, в Москве он слушал у Никиты Крылова, но всегда отличался хорошим даром слова, обладая привлекательной наружностью и замечательным умением собой управлять»[3].

В конце 1878 года С. А. Муромцев был избран в коллегию редакторов журнала «Юридический вестник», который являлся печатным органом Юридического общества при Московском университете. Редакторами данного журнала являлись также М. М. Ковалевский и В. Н. Лешков, но именно Муромцев стал его фактическим руководителем. Благодаря ему «Юридический вестник», пребывавший прежде в плачевном состоянии, быстро превратился в авторитетное и интересное периодическое издание по юридическим наукам. И. И. Янжул писал об этом в своих мемуарах: «С. А. Муромцев очень скоро попал в Юридическое общество, которое долго у нас было мертворожденным, особенно его орган “Юридический вестник”, который благодаря искусству и таланту С[ергея] А[ндреевича] и помощи таких лиц, как Ковалевский и многих других, утратил свою мертвенность, ожил и сделался серьезным юридическим органом, со множеством интереснейших статей, и оставил, не-

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 46. Д. 438. Л. 11.

[2] С этого же дня С. А. Муромцев являлся по чину Табели о рангах статским советником.

[3] Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. М., 2006. С. 174.

сомненно, навсегда память о полезной и плодотворной деятельности С[ергея] А[ндреевича] в Московском университете, не менее в этой области, как и в профессуре. Правда, было изрядное количество недовольных С[ергеем] А[ндреевичем], вероятно, большей частью из лиц, завидовавших его быстрому успеху и им чем-нибудь затронутых; такие, например, утверждали, что умственные и научные качества почтенного председателя Юридического общества подвергаются-де многим сомнениям, и что в действительности его личность представляет-де собой в сущности весьма посредственное явление, личность, которая никогда ничего оригинального и выдающегося не делала и не говорила, и что-де Муромцев не более, как любили они употреблять прозвище, представляет будто бы собой "общее ходячее место" (?!). Разумеется, такие злые языки и отзывы можно объяснить лишь исключительно завистью или злопамятностью»[1].

М. М. Ковалевский, начавший в 1877/78 учебном году свою преподавательскую деятельность на юридическом факультете Московского университета, вспоминал о Муромцеве того времени: «Он рано проникся той мыслью, что ученый-юрист призван содействовать развитию правосознания в обществе, что это правосознание должно вырасти на почве научного изучения как действующего законодательства, так и народного обычая, что юридические общества могут немало сделать в этих обоих направлениях, особенно если при них существует постоянный орган, научно освещающий текущие вопросы юридического творчества в его тесном общении с жизнью. Муромцеву Москва обязана оживлением упавшего интереса и к "Юридическому вестнику", и к тому обществу, которого он был отражением. Общественные науки, экономика и статистика, впервые введены были в число тех, которыми стали интересоваться и которые начали разрабатывать собрания ученых теоретиков и судебных практиков, происходившие обыкновенно раз в неделю в университете для чтения сообщений и совместного обсуждения вопросов, возбуждаемых докладчиками»[2].

20 февраля 1880 года С. А. Муромцев был избран председателем Юридического общества при Императорском Московском университете. Приказом по Министерству народного просвещения от

[1] Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг. С. 175.

[2] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 203—204.

14 марта 1880 года ему была предоставлена командировка за границу с ученой целью с 10 апреля по 15 августа 1880 года. Но Сергей Андреевич возвратился в Россию уже 1 июля — на полтора месяца раньше срока.

5 февраля 1881 года С. А. Муромцев был избран проректором Московского университета на трехлетний срок[1], однако пробыл он на этой должности недолго. После убийства императора Александра II в Московском университете начались волнения среди студентов. Сергей Андреевич не хотел принимать никаких мер к студентам, превращавшим учебное заведение в политический клуб. Он надеялся, что студенческие волнения улягутся сами собой, «когда будут разрешены касса, библиотека и кухмистерская, управляемые самими студентами»[2]. Но его надежды не оправдались.

10 марта радикально настроенные студенты собрались на сходку с тем, чтобы выработать свои требования к руководству университета и к правительству. Проректор Муромцев пытался словами утихомирить участников этого сборища, но был ими освистан. Тем не менее он не стал сообщать властям фамилии инициаторов и активистов сходки. Эти студенты были выявлены, арестованы и исключены из университета без его участия.

Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, докладывая о студенческих волнениях в Московском университете императору Александру III, обвинил проректора Муромцева в потворстве им. И хотя разбирательство, проведенное по распоряжению Александра III попечителем Московского учебного округа гр. П. А. Капнистом, опровергло это обвинение и действия Муромцева в качестве проректора университета были одобрены, он подал 30 мая прошение об отставке, которое было удовлетворено 24 августа 1881 года.

В 1882 году Сергей Андреевич женился: его избранницей стала двадцатипятилетняя Мария Николаевна Климентова. В 1880 году она окончила Московскую консерваторию по классу вокала и начала петь в Большом театре. Выступая на сцене Большого театра до 1889 года, Мария Климентова исполняла роли Маргариты в опере «Фауст», Татьяны в опере «Демон», Антониды в опере «Жизнь за царя», Розины в «Севильском цирюльнике», Людмилы в опере «Рус-

[1] Министр народного просвещения утвердил Муромцева в должности проректора Московского университета 17 февраля 1881 г. (ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 53. Д. 345. Л. 16 об.).

[2] Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 35.

лан и Людмила», Марии в опере «Мазепа» и Рахиль в опере «Жидовка». Она была первой исполнительницей партии Татьяны в опере Чайковского «Евгений Онегин» (в спектакле учащихся Московской консерватории, состоявшемся в 1879 г.) и роли Оксаны в опере «Черевички» (1887 г.). После 1889 года супруга Муромцева вела класс вокала в консерватории.

Мария Николаевна Климентова-Муромцева переживет своего мужа почти на 36 лет: она умрет в Париже в 1946 году.

В 1883 году у супругов Муромцевых родилась дочь Ольга[1]. В том же году Сергей Андреевич пережил и горе: неожиданно скончалась его младшая сестра.

С самого начала своей преподавательской деятельности профессор Муромцев открыто проявлял себя сторонником университетской автономии. Он был ярым противником нового университетского устава, проект которого, предполагавший существенное ограничение университетских свобод, с октября 1883 года обсуждался в Государственном совете. Возможно, именно эта позиция Муромцева явилась главной причиной его увольнения из Московского университета[2]. Распоряжение министра народного просвещения об отставке Муромцева от должности ординарного профессора университета было подписано 19 июля 1884 года, а новый университетский устав был утвержден императором 23 августа 1884 года.

25 июля попечитель Московского учебного округа сообщил ректору Московского университета: «Г. Министр народного просвещения предложением от 19 сего июля за № 10090, уведомил начальство Московского учебного округа, что, ввиду сообщенных Его Высокопревосходительству Министерством внутренних дел сведений о политической неблагонадежности проф. Императорского Московского университета, статского советника Муромцева и приготовляющегося к проф. званию кандидата Дриля — он увольняет

[1] В 1912 г. Ольга Сергеевна Муромцева стала врачом и вышла замуж за Николая Сергеевича Родионова (1889—1960), происходившего по женской линии от князей Шаховских. Детей у нее в этом браке не было. В 1919 г. Ольга Сергеевна развелась с Николаем Сергеевичем. После этого она вместе с матерью покинула Россию.

[2] Министр народного просвещения И. Д. Делянов говорил в одной из своих частных бесед о профессоре Муромцеве: «Да, большой ученый; умный, серьезный, дельный... Жаль вот только, что политические то идеи у него неподходящие. На лекциях то, правда, он о них никогда не говорит, да мы то уж знаем» (цит. по: *Нечаев В. М.* С. А. Муромцев как ученый и профессор. СПб., 1910. С. 9).

г. Муромцева от занимаемой им при университете должности, и, вместе с тем, просит меня сделать распоряжение о том, чтобы г. Дриль не считался начальством МУ кандидатом на преподавательскую должность»[1].

Увольнение Муромцева из Московского университета, хотя и лишило его значительной части дохода, не оставило его семью без средств существования. Ему принадлежало два родовых имения во Владимирской губернии: 12,5 десятины земли в Муромском уезде и 13 десятин в Гороховецком уезде; два благоприобретенных имения в Тульской губернии: 633 десятины земли в Новосильском уезде и 300 десятин в Крапивенском уезде. Кроме того, в Москве у него имелось два дома. У его супруги не было ни родовых, ни благоприобретенных имений, но доходы Марии Николаевны, ведущей солистки Большого театра, составляли около 9000 руб. за сезон.

В этих условиях Сергей Андреевич вполне мог сидеть дома и писать книги. Однако, будучи чрезвычайно деятельным по своей натуре человеком, он нуждался в общественном поприще для приложения своих сил. Лучшего места, чем адвокатура, ему в тех обстоятельствах подыскать себе вряд ли было возможно.

13 октября 1884 года Московский совет присяжных поверенных удовлетворил просьбу Муромцева о принятии его в число адвокатов: бывший профессор юридического факультета Московского университета стал присяжным поверенным округа Московской судебной палаты.

М. М. Ковалевский впоследствии вспоминал об адвокатской деятельности Муромцева: «Вскоре Сергей Александрович выделился из среды своих товарищей по адвокатуре не столько внешним даром слова, сколько глубоким знакомством с гражданским правом. Его деятельность сосредоточилась все более и более на консультациях»[2].

К середине 90-х годов С. А. Муромцев приобрел в качестве адвоката всероссийскую известность. Он стал получать поручения вести дела в Правительствующем Сенате от клиентов со всей России[3]. Пользовался Сергей Андреевич немалым авторитетом и в среде самих адвокатов: об этом свидетельствует, помимо прочего, и факт

---

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 53. Д. 345. Л. 2.

[2] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 221.

[3] См.: *Винавер М. М.* Муромцев — адвокат и председатель думы // Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 262.

избрания его в 1890 году на место товарища председателя Московского совета присяжных поверенных. Эту должность Муромцев занимал до 1905 года.

В своей статье об адвокатской деятельности С. А. Муромцева И. А. Кистяковский, сам долгое время работавший присяжным поверенным, писал, что в адвокатуре Сергей Андреевич «прежде всего остался ученым. Облик адвоката-ученого едва ли представлен в русской адвокатуре кем-либо с такою последовательностью, как именно им»[1].

Занимаясь адвокатской деятельностью более двух десятилетий, Муромцев так и не проникнулся адвокатским сознанием, адвокатской «моралью», с точки зрения которой нравственным считается защищать перед судом не только человека праведного и правого в своих поступках, но и самого последнего злодея, самого отъявленного правонарушителя. Он совершенно искренне не понимал, как можно отстаивать заведомо неправильное положение.

В сущности, Муромцев смотрел на свою адвокатскую деятельность как на своеобразную форму деятельности научной. Он стремился защитить своего доверителя сухой логикой рассуждений, строго научным толкованием статей закона. В этом смысле Муромцев был прямой противоположностью модного в его время в России адвоката-поэта С. А. Андреевского[2]: в отличие от него Сергей Андреевич не считал возможным для достижения нужной цели воздействовать на психику судей, возбуждать в них жалость к своему доверителю и неприязнь к его противнику в судебном процессе.

Проживал С. А. Муромцев в 90-е годы со своей семьей в доме, располагавшемся в Штатном переулке на Пречистинке. В 1896 году к нему переехала его мать Анна Николаевна, обитавшая до этого в своем старом доме в Скатертном переулке. В самом начале XX века Муромцевы поселились в небольшой по размеру квартире в новом доме, построенном 1899—1901 годах по проекту художника-архитектора Н. М. Проскурина в стиле позднего итальянского ренессанса и находившемся по адресу: Милютинский переулок, 22. Дом этот имел свою электростанцию, которая была помещена в подвале. Квартиры в нем снимали заводчики, купцы, адвокаты, врачи.

---

[1] *Кистяковский И. А.* Адвокатская деятельность // Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. С. 148.

[2] См. о нем: *Томсинов В. А.* Адвокат-поэт как явление русской адвокатуры второй половины XIX в. (к 150-летию С. А. Андреевского) // Законодательство. 1998. № 4. С. 77—80.

Преподавательская деятельность Муромцева вплоть до 1906 года была эпизодической: он читал иногда по приглашению лекции по гражданскому праву и гражданскому судопроизводству в Александровском (до 1843 г. — Царскосельском лицее). В 1902 году Сергей Андреевич читал лекции в Русской Высшей школе общественных наук в Париже.

Занимаясь адвокатской практикой, С. А. Муромцев не прекращал научных исследований в области юриспруденции. В 1885 году он опубликовал в «Юридическом вестнике» работу «Римское право в Западной Европе». В 1886 году она вышла в свет в виде отдельной книги под названием «Рецепция римского права на Западе». В 1886 году была напечатана его книга «Образование права по учениям немецких юристов». Кроме того, почти каждый год в журналах и газетах публиковались статьи Муромцева по различным вопросам частного и публичного права.

До 1892 года Муромцев редактировал журнал «Юридический вестник». И после увольнения из Московского университета он продолжал быть председателем Московского Юридического общества.

26 мая 1899 года Сергей Андреевич произнес на заседании общества речь в честь столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Ее текст был напечатан в № 144 газеты «Русские ведомости». Власти были возмущены его содержанием. Муромцев сказал в конце своего выступления: «Празднуя ныне память поэта, мы торжествуем вместе с тем победу, одержанную русскою личностью над рутиною жизни и властной опеки!»

9 июля 1899 года министр народного просвещения Н. П. Боголепов обратился к попечителю Московского учебного округа со следующим письмом: «При письме от 27 мая сего года, Ваше Превосходительство доставили мне № 144 "Русских Ведомостей", в котором напечатан точный текст тенденциозного адреса, произнесенного председателем состоящего при Московском университете Юридического общества С. А. Муромцева от имени этого общества на посвященном А. С. Пушкину торжественном заседании Совета университета и Общества любителей российской словесности.

Имея в виду, что упомянутый адрес Юридического общества есть уже не первое проявление вредного направления деятельности этого общества, которое при том состоит при ИМПЕРАТОРСКОМ университете, я признаю необходимым закрыть Юридическое общество и предлагаю Вам, Милостивый Государь, объявить Совету

университета, что он может войти с ходатайством об учреждении нового Юридического общества, но не иначе как на следующих основаниях: 1. Все профессора юридического факультета состоят его членами по своей должности и 2. Председатели общества и его отделений должны быть избираемы из профессоров юридического факультета и утверждаются в должностях министром народного просвещения»[1].

* * *

В 1881—1884, в 1889—1890 и 1897—1906 годах С. А. Муромцев состоял членом Московской Городской Думы, в 1897—1902 годах он являлся гласным Московского уездного земства, в 1889—1902 годах был гласным Московского губернского земства. Но настоящая его политическая деятельность началась только в 1904 году, после присоединения к «Союзу земцев-конституционалистов». Эта организация, провозглашавшая главными своими задачами борьбу за конституционную монархию, политические свободы и создание законодательного собрания, была создана в ноябре 1903 года. В 1905 году члены «Союза земцев-конституционалистов» и присоединившиеся к ним участники «Союза Освобождения» образовали конституционно-демократическую партию.

С. А. Муромцев участвовал в работе комиссий, разрабатывавших проекты учредительных документов партии кадетов. На учредительном съезде конституционно-демократической партии, который работал с 12 по 18 октября 1905 года, он был избран в состав ее Центрального комитета[2]. Второй съезд кадетской партии, проходивший с 5 по 11 января 1906 года, добавил к ее названию словосочетание «партия народной свободы». Он избрал на своем заседании 8 января Центральный комитет. В его состав вошел и С. А. Муромцев, получивший 68 голосов. Сергей Андреевич оказался среди членов ЦК партии шестнадцатым по числу поданных за него голосов[3].

Вскоре после второго съезда кадетской партии состоялись выборы в Первую Государственную Думу. Московское городское избирательное собрание избрало 14 апреля 1906 года в депутаты Думы

---

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 68. Д. 357. Л. 2.

[2] Русские ведомости. 1905. 15 октября. С. 3.

[3] Петр Д. Долгоруков и П. Н. Милюков получили по 92 голоса, И. И. Петрункевич — 91, Ф. Ф. Кокошкин — 83 голоса. См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905—1907. С. 149.

С. А. Муромцева, Ф. Ф. Кокошкина, И. Ф. Савельева и М. Я. Герценштейна. Лидер кадетов П. Н. Милюков, которому не удалось стать депутатом[1], писал впоследствии в своих воспоминаниях: «Наша победа на выборах оказалась вовсе не такой полной, как нам казалось сгоряча. Кадетов было в Думе только треть всего ее состава — 34% (153 члена вначале; потом это число поднялось до 179, то есть 37,4%)»[2].

Тем не менее в союзе с другими политическими группировками кадетским депутатам удалось создать пусть шаткое, но большинство. Вследствие этого еще до начала работы Думы было предрешено избрание на пост ее председателя члена кадетской партии. Наиболее удачной кандидатурой на эту роль сочли С. А. Муромцева.

Первый день работы Государственной Думы — 27 апреля 1906 года — начался с торжественного приема депутатов государем в Зимнем дворце. Оттуда они направились в Таврический дворец на первое заседание, на котором предстояло выбрать председателя Думы. С. А. Муромцев был избран почти единогласно — за него подали свои голоса 426 депутатов из 436 присутствовавших.

Вечером в тот же день кадеты собрались в помещении своего клуба, чтобы отметить произошедшее событие, которое они склонны были считать началом новой эры в истории России. И. В. Гессен вспоминал много лет спустя об этом собрании: «Депутаты говорили речи, и все были возбуждены до опьянения. Пожаловал и С. А. Муромцев, в апогее величавости, чтобы проститься с партией — председатель Думы не должен быть партийным. По заслугам перед конституционным движением право на председательское место бесспорно принадлежало Петрункевичу[3], и не будь Муромцева, который лишь в последний год примкнул к общественному движению, он и был бы на этот пост выдвинут. Но Муромцев как бы для того и был рожден, чтобы стать председателем парламента. Красивое, с правильными чертами бледное строгое лицо, умные черные глаза, размеренная повелительная речь — каждое слово падало вес-

[1] «Правительство кассировало мой квартирный ценз, который я пытался себе устроить», — писал Милюков, объясняя, почему он оказался в 1906 г. вне Государственной Думы (*Милюков П. Н.* Воспоминания. Том первый (1859—1917). М., 1990. С. 365).

[2] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Том первый (1859—1917). С. 365.

[3] Иван Ильич Петрункевич (1843—1928) — земский деятель, один из основателей и лидеров конституционно-демократической партии.

ко, величественная осанка представляли на редкость гармоническое сочетание... Когда он восседал на высокой кафедре своей, как статуя неподвижный, с гордо поднятой точеной головой, он казался прекрасным мраморным изваянием, о которое должны сокрушиться волны возбуждения. Страстный Петрункевич в роли председателя был больше на своем месте среди своих соратников — он и был председателем центр. комитета, а в Думе — председателем авторитетным многочисленной, выдающейся по умственному и образовательному уровню фракции и сам снял в пользу Муромцева свою бесспорную кандидатуру, против которой — тоже с точки зрения летописца — стоял Милюков»[1].

Став председателем Государственной думы, С. А. Муромцев не прекратил своей адвокатской деятельности, но выступать в судах он считал вследствие своего нового статуса не вполне удобным. И. В. Гессен написал в своих мемуарах о том, как однажды Сергей Андреевич просил его «закончить ведение одного дела выступлением в Сенате для поддержания поданной им кассационной жалобы». За это Муромцев обещал Гессену выплатить гонорар в 4000 руб.[2]

Председательство в Первой Государственной Думе не могло не быть тяжким бременем уже по одной той причине, что Дума была *первой*. Не имелось еще опыта парламентской деятельности у депутатов, не сложилось обычаев, общепризнанных норм, регламентирующих парламентские процедуры, правительство не обладало навыками обращения с парламентом, а парламент не знал, как работать совместно с правительством. Член ЦК партии кадетов А. В. Тыркова, на глазах у которой происходили описываемые события, высказала в своих воспоминаниях мнение о том, что Муромцев давно готовил себя к посту председателя Государственной Думы. «Он изучил порядки западных парламентов, наметил, как должен председатель относиться к различным положениям и случаям, которыми богата парламентская жизнь, как надо направлять и вести заседание. Все мелочи продумал. Русских прецедентов, если не считать обычаев земских собраний, в его распоряжении не было. Надо было все создать, проявить творческий почин»[3].

---

[1] *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 22. Берлин, 1937. С. 227—228.

[2] Там же. С. 172.

[3] *Тыркова-Вильямс А. В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 399.

Председателю предстояло сформировать аппарат Думы, ее канцелярию. И при этом надлежало еще вести думские заседания. М. М. Винавер кратко описал в своих мемуарах распорядок работы Муромцева во время председательства в Государственной Думе: «В 11 часов он уже сидел на трибуне. Заседания идут часто дневные и вечерние. Предельных часов для заседаний нет, — их быть не может: работы так много и такой спешной. Дневное заседание кончается в 7—8 час., вечернее затягивается далеко за полночь. А тут только начинается канцелярия, работа с секретарем, сношения с властями. Машину надо еще только налаживать, никто ее не приготовил, а между тем необходимо ее сразу двигать — двигать в совершенстве, как подобает канцелярии муромцевской Думы»[1].

Взойдя на пьедестал председателя Государственной Думы, Муромцев обнажил в своем характере такие свойства, которые прежде те, кто лично знал его, не замечали. Теперь же эти люди совсем другими глазами смотрели на него. Одним из таких людей был философ и писатель В. В. Розанов. «Муромцев, Ковалевский и Милюков — вожди “кадетской” партии, все москвичи, все универсанты, и хотя разных возрастов, но одного университетского времени. Их всех я помню в аудиториях Московского университета 80—81 года», — рассказывал Василий Васильевич. «Муромцев в том же 1880—81 году читал в Московском университете римское право. Я бывал на лекциях у него: он читал очень хорошо, хотя без выдающегося блеска, без “личного” в себе, без характерного. Умный, тогда еще совсем молодой, красавец брюнет, хорошего роста, сложения, манер, всегда серьезный. Нет человека менее гениального, чем он, и нет человека, к которому понятия “неумного”, или “бестактного”, или “ошибочного” шли бы менее, чем к нему. Он был тою умеренною, солидною формою ума, характера и красоты, на которою невольно любуешься и за которою никогда не следуешь. Таким он, в сущности, остался и сейчас: удивительно, как за 25 лет люди, в сущности, нисколько не изменились. Величественная пассивность его соделывает из него идеального председателя прений: без него парламент просто не смог бы, не сумел бы так начаться, как начался. Это — врожденный, ничего не делающий барин, но умный, но зоркий, но наблюдательный, бесстрастный, холодный, безгранично терпеливый. Самые черты его лица, имея только в себе общече-

[1] *Винавер М. М.* Сергей Андреевич Муромцев // Винавер М. М. Недавнее: Воспоминания и характеристики. Пг., 1917. С. 96.

ловеческое и европейское, не имея ни чуточки русского, чего-нибудь "этакого" в носе, в губах, чего-нибудь характерного в улыбке, во взгляде, — удивительно походят к роли и смыслу председательствования. "Родятся же... без плюса и без минуса... без пороха и мороза", — думаешь, глядя на него. Мне кажется, он так и родился уже — солидным мужем, солидным гражданином, солидным ученым — и именно по кафедре римского права, науки умной и беспристрастной. И нельзя, невозможно представить его ребенком, шалуном, школьником, студентом, клакером в театре, энтузиастом около рампы, женихом, политическим бойцом. Сидит... И как хорошо сидит!... Единственный, так удачно вылившийся у природы, дар восседания... Если не Зевс, то трон Зевса, или точнее, что-то слившееся из трона и того места, которое сидит на нем...»[1]

Созданная для смягчения конфликтов, накопившихся в русском обществе к концу 1905 года, Первая Государственная Дума сама стала источником конфликтов. «Светлый день 27 апреля, — отмечал в своих мемуарах И. В. Гессен, — и остался единственным, уже на завтра началась открытая непримиримая война между Думой и правительством»[2]. К началу июля кадетам стало казаться, что правительство терпит в этой войне поражение. В столице появились устойчивые слухи о том, что император Николай II стал склоняться к мысли о том, чтобы отправить его в отставку и создать новое правительство из представителей думских фракций и авторитетных общественных деятелей, которое будет пользоваться доверием со стороны Государственной Думы. Как впоследствии обнаружилось, слухи эти были не беспочвенными. Переговоры между представителями государя и думских фракций о формировании такого правительства действительно велись. Так, их вел дворцовый комендант Д. Ф. Трепов с лидером кадетов П. Н. Милюковым, министр внутренних дел П. А. Столыпин с председателем Думы С. А. Муромцевым. В ходе подобных переговоров составлялись списки возможных составов нового правительства. В числе кандидатур на пост Председателя Совета Министров во всех этих списках фигурировал С. А. Муромцев. Я. В. Глинка, служивший при нем в канцелярии Государственной Думы, писал об этом в мемуарах: «Уже к концу первого месяца нашей работы я стал близким человеком для

[1] *Розанов В. В.* Когда начальство ушло... 1905—1906 гг. Мимолетное. 1914 год. М., 1997. С. 111—112.

[2] *Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет. С. 228.

Муромцева, и он деспотически не отпускал меня от себя и [тогда,] когда заговорили о перемене в Царском [Селе][1] курса в сторону образования ответственного министерства, что имело, очевидно, какое-то основание, так как Муромцев говорил об этом и мне, намекая на то, что если ему будет поручено составить кабинет, то не пойду ли я с ним. Я знаю, что в один из дней он с несколькими своими софракционерами должен был ехать в Царское Село. Все сидели во фраках и ждали сигнала к отъезду. Но правительство не дремало, и вдруг поездка была отклонена»[2]. Приведенное свидетельство Я. В. Глинки подтверждается в воспоминаниях князя Д. И. Бебутова[3] и М. М. Винавера[4]. О том, что Муромцев надеялся в конце июня 1906 года стать премьер-министром России, написал в мемуарах и П. Н. Милюков. Он рассказал, в частности, что однажды во время заседания Думы к нему в корреспондентскую ложу пришел думский пристав и сказал, что председатель Думы просит его немедленно прийти к нему в кабинет. Когда Милюков зашел к Муромцеву, тот поднялся с кресла и без всяких предисловий спросил: «Кто из нас будет премьером?» Павел Николаевич, невольно засмеявшись от такого приема, ответил, что по его мнению, никто не будет. Но Муромцев продолжал настаивать на ответе на его вопрос. И тогда Милюков якобы сказал ему: «Что касается меня, то я с удовольствием отказываюсь от премьерства и предоставляю его вам». По словам Милюкова, Муромцев, услышав такой ответ, «не мог скрыть охватившей его радости — и выразил ее в жесте, который более подходил на антраша балерины, нежели на реакцию председателя Думы»[5].

---

[1] В данном случае словосочетание «Царское Село» обозначало русского царя и его окружение. В Царском Селе после рождения великого князя Алексея постоянно пребывала царская семья. В то время, когда происходили переговоры о создании нового правительства, т. е. в июне и в начале июля, император Николай II находился в Петергофе.

[2] *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906—1917: Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 44.

[3] Князь Бебутов написал в своих воспоминаниях о том, что ему сообщили из Думы, будто там «только ждут телефона, чтобы Муромцеву ехать в Царское Село по поводу образования кадетского министерства» (цит. по: *Старцев В. И.* Князь Д. И. Бебутов и его воспоминания // Английская набережная, 4. Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 1997. С. 363).

[4] См.: *Винавер М. М.* Сергей Андреевич Муромцев // Винавер М. М. Недавнее: Воспоминания и характеристики. С. 91—92.

[5] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Том первый. С. 392—393.

Надеждам Муромцева и его соратников не удалось сбыться. В конечном итоге император Николай II пришел к мнению разрешить конфликт между Государственной Думой и правительством роспуском Думы. Высочайший указ об этом был подписан 8 июля 1906 года.

Первая Государственная Дума просуществовала, таким образом, всего 72 дня. Правительство, конечно же, не хотело работать в союзе с парламентом[1], но в этом нехотении было больше страха перед неизвестным, чем сознательного неприятия представительного органа. Парламенты давно уже действовали в Великобритании, Франции, США, Германии, и вряд ли кто из членов российского правительства считал такой орган чем-то ненормальным и сомневался, что он рано или поздно станет неотъемлемой частью политической системы и Российской империи. Бльшая часть вины за неудачу первой попытки утвердить в России парламентаризм лежала на лидерах партии кадетов, направлявших работу Первой Государственной Думы. Они не сумели правильно оценить политическую ситуацию, сложившуюся в России к весне — лету 1906 года. Они преувеличивали революционность народных масс и преуменьшали силу правительства. Им казалось, что если Государственная Дума будет решительна в своих действиях, то царь Николай II пойдет на дальнейшие уступки и позволит думскому большинству сформировать состав правительства. Поэтому вожди конституционно-демократической партии отвергали какие-либо компромиссы с царем.

С. Ю. Витте говорил в одном из своих интервью о позиции, которой придерживались вожди партии кадетов в конце 1905 — в первой половине 1906 года: «К сожалению, они так увлеклись своим энтузиазмом, что рассуждали по-детски. Они тогда хотели не такого образа правления, который во Франции существует теперь,

[1] В мемуарах политиков, работавших в составе Первой Думы, в доказательство нежелания правительства сотрудничать с представительным органом приводится обыкновенно тот факт, что «кабинет Горемыкина не приготовил ни одного серьезного законопроекта для внесения в Государственную Думу, если не считать таковым проект об устройстве оранжереи и прачечной при Юрьевском университете» (*Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 363). Думается, в данном случае не учитывается, что парламент в России был создан самодержавной властью под давлением обстоятельств, и времени у правительства на разработку законопроектов для обсуждения на его заседаниях, по существу, не было.

а желали одним прыжком учредить в России французскую республику далекого будущего»[1].

Л. Н. Толстой отзывался о Первой Государственной Думе более негативно. В интервью корреспонденту газеты «Новое время» Ю. Беляеву писатель заявлял: «У меня от Думы три впечатления: *комичное*, *возмутительное* и *отвратительное*. *Комичное* потому, что мне все кажется, будто эти дети играют "во взрослых". Ничего нового, оригинального и интересного нет в думских прениях. Все это слышано и переслышано. Никто не выдумал и не сказал ничего своего... У депутатов все перенято с европейского, и говорят они по перенятому, вероятно, от радости, что у них есть "кулуары", "блоки" и прочее и что можно все это выговаривать... *Возмутительным* в ней мне кажется то, что, по справедливым словам Спенсера, особенно справедливым для России, все парламентские люди стоят ниже среднего уровня своего общества и (вместе с тем) берут на себя самоуверенную задачу разрешить судьбу ста миллионов населения. Наконец, *отвратительное* по грубости, несправедливости выставляемых мотивов, ужасающей самоуверенности, а главное — озлобленности...»[2] (курсив мой. — *В. Т.*).

Но самую жесткую оценку дал поведению кадетов в Первой Государственной Думе В. В. Розанов, который писал в статье «Кадетская критика итогов Думы»: «Эти "политики чистой воды" показали, что в них ничего кроме честолюбия и властолюбия не содержится, что *это те же всевластные и самоупоенные бюрократы, но только одетые в пиджак, а не в мундир.* Под их аграрною программою, которую они пассивно приняли от "левых ослов", не вложив в нее ничего оригинального от себя, — не содержалось ни малейшей любви к крестьянству, ни малейшей заботы о народе; да и

---

[1] Цит. по: *Платонов О. А.* Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 181.

[2] Любопытно, что в оценке Первой Государственной Думы с Л. Н. Толстым вполне сходился и его однофамилец — ученый — нумизмат и археолог, министр народного просвещения в правительстве С. Ю. Витте, сформированного в октябре 1905 года, И. И. Толстой (1858—1916). Будучи либералом по своим политическим взглядам, Иван Иванович тем не менее критически отзывался о зарождавшемся русском парламентаризме. По его словам, не в оппозиционности Первой Государственной Думы к правительству «был корень зла, поведшего к бесплодности существования, а в ее полной нетерпимости и пошлости тона, обратившего государственное учреждение в «митинг», мечтавший только о «захватном праве», о разных «выступлениях» и о «демократизации управления страной» (*Толстой И. И.* Дневник 1906—1916. СПб., 1997. С. 65).

вообще это была та "фальшивая карта", которую кадетский игрок эффектно бросил на стол, зная хорошо про себя, что она будет "убита", и ни малейшее не смущаясь этим результатом, потому что "что же им Гекуба"! Не для крестьянского же благополучия кадеты вошли в Таврический дворец: они вошли туда для собственного благополучия. Портфели министров для глав партии и должности директоров департаментов для вторых лиц ее — таковы были подспудные вожделения. *Никакого настоящего патриотизма и никакого горячего интереса к России не было у этой партии, половина которой состояла из инородцев*. Партия эта прямо шла к разложению России, все поставив на карту ради личного куша, ради личных прожорливых инстинктов. *Никто так не повредил русскому конституционализму, как она, на первом же шагу обмакнув его в грязь, отняв у него тот идеализм, который так необходим всякому новому движению именно в первую пору его существования*. Это вред никак не мог быть возмещен тою умелостью в парламентской технике, тем знанием ее приемов и манер, которым напыженно обучал первую Думу ее председатель, г. Муромцев, и ее закулисный диктатор, г. Милюков. Умелость пришла бы потом неопытному учреждению; да и вообще эти практические умения вырабатываются сами собою в будничной практике. Но ничто не заменит высокого порыва бескорыстного одушевления, одушевления не личными и не партийными интересами, а высоким благом отечества»[1] (курсив мой. — *В. Т.*).

Весомость приведенным словам Розанова придает оценка, которую дал политике кадетов в Первой Государственной Думе член Центрального комитета этой партии В. А. Маклаков. По его признанию, кадеты не хотели унизиться до совместной работы с царской властью, а соглашались быть только хозяевами России[2].

С. А. Муромцев не относился к числу радикалов: он был готов сотрудничать с правительством. И потому прямой его вины в

[1] *Розанов В. В.* В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э. Ф. Голлербаху. М., 2004. С. 201.

[2] См.: *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936. Т. 3. С. 602. В. А. Маклаков имел основания для такой оценки Первой Думы. На заседании 13 мая 1906 года один из думских ораторов воскликнул, обращаясь к министрам: «Мы желаем быть хозяевами, распорядителями страны и требуем ответственного народного министерства, министерства из среды народных представителей; никакое другое министерство не может быть терпимо; или мы, или они!». На это заявление депутаты Думы ответили бурными аплодисментами.

неудаче, которая постигла Думу, не было. Однако после ее роспуска о нем уже не говорили как о человеке, наиболее подходившем на роль председателя Думы. «Муромцев авторитетом, и немалым, обладал, — отмечала в своих мемуарах А. В. Тыркова. — Красивый, с правильными чертами лица, с седой, острой бородкой и густыми бровями, из-под которых темнели выразительные глаза, Муромцев одним своим появлением на трибуне призывал к благообразию. Когда страсти разгорались, особенно в те дни, когда в министерской ложе появлялись министры, внушительный вид председателя, его такт, выдержка не давали законодательному собранию превратиться в необузданный митинг. Впрочем, даже ему это не всегда удавалось. Удивительно, что при таком чувстве меры, при таком уважении к форме Муромцев не сумел или не постарался повлиять на самую сущность кадетской политики в Государственной Думе. Правда, став председателем, он от партийной жизни отстранился, вышел из центрального комитета, никогда не бывал на собраниях парламентской фракции. По его мнению, идеальный председатель обязан быть выше партии. Но все-таки какая это расточительность, что весь свой трезвый аналитический ум он направил на созидание обличья Государственной Думы, ничего не вкладывая в ее подлинную, кипучую жизнь. Муромцев не пытался стать посредником между властью и Думой, найти пути к соглашению, хотя все это входит в обязанности председателя, особенно в такой переломный момент истории. Ему мешало общее настроение оппозиции, к которой он по-прежнему принадлежал, хотя в партийных сборищах и не участвовал. Мешала также должностная самоуверенность и гордыня. Он говорил: “Председатель Государственной Думы второе после государя лицо в империи”. Ревниво и замкнуто стоял он на созданной им высоте»[1].

9 июля — в день, когда был опубликован Высочайший указ о роспуске Государственной Думы — группа бывших депутатов (главным образом те из них, которые представляли в Думе кадетскую партию) отправилась в Финляндию для выработки и принятия воззвания к населению России. Муромцев поехал в особом вагоне первого класса, весь его занимая своей персоной — он продолжал ощущать себя председателем Думы, хотя такого учреждения уже не существовало. После непродолжительного совещания, состоявше-

[1] *Тыркова-Вильямс А. В.* Воспоминания. То, чего больше не будет. С. 399—400.

гося в Выборге поздним вечером 10 июля, бывшие думцы приняли документ, которому дали возвышенное наименование «Народу от народных представителей»[1].

Обращаясь к гражданам «всей России», они утверждали в этом воззвании, что исполняли поручение народа своим представителям «добиваться земли и воли»: «составляли законы для обеспечения народу свободы», «требовали удаления безответственных министров, которые, безнаказанно нарушая законы, подавляли свободу»[2]. В качестве главной причины роспуска Государственной Думы Выборгское воззвание называло желание народных представителей «издать закон о наделении землею трудящегося крестьянства путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих». «Правительство, — говорилось в рассматриваемом документе, — признало такой закон недопустимым[3],

---

[1] Первоначальный проект данного воззвания был составлен в Петербурге 9 июля П. Н. Милюковым сразу после совещания ЦК Конституционно-демократической партии (см.: *Милюков Н. П.* Воспоминания. М., 1990. Том 1. С. 399—401). Утром 10 июля собравшиеся в Выборге депутаты от партий кадетов, трудовиков и социал-демократов образовали редакционную комиссию из 6 человек (по 2 представителя от каждой партии), которая выработала окончательный проект воззвания (см.: *Винавер М. М.* История Выборгского воззвания. Воспоминания. Пг., 1917. С. 10—11).

[2] Выборгский процесс. Иллюстрированное издание. СПб.: Тип. товарищества «Общественная Польза», 1908. С. 6.

[3] 13 мая 1906 года Председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин заявил в своем выступлении на заседании Государственной Думы следующее: «Земельный вопрос — на основаниях, предложенных Думою, правительство считает недопустимым, так как начала неотъемлемости и неприкосновенности собственности являются во всем мире краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития, без коего немыслимо существование государства. Не вызывается предлагаемая Думой мера, по мнению правительства, и существом дела, так как земельный вопрос может быть разрешен успешно без разложения самого основания нашей государственности» (Цит. по: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. В двух томах. Том 1. М., 1997. С. 162). С. Ю. Витте, весьма критически оценивавший позицию российского правительства (и особенно Председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина) во взаимоотношениях с Первой Государственной Думой, считал, тем не менее, что оно имело серьезные основания противодействовать принятию Думой закона о принудительном отчуждении земли. «За этот отпор правительство винить нельзя ни в коем случае, — заявлял Витте в своих воспоминаниях, диктовавшихся им стенографистке в 1912 году; — но правительство погрешило в том, что оно не дозволило Думе обсуждать вопрос о земельном устройстве крестьян... Я держался того убеждения, что пусть этот вопрос перегорит в горниле Государственной Думы: чем больше Дума его будет обсуждать, тем более она, Дума,

а когда Дума еще раз настойчиво подтвердила свое решение о принудительном отчуждении, был объявлен роспуск народных представителей».

В заключительной части Выборгского воззвания, призвав граждан России крепко стоять «за попранные права народного представительства», бывшие думцы заявляли: «Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства. У вас есть способ добиться этого: правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу. А потому теперь, когда правительство распустило Государственную Думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народного представительства, отныне не действительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народного представительства не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию»[1].

Выборгское воззвание подписало в общей сложности 232 бывших депутата Государственной Думы[2]. Многие из них не скрывали при этом своего отрицательного отношения к содержанию данного документа и ставили свою подпись исключительно из чувства солидарности со своими товарищами или потому, что не желали слышать в свой адрес обвинений в трусости.

В сентябре 1906 года против ста шестидесяти девяти бывших депутатов Думы, подписавших Выборгское воззвание, было возбуждено уголовное дело по статье 51 и п. 3 части 1 статьи 129 Уголовного уложения Российской империи 1903 года[3]. С 12 по 18 де-

---

будет встречать затруднений к осуществлению идеи принудительного отчуждения, которое легко проводится на бумаге, но гораздо труднее могло быть осуществлено в жизни» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Том 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб., 2003. С. 748).

[1] Выборгский процесс... С. 7.

[2] 180 бывших думцев подписали Выборгское воззвание в Выборге, 52 присоединились к подписантам позднее.

[3] Статья 129 Уголовного уложения гласила: «Виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих: ...3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти; ...наказывается... заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет» (Российское законодательство X—XX веков. Том 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 308).

кабря 1907 года это дело рассматривалось на заседании Особого Присутствия Санкт-Петербургской Судебной Палаты[1]. 167 из 169 обвиняемых были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного указанной статьей, и приговорены за намерение «возбудить население России к неповиновению и противодействию закону посредством распространения особого воззвания, обращенного к народу» к трехмесячному тюремному заключению. В числе осужденных оказался и С. А. Муромцев. Адвокаты подсудимых пытались обжаловать этот приговор, ссылаясь на допущенные судом процессуальные нарушения. Но Уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената на своем заседании, состоявшемся 11 марта 1908 года, отверг их кассационные жалобы[2].

Назначенное судом наказание Муромцев отбывал в период с 13 мая до 11 августа 1908 года в московской Таганской тюрьме («Таганке»). Скучную тюремную жизнь он, как и положено ученому, скрашивал чтением научных книг. Из библиотеки Московского университета ему передали, по его просьбе, книги германских правоведов о древнееврейском праве. Сидя в тюремной камере, он писал программу и план-график лекций по гражданскому праву, набрасывал черновики статей, отвечал на многочисленные письма, которые получал часто от совершенно незнакомых людей.

Последнюю свою ночь в тюрьме Муромцев не спал, сидел одетый и ждал освобождения. И оно пришло с рассветом. В 4 часа утра 11 августа тюремный надзиратель открыл камеру и объявил, что бывшие думцы свободны. Так завершилась история Первой Государственной Думы... и политической деятельности Сергея Андреевича Муромцева.

Согласно статье 26 Уголовного уложения Российской империи 1903 года «присуждение к заключению в исправительном доме сопровождается лишением прав состояния...». В соответствии же со статьей 7 Высочайше утвержденного 6 августа 1905 года «Положения о выборах в Государственную Думу» лица, «подвергшиеся

[1] См.: Дело о Выборгском воззвании. Отчет о заседании Особого Присутствия Санкт-Петербургской Судебной Палаты с 12 по 18 декабря 1907 г. Бесплатное приложение к газете «Реформа» за 1908 г. В этой брошюре объемом 55 страниц приводятся тексты обвинительного акта, протоколов пяти заседаний и приговора.

[2] См.: Дело о Выборгском воззвании в Правительствующем Сенате. Приговор Палаты, кассационные жалобы, стенографический отчет и определение Сената. СПб.: Тип. товарищества «Общественная Польза», 1908.

суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния», не имели права избирать и избираться в Государственную Думу. Бывших думцев, попавших за распространение Выборгского воззвания под следствие и под суд, как правило, не лишали прав состояния, но запрещали участвовать в выборах в новую Государственную Думу. Муромцева, в отличие от других думцев, все же исключили из сословия дворян. А это, в свою очередь, означало, что Муромцев не мог быть присяжным поверенным. Единственным способом заработка для него оставалась с этих пор преподавательская деятельность.

Еще в то время, когда Муромцев являлся председателем Государственной Думы, произошло его возвращение в Московский университет. 18 марта 1906 года декан юридического факультета А. С. Алексеев и секретарь В. М. Хвостов направили в Совет Московского университета ходатайство следующего содержания: «Юридический факультет в заседании своем 17-го сего марта выслушал заявление, подписанное 9-тью членами факультета о желательности, ввиду предложенного факультетом расширения преподавания, усилить состав факультета приглашением 4-х нижеследующих лиц: М. М. Ковалевского, С. А. Муромцева, кн. Евг. Трубецкого, Г. Ф. Шершеневича; факультет единогласно присоединился к этому заявлению. Ввиду сего факультет имеет честь ходатайствовать перед Советом о возбуждении перед министром народного просвещения ходатайства о назначении означенных лиц на следующие должности в Московском университете: бывшего профессора Московского университета, доктора государственного права Максима Максимовича Ковалевского — на должность сверхштатного ординарного профессора по кафедре государственного права без содержания; бывшего профессора Московского университета, доктора гражданского права Сергея Андреевича Муромцева — на должность штатного ординарного профессора по кафедре гражданского права; профессора университета Св. Владимира, доктора государственного права кн. Евгения Николаевича Трубецкого — на должность штатного ординарного профессора по кафедре энциклопедии права и истории философии права; профессора Казанского университета, доктора гражданского права Габриеля Феликсовича Шершеневича — на должность штатного экстраординарного профессора по кафедре торгового права и торгового судопроизводства. При этом факультет имеет честь просить Совет возбудить ходатайство о со-

хранении за С. А. Муромцевым права остаться присяжным поверенным Московской Судебной Палаты»[1].

29 марта 1906 года на заседании Совета Московского университета было рассмотрено обращение юридического факультета. При последовавшем затем закрытом голосовании посредством записок оказалось, что в пользу проф. Ковалевского высказалось 39 из 43 присутствовавших членов Совета; проф. Муромцева — 32, проф. Трубецкого — 35 при одном воздержавшемся, проф. Шершеневича — 28. На основании этих результатов члены Совета приняли решение ходатайствовать перед министром народного просвещения о назначении профессоров Ковалевского, Муромцева, кн. Трубецкого и Шершеневича на должности профессоров Московского университета, согласно представлению юридического факультета[2].

27 июля 1906 года из канцелярии попечителя Московского учебного округа было направлено в Совет Московского университета следующее сообщение: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 24 июня с. г. за № 48, определен на службу из отставных статский советник, доктор гражданского права Муромцев сверхштатным ординарным профессором по кафедре гражданского права... К сему действительный статский советник Извольский счел нужным присовокупить, что профессор Муромцев назначен на вышеназванную должность без содержания»[3].

С 1907 года Муромцев читал лекции также в Демидовском юридическом лицее, в 1908 году — лекционный курс по гражданскому праву в Высшем коммерческом институте. С 1 октября 1908 года профессор Муромцев преподавал в Народном университете им. Шанявского, читая в первый учебный год лекции по энциклопедии права, а во второй — еще и лекции по гражданскому праву. В начале 1909 года Муромцев приступил к чтению лекций по гражданскому праву в рамках Высших женских курсов. В результате учебная нагрузка Муромцева составляла в последний год его жизни по 20 часов в неделю. «Обозрение преподавания на юридическом факультете Императорского Московского университета на 1910—1911 учебный год» показывает, что в своей alma mater он должен быть читать курс системы римского права по 6 часов в неделю.

---

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 84. Д. 600. Л. 1.

[2] Там же. Л. 2—2 об.

[3] Там же. Л. 6—6 об.

Профессор М. М. Ковалевский писал о том положении, в котором оказался С. А. Муромцев после роспуска Государственной Думы: «Кто, подобно мне, занимался с 23-летнего возраста преподавательской деятельностью, знает, что лекция требует затраты большой нервной энергии. Мне никогда не приходилось читать лекции без подготовки, иногда требовавшей не нескольких часов, а дней и недель. Но и хорошо подготовленную лекцию всегда начинаешь при некотором сердечном волнении, разумеется тщательно скрываемом от аудитории. Читать более 20 лекций в неделю, как это делал Муромцев в последние дни своей жизни, это своего рода самоубийство»[1].

В сентябре 1910 года к супругам Муромцевым, проживавшим в скромной квартире вместе с сыном, приехала дочь Ольга. Сергей Андреевич уступил ей свою комнату, а сам снял на время номер в гостинице «Националь»: университет находился совсем рядом — удобно было ходить на лекции. Воскресный день 3 октября он провел со своей семьей, но на ночь отправился в гостиницу, сказав, что вернется домой не позднее 9 часов утра. Однако домашние его не дождались. Чтобы узнать, что случилось, в гостиницу поехал сын. В номер отца он достучаться не смог и вызвал в гостиницу мать с сестрой. Вместе с полицией они вошли в номер — Сергей Андреевич был мертв. Врачи дали заключение о том, что он скончался во сне от внезапного сердечного приступа.

[1] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 384—385.

Александр Семенович Алексеев

(1851—1916)

АЛЕКСАНДР Семенович Алексеев родился 22 июня 1851 года в купеческой семье. Его дед был крестьянином, разбогатевшим на торговле. Отец являлся совладельцем торгового дома «Петра Алексеева сыновья», в собственности которого находилось несколько крупных фабрик и заводов в Московской губернии. В 1858 году предприятие разорилось, и отец Александра вынужден был пойти работать по найму в должности приказчика и управляющего на фабриках братьев своей жены и других предпринимателей.

Первоначальное образование будущий правовед получил дома, занимаясь с матерью по программе гимназии. Именно своей матери Александр Алексеев был обязан блестящим знанием древних и иностранных языков. Кроме того, перед поступлением в университет он два года посещал занятия в немецком училище при лютеранской церкви Святого Михаила. Поэтому мальчик легко сдал экстерном экзамены за гимназический курс во 2-й Московской гимназии.

В 1869 году Александр Алексеев поступил на юридический факультет Императорского Московского университета. Здесь преподавали в то время такие профессора, как *Н. И. Крылов*, читавший лекции по истории римского права на втором курсе и римскому праву — на третьем, *С. И. Баршев* (уголовное право — на третьем курсе и уголовное судопроизводство — на четвертом), *И. Д. Беляев* (историю русского законодательства — на втором курсе), *М. Н. Капустин* (энциклопедию права — на первом курсе и международное право — на четвертом)[1], *В. Н. Никольский* (гражданское право — на

[1] 1 июня 1870 г. ординарный профессор Михаил Николаевич Капустин (1828—1899) был переведен Министерством народного просвещения на должность директора Демидовского юридического лицея в Ярославле.

третьем курсе)[1]. Деканом факультета был в то время *В. Н. Лешков*, преподававший общественное право студентам второго курса. 25 ноября 1872 года его заменил в этой должности *Ф. Б. Мильгаузен*, который вел финансовое право на четвертом курсе.

В программе обучения на юридическом факультете по традиции большое место отводилось преподаванию исторических наук. Русскую историю по 4 часа в неделю читал на первом курсе профессор С. М. Соловьев, западноевропейскую историю Средних веков приглашался преподавать профессор В. И. Герье, историю философии права преподавал на втором курсе по 2 часа в неделю профессор П. Д. Юркевич.

Студент Александр Алексеев особенно большой интерес проявлял к лекциям И. Д. Беляева по истории русского законодательства и Н. И. Крылова по истории римского права.

После завершения в 1873 году университетского курса обучения (со степенью кандидата прав) А. С. Алексеев был оставлен в Московском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре государственного права. 1 октября того же года он отправился в учебную командировку за границу.

В течение двух лет — до осени 1875 года — молодой правовед, готовясь к магистерскому испытанию, совершенствовал свои знания в юридических и философских науках в университетах Германии. В Гейдельбергском университете он слушал лекции правоведов И.-К. Блюнчли, О. Мейера и др., а также известного тогда историка философии Куно Фишера. Научные интересы Алексеева сосредоточились с этого времени на истории политической мысли Западной Европы и государствоведении.

После возвращения в Москву Александр Алексеев успешно сдал экзамен на степень магистра государственного права и подал декану юридического факультета профессору Ф. Б. Мильгаузену прошение об отправлении его в новую заграничную командировку — на этот раз для сбора материала к магистерской диссертации. 23 октября 1876 года в Совет Московского университета было подано от юридического факультета следующее представление: «Кан-

[1] После защиты в апреле 1871 г. докторской диссертации «Об основных моментах наследования» Владимир Николаевич Никольский (1821—1872), исправлявший до этого должность экстраординарного профессора по кафедре гражданского права, был избран Советом Московского университета ординарным профессором. В 1872 г. он умер.

дидат Алексеев с успехом окончил испытание на степень магистра государственного права. Юридический факультет, желая дать ему возможность к дальнейшему усовершенствованию и приготовлению к профессорскому званию, имеет честь покорнейше просить Совет университета об исходатайствовании г. Алексееву командировки за границу с означенною стипендию на два года, на средства Министерства народного просвещения»[1]. Одновременно декан юридического факультета подал в университетский Совет представление о командировании за границу для усовершенствования в юридических науках на государственные деньги выдержавших магистерский экзамен магистранта Колоколова и кандидата Субботина[2]. Поскольку послать в заграничную командировку за счет сумм министерства можно было только одного человека, Совет провел баллотировку. В результате ее Субботин получил 17 избирательных балов и 16 неизбирательных, Алексеев — 27 избирательных и 6 неизбирательных, Колоколов — 30 избирательных и 3 неизбирательных[3].

На обращение Совета университета в министерство с просьбой командировать магистранта А. С. Алексеева за границу на деньги, ассигнованные на приготовление профессоров и учителей по смете 1877 года, министр народного просвещения ответил сначала отказом. Однако 15 июля 1877 года из канцелярии попечителя Московского учебного округа университетскому Совету было сообщено о том, что в министерстве «освободилась некоторая сумма, из которой можно назначить Алексееву содержание с 1 октября сего года, а потому сделано распоряжение о вынесении в проект Высочайшим приказом по Министерству народного просвещения командировки его за границу с ученою целью сроком на два года для приготовления к профессорскому званию по кафедре государственного права»[4].

Так магистрант Алексеев снова оказался за границей. В течение двух лет он слушал лекции в ведущих западноевропейских университетах, работал в библиотеках и архивах Геттингена, Мюнхена, Страсбурга и Парижа.

В ноябре 1879 года Александр Алексеев возвратился в Москву. В 1880 году началась его преподавательская деятельность в Мос-

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 45. Д. 465. Л. 1.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. Л. 5.
[4] Там же. Л. 10.

ковском университете: он приступил к чтению лекций по истории политических учений на юридическом факультете в качестве приват-доцента. В марте 1880 года Александр Семенович защитил диссертацию «Макиавелли как политический мыслитель» на степень магистра государственного права. Накануне защиты его работа вышла в свет отдельной книгой[1].

Основные достоинства А. С. Алексеева как ученого ясно выразились в этом его произведении. В противовес господствовавшему в литературе мнению о Никколо Макиавелли как проповеднике безнравственной политики, осуществлявшейся по принципу «цель оправдывает средства», Алексеев показал, что на самом деле он не только не отрицал значения моральной стороны государственной деятельности, но, более того, считал нравственные веления обязательными для любого политика. К такому выводу Алексеев пришел, рассматривая идеи Макиавелли в контексте содержания его политического учения в целом, с учетом той общественно-политической обстановки, в которой флорентийский мыслитель жил.

После защиты магистерской диссертации А. С. Алексеев занялся исследованием творчества Ж.-Ж. Руссо. В 1882 году он опубликовал в журнале «Юридический вестник» (Кн. 1. С. 3—26; кн. 2. С. 222—243) статью «Миросозерцание Руссо и его учение о нравственности». В начале 1884 года Московский университет направил молодого правоведа в научную командировку в Швейцарию и Францию для сбора материала к докторской диссертации, посвященной политическому учению Ж.-Ж. Руссо.

В конце1884 года А. С. Алексеев был назначен на должность экстраординарного профессора по кафедре государственного права. В 1887 году вышла в свет его двухтомная книга «Этюды о Ж.-Ж. Руссо»[2]. В том же году он защитил данный труд как докторскую диссертацию.

Во втором томе «Этюдов о Ж.-Ж. Руссо» А. С. Алексеев впервые опубликовал первоначальный текст «Общественного договора» этого мыслителя[3], обнаруженный им в публичной библиотеке г. Же-

---

[1] *Алексеев А. С.* Макиавелли как политический мыслитель. М., 1880.

[2] *Алексеев А. С.* Этюды о Ж.-Ж. Руссо. Т. 1. Ж.-Ж. Руссо во Франции (1741—1762). М., 1887; Т. 2. Связь политической доктрины Ж.-Ж. Руссо с государственным бытом Женевы. М., 1887.

[3] См.: Там же. Т. 2. Связь политической доктрины Ж.-Ж. Руссо с государственным бытом Женевы. Приложение первое. С. V—LXXXIV.

невы. Его рукопись перешла в женевскую библиотеку в 1879 году на основании завещания госпожи Штрекэнзен-Мульту, внучки ближайшего друга Руссо — Павла Мульту. В предисловии к своей публикации данной рукописи Александр Семенович вкратце описал ее: по его словам, «она состоит из 72 листов, написанных тем четким и красивым почерком, каким всегда писал Руссо, когда он предназначал свою рукопись для печати. Эти начисто переписанные листы были впоследствии испещрены помарками и добавлениями, написанными на оборотной стороне листов»[1].

В 1918 году эта рукопись была напечатана английским исследователем К. Э. Вооном (C. E. Vaughan), который с данного времени стал считаться и считается доныне среди западных ученых его первооткрывателем. *На Западе не знали и не знают, что русский правовед опубликовал оригинальный текст «Общественного договора» на 31 год* (!) *раньше* англичанина *К. Э. Воона*.

Исследование рукописного текста начального варианта «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо и раскрытие обстоятельств его создания позволило А. С. Алексееву дать новую оценку этого произведения. «Ни одно из сочинений Руссо, — отметил, — не оставило по себе таких ярких следов на развитии политической мысли и не имело такого решительного влияния на практическую жизнь, как его “Общественный договор”. Эта исключительная судьба, выпавшая на долю “Contrat Social”, и ввела в заблуждение его критиков, которые придают этому сочинению среди остальных произведений Руссо бóльшее значение, чем оно в действительности заслуживает. Изучение истории литературной деятельности женевского гражданина убедило нас, однако, что создание “Общественного договора” является одним из наименее важных эпизодов этой истории. Руссо написал его в тот период своей литературной деятельности, когда не успели еще созреть его таланты и когда он не вполне еще выяснил себе принципы своей доктрины, не уразумел всех ее последствий и не связал их в цельное и законченное учение. Он наскоро набросал его в ту эпоху своего творчества, когда его обступал целый ряд вопросов, возбужденных работой над первой диссертацией, и написал его среди самых разнообразных литературных занятий, дававших ему мало досуга сосредоточиться на своем полити-

[1] *Алексеев А. С.* Этюды о Ж.-Ж.Руссо. Т. 1. Ж.-Ж. Руссо во Франции (1741—1762). М., 1887; Т. 2. Связь политической доктрины Ж.-Ж. Руссо с государственным бытом Женевы. Приложение первое. С. IV.

ческом трактате. Он обработал его и выпустил в свет гораздо позднее, но уже тогда, когда в нем значительно ослабел интерес к политическим вопросам, и когда он был весь поглощен теми проблемами, которые он пытался разрешить в своем "Эмиле". И склад ума Руссо, и его житейские судьбы гораздо более располагали его к размышлению над религиозными и моральными вопросами, чем над политическими проблемами, которые всегда стояли далеко от человека, прожившего всю свою жизнь в стороне от всякой общественной деятельности»[1].

А. С. Алексееву удалось установить время происхождения первоначального текста «Общественного договора». По его мнению, он был написан до составления статьи «Политическая экономия», появившейся в 5-м томе «Энциклопедии». «Руссо извлек для этой статьи, — указывал Алексеев, — целые страницы из издаваемой нами рукописи, переписав их буквально. Он имел, следовательно, уже под руками первоначальный текст "Общественного договора", когда приступил к составлению статьи для "Энциклопедии"»[2]. Из подобных фактов правовед делал вывод о том, что «осенью 1754 г. первоначальная рукопись "Общественного договора" не только лежала готовой перед Руссо, но, очевидно, уже считалась им устаревшей и негодной к печати, иначе он в интересах вновь задуманного труда не решился бы искажать ее, извлекая из нее целые отделы, трактовавшие, кроме того, о предметах первостепенной важности. Осенью 1754 г. Руссо уже смотрел, таким образом, на первоначальную редакцию "Общественного договора" как на давний труд, подлежащий коренной переработке»[3].

Вместе с тем Алексеев сделал вывод, что «Общественный договор» следует рассматривать не в качестве отрывка более объемного произведения под названием «Institutions Politiques», как хочет уверить нас Руссо, но в виде совершенно самостоятельного сочинения, которое было наполовину окончено, прежде чем определился план вышеназванного трактата. Отказавшись в конце концов от написания «Institutions Politique», он решился извлечь из своих старых бумаг заброшенную когда-то первоначальную редакцию «Об-

[1] *Алексеев А. С.* Этюды о Ж.-Ж. Руссо. Т. 1. Ж.-Ж. Руссо во Франции (1741—1762). М., 1887; Т. 2. Связь политической доктрины Ж.-Ж. Руссо с государственным бытом Женевы. Приложение первое. С. 3—4.

[2] Там же. С. 6.

[3] Там же. С. 6—7.

щественного договора», переработал ее и издал в 1762 году. Но и после того, как «Общественный договор» был напечатан, Руссо, по мнению Алексеева, не изменил тому взгляду на это сочинение, который побудил его в 1754 году отложить его издание: он продолжал смотреть на него «как на слабое произведение, которое нуждается в коренной переработке и которое изо всех его произведений наименее удовлетворяло его»[1].

Политическим учением Ж.-Ж. Руссо А. С. Алексеев занимался до конца своей жизни. Его интерес к этой теме не был случайным. «Никто ярче Руссо, — писал он в 1905 году, — не определил природы государства как союза, основанного на начале равенства, другими словами, как союза общественного, а не личного господства, никто решительнее его не выставил требования, по которому в государстве должна господствовать не личная воля правителя или правителей, а закон как выражение общей воли»[2].

21 сентября 1890 года попечитель Московского учебного округа подал министру народного просвещения Делянову представление о назначении А. С. Алексеева на должность ординарного профессора Московского университета по кафедре государственного права. 28 сентября министр сообщил попечителю, что назначил Алексеева на эту должность с 26 сентября[3].

«Обозрение преподавания на юридическом факультете Императорского Московского университета» показывает, что с 1885/86 учебного года ординарный профессор А. С. Алексеев читал здесь годовой курс русского государственного права — по 4 часа в неделю[4]. Кроме того, в весеннем и осеннем полугодиях 1889 года он читал по два часа в неделю лекции по истории политических учений, а в осеннем полугодии 1889 года и в весеннем полугодии 1890 года вел практические занятия по основным вопросам государственного права. В весеннем полугодии 1889 года Алексеев преподавал помимо указанных дисциплин курс «О подданстве и правах состояния».

---

[1] *Алексеев А. С.* Этюды о Ж.-Ж. Руссо. Т. 1. Ж.-Ж. Руссо во Франции (1741—1762). М., 1887; Т. 2. Связь политической доктрины Ж.-Ж. Руссо с государственным бытом Женевы. Приложение первое. С. 48.

[2] *Алексеев А. С.* Политическая доктрина Ж.-Ж. Руссо. СПб., 1905. С. 1.

[3] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 59. Д. 582. Л. 1.

[4] См.: Русское государственное право. Конспект лекций ординарного профессора Императорского Московского университета А. С. Алексеева. Издание третье. Студента Н. Иващенко. М., 1895.

30 сентября 1899 года Александр Семенович стал деканом юридического факультета на четырехлетний срок. В заседании факультета, которое состоялось 3 сентября 1905 года, он был избран состоять деканом еще одно четырехлетие[1]. Министерство народного просвещения утвердило его в этой должности 25 сентября[2].

В отличие от многих российских профессоров-правоведов, бросившихся сломя голову в омут политической деятельности после революционных событий 1905 года, Алексеев остался в стороне от практической политики. Он не связал себя ни с одной политической партией, хотя по убеждениям своим был близок к идеологии конституционных демократов. Указанные события настроили его лишь на более интенсивные, чем прежде, исследования в области конституционного строя современных государств — исследования, которые, по его замыслу, должны были создать надлежащий фундамент для познания юридической природы политического строя России, установившегося после 17 октября 1905 года.

С 1907/08 академического года общий курс русского государственного права стал читать на юридическом факультете ученик профессора А. С. Алексеева — приват-доцент Ф. Ф. Кокошкин. Сам Александр Семенович читал в указанном году специальный курс — «Основные законы 23 апреля 1906 г.» по 1 часу в неделю. В 1908/09 учебном году Алексеев по причине болезни не вел никаких занятий на факультете. 1909/10 учебный год стал последним в его преподавательской деятельности в Московском университете. Он прочитал в этом году небольшой спецкурс по конституционному праву «Организация правительственной власти» и затем отправился на лечение за границу. 11 апреля 1910 года А. С. Алексеев был избран председателем Московского юридического общества, деятельность которого возобновилась после 11-летнего перерыва. Весной 1911 года он окончательно покинул университет.

Находясь в отставке, Александр Семенович продолжал занятия наукой. В марте 1914 года он тяжело заболел и спустя два года — 4 марта 1916 года — скончался.

* * *

Как человек А. С. Алексеев вызывал симпатию у большинства из тех, кто его окружал. Ф. Ф. Кокошкин писал в своих воспоми-

[1] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 463. Д. 35. Л. 39.
[2] ЦИАМ. Фонд 418. Оп. 68. Д. 349. Л. 6.

наниях, что одной из главных характерных черт Алексеева «была настоящая европейская культурность, которая проникала все его существо и отражалась на его манерах, разговоре, обращении с людьми, придавая им оттенок какой-то благородной дисциплинированной сдержанности и деликатности. На фоне русских нравов и привычек эта сдержанность казалась многим щепетильностью. Фамильярность, так глубоко въевшаяся в обиход нашей жизни, как-то совершенно не срасталась с его характером; он не осуждал ее, но она была ему органически чужда... Основным, преобладающим его душевным свойством была совершенно исключительная доброта и мягкость»[1].

По воспоминаниям Н. Н. Алексеева, также учившегося у Александра Семеновича Алексеева, лекции свои он читал «прекрасно, и, главное, сам был полон уважения к научному знанию и умел внушить это уважение своим слушателям. По обхождению своему он был чиновен и важен, но в то же время необыкновенно вежлив и деликатен»[2].

Наибольшее влияние на политико-правовые взгляды А. С. Алексеева оказал Ж.-Ж. Руссо. Печать идей этого мыслителя явно лежит на определении, которое А. С. Алексеев давал государству. «Догма государственного права наших дней, — писал он, — нуждается поэтому не в таком определении, которое могло бы послужить исходною точкой к объяснению юридического строя современного правового государства»[3]. «Определяя современное государство союзом общественного господства, мы этим подчеркиваем ту его отличительную черту, которая характеризует его как союз равных, а следовательно, и свободных людей, признающих над собою не личную власть, а только власть общественную»[4].

В своих исследованиях государственного строя А. С. Алексеев главное внимание уделял его юридической стороне. Под таковой он понимал связь, которою «государственная организация объединяет людей в одно целое и наделяет как органов, так и членов государства правами и обязанностями»[5].

---

[1] *Кокошкин Ф. Ф.* Из воспоминаний об А. С. Алексееве // Юридический вестник. 1916. Кн. 14. С. 114.

[2] *Алексеев Н. Н.* В бурные годы // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. Кн. 54. С. 150.

[3] *Алексеев А. С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1895. С. 6.

[4] Там же. С. 28.

[5] Там же. С. 5.

Именно с позиции сугубо юридического анализа решал он такой актуальный и для прошлого и для современного русского общества вопрос, как проблема безответственности высшего должностного лица — главы государства и ответственности правительства. «Все государственные функции, — отмечал Алексеев, — сводятся к двум основным категориям: к функциям нормирующим, устанавливающим правила и директивы государственной деятельности, и к функциям нормированным, осуществляющим эту деятельность согласно установленным правилам и директивам. Органы, которые отправляют функции второго рода, называются органами подчиненными; к ним относятся все остальные государственные органы... И в том, что монарх и народное представительство отправляют верховные функции, и нужно видеть юридическое обоснование их безответственности... Но эта безответственность монарха и ставит предел его деятельности. Будучи безответственным органом, он не может отправлять ответственных функций; правительственная деятельность, связанная нормами и директивами, установленными верховными органами, не может исходить от этих органов, а должна быть предоставлена органу связанному — ответственному министерству»[1]. Конечный вывод, вытекавший из приведенного рассуждения, формулировался Алексеевым следующим образом: «Министерство не слуга, не орган монарха или парламента, а слуга народа и орган государства, и притом орган, существующий не по соизволению какой-нибудь высшей, стоящей над ним инстанции, а в силу самого государственного устройства, в силу основных законов страны»[2]. Таким способом Алексеев обосновывал принцип разделения властей, который составляет, как он считал, самое существо организации современного государства, его необходимый остов.

По мнению Алексеева, разделение властей не должно влечь за собой их обособление друг от друга. Напротив, для эффективного управления необходима органическая связь между парламентом и правительством, объединение их «общим политическим направлением, подсказываемым общественным голосом и предписываемым потребностями и интересами народа». Алексеев полагал, что подобную связь может установить только парламентская ответственность

[1] *Алексеев А. С.* Безответственность монарха и ответственность правительства. М., 1907. С. 14—16.

[2] Там же. С. 27.

правительства. Он не признавал господствовавшего в начале XX века в кругах российской интеллигенции воззрения, согласно которому политическая ответственность есть средство постоянного контроля парламента над правительственной деятельностью. «Политическая ответственность на наш взгляд является орудием, которым располагает парламент для проведения в правительственную деятельность политических требований и общественных запросов, преобладающих в стране и находящих свое выражение в политической программе, объединяющей большинство парламента»[1], — писал он. По его словам, «нельзя поэтому считать завершенным тот конституционный строй, в котором министерство, утратившее доверие народного представительства, имеет в своем распоряжении легальные средства править страною и помимо парламента»[2].

События 1917 года в России, безусловно, заставили бы А. С. Алексеева внести серьезные коррективы в проповедовавшуюся им концепцию парламентского строя. Он не избежал бы разочарования в возможностях данного строя организовать общественную жизнь в российских условиях. Смерть спасла Александра Семеновича от этой участи. «Он был сражен смертельным недугом в разгаре кипучего, неустанного труда, волнуясь за судьбу родины, но в то же время твердо веря в ее будущее и до последнего остатка сил работая для этого будущего научною мыслью»[3].

---

[1] *Алексеев А. С.* Безответственность монарха и ответственность правительства. С. 66.

[2] Там же. С. 69.

[3] *Кокошкин Ф. Ф.* Из воспоминаний об А. С. Алексееве. С. 127.

Александр Павлович Лопухин

(1852—1904)

АЛЕКСАНДР Павлович Лопухин родился 1 октября 1852 года в семье священника села Митякино Саратовской губернии. Первоначальное образование получил в духовном училище, затем окончил духовную семинарию. В 1874 году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В первые три года обучения в академии он изучал полный курс общеобязательных и специальных наук по церковно-историческому отделению, а в четвертый, последний год учебы слушал особые «практическо-специальные лекции» по основному богословию и латинскому языку.

Из среды воспитанников духовной академии Александр Лопухин выделялся своей работоспособностью и талантом. Все свободное время он проводил в изучении древних и современных иностранных языков, в чтении научных книг и писании статей. За годы, проведенные в академии, им было написано и опубликовано в академическом журнале «Церковный вестник» более ста научно-публицистических и литературно-критических статей[1]. Наибольший интерес вызывали у воспитанника академии Лопухина темы, связанные с Пятикнижием Моисея и Пророческими книгами Ветхого Завета. Первая его научная статья, опубликованная в «Церковном вестнике», называлась «О Ветхозаветных пророках». Свое кандидатское сочинение, написанное в 1876 году, он назвал «О гражданском законодательстве Моисея». Руководство церковно-исторического отделения Санкт-Петербургской академии высоко оценило эту работу молодого историка, представив ее к денежной награде. Позднее Лопухин напишет на основе своей кандидатской диссертации книгу «Законодательство Моисея», которая будет напечатана в 1882 году[2].

---

[1] См.: *Потехин П.* Памяти проф. А. П. Лопухина († 22 августа 1904 года). СПб., 1904. С. 8.

[2] См.: *Лопухин А. П.* Законодательство Моисея, исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. С приложением трактата: Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения. СПб., 1882.

По окончании в 1878 году четырехлетнего курса обучения в Санкт-Петербургской духовной академии А. П. Лопухин был оставлен при церковно-историческом отделении для подготовки к магистерской степени.

7 июня 1879 года его как человека, превосходно владевшего английским языком, назначили на место псаломщика при православной русской посольской церкви в Нью-Йорке на трехлетний срок[1]. Свое пребывание в США А. П. Лопухин посвятил изучению светской и религиозной жизни североамериканского общества. Он регулярно публиковал материалы на эту тему в российских журналах «Церковный вестник», «Православное обозрение», «Странник», «Берег» и др. Целый ряд статей был им опубликован и в периодическом издании Русской православной церкви в Нью-Йорке «The Oriental Church Magazine (Журнал восточной церкви)».

Свою магистерскую диссертацию А. П. Лопухин посвятил состоянию римско-католической церковной организации в США. В 1881 году она была успешно защищена им в Санкт-Петербургской духовной академии. 5 октября того же года Санкт-Петербургский митрополит Исидор утвердил А. П. Лопухина в степени магистра богословия. В 1882 году текст магистерской диссертации Лопухина вышел в свет в виде отдельной книги[2]. Тогда же были опубликованы и две другие его книги, написанные во время пребывания в США и посвященные религиозной жизни американского общества: «Религии в Америке» и «Жизнь за океаном. Очерки религиозной, общественно-экономической и политической жизни в Соединенных штатах Америки»[3]. Кроме того, в 1882 году А. П. Лопухин напечатал книгу «Библия и научные открытия на памятниках древнего Египта».

---

[1] В послужном списке А. П. Лопухина было записано, что он был «назначен на должность псаломщика к русской православной миссионерской церкви в Нью-Йорке» «по распоряжению высшего начальства» и «вследствие изъявленного им желания».

[2] См.: Римский католицизм в Америке: исследование о современном состоянии и причинах быстрого роста римско-католической Церкви в США. СПб., 1882.

[3] Тему религиозной жизни на Западе А. П. Лопухин будет разрабатывать и в дальнейшем. В 1885 г. в Санкт-Петербурге выйдут в свет две его книги, посвященные данной теме: «Запад в религиозно-нравственном отношении» и «Современный запад в религиозно-нравственном отношении», в 1887 г. Лопухин опубликует книгу «Заокеанский запад в религиозно-нравственном отношении», в 1897 г. — книгу «Настоящее и будущее православия в Северной Америке».

После того как в июне 1882 года истек трехлетний срок службы А. П. Лопухина при Русской православной церкви в Нью-Йорке, руководство Санкт-Петербургской духовной академии постаралось закрепить его в штате данного учебного заведения. Свободной кафедры здесь в то время не оказалось, и Александру Павловичу было предложено занять должность секретаря совета и правления академии. 30 октября 1882 года он был утвержден митрополитом Исидором в указанной должности. Спустя год в связи с уходом в отставку профессора И. Т. Осинина в Санкт-Петербургской духовной академии освободилась кафедра сравнительного богословия. 31 октября 1883 года А. П. Лопухин был избран Советом академии на должность доцента по названной кафедре, 2 ноября митрополит Исидор утвердил его в этой должности.

20 апреля 1884 года император Александр III утвердил новый академический устав, по которому в духовных академиях не предусматривалось кафедры сравнительного богословия. В связи с этим 15 августа того же года А. П. Лопухин был выведен за штат. При этом Совет Санкт-Петербургской духовной академии постановил, что будет иметь его в виду «на занятие кафедры гражданской истории».

В статусе внештатного преподавателя Александр Павлович пребывал ровно год. Решением Совета академии, принятым 20 августа 1885 года и утвержденным митрополитом Санкт-Петербургским 22 августа, он был избран на должность доцента академии по кафедре древней гражданской истории с 15 августа 1885 года.

Преподавательскую деятельность в духовной академии А. П. Лопухин совмещал с работой в качестве редактора православных периодических изданий. С 1892 года он редактировал журнал «Христианское чтение», с 1893 года стал редактировать еще и «Церковный вестник». В конце 1902 года Лопухину было предложено взять на себя редактирование журнала «Странник». Приняв его, Александр Павлович отказался от редактирования «Христианского чтения» и «Церковного вестника».

А. П. Лопухин внимательно следил за развитием богословской науки на Западе и старался познакомить русское образованное общество с наиболее интересными новыми произведениями западных теологов. Целый ряд таких произведений, отвечавших потребностям русской церковной жизни, Александр Павлович сам перевел на русский язык для издания в России. При этом он изъял из

их содержания то, что казалось ему сомнительным как с точки зрения исторической науки, так и с позиций православной идеологии.

В 1885 году в Санкт-Петербурге была издана книга английского богослова, капеллана королевы Виктории Ф. У. Фаррара (1831—1903) «Жизнь Иисуса Христа», в 1887 году вышло в свет его произведение «Жизнь и труды апостола Павла», в 1897 году — книга «Власть тьмы в царстве света». Все названные книги Ф. У. Фаррара были переведены на русский язык А. П. Лопухиным.

В 1890 году Александр Павлович опубликовал свой перевод книги «Христианская этика» датского теолога Ганса Лассена Мартенсена (*Hans Lassen Martensen*, 1808—1884)[1]. В 1892 году вышел в свет его перевод книги ординарного профессора Лейпцигского университета Х. Э. Лютардта «Апология христианства».

20 ноября 1889 года А. П. Лопухин был избран Советом Санкт-Петербургской академии на должность экстраординарного профессора кафедры древней гражданской истории[2]. В 1903/04 учебном году ему было вменено в обязанность чтение лекций и по новой гражданской истории вместо вышедшего в отставку профессора Н. А. Скабалановича.

К сожалению, этот год был последним в жизни А. П. Лопухина. 22 августа 1904 года Александр Павлович скончался. Похоронен он был на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры.

* * *

Двадцать лет преподавательской деятельности А. П. Лопухина в духовной академии были для него одновременно временем интенсивного научного и литературного творчества. По словам П. Потехина, он проявил на этом поприще «редкую не только в русской, а даже и в иностранной литературе производительность. О нем, как об Оригене[3], по справедливости можно повторить слова

---

[1] См.: *Мартенсен Г. Л.* Христианское учение о нравственности / Перевод на русский язык А. П. Лопухина. СПб., 1890.

[2] Святейший синод утвердил А. П. Лопухина в этой должности указом от 19 января 1890 г.

[3] Ориген (*Origenus*, около 185—253/254) — раннехристианский теолог-апологет. В своем учении он стремился соединить платонизм с христианством («Ориген жизнью своей живет по-христиански, по воззрениям же своим на соделанное и Божественное эллинствует», — говорил о нем Порфирий). Вместе с тем Ориген прославился как чрезвычайно плодовитый писатель. Среди его творений наиболее

блаженного Иеронима, что за свою жизнь он мог столько написать, сколько иной за свою жизнь не может прочитать»[1].

Своим трудолюбием и работоспособностью Александр Павлович удивлял всех, кто его знал. В последний год своей жизни он тяжело болел, но не прекращал своих трудов. Общавшийся с Лопухиным в это время профессор-богослов А. А. Бронзов (1858—1919) вспоминал о нем в своей статье-некрологе, написанной 24 августа 1904 года: «Человек явно умирал, но думал не о смерти, не о покое, а о новых и новых трудах! Трудился почти в гробу, трудился «тяжко болящий и немощной» (так он подписался под последним своим ко мне письмом). Много ли таких людей?! Да, он был пример, достойный подражания для всех и каждого»[2].

Собранные вместе сочинения А. П. Лопухина составили бы десятки объемистых томов. Большая часть их посвящена двум темам: религиозной жизни западного общества и библейской истории.

А. П. Лопухин с огромным любопытством наблюдал и изучал религиозные верования населения США. Он полагал, что по отношению к религии американский народ весьма резко отличается от народов Западной Европы. По его словам, «это совершенно молодой народ, который кипит полнотой своей юной духовной жизни. У него еще нет того разлада между разными силами духа, которым страдает одряхлевшая Европа — нет противоречия между разумом и верой... Америка по своему культурному характеру есть страна положительного знания. Несмотря на это, наука там живет в гармоническом единении с религиозной верой... Вся жизнь американского народа проникнута религиозным духом, и на всех проявлениях государственной и общественной жизни лежит сильный отпечаток религиозного влияния»[3].

Положительной стороной религиозной жизни североамериканского общества А. П. Лопухин считал отделение церкви от государства. Это отделение, отмечал он, «означает только то, что государство, встретившись с разнообразием вероисповедных форм, не

известны: трактат «О началах», посвященный основам христианского вероучения, и трактат «Против Цельса», в котором Ориген проявил себя как апологет христианства, защищая эту идеологию от критики языческих философов.

[1] *Потехин П.* Памяти проф. А. П. Лопухина. С. 7—8.

[2] *Бронзов А.* Александр Павлович Лопухин // Странник. 1904. № 9. С. 301—302.

[3] *Лопухин А. П.* Заокеанский Запад в религиозно-нравственном отношении. СПб., 1886. С. 6—7.

отождествилось ни с одной из них в отдельности, чем нарушено было бы естественное чувство справедливости и равенства в отношении всех остальных, но этим самым отнюдь не отделилось от религии как общего религиозно-нравственного начала»[1].

Главные проблемы церковной и религиозной жизни США Лопухин усматривал в слишком большой распространенности протестантизма, который, как он был убежден, «не дает достаточного обеспечения религиозной совести»[2].

Библейской историей А. П. Лопухин начал заниматься еще во время обучения в Санкт-Петербургской духовной академии. Во множестве его произведений, написанных на данную тему, особенно выделяется книга «Библейская история в свете новейших исследований и открытий», которая вышла в свет в трех объемных томах в 1889—1895 годах[3]. В 1913 году началось переиздание названной книги в качестве бесплатного приложения к журналу «Странник», но его не успели завершить до катастрофических событий 1917 года.

«Библейская история...» А. П. Лопухина была основана на огромной массе фактов древней истории человечества, на научном анализе и осмыслении библейских текстов. При этом Александр Павлович создавал данное произведение, как он сам признавал, не для «узкого круга специально богословски образованных лиц», но ориентируясь на «более обширный круг вообще образованного светского общества, для которого в нашей литературе не существует ровно ничего в этом отношении, вследствие чего библейско-исторические познания в нем не идут дальше круга школьных начатков священной истории»[4]. В предисловии к указанной книге А. П. Лопухин писал: «Вследствие тех поистине чудесных открытий, которые в нашем веке делаются на забытом пепелище былой исторической жизни древних народов Востока, библейская история чрезвычайно обогатилась в своих научных ресурсах... Но вообще наша литература в этом отношении далеко отстала от западноевропей-

[1] *Лопухин А. П.* Заокеанский Запад в религиозно-нравственном отношении. С. 8.

[2] Там же. С. 47.

[3] На основе текста своей «Библейской истории...» А. П. Лопухин создал двухтомное учебное пособие для духовных учебных заведений — «Руководство к библейской истории Ветхого и Нового Завета», которое было напечатано в 1888—1889 годах.

[4] *Лопухин А. П.* Два слова в защиту «Библейской истории при свете новейших исследований и открытий». СПб., 1894. С. 19.

ской, и в то время как у нас продолжают пользоваться лишь, так сказать, крохами от богатого стола библейско-исторической науки, на Западе давно уже существуют целые курсы, представляющие собой сводку всех главнейших открытий, и множество монографий по различным библейским вопросам, разработанным при ярком свете всех новейших исследований и открытий. Отсутствие подобных цельных трудов у нас составляет важный пробел в богословской литературе, и посильное восполнение этого пробела и имелось в виду при составлении настоящей книги»[1]. В качестве дополнительной цели своего труда Александр Павлович провозглашал стремление «воспользоваться новейшими исследованиями и открытиями для опровержения крайних выводов отрицательной критики»[2].

До Лопухина библейская история излагалась в русских богословских сочинениях как история религии по Библии. Лопухин предпринял в рассматриваемой книге попытку взглянуть на библейскую историю как на историю библейского народа во всех ее проявлениях: в религиозном, нравственном, социально-экономическом и политическом.

В последние годы своей жизни А. П. Лопухин работал над другим грандиозным проектом: он задумал создать «Толковую Библию, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета». Ему удалось подготовить к печати только первый том данного труда, который вышел в свет в 1904 году. В течение последующих десяти лет его преемниками было подготовлено и напечатано одиннадцать последующих томов «Толковой Библии»[3].

В 1904 году была напечатана и работа А. П. Лопухина «Вавилонский царь правды Аммураби[4] и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым». Ее текст должен был составить докторскую диссертацию, которую Александр Павлович не успел завершить.

---

[1] *Лопухин А. П.* Библейская история при свете новейших исследований и открытий. Т. 1. СПб., 1913. С. 2.

[2] *Лопухин А. П.* Два слова в защиту «Библейской истории при свете новейших исследований и открытий». С. 4.

[3] В преддверии празднования тысячелетия принятия христианства Русью Институт перевода Библии подготовил репринтное издание всех двенадцати томов «Толковой Библии» А. П. Лопухина. Они вышли в свет в 1987—1990 гг., объединенные в три толстых книги общим тиражом в 150 000 экземпляров.

[4] В современной русской исторической литературе этот вавилонский царь именуется чаще как Хаммурапи.

В своей последней научной работе А. П. Лопухин возвращался к тематике первой из наиболее значительных своих работ. Книга «Вавилонский царь правды Аммураби...» была в определенном смысле продолжением вышедшей в 1882 году книги «Законодательство Моисея». Законы Аммураби были важны для А. П. Лопухина не сами по себе, но как явление, позволяющее доказать историческую подлинность законов Моисея. «Предание, что Моисей был не только судией и законодателем, но и автором свода законов — кодификатором, — с открытием кодекса царя Аммураби нашло себе новое и неопровержимое доказательство»[1], — такой вывод делал Лопухин в заключение своей книги о законах Аммураби.

Обращаясь к истории права, А. П. Лопухин не выходил за рамки богословия. Он смотрел на Моисеево законодательство прежде всего с точки зрения истории Библии. Вместе с тем он видел в этом законодательстве ценный материал для разрешения острых этических проблем. «В Моисеевом праве, — отмечал Лопухин в предисловии к своей книге «Законодательство Моисея», — кроме его общего интереса, заключается, по нашему мнению, один из драгоценнейших материалов для общей апологетической науки и притом материал еще совершенно нетронутый. В нем же представляется мудрое разрешение на почве высших начал тех великих социальных проблем, которые бесплодно волновали умы величайших мыслителей древности и с грозною настойчивостью требуют практического разрешения в настоящее время»[2].

Что же касается трактата «Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения», то, как показывает само его название, А. П. Лопухин стремился решить в нем, главным образом, именно юридические проблемы. Объясняя свое обращение к данной теме, он писал: «С судебной точки зрения судопроизводство над Иисусом Христом является необыкновенным, может быть, даже единственным в своем роде фактом. История сохранила много судебных трагедий. Уголовные процессы, вроде процессов Сократа, Карла, короля английского и Марии Стюарт, всегда с чарующею силой привлекали к себе внимание людей. Но суд над Хрис-

---

[1] *Лопухин А. П.* Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым. Пг., 1904. С. 53.

[2] *Лопухин А. П.* Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея, с приложением трактата: «Суд над Иисусом Христом, рассматриваемый с юридической точки зрения». СПб., 1882. С. I—II.

том произвел большее впечатление на мир, чем все они вместе. Помимо своего всемирно-исторического значения он имеет еще чисто юридический интерес, которым не обладает ни один из упомянутых процессов. По общему убеждению законоведов, самое важное место между всеми юриспруденциями занимает юриспруденция древнего Рима, а самая своеобразная из них, и притом высокоценимая христианским миром, была юриспруденция Иудейского государства. Понятно, что если эти две славные и решительно различные системы встречаются между собою, то исследование такого дела с юридической точки зрения необходимо представит великий интерес. А если эти две системы встречаются одна с другой в событии, наиболее поразительном и обильном последствиями, то исследование их совместного приложения становится весьма важным. Оно становится самою интересною задачей, какую только может представить история юриспруденции»[1].

А. П. Лопухин стремился ответить в своем трактате «Суд над Иисусом Христом...» прежде всего на вопрос, было ли тут два судопроизводства или одно. При этом он решал также проблему: соблюдались ли в указанном судебном процессе формы, предписанные, в одном случае, еврейским правом, а в другом — римским. Вместе с тем он хотел найти ответ на вопрос, за какую вину был распят исторический Иисус Христос?

К теме суда над Иисусом Христом постоянно обращались и продолжают до сих пор обращаться богословы, историки, писатели, юристы и просто любознательные люди[2]. При этом высказываются самые различные точки зрения, даются самые различные объяснения данному историческому событию. А. П. Лопухин предпринял попытку взглянуть на суд над Иисусом Христом с точки зрения норм действовавшего в то время, когда он проходил, римского и еврейского права.

---

[1] *Лопухин А. П.* Законодательство Моисея... С. 251—252.

[2] Одной из последних вышедших на русском языке книг по этой теме является переведенная с английского книга адвоката Фрикке Веддига «Кто осудил Иисуса? Точка зрения юриста» (М.: Теревинф, 2003).

Павел Гаврилович Виноградов

(1854—1925)

БИОГРАФИИ ученых, как правило, малоинтересны. Их судьбы небогаты событиями и поступками, они текут ровно и тихо, как глубоководные реки по равнине. Вся жизнь подобных рек — в глубине, в их подводных течениях. Настоящая жизнь людей науки также скрыта от окружающих, она — в потемках их внутреннего мира — сферы мыслей и чувств.

Биография Павла Гавриловича Виноградова не выпадает из ряда таких биографий. Его жизнь протекала столь же спокойно и по тем же точно вехам, как и протекают обыкновенно жизни ученых. Тем не менее многое в ней оказалось необычным, выходящим за рамки правил.

П. Г. Виноградов вошел в историю науки двух стран — России и Англии, — и в обеих этих странах заслужил своими научными трудами репутацию выдающегося ученого. Он был профессором Императорского Московского университета и Оксфордского университета и прославился научными достижениями в двух областях человеческого знания — в истории и юриспруденции[1]. «Англо-русский ученый-правовед и медиевист, который являлся в свое время, может быть, величайшим авторитетом в области феодального права и обычаев Англии»[2] — такими словами характеризуется Павел Гаврилович Виноградов в «Энциклопедии Британника».

---

[1] Помимо научных работ П. Г. Виноградов оставил после себя и обширное публицистическое наследие, состоящее из книг и статей, посвященных анализу современного ему политического положения в России. Это такие работы, как «The Russian Problem» (London, 1914), «Russia: Psychology of Nation» (Oxford, 1914); «Some Elements of the Russian Revolution» (Quarterly Review. London, 1917. P. 184—200), «Some Impressions of the Russian Revolution» (Contemporary Review. London, 1917. P. 553—561) и др. В 1997 г. в журнале «Исторический архив» (№ 1. С. 201—216) была опубликована статья Виноградова «Россия и Европа», подготовленная им к печати в конце 1916 — начале 1917 г., но по каким-то причинам не опубликованная в то время.

[2] «Anglo-Russian legal scholar and medievalist who was perhaps the greatest authority in his time on the feudal laws and customs of England» (The New Encyclopaedia Britannica. 15th edition. Vol. 12. Chicago, 1991. P. 381).

В России П. Г. Виноградов известен преимущественно в качестве историка[1] и не оценен по достоинству в качестве правоведа. В Англии же его знали и знают, главным образом, как правоведа. Неполный список научных работ ученого, составленный после его смерти вдовой Луизой Виноградовой, насчитывает 266 наименований книг и статей[2]. Бóльшая их часть относится к юриспруденции. Почти все они были написаны Павлом Гавриловичем в то время, когда он уже жил за пределами России, и на иностранных языках[3] (английском, французском, немецком, норвежском)[4]. Можно сказать поэтому, что в качестве правоведа Виноградов по-настоящему раскрылся только в тот период своей жизни, когда занимал кафедру сравнительного правоведения в Оксфордском университете (1903—1925 гг.).

Произведения, написанные Виноградовым в этот период жизни, до сих пор — и спустя более восьмидесяти лет после его смерти — остаются малоизвестными в России. Между тем его книги, изданные на иностранных языках мизерными по меркам российского книгоиздания тиражами, и статьи, опубликованные в иностранных журналах, содержат немало глубоких мыслей о правовой культуре древнего и средневекового западноевропейского общества, о сущности юриспруденции вообще, о закономерностях развития и функционирования права как такового.

П. Г. Виноградов исходил в своих научных исследованиях не из умозрительных доктрин, а из фактов. Он свободно владел всеми

---

[1] См., например, книгу *Петрушевского Д. М.* П. Г. Виноградов как социальный историк. Л., 1930; *Моисеенков Л. С.* Слово о Павле Гавриловиче Виноградове (1854—1925) // История и историки. М., 1995. С. 213—229; *Малинов А. В.* Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. СПб., 2005.

[2] См.: Collected Papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. Oxford, 1928. P. 479—495.

[3] Исключение составляет статья П. Г. Виноградова «Перспективы исторического правоведения», опубликованная на русском языке в парижском журнале «Современные записки» (1921. № 7. P. 154—161).

[4] Из работ П. Г. Виноградова по юриспруденции, изданных в России, можно назвать — книги: «Римское право в средневековой Европе» (М., 1910), «Господство права» (М., 1911), «Очерки по теории права» (СПб., 1915), — литографированные издания: «Государственное право Англии. Лекции экстраординарного профессора П. Г. Виноградова» (М., 1888), «История правоведения. Лекции, читанные в Московском университете» (М., 1908), а также — статьи: «Германское право» в 14-м томе «Энциклопедического словаря Гранат» (М., 1911), «Аристотель о восстановлении нарушенного права» в журнале «Гермес» (1909. № 6. С. 252—256; № 7. С. 282—290) и др.

основными европейскими языками и много времени уделял изучению оригинальных текстов юридических документов, хранившихся в западноевропейских архивах.

Достижения русского правоведа в области юриспруденции были высоко оценены иностранными правоведами. Ему посвящены статьи во многих и самых авторитетных энциклопедиях и журналах[1]. О нем написаны воспоминания с самыми восторженными отзывами о его личности[2].

* * *

Павел Гаврилович Виноградов родился 18 ноября 1854 года в славном русском городе Костроме, который в старой России почитался особо, поскольку был в 1613 году резиденцией первого царя из династии Романовых — Михаила.

Мать Павла Виноградова — Елена Павловна — являлась дочерью видного русского генерала, героя Отечественной войны 1812 года Павла Денисовича Кобелева. Отец будущего историка и правоведа — Гавриил Киприанович — происходил из семьи суздальского священника. Однако он не пошел по стезе своего родителя, а поступил в Главный Педагогический институт в Санкт-Петербурге. По окончании института он был направлен в Кострому на работу в качестве учителя истории в мужской гимназии. В 1855 году Г. К. Виноградов был переведен в Москву на должность директора 1-й мужской гимназии.

Брак с Еленой Павловной был вторым браком Гавриилы Киприановича. От первого у него осталось трое сыновей, из которых младший был старше Павла на шесть лет. После же рождения Павла родились четыре дочери (Лиза, Наталья, Саша и Сима) и еще двое сыновей. Таким образом, детство будущего ученого прошло в довольно многодетной, даже по тем временам, семье. Жалованья Гавриилы Киприановича едва хватало, чтобы обеспечивать семью

---

[1] См.: *Allen C. K.* Vinogradoff, Sir Paul Gavrilovitch // Dictionary of National Biography 1922—1930. P. 871—874; Corpus Christi College Oxford Biographical Register 1880—1974. London, 1988. P. 41—42; *Holdsworth W., Pares B.* Sir Paul Vinogradoff // The Slavonic Review. 1926. Vol. 4. P. 529—551; *Zulueta de F.* Paul Vinogradoff. 1854—1925 // Law Quarterly Review. 1926. Vol. 42. P. 202—211; *Batler W. E., Tomsinov V. A.* Paul G. Vinogradoff // Sudebnik. London: Simmonds and Hill Publishing Ltd., 1997. Vol. 2. Issue 2. P. 405—425.

[2] См., например: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir / Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1 / Ed. by H. A. L. Fisher. Oxford. 1928. P. 3—74.

самым необходимым. Из-за недостатка денежных средств Виноградовы не могли, например, снять дачу для летнего отдыха или отправиться в путешествие по России или за границу. Материальное положение Виноградовых станет сносным только в 1866 году, после того как глава семейства будет назначен на пост директора одновременно пяти женских гимназий. Лишь тогда они получат возможность проводить лето в деревне.

Первоначальное образование Павел Виноградов получил дома. Занимаясь по программе начальных классов гимназии, он уже в раннем возрасте приобрел хорошее знание иностранных языков, сначала немецкого и французского, а затем английского. Тогда же проявился в нем и интерес к истории. Павел любил читать исторические романы: особенно увлекался он произведениями Вальтера Скотта. Героями мальчика были Александр Македонский и Юлий Цезарь.

Благодаря матери Павел получил хорошее музыкальное образование. Он усовершенствовал его, изучая музыку и играя на фортепьяно под руководством профессионального музыканта (Безикевского). Сестра Павла Виноградова Серафима вспоминала впоследствии: «Павел страстно любил музыку; он обладал совершенным понимаем ее, он ощущал ее всеми фибрами своей поэтической души. Он попытался привить мне глубокую любовь к серьезной классической музыке. Ему это удалось. Что бы он ни играл, он играл с таким большим чувством, с такой большой экспрессией... Его игра, полная изящества, силы, экспрессии и благородства, производила огромное впечатление на слушателя... Хотя он не являлся специалистом в музыке, он мог критиковать и анализировать самые сложные пьесы, которые слушал. Его чувствительность возбуждалась также живописью и скульптурой. Я имела счастье посетить вместе с ним музеи Берлина и Копенгагена. Он научил меня понимать развитие различных школ. Он был способен понятно объяснить эти художественные вопросы. Тому, кто слышал его беседу, казалось, что великие художники и скульпторы снова ожили»[1].

В 1867 году родители отдали Павла в 4-й класс 4-й Московской гимназии. Во время обучения здесь в нем укрепился интерес к истории западноевропейских стран. Поэтому после окончания в

[1] Цит. по: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 7.

1871 году гимназии (с золотой медалью) он без особых раздумий поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета.

Среди университетских преподавателей наибольшее влияние на П. Г. Виноградова оказали профессора В. И. Герье, С. М. Соловьев и Ф. И. Буслаев. На третьем курсе университета студент Виноградов взялся писать медальное сочинение на тему «О землевладении в эпоху Меровингов» и, знакомясь с историческими материалами, обратил свое внимание на значение права в истории человеческого общества. Возможно, именно тогда впервые зародился в нем интерес к юриспруденции, удачно совместившийся впоследствии с интересом к исторической науке. С этого времени исследования Виноградова в области социальной истории неизменно дополнялись изучением юридических документов.

За свое сочинение студент Виноградов был удостоен золотой медали. Это была его первая награда за научные исследования по социальной истории западноевропейского Средневековья, в сфере которых он достигнет блестящих успехов и приобретет известность в среде ученых всей Европы.

Н. И. Кареев, поступивший учиться на историко-филологический факультет Московского университета в 1869 году, писал в своих мемуарах о студенте Виноградове: «В студенческой среде были у меня и одиночные, так сказать, знакомства. В числе их на первом плане ставлю Павл[а] Гавр[иловича] Виноградова, сделавшегося позднее профессором в Москве, потом в Оксфорде, а под конец и членом Академии наук. Виноградов был двумя курсами моложе меня. Мы встретились случайно у Буслаева, который много времени спустя был шафером на моей свадьбе. Уже тогда он мало водил компанию с рядовым, так сказать, студенчеством, за что товарищи называли его генералом. Впоследствии, однако, мы без всякой видимой причины очень отдалились друг от друга, но, сдается мне, отнюдь не по моей вине. Часто, помню, возвращаясь с вечернего семинария, происходившего у Герье на дому, мы заходили вдвоем в ресторан закусить и побеседовать. Живя рядом с университетом, я часто видел его у себя, а также бывал в его семье, в которую были вхожи и Андреев с Громекой, причем помню и три-четыре танцевальные там вечеринки. Общее участие в семинарии у Герье создало у нас некоторые общие научные интересы»[1].

[1] *Кареев Н. И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 128—129.

По окончании университетского курса обучения Павел Виноградов был оставлен при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. В 1875 году он отправился в Германию совершенствовать свои познания в исторической и юридической науках. В Берлинском университете Виноградов занимался историей Древнего Рима, посещая лекции знаменитого немецкого историка Теодора Моммзена, а также слушал лекции по истории германского права у признанного знатока этой науки Генриха Бруннера.

Тремя годами ранее лекции профессора Бруннера в Берлинском университете слушал М. М. Ковалевский. «Бруннер своим преподаванием удовлетворил меня вполне, — писал Максим Максимович в своих мемуарах. — В конце лекции он диктовал нам источники и довольно полную библиографию. У него учился не один русский исследователь. Для примера укажу на Павла Гавриловича Виноградова, по моему мнению, обязанного ему не меньше, чем своему русскому учителю Герье и знаменитому Моммзену. У Виноградова можно найти применение к английскому материалу того же строгого критического приема, каким отличался Бруннер. Он, впрочем, проявил себя не в одной области германского права. Его «Происхождение института присяжных» свидетельствует о хорошем знакомстве и с франко-нормандскими учреждениями и с сочинениями древнейших английских юристов времен Эдуардов. Бруннер принадлежит, несомненно, к числу наиболее разносторонне образованных юристов-историков. Прибавьте к этому блестящий ум, редкую проницательность и историческую фантазию, позволяющую ему, подобно Иерингу, но только более осторожно, восстановлять те или другие юридические порядки прошлого на основании уцелевших обломков»[1].

Некоторые результаты своих занятий историей германского права под руководством Генриха Бруннера Виноградов обобщил в статье «Об освобождении к полной независимости в немецком народном праве», которая была опубликована в 1876 году в издании «Исследования по немецкой истории»[2].

Проведя лето 1876 года в Боннском университете в занятиях древнегреческой историей под руководством А. Шеффера

[1] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 103—104.

[2] *Vinogradoff P. G.* Ueber die Freilassung zu voller Unabhaengihkeit in den deutschen Volksrechten // Forschungen zur Deutschen Geschichte. Leipzig, 1876. Bd. LX. S. 599—608.

(A. Schaefer), Виноградов осенью того же года возвратился в Москву. Здесь ему сразу же предложили читать лекции по всеобщей истории на Высших женских курсах. С несколькими перерывами он преподавал в этом учебном заведении до 1888 года, то есть до самого его закрытия.

После того как Виноградов выдержал магистерский экзамен, он был приглашен читать с осени 1877 года на историко-филологическом факультете Московского университета лекционный курс по истории Средних веков в качестве внештатного (стороннего) преподавателя. П. Н. Милюков, учившийся в то время на первом курсе данного факультета, вспоминал о «молодом приват-доценте, только что вернувшемся из-за границы»: «П. Г. Виноградов, может быть, не удовлетворял нас как теоретик. Но он импонировал нам своей серьезной работой над интересовавшими нас сторонами истории на основании архивного материала. А кроме того, он сразу привлек нас к себе тем, что, в противоположность Герье, не отгораживался от нас и не снисходил к нам, не приходил в затруднение от наших вопросов, а, наоборот, вызывал их и трактовал нас как таких же работников над историческим материалом, как и он сам. Он приехал с готовой работой о Лангобардах в Италии, составленной на месте по архивам и на деле показывавшей, чего можно от него ожидать. Я не помню точно последовательности его университетских курсов: была ли это Римская империя или начало Средних веков. Но еще важнее, чем его лекции, был его семинарий. Только у Виноградова мы поняли, что значит настоящая научная работа, и до некоторой степени ей научились»[1].

Летом 1878 года Павел Гаврилович работал в библиотеках и архивах Италии, собирая материал для исследования на степень магистра по теме «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии». В марте 1881 года он успешно защитил магистерскую диссертацию. Годом ранее она была издана в Санкт-Петербурге в виде книги.

Объясняя в предисловии к основному тексту своей работы выбор темы, автор отмечал, что «феодализм занимает одно из первых мест» в ряду фактов, «около которых группируются важнейшие события истории Западной Европы». «Так как феодализм есть не местное, случайное или мелкое, а всемирно-историческое явление,

[1] *Милюков П. Н.* Воспоминания. Том первый (1859—1917). М., 1990. С. 114.

то и следование по его образованию имеет интерес не только для историков какой-либо западно-европейской страны, но и для русского, изучающего всемирно-историческое развитие»[1].

Сущность феодализма Виноградов видел вслед за французским историком Гизо в трех признаках: в соединении верховной власти с землевладением, в замене полной земельной собственности условной земельной собственностью и в установлении вассальной иерархии между государями-помещиками. Достоинством этого определения феодализма Виноградов считал то, что оно указывает «на дробление верховной власти, перешедшей к некоторым из землевладельцев, на дробление идеи собственности, выразившееся в противоположности между dominium utile и domium directum, на дробление идеи подданства, последовавшее за появлением новой формы политической зависимости — вассалитета». При этом он подчеркивал, что наряду с этим разложением основных общественных принципов имеет место и смешение их: «можно сказать, что феодализм отличается территориальною окраской политических отношений и политическою окраской земельных отношений»[2].

Главную трудность при изучении феодализма Виноградов усматривал не в его определении, а в понимании причин его возникновения, уяснении того, как совершалась «феодализация». В исторической литературе давались в то время самые различные объяснения происхождения феодализма. Одни историки придавали в процессе феодализации преимущественное значение романскому элементу: они, по словам Виноградова, «указывали уже в Римской империи последних веков зародыши феодализма и приписывали Средним векам только их развитие»[3]. Другие, напротив, рассматривали феодализацию исключительно как результат деятельности германских племен, как процесс развития германских порядков на завоеванной этими племенами территории Римской империи. Среди историков, искавших причины феодализации за рамками племенных отношений, также не было единства мнений. Одни из них, отмечал Виноградов, «считали возможным поставить этот процесс в зависимость от политического переворота, совершенного Каролингами, другие искали его причин глубоко — в экономических и

[1] *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. С. I.

[2] Там же. С. 2.

[3] Там же.

общественных условиях, общих Романским и Германским племенам, да и не одним им»[1].

Изучение истории Лангобардского королевства — государственного образования, возникшего во второй половине VI века в результате завоевания германским племенем лангобардов (длинно-бородых) территории Италии, и существовавшего до 70-х годов VIII века, позволило Виноградову проследить процесс постепенного зарождения феодализма как в сфере политической и сословной организации общества, так и в сфере землевладения. В качестве отправной точки в этом процессе он взял римский колонат[2]. Виноградов считал, что именно колонат создал первичные предпосылки феодализма. «Посмотрим ли мы, — писал он, — на политический характер феодализации, на замену отношений подданства отношениями коммендации, не подлежит сомнению, что приведение многочисленного класса свободных людей в такую юридическую зависимость от землевладельца, какая вызвана колонатом, должно было ослабить их связь с государством, подготовить политическое подчинение земледельцу. Обратимся ли мы к сословному строю, будем ли искать зародышей аристократического положения вооруженных земледельцев и зависимого положения лично свободных людей, живущих на земле, признанной чужою, — мы заметим в колонате первую форму уменьшения свободы вследствие найма чужой земли; примем ли мы, наконец, во внимание роль феодализма для землевладения и земледелия, придется признать несомненную связь колоната с эксплуатацией имений средневековыми крепостными крестьянами»[3].

Проанализировав многочисленные законодательные акты, завещания, дарственные грамоты, арендные договоры и другие документы, отразившие характер землевладения, социальной структуры и политического строя в Лангобардском королевстве, Виноградов пришел к выводу о том, что в образовании здесь феодального порядка одинаково участвовали и романский, и германский элементы, но при этом каждый из них играл свою специальную роль: один формировал общественный строй феодальной Италии, другой создавал ее в политическом отношении. По его словам, «германцы, явившиеся в Италию, уже нашли в полном развитии круп-

---

[1] *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. С. 3.

[2] См.: там же. С. 19—77.

[3] Там же. С. 73—74.

ную поземельную собственность и безземельность массы населения, нашли оброчную систему и класс крепостных, распадавшийся на два разряда, по происхождению своих членов. Введением нового материала они на время заравняли прежние неравенства, но в корне изменить их не могли, потому что не хотели и не умели; напротив, противоположности, сдерживаемые в Римском государстве сильною рукою закона, у германских варваров обострились до фактической борьбы за существование. Если германцы нашли в Италии все элементы для господства землевладельческой аристократии и быстро восприняли и развили их, то в то же время они нашли могущественную и утонченно устроенную политическую власть, которую им было не под силу поддерживать... Усевшись на местах, и франкское и германское племя начало снова распадаться на простейшие политические части, при чем нельзя было вернуться просто к прежним общинным делениям, а приходилось считаться с создавшеюся, вследствие завоевания, землевладельческою и должностною аристократией»[1].

Конечный вывод Виноградова из исследования вопроса происхождения феодализма в Лангобардском королевстве гласил: «Отказываясь от односторонне-национальных объяснений романистов и германистов, мы в то же время должны признать, что такие условия, как разложение сельской общины, не имеют особенного значения в истории Лангобардской Италии, а видоизменение военной системы и секуляризация церковных имуществ только ускорили процесс, а не обусловили его»[2].

После защиты магистерской диссертации П. Г. Виноградов был избран на должность штатного доцента Московского университета по кафедре всеобщей истории.

Летом 1883 года Павел Гаврилович снова отправился за границу, на сей раз в Англию, для сбора материалов к докторской диссертации на тему «Исследование по социальной истории Англии в Средние века». Он решил еще раз обратиться к проблеме происхождения феодализма, но теперь рассмотреть ее на примере английской истории.

Во время данной поездки Виноградов познакомился с барристером Линкольнской общины юристов (Lincoln's Inn) Фредериком Уильямом Мэтландом (1850—1906), вступившим на поприще на-

[1] *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. С. 337.

[2] Там же. С. 337—338.

учной и преподавательской деятельности в области юриспруденции[1]. Это знакомство, состоявшееся в воскресенье 11 мая 1884 года, сыграло большую роль в судьбе как Виноградова, так и Мэтланда. Ученик и биограф обоих ученых историк Герберт Альберт Лоренс Фишер (1865—1940)[2] писал о первой их встрече: «День был прекрасным, и два ученых отправились на прогулку в парки, и лежа во весь рост на траве вели беседу на исторические темы. Мэтланд рассказал мне об этой воскресной беседе; как из уст иностранца он впервые сполна узнал о той бесподобной коллекции документов по юридической и социальной истории Средних веков, которые Англия постоянно хранила и последовательно игнорировала, о непрерывном потоке свидетельств, текущем семь столетий, о тоннах свитков тяжб, из которых было бы возможно восстановить образ долгой исчезнувшей жизни с такой степенью достоверности, каковой никогда нельзя добыть из хроник и произведений профессиональных историков. Его живой ум немедленно пришел в движение: на следующий день он возвратился в Лондон, приехал в Государственный архив (Record Office) и как человек из Глусестерского графства и наследник нескольких приятных акров земли в этом плодородном графстве, испросил самые ранние свитки тяжб графства Глусестер (Gloucester). Ему был доставлен список за 1221 год, и без какой-либо формальной подготовки в палеографии он смог разобраться в нем и описать его. Книга «Тяжбы короны в графстве Глусестер (Pleas of the Crown for the County of Gloucester)», которая появилась в 1884 году, с посвящением Павлу Виноградову, — тонкий и внешне малозначащий том, но он обозначает эпоху в истории исторической науки»[3]. По своему внешнему облику Павел Виноградов и Фредерик Мэтланд представляли собой прямую противоположность друг другу. Виноградов был высоким и плотным, Мэтланд — невысоким и хрупким. Виноградов говорил как наставник, уверенный в себе, подкрепляя свои выводы массой конкретных фактов. Он оставлял впечатление всесокрушающей силы. Мэтланд яв-

[1] В 1884 г. Ф. У. Мэтланд был назначен лектором по английскому праву в Кэмбриджском университете.

[2] Герберт Фишер являлся не только историком, но и политиком. В 1916 г. он был избран членом Палаты Общин и вошел в правительство Дэвида Ллойд Джорджа в качестве главы Министерства образования (President of the Board of Education).

[3] Цит. по: *Holdsworth W. S.* Sir Paul Vinogradoff // Sir Paul Vinogradoff. Tree articles by W. S. Holdsworth, B. A. Pares, A. M. Meyendorff. Б. м. и г. (оттиск из журнала «Slavonic Review». 1926. Vol. 4). P. 14.

лял собою воплощенную деликатность, его ум был не подавляющим, как у его русского учителя и друга, но обволакивающим. Виноградов производил впечатление человека, занимающегося тяжелым интеллектуальным трудом и отягощенного знаниями. Мэйтланд казался человеком, которому знания достаются без особого труда и которого они ничем не обременяют. Он всегда был весел.

Работая во время первого своего визита в Англию в архиве Британского музея, Павел Гаврилович обнаружил манускрипт, содержавший собрание подлинных судебных решений, вынесенных в первые двадцать четыре года правления английского короля Генриха III. Русский ученый сразу предположил, что данный манускрипт был составлен специально для королевского судьи Генри Брэктона и что именно на его основе тот написал свой знаменитый трактат «О законах и обычаях Англии». В сообщении об этом открытии, опубликованном 19 июля 1884 года в лондонском журнале «Athenaeum»[1], Виноградов писал: «Хорошо известно, что главное значение произведения Брэктона о законах Англии проистекает из того факта, что оно базируется на самом широком и внимательном изучении судебной практики тринадцатого столетия. Опираясь на это твердое основание, Брэктон был способен создать трактат, который в порядке, соответствующих теориях и даже во многих частных деталях, свидетельствует о влиянии римской юриспруденции и ее средневековых истолкователей, но в то же время остается описанием подлинного английского права — описанием настолько детальным и точным, что ему ничего нельзя противопоставить во всей юридической литературе Средних веков. Великий английский судья не удовлетворился изложением в общем виде того, что считалось правом его страны; он систематически использовал свитки Мартина Патешалла и Уильяма Ралейгха и дал не менее 450 ссылок на судебные споры, разрешенные его предшественниками и учителями. Все это, конечно, не лишает интереса рассмотреть более внимательно данную основу трактата Брэктона и проследить, насколько возможно, его способ отбора и трактовки своих записей. В настоящее время я думаю, что манускрипт Британского музея за номером Add. 12269 может существенно помочь нам сделать это. Это собрание судебных дел, записанных около середины тринадцатого столетия, с очень большим количеством заметок на полях.

[1] Athenaeum. A journal of literature, science, the fine arts, music and the drama. London, 1884. 19 July. P. 81—82.

Первые и последние листы отсутствуют и нет прямого указания на лицо, которое составило книгу и пользовалось ею, но ее содержание позволяет с очень большой вероятностью, если не с определенностью, предполагать, что она была составлена для Брэктона и аннотирована им или под его диктовку»[1]. Обнаруженному манускрипту было дано наименование «Записная книжка Брэктона». Мэйтланд писал о П. Г. Виноградове после того, как ознакомился с его исследованиями текстов Генриха Брэктона, что этот русский ученый «за несколько недель узнал, как мне кажется, больше о текстах Брэктона, чем узнал любой англичанин с тех пор, как умер Селден»[2]. Английский правовед немедленно взялся за разработку манускрипта «Записной книжки Брэктона» и подготовку его к публикации. Данный манускрипт был напечатан под его редакцией в 1887 году[3]. Его научное издание стало крупным достижением русской и английской историко-правовой науки. У. С. Голдсворс писал, оценивая вклад П. Г. Виноградова и его ученика Ф. У. Мэтланда в изучение текстов Брэктона: «Столь велики оказываются результаты, когда учитель, гениальный человек, встречается с учеником, чья гениальность равна его собственной. Это сочетание, можно сказать, поставило историю английского права на новый базис, и революционизировало изучение английской социальной и конституционной истории»[4].

М. М. Ковалевский считал результаты находки Виноградовым «Записной книжки Брэктона» более значительными, чем те, которыми сопровождался выход его книги об английском крепостном праве. «Молодой выдающийся английский юрист Мэтланд, в сообществе с Поллоком и пользуясь теми материалами, на основании которых написана была Брактоном его книга, издал двухтомный трактат по истории английского права с древнейших времен до конца XIII столетия[5]. Таким образом, можно сказать, что Виноградов

[1] *Vinogradoff P. G.* A note book of Bracton // Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. Oxford, 1928. P. 297.

[2] Цит. по: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A memoir // Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. Oxford, 1928. P. 15. Джон Селден (*John Selden*, 1584—1654) — авторитетный английский правовед.

[3] См.: Bracton's Note Book. A collection of cases decided in the King's Courts during the reign of Henry the Third, annotated by a lawyer of that time, seemingly by Henry of Bratton. Ed. By F. W. Maitland. Vol. 1—3. London, 1887.

[4] *Holdsworth W. S.* Sir Paul Vinogradoff. P. 14.

[5] Имеется в виду книга: *Pollock F., Maitland F. W.* The History of English Law. Vol. 1—2. Cambridge, 1895.

до некоторой степени проложил путь к научной разработке английского common law, т. е. общего или земского права Англии. Недаром же Мэтланд шутя называл его если не отцом, то дедом долгое время заброшенных в Англии "юридических древностей"»[1].

Большое значение публикации в журнале «Athenaeum» сообщения об открытии русским историком-правоведом «Записной книжки Брэктона» придавал и английский правовед У. С. Голдсворс. По его словам, «виноградовская статья в "Athenaeum" была важной по более чем одному основанию. Во-первых, она привлекла внимание к уникальной коллекции судебных дел, дошедших до нас из первых двадцати четырех лет правления Генриха III, которая совершенно выпала из поля зрения с тех пор как Фитцгерберт использовал его для составления своего Абриджмента[2]. Во-вторых, Виноградов высказал предположение о том, что это собрание было ничем иным, как Записной книжкой Брэктона, которая использовалась им при составлении своего трактата. В-третьих, она подвигла Мэтланда к работе над своей первой великой книгой. Мэтланд выпустил печатное издание Записной книжки и в своем предисловии не только доказал, что виноградовская гипотеза относительно происхождения манускрипта была верна, но также создал одно из самых блестящих эссе, которое он когда-либо писал о ведущих чертах английского права брэктонского времени. В один ряд со статьей о Записной книжке Брэктона мы должны поставить виноградовское эссе "Текст Брэктона"[3], которое он написал на следующий год для первого тома "The Law Quarterly Review"»[4].

---

[1] *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 212.

[2] У. С. Голдсворс имел в виду английского судью Энтони Фитцгерберта (*Antony Fitzherbert*, 1470—1538) и его произведение под названием «Великий абриджмент», в котором давалось краткое изложение судебных дел. Названное произведение занимает особое место в истории английской юриспруденции: оно было первой попыткой систематического изложения «общего права (common law)» Англии. Первое его издание было напечатано в трех частях в 1514—1516 гг. *Fitzherbert A.* La Graunde Abridgment. Premier part / Ed. by John Rastell. Westminster, 1514; *Fitzherbert A.* La secounde part[ie] du Graund abridgement / Ed. by Wynken de Word. Westminster, 1516; *Fitzherbert A.* La Graunde Abridgment. Troisième partie / Ed. by Wynken de Word. Westminster, 1516. См. об этом: *Томсинов В. А.* Государственный строй Англии накануне революции 1640—1660 гг. Статья вторая // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2006. № 5. С. 11.

[3] *Vinogradoff P. G.* The text of Bracton // The Law Quarterly Review. 1885. Vol. 1. P. 189—200.

[4] *Holdsworth W. S.* Sir Paul Vinogradoff. P. 8.

Сам Виноградов также высоко оценил работу Мэтланда по подготовке к изданию «Записной книжки Брэктона». В рецензии на это издание, опубликованной в 1888 году в «The Law Quarterly Review», Павел Гаврилович написал: «Я не буду отрицать, конечно, что испытываю гордость от того, что был первым, кто сообщил общественности о "Записной книжке" Брэктона, и от того, что вижу свое письмо в Athnaeum, напечатанное в начале такого издания, как мэтландское. Но я ощущаю в себе одновременно робость (shy) и стыд человека, который стоит в бедном одеянии в первом ряду роскошно одетой массы людей. Господин Мэтланд не только исправил ошибки и оплошности, которые я допустил в моей поспешной попытке опубликовать указанное сообщение, но он развил те линии аргументов и поднял множество таких вопросов, о которых я вообще не упомянул. Мое письмо соотносится с его введением как грубый карандашный набросок с законченной картиной. Одним словом, я претендую только на одну заслугу — правда, великую — заслугу побуждения господина Мэтланда выполнить эту работу»[1].

Осенью 1884 года П. Г. Виноградов возвратился в Москву и вскоре был избран экстраординарным профессором Московского университета по кафедре всеобщей истории. Историко-филологический факультет славился в то время своими преподавателями. «В составе его профессоров, — вспоминал А. А. Кизеветтер, учившийся на факультете в 1884—1888 годах, — находился целый ряд выдающихся ученых, которые большею частью были в то же время и прекрасными университетскими преподавателями. Конечно, в семье не без урода, но семья-то сама по себе была великолепная. Она являла блестящее соединение крупных научных сил. Тут не только было чему поучиться, тут можно было зажечься любовью к науке, почувствовать то особое наслаждение, которое сопряжено с погружением в научные интересы»[2]. Павел Гаврилович не затерялся в плеяде таких преподавателей факультета, как В. О. Ключевский, В. И. Герье, Н. С. Тихонравов. Вспоминая о нем, Кизеветтер писал: «Тогда это был стройный, красивый, молодой профессор, являвшийся на кафедру не иначе как в черном фраке и белом гал-

[1] *Vinogradoff P. G.* Bracton's Note Book // The Law Quarterly Review. 1888. Vol. 4. P. 436.

[2] *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881—1914. М., 1996. С. 46.

стуке. Он читал нам курсы по истории Средних веков и по истории Греции. Сопоставление лекций Виноградова и лекций Герье сразу бросало свет на прогресс исторической науки. Как ни были полезны и педагогичны лекции Герье, от них веяло старомодными приемами исторического изучения. Виноградов поднимал нас на высоту новейших научно-исторических проблем. Его курсы — особенно курс по Средним векам — были для первокурсников трудноваты и требовали усиленного внимания. Зато они заставляли нас подтягиваться и работать головой. Великолепно ставил Виноградов занятия в своем историческом семинарии. Ни Ключевский, ни Герье не шли вровень с ним в этом отношении. Ключевский слишком заполнял семинарий собственными импровизациями. Тут каждое слово было драгоценно — только лови налету блестящие искры научной мысли, — но на долю участников семинария доставалась более пассивная роль. Герье был ненаходчив и не умел придать семинарию характер коллективной работы. Виноградов же делал из своего семинария истинную школу исследовательской работы. Тут именно можно было учиться тому, как стать ученым. Он умел втянуть всех участников семинария в равномерную общую работу по исследованию исторических памятников и собственное направляющее руководство вел так, что оно лишь возбуждало самодеятельность руководимых. Я участвовал в его семинарии по изучению Салической правды, и эти наши собрания принадлежат к числу лучших моих воспоминаний из поры студенчества. Вместе с тем Виноградову был присущ дар группировать около себя преданных учеников, формировать школу, сплоченную общими научными интересами. Это общение удерживалось и по окончании университетского курса. Виноградовские семинаристы («павликиане», как их называли по имени Павла Гавриловича) были приглашаемы затем на дом к профессору, где они встречались с более старшими историками и где велись научные собрания более высокого типа; там разбирались новинки научно-исторической литературы, там работавшие над подготовкой диссертаций делали предварительные сообщения о своих изысканиях и только что покинувшие студенческую скамью неофиты исторической науки сходились с историками ряда предшествующих выпусков. Так, гостеприимная квартира П. Г. Виноградова в небольшом домике священника Словцова в Мертвом переулке была тогда центром оживленного общения московских историков. На этих собраниях мы слышали доклады

Милюкова, Фортунатова, Виппера, А. Гучкова, Петрушевского, Гусакова, Бруна, Мануйлова и многих других. По каждому докладу сам хозяин всегда имел наготове ряд интереснейших соображений, и вечер протекал в увлекательной научной беседе. Независимо от этих научных собраний, в другие дни в тот же домик сходились уже не одни историки, но более разнообразное общество. Здесь мы видели Ключевского в непринужденной приятельской обстановке и наслаждались блестками его юмора, здесь Милюков, с головой ушедший тогда в архивы, излагал свои открытия по истории петровских реформ; Степан Федорович Фортунатов со звонко-раскатистым смехом рассказывал разные эпизоды из прений в английском парламенте, известные ему с такими подробностями, как будто он только вчера приехал из Лондона; Николай Яковлевич Грот, блестя красивыми глазами, заводил философские прения; иногда появлялись иногородние гости — Кареев из Петербурга, Лучицкий из Киева и т. д. И молодые «павликиане», только что вылупившиеся из яйца, вбирали жадно все эти впечатления, как бы продолжая тем самым свое университетское образование»[1].

Историк М. М. Богословский в бытность свою студентом Московского университета слушал в осеннем семестре 1886 года лекции профессора Виноградова по истории Древней Греции. «Я очень ясно помню впечатление от его первой лекции, — вспоминал он спустя сорок лет. — В небольшую аудиторию вошел совсем молодой еще тогда человек очень высокого роста в новом синем форменном фраке с очень открытым жилетом, с зачесанными кверху светло-русыми волосами, в пенсне на шнурке, заложенном через ухо. Поднявшись на кафедру и вынув из бокового кармана конспект, он начал лекцию словами: “Свой курс я, по обыкновению, начну с обзора литературы предмета”. Затем последовал очерк главнейших работ по греческой истории в немецкой, французской и английской литературе, занявший несколько лекций. Заметно было в этот раз, и затем, и все время, когда я его слушал, что он очень волнуется, входя на кафедру; лицо его было бледно, и голос в первых фразах дрожал, но затем он овладевал собою и говорил уже гораздо спокойнее, заглядывая довольно часто в конспект. Позднее, когда я уже кончил университет, следующим поколениям студентов он стал читать без конспекта, но, начиная лекцию, волновался все так же... Громкий, богатый оттенками голос, медленная речь,

[1] *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 59—60.

отчетливая дикция, выражение лица с несколько нахмуренными бровями, показывавшее всю важность читаемого предмета и заразившее слушателей сознанием этой важности, выпуклое чтение цитат, навсегда остававшихся в памяти, после того как их услышал в аудитории, — все это оказывало внушительное действие на слушателей»[1].

С мая 1886 по май 1887 года в «Журнале Министерства народного просвещения» публиковался текст докторской диссертации П. Г. Виноградова «Исследование по социальной истории Англии в Средние века». В 1889 году она была издана отдельной книгой[2]. Весной 1887 года Павел Гаврилович защитил свою диссертацию и был удостоен степени доктора наук. В том же году он стал ординарным профессором Московского университета по кафедре всеобщей истории.

Летом 1891 года Виноградов работал во Франции и в Англии с документами, отражающими характер земельных отношений в средневековой Англии. Главным результатом этих его трудов стала небольшая статья, посвященная фольклендy. Опубликованная в 1893 году в январском номере журнала «Английское историческое обозрение» статья П. Г. Виноградова «Folkland»[3] выражала новый взгляд на сущность этой средневековой формы землевладения. В исторической науке всецело доминировала в то время теория Джона Эллена, согласно которой термин «folkland» обозначал землю, принадлежавшую народу в целом — то есть нечто подобное ager publicus в Древнем Риме. «Едва ли я ошибаюсь, называя эту теорию общепринятой доктриной, — отмечал Виноградов в начале своей статьи, — ибо с ней согласны Кембл, Гэллам, Стабс, Фримэн, Грин, Торп, Элтон, Лодж, Поллок, Ёрл, Рейнгольд Шмидт, Конрад Маурер, Гнейст, Уайтц, Зом, Бруннер, Шрёдер и Ковалевский. Не вследствие духа противоречия осмелился я выступить против общепризнанного мнения»[4]. На понимание фольклендa, отличавшееся от общепринятого в исторической литературе, русского право-

[1] *Богословский М. М.* Историография, мемуаристика, эпистолярия. М., 1987. С. 70—71.

[2] *Виноградов П. Г.* Исследование по социальной истории Англии в Средние века. СПб., 1887.

[3] *Vinogradoff P. G.* Folkland // English Historical Review. 1893. January. P. 1—17. См. также: Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. P. 91—111.

[4] *Vinogradoff P. G.* Folkland // Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. P. 91—92.

веда подвигли конкретные факты, главные из которых он привел в своей статье. Так, Виноградов обратил внимание на то, что земли, обозначавшиеся в англо-саксонском обществе термином «folkland», находились во владении не только подданных, но и королей. Более того, короли могли передавать такие земли другим людям, при этом, правда, требовалось согласие уитана (witan) — члена Совета мудрых (Уитенагемота). Подобные факты заставили Виноградова взглянуть на фольклэнд как на землевладение, основанное исключительно на неписаном народном праве. Данный взгляд выражал Генри Спелман (1564—1641), который писал в свое время: «Folcland — terra popularis, communi iure et sine scripto possessa (Фольклэнд — это народная земля, которой владеют по обычному праву и без записи)». Виноградов подтвердил своим исследованием правоту этого английского правоведа.

Благодаря М. М. Ковалевскому, опубликовавшему рецензию на докторскую диссертацию П. Г. Виноградова в одном из английских юридических журналов, эта работа получила широкую известность среди историков Англии. Оксфордское издательство «Clarendon Press» предложило Виноградову напечатать ту часть его «Исследования по социальной истории Англии в Средние века», которая была посвящена английскому крепостному строю XIII века. Павел Гаврилович в ответ на это предложение написал на основе нового рукописного материала, обнаруженного им в фондах Государственного Архива Англии и в библиотеках Оксфорда и Лондона, по сути дела новую книгу. В 1892 году она была издана в Англии под названием «Villainage in England»[1].

Книга русского ученого о крепостничестве в средневековой Англии стала большим событием в европейской исторической науке, а ее автор получил признание в среде европейских интеллектуалов в качестве глубокого знатока английской социальной и юридической истории. Правовед У. С. Голдсворс вспоминал о своих впечатлениях от знакомства с этой книгой: «Я прочитал ее во время моего третьего года в университете, когда учился в Школе современной истории, и я хорошо помню, что она дала мне новое понимание характера некоторых аспектов средневекового общества, природы средневекового права, оригинальных источников для изучения этого общества и этого права. Более того, во введении,

[1] *Vinogradoff P. G.* Villainage in England. Oxford: At the Clarendon Press, 1892. Новые издания данной книги выходили в 1923 и 1968 гг.

предпосланном к книге, Виноградов показал ту же способность выразить в ясном резюме достижения своих предшественников, как английских, так и иностранных, в сфере, в которой сам работал, какую мы можем видеть в некоторых его работах по юриспруденции. И это было особенно ценно для английских читателей, как потому что тем самым английские писатели и английские теории ставились в одну линию с континентальными писателями и теориями, так и потому что этим расширялся кругозор данных читателей и проливался новый свет на островные дискуссии и островные оценки писателей их страны»[1]. Герберт Фишер считал, что «"*Villeinage*[2] *in England*" — определенно наиболее блестящая и, вероятно, лучшая из виноградовских книг»[3].

Данная книга была не только историческим, но и юридическим исследованием. Она базировалась на большом количестве *правовых* документов. В ней описывались *правовые* формы крепостничества, существовавшие на протяжении XII—XIII веков. Виноградов проводил в этом исследовании мысль о том, что «право, регулирующее социальные отношения, не есть лишь внешняя надстройка, но в отношении к социальным фактам оно является и причиной, и следствием. В известном смысле оно — самый ценный продукт сил, действующих в истории общества, как раз вследствие своего формализма и тех теоретических тенденций, которые сообщают очень определенную, хотя и искаженную несколько форму социальным процессам, находящимся в сфере его действия... Нет права, которое, при всей тонкости своего анализа и всей широте своих общих определений, не обнаруживало бы на своей логической поверхности рубцов и швов, свидетельствующих о неполном слиянии в нечто единое доктрин, не могущих быть подведенными под один какой-нибудь принцип. И вот диалектическое исследование юридических форм, которое обнаруживает в них противоречия и искусственное соединение совершенно различных понятий, серьезно помогает нам проникнуть в процесс исторического наслаивания идей и фактов — наслаивания, неустранимого при всех стремлениях юристов к единству и логике»[4]. Исследуя эпоху

---

[1] *Holdsworth W. S.* Sir Paul Vinogradoff . P. 4.

[2] «Villeinage» — более современная форма написания английского понятия «крепостничество», писавшегося в XIX в. как «Villainage».

[3] *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A memoir. P. 20.

[4] *Vinogradoff P. G.* Villainage in England. Essays in English Mediaeval History. Oxford, 1892. P. 127—128.

английской истории от короля Генриха II до Эдуарда I, Виноградов делал вывод: «Несомненно, одним из самых лучших средств, какие есть у нас для оценки социального прогресса этой эпохи, является изучение образования и разрушения правовых понятий в их перекрестных влияниях, в их взаимодействии с окружающими политическими и экономическими фактами»[1].

Историко-правовые исследования Виноградовым английской средневековой истории были высоко оценены и его русскими коллегами. 1892 году Павел Гаврилович был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

В Московском университете, где Виноградов читал лекции по истории Греции и истории Средних веков, о нем говорили как о восходящей звезде русской исторической науки. «Его лекции были, бесспорно, лучшими нашими лекциями на 1-м курсе, — вспоминал Ю. В. Готье, учившийся на историко-филологическом факультете в 1891—1895 годах. — С интересным, глубоко научным содержанием соединялась отчетливая и пластичная лекция. Фразы так и отпечатывались в голове. Да и сам профессор был в расцвете сил и таланта (ему было около 40 лет). Он неотразимо влиял на нас своей величественной и эффектной фигурой. У нас было большое увлечение виноградовскими лекциями, и я думаю, что многих из не знавших хорошо, поступая в университет, на чем специализироваться, чтение Виноградова соблазнило быть историком. Он читал 2 раза в неделю в старом “гипсовом” музее, на месте которого на Никитской выросло потом здание Зоологического музея. Почему он выбрал такое уединенное помещение, я не знаю. Там, среди гипсовых статуй богов и героев, мы слушали историю Греции, излагаемую согласно с последним словом науки, и удивительно стройный и систематический очерк истории Средних веков... Лекции П. Г. Виноградова и его 3 (для меня, в сущности, — 2) последовательных семинария — лучшее с методологической стороны, что я вынес из университета. Семинарии эти научили меня, как надо работать, и если я не сразу усвоил эту великую науку, то это надо объяснить моей молодостью и недостатком опыта. В отношениях со студентами П. Г. Виноградов был необыкновенно прост и любезен. Некоторые уже и тогда усматривали у него несколько чрезмерной величественную манеру себя держать, но я именно хочу подчеркнуть,

[1] *Vinogradoff P. G.* Villainage in England. Essays in English Mediaeval History. P. 44.

что этого-то в занятиях его с нами и не чувствовалось. Он был именно тем, чем должен быть профессор по отношению к студентам: прост и доступен с соблюдением тех границ, которые отделяют настоящего большого ученого от начинающих учеников»[1].

В 1895 году Виноградов работал в библиотеках и архивах Норвегии, изучая тексты древнего скандинавского права с целью определить степень влияния последнего на правовую культуру англосаксонского общества. Результатом его архивных изысканий стали статьи по истории древненорвежского права[2]. Во время этой поездки Павел Гаврилович познакомился с дочерью норвежского судьи Августа Стэнга Луизой. В 1897 году Луиза стала его женой.

В последние годы XIX века Виноградов, помимо преподавания в Московском университете, вел уроки в 5-й Московской мужской гимназии. Отражением этих его учительских упражнений стала «Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей под редакцией П. Г. Виноградова», вышедшая в свет в 1896—1899 годах в четырех выпусках и удостоенная впоследствии премии императора Петра Великого.

В 1896 году Виноградов основал со своими единомышленниками Московское педагогическое общество и был избран первым его председателем. На заседаниях общества обсуждались состояние и проблемы гимназического образования, основные направления его реформы.

В 1897 году Павел Гаврилович вошел в Московскую городскую думу, заняв в ней пост председателя Училищной комиссии, в задачу которой входила разработка плана преобразования системы начального образования в Москве. Проекты решений комиссии, которые Виноградов готовил к ее заседаниям, показывают, что он подходил к проблеме улучшения состояния училищ весьма прагматично. Меры по совершенствованию методики преподавания сочетались в его предложениях с рекомендациями постепенно увеличивать количество училищ, повышать размер жалованья учителям, строить новые, более приспособленные для учебного процесса, здания училищ.

---

[1] *Готье Ю. В.* Университет // Московский университет в воспоминаниях современников. 1755—1917. М., 1989. С. 561—562.

[2] См., например: *Vinogradoff P. G.* Geschlecht und Verwandtschaft im altnorwegischen Rechte // Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1899. Bd. 7. Heft 1. S. 1—43.

Начало XX века ознаменовалось в России бурными студенческими волнениями. П. Г. Виноградов принял живейшее участие в урегулировании конфликтов студентов с администрацией учебных заведений. Избранный председателем профессорской комиссии по студенческим делам, созданной 28 октября 1901 года, он разработал вместе с ее членами конкретный план упорядочения обстановки в университетах[1] и подал его тогдашнему министру народного просвещения П. С. Ванновскому. Однако министр-генерал категорически отверг данный план. Более того, приехав самолично разбираться с беспорядками в Московском университете, Ванновский выразил в самой грубой форме свое недовольство деятельностью комиссии и тем, что во главе ее стоял не ректор университета, а рядовой профессор.

Почувствовав себя оскорбленным, Виноградов решил оставить в знак протеста преподавательскую работу в Московском университете и уехать в Англию. Позднее в статье «Русский студент», которая готовилась им для публикации на английском языке, он следующим образом объяснил это свое судьбоносное решение: «Когда студенты избиваются на улицах, ссылаются в административном порядке, а компромиссы или устные протесты третируются, те, кто оказывается в таком положении, как люди сознания и чести вынуждены делать выбор между кафедрой и их репутацией».

В письме С. Н. Трубецкому, написанном из Англии 18 января 1903 года, Павел Гаврилович признался, что при прощании со своими коллегами обещал им возвратиться в Московский университет при одном условии: «Я говорил, что вернусь, если вы меня позовете, когда университет выйдет из своего жалкого подчинения министерской канцелярии и попечителю. Этого я и буду держаться в конце-концов. Когда придет новый устав или если этот устав будет возможный, на что мы все надеемся, я вернусь в Московский университет по приглашению его профессоров, но не иначе. Не говорите, что это слишком отдаляет срок моего возвращения и что я нужен теперь. Возрождение университетов должно совершиться очень скоро, если оно вообще совершится, а при автономии-то как раз и понадобятся люди, и энергия, и умения. Но пока нет устава, мало ли что может случиться; все благие начинания могут разва-

[1] Комиссия предложила, в частности, разрешить студентам проводить неполитические митинги в присутствии кого-либо из профессоров.

литься как карточный домик, а в карточном домике не стоит устраиваться»[1].

21 декабря 1901 года Виноградов покинул Москву со своей супругой Луизой и двумя детьми — дочерью 1898 года рождения и сыном-младенцем, родившимся несколько месяцев назад. На Александровском вокзале его провожала огромная толпа студентов. Павел Гаврилович произнес перед нею прощальную речь и вошел в вагон поезда.

Зиму 1901—1902 годов Виноградовы провели во Франции, в Каннах, весной же перебрались в Англию. Летом 1902 года Павел Гаврилович прочитал в Кэмбриджском университете две лекции по теме «Значение современного развития в России (Meaning of the Present Development in Russia)». В этом учебном заведении работал его друг Фредерик Мэтланд, который очень желал, чтобы Виноградов остался здесь преподавать. Но волей судьбы пристанищем русского правоведа стал Оксфорд.

В 1903 году в Corpus Christi колледже[2] Оксфордского университета освободилась кафедра юриспруденции, основанная когда-то видным английским правоведом Генри Мэном (1822—1888). Фредерик Поллок (1845—1937), занимавший эту кафедру, ушел в отставку. Для ее замещения требовался профессор, способный читать лекции по истории права и сравнительному правоведению различных наций[3]. Павел Гаврилович узнал об этой вакансии из письма Фредерика Мэтланда, просившего его принять участие в конкурсе. «Я живу в надежде, что преемником Поллока в Оксфорде станет Виноградов, — писал английский правовед 1 декабря 1903 года. 22 декабря того же года Виноградов был избран профессором вакантной кафедры. «Оксфорд не сделал ничего более лучшего с тех пор, как принял в свои стены Альберико Джентиле[4]» — так оценил избрание Виноградова профессором Оксфордского университета Фредерик Поллок.

В судьбе П. Г. Виноградова произошел решительный поворот. За ним последовал поворот и в творчестве ученого. Павел Гаврило-

---

[1] ГАРФ. Фонд 102 (Особый отдел департамента полиции). Оп. 231 (1903). Ед. хр. 196. Л. 1 об.

[2] Дословно: «Колледж Тела Христова».

[3] Цит. по: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A memoir. P. 31.

[4] Имеется в виду знаменитый итальянский юрист Альберико Джентиле (1552—1608). — *В. Т.*

вич избрал в качестве главной сферы своих научных изысканий юриспруденцию.

* * *

С миром английских университетов Виноградов познакомился лет за двадцать до того, как занял кафедру юриспруденции в Оксфорде. В 1885 году он опубликовал в английском журнале «The Fortnightly Review» статью «Оксфорд и Кэмбридж сквозь очки иностранца»[1], в которой рассказал об особенностях университетской жизни, поразивших его во время визита в Англию. «Я имел возможность, — писал он в начале данной статьи, — побыть несколько месяцев в Оксфорде и несколько дней в Кэмбридже; кроме того, много фактов, связанных с университетской системой, стали известны мне из наблюдения в Лондоне, и в каждом из мест, где имелись лица, имевшие право носить квадратный головной убор и черную мантию»[2].

Первую особенность английских университетов Виноградов связал с огромными материальными средствами, находившимися в их распоряжении. Это позволяло им расходовать много денег на покупку иностранных книг и содержание библиотек, а также обеспечивать профессоров и начинающих преподавателей значительно более высоким жалованьем по сравнению с университетами на континенте и в России.

Вторая особенность университетского образования в Англии заключалась, по мнению русского ученого, в его аристократическом характере. «Свободное образование, или скорее то, что ему сопутствует, является столь дорогостоящим, что лишь небольшое количество лиц может позволить себе дать его своим сыновьям»[3], — отмечал он. Выпускники университетов расширяли привилегированный круг английского общества, но не могли сломить барьеров, огораживавших его от остальных общественных слоев. О том, что университетское образование в Англии было роскошью для немно-

---

[1] *Vinogradoff P. G.* Oxford and Cambridge through foreign spectacles // The Fortnightly Review. 1885. Vol. 37. P. 862—868. См. также: Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. P. 277—285.

[2] *Vinogradoff P. G.* Oxford and Cambridge through foreign spectacles // Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. P. 277. Квадратный головной убор (square cap) и черная мантия (black gown) — форменная одежда университетского преподавателя в Англии.

[3] Ibid. P. 279.

гих избранных, нежели отправной точкой в жизненной судьбе для многих, показывало, подчеркивал Виноградов, уже само количество выпускников из Оксфордского и Кэмбриджского университетов и из более мелких институтов. Таких людей было ежегодно шесть или семь тысяч, тогда как французские и германские высшие учебные заведения ежегодно заканчивали десятки тысяч молодых людей.

Третью особенность высшего образования в Англии Виноградов усматривал в разделении свободного и профессионального образования. «Свободное и профессиональное образование неразрывно связаны на континенте; они разделены в Англии», — писал он. По его словам, «молодой человек идет в Оксфорд не для того, чтобы изучить что-либо определенное, связанное с его будущим родом работы, но для того, чтобы получить определенную сумму общих знаний, развить, насколько возможно, свои литературные вкусы и способности, и еще более для того, чтобы поставить свою жизнь на более высокий уровень, чем тот, который он узнал, пройдя обучение в публичной школе. Только немногие избранные могут позволить себе потратить так много времени на общую подготовку, и Англия, все еще аристократическая, устроена прежде всего для них; в то время как континентальная демократия открывает двери университетов для профессиональной подготовки и облагораживает эту подготовку научной и философской ее трактовкой. Идея высшего образования в Англии заключается в том, чтобы воспитывать джентльмена и утонченного ученого; это на самом деле очень высокий идеал, и должно сказать, что даже все недостатки не воспрепятствуют стремлению в этом направлении. Если стандарты джентльменской воспитанности в Англии выше, чем где-либо еще, то университеты внесли, несомненно, свой вклад в достижение этого результата»[1].

Первую, инаугурационную, лекцию в Оксфордском университете, прочитанную 1 марта 1904 года, Виноградов посвятил учению Генри Мэна. В ней русский ученый отдавал дань уважения выдающемуся английскому правоведу — исследователю истории права с помощью сравнительного метода[2]. Текст этой лекции был

[1] *Vinogradoff P. G.* Oxford and Cambridge through foreign spectacles // Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. P. 279—280.

[2] Труды Генри Сомнера Мэна в области истории права были хорошо известны российским правоведам. В 1873 г. в Санкт-Петербурге вышла в переводе на русский язык книга английского правоведа «Древнее право. Его связь с древней

опубликован в том же году в Лондоне, Париже и Москве, то есть на английском, французском и русском языках[1].

«Если мне позволительно будет начать с личного замечания, — говорил Виноградов в своей лекции, — то я сказал бы, что впервые был привлечен к изучению английского права теми особенностями английской жизни, которые всегда вызывают сильный интерес у иностранных наблюдателей, а именно: господство права (the rule of law) и отважный дух свободы (the manly spirit of freedom). Как и многие другие я начал с изучения политических институтов, но был постепенно вовлечен в исследования юридической и социальной истории. Это подвигло меня к контактам с некоторыми лучшими представителями английской мысли и науки и особенно с оксфордским интеллектуальным центром. Я имел привилегию личного общения с обоими профессорами кафедры юриспруденции Corpus Christi колледжа. О своем непосредственном предшественнике[2] мне было бы трудно говорить в соответствующей манере, хотя трудность лежит не в отсутствии заслуг и достижений со стороны ученого, который является почти уникальным в качестве представителя комбинированной юридической, философской и исторической науки. Однако, несомненно, позволительно и даже желательно, чтобы я дал вам отчет в том, как я понимаю учение Мэна, первого из занимавших эту кафедру, кто в огромной мере определил ее позицию в круге исследований»[3].

В совокупности идей, составивших учение Генри Мэна, Виноградов выделил в качестве главных те, которые могли лечь в основание концепции сравнительной юриспруденции. Это, *во-первых*, идея о том, что «изучение права является не только подготовкой к выполнению профессиональных обязанностей и введением в искусство разрешения профессиональных проблем. Оно может рассматриваться также как предмет науки». *Во-вторых*, это идея о том, что «в изучении права могут применяться два метода научного ис-

---

историей общества...». В 1884 г. в Москве была издана его работа «Древний закон и обычай. Исследования по истории права».

[1] См.: *Vinogradoff P. G.* The Teaching of Sir Henry Maine // Law Quarterly Review. London, 1904. Vol. 20. P. 119—133; *То же //* Revue de Sociologie. Paris, 1904. T. XII. P. 797—813; *Виноградов П. Г.* Учение сэра Генри Мэна // Научное слово. Москва, 1904. Т. VIII. С. 59—75.

[2] Виноградов имеет в виду Фредерика Поллока.

[3] *Vinogradoff P. G.* The Teaching of Sir Henry Maine // Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. P. 173.

следования: метод дедуктивного анализа на основе абстракций от настоящего состояния юридических идей и норм, и метод индуктивной генерализации на основе исторических и этнографических наблюдений». *В-третьих*, идея о том, что «в области индуктивной юриспруденции, право проявляет себя в качестве одного из выражений истории, и история берется в самом широком смысле всего знания относительно социальной эволюции человечества». *В-четвертых*, это идея о том, что «исторический метод юриспруденции является неизбежно сравнительным методом»[1].

Виноградов посвятил себя той же самой области юриспруденции, в которой когда-то работал Генри Мэн. До своего прихода в Оксфордский университет он опубликовал наряду с многочисленными работами по социальной истории целый ряд статей, специально посвященных истории права[2]. Однако историко-правовые исследования не составляли в до-Оксфордский период жизни русского ученого главное направление его научной деятельности. Теперь ситуация изменилась: с началом работы Виноградова в Оксфорде именно правовая история выдвинулась на передний план его научных интересов. Об этом свидетельствуют сами названия книг и статей, которые он стал публиковать после того, как обосновался в Оксфорде.

В течение первых десяти лет пребывания в Оксфордском университете П. Г. Виноградов выпустил в свет такие книги, как «Римское право в средневековой Европе»[3], «Господство права»[4], «Общий смысл в праве»[5] и др. В первом томе сборника «Политический строй современных государств» им была опубликована обширная статья «Государственный строй Англии»[6]. В журналах Виноградов опуб-

---

[1] *Vinogradoff P. G.* The Teaching of Sir Henry Maine // Collected papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. P. 188—189.

[2] Помимо уже указанных выше публикаций Виноградова по истории права, можно назвать его довольно обширную статью «Вергельд и статус», опубликованную на немецком языке. См.: *Vinogradoff P. G.* Wergeld und Stand // Zeitschrift der Savigny-Stiftung fur Rechtsgeschichte. Germanische Abteilung. 1902. Bd. XXIII. S. 123—192.

[3] См.: *Vinogradoff P. G.* Roman Law in Medieval Europe. London, 1909. Данная книга была вскоре издана в Палермо на итальянском языке, а в 1910 г. она вышла в свет на русском языке в Москве.

[4] См.: *Виноградов П. Г.* Господство права. М., 1911.

[5] См.: *Vinogradoff P. G.* Common Sense in Law. London, 1914. В 1915 г. эта книга была издана в Петрограде в переводе на русский язык и под другим названием — «Очерки по теории права».

[6] *Виноградов П. Г.* Государственный строй Англии // Политический строй современных государств. Сборник статей. Т. 1. СПб., 1905. С. 191—271.

ликовал целую серию статей по истории права различных стран[1]. Русский ученый стал автором знаменитой «Энциклопедии Британника». В ее одиннадцатом издании, вышедшем в свет в 1910 году, были опубликованы статьи П. Г. Виноградова, посвященные англо-саксонскому праву[2], сравнительному правоведению[3], мэнору[4], крепостному праву[5], землевладению[6], наследованию[7], сельским общинам[8], крепостной зависимости[9].

Историко-правовая тематика преобладала и в лекциях, с которыми Виноградов выступал в рассматриваемый период в различных учебных заведениях Европы, Азии и Америки. Так, в 1907 году русский правовед прочитал шесть лекций по древнему праву в Гарвардской Юридической школе, в 1909 году он выступил с лекционным курсом «Римское право в средневековой Европе» в Королевском колледже в Лондоне, в 1913—1914 годах им был прочитан курс лекций по племенному праву (tribal law) в Калькуттском университете.

Выбрав в качестве главной сферы своих научных исследований историю права, П. Г. Виноградов не оставил в забвении социальную историю. В 1905 и 1908 годах вышли в свет две новые его книги по социальной истории средневековой Англии — «Развитие мэнора»[10] и «Английское общество в одиннадцатом столетии»[11].

---

[1] См., например: *Vinogradoff P. G.* Transfer of Land in Old English Law // Harvard Law Review. 1907. Vol. XX. P. 532—548; *он же.* Reason and Conscience in Sixteenth Century Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1908. Vol. 6. P. 373—384; *он же.* Romanistische Einflusse im Angelsachsischen Recht: Das Buchland // Mellanges Fitting. 1908. Vol. 2. P. 501—522; *он же.* Die Praxis der Englischen Staatseinrichtungen // Zeitschrift für Politik. 1909. P. 141—158; *он же.* Constitutional History and the Year Books // Law Quarterly Review. 1913. Vol. 29. P. 273—284; *он же.* A Note on Ancient Demesne // Law Quarterly Review. 1914. Vol. 30. P. 499—501 и др.

[2] См.: *Vinogradoff P. G.* Anglo-Saxon Law // Encyclopedia Britannica. Cambridge, 1910. Vol. 2. P. 35—38.

[3] См.: *Vinogradoff P. G.* Comparative Jurisprudence // Ibidem. Vol. 15. P. 580—587.

[4] См.: *Vinogradoff P. G.* The Manor // Ibidem. Vol. 17. P. 594—596.

[5] См.: *Vinogradoff P. G.* Serfdom // Ibidem. Vol. 24. P. 664—666.

[6] См.: *Vinogradoff P. G.* Socage // Ibidem. Vol. 25. P. 300.

[7] См.: *Vinogradoff P. G.* Succession // Ibidem. Vol. 26. P. 2—5.

[8] См.: *Vinogradoff P. G.* Village Communities // Ibidem. Vol. 28. P. 68—73.

[9] См.: *Vinogradoff P. G.* Villainage // Ibidem. P. 81—84.

[10] См.: *Vinogradoff P. G.* Growth of the Manor. New York, 1905.

[11] См.: *Vinogradoff P. G.* English Society in the Eleventh Century. Essays in English Medieval History Oxford, 1908. Русский правовед посвятил данную книгу Фредерику Мэтланду.

Оксфордский университет приобрел, таким образом, в лице русского профессора специалиста, в равной мере проявившего себя сразу в двух научных дисциплинах — истории права и социальной истории. Не менее важным приобретением Оксфордского университета стала и перенесенная Виноградовым в его стены из практики российских университетов такая форма обучения студентов, как семинары. С давних времен и вплоть до прихода на кафедру юриспруденции Corpus Christi колледжа русского профессора Оксфордский университет знал лишь две формы учебного процесса — лекции и индивидуальные консультации. Павел Гаврилович ввел в оксфордскую систему обучения третью, промежуточную, форму — семинарские занятия, предполагающие изучение той или иной темы в рамках узкой группы слушателей под руководством профессора.

Среди тем, предлагавшихся Виноградовым для обсуждения на семинарах, преобладали историко-правовые темы. Так, в 1905 году в качестве темы своего семинара он выбрал «проблемы и методы изучения древнего права». В 1906 году на его семинарах изучалась «Салическая правда» (Lex Salica). В 1907 году виноградовский семинар был посвящен «изучению права и истории поздней Римской империи». В 1908 году на семинарах профессора Виноградова изучался Кодекс Феодосия (Codex Theodosianus). В 1909 году — рассматривались «избранные казусы, иллюстрирующие историю английского земельного права»[1]. В 1910—1912 годах и в 1915—1916 годах — разбирались тексты английских «Ежегодных книг» (Year-Books), составленных в правление короля Эдуарда II. В 1913 году в качестве темы своего семинара Виноградов предложил англо-саксонское право и проблемы племенного права (tribal law). В 1914 году на семинарах русского профессора изучались тексты «греческих юридических надписей»[2]. В последующие годы Виноградов выносил для обсуждения на своих семинарах «проблемы теории права» (1922—1923 гг.), посвящал семинары темам «юридического обычая и раннего common law» (1924 г.), «средневекового обычного права» (1924—1925 гг.), «канонического права» (1925 г.)[3]. Кроме того, на семинарских занятиях изучались под руководством профессора Виноградова «Книги Страшного суда (Domesday Books)», правовая история Англии времен Г. Брэктона, королей Эдуарда I, Эдуарда II и Эдуарда III.

[1] См.: Collected Papers of Paul Vinogradoff. Vol. 2. Oxford, 1928. P. 495.

[2] Ibidem. P. 496.

[3] Ibidem.

Один из тогдашних учеников П. Г. Виноградова — мистер Огг — оставил свои воспоминания об оксфордских семинарах русского профессора. «Мой опыт этих семинаров, — писал он, — подтвердил мое мнение о том, что Виноградов был великим преподавателем. Он имел власть диагностировать своих учеников, возбуждая в них энтузиазм, направляя и поддерживая его ободрением и руководством. Однако он никогда не мог бы стать популярным преподавателем, потому что его работа была призвана не столько сообщать информацию, сколько создавать усердие и инструменты для добычи знания. Его семинар был, таким образом, особенно ценен как тренинг в методе и, в собственном моем случае, он был особенно значим из-за того, что прежде мне пришлось вынести на себе очень большой объем рутины преподавания в колледже, и я стоял перед опасностью прийти к мысли о том, что гожусь только для тяжелой работы. Виноградов восстановил и развил мои старые идеалы, и я никогда не встречал ни кого из его учеников, кто не разделял бы этот мой личный энтузиазм»[1].

Методика семинарских занятий, разработанная П. Г. Виноградовым, предполагала, чтобы каждый из семинаристов вел научное исследование какой-либо темы. Такой порядок действовал в рамках тех семинаров, которые Павел Гаврилович проводил в Московском университете. В Оксфорде Виноградов ввел правило, согласно которому участники его семинаров должны были не просто вести научные исследования, но и по возможности представлять результаты последних к публикации.

Опубликованные работы учеников Виноградова, прошедших через горнило его семинаров, составили целую серию книг — «Оксфордские исследования по социальной и юридической истории (Oxford Studies in Social and Legal History)». Первый том этой серии вышел в свет в 1909 году[2]. Всего же при жизни Виноградова было издано семь томов[3]. Тома основанной русским профессором и составленной из работ его учеников оксфордской серии научных исследований продолжали выходить и после его смерти. Г. А. Л. Фи-

[1] Цит. по: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir // Collected Papers of Paul Vinogradoff. Vol. 1. P. 35.

[2] Он состоял из двух работ: 1) *Savine A.* English Monasteries on the Eve of Dissolution. 2) *Zulueta F. de.* Patronage in the later Empire.

[3] Седьмой том вышел в свет в 1924 г. Он состоял из работы, написанной ученицей профессора Виноградова мисс Б. Г. Путнам. См.: *Putnam B. H.* Early Treatises on the Practice of the Justices of the Peace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Oxford, 1924.

шер, учившийся у Виноградова, писал в своих воспоминаниях: «То, что иностранный ученый, обосновавшийся в этой стране, написал ценные монографии о ее древностях — еще не так удивительно, как то, что он оказался способным впечатлить своей личностью молодых английских ученых, вытянуть из них способности к науке, которыми они обладали, и обратить эти способности на пользу. Очень редко бывает, чтобы английский профессор оказался в состоянии вдохновить таким способом своих учеников. Мэтланд был в состоянии сделать это: также в состоянии это сделать оказался, несмотря на препятствия в виде иностранного акцента и иностранного мировоззрения, Виноградов. Без какого-либо преувеличения можно сказать, что семинары Виноградова обеспечивали лучший курс тренинга в методах исторического исследования, который мог быть в то время достижимым в Оксфордском университете; и что через посредство семинаров его влияние до сих пор сильно ощущается в профессиональном преподавании истории средневековья, осуществляемом в Британских университетах»[1].

Став профессором Оксфордского университета и обосновавшись на постоянное местожительство в Лондоне, Павел Гаврилович остался душой в России. По своим политическим взглядам он был либералом, его политическим идеалом была конституционная монархия с полным набором характерных для западноевропейских государств демократических свобод. Однако Виноградов принадлежал к тому редчайшему среди российской либеральной интеллигенции типу людей, в котором либеральные воззрения вполне уживались с патриотизмом — с любовью к России, с верой в ее великое будущее. Г. А. Л. Фишер подчеркивал в своих мемуарах о Виноградове, что «его взгляды на европейскую историю были совершенно русскими»[2]. В подтверждение такой своей оценки виноградовского мировоззрения он приводил следующий случай: «Однажды, когда я цитировал ему (Виноградову) вердикт Лампрехта[3] о том, что величайшим подвигом германской расы в Средние века была ее экспансия на восток, он ответил со страстной резкостью: “Ах! Да подлинная история завоевания балтийских славян никогда еще не рассказывалась”»[4].

---

[1] *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 39.

[2] Ibid. P. 74.

[3] Имеется в виду известный в конце XIX — начале XX в. немецкий историк Карл Лампрехт.

[4] *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 74.

Павел Гаврилович с нескрываемой симпатией относился к славянофилам. Их взгляды он специально изучал по их сочинениям и письмам. Причем среди славянофилов его в особой степени привлекала фигура И. В. Киреевского[1]. Однако Виноградов хорошо знал и других ярких представителей этого направления русской идеологии. В одной из своих статей он отмечал, что «славянофилы были не менее своих противников знакомы с западной литературой и бытом. Такие люди, как Киреевский, Хомяков, Ю. Самарин долго и основательно изучали произведения европейской науки и философии. По полноте своей культурной подготовки они, конечно, не уступали никому из своих русских и западных современников... Таким образом, их оценка исторической противоположности между Россией и З[ападной] Европой объясняется не ограниченностью средств, а направлением кругозора»[2].

В 1891 году, во время своей третьей поездки в Англию, П. Г. Виноградову было предложено выступить на Ильчестерских чтениях в Оксфорде со своей лекцией. Павел Гаврилович избрал в качестве темы лекции славянофильство. По словам Герберта Фишера, русский профессор нарисовал в этой лекции «яркую и не лишенную симпатичности картину славянофильского движения в его различных проявлениях — литературных, философских, политических, художественных — и был готов в полной мере принять их влияние»[3].

В свете этих фактов не удивительным кажется увлечение П. Г. Виноградова публицистикой, которое особенно заметно стало проявляться с 1905 года. Публицистические работы Павел Гаврилович писал и в ранний период своей научной деятельности, но это были редкие газетные и журнальные статьи, которые не отнимали времени у его научного творчества. Так, в 1898 году в журнале «Вопросы философии и психологии» была опубликована его статья «О прогрессе». Однако после того как Виноградов обосновался в Англии, заняв кафедру в Оксфордском университете, публицистика стала одним из постоянных направлений его работы.

---

[1] Павел Гаврилович посвятил ему специальную и довольно обширную по своему объему статью. См.: *Виноградов П. Г.* И. В. Киреевский и начало Московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11. С. 98—126.

[2] *Виноградов П. Г.* Россия и Европа // Исторический архив. 1997. № 1. С. 208—209.

[3] *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradof. A Memoir. P. 19.

Революционные события 1905 года в России побудили Виноградова выступить с изложением своих мнений по наиболее злободневным политическим вопросам. В апреле 1905 года он опубликовал статью, посвященную современному положению России, в столичной норвежской газете «Morgenblatt»[1]. Там же вскоре появилось его интервью на тему «Народ России»[2]. В августе того же года в московской газете «Русские Ведомости» была напечатана серия публицистических статей Виноградова под общим названием «Политические письма»[3]. Павел Гаврилович показал в них тщетность упований радикально настроенных политиков на революцию как на средство преобразования России. Он заявил о том, что революция приведет к гибели России. Не поддержал Виноградов в этих статьях и такой меры, как введение всеобщего избирательного права. С его точки зрения, выборы на основе этого принципа в условиях России таили в себе много опасностей для русской государственности.

В ноябре 1905 года П. Г. Виноградов приехал в Россию с тем, чтобы повидаться со своими родственниками, с друзьями, воочию увидеть те перемены, которые произошли на родине за время его отсутствия. Он остановился на несколько дней в Санкт-Петербурге, а затем отправился в Москву. В московской газете «Слово» им была опубликована статья «Семнадцатое октября»[4].

В письме, написанном 14 ноября 1906 года из Москвы супруге Луизе, Павел Гаврилович рассказал о своей встрече с братьями Николаем и Александром Гучковыми[5].

Николай Иванович Гучков в 1886 году окончил юридический факультет Московского университета, после этого несколько лет работал в системе Министерства народного просвещения, в 1893 году избрался в гласные Московской городской думы. В 1905 году он занял должность московского городского головы. Александр Иванович Гучков учился на историческом отделении историко-филологического факультета Московского университета. По окончании университета в 1886 году он продолжал еще в течение целого

[1] Номер от 1 апреля 1905 г.

[2] Номер от 26 апреля 1905 г.

[3] Номера от 5, 12, 19 августа 1905 г.

[4] Номер от 27 ноября 1905 г.

[5] Текст данного письма опубликован в воспоминаниях Герберта Фишера. См.: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 41—42.

года заниматься на факультете в качестве вольнослушателя. Под руководством профессора Виноградова студент и затем вольнослушатель Александр Гучков изучал историю средневековой Европы. В ноябре 1905 года А. И. Гучков занимался организацией партии «Союз 17 октября»[1].

В разговоре с Виноградовым братья Гучковы призвали его присоединиться к «октябристам». Они полагали, что Павел Гаврилович в новых политических условиях, сложившихся в России, мог бы заняться изданием газеты «Союза 17 октября». Однако Виноградов отказался, сославшись на то, что не имеет ни вкуса, ни способностей к журналистике. Тогда Гучковы предложили Виноградову выставить свою кандидатуру на выборах в Государственную Думу от их партии. Павел Гаврилович ответил, что при определенных обстоятельствах это возможно. После этого братья Гучковы завели речь о перспективах занятия профессором Виноградовым министерского поста в случае, если будущее правительство России будет формироваться при их участии. Павел Гаврилович со своей стороны высказал ряд критических замечаний относительно программы «октябристов», но в целом поддержал ее, заверив братьев Гучковых, что будет действовать если не в качестве активного члена их партии, то, во всяком случае, как их союзник.

Помимо Гучковых, Павел Гаврилович встречался во время этой поездки в Россию и с некоторыми другими видными российскими учеными и общественными деятелями. В частности, в Петербурге он имел беседу с князем Е. Н. Трубецким[2] и с Д. Н. Шиповым — одним из основателей партии «Союз 17 октября», первым председателем ее ЦИКа[3].

В январе 1906 года П. Г. Виноградов возвратился в Англию. Свои впечатления от увиденного в России он выразил в серии публицистических статей, напечатанных в российской и английской периодической печати. В августе 1906 года он опубликовал в «Московском еженедельнике» статью на тему, возможно ли формирова-

---

[1] См.: *Сенин А. С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 16.

[2] Евгений Николаевич Трубецкой (1863—1920), философ и правовед, с 1906 г. профессор юридического факультета Московского университета.

[3] Дмитрий Николаевич Шипов (1851—1920) занимал пост Председателя ЦИКа партии «Союз 17 октября» до 29 октября 1906 г. Уйти с этого поста его заставили разногласия с другими лидерами «октябристов» в вопросе поддержки политики Столыпина. Вместо Шипова на должность Председателя был избран А. И. Гучков.

ние либерального правительства в России[1]. В том же году появились посвященные России публицистические статьи Виноградова в лондонских журналах — «Россия на распутье» в журнале «Двухнедельное обозрение»[2] и «Первый месяц Думы» в журнале «Независимое обозрение»[3].

В письме к Ф. Мэйтланду, написанном еще из России в декабре 1905 года, Павел Гаврилович с грустью констатировал, что российские либералы, его прежние друзья и ученики, оказались безнадежными доктринерами, несмотря на то, что прошли обучение истории[4].

Летом 1906 года Председатель Совета министров П. А. Столыпин предложил А. И. Гучкову пост министра торговли и промышленности. Александр Иванович согласился принять это предложение при условии, если в состав правительства будут включены А. Ф. Кони в качестве министра юстиции и П. Г. Виноградов в должности министра народного просвещения[5]. Столыпин не возражал против названных кандидатур. Однако император Николай II, согласившись сначала с назначением А. И. Гучкова министром, затем (как это часто с ним бывало) передумал. И поскольку Гучков в правительство не вошел, вопрос о предложении профессору Виноградову поста министра был автоматически снят.

В конце 1906 года Виноградов вновь приехал в Москву. Происходившие в России события волновали его, он хотел разобраться в них, понять перспективы развития политической обстановки в русском обществе и соответственно перспективы своей собственной судьбы. Из бесед с П. И. Новгородцевым[6], Н. А. Котляревским[7], Д. Н. Шиповым и другими русскими общественными деятелями Павел Гаврилович сделал для себя весьма пессимистичный вывод. «Я имел здесь несколько очень интересных бесед, особенно

---

[1] Номер от 5 августа 1906 г.

[2] *Vinogradoff P. G.* Russia at the Parting of the Ways // Fortnightly Review. London, 1906. P. 1016—1025.

[3] *Vinogradoff P. G.* The first month of the Duma // Independent Review. London, 1906. P. 48—63.

[4] См.: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 44.

[5] См.: *Сенин А. С.* Александр Иванович Гучков. С. 22.

[6] Павел Иванович Новгородцев (1866—1924), профессор юридического факультета Московского университета по кафедре энциклопедии права и истории права.

[7] Нестор Александрович Котляревский (1863—1925), литературовед и публицист.

с Шиповым, Новгородцевым и Котляревским, — писал он своей жене из Москвы в Лондон 27 декабря 1906 года. — В целом мои впечатления очень тягостные. Нет никакой перспективы немедленного или ближайшего разрешения конфликта между правительством и оппозицией. В самом деле, новые выборы в Думу обещают возобновление насильственной борьбы. Тем временем, террористы убивают правых и левых с ужасным эффектом»[1].

В 1907 году Виноградов встретился в Оксфорде с парламентской делегацией из России. В ее составе находился бывший его студент В. А. Маклаков. Павел Гаврилович имел с ним долгую беседу. Маклаков написал впоследствии в мемуарах о своем учителе: «Виноградову, с его взглядами, с его европеизмом, было нелегко жить в России. И если мы не можем себе представить Ключевского вне России, то Виноградова гораздо лучше видим в Европе. Напротив, ему было трудно ужиться в России не только с правительством, но и с нашей общественностью. Он слишком хорошо знал Европу, был слишком подлинным европейцем, чтобы не понимать, что неудачи и беды России происходят не только по вине нашей власти, но и по неподготовленности, несерьезности нашего общества. Освободительному движению с конечными его идеалами он не мог не сочувствовать, но он понимал, что “дело веков исправлять нелегко”, что одна “свобода” и “народоправство” не могут сразу исцелить Россию от тех привычек, которые ей привил наш неразумный абсолютизм. Виноградов не разделял увлечений кадетской программы... Если бы Виноградов после 1905 года остался в России, русская партийная жизнь так же безжалостно бы прошла мимо него, не использовав его дарований, как она прошла мимо многих из тех, кто по своим достоинствам и заслугам представляли в то время лучшую часть русского общества, но не хотели послушно идти за толпой и ее вожаками. Виноградов по своему темпераменту и складу ума уже перерос увлечения и иллюзии детского периода нашей политической свободы, когда партии и их лидеры не только работали на пользу России, но, кроме того, “играли в Европу”. Отъезд Виноградова в Англию во время конституционного переустройства России был простым совпадением, но он же явился и символом»[2].

В конце 1907 года к П. Г. Виноградову обратилась депутация историко-филологического факультета Московского университета

---

[1] Цит. по: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 43—44.

[2] *Маклаков В. А.* Воспоминания. М., 2006. С. 166—168.

во главе с деканом факультета с просьбой вернуться на работу в университет. Павел Гаврилович ответил, что он более склонен совмещать преподавательскую работу в Московском университете с работой в Оксфорде, чем совсем отказаться от преподавания в Оксфордском университете.

В результате с 1908 года П. Г. Виноградов начал читать лекции не только в Оксфорде, но и в Москве, в качестве внештатного профессора. В Московском университете он преподавал историю правоведения[1] и курс социальной истории средневековой Англии. Одновременно он вел здесь семинары по Кодексу Феодосия и рецепции римского права в средневековых Англии и Франции.

Чтение лекций в Москве в перерывах между изнурительными лекционными курсами[2] в Оксфорде было тяжелым делом. Однако Павел Гаврилович испытывал огромное удовлетворение от того, что он читал лекции российским студентам в родном для себя Московском университете. К тому же, приезжая на лекции в Москву, он получал возможность еще раз повидаться со своей матерью[3] и сестрами. Наконец, Виноградов мог теперь судить о происходящем в России не по тем искаженным отрывочным сведениям, что с большим опозданием доходили до Англии, но на основании лично увиденного и услышанного.

Эта идиллия продолжалась, однако, недолго — менее четырех лет. Виноградов читал лекции в Московском университете каждый год с 1908 по 1910 год. Он начал их читать и в 1911 году. Однако в феврале месяце указанного года произошли события, которые вынудили его еще раз покинуть Московский университет. На этот раз — навсегда!

11 января 1911 года Совет министров издал постановление, резко ограничивавшее и без того урезанную автономию университетов. Городские власти получили возможность вмешиваться в университетскую жизнь. Предпринимая данную меру, правительство руководствовалось благим намерением воспрепятствовать быстро шедшему процессу политизации университетов, их превращению из учебных заведений в политические клубы. Однако попытки влас-

---

[1] Лекции этого курса были в том же году размножены посредством литографии. См.: *Виноградов П. Г.* История правоведения. М., 1908.

[2] Виноградов читал в то время в Оксфордском университете лекции по исторической юриспруденции и сравнительному праву современных государств.

[3] Отец П. Г. Виноградова умер в 1895 г.

тей навести порядок в университетах с помощью полиции породили еще более масштабные студенческие волнения. В Московском университете в феврале 1911 года в знак протеста против насильственных методов подавления студенческих беспорядков ушли в отставку ректор и проректор. Вслед за ними университет оставили 21 профессор и более ста приват-доцентов.

П. Г. Виноградов в этой обстановке принял решение о прекращении своей преподавательской работы в Московском университете. «Я не желаю продолжать быть профессором в учреждении, членов которого могут уволить в любой момент по распоряжению правительства»[1] — так объяснил Павел Гаврилович свой поступок в письме супруге из Москвы в Лондон от 16 февраля 1911 года.

В рассматриваемое время о П. Г. Виноградове говорили как о «наиболее известной фигуре в ученом мире Континента». Он был и в самом деле ученым общеевропейского значения: знал двенадцать языков, причем английским, итальянским, немецким, норвежским и французским владел совершенно свободно. Был глубоким знатоком научной исторической и художественной литературы европейских стран. Разъясняя студентам в своей лекции или на семинарском занятии сущность какого-либо правового института, какой-либо правовой идеи, он приводил примеры из греческого, римского, английского, французского, германского или норвежского права. На международном конгрессе по историческим исследованиям, который проходил с 3 по 8 апреля 1913 года в Лондоне, Виноградов председательствовал на заседаниях секции юридической истории 4 и 5 апреля. Участвовавший в его работе немецкий правовед Отто фон Гирке вспоминал впоследствии о том, как часто слышал вопрос относительно Виноградова: «Кто этот человек, который знает все законы и говорит на всех языках?»[2]

В день открытия конгресса Павел Гаврилович, являвшийся его действующим президентом (acting-president), выступил с президентским адресом, посвященным методологическим проблемам историко-правовой науки. «Юристы подходят к историческим проблемам со своих собственных позиций, со своими особенными привычками мышления. Какое бы внимание они не уделяли внимательному изучению свидетельств, надлежащей последовательности событий

---

[1] *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 46.

[2] См.: *Zulueta F. de.* Paul Vinogradof: 1854—1925 // The Law Quarterly Review. 1926. No. CLXVI. P. 209.

и точному знанию исторической окружающей среды, они должны, несомненно, отыскивать в конце исследования доктрину — то есть формулировки принципов, их выводы в теории и их применение в практике. Таким образом, методы анализа и конструктивного мышления, которые ежедневно применяются при рассмотрении и разрешении судебных дел, при установлении и толковании норм, при формулировании и обеспечении соблюдения прав, должны проявиться снова в группировке и обсуждении исторического материала юристами. Юридическая история как точное воспроизведение прошлого должна быть на самом деле дополнена исторической юриспруденцией в смысле рационального объяснения эволюции юридических принципов. Такая юриспруденция свободна от ограничений, налагаемых народами и историческими периодами: ее разделы и главы проистекают из концептуальных различий»[1].

Виноградов был гражданином Европы — космополитом по всем признакам своей натуры. Собственно говоря, своих космополитических настроений он никогда и не скрывал. От него просто разило космополитизмом. И тем не менее в его душе находилось место и русскому национализму — чувству приверженности ко всему русскому, ощущению своей генетической связи с русским обществом. Проживая в Англии, он жил Россией, ее радостями и горестями. Пребывание же свое на чужбине он считал временным явлением. Павел Гаврилович надеялся, что со временем в России произойдут перемены к лучшему, и ему еще доведется вернуться в страну, из которой он — уехав — не смог вывезти своего сердца...

* * *

18 января 1914 года Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге избрала П. Г. Виноградова сверхштатным академиком. Так начался для Павла Гавриловича роковой в истории России год.

Начало Первой мировой войны П. Г. Виноградов встретил в возрасте 60 лет. Он ощущал себя человеком, находившимся в расцвете своих физических и духовных сил. Он написал уже несколько томов крупных научных работ по социальной истории и вынашивал замысел грандиозного многотомного труда по исторической

[1] *Vinogradoff P. G.* Presidential address // Essays in Legal History. Read before the International Congress of Historical Studies held in London in 1913 / Ed. by Paul Vinogradoff. London: Oxford University Press, 1913. P. 11—12.

юриспруденции. Однако война внесла серьезные коррективы в его планы.

Предельно чувствительный ко всему происходящему с его страной, он не мог в эту пору, когда на Россию обрушилась новая беда, оставаться в стороне, предаваться сухим и спокойным академическим занятиям. Павел Гаврилович превратился из педантичного ученого в страстного публициста. В иностранных и российских периодических изданиях одна за другой выходили его статьи о войне, об участии в ней России, о состоянии русского общества, о взаимоотношениях России с западноевропейскими странами и т. д.

14 сентября 1914 года в лондонской газете «Times» было опубликовано письмо Виноградова, в котором спокойно и аргументированно развенчивались попытки германских идеологов представить войну Германии против России как борьбу цивилизации против Московитского варварства. «Нации, представленной Пушкиным, Тургеневым, Толстым, Достоевским в литературе, Крамским, Верещагиным, Репиным, Глинкой, Мусоргским, Чайковским в искусстве, Менделеевым, Мечниковым, Павловым в науке, Ключевским и Соловьевым в истории, нет нужды стыдиться внесения в список международного соревнования за награды в области культуры»[1], — писал русский ученый. Отличительной чертой образованных слоев русского общества является, подчеркивал Виноградов, гуманистический взгляд на мир. По его словам, «много жестокого и кровавого случалось, конечно, в России, но ни один писатель, какое бы положение в обществе он ни занимал, не будет мечтать о построении теории насилия в защиту культурных требований. В действительности можно сказать, что лидеры русского общественного мнения чрезмерно миролюбивы, космополитичны и гуманистичны. Мистический философ Владимир Соловьев мечтал о союзе церквей с папой в качестве духовного главы и о демократии в русском смысле как широком базисе восстановления христианства. Достоевский, писатель наиболее чувствительный к требованиям русской нации, определял идеал русских в знаменитой речи[2] как воплощение универсальной гуманистической модели. Это крайности, но характерные крайности, указывающие на тенденцию национального

[1] *Vinogradoff P. G.* Russia. The Psychology of Nation // Vinogradoff P. G. The Russian problem. London, 1914. P. 38—39.

[2] Имеется в виду речь Достоевского на открытии памятника Александру Пушкину в Москве.

мышления. Россия настолько огромна и так сильна, что материальная сила перестала привлекать к себе внимание ее мыслителей. Тем не менее, нам нет еще нужды удаляться в пустыню или отдавать себя в рабство "цивилизованным" германцам. Россия также обладает мечом — чудесным мечом, тупым в неправедном случае, но достаточно острым при защите права и свободы. И эта война является на самом деле нашей *Befreiungskrieg* (*освободительной войной*). Славяне должны иметь свой шанс в мировой истории, и время их возмужания ознаменует новый этап в росте цивилизации»[1]. Эти слова русского профессора в полной мере были понятны только для него одного. Изучая историю Европы эпохи Раннего Средневековья по сохранившимся документам, Виноградов пришел к твердому выводу о том, что германские племена возобладали на континенте в конечном итоге только после того, как подвергли жестокому истреблению (геноциду) племена балтийских славян. Германское государство Пруссия, объединившее вокруг себя другие, более мелкие германские государства, заняло исконную славянскую территорию[2]. Вот почему Павел Гаврилович воспринял Первую мировую войну как войну освободительную для славян.

Жестокое столкновение европейских стран в мировой войне сделало актуальными вопросы, которыми в мирное время занимались лишь историки. Особое значение в этих условиях приобрел вопрос об особенностях культурного и политического развития воюющих держав — в первую очередь, России и Германии. Данному вопросу была посвящена лекция Виноградова «Россия после войны», прочитанная им в ноябре 1914 года и напечатанная в одном сборнике с цитированным выше письмом в газету «Таймс». «История не является наукой, позволяющей нам с точностью предсказывать наступающие события, — говорил он, констатируя при этом, что результаты будут различными в случаях, когда факты общественной жизни рассматриваются «как обособленные опыты или как звенья в цепи развития». Одно дело, подчеркивал ученый, просто наблюдать за политикой и культурой современной России и другое —

[1] *Vinogradoff P. G.* Russia. The Psychology of a Nation. Oxford, 1914. P. 43—44. Данная статья П. Г. Виноградова была в том же году переведена на норвежский, испанский и датский языки и издана соответственно в Норвегии, Испании и Дании.

[2] К слову сказать, и само название «Пруссия» есть не германское название, а присвоенное германскими племенами наименование одного из славянских племен — пруссов.

«судить о русской политической и культурной эволюции в свете истории Европы и особенно Восточной Европы. Когда мы смотрим на абсолютизм, бюрократию или доминирующие привычки военной аристократии в России с этой второй точки зрения, мы вдруг понимаем, что то, с чем нам приходится иметь дело, не является особенным продуктом византийского сервилизма или московитской жестокости, но составляет одну из черт восточноевропейского развития, выражение сил, которые действовали и до сих пор действуют также в Пруссии и Австрии»[1]. Виноградов предсказывал в этой лекции, что после победы в войне с Германией и Австро-Венгрией Россия станет на путь новых реформ, которые будут способствовать утверждению в русском обществе принципов господства права и свободы.

Война усилила интерес англичан к истории России, к ее культуре, к политической жизни русского общества. Виноградову пришлось часто выступать во время нее с лекциями по этим вопросам в университетах, на заседаниях литературных и философских обществ. Так, в 1915 году он прочитал лекции на такие темы, как «Обзор русской эволюции (Outlines of Russian evolution)», «Организация самоуправления (The Organisation of Self-Government)», «Народное образование (Popular Education)», «Самоуправление и война (Self-Government and the War)». Тексты указанных лекций составили книгу под названием «Самоуправление в России»[2], которая была издана в том же 1915 году.

Многие российские либеральные деятели, а вместе с ними и социал-демократы — «большевики» также восприняли войну России с Германией как освободительную. Но они, в отличие от Виноградова, мыслили военное столкновение России с самым опасным ее историческим врагом в качестве фактора, создающего предпосылку для освобождения страны от традиционной для нее формы государственной власти — царизма. П. Н. Милюков, уже будучи в эмиграции, откровенно признавал, что он и люди его круга сознательно использовали войну и порожденные ею трудности для того, чтобы расшатать царский трон и в конечном итоге ликвидировать в России царскую власть и установить республику. Именно поэтому, утверждал Милюков, им приходилось спешить и идти на госу-

[1] *Vinogradoff P. G.* Russia after the war // Vinogradoff P. G. The Russian problem. London, 1914. P. 2.

[2] *Vinogradoff P. G.* Self-Government in Russia. London, 1915.

дарственный переворот в разгар войны — до того, как победоносный исход ее станет очевидным фактом, и в полной мере сознавая, насколько опасен может быть такой безрассудный шаг для судеб русской государственности как таковой.

Виноградов был явно обрадован дошедшими до него из России известиями о беспрецедентном единении классов и партий, великой волне патриотического энтузиазма. Такая реакция русского общества на объявление Германией войны России внушала Виноградову надежды на великое русское будущее. «Россия, — писал он, — не есть случайное скопление народов, но могучее общество, состоящее из органических ячеек». Павел Гаврилович не сомневался в то время в сокрушительной победе русского оружия, он считал даже, что Россия в результате этой войны отвоюет для православия древнюю его обитель — Константинополь.

Пребывание Виноградова в России в конце 1914 — начале 1915 года, непосредственное его знакомство с реалиями российской общественной и политической жизни приземлило его возвышенные чувства, заставило отказаться от прежнего оптимистического взгляда на будущее России. «Лидеры, кажется, совсем не осознают необходимости изменить свое отношение к обществу в целом и к общественному самоуправлению в частности, — писал Павел Гаврилович 14 января 1915 года в письме к жене Луизе из Москвы в Лондон. — Кажется, страна обречена пройти еще один период внутренних раздоров, прежде чем она достигнет более или менее стабильного равновесия»[1].

Во время своего пребывания в Петрограде в сентябре 1916 года Виноградов был избран председателем исполнительного комитета Англо-Русского общества. В письме к жене от 14 сентября 1916 года он следующим образом объяснял свое решение принять этот пост: «Я согласился потому, что англо-русские взаимоотношения имеют огромное значение, и мое личное положение как бы специально раздвоено, дабы содействовать улучшению отношений между двумя странами»[2]. Признанием заслуг русского профессора на этом дипломатическом поприще, так же как и на поприще науки, стало присвоение ему в феврале 1917 года королем Великобритании почетного рыцарского звания.

---

[1] Цит. по: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 58.

[2] Цит. по: Ibid.

Печальные последствия февральского государственного переворота, в результате которого был свергнут с престола российский император Николай II, П. Г. Виноградов наблюдал своими глазами: он был в конце февраля — начале марта 1917 года в Петрограде. Возбужденные толпы населения на петроградских улицах совсем не воодушевляли его. Свои мнения об этих событиях Виноградов выразил спустя два месяца в статье «Несколько впечатлений о Русской революции», опубликованной в мае 1917 года в лондонском журнале «Contemporary Review». «Протопоповская секретная служба хотела бунтов, вместо них она получила революцию»[1], — писал он, намекая на то, что бунты конца февраля 1917 года в Петрограде, переросшие затем в катастрофу, были спровоцированы тогдашним министром внутренних дел Протопоповым.

Содержание публичных выступлений Виноградова в Англии летом 1917 года свидетельствует о том, что он и после произошедших событий продолжал верить в неминуемую победу России в войне с Германией. На 29 декабря 1917 года была запланирована его речь в торжественном годовом собрании Российской Академии наук на тему «Исторические основы английского административного права»[2].

Весть о приходе к власти в России большевиков, немедленно заключивших сепаратный мир с Германией, стала для Павла Гавриловича страшным ударом. Вмиг рухнули все его надежды на великое будущее России и на окончательное свое возвращение в родную страну.

После того как Виноградов убедился, что большевики захватили власть над Россией надолго, он подал прошение о принятии британского подданства. Произошло это событие в январе 1918 года. Смерть матери Елены Павловны в том же году оборвала еще одну нить, привязывавшую его к России.

Некоторые надежды на восстановление исторической России затеплились у Виноградова после того, как сформировалось Белое движение. Поражение войск Деникина, Колчака, Врангеля окончательно лишило Павла Гавриловича каких-либо надежд на лучшее в судьбе России.

---

[1] Цит. по: *Fisher H. A. L.* Paul Vinogradoff. A Memoir. P. 58.

[2] Текст данной речи был опубликован. См.: *Виноградов П. Г.* Исторические основы английского административного права // Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математических, исторических наук и филологии за 1917 год. СПб., 1918. С. 383—437.

Последние годы своей жизни Виноградов жил больше по инерции. С утратой России он потерял все — и прошлое свое, и будущее, а значит и настоящее.

В 1920 году вышел в свет первый том его труда «Основы исторической юриспруденции», посвященный племенному праву[1]. Второй том данной книги, в котором исследовалась древнегреческая юриспруденция, был опубликован спустя два года — в 1922 году[2]. Третий том, где должна была рассматриваться средневековая западноевропейская юриспруденция, Павел Гаврилович завершить не успел.

Осенью 1925 года он был приглашен в Парижский университет по случаю присуждения ему степени почетного доктора (Doctor Honoris causa). Торжественная церемония вручения П. Г. Виноградову атрибутов этой степени состоялась в Большом зале Сорбонны. Павел Гаврилович планировал после этого отправиться в Рим и провести зиму в библиотеке и архиве Ватикана. Однако на церемонии, по случаю присвоения ему степени почетного доктора Сорбонны, он простудился. Простуда вскоре переросла в бронхит, из него, в свою очередь, развилось воспаление легких. В результате 19 декабря 1925 года Павел Гаврилович Виноградов скончался.

Прощались с ним в русской православной церкви на Rue Daru. Многие из тех, кто его знал по Москве, жили теперь в Париже — они пришли, и было так, словно вся Москва с ним прощалась...

Последним пристанищем Виноградова стал ОКСФОРД. Его прах был упокоен на оксфордском кладбище Holywell. На могильной плите была высечена надпись, как нельзя лучше подходящая для его судьбы — мелодично звучащая и не требующая переложения на какой-либо другой язык: ее слова понятны без перевода, потому что написаны они на языке МИРА:

HOSPITAE BRITANNIAE GRATUS ADVENA

* * *

Главным трудом последнего десятилетия жизни Виноградова были «Основы исторической юриспруденции». Он опубликовал два

[1] См.: *Vinogradoff P. G.* Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. 1. Intriduction. Tribal Law. Oxford, 1920.

[2] См.: Ibid. Vol. 2. Yhe Juris-prudence of the Greek City. Oxford, 1922.

тома этого труда[1], но ими не исчерпывался весь замысел ученого. Смерть пришла к нему в самый разгар его работы над третьим томом «Основ...», посвященном концепциям канонического и феодального права средневековой Европы. В целом же, начертанная Виноградовым система исторической юриспруденции охватывала, помимо стадии племенного права («tribal law» — по его терминологии), стадии полисного права («civic law») и названной выше стадии сред-невекового канонического и феодального права («medieval law in its combination as canon and feudal law»), также стадию индивидуалистической юриспруденции («individualistic jurisprudence») и начальную стадию социалистической юриспруденции («beginnings of socialistic jurisprudence»)[2].

Рисуя данную систему, Виноградов отмечал, что она «ограничена главным образом эволюцией юридических идей в пределах круга европейской цивилизации»[3], что только при описании ранней стадии развития юриспруденции учитываются материалы, которые были собраны в ходе антропологических исследований, проводившихся во всех обитаемых частях мира. Европоцентризм русского ученого был в данном случае вынужденным явлением. Он писал об истории только европейской юриспруденции, потому что именно ее хорошо знал, и потому что материалы именно этой истории были для него доступны.

С другой стороны, Виноградов не ставил перед собой цели дать всестороннее и всеобъемлющее описание исторической юриспруденции — он взял в качестве предмета своего исследования только одну сторону юриспруденции — идеологическую. Его труд по истории юриспруденции сводился, в сущности, лишь к истории юридических идей.

Столь узкий подход к исторической юриспруденции, который демонстрировал Виноградов, в его случае был вполне оправдан. Наука исторической юриспруденции для него не составляла самоцель, она была необходимой предпосылкой для построения настоящей теории права. «Главное, — подчеркивал он, — заключается в том, чтобы признать ценность *исторических типов* в качестве основания теории права»[4]. По его словам, «для юристов историческая юрис-

[1] См.: *Vinogradoff P.G.* Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. 1. Introduction. Tribal Law. Oxford, 1920; Vol. 2. The Jurisprudence of the Greek City. Oxford, 1922.

[2] См.: *Vinogradoff P.G.* Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. 1. P. 158.

[3] Ibid.

[4] Ibid. P. 160.

пруденция является лучшим введением в социальную интерпретацию бесчисленных технических правил и доктрин их профессии»[1].

О том, что научные устремления Виноградова простирались далеко за пределы тех областей знания, в которых он прославился как выдающийся ученый, — то есть социальной и правовой истории — и вторгались в сферу *теории права*, свидетельствует его творчество последнего десятилетия жизни. Названия многих работ Виноградова, относящихся к указанному периоду его творческой деятельности, говорят сами за себя: «Кризис современной юриспруденции»[2], «Основания теории прав»[3], «Цели и методы юриспруденции»[4], «Юридические стандарты и идеалы»[5], «Юридическая природа государства»[6], «Некоторые проблемы публичного права»[7] и другие.

В обширном творческом наследии правоведа П. Г. Виноградова нет произведения, в котором была бы представлена в более или менее полном виде система его воззрений на право как явление общественной жизни. Между тем отдельные идеи о сущности права, которые высказывались им в различных книгах и статьях, будучи сведены воедино, вполне могли бы составить весьма стройное учение о праве.

Прежде всего, следует отметить, что Виноградов видел в праве не только инструмент, средство для достижения какой-либо социальной цели, но в определенном смысле и саму цель общественной борьбы. Такое воззрение на право проистекало у него из понимания данного явления в качестве совокупности не только объективно существующих правил поведения, но и соответствующих субъективных прав индивидов — набора индивидуальных правомочий или притязаний. Отражением этой двойственной природы права является, по мнению ученого, существование в английском языке двух

---

[1] *Vinogradoff P. G.* Outlines of Historical Jurisprudence. Vol. 1. P. VII.

[2] *Vinogradoff P. G.* The Crisis of Modern Jurisprudence // Yale Law Journal. 1920. P. 312—320.

[3] *Vinogradoff P. G.* The Foundations of a Theory of Rights // Yale Law Journal. 1924. Vol. 34. № 1. P. 60—69.

[4] *Vinogradoff P. G.* Aims and Methods of Jurisprudence // Columbia Law Review. 1924. Vol. 29. № 8. P. 1—7.

[5] *Vinogradoff P. G.* Legal Standards and Ideals // Michigan Law Review. 1924. Vol. 23. № 1. P. 1—16.

[6] *Vinogradoff P. G.* The Juridical Nature of the State // Michigan Law Review. 1924. Vol. 23. № 2.

[7] *Vinogradoff P. G.* Some Problems of Public Law // California Law Review. 1924. P. 435—453.

терминов для обозначения права — с одной стороны, термина «Law» и, с другой стороны, термина «Right». Если первый из них обозначает право в объективном смысле, то второй — субъективное право, правомочие того или иного индивида. Виноградов считал, что такие свободы индивидов, как свобода передвижения, свобода мнения, свобода выбора рода занятий и другие, «имеют свои корни в самосознании индивида, а не только в законах государства». По его словам, «воля государства не является единственным фактором, создающим правомочие и право в человеческом обществе. Существует и второй равнозначный фактор — осознание людьми своих прав. На практике право оказывается меняющимся компромиссом между этими двумя факторами»[1].

В «Очерках по теории права», опубликованных в Петрограде в 1915 году, Виноградов критиковал распространенное в его время определение права как совокупности норм поведения, установленных и принудительно осуществляемых суверенной властью, то есть государством. Исторически это определение исходит, указывал он, из знаменитого учения Томаса Гоббса, усвоенного Джоном Остином[2], а через него большинством английских юристов. По словам ученого, «эта теория подходит к праву с чисто формальной его стороны. Она не допускает никакого исследования юридических норм со стороны их внутреннего содержания и совершенно не рассматривает характера той политической власти, которая, согласно допущению, является верховным авторитетом в государстве. Право для нее — это сосуд, который можно наполнить любой жидкостью. Жестокая, несправедливая норма является столь же правомерной, как и наиболее справедливый закон».

Слабость позитивистской доктрины права Виноградов усматривал в том, что она неприменима к таким явлениям, как международное право, каноническое право, а также к иным правовым системам, не связанным прямо с государственной властью. «Истина заключается, по-видимому, в том, что основой права служит в данном случае не одностороннее приказание, а соглашение», — отмечал Виноградов.

---

[1] *Vinogradoff P. G.* The Foundations of a Theory of Rights // Collected Papers of Paul Vinogradoff. Vol. 2. Oxford, 1928. P. 380.

[2] Джон Остин (*John Austin*, 1790—1859) — знаменитый английский правовед, разрабатывавший теорию юридического позитивизма; приобрел известность в качестве автора книги «Province of Jurisprudence Determined», изданной впервые в 1832 г. и составленной из лекций, которые читались им в Лондонском университете.

Несостоятельность определения правовой нормы в качестве приказания Виноградов связывал прежде всего с тем, что такое определение не дает ответа на вопрос, является ли закон обязательным только для тех, кто получает приказание, или же он точно так же обязывает и тех, кто его издает. «Если сущностью закона является принуждение, то закон обязателен только для подданных и подчиненных, высшие же лица государства стоят над законом и вне его», — писал ученый.

По словам Виноградова, хотя элемент принуждения в праве и имеется налицо, «но тем не менее он не является абсолютно необходимым признаком юридической нормы. Мы можем смотреть на него как на наиболее удобное средство вынуждения исполнения закона, но мы не можем усматривать в нем сущности юридических отношений. Очевидно, его приходится дополнять понуждениями, основанными на личном признании и на общественном мнении... Закон имеет целью осуществление права и справедливости, хотя в отдельных случаях он, быть может, достигает этой цели весьма несовершенным образом... В каждой системе права должно существовать известное равновесие между справедливостью и силой. А из этого следует, что определение права не может быть основано исключительно на понятии государственного принуждения».

Виноградов призывал обратить основное внимание при уяснении сущности права не на элемент государственного принуждения, то есть не на средство, а на цель. При этом его не удовлетворяла теория немецкого философа Иммануила Канта, согласно которой конечную цель права составляет свобода, а основная функция права соответственно — согласование свободы одного лица со свободой всякого другого члена человеческого общества. По мнению П. Г. Виноградова, «понятие свободы здесь не вполне удачно выбрано, ибо очевидно, что согласование, достигаемое правом, неизбежно должно состоять в сокращении индивидуальной свободы, что свобода, в обычном ее понимании, только открывает возможность деятельности, но еще не указывает направления этой деятельности».

Не соглашался Виноградов и с популярным в его время среди российских ученых немецким правоведом Рудольфом фон Иерингом, который считал целью права разграничение интересов. По словам П. Г. Виноградова, «делая государство верховным судьей над сталкивающимися интересами, Иеринг возложил на него тяжелую обязанность. Ни государство, ни законы его не могут принять на себя невозможную задачу — подчинить своему влиянию все порож-

даемые общественной жизнью интересы и руководить отдельными лицами в выборе и осуществлении этих интересов».

Итоговый вывод П. Г. Виноградова по проблеме сущности права гласил: «Мы можем, следовательно, сказать, что целью права является регулирование распределения и осуществления человеческой мощи над лицами и вещами в процессе социального общения». В соответствии с таким пониманием цели права Павел Гаврилович определял закон в «Очерках по теории права» как «ряд правил относительно распределения и осуществления мощи над лицами и вещами, — правил, которые установлены и исполнение которых вынуждается обществом». По мнению Виноградова, предложенное им определение права подходит ко всем стадиям исторического развития. «Оно столь же правильно относительно первобытных юридических норм, исполнение которых вынуждалось в значительной степени путем самоуправства, как и относительно тех высокосложных государственных организаций настоящего времени, которые стремятся создать совершенные системы судебных средств защиты прав и государственных санкций. Оно охватывает как муниципальные постановления, обычаи, постановления автономных организаций, так и common law и разработанное парламентское законодательство. В нем находит себе место обязывающая сила конституционного и международного права. Оно принимает в расчет уголовное и гражданское право, наказание и санкцию ничтожности. Главное его достоинство в том, что оно придает большее значение цели права, чем средствам, при помощи которых вынуждается его осуществление».

П. Г. Виноградов придавал праву огромное значение в жизни общества. «Право, — заявлял он, — не может примириться с господством фактических условий, которые слишком часто представляют отражения насилия и эксплуатации. Оно стремится дальше — от того, что есть, к тому, что должно быть. В этом, несмотря на все недочеты и неудачи, — его нравственное величие». По словам Виноградова, «право составляет основу здоровой государственной жизни. Не в одной силе дело, а в праве, и в известном смысле само государство для того и существует, чтобы провозглашать и проводить в жизнь право».

Леонид Сергеевич Белогриц-Котляревский

(1855—1908)

ЛЕОНИД Сергеевич Белогриц-Котляревский родился 9 февраля 1855 года в Полтаве в дворянской семье. Первоначальное образование он получил в Полтавской гимназии. Затем учился на юридическом факультете Императорского Университета Святого Владимира в Киеве. По окончании в 1876 году университетского курса обучения Леонид Белогриц-Котляревский был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре уголовного права.

В 1880 году он защитил магистерскую диссертацию по теме «О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование»[1]. После этого его командировали для совершенствования в юридических науках в Германию. В течение двух лет молодой правовед слушал лекции в Лейпцигском и Гейдельбергском университетах[2]. В качестве новой темы своих научных исследований он избрал преступления против религии.

В 1883 году Л. С. Белогриц-Котляревский был назначен в Демидовский юридический лицей в г. Ярославле на должность доцента по кафедре уголовного права. В 1886 году он успешно защитил на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета докторскую диссертацию по теме: «Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Историко-догмати-

---

[1] См.: *Белогриц-Котляревский Л. С.* О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Вып. 1. Киев, 1880; Доклад Л. С. Белогриц-Котляревского: О святотатстве по действующему русскому праву // Труды Киевского Юридического Общества: Прибавление к протоколам 1880 года. С. 93—112; Доклад Л. С. Белогриц-Котляревского: О воровстве-краже по действующему русскому праву // Там же. С. 113—200; *Белогриц-Котляревский Л. С.* Особые виды воровства-кражи по русскому праву. Киев, 1883.

[2] См.: *Белогриц-Котляревский Л. С.* Два года за границей с ученою целью (1881—1883). Ярославль, 1889.

ческое исследование». В том же году текст ее был издан в Ярославле в виде книги.

В предисловии к своему докторскому исследованию Белогриц-Котляревский отметил, что оно имеет своим предметом «преступление, важнейшая роль которого отошла в область истории, во мрак Средних веков». Однако, подчеркнул он, изучение данного явления по-прежнему не лишено значения, «так как охрана религии и теперь необходима не только в интересах личности — свободы ее совести, но и в интересах самого общества, одним из жизненных условий существования и развития которого религия до сих пор служит»[1]. Работа Белогриц-Котляревского о преступлениях против религии стала первой в юридической литературе монографией по этой теме. Автор рассмотрел в ней вопрос об отношении к религиозной свободе в древнем мире и средневековом обществе, описал круг преступлений против религии в древнееврейском праве, римском праве, праве западноевропейских стран (в основном Германии, Франции и Англии) в эпохи Средних веков и Возрождения. Он дал исторический очерк реформаторских учений об отношении государства к религиозной свободе и о влиянии их на уголовное законодательство в период до конца XVIII века. Последнюю главу диссертации Белогриц-Котляревский посвятил преступлениям против религии в действующем праве.

По его мнению, уже один тот факт, что религиозные верования, переходящие в своем внешнем проявлении в культ, существовали у всех народов, делает необходимым признание права на свободу исповедания этих верований и отправления культа. Но не удовлетворившись этим выводом и оправданиями данного права, выдвигавшимися великими писателями и философами, Белогриц-Котляревский выстроил собственную аргументацию в его защиту. «Религиозные верования, которыми человек пытается объяснить, или самостоятельно или на основании готовых учений, положение своего *я* среди мироздания и определить отношение к себе подобным, — писал он, — суть ничто иное, как одна из форм человеческой мысли вообще, подобно философским учениям или доктринам, и притом важнейшая, так как они, во-первых, составляют достояние масс, между тем как последние — лишь отдельных лич-

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Историко-догматическое исследование. Ярославль, 1886. С. III.

ностей, и, во-вторых, служат основанием морали этих масс, ее догматической санкцией. Право на свободу религиозной мысли, таким образом, есть естественное последствие права на свободу человеческой мысли вообще. Из права же на свободу религиозной мысли само собою вытекает и право на разные формы ее внешнего выражения, ибо последнее лежит в природе человека. Но внешнее выражение религиозной мысли предполагает не одно только сообщение ее другим; у большинства людей оно переходит в особое чувство, которое, подобно чувству вообще к особенно чтимым существам, нуждается в материальных актах своего выражения, в тех или других жестах или телодвижениях, которыми человек выражает свое почитание обоготворяемых предметов. Отсюда истекает право человека на внешние религиозные действия, совершаемые как единолично, так и коллективно, совокупность которых называется культом»[1].

Белогриц-Котляревский выделял в праве религиозной свободы три «кардинальных» права: 1) «право свободы совести или свободы выражать свои убеждения в области религии частно или публично, а следовательно, и в форме пропаганды или прозелитизма»[2], 2) «право свободного богослужения, т. е. свободного отправления культа по обрядам или церемониям последнего, освященным религиозными верованиями последователей этого культа»[3], 3) «право свободного образования и самоуправления религиозных обществ, т. е. свобода возникновения последних без предварительного разрешения государства, а также самостоятельность в установлении религиозных догм, культа, иерархии и дисциплины»[4].

Признавая, что право религиозной свободы, как и всякое право, «нуждается в охране его государством, которая может простираться до уголовных мер воздействия в тех случаях, когда предмет нарушения — религиозные интересы, представляющие существенно важные условия бытия общества и его развития», Белогриц-Котляревский отмечал при этом, что взгляд на объект преступлений против религии с переменой исторических эпох радикально менялся. В Средние века, как было показано в диссертации, объектом

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Историко-догматическое исследование. С. 291—292.

[2] Там же. С. 293.

[3] Там же. С. 295.

[4] Там же.

таких преступлений считалось «само Божество со всем сонмом ниже его стоящих духовных существ, а также религиозные верования, обряды и предметы, входившие в содержание культа последнего»[1].

В конце XVIII века объектом преступлений против религии стали считать в юриспруденции и в законодательстве (например, в прусском земском праве) «не Божество само по себе и связанные с ним предметы культа, а церковные общества, оскорбляемые в их религиозных чувствах путем поношения предметов почитания»[2].

В XIX веке в посягательствах против религии стали усматривать нападение не только на право религиозных обществ, но и «на общие религиозные основания государственного порядка»[3]. Объектом таких преступлений была признана сама религия как жизненное условие существования общества. Данная теория нашла свое выражение в Австрийском уголовном уложении и произведениях австрийских и немецких правоведов.

Оценивая указанные теории, Белогриц-Котляревский отмечал, что первые две из них не выдерживают никакой критики. По его словам, «лично против божества не может быть совершено преступление; его бытие находится вне сферы человеческого общежития, а право действует лишь в пределах последней; след[овательно], Божество стоит вне сферы правовых отношений и, как чистая абстрактная идея, живущая в недоступных глубинах человеческого духа, недосягаемо для нападения и не нуждается в защите земного правосудия»[4]. Ошибочность же учения, возникшего в конце XVIII века, Белогриц-Котляревский видел в том, что оно трактовало религиозные преступления только как нарушение субъективного права и, таким образом, совершенно упускало из виду общественное значение религии.

Правильным, наиболее целесообразным Белогриц-Котляревский считал понимание религиозных преступлений в качестве посягательства «на общие религиозные основания государственного порядка». Такое понимание проводил в своих трудах профессор уголовного права Венского университета Вильгельм Эмиль Вальберг (*Wilhelm Emil Wahlberg*, 1824—1901). Достоинством теории Вальбер-

---

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Историко-догматическое исследование. С. 296.

[2] Там же. С. 297.

[3] Там же. С. 298.

[4] Там же. С. 300—301.

га русский правовед считал то, что она, «во-первых, дает прочное обоснование религиозным преступлениям, а во-вторых, указывает их надлежащий круг». «Эта теория, — писал Белогриц-Котляревский, — исходит из совершенно верной точки зрения, что задача государства простирается за пределы охраны интересов, входящих в содержание прав или частных лиц или непосредственно государства; последнее вправе охранять и такие интересы, которые, не входя в содержание чьих-либо прав, образуют в то же время существенно необходимое условие его жизненности, его развития. *Запрещая публичные непотребные действия или распространение непотребных сочинений, рисунков или изображений, государство, очевидно, исходит не из соображений неприкосновенности чьих-либо прав, а из соображения значения морали, как одной из основ общественного строя*. Таким образом, *объектом преступления может быть не только неприкосновенность прав, принадлежащих или частным лицам или непосредственно государству, но и общие основания социального порядка, потрясаемые грубыми нарушениями нравственности или религиозности*»[1] (курсив мой. — *В. Т.*).

Приведенные выводы докторской диссертации свидетельствуют, что Белогриц-Котляревский поднялся в своем историко-догматическом исследовании темы преступлений против религии до теоретического осмысления сущности объекта преступления как такового.

В 1887 году Л. С. Белогриц-Котляревский стал ординарным профессором Демидовского юридического лицея. Летом 1891 года он возвратился в свой родной Киевский университет. 19 сентября ординарный профессор уголовного права Белогриц-Котляревский прочитал студентам юридического факультета первую свою лекцию. Она была посвящена задаче и методу науки уголовного права[2]. Леонид Сергеевич преподавал в Университете Святого Владимира до самой своей смерти в 1908 году.

* * *

Предметом научных исследований Л. С. Белогриц-Котляревского было как современное ему русское уголовное право, так и

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Преступления против религии в важнейших государствах Запада. Историко-догматическое исследование. С. 302—303.

[2] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Задача и метод науки уголовного права. Вступительная лекция, читанная 19 сентября 1891 года. Киев, 1891.

уголовное право зарубежных стран. Вместе с тем, его научные интересы простирались также на историю уголовного права России и Западной Европы. Исследуя конкретные проблемы уголовного права, Белогриц-Котляревский не избегал проблем общего характера, касающихся происхождения и сущности права как такового.

Первоисточник права ученый усматривал «в природе человека, подчиненной известным определенным законам»[1]. По его словам, «в первобытную эпоху, когда человек мало чем отличается от животного, когда он, как и это последнее, в своих действиях руководится примитивными потребностями, подсказываемыми непосредственным чувством-инстинктом, право творится бессознательно; оно является в форме однообразных действий людей, направляемых одним и тем же примитивным чувством-инстинктом, в форме бессознательно сложившихся обыкновений»[2]. С течением же времени, по мере развития культуры, действия первобытного человека все более и более проникаются сознанием. «Вследствие этого, т. е. благодаря участию мысли, то, что есть, превращается в то, что должно быть; стихийно необходимое — факт становится сознательно необходимым — правом»[3]. По мнению Белогриц-Котляревского, «право, как сознательное установление, не могло быть прежде, как не может быть и теперь, творением всех членов данного общественного союза, как-то: рода, общины, племени, государства. Надо думать, что первыми творцами обычного права всегда бывают более сильные умом и волей лица; они первые вносят сознание, убеждение в свою деятельность и этой нравственной силой, этим психическим превосходством подчиняют своему влиянию других. Эти другие, как более слабые умом и волей люди, легко увлекаются примером, образом действия первых, и вот мало-помалу личное убеждение сих первых, руководящее данным образом действия, становится убеждением многих и, распространяясь на все больший круг людей, обезличивается, становится общим убеждением рода, племени и часто даже целого народа. Так образуются обычные правила поведения или образа действия в известных однородных случаях, так называемые нормы обычного права, принудительная сила которых заключается, во 1-х, в согласии убеждения многих лиц в

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Творческая сила обычая в уголовном праве. Ярославль, 1890. С. 1.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 2.

необходимости поступать именно таким образом, во 2-х, в инертной силе повторения, присущей человеку»[1]. Исходя из этих рассуждений, Белогриц-Котляревский делал следующий вывод: «Обычное право есть выражение индивидуального убеждения, приобретшего путем распространения и повторения принудительную силу»[2].

Высказывая мнение, что нормы обычного права возникают первоначально из сознания отдельных лиц, Белогриц-Котляревский выступал тем самым против учения исторической школы права, согласно которому первоисточник обычного права коренится в народном духе. Он соглашался с критиками данного учения, утверждавшими, что «единства народного духа, единства народного убеждения никогда не было; ...различные племена одного и того же народа имели и имеют свои особые обычаи, дающие содержание местному обычному праву. Если бы источником обычного права был единый фактор, действующий независимо от индивидуального сознания или убеждения, то этого разнообразия правовых воззрений, этого разнообразия права быть не могло». Русский правовед считал приведенное возражение «наиболее сильным ещё и потому, что оно раскрывает внутреннюю слабость всего построения исторической школы»[3].

Теория происхождения обычного права путем повторения из индивидуального убеждения, а не из общенародного сознания, подтверждается, писал Белогриц-Котляревский, также и наблюдением над процессом его разрушения. «Этот процесс также идет от частной воли, а не от общей; никогда не бывает так, чтобы на место одного общего убеждения, правосознания непосредственно возникло другое, чтобы последнее сразу вытеснило первое... Но само собою разумеется, что новое правовое убеждение, новое правовое положение только тогда вытесняет прежнее, только тогда приобретает общее жизненное господство, когда оно более прежнего отвечает данным жизненным потребностям и интересам»[4]. Наконец, возражая против учения немецкой исторической школы права, русский правовед ссылался на тот факт, что сходные обычаи встречаются не только среди населения, принадлежащего к одной и той же нации, но и среди населения, принадлежащего различным нациям.

---

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Творческая сила обычая в уголовном праве. С. 2—3.

[2] Там же. С. 12.

[3] Там же. С. 4.

[4] Там же. С. 5.

«Очевидно, что такое сходство обычаев разных народов, — отмечал он, — не находит себе объяснения в теории Пухты, согласно которой право есть чисто национальный институт, непосредственное выражение духа данной нации»[1].

В отличие от большинства правоведов Белогриц-Котляревский считал, что обычай и в современную эпоху продолжает играть важную роль в развитии права. «Неверно поэтому, — утверждал он, — повторяемое Иерингом господствующее учение, что все реформы права сводятся к одному закону, так как обычай может только регулировать движение по существующим путям, помогать ему, но он не может прорвать плотину, которая препятствует потоку проложить новое направление. Напротив, не только в сфере гражданского права, но и в сфере уголовного права обычаю иногда принадлежит реформаторская роль»[2].

Возражая против общепринятого мнения, согласно которому источником уголовного права может быть только закон, а обычай не может ни отменить действия уголовного закона, ни восполнить его пробелы, Белогриц-Котляревский писал: «Отрицание творческой роли обычая на основании положения nullum crimen sine lege есть следствие чересчур формального понимания последнего: криминалисты направляют все свое внимание на те внешние ограничения, которые устанавливаются этим положением, не углубляясь в положительную сферу, в фактическое содержание уголовного права. Ближайшее же изучение этой сферы показало бы, что действие обычая названной формулой не устраняется, а лишь вводится в известные границы»[3].

Главную задачу науки уголовного права Белогриц-Котляревский видел в изучении тех особых правоотношений, которые создаются преступлением. «Эти особые правоотношения, — писал он, — само собою разумеется, предполагают совокупность норм, определяющих, с одной стороны, юридическую конструкцию, состав тех деяний, которые признаются преступлениями, а с другой — их наказуемость. Изучая эти нормы, уголовное правоведение неизбежно стремится возвести их в систему; для этого оно обыкновенно оставляет преступления, как частные, конкретные явления, и

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Творческая сила обычая в уголовном праве. С. 5—6.

[2] Там же. С. 9.

[3] Там же. С. 32.

исследует их, как абстрактные понятия, извлеченные путем обобщения из целого ряда однородных правоотношений. Эти абстрактные понятия в свою очередь комбинируются, обобщаются по своим родовым или типическим чертам и таким образом получается целая система основных понятий и положений о преступлении и наказании»[1].

Однако, изучая преступление и наказание в качестве абстрактных правовых понятий, наука уголовного права, считал Белогриц-Котляревский, не должна забывать и конкретной стороны данных явлений. По его мнению, данная сторона также подлежит изучению, хотя бы в той степени, в какой это необходимо для правильных построений учений о вменении, об основании, системе и мере наказаний. «В этих вопросах, — отмечал он, — центр исследования, так сказать, перемещается; не преступное деяние, как юридическое явление, как правоотношение, а преступность, деятельность личности, как явление индивидуальное и социальное, кладется в основание»[2].

Белогриц-Котляревский выступал против попыток ряда современных ему правоведов, как русских (Н. С. Таганцева, Н. Д. Сергеевского), так и иностранных (Гуго Мейера и др.), свести уголовное правоведение исключительно к логической конструкции юридических понятий о преступлении и наказании, к исследованию только преступного деяния. Он утверждал, что в уголовном правоведении «нельзя ограничиться исследованием преступления и наказания, как абстрактных понятий, необходимо их *причинное*, как выражается Лист[3], выяснение, т. е. познание индивидуальных и социальных факторов преступления. Это познание требует обращения криминалиста[4] к родственным уголов[ному] правоведению отраслям знания — к уголовной антропологии и социологии, выводами коих ему и надлежит воспользоваться, но, разумеется, не пассивно, а активно, т. е. подвергая их критике, анализу и обобще-

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев, 1904. С. 4—5.

[2] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Задача и метод науки уголовного права. Киев, 1891. С. 7.

[3] Белогриц-Котляревский имеет в виду немецкого правоведа Франца фон Листа (Franz fon Listz), представителя социологического направления в науке уголовного права.

[4] В XIX в. криминалистами называли правоведов, которые специализировались на изучении уголовного права.

нию, следовательно, и дальнейшей разработке. И в самом деле, правильная постановка учения о вменении невозможна без помощи выводов психологии и психиатрии... Точно также и правильная выработка системы наказаний или карательных средств невозможна без изучения всей личности преступника; остановка внимания лишь на одной преступной деятельности способна создать, как показывает опыт, лишь такую систему наказаний, которая не исправляет преступников, а еще более их развращает»[1].

Белогриц-Котляревский выделял в науке уголовного права два основных аспекта. «Мы можем, в конце концов, — писал он, — определить уголовное правоведение как такую науку, которая стремится, во-1-х, установить систему понятий о преступлении и наказании, т.е. раскрыть логическую конструкцию их взаимного соотношения, во-2-х, определить основание права наказания и его содержание, т. е. целесообразные формы и меру последнего»[2].

Понятие преступления Белогриц-Котляревский считал возможным определить только формально. «Материальное же его определение, — пояснял он, — не может быть дано потому, что преступление не есть понятие постоянное, однородное по своему содержанию; объем его находится в тесной зависимости от данной исторической обстановки и общественных правовоззрений, которые, как известно, постоянно меняются»[3]. По его мнению, «*с формальной стороны*, преступление может быть определено как виновное неправомерное деяние, запрещенное законом под страхом наказания», или как «виновное неправомерное нарушение уголовного закона»[4]. Наказание же, по его определению, это «меры, направленные на поражение прав преступника, предпринимаемые государством по судебному приговору в видах обеспечения безопасности общества»[5].

Право государства на осуждение лица за действия, называемые преступлениями, основывается, подчеркивал Белогриц-Котляревский, «на задаче, назначении государства, как правопорядка, содействовать нравственному развитию личности»[6]. По его сло-

---

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Учебник русского уголовного права. С. 5.

[2] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Задача и метод науки уголовного права. С. 9.

[3] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Учебник русского уголовного права. С. 102.

[4] Там же. С. 103.

[5] Там же. С. 252.

[6] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Понятие уголовного права и основание наказания. Ярославль, 1883. С. 23.

вам, «в основе государства как правопорядка лежит человеческая личность; она его источник и задача; задача государства по отношению к личности состоит в том, чтобы установить условия ее нравственного развития, создать такую сферу, такой порядок, такое соотношение лиц и вещей, при котором человеческая личность могла бы возможно легче выполнить, осуществить свое нравственное назначение»[1]. А так как наказание является в обществе «необходимым условием или средством осуществления человеком своей нравственной задачи, то оно образует один из составных элементов общежития, его сущность, следовательно, начало самостоятельное, не нуждающееся для своего оправдания в целях, вне его лежащих»[2].

В научном наследии Л. С. Белогриц-Котляревского большое место занимают труды, посвященные исследованию истории уголовного права. Рассматривая конкретные факты данной истории, он стремился выявить логику эволюции уголовного права, определить главные вехи этой эволюции. Так, он считал, что в историческом развитии уголовного права можно выделить четыре ступени (уклада): 1) «уклад кровной мести», 2) «уклад композиции», 3) «уклад общественной мести и устрашения» и 4) «уклад гуманности».

«Кровная месть, — отмечал Белогриц-Котляревский, — была правовым явлением первобытной эпохи, как институт, устанавливающий в пределах первобытных общин известные права и обязанности и притом не во имя только личных интересов отдельных членов, но во имя интересов всего родственного союза, всей общины»[3]. Для этой, начальной, ступени эволюции уголовного права характерной была и система талиона, которая явилась, по его словам, «несомненным прогрессом в истории права, ибо в первобытный институт наказания сразу было внесено два ограничения — одно в формах его, другое — в мере, прежде всецело зависевших от воли кровомстителей; это был первый проблеск идеи справедливости, первая попытка человека достигнуть последней в возмездии наказания»[4].

---

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Понятие уголовного права и основание наказания. С. 24.

[2] Там же. С. 28.

[3] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Общие черты истории уголовного права. Киев, 1893. С. 7.

[4] Там же. С. 8.

В условиях господства «уклада композиции», продолжал ученый свое описание истории уголовного права, понятие преступления определялось, «как и в период господства кровной мести, не формальным моментом — нарушением закона, а материальным — причинением вреда, заключающемся в деянии *обидой*. Однако при оценке материального вреда в это время уже начинает выступать, хотя и в слабой степени, и *субъективная сторона деяния* — злая воля лица»[1].

С упрочением государства, писал Белогриц-Котляревский, «сами собой возникают и развиваются новые более широкие интересы, которые, рядом с интересами частных лиц, требуют уголовной охраны. Первое место между ними, конечно, получает тот строй идей и учреждений, который лег в основание самого бытия государства; посягательство на этот строй рождает обширный круг так называемых политических преступлений и преступлений против порядка управления... Что же касается природы наказания, то последнее в данную эпоху по преимуществу проникнуто началом устрашения»[2].

Уголовное право четвертого уклада стоит, по мнению Белогриц-Котляревского, «в таком же отношении к укладу устрашения, как уклад композиции к укладу кровной мести. Подобно тому, как в укладе композиции некоторая рассудительность сменяет прежнюю страстность кровной мести, в данном укладе хладнокровная критика прошедшего очищает сознание общественного человека от омрачавшей его страстности и вносит начало рассудочности в систему карательной деятельности»[3]. К «укладу гуманности» Белогриц-Котляревский относил современное уголовное право. Становление его он датировал концом XVIII — началом XX века и связывал с распространением в европейских обществах философии Просвещения, поставившей на весы разума весь строй идей и учреждений прошлого, в том числе и тот, на котором покоилось уголовное право. Фундаментом названного «уклада» уголовного права стали, по мнению Белогриц-Котляревского, следующие принципы:

---

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Общие черты истории уголовного права. С. 10.
[2] Там же. С. 19—20.
[3] Там же. С. 22—23.

1) «Принцип равенства ответственности перед законом всех и каждого».

2) «Принцип личности наказания»: ответственность семьи за преступление своего сочлена исключена.

3) «Принцип вредоносности действий, причисляемых к преступлениям»: все те действия, которые не причиняют вреда, не должны входить в область уголовного права.

4) «Принцип экономии карательных средств»: наказание есть бремя, тягость не только для отдельных лиц, но и для самого государства, так как наложение его предполагает отвлечение личных сил и финансовых средств от более производительного назначения[1]. «Отсюда следует, — пояснял Белогриц-Котляревский смысл данного принципа, — во-1-х, что государство не должно расточать наказание там, где этого не требует настоятельная необходимость; оно не должно облагать наказанием те действия, вредный характер которых достаточно погашается гражданским взысканием; во-2-х, что государство должно с сущностью наказания соединять возможно меньшее количество тягостей для преступившего уголовную норму; поэтому все, что не вызывается настоятельной необходимостью обеспечения, охранения общества, должно быть изгнано из системы карательных средств»[2].

5) «Принцип культурности наказания, т. е. способности его смягчать, а не огрублять общественные нравы. Огрубление нравов, как деморализующее общество, вовсе не безразлично для интересов его безопасности, которая тем более понижается, чем более нравственные чувства народа черствеют. На этом основании позорные или бесчестящие наказания, а также наказания, рассчитанные на возможно большее причинение физических мучений телу преступника, должны быть исключены из системы наказаний»[3].

6) «Принцип индивидуализации уголовной репрессии в связи с общей предупредительной деятельностью»[4].

В перечисленных принципах Л. С. Белогриц-Котляревский выразил сущность уголовного права, утвердившегося на протяжении XIX века во всех развитых странах.

---

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Общие черты истории уголовного права. С. 23—24.

[2] Там же. С. 24.

[3] Там же. С. 24—25.

[4] Там же. С. 25.

Оценивая взгляды Л. С. Белогриц-Котляревского в целом, во всем их объеме, можно сделать вывод о том, что он был сторонником широкого — не только абстрактно-логического, но и социологического — подхода к институтам уголовного права. Преступление он считал «продуктом не только субъективных или личных причин, но и причин объективных, скрывающихся в условиях самого социального строя»[1].

[1] *Белогриц-Котляревский Л. С.* Общие черты истории уголовного права. С. 26.

Василий Николаевич Латкин

(1858—1927)

ВАСИЛИЙ Николаевич Латкин родился в 1858 году в Красноярске. Его отцом был известный в тогдашней России золотопромышленник Н. В. Латкин (1832/33—1904). Именно Николая Васильевича имел в виду писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, описывая в своем произведении «Дневник провинциала в Петербурге» привидевшийся его герою сон: «Во сне мне видится железная дорога от Петербурга до самого устья Печоры... А с устья Печоры, в свою очередь, тоже мчится поезд, и несется на нем господин *Латкин* с свежею печорскою семгою и кедровой шишкой в руках, как доказательство крайней необходимости дороги в этот кишащий естественными богатствами край. И вдруг в Усть-Сысольске ужасное столкновение...»[1]

Упоминание о Н. В. Латкине оставил в одном из своих писем и писатель В. М. Гаршин. 16 октября 1874 года он писал своей матери о том, что был на именинах Прасковьи Андреевны Латкиной и видел в ее доме «своего рода знаменитость — Николая Васильевича Латкина, человека с миллионным состоянием»[2]. В указанное время Н. В. Латкин был знаменит, однако, не только в качестве золотопромышленника. Он имел славу также видного ученого-географа, автора многочисленных статей, брошюр и книг по географии и статистике.

Первые научные работы Н. В. Латкина в этой области были посвящены золотоносным рекам Енисейской губернии[3]. В после-

---

[1] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. М., 1988. С. 14.

[2] *Гаршин В. М.* Полное собрание сочинений. Т. 3. М.-Л., 1934. С. 47. Прасковья Андреевна была супругой Михаила Николаевича Латкина — брата отца Н. В. Латкина.

[3] См., например: *Латкин Н. В.* Географические и статистические сведения о замечательных золотоносных речках Енисейского округа // Памятная книжка енисейской губернии на 1865/66 год; *его же*. Очерк северной части промыслов Енисейского округа или так называемой северной системы // Записки Императорского русского географического общества. 1869. Т. 2.

дующие годы Николай Васильевич опубликовал немало трудов по географии и статистике других регионов России, а также Балканских стран, Северной и Южной Америки. Его статьи по географии печатались не только в российских, но и в авторитетных иностранных изданиях[1]. Книга Н. В. Латкина «Очерк северной и южной систем золотых промыслов Енисейского округа и описание американского способа промывки золота», вышедшая в свет в Санкт-Петербурге в 1869 году, была удостоена Малой золотой медали Императорского Русского Географического общества. Николай Васильевич входил в состав указанного общества. Кроме того, он являлся членом Бременского, Лейпцигского и Венского географических обществ.

В 1877—1881 годах Н. В. Латкин занимал должность гласного Санкт-Петербургского земского собрания. Затем был директором Дома милосердия для малолетних в поселке Лесном, расположенном близ Петербурга. В 1893—1897 годах он являлся гласным Санкт-Петербургской городской думы. Помимо этого он занимал в последнее десятилетие своей жизни целый ряд других общественных должностей[2].

Именем Василий будущий правовед был наречен в честь своего деда Василия Николаевича Латкина (1809—1867) — известного купца и промышленника, но более прославившегося в качестве путешественника, исследователя русского Севера, публициста и общественного деятеля[3]. Супругой последнего была Еликонида Никифоровна Латкина (1814—1897), происходившая из семьи потомственного купца Никифора Степановича Баженина (1790—1862). В отце правоведа В. Н. Латкина — Николае Васильевиче — соединилась, таким образом, кровь двух старинных русских купеческих родов. И Латкины, и Баженины вели свое происхождение от новго-

---

[1] Например, в географических журналах «Globus» и «Petermann Mittheilungen», выходивших в Германии.

[2] См. подробнее о Н. В. Латкине главу «Nicolaus Latkinus» в книге И. А. Богданова «Петербургская фамилия: Латкины» (СПб., 2002. С. 105—122).

[3] «Коммерческие предприятия не особенно удавались Латкину, — говорится в «Русском биографическом словаре», — но он был энергичным пионером разработки богатств северного края, своими литературными трудами он оказал большие услуги исследованию и описанию нашего отечества» (Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 10. С. 87—88). См. подробнее о промышленнике и ученом В. Н. Латкине главу «Деятель не из ряда обыкновенных...» в книге И. А. Богданова «Петербургская фамилия: Латкины» (с. 11—36).

родских купцов, которые в 70-е годы XVI века переселились со своими семьями из Новгорода на берега Северной Двины.

Мать правоведа Василия Николаевича Латкина — Шарлотта Эдуардовна — была по происхождению немкой. Николай Васильевич женился на ней в апреле 1857 года, во время своего пребывания в Санкт-Петербурге. Спустя четыре дня после свадьбы он снова отправился в Красноярск. В начале 1858 года в этот город переехала и его молодая жена.

Николай Васильевич Латкин пребывал в Красноярском крае до 1870 года. После этого его постоянным местожительством стал Санкт-Петербург. Сначала он поселился с женой и детьми[1] на улице Спасской[2] (дом № 2, квартира № 3), затем перебрался в дом № 2 в Манежном переулке[3].

Согласно «Биографическому словарю профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета» первоначальное образование Василий Латкин получил в «частной гимназии Бычкова»[4].

Данная гимназия называлась так по имени ее директора — статского советника Федора Федоровича Бычкова (1831— после 1893 г.)[5]. В 70-е и в начале 80-х годов XIX века это учебное заведение считалось в общественном мнении Санкт-Петербурга очень престижным. Но в 1883 году ситуация резко изменилась: обществу стали известны факты преступного поведения директора гимназии в отношении воспитанников. С 9 по 13 сентября в Санкт-Петербурге проходил судебный процесс по делу Ф. Ф. Бычкова, в результате которого обвиняемый был признан виновным, во-первых, «в развращении воспитанников содержимой им гимназии Сергея Ко-

[1] Помимо Василия у Николая Васильевича и Шарлотты Эдуардовны Латкиных было еще трое сыновей: Николай, Сергей и Михаил. О Николае не сохранилось никаких сведений — биограф рода Латкиных И. А. Богданов предполагает, что он умер в раннем возрасте.

[2] В настоящее время улица Рылеева.

[3] В 1881 г. Н. В. Латкин проживал в доме № 13 на Моховой улице Санкт-Петербурга. И. А. Богданов отмечает, что в 1894 году Николаю Васильевичу принадлежал дом № 6 по Институтскому переулку, однако из этого факта неясно, проживал ли в нем хозяин.

[4] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. СПб., 1896. Т. 1. С. 370.

[5] Брата директора Императорской Публичной библиотеки и члена Государственного совета академика Афанасия Федоровича Бычкова (1818—1899).

лонтарова, 13 лет, Петра Нозикова, 11 лет, и Николая Шульгина, 13 лет, посредством развития в них бесстыдными действиями порочной наклонности к мужеложеству (ст. 993 Уложения о наказаниях)» и, во-вторых, «в остановленных по независевшим от него, Бычкова, обстоятельствам, покушениях на мужеложество над названными воспитанниками Колонтаровым и Нозиковым (ст. 996 Уложения о наказаниях)»[1]. Бывший директор гимназии Ф. Ф. Бычков был приговорен за свои преступления к ссылке на поселение в «места Сибири, не столь отдаленные» и к лишению всех прав состояния. Осенью 1883 года директором гимназии стал некто Гуревич, и это учебное заведение стало соответственно именоваться «частной гимназией Гуревича».

Василий Латкин завершил обучение в «частной гимназии Бычкова» в 1878 году, т. е. за пять лет до вышеуказанного скандала. В том же году он поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. По окончании университетского курса обучения в 1882 году В. Н. Латкин был оставлен при кафедре государственного права для подготовки к профессорскому званию. В 1883 году он выдержал магистерский экзамен и получил право преподавать в высших учебных заведениях. По сведениям, приводимым И. А. Богдановым, в 1884 году Василий Николаевич якобы преподавал древнюю историю на Высших женских курсах[2]. В рамках этих курсов, называвшихся «Бестужевскими», действительно преподавалась в курсе всеобщей истории «история древняя», но читал этот курс в 1878—1888 годах декан историко-филологического отделения курсов в 1882—1889 годах академик В. Г. Ва-

[1] Российский Государственный архив (РГИА). Фонд 1405. Оп. 83/84. Д. 10544. Л. 14. Об этом судебном процессе писали газеты: «Новое время» (10 и 14 сентября 1883 г.), «Санкт-Петербургские ведомости» (1883. № 247), «Санкт-Петербургская газета» (1883. № 248).

[2] *Богданов И. А.* Петербургская фамилия: Латкины. С. 123—124. И. А. Богданов приводит в своей книге отрывок из письма дочери археолога Г. Шлимана Надежды Андреевны к отцу от 30 декабря 1884 года, в котором говорится: «Недавно я получила письмо с высших женских курсов в Петербурге; мне пишут, что тамошний профессор древней истории Латкин (Ты, кажется, его знаешь?) часто в своих лекциях ссылается на Твои сочинения». Богданов считает, что Надежда Андреевна «поспешила записать Василия Николаевича в профессоры» — на самом деле назвала она Латкина правильно: профессором в Западной Европе и до сих пор величают любого преподавателя высшего учебного заведения. Но тем не менее свидетельство это мне представляется очень сомнительным.

сильевский (1838—1899)[1]. В. Н. Латкин же, по-видимому, вообще никогда и ничего в этом учебном заведении не преподавал. Его фамилия отсутствует в «Списке профессорско-преподавательского состава Бестужевских курсов» 1878—1918 годов. К этому следует добавить, что 1884 год Василий Николаевич провел в Москве — он собирал в архивах Министерства иностранных дел и Министерства юстиции материалы для своей магистерской диссертации, посвященной истории земских соборов.

Некоторые из обнаруженных в указанных архивах документов[2] В. Н. Латкин опубликовал в 1884 году в книге под названием «Материалы для истории земских соборов XVII столетия». В предисловии к ней Василий Николаевич следующим образом объяснял свое обращение к данному периоду развития указанного представительного учреждения: «Царствование Михаила Федоровича является временем апогея развития древнерусского представительства, его «золотым веком», по меткому выражению одного ученого (Н. П. Загоскина). Одно время земский собор даже превращается в постоянное учреждение и в продолжении многих лет без перерыва функционирует рядом и вместе с правительством, трудясь над общим делом умиротворения государства и урегулирования всей его жизни, всех его отправлений, приведенных в расстройство анархией смутного времени. Представители всех чинов Московского государства, можно сказать, не выезжают из Москвы, а если выезжают, то сменяются другими. Начиная с 1613 года и вплоть до 1622 Московское правительство не делает ни шагу без земского собора, в особенности, в первое время после избрания царя, когда центр управления государством сосредоточивался в соборе, имевшем даже свою собственную печать»[3].

---

[1] См.: Список профессорско-преподавательского состава Бестужевских курсов. 1878—1918 // *Вахромеева О. Б.* Духовное пространство университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878—1981 гг.: Исследование и материалы. СПб., 2003. С. 219.

[2] Грамоты, челобитные царю Алексею Михайловичу, «Список лиц, участвовавших в земском соборе 1648—49 г.», «Воеводские отписки в Москву к царю и великому князю Алексею Михайловичу о получении царских грамот с предписанием произвести выборы из всяких чинов людей и извещающие о производстве выборов и о посылке выборных в Москву к сроку, на сборное воскресенье 7159 года», «Сведения о некоторых лицах, участвовавших на земском соборе 1648—49 годов» и др.

[3] Материалы для истории земских соборов XVII столетия (1619—20, 1648—49 и 1651 годов) Василия Латкина. СПб., 1884. С. 1.

Книгу «Материалы для истории земских соборов» В. Н. Латкин обозначил в верхней части титульного листа как «Приложение к исследованию «Земские соборы Древней Руси». Однако само это исследование было издано лишь в следующем — 1885-м — году. Его полное название: «Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. Историко-юридическое исследование Василия Латкина». Вскоре после выхода указанной работы в свет Василий Николаевич представил ее к защите в качестве диссертации на соискание ученой степени магистра государственного права[1].

Исследование В. Н. Латкина «Земские соборы Древней Руси...» состояло из предисловия; введения, в котором выделялось две главы: «Русское вече и народное собрание славян и германцев» (стр. 1—16), «Образование представительства. Россия и древнеславянские государства. Германия, Франция, Англия, Испания, Швеция и Венгрия» (стр. 16—63); основного текста, разделенного на семь глав: 1) «Соборы при Иване IV» (стр. 64—83), 2) «Смутное время» (стр. 84—122), 3) «Соборы при Михаиле Федоровиче» (стр. 123—204), 4) «Соборы при Алексее Михайловиче» (стр. 205—244), 5) «Последние соборы» (стр. 245—255), 6) «Организация и компетенция соборов» (стр. 256—290), 7) «Западноевропейские представительные учреждения» (стр. 291—400). После основного текста исследования шло заключение. А завершало рассматриваемую работу В. Н. Латкина «Приложение», в котором приводились некоторые важнейшие документы: челобитные царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу, а также извлечения из соборного акта 1653 года, в котором говорилось о литовских и малороссийских обстоятельствах.

Тема земских соборов не была новой в русской историко-правовой науке в то время, когда В. Н. Латкин брался за ее исследование. На эту тему писали до него и Н. П. Загоскин (1851—1912), и И. И. Дитятин (1847—1892), и В. И. Сергеевич, в определенной мере также Б. Н. Чичерин и другие ученые. Однако никто из них не пы-

[1] И. А. Богданов называет на стр. 123 своей книги «Петербургская фамилия: Латкины» в качестве даты присвоения В. Н. Латкину магистерской степени 1883 г. («В 1883 году он — магистр государственного права»). Это явная ошибка. Неправильным является также его утверждение о том, что диссертация В. Н. Латкина «Земские соборы Древней Руси...» вышла «вместе с обширным приложением: «Материалы для земских соборов 17 столетия». Как ни странно, сначала было издано это приложение в виде отдельной книги, а потом сама диссертация.

тался создать более или менее подробной и полной истории данного учреждения. В. Н. Латкин поставил своей целью восполнить этот пробел.

В предисловии к своей магистерской диссертации В. Н. Латкин признал, что первая попытка сравнения русских земских соборов с западноевропейскими представительными собраниями принадлежит В. И. Сергеевичу[1]. Однако, отметил Василий Николаевич, «В. И. Сергеевич ограничился только проведением аналогии между нашими соборами, английским парламентом и французскими генеральными штатами. Поэтому, желая расширить сравнение, мы провели его также и между представительными учреждениями других государств»[2].

Сравнивая народные собрания Древней Руси, других славянских государств и Германии, В. Н. Латкин пришел к выводу о том, что оно в своей примитивной форме, то есть «в форме поголовного участия всех свободных людей дольше всего сохранилось в России»[3]. Эту особенность древнерусского политического строя он объяснял тем, что в древнерусском обществе не сложилось высшего класса подобного тому, что существовал в западноевропейских обществах. «В то время, как на Западе, — писал Латкин, — все общество распалось на сословные группы и на отдельные корпорации, у нас население по-прежнему оставалось неразделенным ни на какие рубрики с особыми правами и обязанностями и, хотя члены общества отличались друг от друга по роду занятий и служб, но подобное, чисто фактическое различие не имело никакого значения в смысле деления общества на высший, средний и низший классы, на свободных и несвободных и т. п. Никаких корпораций древнерусская жизнь также не знала. Отсюда понятно, почему у нас не было собраний высших членов, рыцарских сеймов и т. п. и почему все население по-прежнему принимало участие в решении своих дел»[4].

По его мнению, только в начале XVII века русское вече в качестве политического органа «окончательно прекратило свое суще-

[1] Эту попытку В. И. Сергеевич предпринял в статье «Земские соборы в Московском государстве», опубликованной во втором томе «Сборника государственных знаний», который выходил в свет под редакцией В. П. Безобразова (СПб., 1875. С. 1—59).

[2] *Латкин В. Н.* Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. С. I.

[3] Там же. С. 18.

[4] Там же. С. 403.

ствование и уступило место совершенно иному порядку вещей». Указывая в данном случае на начало XVII века, Латкин имел в виду лишь вечевой строй Новгорода и Пскова. Для остальной России в качестве времени окончательного упадка веча как института государственной власти он называл середину XIII века — время начала монгольского завоевания.

Падение веча на Руси не означало, отмечал В. Н. Латкин, что «самый принцип народного участия в государственном управлении, или, как тогда говорилось, «в строении земли», сделался чуждым русскому человеку. Напротив, этот принцип продолжал существовать и выражаться в разных формах... народ принимал участие в местном правлении и по-прежнему сходился на вече для решения своих местных нужд»[1].

Латкин констатировал в своем исследовании отсутствие какой-либо преемственной связи между вечем и земским собором. Он пришел к выводу, что Россия не знала той переходной формы, которая существовала в западноевропейских странах между первичными народными собраниями и представительными учреждениями. По его мнению, земские соборы «не явились продуктом такой долгой исторической жизни, как, например, английский парламент, немецкие земские чины, шведский сейм и т. п., а были учреждением сравнительно новым и вызванным к жизни московскими государями»[2]. Делая такой вывод, В. Н. Латкин совсем не имел в виду, что земские соборы были явлением, не имевшим почвы в обществе, а следовательно, нежизненным. В своем историко-юридическом исследовании Василий Николаевич постарался доказать, что земские соборы выступали в качестве мерила состояния умов и настроения народа. В России «правительство, — подчеркивал он, — было *вынуждено* созывать соборы, не вследствие требований сословий, как, например, в Англии, но самым положением дел и силою тех обстоятельств и условий, среди которых оно находилось»[3].

Отмечая тот факт, что в соборах «принимало также участие изрядное количество лиц, призывавшихся поголовно, благодаря своему социальному положению», В. Н. Латкин делал из него вывод о том, что «соборы не были исключительно представительными уч-

---

[1] *Латкин В. Н.* Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. С. 21.

[2] Там же. С. 25.

[3] Там же. С. 261.

реждениями»[1]. При этом он отмечал, что и сословность русских земских соборов отличалась по своему характеру от сословности западноевропейских представительных учреждений. По его словам, «в России, где сословия были созданы преимущественно искусственным путем самим государством, главным образом, в интересах фиска и, следовательно, не могли пустить глубоких корней в общество, само по себе демократическое и знавшее только фактическое разграничение своих членов по роду занятий и службе, собор, хотя и принял сословный характер, но далеко не в такой степени, как западноевропейские собрания. Вот почему деление на сословные палаты было у нас немыслимо и, если встречалось известное деление, то на чины, являвшиеся подразделениями сословий... Таким образом, сословных палат, проникнутых строго корпоративным духом, у нас не было, группировка же по чинам, хотя и имела сословный характер, отличалась большой случайностью, и уж ни о каком корпоративном духе не могло быть и речи... Иначе было на Западе, где сословность была гораздо более развита, чем у нас (за исключением Англии) и где она не являлась искусственным продуктом государства, а образовалась совершенно естественно и помимо государства... Это сказалось и на представительных собраниях Европы. Все они были строго сословны и разделялись на палаты, в состав которых входили члены только одного сословия. Исключение составляла Англия, где сословий в европейском смысле слова не было»[2].

В качестве одной из главных особенностей древнерусской политической жизни, существенно отличавшей ее от западноевропейских общественных порядков, В. Н. Латкин выделял чуждость ее «всякой юридической определенности». «В то время как в Германии, Швеции, Англии, Испании и Венгрии, — писал он, — представительные собрания обладали известными функциями и правами, на основании всевозможных законодательных актов, хартий и привилегий и, таким образом, сфера их компетенции была строго очерчена законом и отношения между ними и государями являлись чисто юридическими, в России и Франции ничего подобного не было, и их собрания, не имея юридической основы, не обладали никакой определенной компетенцией, отношения же их к госуда-

[1] *Латкин В. Н.* Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. С. 262.

[2] Там же. С. 406—407.

рям были построены исключительно на фактической почве»[1]. Отсутствие у земских соборов юридической основы было, по мнению Латкина, причиной того, что они прекратили свое существование без всякой борьбы.

Историко-юридическое исследование В. Н. Латкина «Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями» было высоко оценено специалистами[2]. Императорская Академия наук удостоила данный труд премии графа Уварова[3]. Отзыв на книгу молодого историка права, давший основание для награждения ее Уваровской премией, написал профессор В. И. Сергеевич[4].

После присвоения степени магистра государственного права Василий Николаевич получил приглашение читать лекции по истории русского права в качестве приват-доцента на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета.

Преподавательская деятельность В. Н. Латкина в стенах этого учебного заведения началась осенью 1886 года[5]. А в следующем — 1887-м — году в его жизни произошло еще одно важное событие: защита докторской диссертации.

Василий Николаевич посвятил данную работу истории законодательных комиссий в России в XVIII веке. Прежде чем представлять свою докторскую диссертацию к защите, он выпустил ее в свет в виде отдельной книги под названием: «Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование». На титуле книги было обозначено, что это первый том исследова-

---

[1] *Латкин В. Н.* Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. С. 409.

[2] См. рецензии на эту книгу В. Н. Латкина: Юридическая библиография. 1885. Кн. 5. С. 215—222; Библиограф. 1886. Кн. 11. С. 165—166.

[3] Данная премия была учреждена в 1856 г. в память графа Сергея Семеновича Уварова (1786—1855), занимавшего с 1833 до 1849 г. должность министра народного просвещения, а с 1818 г. и до самой смерти — пост президента Императорской Академии наук. Уваровская премия присуждалась за научные труды (в основном посвященные истории России, русской словесности, выдающимся деятелям русской культуры) и литературные произведения.

[4] См.: Отчет о 29-м присуждении наград графа Уварова. 1889. Т. 59. С. 302—317.

[5] Некоторое представление о содержании лекционного курса, читавшегося В. Н. Латкиным с 1886 года на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, дают его «Лекции по внешней истории русского права», напечатанные в 1888 году (в 1890 году они вышли в свет вторым изданием).

ния. В предисловии к нему Латкин отмечал, что ввиду многочисленности привлеченных им документов он должен был разделить свое исследование на два тома, ограничив содержание первого тома изложением истории законодательных комиссий до Екатерины II, истории выборов в екатерининскую комиссию 1767 года и анализом текстов дворянских и городских наказов, поданных депутатами в названную комиссию. Во второй том Латкин предполагал включить описание содержания крестьянских, иноверческих и казацких наказов, а также наказов от государственных учреждений. Затем, по его замыслу, должен был идти обзор деятельности общей и частных комиссий на основании дневных записок последних. Завершить второй том своего исследования Латкин планировал изложением истории законодательных комиссий, созданных императором Павлом I в 1797 году и императором Александром I в 1804 году. Этому плану не суждено было осуществиться. Второй том своего исследования по истории законодательных комиссий в России в XVIII веке Латкин так и не написал[1].

Содержание первого тома рассматриваемого произведения было разбито автором на шесть глав: первая глава была посвящена законодательным комиссиям царствования Петра I (стр. 1—41), вторая описывала историю законодательных комиссий в периоды правлений Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны (стр. 42—79), третья глава излагала историю законодательных комиссий, созданных во времена царствований Елизаветы Петровны и Петра III (стр. 80—184), и, наконец, главы с четвертой по шестую были посвящены законодательной комиссии, созванной Екатериной в 1767 году (стр. 185—524).

Ко времени выхода рассматриваемого труда В. Н. Латкина уже было опубликовано три тома «Материалов Екатерининской Законодательной Комиссии»[2]. Руководство подготовкой данных мате-

[1] После выхода первого тома указанной книги В. Н. Латкин не прекратил своих исследований по истории законодательных комиссий в России в XVIII веке. В 1893 г. под его редакцией вышел в свет «Проект нового уложения 1754—1766 гг.». В 1902 г. в «Журнале Министерства юстиции» (№ 5. С. 19—45) была напечатана статья Латкина «К истории кодификации в России в XVIII столетии (о деятельности “Комиссии для составления законов”, учрежденной 16 декабря 1796 г.)».

[2] См.: Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Том 4. Материалы Екатерининской Законодательной Комиссии. Часть I. Предисловие Д. В. Поленова. СПб., 1869; Том 8. Материалы... Часть II. СПб., 1871; Том 14. Материалы... Часть III. СПб., 1875.

риалов к изданию осуществлял историк Д. В. Поленов. В 1878 году он умер, и указанная работа была возложена на В. И. Сергеевича. Под наблюдением Сергеевича к 1885 году выйдут в свет еще два тома «Материалов Екатерининской Законодательной Комиссии»[1], а в 1885-м — будет выпущен новый том[2].

В 1878 году в журнале «Вестник Европы» была напечатана статья В. И. Сергеевича «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?»[3]. В этой публикации была дана общая характеристика деятельности екатерининской комиссии, а также оценка условий, в которых она действовала, предпринята попытка объяснить причины прекращения ее занятий.

В. Н. Латкин, в отличие от В. И. Сергеевича, смотрел на деятельность екатерининской законодательной комиссии 1767 года через призму исторического опыта деятельности предшествовавших ей законодательных комиссий. Кроме того, он опирался на целый ряд таких документов, которые до него никто не исследовал. «Главным источником настоящего исследования, — отмечал Латкин в предисловии к своему труду, — были документы, хранящиеся в архиве Кодификационного отдела при Государственном Совете (бывшее II Отделение Е. И. В. Канцелярии), где мы имели возможность с ними познакомиться»[4]. Некоторые из этих документов были опубликованы им в приложении к указанной книге (Манифест Петра I об издании нового Уложения[5], Ведомость, учиненная в коммиссии новосочиняемого Уложения, кому имянно, по определению Прав. Сената 27 и 28 чисел 1754 г., велено: пункты по материям сочинять нижеписанных присутственных место нарочно определенным персонам, и от коих присутственных мест, также и от сочинителей от

---

[1] См.: Сборник ИРИО. Том 32. Материалы Екатерининской Законодательной Комиссии. Часть IV / Под наблюдением В. И. Сергеевича. СПб., 1881; Том 36. Материалы... Часть V. СПб., 1882.

[2] См.: Сборник ИРИО. Том 43. Материалы... Часть VI. СПб., 1885. В последующем В. И. Сергеевич выпустит в свет еще пять томов указанных «Материалов...». См.: Сборник ИРИО. Том 68. Материалы... Часть VII. СПб., 1889; Том 93. Материалы... Часть VIII. СПб., 1894; Том 107. Материалы... Часть IX. СПб., 1900; Том 115. Материалы... Часть X. СПб., 1903; Том 123. Материалы... Часть XI. СПб., 1907.

[3] См.: *Сергеевич В. И.* Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 188—264.

[4] *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. С. V.

[5] Там же. С. 525—526.

кого и коих чисел присланы, и откуда неприсланы, и что о том ответствовано»[1], «Рапорты канцелярий и магистратов в елизаветинскую законодательную комиссию об избрании дворянских и купеческих депутатов»[2]).

В 1888 году в третьей книге «Чтений Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете» вышла в свет рецензия А. Н. Зерцалова на докторскую диссертацию В. Н. Латкина[3]. В ней говорилось об ошибках, допущенных Латкиным в изложении истории законодательных комиссий в России в XVIII веке. И вместе с тем приводились факты, существенно дополнявшие его исследование.

Успешная защита докторской диссертации позволила В. Н. Латкину получить в 1887 году степень доктора наук[4]. В 1889 году он стал экстраординарным профессором, а спустя еще два года — в 1891 году — был утвержден в звании ординарного профессора. С 1891 года и до 1905 года Василий Николаевич читал лекции по истории русского права в Императорском Училище правоведения[5].

В феврале 1893 года освободилась кафедра истории русского права в Санкт-Петербургском университете. Профессор В. И. Сергеевич, который занимал эту кафедру с 1872 года, уступил ее более молодому преподавателю — ординарному профессору В. Н. Латкину. Впоследствии Василий Иванович вспоминал: «По состоявшемуся тогда между нами соглашению, В. Н. Латкин взял на себя чтение новой истории, а за мной осталась древняя»[6]. Это означало, что В. И. Сергеевич доводил чтение лекций по истории русского

---

[1] *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. С. 530—549.

[2] Там же. С. 550—595.

[3] См.: *Зерцалов А. Н.* Замечания на книгу «Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование В. Н. Латкина. Т. I. 1887». М., 1888.

[4] О присвоении В. Н. Латкину в 1887 году ученой степени доктора наук говорится в «Отчете о состоянии и действиях Императорского Санкт-Петербургского университета за 1887 год» (СПб., 1888. С. 13).

[5] См.: «Лекции по истории русского права, читанные в Императорском Училище правоведения проф. В. Н. Латкиным в 1891—92 учебном году», напечатанные литографическим способом в Санкт-Петербурге в 1892 году (в 1912 г. они были опубликованы вторым изданием).

[6] *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. Третье издание. Дополнено. СПб., 1903. С. III.

права до начала XVIII века, а В. Н. Латкин продолжал данный лекционный курс, рассказывая студентам о развитии русского права в XVIII и XIX веках.

В 1894 году В. И. Сергеевич издал «Лекции и исследования по древней истории русского права», которые стали служить студентам в качестве учебника по той части курса истории русского права, которую ему приходилось читать. В. Н. Латкин вынужден был приступить к подготовке учебника по своей части лекционного курса.

В 1897 году в Нижнем Новгороде в типографии тов. Ржонсницкого был напечатан сокращенный (объемом в 93 страницы) «Конспект по истории русского права. Период империи», составленный студентом А. Гайковичем по лекциям В. Н. Латкина. «Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.)», написанный В. Н. Латкиным, вышел в свет первым изданием два года спустя — в 1899 году (второе его издание, существенно переработанное и дополненное, будет напечатано в 1909 году). Однако студенческие конспекты лекций профессора В. Н. Латкина продолжали издаваться и после выхода его полнообъемного учебника. Так, в 1903 году в Санкт-Петербурге был напечатан «Конспект по истории русского права. Период Империи. По лекциям проф. Латкина», составленный студентом А. Леонтьевым.

В 1900/01 учебном году лекции профессора В. Н. Латкина слушал Александр Блок, в то время студент юридического факультета[1] Императорского Санкт-Петербургского университета. По всей видимости, эти лекции оказались для его поэтической натуры слишком сухими. 26 сентября 1900 года Александр Блок писал своему отцу Александру Львовичу Блоку, профессору Императорского Варшавского университета по кафедре государственного права о том, что его настроение «не может всегда совпадать... с далеко не всегда научными курсами Сергеевича, Латкина и других. Все это последнее часто кажется разбавленным водой, но тем не менее трудно уло-

[1] Юридический факультет Александр Блок выбрал случайно, о чем свидетельствуют следующие строки из его письма к отцу от 29 сентября 1901 года: «Три года тому назад я желал больше всего облегчения занятий и выбрал юридический факультет, как самый легкий (при желании, разумеется)» (цит. по: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1 // Литературное наследство. Т. 92. В 4-х книгах. М., 1980. С. 428). В этом письме Александр Блок сообщал отцу о том, что перешел на историко-филологический факультет. Этой новостью он радостно делился 29 сентября 1901 г. и в письме к А. В. Гиппиусу (там же).

вимым»[1]. 26 апреля 1901 года Александр Блок сдавал профессору Латкину экзамен. По этому случаю он сочинил шутливое стихотворение:

«Права русского историю
Уподоблю я громам,
Что мешают мне на взморье
Уходить по вечерам»[2].

7 мая 1901 года Александр Блок сообщал А. В. Гиппиусу: «По истории русского права я получил у Латкина 3, но это меня не смущает и не огорчает»[3].

* * *

Революционные события 1905—1906 годов в России внесли серьезные изменения в жизнь многих представителей русской интеллигенции. Не остался в стороне от этих событий и профессор В. Н. Латкин. В начале 1906 года он вступил в партию «Союз 17 октября». Имя Латкина впервые упоминается в протоколе заседания Центрального комитета данной партии, состоявшегося 25 января 1906 года[4]. Скорее всего он присутствовал на первом съезде «Союза 17 октября», проходившем в Москве с 8 по 12 февраля 1906 года. С 1898 года Василий Николаевич проживал со своей супругой — Натальей Владимировной Латкиной — в Царском Селе[5]. И в партии «октябристов» он занял место Председателя Царскосельского отдела.

---

[1] Письма Александра Блока к родным. Л., 1927. С. 55. См. также: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 426.

[2] *Блок А.* Собрание сочинений в восьми томах. М.-Л., 1960. Т. 1. С. 47.

[3] Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 426.

[4] См.: Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905—1907 гг. М., 1996. С. 68.

[5] Сначала Латкины жили в доме Гвяздовской № 97 по Магазейной улице, в 1903 году переехали в дом Н. А. Тирана № 13 по Средней улице, в 1906 году переселились в дом Полубояриновой по той же улице. До 1898 года В. Н. Латкин проживал в Петербурге в доме № 60 по Сергиевской улице (в настоящее время улица Чайковского).

В 1906 году В. Н. Латкин основал в Царском Селе вместе со своими соратниками по партии еженедельную газету «Царскосельское дело». В течение последующих десяти лет он являлся главным редактором этой газеты[1]. Здесь печатались (на четырех полосах небольшого формата) сообщения о событиях, происходивших в Царском Селе, очерки истории Царского Села, рекламные объявления. Иногда помещалась информация о решениях, принятых на заседаниях ЦК партии «октябристов». В целом газета В. Н. Латкина была скорее краеведческой, нежели политической. Во время выборов во вторую Государственную Думу, проходивших осенью 1906 года, ЦК партии «Союз 17 октября» предпринимал попытку сделать газету «Царскосельское дело» более политической. Так, на заседании ЦК партии «октябристов», состоявшемся 28 ноября 1906 года, было постановлено: «Ввиду необходимости усилить предвыборную агитацию положено оказать издающемуся в Царском Селе под редакцией пр[офессора] Латкина еженедельному органу « Царскосельское дело» поддержку в размере 100 р.»[2].

На заседании Петербургского отделения ЦК «Союза 17 октября», проходившем 7 июня 1907 года, рядом членов ЦК было выдвинуто предложение об избрании В. Н. Латкина в состав Центрального комитета. На заседании ЦК, который собрался 11 июля 1907 года, Латкин был вместе с другими девятью «октябристами» единогласно избран в члены ЦК данной партии. 3-й Всероссийский съезд «Союза 17 октября», проходивший в Москве с 4 по 8 октября 1909 года, избрал В. Н. Латкина в новый состав Центрального комитета партии «октябристов»[3]. Протоколы съездов и заседаний ЦК «Союза 17 октября» не зафиксировали выступлений В. Н. Латкина. Василий Николай явно не был активным партийным деятелем. В 1916 году он отказался от должности редактора газеты «Царскосельское дело», сославшись на «расстроенное здоровье». Деятельность «Союза 17 октября» к этому времени факти-

[1] Опыт редактирования периодических изданий у В. Н. Латкина был: в 1894—1899 гг. он редактировал «Журнал Санкт-Петербургского Юридического Общества».

[2] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х томах. Т. 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905—1907 гг. С. 264.

[3] Там же. С. 122. С партией «октябристов» сотрудничала и жена Латкина. С 1908 по 1917 год Наталья Владимировна Латкина являлась «председательницей» дамской группы по благотворительности, созданной и действовавшей при «Союзе 17 октября».

чески прекратилась: партийная структура данной организации рассыпалась на мелкие разрозненные группки, занимавшиеся преимущественно благотворительной работой — оказанием помощи раненым, беженцам и другим категориям обездоленного войной населения.

Василий Николаевич Латкин пережил революционную катастрофу 1917 года и кровавую гражданскую войну. Он умер в 1927 году[1].

[1] Приведенная дата смерти В. Н. Латкина указывается в примечаниях к тексту письма А. Блока к А. В. Гиппиусу от 7 мая 1901 года. См.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1 // Литературное наследство. Т. 92. В 4-х книгах. М., 1980. С. 426.

Александр Александрович Башмаков

(1858—1943)

АЛЕКСАНДР Александрович Башмаков родился 25 декабря 1858 года в Одессе в старинной дворянской семье, корни которой уходили в XVI век[1]. Его дед по отцовской линии — Дмитрий Евлампиевич Башмаков (1792—1835) — являлся полковником кавалергардского полка, после выхода в отставку с военной службы занимал пост Таврического губернского предводителя дворянства, имел чин действительного статского советника. Он был женат на внучке полководца А. В. Суворова Варваре Аркадьевне, графине Суворовой-Рымникской (1802—1885). Среди друзей Дмитрия Евлампиевича был известный славянофил Алексей Степанович Хомяков.

Отец правоведа — Александр Дмитриевич Башмаков (1825—1888)[2] — в 1859—1861 годах служил в должности Херсонского губернатора[3]. В 70—80-х годах (вплоть до своей смерти в 1888 г.) он активно работал в балканских славянских комитетах, растратив при этом почти все свое состояние на оказание материальной помощи

[1] В документах XVI в. сохранились сведения о трех старинных дворянских родах Башмаковых: 1) Потомство прибывшего в Киев в 1027 г. варяга Шимона (после крещения Симона) Офриковича или Африкановича, племянника Норвежского короля Гакона (или Якуна) Слепого. От него происходили также дворяне Аксаковы (в старину Оксаковы). Один из потомков Симона — Даниил Васильевич — носил прозвище Башмак, отсюда и произошла фамилия данного рода. Внук последнего — Василий Андреевич — был в 1580—1581 гг. осадным головою в Велиже, а правнук — Афанасий Григорьевич — дьяком Земского приказа при Иоанне Васильевиче Грозном. 2) Потомство дворянина Пимена Алексеевича, владевшего в 1621 г. поместьями в Нижегородском уезде и имевшего двух сыновей: Ивана и Нефеда. 3) Потомство стряпчего Лукьяна Ивановича Башмакова, верстанного поместьем в 1674 г.

[2] Помимо Александра у Дмитрия Евлампиевича и Варвары Дмитриевны родились сыновья: Аркадий (1826—1880), Сергей (1831—1877), Михаил (1834—1836), а также дочери: Мария (1828—1895) и Елена (1822—1891).

[3] С 27 марта 1859 г. до 30 августа 1860 г. — исправляющим должность Херсонского губернатора, с 30 августа 1860 г. до 24 августа 1861 г. — Херсонским губернатором.

балканским славянам, организацию отправки на Балканы русских добровольцев.

Александр Дмитриевич был женат на Варваре Николаевне Сушковой (1836—1916). Сын Александр был старшим из их детей, после него у Башмаковых родилась дочь Надежда (1860—1916) и спустя год еще один сын — Святослав.

Среднее образование Александр Александрович Башмаков получил в Женеве, обучаясь наукам под руководством швейцарского профессора Мауера. В 1877 году он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Однако завершать курс обучения юриспруденции ему пришлось в Императорском Новороссийском университете в Одессе.

Еще в студенческие годы Александр Башмаков стал публиковать свои статьи в периодических изданиях. В 1880 году в одесском журнале «Journal d'Odessa», издававшемся на французском языке, была напечатана его статья «О болгарских делах», написанная с позиций славянофильства.

По окончании в 1881 году юридического факультета Новороссийского университета А. А. Башмаков в течение двух лет (в 1881—1882 гг.) служил в Восточной Румелии[1] в должности секретаря законодательной комиссии румелийской администрации. Последние восемь месяцев своего пребывания здесь Башмаков заведовал областной библиотекой Филиппополя, организовал публичную библиотеку Восточной Румелии.

По всей видимости, именно во время пребывания здесь Александр Александрович женился: его избранницей стала Каролина Ивановна Вистас Д'Хиверно. В 1883 году у супругов Башмаковых родился сын Георгий, который стал впоследствии морским офицером, в 1884 году появился сын Владимир, ставший офицером артиллерии, в 1885 году родилась дочь Надежда.

Возвратившись в 1883 году в Одессу, Александр Александрович занялся адвокатской деятельностью. В конце 1885 года он был избран одесским мировым судьей.

Погруженный в юридическую практику, Башмаков находил время и для научных занятий. В 1884 году в Одессе была издана его

[1] Румелией называлась в то время провинция Турецкой империи с центром в Софии, включавшая в себя территории Болгарии, Сербии, Албании, Македонии, Герцеговины, Фессалии, Эпира. В настоящее время это название относится лишь к территории европейской части Турции.

брошюра «Критика трехчленного деления: преступление, проступки и нарушения». В 1887 году в «Трудах Одесского юридического общества» (Приложение к протоколам. Том 2. С. 41—54) была опубликована его статья «Очерк о римском колонате».

В 1888 году А. А. Башмаков стал председателем Съезда мировых судей в г. Дубно, а с конца 1889 года начал работать в той же должности в прибалтийском городе Либаве[1]. При этом он принимал активное участие в проводимой в Прибалтийском крае судебной реформе, борясь с засильем немецких баронов, угнетавших местное население.

Предметом научных исследований Башмакова в прибалтийский период деятельности стало ипотечное право. В 1891 году в Либаве вышла в свет его книга по этой теме[2]. В 1893 году в «Журнале гражданского и уголовного права» (Кн. 9. С. 68—95) была напечатана его статья «Очерки поземельного устройства Прибалтийских крестьян»[3].

В 1894 году А. А. Башмаков вошел в состав высочайше учрежденной комиссии по составлению проекта Гражданского уложения России. Темой его научных исследований стали с этого времени проблемы гражданского права. В 1897 году он опубликовал в «Журнале Санкт-Петербургского юридического общества» статьи: «Опыт критической оценки института обязательной доли» (Кн. 7. С. 36—69) и «Швейцарский проект гражданского уложения» (Кн. 10. С. 72—97). В 1901 году в «Вестнике права» была напечатана его статья «Отношение суда к обычаю по новому проекту устава гражданского судопроизводства» (Кн. 2. С. 1—26), а в «Журнале Министерства юстиции» — статья «О владении по наследству или сезине» (Кн. 2. С. 108—141). В 1902 году в данном журнале вышла в свет статья Башмакова «Долговая ответственность наследника» (Кн. 2. С. 74—108).

В 1899—1904 годах Александр Александрович состоял на чиновной службе в Министерстве иностранных дел, исполняя обязанности юрисконсульта 2-го Департамента. Понимая, что в начале XX века многое в политическом развитии Европы и в судьбе России будет определяться ситуацией на Балканах, Башмаков стал по

---

[1] С 1917 г. — г. Лиепая.

[2] Основные начала ипотечного права. Лекции, читанные в г. Либаве в 1891 г. А. А. Башмаковым. Либава, 1891.

[3] См. также: Журнал Санкт-Петербургского юридического общества. 1895. Кн. 6. С. 1—40.

собственной инициативе изучать сложившееся здесь положение. «Быть русским внутри, славянином вне России»[1] — такими словами определил он свою точку зрения на балканские события. Александр Александрович негативно относился к публиковавшимся на страницах российских газет мнениям о неблагодарности славян, освобожденных от турецкого владычества ценой жизней многих тысяч русских воинов, павших в балканских сражениях с турецкими войсками. Он, вероятно, и решился в 1899 году на опасную поездку по Болгарии, враждебно относившейся к своей освободительнице России, и по все еще оккупированной турками Македонии.

После возвращения в Россию Башмаков опубликовал свои путевые заметки. О своем путешествии по Македонии он писал: «Господа "умные" люди на европейский лад, которых у нас на Руси теперь так много завелось; господа скептики, "раскусившие подлецов-братушек" и сеющие у нас, на всех полянах и нивах нашего отечества, отвращение и презрение к политике сердца и любви, пройдитесь теми же ущельями и стремнинами внутренней Македонии, по которым пробирался я; не пощадите своих холеных телес: забудьте о том, что из-за каждого утеса может вылететь вдогонку безответная "пуля дура" для отпразднования вашего "добре пошел". Пройдитесь по краю с целью прозондировать народную душу, и, когда мимо вас пройдет македонец с опущенными вниз глазами и подавленным беспросветным горем лицом, дерзните подать ему открыто руку, как я это постоянно делал, тут же при мусульманах; посмотрите, как озарится его лицо, как сверкнет в глазах молния еще не назревшей бури и мелькнет на его чертах давно подавленная, но не заглушенная народная гордость! Волшебный жезл, воздвигающий этих мертвецов живыми из гробов, он в ваших руках, господа скептики, без всякого достоинства с вашей стороны, простою лотереею вашей судьбы, потому только, что вас русская мать родила. Этот жезл признает здесь сразу всякий: это — имя России!»[2]

В 1903 году Башмаков работал в комиссии, созданной министром внутренних дел В. К. Плеве для пересмотра законодательства о крестьянах. В 1904—1905 годах он был редактором «Санкт-Петербургского журнала (Journal de St.-Petersburg)», дипломатического

[1] *Башмаков А. А.* За смутные годы. Публицистические статьи и речи. СПб., 1906. С. 41.

[2] *Башмаков А. А.* Болгария и Македония. СПб., 1903. С. 319—320.

журнала, выходившего на французском языке, а во время революции — с октября 1905 года по май 1906 года — издавал газету «Народный голос». Александр Александрович писал на ее страницах: «Мудрое и сильное правительство должно выработать себе твердую программу такого рода: народу дать и реформы, и попечение, и законы, обеспечивающие его развитие и благосостояние, а для бунта существует картечь, и тут вилять нечего»[1].

* * *

Антигосударственная деятельность революционных организаций создавала явную угрозу существованию Русской цивилизации. Закономерной реакцией на эту преступную деятельность стало пробуждение русского национального сознания и, как следствие этого, объединение русских людей, приверженных к традиционной Русской государственности, в патриотические политические организации. После издания 17 октября 1905 года высочайшего «Манифеста об усовершенствовании государственного порядка», вменившего в обязанность правительству «даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», количество подобных организаций стремительно росло. Их список, опубликованный в газете «Око» 17 октября 1906 года, включал в себя такие всероссийские объединения, как «Священный союз народной самоохраны», «Русское братство», «Русское собрание», «Союз Русских людей», «Союз Русского Народа», «Лига патриотов», «Патриотическая лига», «Общество националистов», «Партия Русского Веча», «Партия Минина и Пожарского», «Союз Русских патриотов», «Союз белого знамени», «Всероссийская Отечественная партия», «Партия Сусанина» и многие другие. Следует отметить, что все подобные организации создавались исключительно по инициативе самих русских людей[2]. Правительство впоследствии

[1] *Башмаков А. А.* За смутные годы. Публицистические статьи и речи. С. 177.

[2] К концу 1907 г. патриотические организации действовали в 66 губерниях и областях России. Так, один только «Союз Русского Народа» имел 2124 отделения. Донесения полицейских агентов из различных губерний показывали общую численность членов патриотических организаций, действовавших в России, к началу 1908 г. превышавшую 400 тыс. чел., и это при том, что по многим губерниям данные отсутствовали (см.: Справка Департамента полиции МВД о правых организациях в России // Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. В 2 томах. Том 1. 1905—1910 гг. М., 1998. С. 610—625). Руководство «Союза Русского Народа»

оказывало русским патриотическим объединениям определенную поддержку, но при этом держало их под постоянным полицейским надзором[1]. Основание опасаться таких организаций у российских официальных властей имелось, и весьма серьезное. Главной причиной стихийного возникновения русских патриотических объединений было распространение среди русских людей убеждения, что официальное правительство не способно само по себе защитить традиционные устои Русской государственности и русскую духовную культуру от разрушительных сил[2].

В исторических работах по истории России в период от 1905 до 1917 года царское правительство изображается, как правило, в качестве консервативного и реакционного. В действительности после революции 1905—1907 годов люди, составлявшие аппарат правительственной власти, все более *омасонивались* и проникались *гибельным для России либерализмом*. Реакционное правительство — то есть **правительство, немедленно и адекватно реагирующее на все, что представляло собой угрозу существованию Русского государства,** — спасло бы Россию от революционной катастрофы.

В то время как разнузданная в своих нападках на русских государственных деятелей и на самого государя, примитивная по форме и убогая по содержанию еврейская публицистика не знала, по существу, никаких ограничений со стороны правительства, и так же свободно выходили масонские издания[3] (несмотря на то, что

говорило в то время, что в его отделах, действовавших по всей территории Российской империи, состоит 3 млн чел. Все остальные политические партии сильно уступали по своей численности черносотенным объединениям. Так, в 1907 г. в РСДРП было 167 тыс. человек, в «Союзе 17 октября» — 70 тыс., в партии эсеров — 65 тыс., в кадетской партии — 55 тыс.

[1] Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской империи регулярно составлял для главы правительства справки о русских патриотических организациях. См., например: вышеупомянутый текст «Справки Департамента полиции МВД о правых организациях в России», составленную 5 мая 1908 г.

[2] Член Главного Совета «Союза Русского Народа» А. А. Майков писал в 1907 г.: «Черносотенники желают полного переустройства русской жизни, осуждают всю правительственную политику, как внутреннюю, так и внешнюю, всего последнего времени и желают самых коренных реформ. Но только они домогаются, чтобы реформы эти были произведены в духе русского народа, согласно с его историей, чтобы реформы явились естественным развитием всего созданного русским народом, а не являлись бы насильственным навязыванием чуждых русскому народу учений и учреждений» (*Майков А. А.* Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907. С. 30).

[3] «Русский франкмасон», «Теософский вестник», Гермес», «Изида» и др.

масонские организации были законом запрещены), патриотические, черносотенные, газеты подвергались правительственным гонениям[1].

Император Николай II многократно делал заявления о том, что будет поддерживать черносотенное движение. Так, принимая 23 декабря 1905 года в Александровском дворце Царского Села депутацию черносотенцев, он пожелал «полного успеха Союзу Русского Народа и объединению русских людей, добавив: уповайте на Бога и надейтесь на Меня»[2]. Но все подобные его заявления оказались на деле пустыми фразами. Лев Александрович Тихомиров записал в своем дневнике 19 июля 1910 года: «Промелькнуло царствование Александра III. Началось новое царствование. Нельзя придумать ничего более противоположного! Он просто с первого дня начал, не имея даже и подозрения об этом, полный развал всего, всех основ дела отца своего и, конечно, даже не понимал этого, т. е. значит, не понимал, в чем сущность царствования отца. С новым царствованием на престол взошел "русский интеллигент", не революционного, конечно, типа, а "либерального", слабосильного, рыхлого типа, абсолютно не понимающего законов жизни. Наступила не действительная жизнь, а детская нравоучительная повесть на тему доброты, гуманности, миролюбия и воображаемого "просвещения" с полным незнанием, что такое просвещение. И вот началась за чепухой чепуха, началось все распадаться то внутри, то извне...»[3]. Как показали дальнейшие события, и особенно отречение Николая II в 1917 году от царской власти, которое являлось на деле **отречением от России**, выраженная в приведенных словах характеристика последнего русского императора была верной.

В начале 1906 года Башмаков основал Русскую партию народного центра. В качестве ее лидера он принял участие в Первом Всероссийском съезде Русского собрания, который проходил в Санкт-

[1] Патриотическая газета «Русское знамя» постоянно привлекалась правительственными чиновниками к ответственности, за пять лет своего существования она заплатила штрафов на общую сумму 550 тысяч рублей. Редактор патриотической московской газеты «Вече» В. Оловянников за публикации, неугодные либерально настроенным сановникам, был арестован и зимой в одной рубашке доставлен в тюрьму. Заболев воспалением легких, он в совсем еще молодом возрасте умер там.

[2] Прием государем императором депутации от Союза Русского Народа // Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. В 2 томах. Том 1. 1905—1910 гг. С. 100.

[3] *Тихомиров Л. А.* Из дневника // Красный архив. 1936. № 1(74). С. 175.

Петербурге с 8 по 12 февраля того же года, и во Втором съезде Русских людей, состоявшемся в Москве спустя два месяца — с 6 по 12 апреля.

В резолюциях, принятых Первым Всероссийским съездом Русского собрания, было выражено решение «признавать дружественными и объединяться только с партиями, которые, начертав на своем знамени **"За веру, царя и отечество"**, принимают следующие положения: 1. Манифестом 17 октября не введена конституция, и самодержавная неограниченная Царская власть остается в полной силе. 2. Россия составляет одно нераздельное целое под властью неограниченного Самодержавного Царя. 3. Ни под каким наименованием не должен быть допущен созыв Учредительного собрания. 4. Твердая власть и законный порядок должны быть восстановляемы правительством всеми предоставленными ему законными средствами. 5. Одной из главных забот правительства в настоящее время должно быть земельное благоустройство крестьян, без ущерба для прочих исторически сложившихся классов населения»[1].

Второй съезд Русских людей был собранием уполномоченных от русских монархических и патриотических союзов, братств, обществ, кружков и партий, возникших в конце 1905 — начале 1906 года во множестве городов Российской империи. На нем были представлены такие организации, как «Союз Русского Народа», «Русское собрание», «Всероссийский Союз землевладельцев», «Кружок Русских студентов в Петербурге», «Киевское Русское Братство», «Саратовская Народно-Монархическая Партия», «Владимирский Патриотический Союз», «Гомельская Партия Патриотов», «Славянский Союз Русского Народа», «Тифлисское Патриотическое Общество», «Патриотическое Содружество Рабочих в Киеве», «Кирилло-Мефодиевское Братство в Киеве», такая же организация в Бердичеве, «Громада Верных Сынов России в Архангельске», «Союз Поборников Русской Исторической Государственности», «Царско-Народное Общество в Казани», «Самарская Партия Русских Людей» и многие другие[2].

В постановлениях Второго Всероссийского съезда Русских людей содержалось решение, «ввиду обостряющегося нестроения цер-

[1] Резолюции Всероссийского съезда Русского собрания в С.-Петербурге 8, 9, 10, 11 и 12 февраля 1906 г. // Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. В 2 томах. Том 1. 1905—1910 гг. С. 126.

[2] См.: Постановления Второго Всероссийского съезда Русских людей // Там же. С. 148.

ковной и государственной жизни, возбудить ходатайство перед Государем Императором и пред митрополитами С.-Петербургским Антонием, Московским Владимиром и Киевским Флавианом о скорейшем созыве, не позже первых осенних месяцев сего 1906 года, в Москве Собора всех епископов Русской Православной Церкви», говорилось о необходимости «издавать богослужебные книги для народного употребления по самой дешевой цене», признавалось, что «Государственная Дума в том составе, который определился выборами, не может быть признана выразительницей истинных убеждений Русского народа»[1]. Кроме того, съезд заявлял, что «земельная, как и всякая другая собственность должна быть неприкосновенна. И никакие меры, направленные к успокоению возникшей смуты, не должны касаться права собственности»[2].

Признав необходимым обеспечить защиту русских народных интересов в области финансовой и экономической деятельности, Второй Всероссийского съезд русских людей постановил ходатайствовать перед правительством: «а) о неотложном принятии решительных мер к освобождению естественных богатств России от их зависимости от иностранного капитала и к возможно широкому развитию всякого внутреннего производительного труда в области промышленности добывающей и обрабатывающей; б) о возможной бережливости в расходовании государственных средств и строгом его соответствии действительным нуждам и потребностям народа»[3].

Съезд уделил большое внимание состоянию школьного образования в России. Он констатировал: «Русская школа находится в таком крайнем упадке и разложении, что необходимо вновь создавать ее с самых оснований; никакие частичные преобразования недостаточны. Основным средством воссоздания русской школы должны служить розыскание, подбор и объединение людей и воспитание новых школьных деятелей, но не издание узаконений, уставов и учреждений, хотя бы проникнутых самыми благими намерениями»[4].

В сжатом виде политическая платформа Второго Всероссийского съезда Русских людей была выражена в его обращении к им-

[1] Постановления Второго Всероссийского съезда Русских людей. С. 149.
[2] Там же. С. 150.
[3] Там же. С. 152.
[4] Там же. С. 153.

ператору Николаю I. В этом документе говорилось: «Созванный по почину Всенародного Русского Союза в Москве, Всероссийский Съезд Русских Людей, прибывших с разных концов России, возносится Господу Богу молитвы о здравии Вашего Императорского Величества и всей Августейшей Семьи Вашей, верноподданнически свидетельствует неизменность своих государственных исповеданий, полагающих во главу угла неограниченное Самодержавие Ваше, освященное помазанием на царство среди родных святынь Москвы. Вместе с тем Съезд единогласно постановил повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества горячую верноподданническую просьбу обратить Ваше Царское внимание на то, чтобы положить предел дальнейшим завоеваниям международным капиталом русского труда и естественных богатств России и дать ей возможность развивать впредь свои силы и на народных самобытных началах, согласно великодушным предначертаниям ее возлюбленного Самодержавного Монарха»[1].

Русофобствовавшие публицисты окрестили появившееся в России русское патриотическое движение «черной сотней». В их представлении определение «черный» имело уничижительное значение и позволяло изобразить патриотически настроенных русских людей «темной силой», маргинальной группировкой. *Русофобы — кем бы они ни были — всегда плохо знают русскую историю*. Можно даже сказать, что **русофобия — самая тяжелая форма невежества в области русской истории**. Словосочетанием «черная сотня» на Руси именовались самоуправленческие организации тяглового населения городского посада — рядовых торговцев и ремесленников. В. О. Ключевский, рассматривая в одной из своих лекций по русской истории состав Земского собора 1598 года, отмечал: «Высшее купечество составилось из *гостей* и из торговых людей двух *сотен*, *гостинной* и *суконной*, гильдий своего рода; рядовая торгово-промышленная масса столицы образовала несколько *черных сотен* и *слобод,* которые можно приравнять к промысловым цехам. На собор 1598 г. вызваны были 21 человек гостей, старосты высших сотен и 13 сотских черносотенных обществ»[2]. *Черносотенцы* отличались духом патри-

[1] Всеподданнейшее обращение Второго Всероссийского съезда Русских людей // Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. В 2 томах. Том 1. 1905—1910 гг. С. 147.

[2] *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 томах. Том 2. Курс русской истории. Часть 2. М., 1987. С. 357.

отизма и потому были самой боеспособной частью народного ополчения, поднимавшегося на защиту русских городов и селений от внешнего врага. Дмитрий Донской сражался с войсками Мамая на Куликовом поле в простой одежде и под *черным* знаменем[1] — надо думать, в отряде ополчения из простых жителей московского городского посада. Именно отряды *черной сотни* составили нижегородское ополчение, которое под руководством Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского освободило Москву от польских оккупантов в 1612 году и прекратило смуту, губившую Россию.

Владимир Андреевич Грингмут (1851—1907), руководитель созданной в апреле 1905 года «Русской Монархической партии», которая впоследствии вошла в состав «Союза Русского Народа», писал в «Руководстве черносотенца-монархиста», опубликованном 3 июня 1906 года в газете «Московские ведомости»:

«1. ЧТО ТАКОЕ ЧЕРНОСОТЕНЦЫ-МОНАРХИСТЫ? Черносотенцы-монархисты — это тысячи, миллионы, это — весь Православный Русский народ, остающийся верным присяге Неограниченному Православному Царю.

2. ОТКУДА ЭТО НАЗВАНИЕ «ЧЕРНОСОТЕНЦЫ-МОНАРХИСТЫ»? Враги Самодержавия назвали черносотенцами-монархистами тот простой, черный Русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 г. стал на защиту своего Самодержавного Царя.

3. ПОЧЕТНОЕ ЛИ НАЗВАНИЕ «ЧЕРНОСОТЕНЦЫ-МОНАРХИСТЫ»? Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников, и к этой славной черной сотне присоединился и князь Пожарский с верными Царю Русскими боярами. Все они были настоящими «черносотенцами», и все они стали, как и нынешние «черносотенцы-монархисты» на защиту Православного Монарха, Самодержавного Царя». Отвечая же на вопрос «К ЧЕМУ СТРЕМЯТСЯ ЧЕРНОСОТЕНЦЫ-МОНАРХИСТЫ?», Грингмут декларировал: «К тому, чтобы воссоздавалась могущественная, единая и неделимая Россия, и восстанавливалась грез-

[1] «Утвръдивъ же плъкы, и пакы прииде (т. е. укрепив полки, и снова пришел) *под свое знамя черное* и ссѣде с коня и на инъ конь всяде и съвлече с себя приволоку (т. е. одежду) царьскую и въ ину облечеся» (курсив мой. — *В. Т.*), — рассказывается в «Сказании о Мамаевом побоище» (Библиотека литературы Древней Руси. Том 6. XIV — середина XV века. СПб., 1999. С. 174).

ная сухопутная и морская ее сила; к тому, чтобы Россия управлялась Неограниченным Самодержавным Государем, и чтобы государя не отделяли от народа ни чиновники, ни Думцы; чтобы внутренний порядок и всестороннее, свободное развитие государственных и народных сил строго ограждались твердыми законами, на полное благополучие России и в согласии с ее вековечными историческими основами».

Александр Александрович Башмаков считал черносотенство своим внутренним состоянием и гордился тем, что проникся им до глубины души и навечно. «Я неизлечимо заразился "черносотенством"»[1], — заявлял он в 1906 году, подчеркивая крайнюю степень своей причастности к этой идеологии. Объявляя себя не просто сторонником черносотенства, но черносотенцем по самым глубоким своим убеждениям, Башмаков совершал мужественный поступок. Волна разнузданного кровавого террора, развязанного революционерами против тех, кто олицетворял собой традиционную Русскую государственность[2], не обошла черносотенцев стороной. Террористы бросали в них бомбы во время манифестаций, взрывали их дома, стреляли в них и в их родственников из револьверов[3]. Революционный террор сопровождался кампанией травли русских патриотов в органах периодической печати, возглавлявшихся ненавистниками исторической России. Черносотенцы обвинялись во всех грехах, какие только можно было на них взвалить. Одним из самых распространенных обвинений в их адрес было обвинение в юдофобстве. Естественно, что ярлык «юдофоба» клеили и к А. А. Башмакову.

Черносотенцы действительно относились к евреям резко отрицательно, однако национальный фактор не играл здесь никакой роли: среди руководителей и членов черносотенных объединений бы-

---

[1] *Башмаков А. А.* За смутные годы. Публицистические статьи и речи. С. 248.

[2] Точное количество жертв этого разнузданного антирусского террора установить трудно, приблизительные же подсчеты дают цифру убитых в период 1905—1907 гг., намного превышающую 5000 человек. В. М. Пуришкевич специально собирал данные о жертвах революционного террора в этот период и публиковал их в томах «Книги Русской Скорби». В одной из своих речей в Государственной Думе он сказал, что, по его подсчетам, «число раненых, искалеченных и убитых террористами "Освободительного Движения" определяется в двадцать тысяч человек» (Счет В. М. Пуришкевича // *Шульгин В. В.* «Что нам в них не нравится...»: Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 265).

[3] См.: *Булацель П. Ф.* Борьба за правду. СПб., 1908. Т. 1. С. 113, 138.

ли и этнические евреи[1]. Так, евреем по рождению являлся один из основателей черносотенного движения В. А. Грингмут. Евреем был и такой видный черносотенец (впоследствии сотрудник П. А. Столыпина) И. Я. Гурлянд. Евреями были некоторые руководители черносотенных групп в учебных заведениях. В середине августа 1909 года В. В. Розанов сообщал М. О. Гершензону: «Знаете ли Вы, что в Петербургском *университете* в крошечной группе «союза русского народа» во главе стоит еврей, говорят — хромой и безобразный, студент»[2]. В феврале 1910 года в Одессе было создано «Общество евреев, молящихся за царя», которое вошло в состав черносотенного движения[3]. Слово «*черносотенное*» вполне сочеталось, таким образом, со словом «*еврейское*».

Евреи были ненавистны русским патриотам *не в качестве этнической группы, но как антирусская, антигосударственная политическая сила*. Так, Второй Всероссийский съезд Русских людей, в работе которого участвовал, как выше указывалось, и Башмаков, принял следующие постановления относительно евреев:

«19) Согласно собственному утверждению евреев в Талмуде, и вследствие неизменности их образа действия во все времена, даже после эмансипации на Западе, а также имея в виду сионизм, как учение передовых евреев, — признать, что этот народ не может и не желает сливаться с другими народами и стремится единственно к своему над ними господству, а потому в законодательном порядке приравнять евреев к иностранцам со следующими ограничениями и дополнениями:

20) Не допускать евреев: а) на государственную и общественную службу, равно как и к пользованию политическими правами в России, и б) к отбыванию воинской повинности, обложить их особым, на военные цели, налогом.

---

[1] Были среди черносотенцев и немцы по своему происхождению (граф Н. Ф. Гейден, барон Г. Г. Розен, Н. А. Энгельгардт и др.), и молдаване (В. М. Пуришкевич, гордо именовавший себя «истинно русским человеком», П. А. Крушеван, П. Ф. Булацель и др.). Помимо людей православной веры в состав черносотенных организаций входило немало и тех, кто исповедовал ислам. Так, три отдела «Царско-Народного Русского Общества», действовавшего в Казанской губернии, целиком состояли из мусульман, 15% всех отделов были в этой губернии чувашскими.

[2] Переписка В. В. Розанова с М. О. Гершензоном. 1908—1918 / Вступительная статья, подготовка текста, примечания В. Проскуриной // Targum. М., 1991. Вып. 2. С. 197.

[3] См.: Союз Русского Народа. М.-Л., 1929. С. 296—297.

21) В ограждении Русского молодого поколения от тех бедствий, которыми постигнуто оно ныне, и во имя будущего Русской земли, закрыть евреям доступ в правительственные и общественные учебные заведения, — с предоставлением еврейству права устраивать, под надзором Правительства, собственные низшие и средние училища, — вольные же университеты запретить.

22) Для устранения вреда и опасностей, которыми грозит нынешняя иудаизация периодической печати и телеграфных агентств, принять действительные меры к удалению из этой области еврейского элемента, или же, хотя бы к его решительному обузданию, установив строгие материальные и нравственные тому гарантии»[1].

Еще более резко формулировалась позиция черносотенцев по еврейскому вопросу в «Избирательной программе», принятой I Всероссийским съездом уполномоченных отделов «Союза Русского Народа» 2 сентября 1906 года. «Евреи в течение многих лет, и особенно в последние два года, — говорилось в ней, — вполне выказали непримиримую ненависть к России и ко всему русскому, свое невероятное человеконенавистничество, свою полную отчужденность от других народностей и свои особые иудейские воззрения, которые под ближним разумеют одного только еврея, а в отношении христиан-гоев допускают всякие беззакония и насилия, до убийства включительно.

Как известно и, как заявляли неоднократно сами евреи в своих «МАНИФЕСТАХ» и п р о к л а м а ц и я х, — переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России — с ежедневными убийствами десятков верных долгу и присяге честных слуг ЦАРЯ и Родины, — все это дело рук почти исключительно евреев и ведется на е в р е й с к и е д е н ь г и.

Русский Народ, сознавая все это и имея полную возможность, пользуясь своим правом ХОЗЯИНА ЗЕМЛИ РУССКОЙ, мог бы в течение одного дня подавить преступные желания евреев и заставить их преклониться пред его волей, пред волей Державного ХОЗЯИНА ЗЕМЛИ РУССКОЙ, но, руководясь высшими задачами христианского вероучения и слишком сознавая свою силу для того, чтобы отвечать им насилием, избрал другой путь для решения ев-

[1] Постановления Второго Всероссийского съезда Русских людей // Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. В 2 томах. Том 1. 1905—1910 гг. С. 150—151.

рейского вопроса, являющегося одинаково РОКОВЫМ вопросом для всех цивилизованных народов:

Принимая во внимание, что в последние годы евреи сами всеми способами стремятся к переселению в Палестину и, главным образом, к образованию собственного государства, и находя, что выселение их из всех стран, в которых они ныне проживают, является единственным верным средством для избавления человечества навсегда от зла, какое для него представляют евреи, СОЮЗ РУССКОГО НАРОДА будет всеми мерами стремиться, чтобы его представители в ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ прежде всего выдвинули вопрос об образовании еврейского государства, о содействии их выселению в это государство, каких бы материальных жертв такое выселение ни потребовало от Русского Народа»[1].

Факт ненормально широкого участия евреев в революционной деятельности, направленной на разрушение традиционного Русского государства, был несомненным. По подсчетам современного американского историка (выходца из России) Анны Гейфман, в 1903 году евреи составляли в России 50% членов революционных организаций[2]. В интервью, опубликованном в «Русском журнале» 17 декабря 1997 г., Гейфман говорила, что «среди людей, арестованных в 1905 году за политические преступления», евреи составляли половину[3].

Евреи доминировали и в газетах либерально-бульварного характера, которые отличались особой разнузданностью в нападках на Русское государство и церковь, русского царя и русские традиционные политические идеалы, оплевывали русские святыни, русскую историю и русскую культуру, насаждали в умах аморализм, вседозволенность в бытовом поведении и безудержное стяжательство в предпринимательстве.

---

[1] Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную Думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН и обязательная для всех отделов // Там же. С. 191—192.

[2] *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894—1917 гг. М., 1997. С. 47.

[3] Среди арестованных по обвинению в преступной антигосударственной деятельности в 1905—1907 гг. 33% составляли евреи (при общей доле их в населении Российской империи, не превышавшей 4%). На 100 тыс. русских приходилось 4 человека, привлеченных к уголовной ответственности по политическим делам, а на 100 тыс. евреев — 38 человек (см.: *Арцыбашев М. М.* Грядущая гибель России. СПб., 1908. С. 111).

Между тем политическое ядро черносотенного движения составляли иерархи Русской Православной Церкви[1], историки[2], литераторы[3], языковеды[4], правоведы[5], врачи[6], чиновники[7], отставные офицеры и генералы[8] — те, кто, составлял цвет русской нации, — люди, которые трепетно относились к русским святыням, к русской истории и культуре, исповедовали нестяжание, превосходство духовных ценностей над материальными, подчинение поведения человека моральным нормам. Целью их жизни было служение Русскому государству. Как могли эти люди относиться к систематическому надругательству еврейских публицистов над тем, что ценили в своей жизни больше всего? Естественно, что они пытались защитить Русскую государственность от подрывной деятельности еврейских революционеров и спасти русские духовные ценности от нападок со стороны еврейских публицистов.

Впрочем, не желая уважать нравственные и культурные ценности русского народа, не скрывая оголтелой ненависти к Русской

---

[1] Среди них были такие авторитетные церковные идеологи и деятели, как Иоанн Кронштадтский (канонизированный в 1990 г. Русской Православной Церковью), архиепископ Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий), митрополит Серафим (Чичагов), архиепископ Андроник (Никольский), епископ Макарий (Гневушев), архимандрит (впоследствии архиепископ) Виталий (Максименко), протоиерей Иоанн Восторгов и др.

[2] Среди них можно назвать профессоров П. А. и Ю. А. Кулаковских, Н. П. Лихачева, Д. И. Иловайского, А. С. Вязигина.

[3] Одним из организаторов и членом Совета Русского Собрания был поэт и мыслитель В. Л. Величко. Активную роль в черносотенном движении играли литераторы князья Д. П. Голицын и М. Н. Волконский, С. А. Нилус, А. С. Суворин. Не входили в черносотенные объединения, но по духу были черносотенцами Л. А. Тихомиров, М. О. Меньшиков и В. В. Розанов, С. Н. Булгаков.

[4] В числе их следует прежде всего назвать филолога-слависта академика А. И. Соболевского (1856—1929), который был членом Главного Совета, товарищем (заместителем) председателя Союза Русского Народа.

[5] Помимо А. А. Башмакова, активную роль в черносотенном движении играл правовед, поэт и литературовед Борис Владимирович Никольский (1870—1919), правовед, историк, прозаик, драматург, публицист Илья (Илия-Максимилиан) Яковлевич Гурлянд (1868 — после 1921).

[6] Самым известным среди них был терапевт С. С. Боткин (1859—1910).

[7] Среди них можно назвать министра юстиции (в 1906—1915 гг.) И. Г. Щегловитова, министра внутренних дел (в 1913—1915 гг.) Н. А. Маклакова, товарища обер-прокурора Синода князя Н. Д. Жевахова, члена Государственного совета А. А. Римского-Корсакова, князя А. А. Ширинского-Шихматова и др.

[8] Членом Совета Русского Собрания был, в частности, герой русско-японской войны, военный инженер, профессор Николаевской инженерной академии, генерал-майор К. И. Величко.

государственности, еврейские публицисты пренебрегали интересами и собственного этноса. Об этом открыто писал в 1909 году видный деятель сионистского движения В. Е. Жаботинский: «Передовые газеты, содержимые на еврейские деньги и переполненные сотрудниками-евреями до сих пор, несмотря на наши вопли, игнорируют еврейские нужды... Когда евреи массами кинулись творить русскую политику, мы предсказали им, что ничего доброго отсюда не выйдет ни для русской политики, ни для еврейства»[1].

Русский философ Л. П. Карсавин отличал таких евреев, с одной стороны, от «религиозно-национального и религиозно-культурного еврейства» и, с другой стороны, от «совершенно ассимилированного тою либо иною национальною культурою», называя их евреями-интернационалистами, революционерами по природе. «Вот об этом последнем типе евреев мы до сих пор и говорили», — отмечал он в своей статье «Россия и евреи», впервые опубликованной в 1928 году. По его словам, «признание того, что он существует, описание отличительных его черт, даже оценка его с точки зрения религиозных и культурных ценностей являются не антисемитизмом, а научно-философскими познавательными процессами. Научное познание не может быть запрещаемо и опорочиваемо на том основании, что приходит к выводам, для нервозных особ неприятным»[2].

Характеризуя выделенный им тип, Карсавин отмечал, что он «уже не еврей, но еще и не “нееврей”», но некое промежуточное существо — «культурная амфибия». По этой причине он одинаково обижается и когда его называют евреем, и когда отказываются считать таковым. Данный тип склонен к деятельности, которая неизбежно оборачивается «нигилистической разрушительностью». Он является «врагом всякой национальной органической культуры (в том числе и еврейской)». Поэтому, выводил отсюда русский философ, «*денационализирующееся и ассимилирующееся еврейство — наш вечный враг, с которым мы должны бороться также, как оно борется с нашими национально-культурными ценностями. Это — борьба неустранимая и необходимая*»[3].

---

[1] *Жаботинский Владимир (Зеев).* Избранное. Иерусалим—Санкт-Петербург, 1992. С. 72—73.

[2] *Карсавин Л. П.* Россия и евреи // Тайна Израиля. «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX — первой половины XX века. СПб., 1993. С. 414.

[3] Там же. С. 416.

Против такого именно еврейства и боролись черносотенцы. Именно это — «денационализирующееся и ассимилирующееся» — еврейство имелось в виду в программных документах «Союза Русского Народа». Призывая к созданию еврейского государства и к выселению евреев из России в данное государство, черносотенцы предлагали, по существу, единственно возможный способ устранения евреев-интернационалистов с русской политической арены. Оказавшись в собственном государстве, «денационализирующееся и ассимилирующееся еврейство» — пусть не сразу, пусть во втором или третьем поколении, — но неизбежно стало бы превращаться в еврейство религиозно-национальное и религиозно-культурное.

В работах по истории России начала XX века до сих пор встречаются утверждения о том, что именно черносотенцы были организаторами еврейских погромов. Авторы таких утверждений по меньшей мере проявляют тем самым свое невежество, если не искажают исторические факты сознательно. Почти все еврейские погромы произошли в России до ноября 1905 года (первый из них и действительно страшный имел место в Кишиневе 7—8 апреля 1903 г.), то есть до того, как возникли первые черносотенные организации, и в том числе «Союз Русского Народа». После этого было два или три погрома[1], но случились они на территории царства Польского, где черносотенных организаций из-за малочисленности русского населения не существовало вовсе. Непричастность черносотенцев к еврейским погромам и к убийствам еврейских политических деятелей является очевиднейшим фактом. Программные, идеологические установки черносотенных организаций предполагали исключительно мирные формы противодействия антирусской, антигосударственной деятельности «денационализирующегося и ассимилирующегося» еврейства. Не случайно в программе «Союза Русских Людей» говорилось: «*Мы с радостью приветствовали бы братство и равноправие с евреями*, если бы история всего мира неопровержимыми фактами не доказывала, что народ Израильский во все времена своей самостоятельной или государственной жиз-

[1] «Начиная с 1907 года погромов уже вообще не было, если не считать позднейшего военного — то есть по самой своей сути погромного — времени, когда громилась вся Россия вообще», — констатировал в своей книге «"Черносотенцы" и Революция» специально исследовавший этот вопрос выдающийся русский литературовед и историк Вадим Валерианович Кожинов (*Кожинов В. В.* «Черносотенцы» и Революция (загадочные страницы истории). 2-е изд., доп. М., 1998. С. 101—102).

ни или в качестве пришельца являлся народом, преследующим свои исключительные права на миродержавство и принципиально враждебным всем другим племенам, на которые он из своей национальной общины смотрел только как на предмет всесторонней эксплуатации, руководствуясь при этом явно антисоциальными побуждениями» (курсив мой. — *В. Т.*).

Один из основателей черносотенного движения В. А. Грингмут говорил в одной из своих речей своим сторонникам о противности террора и убийств идеологии черносотенцев: «*Никогда не смейте об этом и думать, помните, что всякий, кто борется за известную идею, никогда не будет убивать, иначе этим он распишется в том, что не верит в торжество своей идеи. Действительно жизнеспособная, действительно святая идея может орошаться кровью только своих приверженцев. Каждая новая жертва из наших рядов приближает нас к победе, но да будет стыдно тому, кто подумает поднять братоубийственную руку против своего врага: этим он наложит позорное пятно на наше святое дело! Мирным путем, устилая его нашими трупами и ни одной йоты не уступая из наших верований, мы дойдем до нашей цели, мы одержим победу*».

Провозглашая лозунг «Россия для русских!», черносотенцы совсем не имели в виду, что на территории Российской империи должны проживать только русские. Они подразумевали в данном лозунге лишь то, что «русской национальности, собирательнице земли Русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежит первенствующее значение в государственном строительстве» и «русский язык есть господствующий язык Российской империи для всех населяющих ее народов». При этом в программе «Союза Русского Народа» пояснялось, что «Союз не делает различия между великороссами, белороссами и малороссами» и что эта организация считает необходимым добиваться положения, когда «все учреждения Государства Российского объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, но на строгих началах законности, дабы множество инородцев, живущих в нашем Отечестве, считали за честь и за благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготились бы своей зависимостью».

Русские люди в представлении черносотенцев — это все те, кто остается и в смутах приверженным к Русскому государству. Мусульмане и немцы в период революции 1905—1907 годов остались «вер-

ными престолу и русской государственности», поэтому черносотенцы считали их «истинно-русскими людьми».

В изложении А. А. Башмакова лозунг «Россия для русских!» преломлялся в следующие формулы: «Государственный наш строй сложен русскими, а потому и должен черпать свою завтрашнюю силу из того же начала, оставаясь русским и устраняя из своих недр те течения, которые способны его привести к разложению народности, или денационализации». «Рост России был и есть рост внутренний, а не рост колониальный. Рост внутренний есть своеобразный процесс, духовная сторона коего совершенно иная, ибо он сопровождается ростом национального самосознания и единства... Поэтому не может быть у русских государственных людей более возвышенной цели, как содействие такому окончательному порядку вещей, когда житель Закавказья, Самарканда или берегов Амура будет считать себя таким же русским, как житель Костромы, и его русский коренной житель никогда не упрекнет тем, что в его жилах будет течь кровь нынешних армян, сартов или гиляков».

* * *

В мае 1906 года А. А. Башмаков был назначен, по предложению Петра Аркадьевича Столыпина, главным редактором «Правительственного вестника». Эту должность Александр Александрович занимал до убийства Столыпина в 1911 году. Его государственную деятельность Башмаков считал подвигом русского витязя, сложившего голову за свою Родину на поле брани. Об этом подвиге он написал книжечку, которой дал знаменательное название — «Последний витязь», а себя как автора наименовал столь же знаменательным псевдонимом — «Вещий Олег». Вышло в свет это произведение в 1912 году[1]. Башмаков писал в ней: «Нашей среде свойственна в изумительной степени черта, которая приобрела почти значение фатального закона: *глохнут крупные силы*; *всплывает мелочь*. И в этом отношении, какая-то фея как будто наворожила над колыбелью Петра Аркадьевича. Ему повезло. Про него этот всесильный закон, красной нитью проходящий через все направления, настроения, моменты, — “закон” оказался “неписанным”. По какому-то благословению судеб его личность прорвала тенета этого кошмарного “закона” и в этом самая значительная доля его жизненного

[1] В 1997 году она была переиздана в саратовском издательстве «Соотечественник» Культурным центром имени П. А. Столыпина.

счастья. Но такой успех дается не даром. Когда сильная личность прорвет подобные тенета, она терпит от губительных трений; ей дается судьбой как будто поручение на срок: твори — но помни, твое исчезновение не за горами!»[1]

С 1910 года Башмаков одновременно являлся издателем-редактором выходившего в Санкт-Петербурге на французском языке журнала «Revue contemporaine». Данный журнал имел славянофильскую направленность и был предназначен для европейских франкоязычных читателей.

В феврале 1916 года А. А. Башмаков посетил Англию как представитель газеты «Новое время» в составе делегации писателей и журналистов из России, приглашенных от имени британского правительства. До норвежского порта делегация, в которую входили, кроме него, Корней Иванович Чуковский, Алексей Николаевич Толстой, Владимир Дмитриевич Набоков, Василий Иванович Немирович-Данченко, Ефим Александрович Егоров и корреспондент лондонской газеты «Тайм» в Петрограде Роберт Арчибальд Уилтон, ехала поездом через Финляндию и Швецию. Чуковский довольно подробно описал это путешествие в письмах к жене Марии Борисовне Голдфельд. В письме, написанном ей 4 февраля 1916 года из Швеции, он дал характеристики своим спутникам. Об Александре Александровиче Корней Иванович сообщил: «Башмаков, бывший редактор "Правительственного вестника", держится в стороне: лысый, юдофоб, очень ученый, по образованию — юрист, с самого Питера начал готовить ту речь, которую он скажет в Лондоне, читает "Историю Англии" и подчеркивает эффектные места».

После захвата власти большевиками Башмаков перебрался на юг России. Некоторое время он состоял в качестве помощника главноуполномоченного Красного Креста при генерале А. И. Деникине. Поражение Белой армии заставило его покинуть Россию. Оставаться в стране, захваченной группировкой евреев-интернационалистов, было для патриота-черносотенца равнозначно неминуемой гибели.

Большевистские комиссары-евреи развернули настоящую охоту на тех, кто состоял, хотя бы некоторое время, в черносотенных объединениях или же сочувствовал черносотенному движению.

---

[1] *Вещий Олег.* Последний витязь. Памяти П. А. Столыпина. Саратов, 1997. С. 11.

5 сентября 1918 года были расстреляны без суда и следствия Н. А. Маклаков и И. Г. Щегловитов.

«20 сентября 1918 г. на берегу Валдайского озера, среди бела дня, на глазах у перепуганных "валдашей" и шестерых малолетних детей»[1] был расстрелян Михаил Осипович Меньшиков. По свидетельству очевидцев, перед смертью он молился на Иверский монастырь, хорошо видимый с места расстрела. Первый глава Временного правительства князь Львов в 1917 году предлагал Меньшикову уехать с семьей за границу, но Михаил Осипович отказался, не желая лишать своих детей Родины — горячо любимой им России.

Борис Владимирович Никольский также остался в России. В первой половине 1919 года он, чтобы прокормить семью, читал лекции в Военно-научной секции Всеобуча в Петрограде. В начале июня его арестовали. 12 июня 1919 года было издано следующее постановление Петроградской губернской ЧК: «Гражданина Никольского, как убежденного организатора Союза Русского Народа, проникшего в военную организацию с целью шпионажа, — расстрелять; дело следствием прекратить и сдать в архив». Какие-либо факты шпионажа в следственном деле отсутствовали. Зинаида Гиппиус записала в дневнике: «Недавно расстреляли проф. Никольского. Имущество его и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались дочь 18 лет и сын 17-ти. На днях сына потребовали во "Всеобуч"... Он явился. Там ему сразу комиссар с хохотком объявил (шутники эти комиссары!): "А вы знаете, где тело ваше папашки? Мы его зверькам скормили"... Объявление так подействовало на мальчика, что он четвертый день лежит в бреду».

* * *

Первые годы своей эмигрантской жизни А. А. Башмаков провел, по всей видимости, как и многие русские эмигранты, в Сербии (в городе Нови Сад была издана его брошюра «Кристализация русского монархизма»), но затем обосновался во Франции.

В 1922 году Александр Александрович вступил во второй брак: его супругой стала Мария Осиповна Грузинова (1876—1959). В 1936 году в Парагвае во время революционных событий был убит его сын Владимир. До самой смерти своей Башмаков, будучи уже в пре-

[1] *Меньшикова О. М.* Предисловие // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Вып. 4. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. С. 6.

клонном возрасте, писал статьи и книги, преподавал во французских учебных заведениях: в Школе антропологии и в Институте палеонтологии человека, был сотрудником Французской Академии изящной словесности.

Самым значительным его произведением эмигрантского периода жизни стала вышедшая в 1937 году в Париже на французском языке книга «Пятьдесят веков этнической эволюции вокруг Черного моря». Она получила большую известность в среде русских эмигрантов. Иван Александрович Ильин опирался на материал указанного этнографического исследования при работе над статьей «Россия есть живой организм»[1], опубликованной в 1950 году в периодическом бюллетене эмигрантской организации «Русский Обще-Воинский Союз»[2].

Обосновывая свой вывод об органическом единстве России, он писал: «Выдающийся русский антрополог нашего времени, пользующийся мировым признанием, профессор А. А. Башмаков, устанавливает замечательный процесс *расового синтеза*, осуществившегося в истории России и включившего в себя все основные народности ее истории и территории. В результате этого процесса получилось некое величавое органическое "*единообразие в различии*".

Именно в этом единообразии при различии, пишет Башмаков, "лежит *ключ к русской загадке*, которая сочетает эти два противоположные начала в единое устойчивое и умеряющее соотношение; в нем *резюмируется вся история этих десяти веков*, разрешивших между Эвксинским Понтом и пятидесятой параллелью ту проблему, которую *другие расы тщетно пытались разрешить*, и которая состояла *в творческом закреплении человеческих волн, вечно обновлявшихся и вечно распадавшихся*. Этот *русский успех*, там, *где сто других различных рас потерпело неудачу*, должен непременно иметь антропологический эквивалент, формулу, резюмирующую... выражение этой *исторической мощи*, которая привела к успеху *после тысячи лет приспособления славянской расы*.

Вот эта формула. *Русский народ, славянский по своему языку, смешанный по крови и по множественной наследственности*, роднящей

---

[1] См. подробнее о содержании этой статьи, раскрывающей глубинный смысл русской истории, в очерке, посвященном И. А. Ильину, который помещен в конце второго тома настоящей книги.

[2] В 1956 г. все 215 выпусков этого бюллетеня, содержавших статьи И. А. Ильина, были изданы в двух томах под названием «Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг.».

его со всеми расами, сменявшими друг друга до него на русской равнине, — представляет собою в настоящее время *некую однородность, ярко выраженную в черепоизмерительных данных и весьма ограниченную в объеме уклонений от центрального и среднего типа представляемой им расы*. В противоположность тому, что все воображают, — *русская однородность есть самая установившаяся и самая ярко выраженная во всей Европе*...”

Американские антропологи исчислили, что вариации в строении черепа у населения России не превышают 5 пунктов на сто, тогда как французское население варьирует в пределах 9 пунктов, а итальянское — в пределах 14 пунктов, причем средний череповой тип чисто-русского населения занимает почти середину между нерусифицированными народами Империи. Напрасно также говорят о “татаризации” русского народа. На самом деле в истории происходило обратное, т. е. *русификация иноплеменных народов*: ибо иноплеменники на протяжении веков “умыкали” русских женщин, которые рожали им *полурусских детей*, а русские, строго придерживавшиеся национальной близости, не брали себе жен из иноплеменниц (чужой веры! чужого языка! чужого нрава!); напуганные татарским игом, они держались своего и соблюдали этим свое *органически-центральное чистокровие*. Весь этот вековой процесс “*создал в русском типе пункт сосредоточения всех творческих сил, присущих народам его территории*”». (См. труд А. А. Башмакова, вышедший на французском языке в 1937 году в Париже «Пятьдесят веков этнической эволюции вокруг Черного моря»)[1].

Умер Александр Александрович Башмаков в 1943 году. Похоронили его на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

* * *

Творческое наследие правоведа, историка, этнографа, ученого, поэта и публициста А. А. Башмакова огромно по своему объему и чрезвычайно ценно для русского общества по своему идейному содержанию. Оно включает в себя свыше трех сотен научных и публицистических работ по различным проблемам юриспруденции, политики, истории славянских народов, а также ряд художественных произведений, отражавших мировоззрение русского мыслите-

[1] *Ильин И. А.* Россия есть живой организм // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 2. Кн. 1 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1993. С. 302—304.

ля, — таких, например, как вышедший в 1912 году сборник его стихов под названием «Славянские струны».

Башмаков не был кабинетным ученым, оторванным от реальной жизни. Первые два десятилетия XX века оказались переломными в судьбе России, и он, как истинный патриот, — как человек, привязанный душою к своему отечеству, был проникнут мыслями о ее будущем. «Но как догадаться, что скрывается под завесой будущего? — вопрошал он в 1907 году. — Помочь могли бы только независимые умы. А где же их взять теперь на Руси? Тут поставлен такой надежный страж, всех подводящий под один ранжир, что и даровитый, и бездарный ровно идут в ногу, не отставая друг от друга, и у всех одна мысль: не заслужить укора от того невидимого цензора, который теперь заменил прежнего, что был когда-то пугалом»[1].

Александр Александрович разделял распространенное в среде русской интеллигенции того времени мнение о том, что Россия находится в состоянии тяжелейшего кризиса, однако он расходился с большинством русского образованного общества в объяснении его причин. «Я далек от мысли, что в учреждениях все у нас благополучно и что паразитизм не подтачивает корней власти и источников нашей государственной силы, — указывал он. — Но мне думается, что есть же причина, почему мы не в силах выйти из заколдованного круговорота»[2]. Эту причину Башмаков находил «в самой сути русской жизни». «Причина кроется в значительном вопросе: *кто мы такие на самом деле?* — писал он. — С этим вопросом сразу ставится принципиальная оценка тяжелого кризиса, переживаемого русскою жизнью. Она лежит *в личном недомогании русского человека*. Это не вопрос учреждений и законодательства: это вопрос *нравов*. Мы переживаем годы беспросветной мглы, могущей в слабых душах разразиться отчаянием. Эта мгла — в нас самих, в складе характеров, в плохом закале душ, в неверном складе нашей культуры. Мы — искалеченное поколение. От него ждать нечего. Вся надежда в наших детях. Дай Бог, чтобы они не были похожи на нас!»[3]

По мнению Башмакова, такого стечения противоположных факторов, как в России, история еще не знала. «Русские претензии на мессианизм, сопровождаемые обломовщиной самой невероят-

---

[1] *Башмаков А. А.* Великое рушение. СПб., 1907. С. 7. Данную книгу Башмаков выпустил под псевдонимом *Вещий Олег*.

[2] Там же. С. 8.

[3] Там же. С. 9—10.

ной степени; русское самомнение, сочетаемое с рабьей готовностью ежечасно отказываться от всего своего, от всякой национальной гордости, от собственного государственного бытия; русский абсолютизм духа, стремящийся все охватить и пересоздать вне условий места и пространства — и немощь воли, прямо ведущая русского к служению чужим интересам. Такой парадокс нашего быта не может не натворить нам еще худших бед, нежели все то, что мы пережили до сих пор. Очевидно необходимо, чтобы люди мысли и власти одумались на Руси и, убедившись в том, что корень зла в этом состоянии духа, приняли меры к его исправлению посредством перевоспитания будущих поколений»[1].

Если этого не будет сделано вовремя, считал Башмаков, «гниение нашего социального тела будет продолжаться, и получится неминуемая смерть России, как государственного организма». По его словам, «в XX-м веке идиллий быть не может. Мы не будем иметь возможности тихого угасания в лесах "Московии" с постепенным прохождением всяких ступеней "бомбизма", "анархизма" и тихого умопомешательства, склоняясь к возвращению на лоно первобытного бытия и к уровню пещерного человека. Этой "оперы" нам не разрешат соседи. Мечтать и тихо гнить, в наш век, положительно некогда. Раз русский человек потеряет свою государственность, — его территорию возьмут вполне крепкие в государственном отношении соседи, судя по всему — японцы и немцы; может быть, еще кто-нибудь»[2].

Средство к спасению Башмаков видел «в одной только мощной организации широко задуманного *национального воспитания*»[3]. По его словам, «понятие воспитания народных масс в духе просвещенного русского национализма есть идея новая и не разработанная... Основным ориентирующим положением этой системы идей является прежде всего сознание, коренящееся в чувстве, в сердце целой русской расы, как исторической особи, тысячи лет взраставшей в себе чувство своего единства, своей духовной мощи, своего права повелевать на своей земле и необходимости своих же детей воспитывать для усиления и поддержания этих заветов, которые чувством народа считаются священными. Эта идея русской родины в ее высшем выражении подымает наш дух до чувства солидар-

[1] *Башмаков А. А.* Великое рушение. С. 22—23.
[2] Там же. С. 23—24.
[3] Там же. С. 26.

ности не с одними сейчас живущими русскими, но с непрерывной совокупностью *всех русских*, прежде существовавших и будущих граждан нашей земли... Все мероприятия государства, направленные к поднятию энергии подрастающих поколений, должны считаться с таким колоссальным фактором, как непрерывно сложившаяся в истории народная особь»[1].

Многое из того, что писал А. А. Башмаков в начале XX века, является злободневным и теперь, в конце этого века. Так, он указывал на характер реформ, осуществлявшихся в то время: «Учреждения, лишенные жизни, заменяются другими учреждениями, тоже лишенными жизни, но гораздо более далекими от народного правосознания и заметно подогнанными к окончательному потрясению и выветриванию последних остатков здоровых основ нашего быта»[2].

Сохраняет свою актуальность и призыв, с которым Александр Александрович обращался к русскому общественному сознанию: «Россия должна быть, крепнуть и расти; ей должны служить все ее сыны. А если мы переживаем теперь эпоху позора и расслабления, то причина коренится в ложных приемах духовного воспитания целых поколений, и государство, направляемое более прозорливыми умами, должно исправить этот привычный вывих русского общества»[3].

Судьбу России Башмаков тесно связывал с судьбой всего славянства, а судьбу славянства — с судьбой России. По его словам, «вся история России есть только составная часть этого общего роста и собирания Славянского мира»[4]. С другой стороны, он ясно сознавал, что с исчезновением роли России во всемирной истории «славянская стихия быстро подпадет, как удобрительный материал («als Düngerstoff») — в строительную экономию других, более крепко сложившихся рас»[5].

Призывая к единению славянских народов, Башмаков считал, что совершиться оно должно не в рамках единого государства, а на

---

[1] *Башмаков А. А.* Великое рушение. С. 30—31.

[2] Там же. С. 8.

[3] Там же. С. 32.

[4] *Башмаков А. А.* Балканский союз. Речь на собрании Славянского общества 26 октября 1908 г. // Башмаков А. А. Балканские речи. СПб., 1909. С. 14.

[5] *Башмаков А. А.* Славянская традиция в славянском обществе. Речь на торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества 11 марта 1908 г. // Там же. С. 10.

основе культурно-племенной общности. Славянская идея являлась в его представлении «линией, по которой средства русского государства, отстаивая русские интересы в европейской политике, были бы направлены к тому, чтобы всячески содействовать, вне России, росту славянских племен, в которых инстинктивно живет чувство солидарности с русским племенем»[1].

Башмаков был противником захвата Константинополя, поскольку не видел, каким образом можно было ассимилировать его мусульманское население. «С тех пор, как выросли и созрели прочные государственные идеалы России, основанные на началах национальной политики, совершенно ясно, что мы не можем желать увеличения таких частей империи, в которых преобладали бы элементы, не подчиняющиеся ассимиляции»[2], — писал он о своем понимании сущности национальной политики. Поэтому Башмаков предлагал, не захватывая Константинополя, занять лишь проливы Босфор и Дарданеллы, которые, по его словам, «суть не более, не менее, как ключи к нашим воротам». «Мы не стремимся владеть миром, но стремимся только открыть пути русской расе, ищущей моря и солнца»[3], — заявлял он.

* * *

О своих предпочтениях в юридической науке сам Александр Александрович писал следующее: «По странному стечению обстоятельств, я в своих исследованиях горячо полюбил похороненные и забракованные темы; меня всего сильнее влекла прелесть тех тропинок, над которыми стояла надпись: «здесь нет прохода»; меня притягивала чарующей силой вся сфера мыслей давно впавшего у нас в опалу — *славянского сравнительного законодательства*»[4] (курсив мой. — *В. Т.*).

Главными объектами научных исследований А. А. Башмакова в области юриспруденции были, помимо славянского законодательства, *государственное право*, *наследственное право*, *обычное или народное право*, а также институт *ипотеки*. Вместе с тем, он посвятил ряд своих научных работ таким вопросам, как *борьба с иностран-*

[1] *Башмаков А. А.* Болгария и Македония. С. 354.

[2] *Башмаков А. А.* За смутные годы. Публицистические статьи и речи. С. 114.

[3] Там же. С. 34.

[4] *Башмаков А. А.* Очерки права родового, наследственного и обычного. Юридические исследования. СПб., 1911. С. VII.

ным влиянием в акционерном деле, реформа уголовного законодательства, законодательная техника и др.

Наиболее значительным сочинением Башмакова по государственному праву является его лекция **«Народовластие и Государева воля»**, прочитанная в Русском собрании 9 ноября 1907 года. Ее текст был в 1908 году опубликован в правительственной газете «Россия».

Башмаков задался целью в этой лекции осмыслить в условиях, когда Россия вышла из «хаотического периода» государственного кризиса, новшества в государственном строе, введенные в период революции. «Время настало, когда можно и должно приступить к определению и построению основных начал русского государственного права», — заявлял он, поясняя далее, что «эта теоретическая работа полезна и неотложна потому, что неясность в этих вопросах, с практической стороны, недопустима. В этой области более, нежели где бы то ни было, следует помнить, что идеи, положенные в основание здания, суть несокрушимые силы, связанные логическим сцеплением. Они суть, выражаясь словами французского теоретика национализма, философа Альфреда Фулье, “идеи-силы”, от самодействия коих зависят будущие события. Если они цельны и гармоничны, если в них нет взаимного противоречия, прочность здания впереди нас. Если этой цельности и гармонии нет, здание должно рухнуть, и нет средств к тому, чтобы эту катастрофу предупредить».

В качестве первого и основного вопроса, который встал в новых условиях перед русскими государствоведами, Башмаков назвал определение существа верховной власти в России, претерпевшей преобразования последних двух лет.

По его мнению, после того как были введены формы народного представительства, возник вопрос более важный, чем спор о том, существует в России самодержавие или ограниченная монархия, а именно: вопрос о природе суверенитета, то есть установлен ли законодательством последних лет принцип народоправия или же сохранился исконный принцип верховенства власти в лице монарха.

Башмаков высказывал в лекции свою тревогу по поводу того, что с отменой цензуры в Россию хлынул из-за границы поток сочинений по государственным вопросам и среди населения стала обращаться масса новых идей западного происхождения. Неподготовленным к восприятию сложных вопросов государственного права людям после прочтения переводных компилятивных сочинений

иностранных авторов стало казаться, что «суть государственной жизни всюду одна и та же и что можно ее постигнуть непосредственным поглощением того доселе запрещенного плода, каким представлялась заграничная агитационная пресса». Читателям в голову не могла прийти мысль о том, что институты, родившиеся среди одного народа, мало могут соответствовать потребностям других народов. Казалось бы, в этих условиях ученые-государствоведы должны были бы помочь населению разобраться в заграничных политических доктринах. Однако «естественные вожди в саморазвитии каждого народа, интеллигентные его слои, ученые, представители кафедр, литературы и печати, — констатировал Башмаков, — давно изменили своему естественному назначению помочь народу разобраться, установив приемы критического отношения к этой вредной лавине, с точки зрения русских нужд и собственной жизни страны. Они изменили, выдав народ головою осаждавшему гипнозу, и сами стали во главе смуты.

Этим предопределена была та изумительная бесполезность, которая охарактеризовала все это движение и создала, можно сказать, беспримерное в истории явление. Как в пушкинской сказке о рыбаке и золотой рыбке, русское "освободительное движение" представило собою нечто вроде страстного полета к неведомым судьбам, с злобным презрением ко всем по пути попадавшимся дарам и улучшениям: хата превращается в дом, дом в дворец, требуется золото, блеск власти без конца... и все кончается "разбитым корытом". Оно и естественно. Раз в корне движения была измена вождей своей натуральной обязанности служить реальным и национальным целям, выдвигаемым из самой жизни собственного народа, — другого исхода быть не могло. Все реальное и русское было заранее отождествляемо с теми полицейскими препонами, благодаря коим долго не давался общий доступ к обетованной земле утопий и социалистических идей, которые одни только и могли представлять собой страстно желанный рай. Препоны пали. Долой отождествляемые с ними все веления русской жизни... и готов, вылитый словно из стали, неживой, весь стремящийся к грезам — всечеловек. Впереди — воздушная "утопия" или... сумасшедший дом».

Плодом пережитой эпохи стало, по мнению Башмакова, утверждение в сознании значительной части русского общества идеи о том, будто в Западной Европе государство дошло «до абсолютного совершенства начал и форм, которые надо оттуда пересадить как

можно скорее к нам, вырвав с корнем предварительно всю сорную траву, то есть убогие русские учреждения».

Под влиянием западноевропейских идей в русском обществе распространилось воззрение, будто появившиеся в России в последние два года новые государственные институты «логически вытекают из идеи народоправства, то есть принимается на веру (а критически мыслить наша публика не любит), будто в корне изменилась в России самая природа суверенитета».

Башмаков постарался показать в своей лекции ложность этого мнения. Прежде всего он согласился с общепринятым среди государствоведов мнением о несовместимости народовластия с монархией. И затем остановился на анализе всеобщего права голосования, которое считается неминуемым последствием торжества идеи народовластия. «Можно поэтому сказать, — отметил он, — что кадетская партия, когда упорно проводила так называемую “четыреххвостку” (“всеобщее, прямое, равное и тайное право голосования”), тем самым являла себя весьма последовательной исполнительницей программы полного народовластия как конечной цели движения; но, несомненно, тем самым ее действия отнимали у этой партии всякое право утверждать, будто ее цель не республиканское, а монархическое (конституционное) правление».

По словам Башмакова, «самое право представительства, организованное в силу общего начала народовластия, устраняет, безусловно, ту сторону этого политического дела, которая представляется наиболее нужною и желательною для водворения прочности, стройности и спокойствия в жизни государств», а именно: «представительство реальных интересов бытовых групп населения». Вместо него утверждается абстрактное начало народовластия, в силу которого выбирает округ лишь как территориальная дробь целой страны, но уполномочие, через окружную урну, дает избирателю вся нация, так как она есть верховный властелин».

Еще одним вредным последствием провозглашения принципа народовластия являлось, по мнению Башмакова, присвоение народным представителям права решать судьбу государства именем самого народа. «Эта власть, преимущественно касаясь законодательства, постепенно распространяется на самое управление и неудержимо превращается в произвольное и безответственное проявление воли, стоящей выше законов и легко переходящей в тиранию, против которой труднее всего найти какую-либо гарантию разум-

ной свободы. Спастись от произвола чиновников или придворных временщиков посредством усиления правомерности в государственном устройстве и расширения судебного вмешательства сравнительно легче, нежели найти убежище от разнузданной и всесильной демагогии. Высшее выражение этой зависимости является в виде подчиненности всех властей, с кабинетом во главе, уже не воле Монарха, а палате народных представителей, с организацией той зыбкой системы, которая именуется парламентаризмом в тесном смысле. Устанавливается зависимость от партий, берущих верх в палате путем голосования, в котором нередко преобладают случайные течения».

Башмаков считал, что в политической жизни современных государств нет более ложного начала, чем преклонение перед решением большинства. По его словам, «уже представительство, вместо непосредственного участия всех граждан, содержит в себе фикцию, легко подменивающую волю народа — волею его представителей. Но затем уже применение начала большинства в дальнейших действиях этих представителей отдает нередко судьбу всей страны в руки лиц, представляющих из себя ловко организованное меньшинство в стране. Образуется особый класс людей, в среде которых культивируется политиканство, людей праздных, с низменными традициями; людей, оторванных от производительного труда и утративших всякое представление о высшем идеале служения благу государства и народа».

В этой среде усиливается, отмечал русский мыслитель, главным образом одно качество: ловкость в одержании верха и проведении своих людей посредством самого механизма политического голосования. «Как бы ни устраивалась система выборов, народная масса всегда участвует лишь в слабой доле в голосовании. Это доказано статистикой во всех странах. Этим противоречием между условиями полезной трудовой деятельности и заботой избирательной агитации неминуемо пользуются политиканы. Они всегда берут верх, рано или поздно; тем более что самый факт отрывания обывателей от полезной их деятельности на долгий промежуток времени для участия в парламентских легислатурах клонится к превращению тружеников в лодырей и говорунов. В этой стороне дела заключается трудно предотвратимое явление, сводящееся к полному подчинению трудящихся и положительных элементов населения вредному классу профессиональных политиканов».

Рассмотрев критически распространенные в XVIII веке доктрины естественного права и общественного договора и концепцию равновесия борющихся сил, утвердившуюся в науке государственного права в XIX веке, Башмаков сделал вывод: «Созидающая сила власти не может быть отождествлена с одним только равновесием борющихся сил, как будто отвечающих на толчок, будящий эти силы извне оных. Государственная власть есть сама сила, вносящая в среду нечто более, нежели каждый обыватель и сумма обывателей вместе взятых. Если бы этого не было, то не было бы никакой надобности делать серьезные затраты на государственный механизм и терпеть тяжесть его прикосновения. В том-то и дело, что государство содержит в себе сумму той энергии или тех интересов, которые присущи всей сумме граждан плюс нечто. Все разновидности учения народовластия как необходимого элемента государственности вращаются вокруг этой капитальной, непростительной ошибки: в них отрицается именно этот плюс, который составляет главный отличительный признак государственной идеи.

Не мудрено, по этой причине, что практика идеи абсолютного народовластия в обширном государстве приводит к постепенному вымиранию самой идеи государственности. Происходит как бы политический склероз, старческий подмен веществ. Постепенно одни понятия заменяются другими, похожими, но не теми же. *Попечение о народном благе заменяется соблюдением своего интереса; гордость Родины — ее комфортом, а потом своим собственным разбогатением; защита Отечества — устроением его путей по линии наименьшего сопротивления; расовое и национальное величие — стремлением заслужить у соседей благоволение за добронравие и филантропические помыслы*. И над всем этим хаосом разлагающейся исторической души великих народов парит идеал манящего социализма, в котором не будет никакого плюса к нуждам и желаниям человеческих индивидов, прикованных к своим хлевам и стойлам; но вместе с тем испарится и та лесть, которой пока что, до поры до времени, заманивают этот вожделеющий индивидуализм; добывание и насыщение будет отдано всецело в руки верхнего коллективизма, который поглотит индивида, уступив ему то, о чем вопит его утроба; но идеальный “плюс” исчезнет навсегда» (курсив мой. — *В. Т.*).

В заключительной части своей лекции «Народовластие и Государева воля» Башмаков обратился к истории России с тем, чтобы с позиций ее опыта посмотреть на современное состояние Россий-

ской империи. «Историк нашего времени, — делал он печальный вывод, — должен будет признать, что смысл происходящих в последние годы действий был именно такого рода, что они прямо вели к ослаблению тех сил, которые исторически сложили Империю, и к усилению тех, которые и в прежние века боролись против возникновения и усиления той же Империи. Все уступки объяснялись необходимостью улучшения в отношении социальном и юридическом. Социальное улучшение, конечно, сводилось к увеличению равенства и к перемене в размещении ценностей. Юридическая наша переоценка вела к расширению индивидуальной деятельности и к возможно широкому ограждению населения от паразитного высасывания народных соков благодаря бесконтрольности над "сильными мира сего"; панацеей всех зол являлось народное участие в управлении. Представленная в этом виде базовая и теоретическая сторона нашей революции представляла в себе много неотразимо заманчивого, и на эту удочку — социального и юридического перестроения государства после позора Мукдена и Цусимы — сразу пошли общественное настроение и даже власть имущие круги.

Для того чтобы понять, до какой степени суть дела тут была вовсе не в социально-юридическом перестроении страны, а в главной цели, сокрытой до поры до времени фиговым листом, — **именно в разрушении Империи**, стоит лишь вспомнить удручающую картину, какую представляли Первая и Вторая Думы, при общем рукоплескании и поощрении со стороны левой печати в стране. Благодаря простодушной прямоте одного из кавказских дикарей-депутатов мы очень быстро получили формулу, за которую следовало бы этому прямолинейному восточному человеку принести глубокое русское спасибо вместо того, чтобы на него сердиться. Он сразу дал нам в руки ключ к пониманию всей этой сложной драмы: "*Русские патриоты, это у нас — хулиганы. Русский патриотизм — есть хулиганство. Мы так его в Тифлисе и называем*". Вот это, по крайней мере, ясно и недвусмысленно. Такие изречения помогают понимать истинную подкладку этого бурного натиска и осады власти. Между тем события шли своим чередом, и **влиятельные круги на вершинах русского общества, по непониманию ими истории и даже, скажу больше, по хроническому затемнению в рядах петербургских правящих слоев того сильного исторического чувства, которое было еще живо в московском государстве,— выдали не только страну, но и самих себя той осаждающей коалиции антиимперских, нерусских сил, которые преж-**

де всего надлежало подавить и обуздать, даже организуя народное представительство; причем надлежало эту коалицию обуздать именно для того, чтобы приступить к социальным и юридическим реформам, для которых выше всего и прежде всего необходимо самое существование Империи» (курсив и выделено мною. — *В. Т.*)

* * *

Говоря об особенностях своего подхода к решению правовых проблем, Башмаков отмечал: «В воззрениях на вопрос о родовых имуществах я стою почти особняком в русской юридической литературе. В области наследственного права я не могу мириться с преобладающим модернизмом, гласящим: "все за деньги", и стремлюсь к отстаиванию духовного, не материального интереса в гражданском праве. А в строительстве наших гражданских кодексов я осуждаю (и в том я также грешу против моды), я не мирюсь с возобладавшим среди наших юристов полным небрежением к обычному праву и юридической психологии народной массы... Не дорожа тем, чтобы со мною была толпа, повинующаяся всегда последней моде, я тем более дорожу одобрением численно ограниченного круга русских мыслителей, любящих — во всех смыслах этого слова: "Духовную *Самоту*"»[1].

Содержание работ А. А. Башмакова показывает, что в исследовании правовых институтов он на самом деле почти всегда старался идти своим собственным путем. Именно поэтому его работы были проникнуты духом критики. Он постоянно как бы следовал правилу: «подвергай все сомнению».

Так, рассматривая институт родовых имуществ в русском праве, Башмаков отмечал, что существуют две теории для объяснения происхождения и исторического значения данной категории имуществ, а именно: «теория родового быта» и «теория служилого происхождения института». Если первая из названных теорий выводит родовые имущества из родового состояния первобытного общества, то вторая усматривает в них результат земельной политики Московских государей. Сам же Александр Александрович предложил третью — смешанную — теорию. По его мнению, родовые имущества появились в глубокой древности, «они явились как форма

[1] *Башмаков А. А.* Очерки права родового, наследственного и обычного. Юридические исследования. С. VII—VIII.

разложения семейной общности обычного права и переходной ступенью к развивающейся собственности»[1]. Институт родовых имуществ существовал, как считал Башмаков и в эпоху Судебников. Им воспользовались тогда Московские государи, реставрировав его в своих интересах. «Эта реставрация была односторонняя и в некоторых чертах противоречила исторической природе института. Ошибка позднейших исследователей в том, что они *реставрацию старого приняли за рождение нового*»[2]. Башмаков считал, что в условиях, сложившихся в России к концу XIX в., институт родовых имуществ необходимо сохранить — «*историческая древность* института говорит в пользу его сохранения, покуда его вредность не будет доказана»[3]. «Что мы теперь, не поняв, *излишне* сохраним, то мы всегда успеем потом отменить. А что при этих условиях отменим, того уж не воротим»[4]. *Родовое* имущество ученый отличал от имущества *семейного*. «Имущество должно быть в том случае признано родовым, когда оно фактически перешло между лицами, которые вместе не составляют семьи, а соединены только связью рода. Поэтому *родовым закон должен считать только такое имущество, которое досталось от деда или бабки*. Дошедшее от отца или матери должно считаться семейным, а не родовым»[5].

Ценной частью научного наследия А. А. Башмакова являются его работы, посвященные *ипотеке*. Данный институт он изучал прежде всего на практике во время своей работы в Либаве. В книге, посвященной анализу ипотеки, он писал: «Мы постарались, в связи с теоретическими соображениями, служащими фундаментом каждой системы, изобразить те приемы ипотечной практики, которые, по нашему пониманию, должны считаться правильными и законными — и в пределах нашего округа применяются безусловно»[6]. Башмаков высказывал здесь мнение о том, что «"*Ипотечным*" надлежит именовать *тот отдел вещного права*, который объемлет собою *порядок возникновения права собственности и вещных ее обременений, насколько это возникновение стоит в связи с книжною*

[1] *Башмаков А. А.* Институт родовых имуществ перед судом русской юриспруденции. СПб., 1897. С. 95.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 96.

[6] *Башмаков А. А.* Основные начала ипотечного права. Лекции, читанные в г. Либаве в 1891 г. Либава, 1891. С. VII.

записью»[1]. «Ипотечное же право, — пояснял правовед, — является среди них в качестве *придаточного* института. Нигде он не мыслим как самостоятельно противополагающийся собственности, или залогу, или реальным повинностям. Между тем везде и всюду чувствуется его прикосновение, и нет того отдела вещных прав, который был бы ему чужд»[2].

Особенно актуальной для современной России представляется работа А. А. Башмакова **«Борьба с немецким засилием в акционерном деле»**, вышедшая в свет в 1915 году. В ней русский правовед подверг критике существовавший в российском законодательстве способ определения национальной принадлежности акционерной компании по месту ее учреждения. Если законодатель, отмечал русский ученый, относясь с понятным недоверием именно к иностранным компаниям, как легче ускользающим от его контроля, нашел возможным объявить таковым только те, которые учреждены за границей, то в таком ограниченном определении круга иностранных предприятий «несомненно отражается глубокая доверчивость законодателя, направленная на следующие предположения: 1) предполагается, что *место учреждения* указано без всякой фикции, честно и открыто, не допуская даже мысли законодателя о возможности тут какой-либо фальши или злоупотребления со стороны учредителей — оказанным им в приютившей их стране доверием; 2) предполагается далее, что момент первоначального учреждения является решающим и что не может возникнуть *позднейших* фактов, от которых первоначальные учредительные действия могли бы потерять всякое значение»[3]. По словам Башмакова, «раз вопрос поставлен ясно как *настоятельная необходимость для нашего государства не допускать на территории России могущества власти, имеющей своим приказывающим центром иностранное государство,* то для наших целей становится необходимым прежде всего выяснить, в какой мере законы места учреждения компании безусловно гарантируют, что *именно в этой стране*, а не в другом государстве, находится и должен находиться центр тяжести деятельности общества»[4].

---

[1] *Башмаков А. А.* Основные начала ипотечного права. С. 1.

[2] Там же. С. 2.

[3] *Башмаков А. А.* Борьба с немецким засилием в акционерном деле. Петроград, 1915. С. 13—14.

[4] Там же. С. 14.

Александр Александрович считал принципиально нежелательной значительную степень проникновения иностранного капитала в сеть российских экономических интересов, особенно в сферу крупных предприятий. Принцип частной собственности в применении к большим предприятиям, затрагивающим жизненные интересы целых районов, должен, по его мнению, прогрессивно угасать, по мере роста числа рабочих, количества вложенного в дело капитала и т. д. Установление волею государства таких пределов частного владения предприятиями, дабы «предотвратить индустриальное закрепощение народа, представляется тем более необходимым, когда эту чрезмерную и социально несправедливую власть получают в свои руки иностранцы, т. е. люди неспособные понять душу того народа, угнетения которого они даже не замечают. Тут нужно твердое установление пределов внедрения иностранного капитала в глубь жизни народа. *Грань должна быть там, где уже не идет речь об одном увеличении доходов с предприятия и начинается власть над народом.* Предприниматели могут, как высший предел своих надежд, требовать себе денежного обогащения и доходности предприятия, *но власти — никогда*»[1].

Общий вывод, который делал Башмаков по вопросу об определении национальной принадлежности предприятия, гласил: «Определение национальности данного акционерного общества есть вопрос факта и не должно зависеть от незыблемых формальных признаков, которые всегда могут быть использованы фиктивно, для прикрытия истинного положения вещей. Единственным правилом, для определения истинного национального характера данного общества должно быть признание, что *где власть и распоряжения, решающие* дела данного общества, там и родина. Или национальность данного предприятия. Самый факт учреждения фирмы под именем “русского акционерного общества” не должен служить препятствием для признания этого предприятия иностранным»[2].

Будучи юристом-практиком, А. А. Башмаков много занимался **реформой российского законодательства**. Размышления его на сей счет представляют также немалый интерес. «В деле реформ, — писал он, — приходится всегда сталкиваться с двойным элементом, с одной стороны, — новейшая доктрина, философские убеждения, чисто отвлеченное строение начал нового института; с другой сто-

[1] *Башмаков А. А.* Борьба с немецким засилием в акционерном деле. С. 18—19.
[2] Там же. С. 35.

роны, требования народного уровня, склада его привычек, обычаев, скажем старинное слово: “пошлина земли”. Как найтись в обоих течениях?»[1] Решение данной проблемы должно быть, считал Башмаков, различным в отношении уголовного и гражданского права. «Легче воздействие общечеловеческих идей в первом, нежели во втором. Глубже в частную жизнь целого народа внедряется гражданское право»[2]. Живя по нормам уголовного права, народ *терпит* их применение со стороны органов власти. Живя по правилам своего гражданского законодательства, народ его *оживляет* ежедневным воздействием. Поэтому, делал вывод Башмаков, «*реформа уголовного законодательства может и должна руководиться началами отвлеченными, выработанными на общечеловеческих основаниях.* Если и в этой области наследие прошлого проникает в новые уголовные законы, то пусть, по крайней мере, будет это свое историческое прошлое, а не чужое»[3].

[1] *Башмаков А. А.* Критика трехчленного деления: преступление, проступки и нарушения. Одесса, 1884. С. 15.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 17.

Эдуард Николаевич Берендтс

(1860 — после 1924)

ЭДУАРД Николаевич Берендтс родился 9 декабря 1860 года в Санкт-Петербурге, в купеческой семье. Юридическое образование он получил на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета. По окончании университетского курса обучения его назначили в Министерство финансов.

В записке «О прошлом и настоящем русской администрации», составленной в конце 1903 года, Берендтс вспоминал, что в начале службы в этом ведомстве ему «пришлось иметь дело с начальниками отделений, окончившими курс в уездных училищах, в духовных семинариях, в придворной певческой капелле и выслушать от секретаря департамента, поручившего ему перевод статьи из "Journal de Petersbourg", заявление, что все, что напечатано по-французски, то дело секретное. Это случилось 17 лет тому назад, в 1887 г.!»[1]

В 1888 году в Митаве вышла в свет на немецком языке небольшая книжка Э. Н. Берендтса, посвященная экономическим воззрениям в России на рубеже XVIII и XIX столетий[2]. Это была едва ли не первая его научная работа.

В 1891 году Берендтс защитил в публичном собрании юридического факультета Санкт-Петербургского университета магистерскую диссертацию по теме «История государственного хозяйства Швеции до 1809 года». Годом раньше ее текст был издан в виде отдельной книги[3]. В том же году он был назначен исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре государственного и административного права в Демидовском юридическом лицее г. Ярославля[4].

---

[1] *Берендтс Э. Н.* О прошлом и настоящем русской администрации. Записка, составленная в декабре 1903 года. М., 2002. С. 132.

[2] *Berends E. N.* Volks- und staatswirthschaftliche Anschauungen in Russland auf der Grenzscheide des 18 und 19 Jahrhunderts. Archivalische Studie. Mitau, 1888.

[3] См.: *Берендтс Э. Н.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. 1. История государственного хозяйства Швеции до 1809 г. СПб., 1890.

[4] См.: Вступительная лекция, читанная и. д. экстраординарного профессора государственного и административного права Э. Н. Берендтсом. Ярославль, 1891.

В 1894 году Эдуард Николаевич стал доктором финансового права, защитив в Санкт-Петербургском университете диссертацию, посвященную государственному хозяйству Швеции[1]. Его докторское исследование представляло собой продолжение магистерского сочинения, защищенного тремя годами ранее. Получив докторскую степень, он занял должность ординарного профессора Демидовского лицея.

Лекции по административному праву, читанные Берендтсом в Демидовском юридическом лицее, легли в основу первого тома его книги «Опыт системы административного права», изданной в Ярославле в 1898 году[2].

В конце 90-х годов объектом научных исследований Берендтса стали финансовое право и система финансового управления в Финляндии[3]. В 1900 году его как специалиста в этой области назначили помощником статс-секретаря Государственного совета и чиновником особых поручений при министре статс-секретаре Великого княжества Финляндского.

23 мая 1901 года на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета была учреждена кафедра финляндского права. 4 июня того же года доктор финансового права Э. Н. Берендтс стал сверштатным ординарным профессором Санкт-Петербургского университета по данной кафедре[4]. В течение двух лет он читал студентам юридического факультета лекции по административному праву Великого княжества Финляндского[5], совмещая преподавание со службой в государственном аппарате.

Еще во время работы в Ярославле Берендтс занялся изучением истории государственного управления в России. Особое внима-

---

[1] См.: *Берендтс Э. Н.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. 2. Вып. 1. Обзор политико-социального и экономического развития Швеции в 19-м столетии. Ярославль, 1894; Вып. 2. Формальный строй государственного хозяйства Швеции. Ярославль, 1894.

[2] См.: *Берендтс Э. Н.* Опыт системы административного права. Том 1. Обзор истории административного права и истории его литературы. Вып. 1. Ярославль, 1898.

[3] См.: *Берендтс Э. Н.* Финансовое право Великого княжества Финляндского в XIX столетии. Исторический очерк. СПб., 1900; *его же.* Краткий обзор финансов и финансового управления Великого княжества Финляндии. СПб., 1900.

[4] См.: ЖМНП. 1901. Ч. 337. С. 24.

[5] См.: *Берендтс Э. Н.* Лекции по административному праву Великого княжества Финляндского, читанные в Императорском С.-Петербургском университете в 1901—1902 учебном году. Т. 1—2. СПб., 1903.

ние он уделял при этом административным реформам. Так, 30 августа 1895 года Эдуард Николаевич выступил на годичном акте Демидовского юридического лицея с речью о коллегиях Петра I[1]. Свои исторические знания, соединенные с личным опытом службы в Министерстве финансов и со сведениями, приобретенными во время наблюдений за ходом дел в ярославском губернском управлении, Берендтс обобщил в специальной записке «О прошлом и настоящем русской администрации», которая была составлена им в декабре 1903 года. В начале следующего года он подал ее министру внутренних дел В. К. Плеве.

В указанной записке Э. Н. Берендтс задался вопросом, который и сейчас сохраняет свою актуальность. «Чем объяснить, — вопрошал он, — что Россия, одаренная естественными богатствами, что великорусский и малороссийский народы, составляющие оплот и центр тяжести всего русского государственного строя, известные своей способностью, "выносливостью", не достигли той ступени культуры материальной, духовной и умственной, на которой стоят гораздо менее даровитые народности, живущие на менее благоприятной почве? Чем объяснить, что русский народ, перенесший бодро такие тяжкие испытания, как едва ли какой-либо из иных народов, не успел устроить жизнь свою в соответствии с величием этой своей истории? Недостатка в крупных политических деятелях не было. Только один королевский дом Гогенцоллернов может гордиться таким рядом выдающихся монархов, как царственный дом Романовых. В XVIII ст. Россия управлялась двумя гениальными личностями: Петром и Екатериной, а в XIX ст. всероссийский престол был беспрерывно занят четырьмя государями, превышавшими средний уровень европейских монархов... Мало народов, на долю которых выпало такое счастье! В числе сотрудников этих крупных венценосцев насчитывается также много выдающихся и даже гениальных личностей. Птенцы Петра Великого (Меншиков, Брюс, Долгорукий, Голицыны, Шереметев, Апраксин, Миних и др.), екатерининские орлы (Орловы, Потемкин, Панины, Суворов, Безбородко, Бецкий), сподвижники Александра I, Николая I, Александра II

[1] См.: *Берендтс Э. Н.* Несколько слов о «Коллегиях» Петра Великого. Речь, произнесенная на годичном акте Демидовского Юридического лицея 30-го августа 1895 года. Ярославль, 1896. Эдуард Николаевич доказывал в этой речи, что Петр I при создании в России системы коллегий не копировал слепо иностранные и, в особенности, шведские учреждения, но брал из них, заимствовал одни лишь внешние формы.

(Сперанский, Кочубей, Блудов, Канкрин, Киселев, Милютин, Валуев), и если считать множество второстепенных лиц, выделившихся способностями или твердостью характера, то станет непонятной вечно повторяющаяся жалоба на недостаток в людях. Россия в течение этих двух столетий только 2 раза подвергалась сильному неприятельскому вторжению (походы Карла XII и Наполеона I), между тем как Франция, Пруссия, Австрия по нескольку раз были сплошными театрами войны. Россия пережила только одно более общее внутреннее волнение (бунт Пугачева), между тем как крупные державы на западе Европы пережили революции, потрясшие все государство до его основ. И между тем какой итог этой славной и едва прерванной посторонними силами истории!

Громкая жалоба на истощение сил, на обеднение народа. Те двести лет, на которые когда-то русский народ под монгольским игом отстал от развития своих европейских соседей, давно пережиты. Если Россия в отношении организации своих военных сил (сухопутных и морских) успела нагнать другие державы, если она в отношении развития литературы, искусства и отчасти наук успела занять почетное место в истории человечества, то почему она в управлении своими внутренними силами, личными и материальными, не развилась столь успешно? Неужели форма правления, абсолютная монархия, является виновницей? Неужели конституционный строй, которому едва сто лет в большинстве европейских государств, был благодетельным рычагом, которого недоставало и недостает в России? Однако наша соседка Пруссия в 1815—1848 гг. была в цветущем состоянии без конституционного строя, а Австрия лишь с момента утраты абсолютной монархической власти начинает клониться к упадку и, вероятно, к гибели. Все чаще и чаще в западноевропейской литературе слышатся голоса, утверждающие, что в дореформенное время народы жили счастливее и что конституционная свобода слишком дорого куплена: потерей социального мира и раздроблением народа на партии».

Подводя итог данному рассуждению, Берендтс констатировал: «Разгадать эту историческую задачу нелегко, но несомненно то, что в выяснении некоторых крупных промахов в развитии нашего административного строя в императорском периоде заключается один из путей к ее решению»[1]. Осмыслению успехов и неудач государ-

[1] *Берендтс Э. Н.* О прошлом и настоящем русской администрации. М., 2002. С. 45—47.

ственных реформ, проводившихся в России со времен царя Алексея Михайловича, а также анализу заложенных в системе государственного управления Российской империи коренных пороков, таивших в себе угрозу существованию самого государства, и была посвящена записка Берендтса «О прошлом и настоящем русской администрации».

В 1913 году текст данной записки был опубликован в Санкт-Петербурге в виде книги объемом в 287 страниц.

В 1904 году Эдуард Николаевич возвратился в Ярославль — он был назначен на должность директора Демидовского юридического лицея вместо ушедшего в отставку по болезни С. М. Шпилевского. 16 сентября 1905 года впервые состоялись выборы на пост руководителя лицея. Берендтс стал первым выборным директором данного учебного заведения.

Пробыл Эдуард Николаевич на этом посту немногим более года[1]. В 1906 году он перешел в Училище правоведения на должность ординарного профессора финансового права[2], истории русского права и финляндского права. Одновременно он стал преподавать законоведение в Николаевском кавалерийском училище в Санкт-Петербурге[3]. При этом действительный статский советник Берендтс был членом Совета Главного управления по делам печати и членом Ученого комитета Министерства народного просвещения.

С воодушевлением восприняв «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», высочайше утвержденный 17 октября 1905 года, Э. Н. Берендтс вступил в ряды возникшей в ноябре 1905 года партии «Союз 17 октября». 18 декабря 1906 года он был избран в члены Центрального комитета данной партии[4].

После прихода к власти большевиков Берендс покинул Россию. Обосновался он в Эстонии, где было много русских людей, предки которых проживали здесь испокон веков. Число русских коренных жителей этой территории Российской империи превы-

[1] Новым директором Демидовского юридического лицея стал после Э. Н. Берендтса профессор Киевского университета М. П. Чубинский.

[2] См.: *Берендтс Э. Н.* Русское финансовое право. Лекции, читанные в Императорском Училище правоведения. СПб., 1914.

[3] См.: *Берендтс Э. Н.* О государстве. Беседы с юнкерами Николаевского кавалерийского училища в 1906—1907 учебном году. Вып. 1. СПб., 1908.

[4] См.: Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2 томах. Том 1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905—1907 гг. М., 1996. С. 296.

шало 80 000 человек. В начале 20-х годов XX века к ним добавилось еще около 15 000 беженцев из Советской России. Среди последних было много ученых, в том числе видных русских правоведов. Так, например, с 1920 по 1935 год преподавал гражданское право в Тартуском (бывшем Дерптском) университете и участвовал в разработке Гражданского уложения Эстонской республики Игорь Матвеевич Тютрюмов (1865—1943), который до революции был сенатором и профессором Петроградского (Санкт-Петербургского) университета. С августа 1927 и до начала 1934 года в Тартуском университете преподавал и коллега Тютрюмова по Петроградскому университету профессор Давид Давидович Гримм[1].

О характере научных интересов Э. Н. Берендтса в эмигрантский период жизни дают представления две его статьи, вышедшие в 1924 году. Одна из них, посвященная конституционному развитию Эстонии, была опубликована в «Ежегоднике публичного права», который издавался в Тюбингене[2]. Другая — под названием «Что дает Пушкин государствоведу» — была напечатана в «Пушкинском сборнике», изданном в Ревеле[3].

Вероятно, именно в Эстонии Эдуард Николаевич Берендтс и закончил свои дни. Точной даты его смерти установить мне пока не удалось.

* * *

Основную часть научного наследия Э. Н. Берендтса составили труды по административному и финансовому праву России и Великого княжества Финляндского. В области науки административного права он был сторонником юридического направления, которое пришло на смену философско-политическому направлению, господствовавшему в трудах по административному праву в течение первой половины XIX века[4]. Крупнейшим представителем пос-

[1] См. о нем очерк в настоящей книге.

[2] *Berends E.* Die Verfassungsentwicklung Estlands /Jahrbuch des öffentlichen Rechts. 1923/24. Bd. XII. Tübingen: Mohr, 1924. P. 196.

[3] *Берендтс Э. Н.* Что дает Пушкин государствоведу / Пушкинский Сборник. Приложение к «Последним Известиям». Ревель. 1924. № 147. Информация об этой публикации приводится в издании: *Филин М. Д.* Пушкиниана Русского Зарубежья. 1918—1940: Материалы для библиографии // Московский пушкинист. Ежегодный сборник. Вып. 2. М.: Наследие, 1996. С. 310.

[4] «Профессор Берендтс примыкает к писателям юридического направления, настаивая на необходимости изложения лишь положительного законодательства

леднего в русской юриспруденции был И. Е. Андреевский[1]. Сам Берендтс следующим образом описывал произошедший в науке административного права во второй половине XIX века переворот: «По богатству фактического, ныне, конечно, устаревшего, материала труд незабвенного И. Е. Андреевского всегда останется образцовым. Но читать в 1890 годах лекции по административному (полицейскому) праву по системе, общепринятой в эпоху Моля, Рау, Платонова, Калмыкова и Андреевского, — значит повторять зады науки. Уже Л. фон Штейн указал нам другой путь. Блестящая плеяда немецких публицистов 70 и 80 годов: Сарвей, Мейер, Ленинг, Инама Штернегг, Боригак, Майер и другие окончательно порвала с традиционной систематикой полицеистов школы Рау и Моля. Эта новая «школа» заменила собрание рецептов полицейской деятельности, преподанных кабинетными учеными для просвещения практических деятелей, учащихся и читающей публики, — строго объективными трудами по догматике административного права, именно права, а не политики управления. Это юридическое направление, проникшее в нашу науку, несомненно, под влиянием Гербера, Лабанда и Гэнеля и благодаря более близкому знакомству с французскими административистами, ...все более и более вытесняет направление философски-политическое, господствовавшее в течение первой половины нашего столетия. От этого, по моему мнению, наша наука может только выиграть, в особенности, с точки зрения интересов академического преподавания»[2].

Берендтс вступил на поприще юридической науки в то время, когда русские правоведы, освободившись от сковывавшего развитие их мысли влияния иностранных правовых доктрин, стали на самостоятельный путь в исследовании правовых явлений с опорой не на умозрительные теории, а на практику. Горячо одобряя этот перелом в эволюции русской научной юриспруденции, Эдуард Николаевич полагал, что он произошел во многом благодаря славянофилам. «Самостоятельно и смело поступает русская юридиче-ская наука, — говорил Берендтс в речи на годичном акте Демидовского

данной страны, без критической оценки правительственной политики», — отмечал Н. Н. Белявский (*Белявский Н. Н.* Полицейское право. Юрьев, 1910. С. 31).

[1] См. о нем биографический очерк в первом томе настоящей книги.

[2] *Берендтс Э. Н.* Опыт системы административного права. Том 1. Обзор истории административного права и истории его литературы. Вып. 1. Ярославль, 1898. С. V—VI.

юридического лицея 30 августа 1895 года, — самостоятельно, так как не боится проверять и критиковать теории западноевропейских авторитетов, имея в своих руках богатые данные правовой и общественной жизни стомиллионного народа. Смело, так как она не опасается за свой собственный авторитет, сознавая свои промахи и ошибки, отказываясь от предрассудков и неверных положений. Несомненно, эмансипация русской юридической науки имеет свой корень в школе тех мыслителей, которые в 40 и 50 гг. в первопрестольной столице заговорили впервые о самостоятельном содержании русской жизни; в школе так называемых славянофилов, в этой нашей "*исторической*" школе. То, что Эйхгорн, Вайц, Савиньи, Гримм сделали для Германии, Лерминье, Минье для Франции, тем мы обязаны не-юристам по профессии: Хомякову, Киреевскому, Аксаковым»[1].

Под административным правом Э. Н. Берендтс понимал «совокупность норм регулирующих обязательно и принудительно деятельность органов государственной власти, а также общественных групп и частных лиц, для осуществления государственных задач и совокупность обусловленных этой деятельностью юридических отношений между государством вообще, его органами, общественными группами и частными лицами»[2]. Наукой же административного права он называл науку, «которая, пользуясь юридическим методом, подвергает анализу юридические нормы и отношения, действующие и возникающие в области управления»[3]. По словам ученого, «существование административного права предполагает признание государством принципа, что вся его деятельность, направленная на осуществление задач, каков бы то ни был объем их, должна быть основана на правовых нормах, установленных или признанных государственною властью в качестве мерила дозволенного и недозволенного для всех участников государственного общения. Чем более в государстве признано это начало, тем прочнее административное право»[4].

Понятие государства Берендтс стремился рассматривать с различных точек зрения: духовно-нравственной, политической, пра-

---

[1] *Берендтс Э. Н.* Несколько слов о «Коллегиях» Петра Великого. Речь, произнесенная на годичном акте Демидовского Юридического лицея 30 августа 1895 года. Ярославль, 1896. С. 3—4.

[2] Там же. С. 7.

[3] Там же. С. 11.

[4] Там же. С. 19.

вовой и хозяйственной. Он давал поэтому несколько определений государства: «1) Государство есть исторически развившаяся форма человеческого общения. 2) Государство есть необходимая форма человеческого общения, обусловленная природой человека. 3) Государство есть народ, объединенный правом в независимую силу»[1]. Бытовой основой государства Берендтс считал народность, которую определял как «*совокупность людей, связанных не только общностью происхождения, но и общностью языка, нравов, общим историческим прошлым и сознанием этой общности*»[2]. По его словам, «если государство состоит на этой основе, оно перестает быть только внешним, принудительным союзом и становится союзом духовно-нравственным, живущим одной жизнью, дышащим одним дыханием со всеми членами своими. Оно становится отечеством для человека, видящего в нем опору своей жизни, предметом любви и самоотверженной преданности. Нормальным является совпадение государства и народности, т. е. единства государства на национальной почве, на основе народности»[3].

Политическим идеалом Э. Н. Берендтса была конституционная монархия. К такой же форме правления, как демократическая республика, ученый относился с презрением. По его словам, «тайная подача голосов возводит гражданскую трусость в степень добродетели. Это так. Но свободы выборов она отнюдь не гарантирует. Подкупы, угрозы и другие средства воздействия играют роль и при тайной подаче голосов»[4]. «Не следует предаваться заблуждениям. Не лучшие люди руководят необразованной массой, нет; худшие элементы, опаснейшие для развития общества приобретают при выборах, особенно тайных, наибольшее влияние»[5].

В записке «О прошлом и настоящем русской администрации» Э. Н. Берендтс написал пророческие слова: «Есть немалое количество лиц, притом принадлежащих как к высшим слоям общества, так и к кругу средней “интеллигенции”, столичной и провинциальной, которые твердо уверены, что недостатки нашего политического организма могут быть исправлены при помощи общерус-

---

[1] *Берендтс Э. Н.* О государстве. Беседы с юнкерами Николаевского кавалерийского училища в 1906—1907 учебном году. Вып. 1. СПб., 1908. С. 23.

[2] Там же. С. 24.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 243.

[5] Там же. С. 244.

ского парламента, что нужно решиться на перелом в государственном развитии России, ограничить полноту самодержавной власти и конституционным правительством заменить автократию. Более или менее решительные сторонники этого радикального плана или не сознают, что Россия, крайне сложная по своему этнографическому составу и культурному развитию различных своих частей, заплатит за такой переворот своим раздроблением и господством не интеллигенции, а черни, или же, напротив, именно имеют в виду цель раздробления ее на маленькие государства и господства якобы здорового, нетронутого ложною культурой низшего земледельческого класса»[1].

Одним из главных направлений научно-исследовательской деятельности Э. Н. Берендтса было изучение правового статуса Финляндии в составе Российской империи. Анализ документов и конкретно-исторических фактов привел русского ученого к следующим выводам: «1) Я не признаю Финляндию государством, — констатировал он, — ни не суверенным государством, имеющим государственную автономию под Российской державой, ни государством, стоящим с Россией в реальной или, тем паче, личной унии, ни государством, стоящим под протекторатом России, ни государством вассальным. Я не признаю Финляндию государством потому, что я государством считаю только такой территориально-общественный союз, который самостоятельно может решать свою судьбу и во время мира, и во время войны, который, следовательно, является субъектом международного права. Государство может иметь больший или меньший объем. Это безразлично. Главное, чтобы союз имел права самоопределения и был самостоятельным членом международного общения. Основана ли эта самостоятельность на собственном праве, никем не дарованном, или она дана другим государством, которое создало новое государство с самостоятельным бытием, — это все равно. Решающее значение имеет право политического самоопределения независимо от источника и факторов, его создавших. Финляндия не есть субъект международного права, она не имеет права политического определения, — следовательно, она не есть государство. 2) Финляндия есть составная, инкорпорированная в силу ст. 4 Фридрихсгамского тратата 1809 г. часть России.

[1] *Берендтс Э. Н.* О прошлом и настоящем русской администрации. СПб., 1913. С. 2.

Она область (край, провинция), подчиненная нераздельной, единой Российской Верховной власти. Никаких международно-правовых обязательств в отношении сохранения какой-либо особой финляндской государственности Россия на себя не принимала. 3) Финляндия пользуется дарованной ей автономией не на основании какого-либо договора, заключенного между императором Александром I и населением завоеванной им части Шведского королевства, а в силу свободного решения русского монарха, который, имея силу и власть завоевателя, мог по своему усмотрению определить порядок управления и законодательства в новозавоеванном крае. Он даровал Финляндии автономию не по предписанию положительного права, а по соображениям справедливости и политической целесообразности»[1].

В своем творчестве Э. Н. Берендтс затронул также вопрос, который поднимался в начале XX века многими национально ориентированными представителями русской интеллигенции, а именно: вопрос о существовании и мировой политической роли «скрытого бестерриториального Еврейского государства». «Нет ни одного вопроса в литературах цивилизованных народов столь туманного, как вопрос о сущности и мировом значении космополитического Масонского Ордена»[2], — писал Эдуард Николаевич в своей книге «Масонство или великое царственное искусство братства вольных каменщиков как культуроисповедание». «Талмудическое еврейство как сложившаяся в течение многих веков огромная кагальная организация, — отмечал он, — не имеет, как нам известно, резко выраженного типа, который давал бы возможность науке зачислить его в тот или иной разряд государственных или общественных организмов, религиозных церквей, или же экономических, расово-племенных, сословных и т. п. организаций»[3]. «Еврейство, — делал дальнейший вывод русский ученый, — есть анонимное общество взаимопомощи расово-религиозно-политико-экономической, с ог-

[1] *Берендтс Э. Н.* К вопросу о юридической силе шведских основных законов в Финляндии // ЖМЮ. 1915. № 2. С. 17—18.

[2] *Берендтс Э. Н.* Масонство или великое царственное искусство братства вольных каменщиков как культуроисповедание (историко-философский очерк). СПб., 1911. С. 5. На титульном листе данного издания не стоит никакой фамилии. Авторство Берендтса установлено на основании его собственного признания в том, что именно он написал эту книгу.

[3] Там же. С. 6.

раниченным правом происхождения числом пайщиков, причем — общество, уже столетиями существующее *негласно*. Эта великая и по замыслу и по исполнению организация есть историческое явление, совершенно недостаточно оцененное по достоинству ни историками прошедшего, ни наблюдателями современной нам массы человечества, большинство которого к талмудическому еврейству не имеет достаточно близкого касательства»[1]

[1] *Берендтс Э. Н.* Масонство или великое царственное искусство братства вольных каменщиков как культуроисповедание (историко-философский очерк). С. 6.

Василий Никифорович Александренко

(1861—1909)

ВАСИЛИЙ Никифорович Александренко родился 30 января 1861 года в уездном городе Нежине Черниговской губернии. Город этот был знаменит тем, что здесь после его освобождения в 1648 году от польской оккупации войсками Богдана Хмельницкого собирались рады, на которых выбирали гетманов левобережной Украины. Отсюда происходил первый русский правовед Семен Ефимович Десницкий[1].

В 1820 году в г. Нежине была открыта на средства князя А. А. Безбородко Гимназия высших наук. В 1821—1828 годах в этом учебном заведении учился писатель Николай Васильевич Гоголь. В 1826 году из него был выпущен П. Г. Редкин, ставший впоследствии известным русским правоведом, профессором юридического факультета сначала Московского, а затем Санкт-Петербургского университетов.

В краткой биографии В. Н. Александренко, опубликованной в «Критико-биографическом словаре русских писателей», составленном С. А. Венгеровым (СПб., 1886. Вып. 1. С. 931—932), говорится, что воспитание он получил в нежинской гимназии князя Безбородко. В действительности гимназии с таким именем в 60-х годах XIX века уже не существовало. В 1832 году нежинская Гимназия высших наук была преобразована в физико-математический лицей, а тот в свою очередь спустя восемь лет — в юридический лицей, который просуществовал до 1875 года, когда на его базе было создан Нежинский историко-филологический институт, предназначенный для подготовки учителей истории, русского и классических языков для средних учебных заведений. Поэтому первоначальное образование Василий Александренко получил скорее всего в обыкновенной уездной гимназии города Нежина.

В 1881 году он поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Склонность к науч-

[1] См. о нем очерк в первом томе настоящей книги.

ным исследованиям проявилась в будущем правоведе в первые же годы университетского обучения. В 1883 году студент Александренко занимался в библиотеках Англии, Германии, Австрии[1]. Его научные интересы сосредоточились в то время на государственном праве Англии. Причем особенно привлекательной темой для молодого исследователя стала политическая история этой страны. Выпускное, кандидатское, сочинение Александренко посвятил политическому строю англосаксов.

По окончании в 1885 году университетского курса обучения Василий Александренко был оставлен, по рекомендации своего научного руководителя профессора А. Д. Градовского[2] при Санкт-Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре государственного права. Выдержав магистерское испытание, он отправился в Лондон для сбора архивных материалов к магистерской диссертации.

В качестве ее темы молодой правовед выбрал историю английского Тайного Совета от начала XIII века до 1649 года, когда была ликвидирована монархия в Англии, а Тайный Совет преобразован в Государственный Совет. В то время большим авторитетом пользовались в среде европейских историков труды по истории политического развития Англии Рудольфа фон Гнейста (1816—1895)[3]. Александренко, взявшись за исследование архивных материалов, отражавших английскую политическую историю, обнаружил, что немецкий ученый не был знаком со многими важнейшими документами и потому его выводы и оценки относительно политического развития Англии оказались в целом ряде случаев весьма сомнительными, умозрительными по своему характеру. По словам Е. В. Спекторского, Александренко «усомнился в непреложном авторитете Гнейста и показал, что он не только не сказал уже последнего слова, но кое в чем не сказал еще и первого слова»[4].

---

[1] *Спекторский Е. В.* Памяти В. Н. Александренко. Варшава, 1910. С. 6.

[2] См. очерк о нем в первом томе настоящей книги.

[3] В России самой известной его работой была «История государственных учреждений Англии» (М., 1885). См. также: *Гнейст Р.* Из истории английской Конституции // Юридический вестник. 1883. № 3. С. 391—397.

[4] *Спекторский Е. В.* Памяти В. Н. Александренко. С. 7. Эти и другие высказывания Е. В. Спекторского об Александренко дословно воспроизводятся без какой-либо ссылки на автора в статье К. П. Краковского «Александренко Василий Никифорович» (*Краковский К. П.* Нить времен. Биографии преподавателей юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета. Ростов-на-Дону, 2003. С. 107).

Кроме архивных документов для магистерской диссертации, Василий Никифорович собрал во время пребывания в Англии материалы для статьи по истории юридического образования в английских университетах и судейских общинах (inns of court)[1] и брошюры о последней реформе местного управления в Англии[2].

Осенью 1888 года Александренко был приглашен юридическим факультетом Императорского Варшавского университета преподавать курс международного права. Он ответил согласием и 20 ноября был назначен исправляющим должность доцента Варшавского университета по указанной кафедре.

В 1888 году в Санкт-Петербурге вышла в свет первая часть труда В. Н. Александренко по истории английского Тайного Совета[3]. Вторая его часть была издана в Варшаве спустя два года[4]. В 1891 году Василий Никифорович успешно защитил в публичной дискуссии на юридическом факультете Московского университета магистерскую диссертацию по данной теме. В 1892 году он стал экстраординарным профессором Варшавского университета.

Главным объектом научных исследований Александренко стали в 90-е годы проблемы международного права. В 1890 году он опубликовал в «Варшавских университетских известиях» (№ 6. С. 1—4) статью «Профессор Лоример и его система международного права», в 1891 году им была издана в Москве брошюра «О правах и преимуществах дипломатических агентов». В 1892 году — первый том книги «Реляции из Лондона князя А. Д. Кантемира» (второй ее том вышел в 1903 году). В 1894 году в «Журнале гражданского и уголовного права» (Кн. 9. С. 78—83) была напечатана его заметка на тему «Дипломатическое представительство пап». В 1895 году в «Журнале Министерства народного просвещения» (№ 2. С. 301—322) появилась статья Александренко «Международное право Рима». В 1896 году в «Журнале Санкт-Петербургского Юридического общества» (Кн. 1. С. 42—54) была опубликована его работа «Тайный надзор за дипломатами в XVIII веке и перлюстрация их перепис-

[1] См.: *Александренко В. Н.* Из истории английских университетов // Юридический вестник. 1887. № 9. С. 3—31; № 10. С. 175—192.

[2] См.: *Александренко В. Н.* Новая реформа местного управления в Англии, ее характер и значение. М., 1888.

[3] *Александренко В. Н.* Английский Тайный Совет и его история. Ч. 1. От начала XIII ст. до смерти Генриха VIII. СПб., 1888.

[4] *Александренко В. Н.* Английский Тайный Совет и его история. Ч. 2 (1547—1649). Варшава, 1890.

ки». Наконец, в 1897 году в Варшаве вышел в свет самый крупный научный труд В. Н. Александренко этого периода — двухтомная книга «Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в.». В 1899 году Василий Никифорович защитил данный труд в Московском университете в качестве докторской диссертации. Среди ученых, давших лестные отзывы на его докторское исследование, был, в частности, профессор П. Г. Виноградов.

Изучая правовое положение дипломатических агентов, Александренко не ограничивался догматическим анализом соответствующих международно-правовых норм, но старался познакомиться с практикой дипломатических отношений, узнать их историю[1]. По мнению Е. В. Спекторского, он был «прежде всего и по преимуществу историк — историк по призванию и притом историк-исследователь, умевший искать и находить, умевший обогащать науку»[2].

После того как Александренко получил степень доктора международного права, его избрали на должность ординарного профессора Императорского Варшавского университета. В этой должности он пребывал до конца своих дней.

Международное право оставалось одним из главных направлений научных исследований В. Н. Александренко и в дальнейшем. В первые годы XX века он опубликовал целую серию работ по различным вопросам данной науки[3]. Но этой сферой научной юриспруденции его исследования не ограничивались.

---

[1] Некоторые из работ В. Н. Александренко по истории дипломатических отношений были опубликованы в иностранных журналах. См., например: *Aleksandrenko V. N.* Beiträge zur Geschichte der diplomatischen Verhandlungen zwischen Russland und England im XVIII. Jahrhundert // Jahrbuch der Internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftlehre. Berlin, 1898. Bd 4. S. 227—244. Bd. 8. 1902—1905. S. 409—425. См. другие публикации В. Н. Александренко на иностранных языках в библиографии по международному праву, опубликованной в издании: *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917) / Научный редактор У. Э. Батлер, ответственный редактор В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2005. С. 616—619.

[2] *Спекторский Е. В.* Памяти В. Н. Александренко. С. 2.

[3] См.: *Александренко В. Н.* Кодификация законов и обычаев войны и гаагская конференция // Вестник права. 1901. Кн. 6. С. 82—87; *его же.* Внешняя политика Северо-Американских Соединенных Штатов и учение Монроэ // ЖМЮ. 1903. № 4. С. 125—150; *его же.* О подданстве и натурализации. Варшава, 1904; *его же.* О высылке иностранцев. СПб., 1905; *его же.* Очерки международного административного права. Принципы и органы. Вып. 1. Руководящие принципы // Варшавские университетские известия. 1905. № 3. С. 1—32. № 4. С. 33—60. И отдельное издание: Варшава, 1905; *его же.* Очерки по истории науки международного права.

По словам В. В. Есипова, Василий Никифорович «был еще, несомненно, самым лучшим знатоком столь серьезного для России (и прежде, а в особенности теперь[1]) восточного вопроса. Это была одна из любимейших тем его исследований и бесед, во время которых он горячо и патриотически увлекался этим вопросом со всем пылом чисто юношеского настроения. Еще в 1908 году напечатал он в "Варшавском дневнике" ряд интереснейших статей под общим заглавием "Босфор и Дарданеллы"»[2].

В последние годы своей жизни Александренко вел интенсивные исследования в области политической истории России, главным образом, эпохи "Смутного времени" и периода правления Петра I. В этих исследованиях с особой силой проявился его аналитический талант. Василий Никифорович сумел найти новые документы, освещавшие историю Смуты с принципиально новой точки зрения. Он обратил внимание на то, что в свите лже-Дмитрия наряду с представителями высшего католического духовенства находились и рядовые священнослужители, в основном, из Пруссии, которые не слали дипломатических реляций римскому папе, приукрашивавших истинное положение дел, но писали обыкновенные письма своим родственникам. В этих письмах они сообщали о том, что видели вокруг себя, делились своими впечатлениями о событиях, происходивших в России. Очевидно, что подобные, всецело бытовые, письма давали более верное отражение реальностей эпохи, нежели официальные депеши должностных лиц далекому и высокому начальству. В поисках таких писем Александренко отправился в города Пруссии, куда они слались, и там — в местных архивах — сделал немало интересных открытий. Он уже начал готовить к публикации обнаруженные им новые материалы по истории "Смутного времени" и кое-что из них опубликовал[3], но тяжелая болезнь — рак пищевода — и последовавшая за ней (18 июля 1909 г.) смерть прервала многообещавшую работу ума и сердца талантливого русского правоведа.

А. Джентили и Г. Гроций // ЖМНП. 1906. № 5. С. 109—124; Европейские державы и Польша в начале XIX в. (1807—1815). СПб., 1908 и др.

[1] То есть в 1913 г.

[2] *Есипов В. В.* Материалы к истории Императорского Варшавского университета. Варшава, 1913. С. 38—39.

[3] См.: Материалы для эпохи Смутного времени, извлеченные из разных авторов / Перевод и примечания профессора В. Н. Александренко. Варшава, 1909.

Интернет-магазин издательства «Зерцало»
http://zercalo.net

По вопросам приобретения книг издательства «Зерцало»
и Издательского книготоргового дома «Зерцало-М»
обращаться по телефонам:
(495) 689-75-36
(495) 689-72-45 (факс)

Томсинов Владимир Алексеевич

Российские правоведы XVIII—XX веков: очерки жизни и творчества

Том 2

Корректор — *Т. В. Кочемасова*
Компьютерная верстка — *А. В. Плотников*

Издательство «Зерцало»
Подписано в печать 19.01.2015.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Печ. л. 29,5.
Тираж 200 экз. Заказ № 1547

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Русское юридическое наследие